Кир БУЛЫЧЁВ

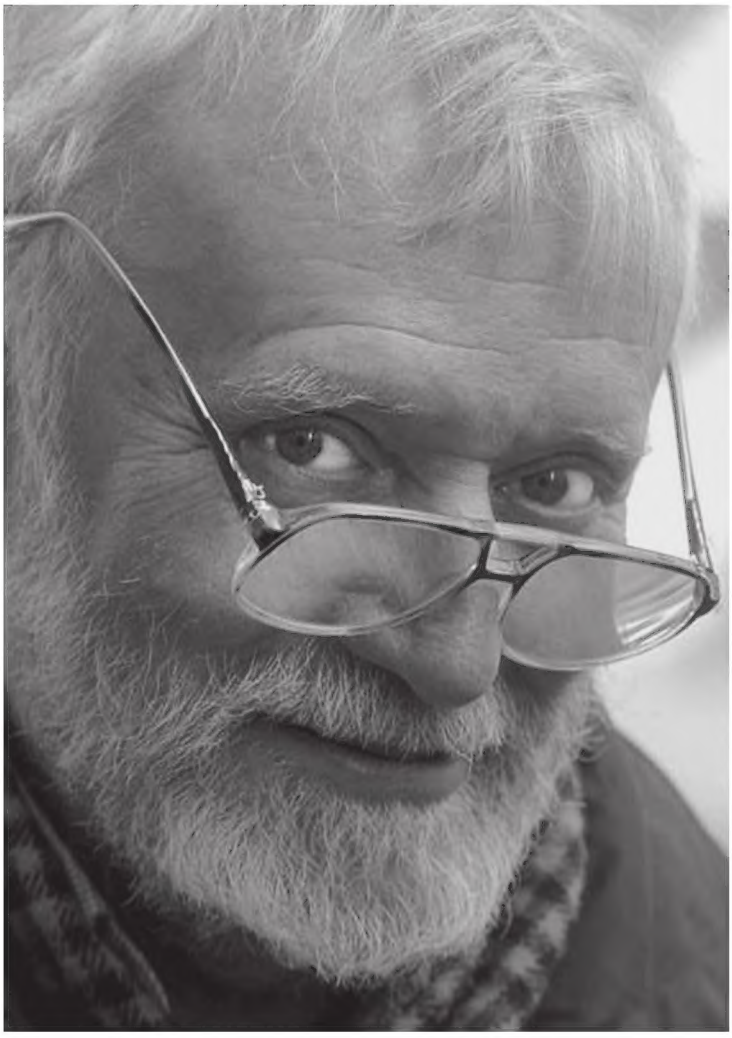
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ

Свыше 360 иллюстраций Евгения Мигунова
к повестям и рассказам «Привидений не бывает»,
«Гость в кувшине», «Планета для тиранов»,
«Опасные сказки», «Древние тайны»,
«Пашка-троглодит», «Алиса и чудовище»
и «Алиса в Гусляре»

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кир Булычёв

Приключения Алисы IV



Кир Булычёв
(1934–2003)

Кир Булычёв

Приключения Алисы

Иллюстрации
Евгения Мигунова

Творческое объединение
Алькор

Совместный проект издательства СЗКЭО
и переплетной компании
ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Санкт-Петербург
СЗКЭО

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б90

Первые 100 пронумерованных экземпляров
от общего тиража данного издания переплетены мастерами
ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен
из натуральной кожи особой выделки растительного дубления.
Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.
Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.
6 бинтов на корешке ручной обработки.
Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи,
форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmero
с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока
с трех сторон методом механического торшонирования
с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.
Оформление обложки пронумерованных экземпляров
разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Б90 **Булычёв К. Приключения Алисы.** — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2023. — 896 с.: ил.

Четвертая книга в серии БМЛ о приключениях Алисы Селезневой — героини, придуманной писателем-фантастом И. В. Можейко, который обычно выступал под псевдонимом Кир Булычев — включает семь повестей: «Привидений не бывает», «Гость в кувшине», «Планета для тиранов», «Опасные сказки», «Древние тайны», «Пашка-троглодит», «Алиса и чудовище», а также рассказ: «Алиса в Гусляре». Рисунки в книге выполнены талантливым художником и новатором отечественной мультипликации Е. Т. Мигуновым.

ISBN 978-5-9603-0954-7 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0955-4 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2023
© К. Булычёв, наследники, 2023
© Е. Т. Мигунов, наследники, 2023

Приключения Алисы

Привидений не бывает

Глава первая
ПРИЗРАК БРОДИТ ПО БУЛЬВАРУ

Была середина декабря. В московских переулках, во дворах и в парках насыпало много снега. К счастью, за последние годы XXI века удалось заштопать озоновые дыры, вычистить воздух и воду, закрыть дымные и вредные заводы. Человечество вздохнуло свободно, зимы в Москве снова стали морозными и снежными, а небо звездным и прозрачным. По нему проносились флаеры и лайнеры.

На центральных площадях и улицах пластиковые мостовые и тротуары прогревались, там было сухо и чисто, а редкие снежинки, прилетевшие с ветром, испарялись, не успев коснуться земли. Можно было всю зиму гулять в лакированных туфлях.

Но Алиса Селезнева считала, что зимой лучше ходить по снегу. Поэтому она оставила флаер на стоянке за Арбатской площадью, а дальше пошла пешком по лесным тропинкам Гоголевского бульвара. Она шагала не спеша, радуясь тому, как похрустывает снег под подошвами, и любуясь

тем, как фонарики, протянутые меж деревьев, отражаются звездочками в снежинках.

Алиса остановилась перед детской биостанцией. Биостанция была пустынна, лишь в оранжерее горел яркий свет. Зимой всех зверей переводят в Космический зоопарк, где работает Алисин папа, профессор Селезнев. Ведь юные натуралисты не могут бывать здесь каждый день – у них много дел в школе. Правда, после школы сюда обязательно забегает кто-нибудь из ботаников проверить, как идут дела в оранжерее, и покормить волка Гаврюху, который остается на зиму сторожем, потому что любит снег и свободу.

Вот и сейчас Гаврюха, издали почуяв Алису, примчался к воротам. Он часто дышал и глядел на Алису с радостью.

Алиса открыла ворота и вошла на станцию. Гаврюха, приблудный волк, но умница, поднялся на задние лапы, чтобы поцеловать ее в лицо, но Алиса не удержала вес такого большого зверя и с размаху грохнулась на снег. Гаврюха смутился и принялся толкать ее в бок холодным носом, чтобы помочь подняться.

Гаврюха появился на биостанции осенью. Утром натуралисты пришли на станцию и увидели, что он лежит, свернувшись кольцом, у ворот. Сначала его приняли за овчарку, но потом приехал профессор Селезнев и сказал, что это не собака, а настоящий волк. Он хотел было увезти волка, чтобы тот чего-нибудь не натворил. Ведь волки – животные дикие и во взрослом виде не приручаются. Но волк стал просить, чтобы его оставили. Он лежал на земле, прижав морду к песку и виляя хвостом, как собака. Он даже подвывал, как будто хотел что-то сказать, и ребятам стало его жалко. К тому же случилась странная вещь: на выручку к волку прибежали питекантроп Геракл и жираф Злодей, постоянные обитатели биостанции, которые, оказывается, уже были знакомы с волком и подкармливали его как умели.

«Ну если жираф согласен жить с волком, – развел руками профессор Селезнев, – значит, это не волк, а кролик. Теперь осталось решить загадку, как взрослый волк мог очутиться в центре Москвы».

Волк улыбнулся и поднялся на ноги. Он подошел к Алисе и прижался холодным влажным носом к ее ладошке. Алиса погладила его жесткую теплую шерсть.

«Как его назовем?» – спросил тогда Пашка Гераскин.

«Рексом», – сказал Аркаша Сапожков.

«Белый Клык!» – предложила Маша Белая.

Волк медленно поворачивал голову, удивляясь, какие смешные имена придумывают для него. Он скалил зубы, широко улыбаясь.

Пашка Гераскин нахлобучил ему на голову тюбетейку, и волк стал похож на забубенную дворнягу.

«Гаврюха! – воскликнул Пашка. – Его будут звать Гаврюхой, и он станет на биостанции сторожем!»

Все согласились, включая волка.

Так Гаврюха остался на станции. Он охранял ее, гонял ворон, выводил за рукав из оранжереи шалунов, выл на луну, чтобы не слишком светила и не мешала спать зверям и птицам, даже носил в зубах ведра с удобрением для опытов Аркаши с быстрорастущими растениями. Но вот наступила зима, и Гаврюхе стало тоскливо. Если бы не чувство долга, глубоко заложенное в загадочном волке, он бы сбежал в лес. Впрочем, никто не знал, где лежит тот лес, откуда пришел на Гоголевский бульвар мирный волк Гаврюха.

Прошло уже три месяца, как Гаврюха поселился на биостанции...

Поднявшись со снега, Алиса достала из кармана пуховика косточку для Гав-

рюхи, которую завернула для него еще за обедом. Гаврюха благодарно кивнул. Алиса сказала:

– Кушай, не стесняйся.

Волк не любил, когда люди смотрели, как он ест. Почему-то он считал, что это неприлично.

Алиса взглянула на дорожку – следов на ней, если не считать волчьих, не было, хотя обильный снегопад кончился еще засветло. На всякий случай Алиса спросила:

– Пашка Гераскин не заходил?

Волк, придавив косточку лапой, отрицательно покачал головой.

– Сегодня никого не было?

Никого, показал волк.

– Ты ешь, Гаврюха, – сказала Алиса. – Тебе не обидно, что тебя называют Гаврюхой?

Нет, покачал головой волк.

– Тогда я пойду домой, – сказала Алиса.

Она прикрыла ворота на биостанцию, помахала волку и пошла прочь.

Бульвар широк, люди обычно гуляют по центральной аллее. Алисе хотелось побыть одной, и поэтому она выбрала одну из пустынных узких дорожек.

Было еще совсем не поздно. Откуда-то доносилась музыка, ярко светясь, промчался над головой прогулочный флаер, сквозь деревья было видно, как на аллее малыши играют в снежки.

Скоро Новый год. Надо придумывать, кому какие покупать подарки. Это ужасное занятие. Кажется, что все уже подарено в прошлые праздники. А если добавить, что нужно посылать подарки на другие планеты, где есть друзья, – можно голову сломать от напряжения!

Покупать папе новый свитер? Но ведь мама тоже купит ему новый свитер! И почему только папа бросил курить? Он сразу лишил всех родных возможности дарить ему экзотические зажигалки, трубки или коробки с сигарами, которых папа и на дух не переносил...

Задумавшись, Алиса сбилась с пути. Тропинка стала совсем узкой. Она была покрыта тонким слоем девственно гладкого снега, значит, за последний час-два никто здесь не проходил.

Звуки погасли, потому что на их пути стояли разлапистые ели, огни еле проглядывали сквозь хвою. Алиса почувствовала себя неуютно, словно заблудилась в настоящем лесу. Она хотела было засмеяться, но смеха не по-

лучилось... Хоть ты знаешь, что до людей всего триста метров, но сердце замирает...

Впереди была небольшая полянка.

Ели и сосны тесно сошлись, перекрывая все пути к ней.

Алиса раздвинула ветви.

Посреди полянки, на блестящем под звездами и луной снежном покрове, стоял небольшой черный сундук. Старинный, с округлой крышкой, медными уголками и медной скобой, на которой висел, держась открытым ухом, тяжелый железный замок.

Алиса замерла. Если бы она увидела такой сундук под Новый год, она бы решила, что это часть новогоднего карнавала, что вот-вот из-за деревьев выйдет Дед Мороз. Но было лишь шесть часов вечера, середина декабря, и Дед Мороз, если он существует, гуляет где-нибудь по тундре или отдыхает в далекой стране Лапландии.

Алиса подошла к сундуку. Она решила откинуть крышку и посмотреть, что спрятано внутри. Но не успела этого сделать, потому что вдруг ее пронзило ощущение опасности.

Знаете, как бывает: вроде бы ничего не произошло, вроде бы все в порядке, но тебя охватывает страх.

Алисе показалось, что город, который так уютно обступал этот лесбульвар своими кварталами и парками, шумел, пел и смеялся, куда-то исчез.

Наступила такая тишина, которая бывает только в страшном сне.

Алиса сделала два шага к сундуку и услышала, как громко заскрипел снег, будто кто-то вскрикнул под ногами.

Но все же заставила себя подойти к сундуку поближе.

На поляне было темнее, чем в аллеях, – она освещалась лишь луной и звездами, снег казался синим, деревья – черными, а сундук – черным-черным, будто это была не вещь, а провал вместо вещи, открытая дверь в подвал.

И тут же Алиса заметила, что на чистом-чистом снегу были видны следы сапог небольшого размера. Они доходили как раз до сундука. Видно, человек нес на себе сундук, потом поставил его на землю, потоптался рядом... И вдруг увидел что-то такое ужасное, что отпрыгнул от сундука и кинулся бежать.

Все это Алиса прочитала по следам, потому что была хорошим следопытом и в прошлом году провела целый месяц в лагере разведчиков, где

ребят учили, как не заблудиться в лесу, как разжечь костер под дождем, как перейти реку по бревну, как прочитать следы зверей и многим другим, очень интересным и совершенно ненужным, с точки зрения обыкновенных людей, вещам.

Что же могло так испугать небольшого человека?

Почему он бросил сундук и убежал?

Ну хоть бы кто-нибудь заглянул на эту тропинку, ну хоть бы ворона каркнула, хоть бы кошка пробежала... Было пусто, тихо и очень страшно.

Алиса дотронулась до сундука. Он был холодным, но не очень – ничего особенного, деревянный сундук.

Она попробовала приоткрыть его – крышка была в меру тяжелой, как и следовало ожидать. Она послушно поднялась.

Сундук был пуст.

Как жаль, что Алиса не прихватила с собой фонарика – вон что-то круглое поблескивает на дне сундука. Что это? Стекло?

Большая ель взмахнула лапой, стряхнув на землю снежный ком. Тот беззвучно упал вниз, подняв облачко снежной пыли.

«Алиса! – воскликнул внутренний голос. – Уходи немедленно. Тебе грозит опасность!»

Алиса закрыла сундук и тут увидела, что между стволами что-то светится. Холодным, неживым светом.

Светящееся пятно медленно и бесшумно двигалось к Алисе, все вытягиваясь вверх, как столб зеленого света. Было видно, как расступаются ветви деревьев, чтобы пропустить светящееся тело.

Алиса стояла как зачарованная, глядя на зеленоватый столб.

А внутренний голос все требовал, чтобы она уходила. Он буквально визжал от ужаса.

Алиса попробовала отступить, но ноги ее не слушались.

А зеленый столб выплыл на полянку, и Алиса поняла, что он очень похож на человека, которому на голову накинули зеленоватую светящуюся простыню.

Теперь уже можно было разглядеть длинные руки этого призрака, неподвижно висевшие по бокам, и пустые глаза-провалы в светящейся голове.

Раньше Алисе никогда не приходилось встречать привидение. Но, оказывается, для того, чтобы угадать, кто перед тобой, достаточно первого взгляда.

Посреди полянки, на блестящем под звездами и луной снежном покрове, стоял небольшой черный сундук.

Привидение надвигалось на Алису медленно и беззвучно, словно облако. Его светящееся одеяние доставало до самой земли и отбрасывало на голубой снег слабый зеленый отсвет.

Неожиданно Алиса увидела, как в нижней части круглой головы привидения образовалась щель. Это же был рот! Рот становился все больше и больше, как будто привидение примеривалось, как бы ему укусить девочку.

Алиса словно очнулась и попыталась сделать несколько шагов назад, но привидение двигалось все быстрее, и девочка поняла, что ей надо бежать со всех ног, чтобы спастись от неминуемой гибели.

Алиса не стала больше смотреть на привидение, потому что если смотришь на него, то ноги сразу слабеют. Она повернулась и кинулась бежать от привидения по тропинке, в сторону биостанции.

Она неслась со всех ног, но неожиданно ей под ногу попал выступающий из снега корень сосны. Алиса споткнулась о него и рыбкой полетела вперед.

Всей спиной она чувствовала, что привидение близко, и представляла, как оно сейчас ударит ее холодным электричеством, а потом проглотит...

Алиса попыталась подняться и ползти, но руки стали такими слабыми, что она снова растянулась на холодном снегу. Она могла лишь поднять голову и прошептать:

– Помогите!

Поздно, никто ее не услышит!

Но помощь была близка. Алиса услышала частое громкое дыхание и увидела, что, подобно серой молнии, к ней несется громадный пес!

В двух шагах от Алисы пес оттолкнулся от земли и прыгнул вперед.

Раздалось оглушительное шипение и страшный вой.

Алиса вскочила и поняла, что освободилась от ужасной власти привидения. Руки и ноги снова подчинялись ей.

Она чуть было не кинулась бежать дальше – этого хотели ее неразумные ноги.

Но ее умная голова остановила ноги на бегу и обернулась назад.

Она увидела, как, рыча, скалится на привидение приблудный волк Гаврюха. А привидение, извиваясь, испуская небольшие молнии и струи пара, отступало перед злобной атакой Гаврюхи.

– У-у-у-у-у-у! – завыл волк и, припав к земле, пошел на привидение. Алиса подумала, что волку, наверное, тоже страшно, потому что приви-

А зеленый столб выплыл на полянку, и Алиса поняла, что он очень похож на человека, которому на голову накинули зеленоватую светящуюся простыню.

дение – существо из страшного мира темных теней, заклинаний, злых волшебников и оживших мертвецов. А волк – теплый, живой, обыкновенный.

Не отрывая глаз, Алиса следила за борьбой, которая кипела рядом.

Волк прыгнул на привидение, сноп зеленых искр вырвался из призрака, на какую-то секунду враги завертелись в схватке, и Алисе даже показалось, что волк в этой суматохе и сиянии огней превратился на мгновение в человека... снова в волка... снова в человека... снова в волка!

Гаврюха отлетел назад – шерсть его дымилась. Он жалобно завыл.

Но и привидению, видно, пришлось несладко. Оно уменьшилось, будто усохло, оно дрожало, и по нему прокатывались волны зеленого, словно газового, света... Привидение стало удаляться, оно отступало сквозь густые ветви, и лишь зеленые искорки задержались на темных, покрытых снегом лапах елей.

Еще секунда, две... от привидения не осталось и следа.

Стараясь не дрожать, неподалеку стоял отважный и верный волк Гаврюха. Он часто дышал, высунув розовый язык.

– Как я тебе благодарна! – сказала Алиса.

Шатаясь от слабости, она шагнула к нему.

Гаврюха отстранился от Алисы. И она поняла почему. В некоторых местах на спине и боках его шерсть была опалена холодным пламенем. Волку было неловко, что он так некрасиво выглядит.

– Не стесняйся, – сказала Алиса. – Ведь ты меня спасал. Ты не будешь возражать, если я тебя оботру снегом?

Волк покачал головой – он не будет возражать.

Мимо пробегали дети, совсем маленькие. Они перекидывались большим мячом. За ними катилась на колесиках старая няня-робот и кричала:

– Не спешите, мне вас не догнать! Не спешите!

Дети увидели дымящегося волка, на которого Алиса кидала снег, и какой-то мальчик закричал:

– Собачка горит! Надо позвать пожарную команду.

– Она не горит, – поправила малыша девочка. – У нее внутри чайник. Это пар идет.

– Не задерживайтесь! – крикнула няня. – Мячик уже укатился!

Дети сразу забыли о дымящейся собачке и побежали дальше. За ними на двух резиновых колесах покатила старенькая няня-робот.

Алиса осторожно терла волка снегом. Если ему и было больно, он ничем этого не показывал.

– Как ты только услышал! – приговаривала Алиса. – Ты же меня спас. Это было привидение?

Волк кивнул.

– Ты раньше видел привидения?

Волк колебался. Он кивнул, не сразу, но все же кивнул.

– Странно, – сказала Алиса. – Никогда мне не встречались настоящие привидения. Я даже не думала, что они существуют на самом деле. Скажи, волчище, а они опасные?

Волк снова кивнул. И даже зарычал.

Алисе было интересно наблюдать за Гаврюхой. Порой он вел себя как волк и даже выл, а порой – как собака, рычал, вилял хвостом, правда, почти не умел лаять.

– Вот и я думаю, что они опасные, – сказала Алиса.

Волк отряхнулся, как пес, который вылез из речки. Снег полетел в разные стороны.

Алиса подумала, что теперь, конечно же, пойдет домой по главной аллее, а дома первым делом расскажет обо всем отцу. Он, наверное, знает, встречаются ли привидения на Гоголевском бульваре или им с волком это показалось.

– Ты меня проводишь? – спросила Алиса волка.

Тот кивнул.

Они уже собирались идти, как Алиса вспомнила, что сундук все еще стоит посреди поляны.

– А с ним что делать? – спросила она волка.

Волк ничего не ответил. Даже не двинулся. А Алисе показалось, что он пожал плечами.

Алиса продолжала рассуждать вслух:

– Вряд ли кто-нибудь его обронил. Шел, шел, нес сундук, задумался и обронил. Смешно?

Волк улыбался. Улыбаться он умел.

– А может быть, он поставил его на поляне, чтобы приманивать привидения?

Волк молчал.

– Что же делать? Кому рассказать о сундуке? Правильно! Папе! Папа знает все и даже догадается, зачем кто-то бросает на бульваре старинные пустые сундуки.

Пора было уходить, но Алиса никак не могла решиться оставить сундук на произвол судьбы.

И тут из чащи ее окликнули:

– Алиса, это ты?

– Это я. А ты кто?

– Ты с Гаврюхой? – спросил знакомый голос из чащи.

– Да, мы здесь с Гаврюхой.

– А больше никого нет?

– Кто был, убежал, – сказала Алиса.

– Я так и думал, – сказал Пашка Гераскин и вышел на открытое место.

Пашка Гераскин – старый друг Алисы. Они не раз вместе попадали в переделки и пускались в опасные авантюры. Но декабрь – не время для авантюр, надо учиться.

Пашка подошел к сундуку и похлопал его по крышке.

– Никто к нему не приближался? – спросил он.

– Пашка, перестань говорить загадками, – попросила Алиса. – И расскажи все, что ты знаешь.

– А плакать не будешь?

– Не буду.

– И дрожать не будешь?

– Пашка, ты мне надоел. Если ты не начнешь немедленно свой рассказ, я пойду домой.

– Ладно, начинаю, – торжественно произнес Пашка. – Я должен сказать, что у меня появился новый знакомый. Его зовут Иона Ионович Гоц. У профессора Гоца в лаборатории стоял один ценный прибор. Вот этот!

И Пашка показал на сундук.

– Так я и знала, что без тебя не обошлось, – сказала Алиса. – Значит, это ты ходишь ночами по бульвару с сундуком в обнимку?

– Этот сундук – наследство профессора Гоца. Он доверил его мне, но просил не спускать с него глаз. Сначала я хотел отнести сундук домой, но ты же знаешь мою маму!

– Знаю. Она очень хорошая.

– Она неплохая, но не выносит старых и пыльных вещей. А я люблю притаскивать домой старые и пыльные вещи. Еще на той неделе мама сказала, что, если я притащу еще какую-нибудь ископаемую рухлядь, она выставит меня из дому вместе с этой дрянью.

– И ты испугался нести сундук домой?

– Я решил отнести его на биостанцию. Днем будем его стеречь мы с тобой по очереди, а ночью за ним присмотрит Гаврюха. Правильно, волчище?

Но почему-то слова Пашки волку не понравились. Он зарычал, глядя на сундук.

– Гаврюха, ты не прав, – сказал Пашка.

– Продолжай! – попросила Алиса.

– Я как раз собирался тебе все рассказать, но ты меня все время перебиваешь. Постарайся немного помолчать!

– Постараюсь.

– Профессор Гоц уехал в командировку и оставил мне в наследство этот сундук. Так как это не совсем обычный сундук, я решил отнести его в нашу лабораторию. И когда я шел от профессора сюда – только

не смейся! – за мной увязалось привидение! Сейчас ты станешь говорить, что привидений не бывает! Ну говори, говори!

– Я ничего не говорю, – сказала Алиса.

– Странно. Тогда я закончу свой рассказ. Как только я вошел в темный лес, привидение выскочило из чащи и кинулось ко мне. Мне пришлось бежать, потому что я не знаю, как заговаривать привидения! Да и вообще я в них не верю! Ты не смеешься?

– Нет.

– Я подождал немного и осторожно вернулся на полянку. Вот и встретил вас. Ты в это веришь?

– Верю, – сказала Алиса.

А приблудный волк Гаврюха наклонил большую теплую голову в знак согласия.

Глава вторая
ТАЙНА ЧЕРНОГО СУНДУКА

Алиса с Пашкой отнесли черный сундук в лабораторию.

В лаборатории было тепло, прибрано, на длинном столе стоял букет хризантем. Видно, последней дежурила одна из девочек.

Пашка закрыл было дверь перед носом волка, но Алиса сказала:

– Пускай Гаврюха с нами посидит. Ему же скучно одному.

– Вообще-то собакам и волкам не место в комнате, – начал было Пашка. Не потому, что хотел выгнать Гаврюху, а просто у Пашки такая привычка: оставить за собой последнее слово. – Но пускай, в виде исключения, волк побудет с нами.

Сундук стоял посреди лаборатории. Пашка сел на него и вдруг спросил:

– А почему ты так легко со мной соглашалась? Ты же не веришь в чудеса.

– Если бы ты выслушал меня раньше, то не удивлялся бы, – ответила Алиса.

– Я тебя внимательно слушаю.

Волк лег на пол, вытянулся во весь свой двухметровый рост и прикрыл глаза, будто все это его не интересовало, а пришел он в лабораторию погреться.

– Видела я твое привидение, – сказала Алиса. – Привидение как привидение, ничего особенного!

– Значит, ты не его видела! – воскликнул Пашка. – Потому что от настоящего ты бежала бы до самого Черного моря.

– Я и бежала, – засмеялась Алиса. – Только не добежала, потому что встретила Гаврюху.

Алиса голову могла дать на отсечение, что волк улыбается. Голова его лежала на полу меж вытянутых вперед лап, глаза были закрыты, но рот растянулся в улыбку.

Алиса в двух словах рассказала Пашке про свое приключение и закончила так:

– Конечно, это не привидение, но какое-то неизвестное явление. Я сегодня поговорю с папой. Наверняка он знает. Может даже, это чудище сбежало из Космического зоопарка.

– Не утешай себя, Алиса, – сказал Пашка. – Это самое настоящее привидение.

– Их не бывает!

– Привидения бывают. Волк Гаврюха может тебе это подтвердить.

Волк Гаврюха не шевельнулся.

Не дождавшись подтверждения, Пашка продолжал:

– Профессор Гоц отправился к ним в гости. И если там все будет в порядке, я скоро к нему присоединюсь.

Вдруг Гаврюха тихо, но угрожающе зарычал.

– Ему не нравится, – сказала Алиса.

– Что может понимать дикое животное! – отмахнулся Пашка.

Алиса попросила:

– Пашка, если ты начал рассказывать, то рассказывай. Мне домой пора.

– Хорошо, – согласился Пашка. – Ты знаешь, что я хочу стать знаменитым биологом? Может, даже великим. Ты слышала об этом?

Алиса кивнула. Гаврюха открыл один глаз, чтобы посмотреть на будущего великого биолога.

– Для этого я полетел наблюдателем на конгресс по изучению чудес на Гавайях. Доклада я не делал – зачем удивлять моим жизненным опытом коллег? Но все выслушал и узнал немало интересного. И, кстати, познакомился там с профессором Гоцем. Он не очень старый, ему лет сорок, но очень талантливый. Мы с ним купались в океане, катались на досках

по волнам прибоя и даже забирались в жерло действующего вулкана. Считай, что мы с ним подружились. Мне кажется, что Иона Ионович выбрал меня своим научным наследником.

– А чем занимается твой новый друг? – спросила Алиса.

– Он изучает биологию привидений.

– Где же он их берет?

– Вот в этом и заключается главное открытие моего друга.

– Оно секретное? – спросила Алиса.

– Нет, но о нем нельзя никому рассказывать.

– И мне тоже?

– Нет, – ответил Пашка, – ты – исключение. Хотя бы потому, что ты уже видела настоящее привидение. И сейчас ты станешь единственным, кроме меня, человеком на Земле, который посвящен в открытие профессора.

Пашка вытащил из кармана кассету.

– А почему сам профессор нам не может рассказать?

– Потому что профессора с нами, к сожалению, нет, – ответил Пашка. – Он отправился в командировку. Я же говорил об этом!

– Может, подождем его возвращения? – спросила Алиса.

– И ты не хочешь узнать, откуда берутся привидения?

– Конечно, я хочу узнать!

– Тогда возьми кассету и посмотри на нее.

Алиса послушалась.

– Ничего не видишь?

– Я вижу на кассете надпись: «Для Павла Гераскина».

– Теперь ты веришь, что я имею право показать тебе кассету?

– Как она попала тебе в руки?

– Профессор мне позвонил вчера и просил обязательно заглянуть после школы. Конечно же, я побежал к нему. Я постучал, дверь сама отворилась. Автосекретарь сказал мне, чтобы я прошел в кабинет. Посреди кабинета на полу стоял вот этот черный сундук. На нем лежала кассета. Автосекретарь попросил меня просмотреть кассету. Я просмотрел и решил, что надо показать ее тебе. Будешь смотреть?

– Конечно. Ты меня заинтриговал.

– Я и сам еще не все понимаю, – сказал Пашка. – Лишний раз посмотреть не помешает.

Он вставил кассету в щель под стенным экраном. Потом уселся на сундук. Алиса устроилась на полу, прислонившись к теплому мохнатому боку волка.

На экране появилось лицо худого, сутулого человека. Можно было подумать, что он все еще растет, но неравномерно. Затылок вырос так, что голова стала тыквочкой, и редких волос не хватало, чтобы прикрыть макушку. А руки и ноги вылезли из брюк и рукавов. Взгляд у профессора рассеянный, потому что он был погружен в свои сложные научные мысли.

«Здравствуй, Павел, – сказал профессор. – Я надеюсь, что ты смотришь мою пленку. Мой отъезд в параллельный мир был таким поспешным, что я не успел с тобой повидаться».

– Параллельный мир? – удивилась Алиса.

– Погоди! – остановил ее Пашка.

«Не удивляйся моим словам, – продолжал профессор Гоц. – Параллельный мир существует. И таких миров много. Один из них соприкасается с нашим настолько тесно, что при определенных условиях можно перемещаться из одного мира в другой».

Профессор Гоц замолчал и закрыл глаза, словно вспоминал. Потом откашлялся и заговорил дальше:

«Когда люди говорят о параллельных мирах, они обычно думают, что в параллельном мире и в нашем все одинаковое или почти одинаковое. Может быть, это именно так в тех мирах, куда пока невозможно добраться. Но параллельный мир, соприкасающийся с нашим, – совсем другой. Хотя ты о нем знаешь. И каждый человек на Земле тоже о нем знает. Я туда уже перемещался и потому могу тебе все заранее объяснить. Физические законы, по которым построен параллельный мир, отличаются от земных. То, что у нас считается сказками и выдумками, для жителей параллельного мира – самая обыкновенная реальность. С детства я увлекался книжками и фильмами о привидениях, вампирах, таинственных замках, князе Дракуле и чудовище Франкенштейне. Я знал, что всего этого не существует. Но ведь все, что не существует, откуда-то произошло! Люди ничего на самом деле не выдумывают. Они только берут то, что известно. И кое-что в этом меняют. Люди не способны изобрести даже кенгуру!»

Почему-то неспособность людей изобрести кенгуру очень рассердила профессора. Резким движением он откинул со лба упавшую прядь черных волос и отпил воды из стакана, стоявшего перед ним.

«Еще когда я учился в школе, я понял: люди не могли изобрести привидение! Они слишком для этого тупые! Им не придумать оборотней и мертвецов, которые встают из могил, русалок, которые заманивают путников в глубокие омуты... нет, людям никогда не придумать весь мир чудесных тайн и страшных явлений, о которых так хорошо умеют рассказывать дети... Но если люди не придумали привидения, то откуда они их взяли? И я догадался – значит, они где-то живут. Ну, допустим, они сохранились в непроходимых джунглях острова Сулавеси. Но непроходимых джунглей на Земле уже не осталось... Может, это просто память о том, кто когда-то жил на Земле, а потом вымер, как мамонты? Но ведь люди никогда не рассказывают историй про то, что мамонты водятся на Чукотке или в Антарктиде. Но любят поведать о том, как в покинутом доме поселилось привидение и всех перепугало».

Профессор Гоц перевел дух, окинул слушателей яростным черным взглядом, словно мог их видеть, и продолжил:

«Я посвятил изучению привидений половину жизни. А может, и больше. Я собрал все книги, в которых говорилось о привидениях, призраках и вампирах. Я ввел все эти данные в компьютер... И ничего не до-

бился. Но я не отчаивался. Я понимал, что у меня осталось еще несколько десятилетий жизни, которые я могу посвятить любимому делу – охоте за привидениями. А если со мной что-нибудь случится, если я погибну на этой опасной охоте, то у меня теперь есть молодой друг и помощник, юный охотник за привидениями, бесстрашный Павел Гераскин».

Профессор Гоц закрыл глаза, давая возможность Пашке прочувствовать похвалу. Пашка, конечно же, прочувствовал, зажмурился и стал похож на сытого кота. Разве не приятно, когда взрослый профессор говорит, что ты его бесстрашный помощник?

«И вот мои многолетние поиски наконец принесли плоды. После встречи с тобой на Гавайских островах, мой мальчик, мне прислали одну очень древнюю рукопись. Ее написали монахи монастыря Святого Иакова, который затерялся в глубине Карпатских гор, в самом сердце Румынии. В те времена и Румынии еще не было, а на том месте располагалось Валашское княжество. Говорят, что именно там чаще всего и встречались оборотни, вампиры и привидения. И даже сам князь тех мест Влад Дракула был дружен с нечистой силой. Один из монахов, по имени Георгий, был очень любопытным человеком. Он решил проверить слухи о привидениях. И если где-нибудь в окрестностях люди говорили, что видели

необычное свечение или ожившего мертвеца, монах садился на своего серого ослика и ехал туда. Несмотря на то что прошло много сотен лет, я преклоняюсь перед этим отцом Георгием – он был самым настоящим ученым. Он завел карту тех мест и отмечал на ней крестиками те пункты, где появлялась нечистая сила. Эта карта лежит у меня. Смотрите!»

Профессор Гоц поднес к экрану серый лист, на котором чернилами грубо были нарисованы горы и горки, извивы рек и леса. По всей карте были разбросаны небольшие крестики. И видно было, что особенно густо они скопились в одной из горных долин.

«Отец Георгий решил, что место, где люди чаще всего видели привидения, и есть их гнездо, или логово. И этот отважный борец с нечистой силой взял с собой крест, сосуд со святой водой, молитвенник, взвалил на ослика мешок с сушеными овощами, кислой капустой и прочими простыми продуктами и отправился прямо в гнездо привидений.

Оказалось, как выяснил монах, что привидения чаще всего выходят из развалин замка, в котором когда-то жил и умер граф Влад Дракула. Девять дней и девять ночей отец Георгий просидел в засаде возле развалин. Стояла холодная, дождливая осень. Монаху надо было укрыться от дождя, и он соорудил себе шалаш из еловых веток. На десятый день в густых сумерках он увидел, как из развалин замка выползает зеленоватое привидение. Отец Георгий вышел навстречу ему, подняв крест и разбрызгивая святую воду. Привидение от неожиданности отступило. Отец Георгий решил, что отогнал нечисть. Но не ушел, несмотря на то что ему было страшно. Он все записывал на лист пергамента, который взял с собой. На следующий день привидение привело с собой подкрепление, и это плохо кончилось для монаха. Когда встревоженные братья из монастыря наконец отыскали тело брата Георгия, они увидели, что он весь обожжен, крест обгорел, ряса разорвана. И самое удивительное – в теле брата Георгия не осталось крови. Монахи назвали отца Георгия мучеником и написали о нем труд, который и попался мне совсем недавно. Для меня находка этой рукописи, – продолжал профессор Гоц, – была большой и давно ожидаемой радостью. В сентябре этого года я собрался и полетел в Румынию, в глубь Карпатских гор, где когда-то располагалось княжество Валахия.

Конечно же, те места далеко не так заброшенны, как пятьсот или шестьсот лет назад. Теперь тут немало санаториев, лыжных баз, горных приютов для туристов. И все же сохранились земли, где санаториев не строят

Мне прислали одну очень древнюю рукопись. Ее написали монахи монастыря Святого Иакова, который затерялся в глубине Карпатских гор, в самом сердце Румынии.

и даже деревень нет. До сих пор местные люди туда заглядывать не любят. И на окраине тех мест стоит давным-давно заброшенный, но реставрированный монастырь Святого Иакова. Теперь прошу тебя быть внимательным...»

Профессор продолжал говорить, но его лицо на экране исчезло, а вместо него появились заросшие лесами горы.

«Конечно, ты понимаешь, – слышался голос профессора, – что я взял с собой не крест и не святую воду, а несколько бутербродов, хороший фонарь и теплые башмаки. И, конечно же, я запасся съемочной аппаратурой. С этого момента я буду показывать тебе, мой юный друг, не свое скучное лицо, а пейзаж и строения, которые попались мне на глаза».

На экране были видны проплывавшие внизу горы.

«Как вы понимаете, – продолжал профессор, – я полетел к монастырю Святого Иакова на флаере, чтобы не терять времени. Тем более что была уже середина дня, а мне хотелось до темноты вернуться в отель».

Внизу показалось несколько невысоких каменных строений, окруженных стеной. В середине возвышалась церковь с крышей, похожей на пирамидку.

Флаер спустился к церкви, и к профессору подошел старый монах, который спросил что-то по-румынски. Ни профессор, ни слушатели румынского языка, к сожалению, не знали. О чем профессор и сообщил старику по-французски: он знал, что румынский язык немного похож на французский и все образованные румыны обязательно говорят по-французски.

– Этот монастырь закрыт, сюда редко приезжают гости. Что же привело вас сюда, уважаемый гость? – спросил по-французски монах.

– Меня привела старинная рукопись, – ответил профессор. – Рукопись написана в вашем монастыре в 1623 году и повествует о том, как монах вашего монастыря отец Георгий искал и нашел привидения, но, к сожалению, погиб, потому что не смог их победить.

– Неужели вы знаете о борьбе отца Георгия с дьяволом? – удивился старик.

– Более того, – сказал профессор, – я хочу сам отправиться туда, где погиб отец Георгий, и увидеть место, откуда выходят привидения.

– Это очень опасно, – вздохнул старый монах.

– Значит, привидения и сейчас появляются?

– Я не могу вам этого сказать... – Видно было, что старик не хочет лгать, но и не может сказать правду.

Отец Георгий вышел навстречу ему, подняв крест и разбрызгивая святую воду.

– Я посвятил всю жизнь поиску привидений, – сказал профессор. – Я хочу понять, что же они представляют собой на самом деле? Есть ли они или только кажутся воображению людей?

– Это опасно, – повторил старик.

– Я буду осторожен. Подумайте, брат Георгий погиб пятьсот с лишним лет назад. Сегодня у меня есть средства защитить себя.

– Разве можно защитить себя чем-то, кроме креста, от нечистой силы? – удивился старик.

– К сожалению, крест не помог брату Георгию, – заметил профессор.

– Все бывает...

– Может быть, вы подскажете мне дорогу до развалин замка Дракулы? – спросил профессор.

– Вы и это знаете?

– Большой тайны в том нет, – сказал профессор. – Я давно собирался сюда прилететь. Ведь о хозяине замка князе Дракуле написаны книги, сняты фильмы ужасов – считается, что он прожил пятьсот лет! И нет ничего удивительного, если привидения водятся именно там.

– Долгое время никто не слышал в наших местах о привидениях, но в этом году охотники и туристы уверяют, что видели странных существ. Кто они, мы не ведаем, – ответил монах.

Он вздохнул. Понял, видно, что упрямый гость отыщет путь к замку и без его помощи. Поэтому он объяснил по карте, как долететь до замка. Профессор поблагодарил его и вернулся к флаеру.

Развалины замка были недалеко – несколько километров. Флаер уже спускался к каменным развалинам, так заросшим лесом, что если не знать, то нипочем не догадаешься, что здесь когда-то стоял замок.

«Три дня я провел у этих развалин, – продолжал свой рассказ профессор. – Я таился в лесу, потому что не хотел, чтобы меня заметили. Конечно, ты можешь, Паша, спросить, почему я надеялся отыскать привидения в развалинах? Ведь прошло столько лет! Но я тебе вот что скажу: если ты ищешь сосновый лес, то его лучше всего искать там, где леса были раньше. Если ты хочешь найти муравья, то отправляйся в те края, где жили муравьи, а если где-то и можно встретить привидение, то, наверное, там, где когда-то водились всякие чудовища.

И вот мое терпение было вознаграждено! Вечером в густых сумерках, под мелким осенним дождем, показался зеленоватый светящийся столб – это был призрак! Он двигался к развалинам. Значит, привидение уже

погуляло, побывало в разных местах и теперь спешило к себе в логово. Но в логово ли?

Осторожно, стараясь не попасться на глаза привидению и не погибнуть, как несчастный брат Георгий, я двинулся следом за ним. Сердце мое билось, руки дрожали от нетерпения и радости! Ведь наконец-то сбылась моя мечта! Я встретил привидение!»

Профессор Гоц снова включил камеру, и зрители увидели сумеречный лесной пейзаж. Впереди поднимались остатки каменных стен, заплетенные повиликой и диким виноградом. И на фоне этих развалин был отлично виден удаляющийся зеленоватый столб – привидение!

– Привидение! – закричала Алиса.

Волк вскочил и зарычал.

– Привидение! – повторил Пашка. – Я его сегодня видел!

Профессор между тем продолжал:

«Я вошел в развалины, не зажигая фонаря, потому что не знал, насколько хорошо привидения видят. Ведь сказки и легенды расходятся в этом».

Вокруг стало совсем темно – лишь впереди было видно сияние. Профессор пробирался следом, стараясь не шуметь, но порой он наступал на камень или сухую ветку – и замирал, опасаясь, что привидение обернется и заметит его.

«Я вступаю в подземный коридор, – прошептал профессор. – Под ногами ровный каменный пол. Над головой низкий свод. Я могу коснуться его рукой. С него падают капли».

Вдруг привидение впереди остановилось. Сразу остановился и профессор.

«Я боюсь подходить ближе, – тихо произнес профессор. – Подождем, пока привидение возобновит движение».

Но привидение дальше не пошло.

Оно что-то делало вдали, покачивалось, изгибалось, словно танцевало. Потом вдруг стало уменьшаться ростом, словно проваливаться под пол.

После минутного колебания профессор поспешил вперед. Он вошел в низкий округлый подвал, но не увидел там никакого привидения. А вход в подвал был только один – через который и вошел профессор.

Подвал напоминал склад ненужных вещей – там были свалены стулья и столы со сломанными ножками, разломанные шкафы и кровати, сун-

дуки, ящики, просто доски... И тут профессор заметил гаснущее сияние – оно исходило из приоткрытого черного сундука.

Профессор подбежал к сундуку и заглянул внутрь. Он успел увидеть зеленую искорку, которая пропала на дне сундука. И сундук превратился в одну из забытых здесь когда-то вещей.

«К счастью, – сказал профессор, – у меня с собой были некоторые физические приборы. Я сразу измерил электромагнитное, биологическое и электрическое поля снаружи и внутри сундука. И приборы показали, что сундук этот необыкновенный – он излучал всевозможные поля, как будто был мощной энергетической установкой неизвестного типа.

Я понял, – продолжал профессор, – что в этом сундуке, возможно, и скрывается разгадка тысячелетней тайны, к которой я наконец-то приблизился. Ты меня понимаешь, Павел Гераскин?»

– Да, я понимаю! – откликнулся Пашка, забыв, что профессор его не слышит.

«С большим трудом я вытащил сундук из развалин и на флаере привез его домой.

Возле сундука я поставил камеры, которые должны были заработать, как только из него покажется привидение. А тем временем я советовался со всеми знаменитыми физиками, надеясь, что они мне помогут.

На шестнадцатый день после того, как я привез сундук домой, одна из камер заработала. Я услышал сигнал и примчался, даже не надев халата. Сам я никого не застал, но когда проверил пленки, то оказалось, что крышка сундука приоткрылась, из него полилось зеленоватое сияние, привидение приподнялось, огляделось и тут же вновь спряталось в сундуке. И как я ни искал его, найти не сумел.

Уже три месяца черный сундук стоит у меня дома. Я сам видел, как в него спряталось привидение, а потом исчезло. Моя камера заметила,

что другое или то же самое привидение собиралось выйти из сундука, но, видно, ему не понравилась обстановка, и оно спряталось вновь. И не оставило никаких следов. Где прячутся эти привидения?

Я расспросил тысячу ученых, пока не отыскал знаменитого японского физика Фукиду. Когда он услышал о моих приключениях, то буквально загорелся – он стал просить меня, чтобы я показал ему черный сундук.

Мы отвезли сундук в институт Фукиды, и японский физик после двух недель работы заявил, что этот сундук вовсе не сундук. А дверь в параллельный мир».

– Что-то сундук не похож на дверь, – сказал Пашка, будто профессор Гоц мог его услышать.

«Конечно, дверь – условное слово, – словно услышал вопрос профессор. – Фукида рассказал мне, что, когда миры прикасаются друг к другу, происходит удивительное явление. Если смотреть из нашего мира на параллельный, то он умещается на острие булавочной головки. Но стоит тебе перейти в параллельный мир, наш мир станет для тебя таким маленьким, что может поместиться в булавочной головке.

А черный сундук – вовсе не сундук. Именно он и есть та точка, в которой можно перейти из одного мира в другой. Привидения иногда пользуются этим переходом. Но откуда они знают об этом? – спросишь ты.

На то они и привидения! Кстати, анализы показали, что сундук страшно древний, ему уже тысяча лет. И если открыть сундук и внимательно присмотреться к нему, то увидишь, что в его дно вставлено небольшое каменное кольцо. Это каменное кольцо и называется Вратами. Давным-давно какой-то мудрец, знавший о переходе между мирами, вставил каменное кольцо в дно сундука и спрятал его таким образом от любопытных глаз. Ведь каменное кольцо могут украсть, оно может потеряться, а сундук потерять куда труднее. Так что, Паша, я оставляю тебе самые настоящие Врата, соединяющие два мира. Будь осторожен, хотя ты, возможно, мне не веришь».

– Это все теория! – заявил Пашка.

«Физике приходится верить. Она – наука точная. Ее законы правят миром. И если физика считает, что наши миры соприкасаются, значит, это так. Меня же интересует другое – как добраться до привидений».

– А как? – спросил Пашка.

«А добраться до привидений можно, только увидев, что же лежит за Вратами. Что за мир там? Я хочу увидеть привидения у них дома, пощу-

пать их, измерить, понять! Я хочу получить Нобелевскую премию по биологии! Я хочу, чтобы в энциклопедии написали: «Иона Гоц – открыватель нового мира!» Паша, ты должен дать мне слово, что не выдашь меня!»

Профессор Гоц насупил брови и уперся взглядом в зрителей. Алиса даже глаза отвела.

– Не выдам! – поклялся Пашка.

«Теперь пойми самое главное! Я вернусь через три дня! А потом мы с тобой организуем замечательную экспедицию в параллельный мир. Но пока я в разведполете, ты обязан беречь сундук пуще своего ока. Без него мне не вернуться домой! Без него я сгину в чужом мире, и открытие не состоится. Ты понял?»

Пашка молча кивнул.

«Не спускай с сундука глаз ни днем ни ночью! Три дня! Только три дня! Обещаешь? Жди меня!»

Экран погас.

Профессор исчез.

Наступила тишина.

– Теперь ты меня понимаешь? – спросил Пашка.

– Конечно, я тебя понимаю, – ответила Алиса. – Но я не уверена, что другие тебя также поймут.

– Поэтому я перед тобой открыл все карты, – сказал Пашка.

Алиса подошла к сундуку и подняла крышку, чтобы лучше разглядеть каменное кольцо на его дне.

Пашка тем временем продолжал свой рассказ:

– Я подумал, ну как мне охранять сундук три дня и три ночи? Переселиться в квартиру профессора Гоца? А что скажет мама?

– Да, – согласилась Алиса. – Твоей маме уже давно надоели твои приключения. Она мне жаловалась.

– И кому она только не жаловалась! И хуже всего, что в школу пожаловалась, – вздохнул Пашка. – Так что, ты понимаешь – я не мог перетащить сундук домой. Я не мог переселиться к сундуку поближе. Мне оставалось лишь отнести сундук в безопасное место. А где оно?

– И тебе кажется, – сказала Алиса, – что самое безопасное место – это лаборатория биостанции?

– Вот именно! Лаборатория запирается, ни одно привидение туда не заберется, а к тому же ее охраняет волк Гаврюха.

– Ты возражаешь? – спросила Алиса.

Гаврюха отрицательно покачал головой.

– Только закрой его, Пашка, – велела Алиса. – А то еще какое-нибудь привидение выскочит.

– А ты думаешь, что они сквозь стены не могут проходить? – спросил Пашка.

Алиса не успела ответить, как зарычал Гаврюха.

И было из-за чего рассердиться приблудному волку: сквозь открытую форточку с улицы в комнату вползало привидение.

Оно было похоже на светящуюся гусеницу.

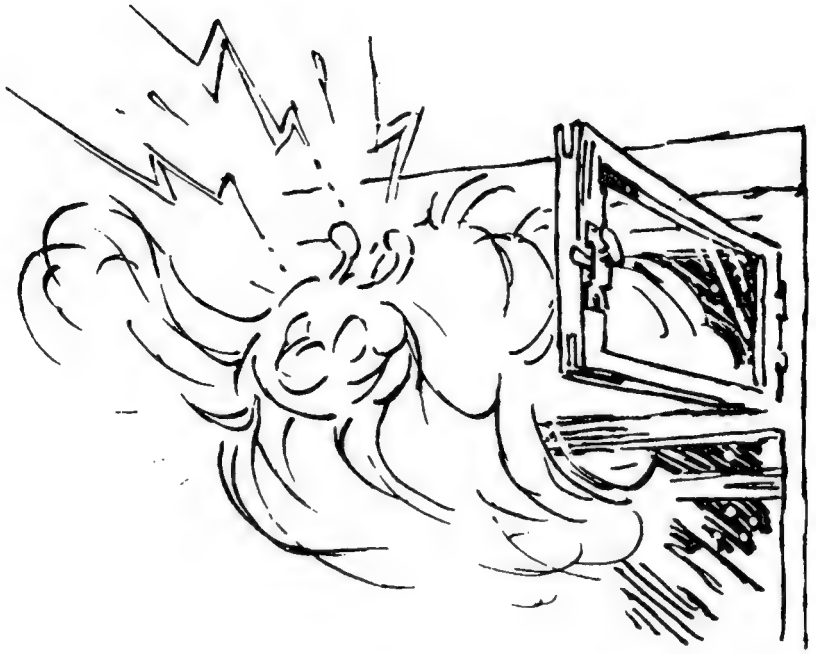
В лапе привидение держало ананас. Ананас застрял в форточке, и привидение начало дергаться, извиваться, чтобы протащить его в лабораторию.

Приблудный волк кинулся было на привидение, но Алиса схватила его за ошейник и потащила обратно.

– Помоги мне его удержать! – крикнула она Пашке.

– Да оставь ты его и беги! – откликнулся Пашка. – Оно нас убьет.

– Гаврюшечка! – взмолилась Алиса. – Не рвись, потерпи. Нам же нужно с тобой узнать, может ли привидение пройти сквозь стенки сундука!



Волк сразу понял ее. Куда быстрее, чем Пашка. Он сразу сел и лишь молча скалился, а Алиса метнулась к сундуку и закрыла его. А так как привидение, которое наконец пролезло в форточку, было совсем близко, Алиса отпрыгнула в сторону под защиту волка.

Привидение не обратило никакого внимания на то, что в лаборатории горит свет и находятся чужие. Оно подплыло к сундуку и попыталось втиснуться в щель, затем ткнулось в замочную скважину.

Если бы это не было самое настоящее и даже опасное привидение из параллельного мира, Алиса бы засмеялась, настолько забавно привидение пыталось пролезть в сундук.

Но никто не смеялся.

От привидения пахло электричеством, а по комнате пролетали зеленые искры. Привидение было сильным, но неумелым и несообразительным. Оно билось о сундук, даже двигало его по полу, но не могло догадаться потянуть за язычок, чтобы открыть крышку.

Может быть, прошла минута, может, больше. Привидение отчаялось пролезть в сундук и стало кружиться вокруг него, как оса вокруг закрытой банки с медом.

Прижимаясь к полу, волк двинулся к призраку.

Когда до привидения оставался всего метр, Гаврюха зарычал, привидение заметило волка и начало угрожающе к нему клониться.

Оно стало похоже на зеленую кобру перед нападением.

Алиса ринулась к сундуку за спиной привидения.

– Не смей! – закричал Пашка, который прятался за шкафом. – Это же опасно!

Но Алиса надеялась, что привидение не видит ее. Она протянула руку и откинула крышку сундука. И тут же отпрыгнула назад.

Привидение услышало стук крышки и развернуло, как гусеница, верхнюю половину тела.

Открытый сундук так удивил и обрадовал его, что привидение забыло о волке и немедленно перетекло в сундук. Оно стало жидким, и казалось, сундук до половины наполнили светящимся зеленым газом, в котором плавает большой ананас.

Из сундука донеслось шипение.

– Я знаю, на что это похоже, – заявил Пашка, выйдя из-за шкафа и приблизившись к сундуку. – Как будто грязная вода из ванны уходит.

Но привидение его не слышало. А если и слышало, то не обратило внимания на эти слова.

Оно исчезло. Сундук был пуст.

– Поздравляю вас, господа! – произнес Пашка Гераскин. – Вы присутствовали при замечательном эксперименте. Вы наблюдали переход привидения в параллельный мир.

– Спасибо, что объяснил, – ответила Алиса. – А то мы с Гаврюхой не догадались. Но мне важно другое – я доказала тебе, что привидения не могут перейти из мира в мир, если сундук закрыт. Им необходимо, чтобы была хотя бы щель.

– Ну и что? – спросил Пашка.

– А то, – сказала Алиса, – что мы можем спокойно закрыть сундук и не бояться, что всякие неприятные твари вылезут из него и будут гулять по Москве.

– Ты права, – согласился Пашка. – Я тоже так подумал. К тому же я узнал: это привидение, которое на меня напало. И на тебя тоже. Нам удалось вернуть его туда, откуда оно пришло.

– А ты уверен, что это то же самое привидение? А вдруг их было три и два еще остались у нас?

Пашка нервно обернулся, но потом решил, что Алиса шутит. Но на всякий случай он спросил:

– Ты шутишь, правда?

– Шучу, – согласилась Алиса. – Посмотри на Гаврюху, и ты поймешь, почему привидений больше не осталось.

– Почему? – Пашка поглядел на волка, но ничего не понял.

– Гаврюха совершенно спокоен, он машет хвостом и не боится за нас. Я права, волчок?

Гаврюха наклонил голову. Он согласился с Алисой.

– Тогда пошли домой, – сказал Пашка. – А то моя мама будет беспокоиться.

Они попрощались с волком Гаврюхой и пошли домой, разговаривая о привидениях и всяких чудесах. Алисе, которая отлично знала Пашкин характер, надо бы удивиться, почему Пашка вдруг начал беспокоиться о маме и решил идти домой. Никогда он о маме не беспокоился. У него даже было готово этому объяснение: «Ведь это мама меня родила, а не я маму родил. Кто родил, тот пускай и беспокоится». Спорить с такими словами было бесполезно. Пашка наверняка станет политиком – он умеет слушать только себя самого.

И если Пашка начал беспокоиться о маме, значит, он что-то замыслил. И не хочет, чтобы Алиса об этом знала.

Когда они прощались у Алисиного дома, Алиса спросила Пашку:

– Странно, что ты не волнуешься за судьбу своего профессора. Ведь, как я понимаю, уже прошло три дня, как он живет у привидений.

– Ну чем я могу ему помочь? – Пашка развел руками.

Тут бы Алисе ему не поверить.

А она поверила.

Глава третья
ПАШКА, КОНЕЧНО, ПРОПАЛ

Придя домой, Алиса устроила за ужином строгий допрос отцу, есть ли привидения или это выдумка.

Профессор Селезнев – директор Космического зоопарка. Он лучше всех разбирается в инопланетных животных. Поэтому папино мнение было для Алисы важным.

– Давай сначала решим, – сказал папа, – что такое привидение.

– Ну, это призрак...

– Видишь, ты даже и не задумывалась. Сколько раз произносила это слово, а не думала, что же оно значит.

– А что оно значит?

– Некоторые люди верят, что если человек был очень плохой или умер какой-нибудь страшной смертью, то его душа не может отправиться в рай, на тот свет, а остается на Земле, бродит вокруг, мучается, мучает окружающих и ждет, когда же наконец с него снимут проклятие и душа сможет успокоиться.

– А такие привидения могут стрелять электричеством?

– Как так?

– Если ты близко подойдешь, оно ударит током?

– Алисочка, ты путаешь материальные и мистические явления. Удар электричеством – реальная вещь. Электричеством может ударить рыба-скат или электрический угорь. Но привидение... оно существует как бы в другом мире. Оно с нами не соприкасается.

– А почему люди боятся привидений?

– Люди боятся всего, что им непонятно. Но, насколько я знаю, даже в сказках и легендах привидения людей не трогают. Им достаточно показаться, пролететь, и человек умирает со страху.

И папа засмеялся. Он, ясно же, не верил в привидения.

– Скажи, папа, – спросила тогда Алиса, – а существует параллельный мир?

– Теоретически это, конечно, возможно, – ответил папа. – Но на самом деле никто этого не знает. Хотя такая теория есть.

– И в том мире есть я?

– Алиса, ну как я могу ответить на такой вопрос? Может быть, это тоже сказка.

– Ну как же так, папа, ты же ученый и директор зоопарка, ты ловил животных на ста планетах. Почему ты ничего не знаешь о привидениях и параллельных мирах?

– Я знаю о том, что видел, но не могу ничего сказать о том, что никто, никто не видел.

– А если я скажу тебе, папа, что я видела привидение?

– Где?

– На Гоголевском бульваре. И оно стреляло током!

– Значит, это было не привидение.

– А что же?

– Неизвестный мне вид животного.

– А такой вид животного может водиться в параллельном мире?

– Дочка, мы с тобой так никогда не договоримся. Ведь даже если есть параллельный мир, мы о нем ничего не знаем. Как же я могу ответить на твой вопрос?

Так разговор зашел в тупик. И папа Алисе не смог помочь.

Спала Алиса плохо. Сначала долго не могла заснуть, смотрела, как движется луна за окном, как в соседней комнате поскрипывает длинными ногами марсианский богомол, как льется на кухне вода – видно, старый домашний робот Поля моет старинные монеты, которыми он все еще

увлекается. Когда по лицу луны проплывало облако, Алисе казалось, что оно похоже на привидение, желающее заглянуть в комнату.

Когда Алиса заснула, ей начал сниться длинный сумасшедший сон, в котором она попала в страну, где вместо людей живут привидения, по улицам ходят привидения, даже в магазине в очереди стоят привидения. Алиса очень боялась призраков и шла, прижимаясь к стенам домов. Ей почему-то надо было попасть на вокзал, откуда уходил последний поезд в страну нормальных людей. И когда до вокзала оставалось уже совсем немного и виден был дым паровозов, поднимающийся над крышами домов, привидения заметили Алису. По улице полетели зеленые искры – привидения бежали за ней, раскачиваясь на бегу, как гусеницы, вставшие на задние ножки. Алиса нырнула куда-то в подворотню, но навстречу ей выскочил волк, который молча скалился, приказывая ей остановиться...

Алиса вскочила... Небо за окном заволокло тучами, а в доме стояла мертвая тишина.

Алиса легла вновь.

Ну почему ей так страшно? Она же дома, ей ничего не грозит. Стоит ей позвать, как сразу примчится робот, которому никакое привидение не страшно.

Так, уговаривая себя, Алиса снова заснула.

Проснулась она поздно, разбитая, словно и не спала вовсе.

Она опоздала в школу, чего с ней не случалось уже два года. И почему же никто ее не разбудил? Мама-то хоть могла это сделать! Она уходила из дому последней и даже оставила записку – что есть на завтрак, словно маленькая девочка Алиса сама не разберется в этой проблеме.

Шлепая босиком по полу, Алиса вышла на кухню. Робот Поля сидел у телевизора, не в силах оторваться от мультсериала.

– Что случилось? Почему обо мне забыли? – сердито спросила Алиса.

– Ах, не мешай, – ответил робот, не поворачивая пластиковой головы. – Кофейник на плите, каша в продуктопроводе. Видишь, что человек занят!

«Обидно, когда ты никому не нужна», – подумала Алиса.

Она села завтракать. Даже новости не посмотришь – робот со своими мультяшками к экрану не подпустит.

Тут Алиса подумала о том, что профессор Гоц, может быть, уже вернулся домой из мира привидений.

Она позвонила Пашке.

К видеофону подошла его мама – человек добрый и нерешительный. Пашке с мамой повезло – ее легко обвести вокруг пальца. Уже с первого класса школы она поверила в то, что ее сынок Пашка – самый талантливый и сообразительный мальчик в Москве. И Пашка этим отлично пользовался.

– Доброе утро, Алисочка, – сказала Пашкина мама. – А Паша уже ушел.

– В школу?

– А разве он тебе не сказал, что начинается конференция по биологии инопланетных беспозвоночных? Пашеньку специально пригласили, потому что еще прошлым летом он отыскал на Паталипутре неизвестный вид говорящего червяка! У Паши доклад. Он вернется через два дня. Его даже из школы отпустили!

– Спасибо, Мария Степановна, – сказала Алиса. Не спорить же ей с чужими родителями! Она не доносчица. Но никаких сомнений в том, что Пашка снова обманул свою маму, не оставалось. Никакой конференции не было, а говорящего червячка на Паталипутре нашел в прошлом году их общий друг Аркаша Сапожков. Червяк укусил Аркашу за палец, все боялись, что укус ядовитый, и сразу повезли Аркашу в Институт сывороток и противоядий. Но по дороге выяснилось, что Аркашин палец начал говорить. И нес такую же чепуху, как червяк. Только через две недели заражение прошло, и палец наконец замолчал. А Пашки там и близко не было.

– Так, – подумала Алиса вслух, попрощавшись с Марией Степановной. – Куда же помчался наш общий друг?

Робот, который, оказывается, слышал весь разговор, хоть и не переставал смотреть мультик, неожиданно ответил:

– Твой общий друг помчался искать приключения.

Алиса встревожилась. Ей всегда было неспокойно, когда Пашка бросался на поиски приключений. Чаще всего это кончалось тем, что Алисе или кому-нибудь еще приходилось вытаскивать Пашку из зубов очередного дракона.

– Я поехала на биостанцию, – сказала Алиса роботу. – Если будут звонить, вернусь вечером.

– А в школу не будешь заходить? – спросил робот.

– Ты же меня не разбудил! – ответила Алиса.

– Я думал, что ты достаточно взрослая, чтобы самой просыпаться вовремя.

– Ты просто забыл обо всем, потому что смотрел свои мультики, – возразила Алиса.

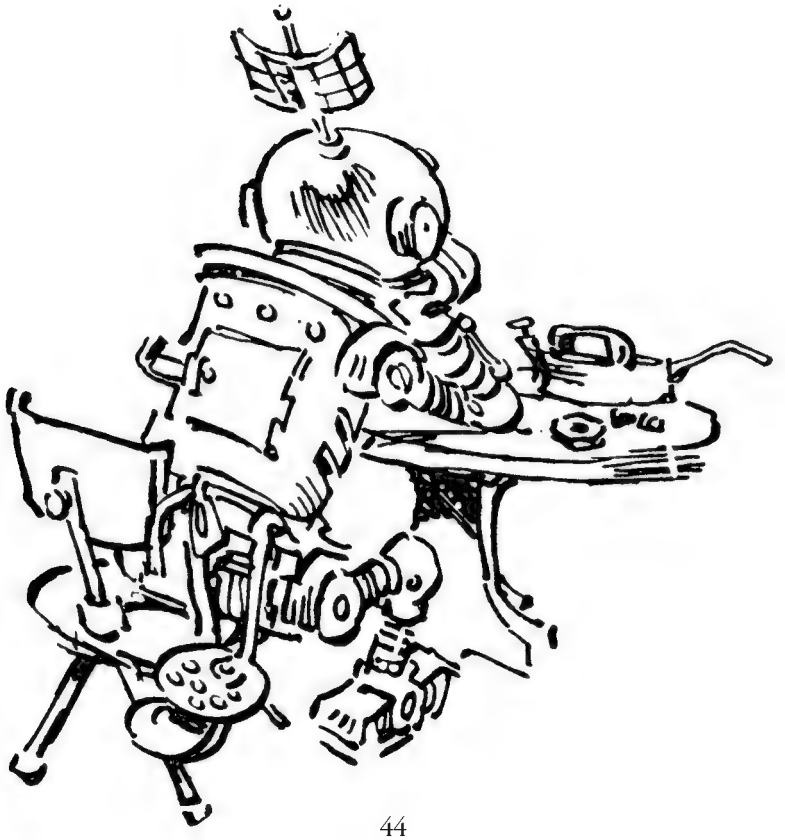
Робот ничего не ответил. Роботы никогда не отвечают, если виноваты. Врать они не умеют, а ошибок признавать не желают. Что остается бедному роботу? Он молчит, как партизан на допросе.

Так Алиса стала прогульщицей и побежала на биостанцию.

Утро выдалось солнечное, но морозное. Небо было глубоким, чистым, голубым, а флаеры и другие летательные аппараты казались мухами и стрекозами – высоко в небе они поблескивали под лучами солнца.

Ворота биостанции были широко распахнуты, сквозь стеклянные стены оранжереи были видны фигуры ботаников, приблудный волк Гаврюха встретил Алису у ворот и совсем по-собачьи замахал хвостом. Он побежал к лаборатории, будто хотел показать что-то интересное.

Лаборатория была пуста.



Закрытый сундук стоял посреди комнаты.

У Алисы от сердца отлегло. Честно говоря, она очень боялась, как бы Пашка не кинулся в параллельный мир искать своего профессора.

Но волк крутился возле Алисы, подвывал, словно хотел что-то рассказать. Потом постарался лапой открыть крышку сундука.

– Не надо, – попросила его Алиса. – Мало ли что может случиться, а вдруг новое привидение приползет?

Волк не успокаивался.

– Я же не виновата, – сказала Алиса, – что у тебя рот так устроен, что ты говорить не можешь.

Волк бросился в угол лаборатории и принес в зубах непонятно как попавший туда кубик от детской игры. На кубике была нарисована часть медвежьей морды, на другой грани – синее небо, на третьей – речка.

– Понимаю, – сказала Алиса. – Из таких кубиков можно составить картинку. Ты хочешь составить картинку?

Волк отрицательно помотал головой. Он прижал кубик лапой, потом перевернул его.

Он хотел рассказать о чем-то, связанном с кубиком, но Алиса никак не могла его понять.

Волк сердился и даже подвывал.

Вдруг он сообразил: он кинулся прочь из комнаты. Выйдя в коридор, он громко завыл, призывая Алису.

Потом он встал на задние лапы, упершись передними в дверь, к которой была прикреплена табличка «Лаборатория». Левой лапой волк продолжал упираться в дверь, а правой начал постукивать по буквам таблички.

– Ты хочешь что-то сказать про лабораторию? – спросила Алиса.

Нет, всем своим видом показал волк.

Он постучал когтями большой лапы по другой букве в слове «лаборатория».

И тут Алиса поняла! Что получится, если сложить детский кубик и буквы на табличке?

Алиса перевела взгляд с таблички на кубик, валявшийся на полу. Волк от радости отпрыгнул от двери и – Алисе такого еще видеть не приходилось – перевернулся через голову.

Алиса не тратила даром ни минуты. Поднимая клубы свежего снега, она промчалась по бульвару, выскочила на площадь, вскочила в автобус мгновенной езды, пробежала внутри его, вышла на Лубянке и кинулась в детский магазин.

Конечно же, в отделе для дошкольников кубиков с буквами для обучения малолеток не оказалось. Робот-продавец, подкативший к Алисе на резиновых колесиках, даже не сразу ее понял.

– Зачем же ребенку, – спросил он голосом учительницы, который в него вложили, когда собирали на фабрике, – учить грамоту таким старинным и нелепым способом? Я могу предложить вам на выбор восемь дошкольных компьютеров, каждый из которых гарантирует вашему ребенку абсолютную грамотность через шесть часов занятий.

– А мне нужны кубики, – вежливо сказала Алиса.

– Значит, ваш ребенок... немного умственно... – Роботу-продавцу было невозможно выговорить последнее слово, чтобы не обидеть покупательницу.

– Да, с вашей точки зрения, мой ребенок умственно отсталый, – помогла роботу Алиса. – Но, с моей точки зрения, это самый умный из всех знакомых мне волков.

– Как вы сказали? – спросил продавец. – Вы, наверное, ошиблись. Вы позволите отвести вас к доктору? У нас в магазине есть отличный педиатр и еще более отличный психиатр. Пошли, моя дорогая, пошли, ты отдохнешь на зеленых лужайках солярия!

Тут Алиса окончательно взбунтовалась, потребовала встречи с заведующей магазином, которая была живой женщиной, и та, выслушав Алису, не стала задавать лишних вопросов, а взяла принесенный Алисой кубик за образец и подошла к замечательной машине, которая носила странное название «Папа, почини!».

Хоть в будущем наверняка люди смогут делать больше интересных игрушек, чем теперь, у каждого ребенка есть Самая Любимая Игрушка. Или подаренная бабушкой Самая Ценная Игрушка. Вот такие игрушки ломаются чаще всего.

Машина «Папа, почини!» состоит из блока памяти, куда заложены изображения и размеры всех игрушек, которые когда-либо существовали на Земле и даже на других планетах. Вторая часть машины – портативная реставрационная мастерская, или дубликатор. Если ты введешь в машину сломанную игрушку, то за три минуты машина заменит в ней сломанную часть, и игрушка станет как новая. А если ребенок потерял игрушку, то машина по вашему описанию найдет в памяти нужную игрушку и сделает ее копию за десять минут. Вы не представляете, сколько родителей обрадовались, а сколько детей перестали плакать, когда погибшая игрушка возвращалась домой абсолютно целой!

Алиса отдала заведующей кубик, та приказала машине сделать сто кубиков, и чтобы на всех сторонах каждого были бы написаны крупные буквы. И еще Алиса попросила заведующую найти для кубиков удобный мешок со шнурком, чтобы волк мог носить его на шее.

Заведующая не упала в обморок и даже не очень удивилась. А когда передавала Алисе ее заказ, сказала:

– Передавайте привет вашим зверям в цирке.

– Обязательно передам, – сказала Алиса. – Большое спасибо от меня и от волка.

С мешком кубиков Алиса побежала обратно. Прошло уже больше чем полчаса. Алиса боялась опоздать. Ведь бывает же так, что новость остается важной новостью только до тех пор, пока не случится что-нибудь более важное. Ведь волк хотел сказать что-то срочно.

Волк тоже волновался. Он вышел встречать Алису на аллею бульвара, хоть ему строго-настрого было запрещено это делать. Ведь он мог напугать детей, которые не знают, что он добрый, трудящийся и почти домашний.

– Домой, домой! – приказала Алиса. – Сейчас я тебе все покажу.

В лаборатории Алиса развязала мешок и высыпала кубики на пол.

Гаврюха совершил странный для волка поступок. Он подошел к Алисе и, подняв морду, лизнул ее в щеку.

Затем отошел к кубикам и стал учиться складывать из них слова.

Значит, Алиса догадалась правильно.

Тем временем Алиса занялась изучением сундука. При свете дня было видно, насколько он старый. Дерево было много раз крашено, чтобы не сгнило, и все равно в разных местах от сундука отлетели щепки.

Бронзовые нашлепки на углах и полосы, которые шли поперек крышки и по стенкам, были тронуты зеленью.

Внутри сундук был некрашеным. Алиса заметила, что к крышке с внутренней стороны был приклеен кожаный ремешок. За него, как догадалась Алиса, можно потянуть крышку на себя, чтобы она закрылась.

Алиса услышала, как тявкнул волк, и закрыла сундук. Волк стоял, широко расставив лапы. Перед ним лежала змейка из кубиков – неровно, с трудом волк собрал из кубиков надпись: ПАША УШЕЛ СУНДУК

– Ты хочешь сказать, что Пашка Гераскин сегодня здесь был?

Волк кивнул.

– И забрался в сундук?

Волк снова кивнул.

– Он пошел искать профессора Гоца?

Волк кивнул.

– Но ведь это очень опасно!

Волк поднял кверху морду и тихонько завыл. Выл он так печально, что Алиса без труда поняла, что Пашку в параллельном мире ожидают страшные опасности.

– А ты откуда знаешь? – спросила Алиса у приблудного волка.

На это волк ответить не смог.

«Так, – подумала Алиса, – положение тревожное, но пока еще не очень страшное. Пашка в своей не очень длинной жизни столько раз кидался в авантюры, что другому хватило бы приключений на сто лет. И чаще всего обходилось. А если не обходилось, то на помощь приходили друзья или знакомые. Разумеется, это не значит, что Пашку можно бросить на произвол судьбы».

– Что будем делать? – спросила Алиса у волка.

Волк махал хвостом, весело глядя на нее. Ответа Алиса не дождалась.

– Пожалуй, я расскажу об этом сундуке комиссару Милодару, – сказала Алиса. Хотя она не была уверена, что это правильный выход.

Комиссар Милодар был Алисиным знакомым. Он служил комиссаром в ИнтерГполе, что означает ИнтерГалактическая полиция. Наверное, комиссар знает, как искать мальчиков в параллельном мире... Но представляете, какой поднимется шум вокруг этого сундука! Комиссар пришлет агентов, вызовет экспертов, сундук разберут и соберут снова, группа захвата кинется выручать Пашку... В результате все может кончиться очень плохо. Хотя бы потому, что комиссар Милодар никогда не видел привидения и не знает, как с ними обращаться. Комиссар Милодар убежден, что он может победить любого противника. А ведь не всегда нужно противников побеждать. Иногда их лучше понять.

Алиса села на стул возле сундука и задумалась. Волк стоял рядом.

Погода была великолепная, светило солнце, ботаники рядом с оранжереей играли в снежки. Никаких злобных привидений и неприятных чудес на свете нет и быть не могло... Алиса, иди в школу, ты еще успеешь на последний урок! Это космическая экология. Обидно прогулять... А с другой стороны, Пашке всегда нужен трезвый друг, который его остановит и уговорит не делать глупостей...

Если бы Алиса была помоложе, ну, допустим, училась в первом классе, она бы кинулась вдогонку за Пашкой не задумываясь. А сейчас она понимала, что параллельный мир может оказаться очень опасным, и, конечно, лучше позвать взрослых, чтобы они решали, что делать...

– Ох, – сказала Алиса. – Голова раскалывается. Не знаю, что и придумать.

И тут она услышала, что в сундуке что-то щелкнуло. Как будто открылся замок. Затем она услышала тихое шуршание... И все.

– Что? – спросила Алиса, вскочив со стула. – Неужели снова привидение?

Гаврюха отрицательно покачал головой. Он решительно подошел к сундуку и, поддев носом крышку, постарался поднять ее. Ему это не удалось, но Алиса поняла, что в сундуке нет ничего опасного. Иначе бы волк почуял.

Она открыла крышку. Сундук был пуст. Только из камня-кольца торчал уголок белого листа.

Алиса потянула его. Оказалось, что она держит в руке записку.

В записке крупно, размашистым Пашкиным почерком было написано:

Алиска! Жду тебя завтра днем в замке Кросскан. Обязательно захвати для профессора электронный микроскоп и хирургические инструменты, а для меня купи теплые сапоги и комбинезон с обогревом, только чтобы моя мама не знала. Здесь холодно. Одевайся потеплее. Если попадется, захвати пистолет.

Твой друг Павел.

– Пашка! – закричала Алиса, склонившись над сундуком. – Ты меня слышишь? Возвращайся, там опасно!

Конечно же, из сундука ей никто не ответил.

Держа в руках записку, Алиса принялась рассуждать:

– Если Пашка написал записку и сунул ее в наш мир, значит, он там близко? Может быть, мне прыгнуть туда и найти его, пока он не отошел далеко и не забрался в этот замок Кросскан?

Она не замечала, что говорит вслух.

Но сообразила об этом, когда услышала голос волка.

Волк разбирал кубики. Это было трудно – отыскать букву, повернуть кубик нужной стороной кверху и поставить его в строчку.

– Эх, надо мне изобрести для тебя другую систему – как рояль, – сказала Алиса. – Ты бы нажимал на клавиши, а на бумаге выскакивала бы буква.

Тут Алиса вспомнила, что именно такими были самые древние пишущие машинки.

– Впрочем, нам некогда. Я слушаю тебя, Гаврюха.

Гаврюха оказался даже сообразительнее, чем Алиса подозревала. Он оставил от первой надписи слово «ПАША» и уже к этому слову приставлял другие. Сначала слово «ДАЛЕКО». Получилось «ПАША ДАЛЕКО».

– А кто же записку мне передал?

«ДРУГОЙ», – сложил кубики волк.

– Ничего не понимаю, – сказала Алиса. Потом подумала и спросила: – А ты откуда об этом знаешь, волчище? Может, ты там уже бывал?

Волк неожиданно кивнул.

– В самом деле? Так чего же ты раньше молчал?

Волк посмотрел в сторону, и Алиса поняла этот жест: «А меня никто не спрашивал».

– Я пойду туда! – сказала Алиса.

Волк отрицательно покачал головой.

– Ты что думаешь, я Пашку оставлю в беде?

Волк снова отрицательно покачал головой.

– Ну хоть это ты понимаешь.

Алиса снова взяла записку:

– «Завтра днем в замке Кросскан...» Интересно, а далеко ли до этого замка?

Сказав так, она поглядела на волка.

Волк занялся складыванием кубиков.

Алиса стала думать, что ей взять из дому, а что придется купить. Она уже поняла, что откликнется на призыв Пашки. Тем более что Пашка и не сомневался, что Алиса к нему примчится. Если Алиса Пашку знает как облупленного, то и Пашка Алису тоже отлично изучил.

«НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ», – гласила надпись.

– Значит, я могу отправиться в путь завтра утром? – спросила Алиса у волка. Она уже перестала удивляться.

Волк отрицательно покачал головой.

– Когда же?

Волк снова принялся составлять кубики. Алиса закрыла сундук и нетерпеливо ждала, когда же он кончит копаться! Но надпись была длинной и трудной для волка: СКОРЕЕ МЕНЬШЕ ОПАСНОСТЬ

Алиса решила, что будет слушаться волка. Он производит впечатление серьезного и умного животного.

– Жаль, – сказала она, – что волчья пасть не приспособлена для того, чтобы произносить слова. А то бы мы с тобой поговорили обо всем.

Волк склонил голову. И Алисе показалось, что с печалью.

– Я побежала домой, собираться в поход. Я возьму все, что велел Пашка, и оденусь потеплее. Лучше не спорить с опытными путешественниками. Скажи, может, мне надо захватить что-нибудь еще, может, Пашка забыл о чем-то?

Волк прошелся раза два по комнате. Потом, уже быстрее, чем раньше, составил из кубиков: ПИЛАТ

– Хорошо, – сказала Алиса, прочтя указания волка. – «Пилат» – вещь полезная. Вроде он есть у Аркаши. Ладно, я что-нибудь придумаю. А ты, Гаврюха, сиди, никого к сундуку не допускай, я вернусь через час.

Волк проводил Алису, и она захлопнула дверь за собой. Так лучше. А то какой-нибудь юный ботаник забредет в лабораторию и увидит лишнее.

За несколько минут Алиса добралась до дому.

Глава четвертая
ПУТЕШЕСТВИЕ В СУНДУКЕ

Сборы в путешествие заняли немного времени.

Алиса ворвалась домой, удивив домашнего робота Полю, который снял голову и чистил ее, потому что был большим модником и чистюлей.

Когда голова увидела Алису, она смутилась, глаза закрылись, а нарисованные когда-то Алисой красные губы задрожали.

– Ну как так можно! – сказал робот.

Его руки поставили голову на место. В ней загорелись зеленые глаза. Робот укоризненно произнес:

– Но ведь ты никогда не приходишь домой в это время!

– Поля, мне некогда с тобой разговаривать. Прошу, срочно приготовь мне завтрак в дорогу.

– Какой?

– Плитку шоколада, нет, три плитки шоколада, бутерброды с колбасой и сыром, пачку печенья... банку сгущенного молока.

– Ты куда? – удивился робот. – На Северный полюс?

– На Северном полюсе, к твоему сведению, есть буфет для изголодавшихся путешественников, – ответила Алиса. – Я буду значительно ближе. Но в лесу.

– Зимой? Но ты замерзнешь.

– Достань мой комбинезон с подогревом и вязаную шапку.

– Я сейчас позвоню твоей маме.

– И не думай доносить. Я тебя уволю. На пенсию.

– Ты не посмеешь этого сделать! Мне еще рано на пенсию! Можешь проверить на фабрике! У меня срок годности не прошел!

– Не кричи, Поля, – остановила робота Алиса. – Лучше слушайся старших.

– Я старший!

– Тогда я обойдусь без тебя, – сказала Алиса.

Робот смертельно обиделся и уехал на кухню. Алиса сама быстро собралась, оделась, потом, уже уходя, позвонила Аркаше Сапожкову.

– Добрый день, – сказала она. – Я боялась, что ты еще из школы не пришел.

– А что с тобой случилось? – удивился Аркаша. – Я думал, что ты заболела. А тебя нет дома. И Пашки нет дома. Я уж подумал, не бросились ли вы в новое приключение?

– Аркаша, я тебе потом все объясню, – сказала Алиса. – Но сейчас мне нужны золотые монеты. Ты ведь раньше собирал...

– Я почти все двоюродному брату подарил, – сказал Аркаша. – Но погоди, я погляжу.

Через минуту Аркаша снова подошел к видеофону.

– Осталось штук двадцать. Но они не представляют коллекционного интереса.

– Мне не важно, представляют или не представляют, – ответила Алиса. – Выйди из подъезда, я буду мимо пробегать и захвачу.

Тут же Алиса вызвала номер Маши и Наташи Белых.

Подошла одна из близняшек.

– Маша, – сказала Алиса, – у меня к тебе дело.

– Я Наташа, – ответила девочка на экране видеофона.

– Ну хоть носите разные платья! – воскликнула Алиса. – Сколько можно вас путать!

– Мы всегда носим разные платья, – сказала Наташа. – Сегодня я надела розовое, а Маша синее.

– Но я же не знаю, кто из вас какое надел! – ответила Алиса.

– Можно было спросить, – сказала Наташа Белая.

Близняшки Белые учились на класс старше Алисы, но они все вместе занимались на биостанции. Близняшки – замечательные люди, только иногда они бывают слишком серьезными. Неудивительно, что Маша с Наташей решили стать учительницами.

– Слушай, – сказала Алиса, – у вас есть «Пилат»? А то я свой кому-то отдала, а кому – не помню.

– У нас есть два «Пилата», – ответила Наташа.

– Мне нужен один. На два дня.

– А как же мы в воскресенье полетим на соревнования по прыжкам с трамплина?

– Возьмете лыжи, – строго сказала Алиса.

За экраном началось шушуканье. Потом появилась Наташа, но уже в синем платье. То есть не Наташа, а Маша.

– Только на два дня, не больше.

– Тогда спустись к подъезду, – велела Алиса. – Через десять минут я буду пробегать мимо и заберу ранец.

Теперь оставался только один звонок.

– Джавад? – спросила Алиса. – Скажи, пожалуйста, у тебя с Пашкой одинаковый размер одежды и обуви?

– А в чем проблема? – удивился Джавад Рахимов.

– Пашке срочно понадобились теплые сапоги и комбинезон с подогревом. А ехать к нему домой я не могу. Ты меня понимаешь?

– Опять Пашка в какую-нибудь авантюру ввязался?

– Мы с ним собрались в небольшое путешествие... в Антарктиду. На выходные дни. К понедельнику вернемся.

– Путешествуйте, – снисходительно разрешил Джавад, – только учтите, что в понедельник контрольная по химии и Мария Гавриловна вами недовольна. Запомнила?

– Запомнила.

– И доведи эту мою мысль до сведения Павла Гераскина, – сказал Джавад.

У Джавада Рахимова есть один недостаток. Он сам отличник и хочет, чтобы все вокруг стали отличниками. Но искатель приключений вроде Пашки Гераскина не может стать отличником, потому что ему некогда быть отличником. А вот Джавад этого не понимает.

– Хорошо, – ответила Алиса. – Я все расскажу Пашке. А ты через двенадцать минут спустись к подъезду и вынеси сапоги и комбинезон.

– Слушаюсь, – сказал Джавад.

После этого Алиса написала маме записку:

«На два дня до понедельника уезжаем на экскурсию. Я тепло оделась и не простужусь. Обнимаю, Алиса».

После этого Алиса щелкнула робота Полю по затылку, чего он не выносил, поцеловала в пластмассовую щеку, что он обожал, и выскочила из дому.

Сначала она забежала к Аркашке Сапожкову, который отдал ей кошелек с золотыми монетами. Она не знала, пригодятся ли монеты, но в путешествии по незнакомой стране лучше не рисковать.

От Аркаши Алиса побежала к дому, где жили сестры Белые.

Наташа или Маша вынесла ей сумку с «Пилатом».

Слово «Пилат» расшифровывается очень просто: «Портативный индивидуальный летающий аппарат». Дети называют его семимильными сапогами, а взрослые – гравиподошвами. И все правы.

От Белых Алиса поспешила к Джаваду. Он уже ждал ее с аккуратно запакованным рюкзаком, в котором, как можно было понять, умещались теплые сапоги и комбинезон с подогревом для Пашки.

Прежде чем отдать рюкзак, Джавад все-таки не выдержал и спросил:

– А что ты должна сказать Пашке?

– Я? – Алиса так спешила, что забыла о просьбе Джавада.

– Так я и знал, – сказал Джавад. – Ты не помнишь о контрольной!

– Я? Не помню? Да ты меня ночью разбуди, и я тебе сразу скажу: в понедельник у нас в классе контрольная по химии и Мария Гавриловна недовольна Пашкой Гераскиным и Алисой Селезневой... А почему она недовольна?

– А об этом спросите у нее, – сказал Джавад и исчез в подъезде.

Теперь оставалось лишь забрать на биостанции портативный электронный микроскоп и хирургические инструменты для профессора Гоца.

Алиса бежала к станции, снег скрипел под ногами, и она думала, что, наверное, профессор Иона Гоц в душе такой же легкомысленный мальчишка, как Пашка Гераскин. Это надо же – кинуться в параллельный мир изучать привидения и не взять с собой никаких приборов! Даже сачка!

Интересно, а привидения как ловят? Сачками?

Эта мысль так заинтересовала Алису, что, когда она открыла дверь в лабораторию и волк Гаврюха подошел поздороваться, она спросила его:

– А как ловят привидения?

Волк ничего не ответил.

Алиса принялась собираться. Ей надо было уместить все в свой рюкзак. И еще переодеться.

Пока она втискивала в рюкзак вещи, волк занимался кубиками. Когда же Алиса застегнула рюкзак, то увидела, что волк сложил новую фразу:

ПРИВИДЕНИЯ НЕ ЛОВЯТ

– Спасибо за информацию, – сказала Алиса и продолжала собираться, а волк начал складывать из кубиков еще одну надпись. Надпись была длинной. Вот что он написал:

Я ИДУ ПЕРВЫЙ ТЫ СЧИТАЕШЬ ДО СТА ИДЕШЬ ТОЖЕ

– А тебе что там делать? – удивилась Алиса. – Нет, ты только подумай: что они решат? Приходит к ним человек без приглашения, и еще с волком. Нет.

Волк указал лапой на кубики. И сделал это так уверенно, что Алиса подумала: «А почему я должна отказываться? Волк по-дружески предлагает свою помощь. Судя по всему, он о том мире кое-что знает, по крайней мере больше меня. Если там гуляют привидения, может быть, лучше идти туда со своим волком?»

– Ну ладно, – сказала Алиса. – Мы с тобой туда на минутку. Отдадим Пашке вещи и обратно, хорошо?

Пока Алиса говорила, улыбка на морде волка расплывалась все шире.

Алиса тоже не удержалась и засмеялась:

– Конечно, ты думаешь, что я совсем глупая! Или притворщица! Будто люди ходят в параллельный мир к привидениям для того, чтобы отдать товарищу теплые вещи. Конечно же, на самом деле я хочу Пашке помочь! И, скорее всего, ему нужна моя помощь. Вся его записка мне подозрительна. Почему человек сам не вернулся домой и не взял теплые сапоги? Зачем посылать записку, если несложно вернуться самому? Нет, я думаю, что тут дело нечисто! Поэтому и спешу... Ты меня понимаешь, волчик?

И волк, не переставая улыбаться, кивнул.

– Тогда не будем терять время, – сказала Алиса. – Иди первый, посмотри, как там вокруг, безопасно ли. А я считаю до ста... ну чего ты медлишь?

Алиса оглянулась.

– Свет не погасили? Нет? Ну что же ты медлишь?

Волк двинул лапой кубики и потом дотронулся когтями до мешка, в котором Алиса принесла кубики.

– Ах какая я глупая! – воскликнула Алиса. – Сама же попросила мешок с лямками, чтобы ты всегда носил с собой свою «тетрадку»! И забыла.

Алиса быстро собрала кубики в мешок, затянула его покрепче и надела волку на шею. Теперь кубики всегда с ним. И он, по крайней мере самыми простыми словами, может разговаривать с людьми.

– Теперь иди, – сказала Алиса. – А я пока запру дверь и погашу свет. Мне не хочется, чтобы какой-нибудь случайный человек увидел наш сундук. А то выпустит наружу привидение, как наш Павел.

Она открыла сундук, волк прыгнул в него и прижался ко дну.

И начал быстро-быстро втягиваться внутрь, словно был жидким.

Алиса погасила свет. Потом она сосчитала до ста, как просил волк. Досчитав, сунула руку в сундук. Сундук изнутри был теплым и совершенно пустым. Алиса ощупью залезла внутрь и потянула за ремешок, чтобы сундук закрылся. Затем как можно теснее прижалась к каменному колечку, и тут ее потянуло, завертело, понесло...

Глава пятая
ВСТРЕЧА С ДРАКОНОМ

Алиса очнулась в сундуке.

Она поняла, что сидит, скорчившись, в сундуке, иначе бы очень испугалась – каково очнуться в полной темноте, когда со всех сторон к тебе прижимаются деревянные стенки?

Алиса нажала изнутри на крышку сундука. Крышка послушно откинулась. Правда, стало ненамного светлее.

Алиса распрямила спину и, не вылезая из сундука, огляделась.

Она находилась в обширном подвале со сводчатым потолком. На толстом каменном столбе, который поддерживал потолок, горел вставленный в железное гнездо факел. Свет его дрожал, тени метались по подвалу, было дымно и пахло гарью.

В подвале было немало сундуков, ящиков и прочих брошенных предметов. У стен стояли рыцарские доспехи, большей частью ржавые и неполные, без шлемов, рук, груди, – это было похоже на завод по ремонту роботов.

Волка Гаврюхи не было видно.

Алиса позвала его:

– Волчище, ты где?

Никто не откликнулся. Только с потолка сорвалась испуганная голосом Алисы большая летучая мышь, попыталась вылететь из подвала, ударилась о сводчатый потолок и исчезла где-то в темной глубине.

Алиса вылезла из сундука. Это был тот же самый сундук или очень похожий на него – не отличишь. Хотя чему удивляться – ведь это параллельный мир, здесь многое должно быть похоже на Землю.

Волк Гаврюха не появлялся.

Наверное, он сейчас высматривает, нет ли опасности. Надо будет его переименовать. Уж очень несерьезно окликать такое умное и даже грамотное животное неуважительной кличкой.

В подвале было прохладно и сыро, как и положено быть в подвале, но кто-то ведь зажег здесь факел. Вряд ли это сделал волк. Значит, здесь бывают люди. Надо быть осторожнее.

Подумав так, Алиса отступила к стене, в тень. И это ее спасло.

Потому что в подвал вошла откуда-то, может, даже пробралась сквозь стену, черная фигура. Совершенно черная, закутанная в черный плащ, в черной маске и черном высоком цилиндре. Из-под цилиндра светились безжизненные глаза, а в расстегнутом вороте было видно, что тела у этого существа нет – а есть только светящиеся кости. Вот это уже что-то новенькое! Светящийся скелет в черной одежде!

Конечно, совсем не страшно читать о скелетах, когда ты сидишь дома, рядом горит лампа и, может, даже работает телевизор. А на всякий случай рядом сидит мама, чтобы можно было протянуть руку и дотронуться до нее.

А представьте себе положение Алисы. Она стоит в чужом подвале, а до мамы надо лететь и лететь. Пашка Гераскин если и ждет тебя, то в каком-то неизвестном замке, даже волк Гаврюха куда-то задевался. Может быть, встретился с таким скелетом в костюме, в плаще и сгинул.

Алиса испугалась, что скелет начнет ее вынюхивать, но тот вдруг обернулся к двери и вытянулся так, что верхушкой цилиндра достал до потолка.

В подвал по каменной лестнице осторожно спускалась молодая женщина, одетая так, как одевались лет двести назад. На ней было платье до земли, поверх него меховая накидка и меховой же капор, завязанный шнурками под подбородком. Лицо женщины было невероятно бледным, даже голубоватым, но светлые волосы кудряшками выбивались из-под капора. Виной тому мог быть неверный и слабый свет факела.

– Что нового? – спросила молодая женщина у скелета.

– Кто-то еще вылез, – ответил скелет страшным голосом, который называют гробовым. Казалось, словно в скелет была вставлена широкая труба. Когда он говорил, зубы лязгали и кости скрипели.

– Кто вылез? Кто вылез? – гневно закричала женщина. – Ты почему не смотрел?

Говорила она так сердито, что Алиса, которая собиралась выйти из своего укрытия и сказать молодой женщине, что она приехала на помощь Пашке Гераскину, затаилась, как мышонок. Лучше этой женщине на глаза не попадаться.

– А он потому не смотрел, – раздался визгливый голос от входа, – что смотреть было приказано тебе!

И тут Алиса увидела еще одного жителя параллельного мира.

Это был очень высокий и настолько худой человек, что, если бы не человеческое лицо, его тоже можно было бы принять за скелет.

Лицо его было неподвижно, словно маска, которая изображала белую ворону с розовым клювом.

Бывают же такие странные, нечеловеческие лица! Нос – слишком большой и слишком острый на конце, а глаза – круглые, черные, как пуговицы. Человек был коротко пострижен, светлые волосы стояли ежиком, что еще больше придавало ему сходство с птицей. Разговаривая, этот человек имел привычку все время качать головой, как будто примериваясь, чтобы клюнуть. Казалось, что он вот-вот закаркает. А он вместо этого разговаривал пронзительным голосом.

– Ты мне не приказывай, – отозвалась бледная маленькая женщина в длинном платье. – Я тебе не слуга.

– Но я же просил тебя здесь подежурить, чтобы перехватить Алису!

– Я и дежурила! – ответила женщина. – Я с утра дежурила. Но кто мог догадаться, что вместо Алисы из сундука выскочит волк!

– Какой еще волк?

– Самый настоящий громадный серый волк, который, может быть, специально выскочил, чтобы меня разорвать!

– Этого быть не может! Пашка Гераскин написал записку Алисе. Мы с тобой ее привезли сюда. Мы устроили Алисе засаду, чтобы она от нас не ушла!

– Еще бы! Она слишком много знает. Ее ни в коем случае нельзя оставлять в живых.

– И что же? Ты убежала от первой собаки?!

– Погоди, граф, – сказала маленькая женщина. – Не сердись. Ты лучше подумай, почему так могло случиться? А вдруг Алиса превратилась в волка?

– Маркиза, не говори глупостей! – рассердился граф, похожий на белую ворону. – С чего это Алисе превращаться в волка? Она же ничего не подозревает. Она везет своему Пашеньке теплые вещи, а профессору микроскопчик! Она спешит к своим дружкам.

– Но почему волк кинулся на меня? Я еле успела ноги унести!

– Мало ли, почему ты ему не понравилась! Волки вообще кидаются на людей.

– Ты разве забыл, что второй сундук стоит где-то в центре Москвы, где волки не водятся? Наши разведчики там были. И на одного из них тоже напал волк! В этом я вижу какую-то опасность.

– Все это выдумки, выдумки, выдумки! – отрезал граф. – Не теряй времени даром. Скажи мне, Алиса прибыла или нет?

– Я не знаю, – вздохнула маркиза. – Я же убегала от волка.

– А ты, костяная голова! – крикнул граф стоявшему в стороне скелету в цилиндре. – Ты видел девочку?

– Я кого-то видел, – проскрипел скелет. – Но не знаю... я не знаю. Я их не различаю...

– А волк был?

– Волк был, – отозвался скелет.

– Тогда слушай мою команду! – закричал граф. – Объявляю всеобщий розыск девочки Алисы. Доставить ее ко мне живой или мертвой! А ну, все вперед!

Но Алиса поняла, что, кроме скелета, некому было выполнить приказание графа.

Скелет зашагал к выходу из подвала, а граф оглянулся и спросил маркизу:

– А ты чего?

– А ты чего? – спросила в ответ маркиза.

– Я сейчас подниму в небо моих верных драконов, – сказал граф.

– Ты одного подними, а на втором нам с тобой в замок возвращаться пора, – сказала маркиза. – Я не хочу больше рисковать своей шкурой в этом городе, где все нас ненавидят и где всем заправляет наш злейший враг герцог Кросскан.

Граф с маркизой, которая еле-еле доставала ему до пояса, направились к двери. Алиса уже готова была вздохнуть с облегчением, раз ее не поймали, но тут дверь в подвал распахнулась, и по лестнице сбежал старый господин с острой седой бородкой и длинными усами, которые торчали в разные стороны.

Господин был в железном шлеме и синем камзоле, расшитом серебряным узором. Штаны у него были сшиты как шары с прорезями, на ногах были рейтузы и высокие сапоги. За этим господином в подвал вбежали еще три или четыре вооруженных кривыми саблями воина в серых камзолах, коротких штанах и шерстяных чулках. Башмаки у них были нечищеные.

– Так вот вы где, граф! – закричал господин с бородкой.

– Да самозванец он, а не граф, – сказал один из слуг господина, круглолицый молодой парень с прямыми желтыми волосами и множеством веснушек на лице. – Вы же знаете, ваше сиятельство. Скорее я граф, чем этот бандит.

– Ты не прав, Ганс, – ответил господин с бородкой, – если он не граф, как же я смогу вызвать его на дуэль? Герцог не может сражаться с простолюдином.

Алиса хотела было предупредить герцога, что граф-ворона и его белокурая маркиза, пользуясь спором герцога и Ганса, потихоньку передвигаются к лестнице, но Ганс сам это заметил и, подняв саблю, предупредил:

– А ну ни с места!

– Да кто вы такие?! – возмутился граф. – Почему вы врываетесь сюда без разрешения?

– Странно, – произнес старик с бородкой, – в городе меня знают все! Я же герцог Франсуа де ля Кросскан, владелец подло захваченного вами и вашими привидениями замка Кросскан. Я вызываю вас на бой, самозванец граф Дракула. Я убью вас, и тогда ваша власть над людьми сгинет, ваши привидения разбегутся, и мы будем счастливы.

– Вам с ним нельзя сражаться, герцог, – закричала маркиза, – он ненастоящий граф! Отпустите нас! Мы больше не будем.

– Нет! – прокаркал белый ворон Дракула. – Я не сдамся. Мало ли тут герцогов бегает! Пошли на улицу!

– Зачем на улицу? – спросил Ганс. – Можно и здесь сразиться. На улице недалеко и до привидений. Не поддавайтесь на его штучки, герцог.

– Я справлюсь, – ответил старый герцог. – Я готов сражаться с вами где угодно.

Он первым пошел наверх, за ним слуги, а замыкали шествие граф Дракула и маркиза.

Алиса услышала, как граф прошептал маркизе:

– Быстро, чтобы через минуту он был здесь!

Маркиза поспешила вперед.

Граф вышел следом.

Последней выбежала Алиса. Она осторожно выглянула из подвала.

Перед дверью начиналась зимняя, занесенная снегом пустошь. Вечерело, над головой неслись быстрые сизые облака. Растопырив ветки, стояли вдалеке голые деревья.

Подвал, оказывается, находился под большим полуразрушенным зданием с колоннами.

На дороге, проходившей рядом со зданием, стояла карета, запря-

женная парой лошадей. В окошке кареты была видна женская голова – кто-то внимательно следил за ними.

Герцог Франсуа де ля Кросскан ждал своего противника, стоя на открытом месте. Его слуги остановились шагах в двадцати сзади.

Граф Дракула недалеко отошел от двери в подвал.

Маркиза, подобрав юбки, бежала по снегу прочь. Вот она остановилась, сунула два пальца в ротик и громко свистнула.

– Ну, вы готовы, граф? – спросил герцог, поднимая саблю.

– Одну минутку, – сказал граф, – шнурок развязался.

Он присел на корточки, чтобы завязать шнурок. Алиса заметила, что сапоги у графа были без шнурков. Значит, он попросту тянет время. Но почему?

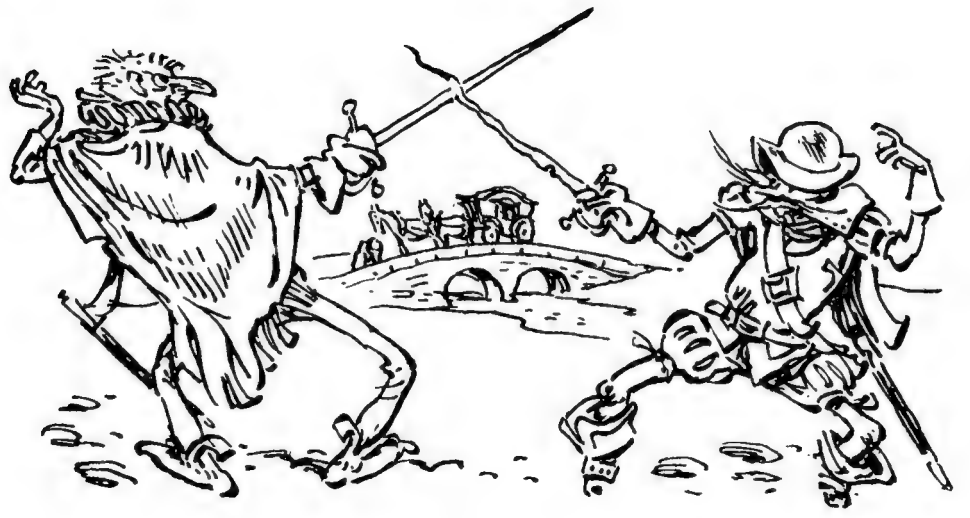
Наконец граф выпрямился и вытащил из ножен свою саблю. Сабля показалась Алисе ненастоящей – то ли она проржавела, то ли была покрашена серебряной краской, которая кое-где облезла.

Герцог тут же рванулся вперед, и клинок сабли сверкнул, готовый разрубить противника.

– Ну что же вы? – воскликнул герцог.

Граф ничего не ответил. Он быстро отступал, вертя головой, чтобы не споткнуться.

Алиса с удовольствием заметила, что граф вот-вот упрется спиной в стену дома. И ему некуда будет отступать.

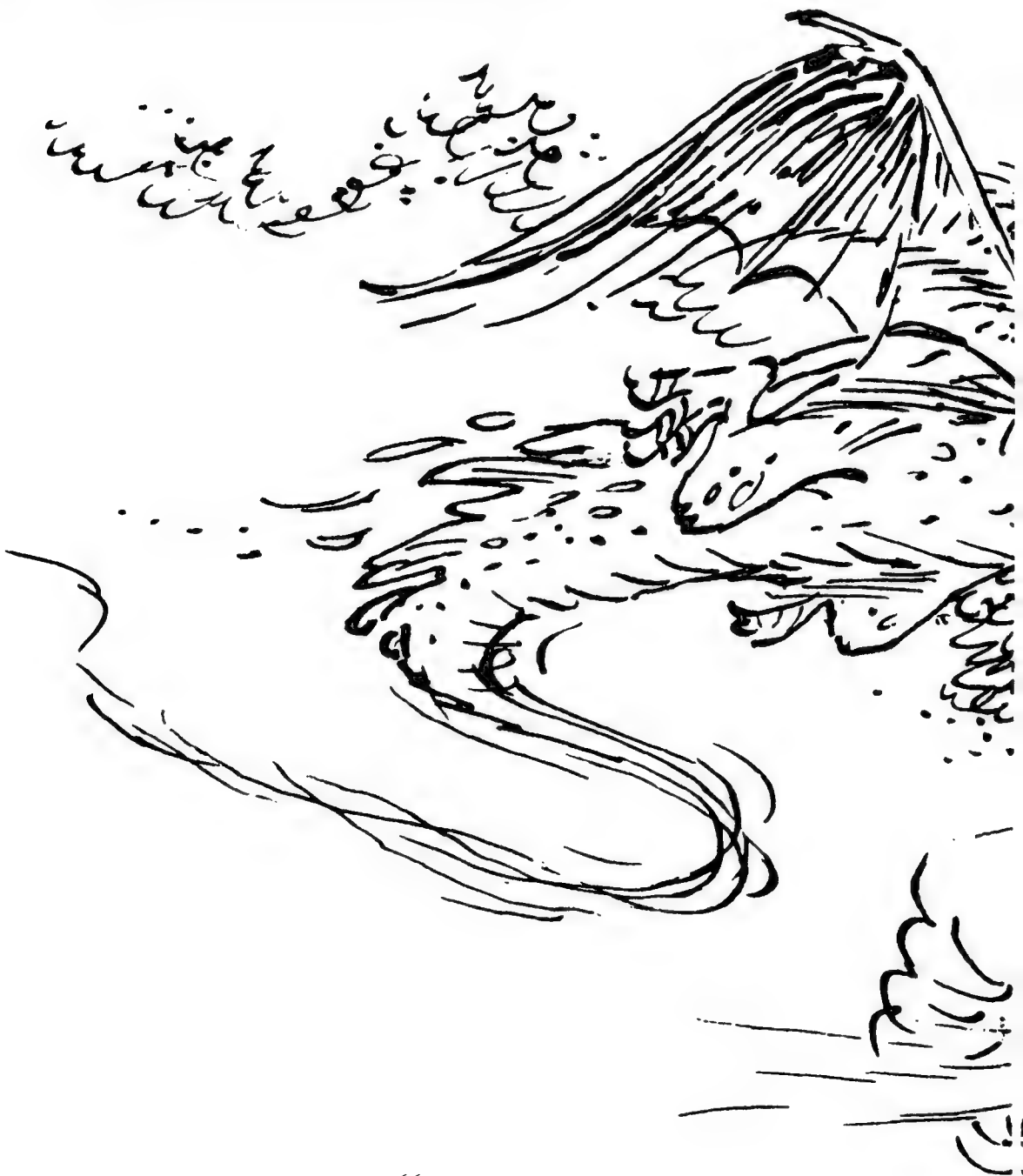


Но все так увлеченно следили за боем, что не заметили, как из-за угла здания вылетел большой зеленый дракон, из ноздрей и открытой пасти которого вырывалось пламя.

Горячий ветер, пожирая снег, пронесся над пустошью.

Герцог не удержался на ногах и покатился по снегу, за ним покатились и его слуги.

Алиса едва успела спрятаться за дверью в подвал.



Но она увидела, что к спине дракона прикреплены два седла. В первом сидела маркиза, второе предназначалось для графа Дракулы.

На несколько секунд дракон прижался к земле желтым животом, и Дракула легко вспрыгнул в седло. Он ткнул острием сабли дракона в бок, и тот, разбежавшись, взлетел вверх.

На прощание дракон выпустил клубы густого дыма, и все в нем исчезло.

Лишь через минуту дым рассеялся. Алиса увидела, как слуги помогают бородатому герцогу подняться на ноги.

Там, где садился дракон, появилось длинное черное пятно. Снег возле здания весь растаял.

Алиса вышла из дверей подвала и пошла к герцогу. По крайней мере, для нее вся эта история оказалась полезной: теперь она знает, кто здесь враги, а кто – друзья.

И герцог, по крайней мере, не враг.

– Здравствуйте, – сказала Алиса. – Вы меня не знаете, но, наверное, этот граф Дракула прилетал сюда, чтобы со мной расправиться.

– Этого еще не хватало! – закричал герцог.

Он потерял свой гордый вид, потому что его правый ус сгорел. А человек с одним усом всегда выглядит несерьезно.

– Я вам очень благодарна, что вы вступились за меня, – сказала Алиса.

– О да, конечно, – согласился герцог. – Разумеется... я очень рад. Но почему ты здесь оказалась, девочка?

– А вы почему здесь оказались? – вопросом на вопрос ответила Алиса.

– Нам сказали, что сюда летят граф Дракула и его сестрица, – сказал слуга Ганс.

– Маркиза – его сестрица?

– Вранье это все, – сказал второй слуга. – Но они – одна банда, это точно.

– Я хотел с ним разделаться, – сказал герцог. – Но если при этом мы помогли тебе, значит, мы мчались сюда не зря.

– Хотя он опять от нас скрылся, – вздохнул Ганс. – Всегда он уклоняется от открытого боя.

– Так что же мы стоим? – воскликнул герцог Франсуа. Он старательно прикрывал правую сторону лица, чтобы Алиса не увидела, что он лишился своего уса. – Чего мы стоим? Поехали к нам.

Он протянул Алисе руку и повел ее к карете.

Слуги пошли сзади.

– Эх, не везет, – сказал герцог по дороге к карете. – В первый раз удалось его поймать без стражи, так все равно он нас перехитрил.

– Поехали, ваше сиятельство, поехали, – сказал Ганс. – А то они свое войско призовут – так мы до дома не доедем.

Герцог открыл дверь кареты.

Внутри сидела маленькая, сухонькая бабушка в очках.

– Опять не поймал? – строго спросила она.

– Не поймал, – признался герцог, – зато освободил в бою с драконом прекрасную даму. А такой подвиг обычно становится достоянием поэтов и композиторов-песенников.

– А ты уверен, что она – дама? – спросила бабушка, разглядывая Алису.

– Уверен, уверен, – ответил герцог.

– Тогда почему она ходит в брюках? – спросила бабушка.

– Потому что у вас холодно, – ответила Алиса.

– Это не аргумент, – возразила бабушка. – У нас всегда холодно, но я еще ни разу не выходила в брюках подобно басурманке. Может быть, вы сарацинка?

– Нет, я не сарацинка, – ответила Алиса. – Хотя когда-то была знакома с королем Саладином.

– Ах, это пустяки, – сказала бабушка. – Саладин дарил мне розы, когда ты еще на горшок пешком ходила.

– Дамы, дамы, – урезонил бабушку герцог, – не надо ссориться. Для ссор в нашем семействе всегда отводится время между ужином и вечерним кефиром.

Герцог постучал ножнами шпаги по передней стенке кареты, и она тут же тронулась с места.

Карета покачивалась и даже подпрыгивала на неровной дороге.

Алиса уставилась в маленькое боковое окошко. Ей было интересно, какие города в параллельном мире.

Но что увидишь сумрачным вечером, если улицы кое-как освещены керосиновыми фонарями, а в домах свет не горит? Окна большей частью на втором или третьем этаже, которые нависают над узкой улочкой, почти смыкаясь, – захочешь, можешь перепрыгнуть к соседу.

Когда карета свернула на улицу пошире, у которой даже были тротуары, Алиса увидела первые магазины, ресторанчики и трактиры. Но на улицах почти не было прохожих. Редкие люди шли быстро, прижимаясь к стенам домов.

– А где у вас гуляют? – спросила герцога Алиса.

– Как так – гуляют? – удивился герцог. – У нас не гуляют. У нас все прячутся по домам.

– Но почему?

– Вот сейчас приедем к нам в домик, и ты поймешь, – сказал герцог.

Вдруг снаружи послышались шум и крики. Алиса увидела, как люди, что шли по тротуару, кинулись бежать. Некоторые старались спрятаться в лавках и трактирах, другие стучали в подъезды.

– Что случилось? – спросила Алиса.

Но никто ей не ответил. Карета ринулась вперед, высоко подпрыгивая на камнях и кренясь, будто вот-вот опрокинется.

Герцог обнял свободной рукой Алису и прижал к себе.

– Не бойся, обойдется, – сказал он.

Бабушка ухватилась за ручку дверцы и шевелила губами. За окном полыхнуло пламя. Небо над домами пылало оранжевым цветом. Карета повернула направо, подальше от зарева. Слышен был перестук лошадиных копыт да понукания кучера.

– Вроде бы успели, – с облегчением произнес герцог.

Карета покачивалась и даже подпрыгивала на неровной дороге.

Вокруг опять стало темно. Но оказалось, что герцог ошибался. Небо снова загорелось, и по нему побежали желтые полосы. Карета понеслась еще быстрее...

И тут случилось то, чего следовало ожидать.

Высоко подпрыгнув на повороте, карета ударилась об угол дома и опрокинулась. Кони потянули ее, обрывая упряжь. Потом встали. Поняли, что никуда им не деться.

К счастью, карета внутри была обита бархатом и обложена атласными подушками. Так что ее пассажиры даже не ушиблись.

– Ты цела, Алиса? – спросил герцог.

– Не знаю, – ответила Алиса.

– Над тобой дверца. Быстрее вылезай. Он может нас увидеть.

Алиса не стала спрашивать, кого имел в виду герцог. Она протиснулась в полуоткрытую дверь. Потом помогла выбраться бабушке, которая не пострадала, а герцог вылез из кареты с помощью слуг.

Кучер сильно ушибся, он лежал на мостовой и стонал.

Небо над головой было желтым и оранжевым. Сверху доносился рев, подобный реву идущего на посадку реактивного самолета.

Герцог схватил Алису за руку и потянул к пышным кустам, черневшим у дороги.

Слуги и кучер возились у кареты, стараясь ее поднять. Одна из лошадей билась на земле, вторая стояла, пытаясь освободиться от упряжи. Ее бока часто раздувались.

– Да что вы там возитесь? – крикнул герцог.

Свет стал еще ярче, словно рядом открыли дверцу большой печи.

Черная тень стремительно опускалась сверху.

И тогда Алиса сообразила, что на них напало огнедышащее чудовище! Это был дракон, похожий на того, который увез графа Дракулу и маркизу. Но он был раз в пять больше и куда опаснее.

Пламя, которое бушевало внутри его, было подобно лаве вулкана. Его когтистые лапы были вытянуты к земле. Кучер и слуги с криками метнулись в разные стороны. Но дракон успел схватить по коню в каждую лапу и взмыл вверх, ударив хвостом по карете так, что она рассыпалась подобно карточному домику.

Алиса не могла оторвать глаз от чудовища.

Она увидела, как дракон, паря над ними, поднес к раскаленному рту сначала одну лапу с конем, затем вторую.

– О, мои кони! – зарыдал герцог. – Как я их любил!

Как Алиса понимала старого герцога! Люди часто больше любят животных, чем своих ближних. Ведь животные всегда верны тебе и никогда не подведут. Они не умеют предавать... Хотя есть исключение – кошки. Если кошке захочется, она всегда может покинуть тебя и уйти к тому, кто вкуснее кормит.

Это была странная и глупая мысль о кошках – было жарко, лучи оранжевого света пронизывали тьму. Герцог прижался к земле и тяжело надавил ладонью на затылок Алисе.

– Может, не заметит, – прошептал он, и его слова проникали в голову через вязаную шапочку. А Алиса почему-то думала, как бы ей эту шапочку не потерять, ведь ее мама вязала.

– Какое счастье, что у них только один огнедышащий гигант, – сказала бабушка.

– Нам и одного хватит, – возразил герцог.

И тут, словно уловив мысли герцога, гигантский дракон направился к кустам. Он тяжело переваливался с ноги на ногу, его хвост с громким шорохом волочился по земле. Рот дракона был захлопнут, и лишь редкие искры вырывались с дымом из ноздрей. Видно, в носу у дракона температура была ниже, чем в пасти.

Дракон подошел к кустам – люди успели отползти назад.

Дракон поднял лапу и ударил по кустам, выламывая их с корнем, срывая, осыпая с ветвей снег. Поднялся оглушительный треск. Запутавшись в густых кустах, дракон начал страшно реветь и испускать на кусты снопы пламени. Но кусты были сырые и никак не хотели загораться. От них поднимался пар.

Тут, перекрывая шум, треск и рев дракона, с неба донесся оглушительный свист.

Дракон перестал ломиться сквозь кусты, поднял украшенную зелеными пластинами морду к небу и засвистел в ответ, выпуская из ноздрей могучие струи белого пара, как старинный паровоз.

Он вырвался из кустарника и побежал по улице, все шире раскрывая перепончатые крылья. Он задел крылом дерево – оно упало, он коснулся другим крылом угла крыши, и дом рассыпался... Но вот, набрав скорость, дракон взмыл в небо, подобрал толстые короткие ноги, сначала задние, потом передние, и скрылся в облаках.

– Ого-го, – произнес герцог, – считай, что мы чудом остались в живых, Алиса.

– Спасибо вам, герцог, – сказала Алиса. – Вы меня спасли. Я и не догадывалась, какая меня подстерегает опасность.

– Принимаю твою благодарность, – сказал герцог. – Но, к сожалению, остаток пути нам придется идти пешком – карета погибла, кони съедены, кучер убежал... ах, как я сообщу это его несчастной семье!

– У него большая семья?

– Большая, большая, – ответила за герцога бабушка.

Из кустов, подальше от кареты, выполз и, прихрамывая, подошел к ним слуга Ганс.

– Я сейчас зажгу факел, – сказал он, – а то нам до дому не добраться, ваше сиятельство.

– Ах, как я тебе благодарен! – растрогался герцог. – Как нам повезло, что тебя дракон не съел! Мы бы заблудились в трех шагах от дома. Я совершенно не приучен ходить пешком.

Он взял бабушку под руку и повел вперед.

Так вчетвером они пошли по окраинной улице между высокими зелеными изгородями и редкими домами.

– Как хорошо, – вздохнула Алиса, – что я и здесь встретила друзей.

Глава шестая
В ГОСТЯХ У ГЕРЦОГА

Небо совсем стемнело, над дорогой несся белый снег, а в воздухе все еще пахло гарью.

Герцог толкнул калитку, и они побрели между занесенными снегом клумбами и грядками к небольшому дому с крутой красной черепичной крышей, железной дверью и маленькими окошками. Из высокой трубы струился дымок.

Когда несчастные путники подошли к крыльцу, зеленая дверь отворилась, и в ней показалась обширная белая борода лопатой.

Борода была такой, что ее хозяин совершенно не был из-за нее виден. Только если приглядеться, то можно было увидеть над бородой яркие голубые глазки и лобик, прикрытый белыми кудрями, и торчащие из-под бороды в стороны ручки и красные сапожки.

...они побрели между занесенными снегом клумбами и грядками к небольшому дому с крутой красной черепичной крышей, железной дверью и маленькими окошками.

– Неужели! – В бороде появился ротик, и из него выскочили слова. – Неужели я вижу моих родных и близких? Вы потерпели очередное поражение?

– Потерпели, потерпели! – сварливо откликнулась бабушка, которая с трудом ковыляла по снегу. – И нечего этому радоваться!

– Тем не менее! – закричал старик с бородищей. – Я вас предупреждал! Нельзя поднимать руку на грубую силу. Они все равно победят. И разумный политик будет искать компромиссы, будет договариваться, а не вытаскивать шпагу при первой возможности. Против лома нет приема, но руку, которая держит лом, можно отвести.

– Проходи, девочка, проходи, – сказал герцог, оттесняя в прихожую старика с бородищей и пропуская Алису внутрь дома.

В доме было тепло, пахло пирожками и ванилью, уютно тикали ходики.

– Ноги вытирай, – проворчала бабушка, – у нас слуг почти не осталось. Все, кто мог, эвакуировались.

Алиса вытирала ноги, а дед с бородищей напустился на герцога.

– Франсуа! – закричал он. – Что я вижу! Где твой правый ус? Разве ты не понимаешь, что герцогу Кросскану позорно ходить с одним усом? Как ты мог позволить его оторвать?

– Раздевайся, – приказала бабушка Алисе, – здесь тепло.

– Простите, – ответила Алиса, – но я не хотела задерживаться. Меня ждут.

– Где же, прости, ждут девочку на ночь глядя? – удивилась бабушка.

– Мой друг просил меня приехать в замок Кросскан.

– Именно в замок Кросскан? И именно сегодня? – спросила бабушка.

Она скинула шубу и оказалась в длинном скромном сером платье с кружевным воротничком.

– Да, – сказала Алиса. – Моего друга зовут Пашкой Гераскиным. Вместе с профессором Гоцем они изучают привидения.

– Изучают? Я сейчас упаду в обморок! – заявила бабушка. – Разве привидения можно изучать?

– Профессор Гоц посвятил этому всю жизнь.

– Почему я не знаю профессора Гоца? – удивилась бабушка. – Я всю жизнь проработала в библиотеке и знаю всех профессоров. Внучок, ты не знаешь сумасшедшего профессора по фамилии Гоц?

– Бабушка, – ответил герцог, – ты же знаешь, что лучшие годы своей жизни я провел в замке Кросскан, где охотился, пьянствовал и отдыхал. Я никогда не видел ни одного профессора. Если бы не негодяй Дракула, который выгнал меня из замка, напустив на меня своих привидений и драконов, я бы и сейчас там жил.

– Ах, – сказала бабушка и махнула ручкой, – от моего внука Франсуа никогда не было толку. Кому нужна такая аристократия?! Любой проходимец с кучкой привидений и жалким драконом может выгнать его из замка.

– Бабушка, как тебе не стыдно! Ты же видела сегодня дракона! Кто может ему противостоять?

– Тот, у кого есть голова на плечах, – ответила бабушка.

Герцог хлопнул дверью и ушел в другую комнату. За ним поспешил старичок с бородой.

– Ты не познакомилась еще с моим мужем, – сказала бабушка Алисе. – Но можно и не знакомиться, он человек неинтересный. Франсуа мне тоже неинтересен, но когда у него отняли замок и угодья, он приехал в город и поселился в моем маленьком доме. Мы теперь очень тесно живем. Но не выгонишь же собственного двоюродного внука?

– Не выгонишь, – согласилась Алиса.

Бабушка хлопнула в ладоши, и в дверях показалась небольшая, серьезного вида обезьяна в белом фартучке.

– Магдочка, – попросила бабушка, – ты не принесешь нам с моей гостьей по чашечке чаю? И по кусочку кекса. Только смотри, чтобы мужчины не увидели, откуда ты достаешь кексы, они сразу смолотят всю коробку. Они у меня всегда голодные. Презираю мужчин.

Обезьяна побежала исполнять приказание, а бабушка обернулась к Алисе:

– Теперь твоя очередь, девочка. Расскажи мне, как тебя зовут, откуда ты родом и зачем к нам пожаловала. Говори коротко, правдиво и не старайся упрощать. У меня хорошая голова для моих ста тридцати лет, я не боюсь смотреть правде в лицо. Начинай!

И Алиса все рассказала бабушке герцога, которая, оказывается, сама не была герцогиней, потому что приходилась бабушкой герцогу по боковой материнской линии. Она звалась просто – госпожой Марианной Кросскан.

Бабушка слушала внимательно, иногда прерывала Алису, чтобы лучше понять, что такое, к примеру, параллельный мир, а иногда просила повторить непонятную фразу.

Обезьяна Магдочка принесла поднос с чаем и ничего не разлила и не разбила. Уходя, она хотела украсть кекс, который принесла для Алисы, но бабушка прикрикнула на нее, и та ускакала.

– Последняя моя служанка, – призналась бабушка. – Остальные сбежали. А ты продолжай, продолжай!

Алиса кончила свой рассказ тем, как она попала в подвал и услышала разговор графа Дракулы и маркизы. И тут появился герцог Франсуа.

– Хорошо, – сказала бабушка. – С тобой все ясно. Давай вместе попробуем понять, что же у нас здесь происходит! Теперь буду рассказывать я, а ты задавай вопросы.

Старушка отпила маленький глоток чаю.

– Я не могу сказать, что мы жили хорошо, но мы жили и не очень плохо, – начала она свой рассказ. – Места у нас довольно отсталые, и многие здесь верят в привидения, вампиров, оборотней. Вместо науки люди

у нас предпочитают гадать по руке, узнавать судьбу по звездам, ходить к экстрасенсам и интрасенсам и даже слушаться гадалок. Порой я удивляюсь, как нам удалось изобрести железную дорогу, если все вокруг верили в чудеса и раскладывали карты. Ума не приложу. А ты пей чай, это хороший чай, последний остался. В этом году, говорят, чаю не завезут, потому что к нам корабли из других стран боятся причаливать – того и гляди накинутся какие-нибудь вампиры, заразят все, людей перекусают. Еще заразу с собой привезут...

Бабушка замолчала, задумалась. Она была очень старенькой, но держалась молодцом.

– А потом появились эти самые... Дракула с маркизой. Франсуа, ты далеко, Франсуа?

– Я здесь, бабушка!

Герцог вошел в гостиную. Он успел сбрить второй ус, и лицо его снова стало симметричным.

– Бородку тоже придется убрать, – сказала бабушка. – Нелепо носить бородку, если нет усов.

– Я отращу, – пообещал герцог.

– Вот когда отрастишь, то и бородку отпустишь, – сказала бабушка. И Алиса поняла, что именно бабушка в этом доме главная.

– Хорошо, – вздохнул несчастный герцог. – Зачем ты меня звала?

– Расскажи нашей гостье Алисе, только коротко, совсем коротко, как ты потерял свой замок и честь.

– Я не терял своей чести! – воскликнул гордый герцог.

– Тем не менее.

Герцог подошел к буфету, открыл его, вытащил графин, полный красного вина, и высокий бокал, налил его до половины и встал, опершись о камин и приняв позу, которую всегда принимают герцоги, когда хотят рассказать о чем-то интересном.

– Этот негодяй! – воскликнул герцог. – Этот мерзавец! Он посмел явиться ко мне в замок и предложить продать фамильную собственность. Вы представляете?

– Я все давно представляю, – сказала бабушка. – Иначе бы ты не занимал три четверти моего домика и не стучал сапогами, как рядовой кавалерист. Продолжай, мой мальчик.

– Я его выгнал, – сообщил герцог и отпил из бокала.

– А потом?

– Потом он приехал снова, и я снова его выгнал.

– Короче!

– Однажды ночью ко мне заявилось привидение и потребовало, чтобы я выматывался из родового замка. Я выгнал и привидение... но они пошли сплошным потоком. Оказывается, этот самозванец Дракула обладает властью над всевозможной нечистью. И мой замок его вполне устраивал как штаб для наступления на города нашей страны. Ты не представляешь, во что это вылилось! Десятки привидений бродили по замку, вампиры сосали кровь из моих коней и из меня лично, оборотни пугали моих слуг... в конце концов жить стало невозможно. И мы уехали. Я имею в виду тех, кто еще оставался в живых. А вся эта свора неслась за нами до самой железнодорожной станции и терзала, терзала... – Герцог всхлипнул и нервно допил вино.

– Иди, мой милый, – велела бабушка. – Иди отдохни.

Герцог ушел, тяжело ступая.

– Когда он появился у меня, я думала, что он просто сошел с ума в своих горах, – сказала бабушка. – Но оказалось, что мой внучок не лгал. Буквально через неделю после него на город стали нападать привидения и даже огненный дракон. Сначала люди пытались бороться с ними... но страх оказался сильнее. Люди предпочитали уехать из города, тем более что эти чудовища еще и похищали детей.

– Зачем? – спросила Алиса.

– Я боюсь тебе ответить, – сказала бабушка. – Но вернее всего, чтобы съесть.

– Не может быть!

– Но привидения безжалостны! Им ничего не дорого! Это мертвецы, вставшие из могил. И нигде нет защиты от них! Даже в доме.

– И здесь?

– И здесь.

– Страшно, – призналась Алиса. – А как же я доберусь теперь до Пашки?

– Забудь о нем! Возвращайся домой, к своим родителям. Пашке ты не поможешь. И профессору не поможешь. Разве ты не поняла, что они специально подложили записку от твоего друга в сундук, чтобы тебя сюда заманить?

– А почему им надо было меня сюда заманивать? – спросила Алиса.

– Не знаю, – сказала бабушка, – но ничего хорошего я не жду.

– Нет, – возразила Алиса. – Почему-то они меня особенно не любят. И я бы сказала, что они даже побаиваются меня. Вернее, не меня, а моих знаний.

– Каких еще знаний? – спросила бабушка.

– Что-то мне известно, а они этого боятся...

– Пока ты об этом догадаешься, они тебя уже на кусочки разорвут.

– А вдруг не разорвут?

– Я видела много смелых девочек, я сама в молодости скакала на лошадях и взбиралась на самые высокие горы. Но чтобы быть такой безрассудной девочкой – нет, такого я еще не видела.

– Я хочу поехать к Пашке.

– Это смертельно опасно.

– У меня есть друзья.

– Твои друзья не смогут тебе помочь.

– Друзья всегда могут помочь. И вы в том числе.

– Ну какой я тебе друг? Я – выжившая из ума старуха, у которой всего-то в жизни что домик, который не сегодня-завтра развалится, да вздорный дед с бородой лопатой, которую он полдня чистит и нежит, а полдня пачкает яичницей и гороховым супом.

– У меня есть друг волк, – сказала Алиса.

– Если волк – друг, значит, он не волк, – ответила мудрая бабушка. – Значит, он оборотень, днем – волк, ночью – человек. Будь с ним осторожна.

– Но он же друг! – закричала Алиса, которая никогда не предавала друзей.

– Ты уже взрослая девочка, – сказала бабушка, – и не мне тебя учить. Тем более что пора идти ужинать.

Бабушка поднялась и повела Алису в столовую.

Столовая в том домике располагалась прямо в кухне. Только кухня была большой и длинной, во весь первый этаж. У плиты возилась обезьяна Магда, и бабушка поспешила ей на помощь. Алиса тоже хотела помочь, но герцог сказал, что она – гостья и, если надо, поможет Ганс.

Герцог, старик с бородой лопатой и Алиса уселись за стол. Стол был старый, деревянный, без скатерти. Перед каждым стояло по серебряной тарелке, возле тарелки лежали ножик и ложка. Видно, вилками здесь

Герцог, старик с бородой лопатой и Алиса уселись за стол. Стол был старый, деревянный, без скатерти.

не пользовались. Посреди стола стояло несколько графинов. Герцог и дедушка с бородой налили себе вина, а Алиса отказалась.

– Скажите, пожалуйста, – спросила она, – как мне лучше всего добраться до замка Кросскан?

– И не думай! – откликнулась от плиты бабушка.

– Вы же знаете, что я все равно туда поеду, – сказала Алиса.

– С нее станется, – подтвердил герцог. – Это далеко, девочка, тебе никогда туда не добраться. Тем более если в пути будут поджидать граф Дракула и его паршивая маркиза. Ты не представляешь, сколько у них злобных слуг!

– Ничего особенного, – вдруг заявил дедушка с бородой. – Как бывший начальник железной дороги, я тебе советую сесть на поезд.

– Неужели еще ходят поезда? – спросила бабушка.

– В этой стране есть отважные люди, – сказал старик с бородой лопатой. – Последний поезд еще ходит!

– Ох уж эти герои! – воскликнула бабушка, но герцог Франсуа с ней не согласился:

– Пока в стране ходят поезда, она не погибла. Железнодорожники не боятся привидений.

– Это точно, – подтвердил дед с бородой. – Завтра утром мы тебя посадим в поезд, и доедешь почти до места.

– А я пошлю почтового голубя на станцию, чтобы тебя встретили и дали подводу, – сказал вдруг Ганс. – У нас остались еще два почтовых голубя.

– Молодец, парень, – сказал Франсуа. – Теперь примемся за ужин!

– А вечером нельзя? – спросила Алиса.

Тут все засмеялись, и даже Алиса улыбнулась.

Потом дед с бородой на всякий случай объяснил:

– Ночью привидения хозяйничают как хотят. Никто не выйдет из дому. Они только утром утихомириваются. Так что выспись спокойно. А если ты с нами не согласна, то можешь пойти пешком, по горам и лесам, чуть больше трехсот миль.

– Спасибо, – сказала Алиса. – Я подожду.

– Тогда будь любезна, расскажи нам о своей планете, о своем городе, – попросила бабушка, которая кончила разливать по тарелкам суп и уселась за стол. – Кто твой папа, кто твоя мама?

И Алиса часа три рассказывала хозяевам дома о Земле и своем доме. Им было так интересно, что Алису просили продолжать, пока она совсем

не уморилась. И тогда бабушка пожалела ее и погнала всех по комнатам спать.

Ганс проводил Алису наверх, в ее комнату. Он нес свечу и не заметил выложенную из кубиков полоску под последней ступенькой лестницы:

НЕ ЗАПИРАЙ ДВЕРЬ

От радости у Алисы забилось сердце. Как хорошо знать, что друг близко!

Ганс сказал:

– Я запру дверь, чтобы кто-нибудь не залез.

– Нет, пожалуйста, не запирайте! – попросила Алиса.

– Если не закрыть, то может прийти привидение.

– Все равно не запирай, – сказала Алиса.

– Может, ты права, – ответил слуга. – В случае чего легче убежать. Имей в виду – у привидений зрение плохое.

– Вы меня порадовали, – сказала Алиса. – Спокойной ночи.

Ганс ушел.

Слышно было, как его шаги прошуршали по каменным плитам пола. Стало тихо. Потом со всех концов дома стали доноситься скрипы, шорохи и даже голоса.

«Алиса, – сказала она себе, – ты нормальный человек из XXI века. Чудес не бывает, если их не выдумывают люди. Так что давай не бояться призраков и вампиров».

Она разделась и легла.

Свечу она гасить не стала. Все-таки ей было страшновато.

А при свече человеку немного спокойнее.

Некоторое время Алиса прислушивалась к звукам старого дома, но потом незаметно заснула.

Глава седьмая
ЧЕРНАЯ РУКА

Алиса не знала, сколько она проспала.

Но проснулась она от неприятного чувства, что в комнате кто-то есть.

Было тихо. Яркая, почти полная луна светила в приоткрытое окно.

Сна не было ни в одном глазу. Как будто хорошо выспалась.

Скрипнула половица. Алиса приподняла голову. Середина комнаты была отлично освещена лунным светом, зато в углах, за высокими тем-

ными шкафами, было темно. Алиса приподнялась на локте, чтобы рассмотреть, нет ли кого там. В жизни не ожидала, что попадет в такой странный город. У нас никто не верит в чепуху вроде астрологии и колдовства.

Что-то шевельнулось в щели между стеной и шкафом.

– Если тут кто-то есть... – сказала Алиса и осеклась, испугавшись собственного голоса. Она проглотила слюну и начала снова: – Если тут кто-нибудь есть, пускай он выйдет. Я никого не боюсь. Я не из вашего мира. У нас мертвяки не гуляют, вы поняли?

В углу кто-то тихо-тихо засмеялся, будто звук доносился не из угла комнаты, а с пятого этажа.

И тут же раздался удар в окно.

Алиса испуганно обернулась.

За окном покачивалось раздутое светящееся лицо – словно кто-то запустил белый воздушный шар с нарисованными на нем глазами и ртом. «Наверное, это и есть воздушный шар», – подумала Алиса, но воздушный шар открыл рот и зашевелил губами, стараясь что-то сказать. К счастью, Алиса не слышала, а то бы еще больше испугалась.

С каждой секундой ей становилось все страшнее. Она готова была уже убежать. Но бежать можно тогда, когда знаешь, куда бежишь. А куда побежишь в этом домике? Всех перебудишь, всех рассердишь, а себя покажешь трусливым ребенком.

Алиса сидела на постели, накрывшись до горла одеялом, и мечтала, чтобы скорей пришло утро, но за окном все так же тревожно светила луна.

И тут краем глаза она заметила, как нечто черное выдвигается из стены как раз над ее головой.

Алиса посмотрела наверх.

Она увидела, как из стены медленно вылезает черная рука с длинными загнутыми пальцами. Пальцы шевелятся, как гусеницы, и с каждой секундой рука все ближе к Алисиной голове...

Вот этого Алиса уже не могла вынести!

Она скатилась с кровати... И чуть не натолкнулась на белое привидение, закутанное в простыню, которое вышло из шкафа.

Алиса оказалась меж двух огней. И у нее не было никакого оружия, чтобы защищаться.

– Мамочка! – заплакала Алиса и зажмурилась.

Она уже пять лет не звала на помощь маму и два года как не плакала.

– Мама, спаси меня!

И тут она услышала, как по полу – еще далеко, еще в коридоре – стучат когти.

Неужели ее мольбу услышали?

Все ближе стучат когти – и тут дверь широко распахивается от удара волчьей грудью!

Волк Гаврюха влетает в комнату и останавливается на пороге, раскрыв пасть и рыча, как лев.

И – о счастье! – привидение тут же отступило в шкаф и даже закрыло за собой дверцу. Шаровое лицо за окном перестало кривляться и провалилось вниз.

Только черная рука не сдавалась. Она продолжала тянуть к Алисе свои гибкие пальцы.

И тогда волк Гаврюха совершил непостижимый прыжок – через всю комнату, на постель!

Он вонзил клыки в черную руку, и... о чудо! – рука оторвалась от стены.

Держа добычу в зубах, волк спрыгнул с постели и положил руку на пол у босых ног Алисы.

Алиса отпрянула от страшной добычи и только тут почувствовала, какой холодный пол.

– Зачем ты это сделал! – накинулась она на волка. – А где остальное тело?

Волк отрицательно покачал умной головой, и Алиса поняла, что остального тела у черной руки нет и не бывает, потому что черная рука – совершенно особая и самостоятельная пугалка.

– Там в шкафу еще привидение осталось, – напомнила Алиса. – Оно в простыню завернуто.

Волк спокойно направился к шкафу, лапой отворил дверь и, зарычав, потянул за простыню. Простыня вытягивалась из шкафа, но кто-то держал ее изнутри. Волк мотал головой, чтобы вырвать простыню, а призрак

легонько, почти беззвучно топотал и бился внутри шкафа... Наконец волк победил. Он отлетел в другой конец комнаты с простыней в зубах, а из шкафа выскочила совершенно голая женщина с длинными зелеными волосами. Она кинулась прочь из комнаты, и ее спасло то, что волк не успел выпутаться из ее одеяния.

– Больше никого не осталось? – спросила Алиса.

Волк наклонил голову.

– Ты тут побудь, пожалуйста, – попросила Алиса. – Они же спать человеку мешают. Я бы рада не бояться. Но кто не испугается, когда из стены черная рука лезет?

Она показала на пол, но рука куда-то исчезла, остался только черный рукав.

Тут в открытую дверь сунулся череп. Череп щелкнул зубами.

– Пошел, пошел! – прикрикнула на него Алиса. – Ваших уже прогнали.

А волк, чтобы скелет понял его правильно, отважно пошел к двери.

Череп исчез. Дверь со стуком захлопнулась.

– Спать хочется просто ужасно, – сообщила Алиса волку.

Волк улегся поперек комнаты, рядом с пустым рукавом. Теперь, если кто-нибудь захочет войти в комнату, он обязательно должен будет перешагнуть через волка. А вы пробовали шагать через волка?

Алиса улеглась и скоро заснула.

Ночью ей снились самые обыкновенные домашние сны, в которых участвовала мама и робот Поля. Они втроем искали марсианского богомола, который убежал на крышу. Если кто и шумел в особняке, Алиса этого не слышала.

Утром Алису разбудил колокольчик.

Сначала звон его донесся издалека, снизу, потом человек с колокольчиком поднялся на второй этаж.

Звон раскатился по этажу, и Алиса проснулась.

Она открыла глаза.

Если солнце и встало, оно не смогло разогнать зимние снежные тучи. За окном было видно серое небо, с которого медленно летели вниз белые хлопья.

Волка нигде не было видно – наверное, он решил, что Алисе больше ничего не угрожает, и убежал по своим волчьим делам. Снизу доносился звон посуды, на кухне готовили завтрак.

Алиса встала с постели и увидела, что возле кровати стоят теплые ночные туфли. Ночью она их со страху и не заметила. Надела их и подошла к окну.

Перед домом раскинулся газон с клумбами, на которых стояли на постаментах белые мраморные статуи. Газон, клумбы и дорожки были покрыты снегом. Одну из дорожек подметал старик с бородищей, а перед ним стояла бабушка Марианна, которая махала ручками, за что-то ругая мужа.

В дверь постучали.

Алиса обернулась.

Там стоял слуга Ганс. Он широко улыбался.

– А я, честно говоря, – сказал он, – боялся, что ты не переживешь эту ночь.

– Я отлично выспалась! – ответила Алиса.

– Никто тебя не беспокоил? А черная рука приходила?

– Где-то от нее должен рукав остаться, – сказала Алиса.

И в самом деле, пустой рукав от черной руки валялся возле кровати. Алиса не стала признаваться изумленному слуге, что ей помог волк. Не надо Гансу об этом знать. Пускай они здесь все думают, что Алиса ничего и никого не боится. Ведь бесстрашных опасаются. «Жаловаться я буду папе и маме, – сказала Алиса сама себе. – А остальным и слезинки из меня не выжать!»

Слуга был потрясен Алисиной смелостью.

– Неужели ты сама с черной рукой справилась?

– А что в этом удивительного?

– Неужели ты отрубила руку мечом?

– Ганс, не придумывайте чепухи, – отмахнулась Алиса. – Вы отлично знаете, что у меня не было никакого оружия.

– Но как же?

– Считайте, что я отвинтила руку от тела, – призналась Алиса, и слуга помертвел от ужаса. – Кроме того, – сказала Алиса, показывая на простыню, которая лежала у двери, свернутая жгутом, – я вынула из этой простынки призрак, который прятался в шкафу. Он топал и мешал мне спать.

– Этого быть не может, – прошептал слуга, глядя на Алису квадратными глазами.

Он отступил в коридор. Сначала медленно, на цыпочках, а потом, оказавшись на безопасном расстоянии, кинулся бежать.

– Я думаю, что Пашка бы меня похвалил, – сказала Алиса.

Но никто ее не услышал. Пашка был далеко. И неизвестно, каково ему приходилось в окружении всех этих призраков, вампиров и скелетов.

Честно говоря, Алисе не очень нравилось в этом мире. Она любила солнце, большие веселые просторы и старинную песню: «Жил на свете капитан, он объездил много стран...»

Алиса оделась, увидела в стене небольшую дверцу и открыла ее. Она правильно угадала. За этой дверцей скрывался очень простой туалет. Он состоял из ночного горшка и таза с чистой водой, стоявшего на табурете...

Через десять минут Алиса, вполне одетая и готовая к боям, спустилась вниз, в столовую.

Стол был накрыт, но пришла она первой. Кроме обезьяны Магдочки, никого еще не было. Обезьяна поздоровалась с гостьей за руку.

Алиса не знала, можно ли здесь садиться за стол без хозяев. Поэтому она стала рассматривать портреты предков, прошлых герцогов, потемневших

от времени и засиженных мухами. Видимо, убегая из замка, герцог успел захватить самые ценные вещи.

Она засмотрелась на эти портреты и вздрогнула, услышав сзади старческий голос:

– А это мой дедушка. По слухам, он убил трех драконов, а четвертый его испепелил, но в это верится с трудом.

За спиной Алисы стояла бабушка.

– Доброе утро, – сказала Алиса.

– Доброе утро, девочка. Как ты спала?

– Отлично, – улыбнулась Алиса.

Бабушка тоже ей улыбнулась.

– Никто тебя не беспокоил? – спросила бабушка.

«Так я тебе и сознаюсь!» – подумала Алиса и спросила:

– А кто мог меня беспокоить?

– Ах, у нас много всякой нечисти... дом так давно не ремонтировали. У нас водятся тараканы, блохи, клопы и даже пауки. Извини, моя девочка, но это именно так. Причем среди пауков встречаются кусачие.

Лицо бабушки было серьезным, но глаза смеялись.

Алиса не успела ей ответить, как вошел герцог.

Он был в серебряном халате, завязанном золотым поясом, волосы его были завиты, усы доставали до висков. Следом за ним вошел Ганс и встал у дверей.

– Ах, как приятно узнать, что ты пережила ночь и осталась среди нас! – воскликнул он. – А я, должен тебе сказать, чуть не погиб.

Герцог прошел к своему месту за столом и жестом пригласил дам садиться.

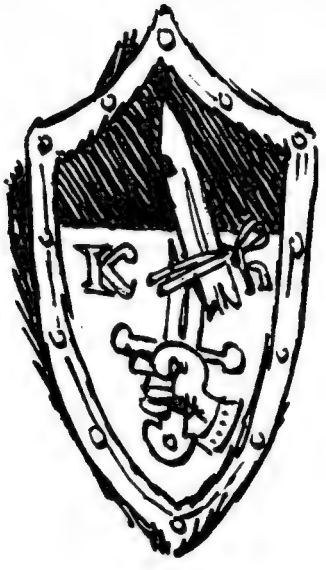
– Ночью ко мне в спальню проник вампир, – продолжал герцог, беря со стола салфетку и засовывая ее угол себе за ворот. – К счастью, я проснулся, когда он уже сел мне на грудь.

– Франсуа! – возмутилась бабушка. – Как ты смеешь говорить о таких гадостях при нашей юной гостье! Она и в самом деле может подумать, что у нас водятся вампиры.

– Не только водятся, но и кровь сосут, – мрачно заметил Ганс, который принес чайник с кипятком и стоял за спиной герцога, ожидая, когда можно будет разливать его по чашкам, в которые уже был насыпан растворимый кофе и налито молоко.

– А твои слуги, должна тебе заметить, – продолжала бабушка, – ведут себя недостойно. Совсем не помогают по хозяйству и слишком много едят. К тому же они меня и в грош не ставят.

– Бабушка, – ответил герцог, – к сожалению, со слугами в нашем городе очень трудно. У меня их почти не осталось. Я все жду, когда сбегут или погибнут последние.



– Я и сам не знаю, что лучше, – согласился Ганс. – Порой думаю сбежать, а порой решаю – может, лучше здесь погибнуть?

Алиса увидела над камином прибитый к стене щит.

– Какой странный герб, – заметила она. На щите была нарисована рыцарская рука, которая держала сломанный меч.

– Это герб нашего герцогского рода, – сказал Франсуа. – Ему уже тысяча лет.

– Триста, – поправила герцога бабушка, – как сейчас помню!

– Бабушка, вы же в маразме! – закричал герцог. – Каждый здравый человек скажет, что гербу больше тысячи лет.

– Я куда лучше помню то, что случалось со мной в юности, чем последние события. Вот, как сейчас, вижу – иду я по лужайке, а из кустов выскакивает шайка работорговцев, которые хотели меня украсть и продать турецкому султану в гарем. Я стала кричать, мой папа схватил меч, погнался за нами и начал сражаться с этими сарацинами. Он перебил их больше сотни, даже меч сломался. С тех пор на нашем щите помещают руку со сломанным мечом.

– Ах, не слушайте бабушку! – отмахнулся герцог. – Она сошла с ума от старости! На самом-то деле тысячу лет назад мой предок, которого тоже звали Франсуа, штурмовал замок, в котором скрывались наши враги. Ворота замка были такими крепкими, что их не удавалось пробить тараном. Тогда мой предок схватил свой меч и так ударил по воротам, что меч сломался, а ворота развалились. И наш род получил право на этот герб.

– Ах, как это не романтично! – воскликнула бабушка. – Мой вариант победил!

– Бабушка, или вы перестанете, – строго сказал герцог, – или я покину столовую. У нас гости. Что они подумают?

– Это мой дом! Я в нем жила, и я в нем, наверное, умру, от тесноты и топота ваших сапог! После этого назло тебе, мой внучок, я стану привидением и уеду к графу Дракуле.

Бабушка так разволновалась, что опрокинула чашку с кофе и убежала из столовой.

– Ну вот, – сказал герцог, промокая салфеткой пятно. – На нее не напасешься... – Затем он сделал паузу, почесал кончик длинного породистого носа и закончил: – Что ж, раз теперь здесь остались только свои, можно обсудить твое путешествие, Алиса. Ты согласна?

– Конечно. Чем скорее я уеду, тем лучше.

– Ты зря так думаешь, девочка, – заметил герцог Франсуа. – Твое пребывание в этом особняке лишь легкая разминка по сравнению с тем, что тебя ждет впереди. И чем лучше ты подготовишься к будущим испытаниям, тем больше шансов у тебя и твоего друга остаться в живых.

– Вообще-то, шансов немного, – произнес слуга Ганс, почесывая затылок.

– Помолчи, Ганс! И лучше погляди, не подслушивает ли кто-нибудь из привидений или мертвяков. А то, если они услышат, обязательно донесут своему хозяину.

Слуга кинулся к двери и широко распахнул ее – какие-то тени понеслись прочь, раздался тихий, леденящий душу смех.

– Не обращай внимания, – сказал герцог, – эти твари безмозглые.

Слуга вытащил из-за широкого пояса пистолет и выстрелил вдоль коридора. В отдалении кто-то завизжал.

Герцог поднялся из-за стола и, показав Алисе жестом, чтобы она продолжала пить кофе, принялся говорить:

– Ганс отвезет тебя на станцию. Билет тебе куплен, в купе ты будешь одна. Ехать тебе два с половиной часа. На станции Суха-Быстрица поезд стоит десять минут. Ты выйдешь в тот момент, когда поезд тронется, чтобы те, кто за тобой следит, не успели сообразить и погнаться за тобой. За зданием станции тебя будут ждать сани.

Герцог выбил трубку о край буфета. Из-под буфета выскочила белая мышь и опрометью помчалась в другой угол.

– Карамба! – рассердился герцог. – Ганс, ты обещал обеспечить мне полную безопасность!

– На вид – самая простая мышь, – сказал слуга.

– Это только тебе кажется, что она простая. А я видел, что у нее на спине нарисован черный знак Дракулы.

– Жаль, – вздохнул слуга. – Если она говорящая, то она сообщит хозяину, на каком поезде едет Алиса.

– Поздно, мы ничего не сможем изменить, – сказал герцог.

– А где будет мой волк? – спросила Алиса.

– Во-первых, – ответил герцог, – он вовсе не твой волк и, может, даже не волк, а во-вторых, я не знаю, где он. Только учти – на железных дорогах есть правило. Волков, собак, кошек и вообще никаких животных провозить нельзя. Потому что железнодорожники охраняют своих пассажиров, а ведь никто не может быть уверен, что с тобой едет кошка, а не заколдованная принцесса. Кот, а не какой-нибудь вампир!

В дверь заглянула бабушка.

– Алиса, – сказала она, – я хотела с тобой попрощаться.

Бабушка выглядела печальной. В руке она держала узелок.

Она оглядела Алису с ног до головы – от вязаной шапочки до сапог с обогревом – и сказала:

– Ты выглядишь странно. Но я к тебе привыкла. Я испекла тебе пирожков на дорогу. Не возражай, возьми. Ты обязательно проголодаешься в поезде и еще скажешь мне спасибо.

– Спасибо, – сказала Алиса и взяла узелок.

– Внучок, – спросила бабушка у герцога, – ты вызвал такси?

– Разумеется, – ответил герцог. – Я же остался без кареты.

– Кто повезет Алису на вокзал?

– Ганс. Он сам вызвался.

– Отважный Ганс!

– Не хотел я его отпускать, – признался герцог. – Он последний толковый слуга, который у меня остался. Есть, правда, еще трое, но они бестолковые.

Герцог вытащил из кармана большой кружевной платок и приложил его к глазам.

– Так мало надежды, Алиса, так мало надежды, что я увижу тебя живой, – сказал он и всхлипнул. – Правда, они тебя почему-то боятся.

– Я тоже так думаю, – согласилась с ним бабушка Марианна. – И потому, Алисочка, будь вдвойне осторожна! У тебя появились опасные и бессердечные враги, но зато стало больше верных друзей, которые на тебя надеются!

– Да, мы на тебя надеемся, – сказал герцог.

Бабушка подошла к Алисе и обняла ее. От бабушки пахло ванилью и душистым мылом. Она поцеловала Алису в щечку.

– Как жаль, – сказала она, – что мне уже больше ста лет. А то бы я составила тебе компанию. Но помни, что сердцем я всегда с тобой.

– Спасибо, – сказала Алиса. – Я помню об этом.

Глава восьмая
ПАССАЖИРКА

У калитки в сад стояла запряженная гнедой лошадью небольшая повозка, покрашенная в желтый цвет, с откидывающимся черным верхом.

Ганс помог Алисе забраться внутрь, затем влез сам.

Таксист сидел на козлах. Когда пассажиры устроились, он повернул вниз ручку счетчика.

– На вокзал? – спросил он.

– Поезжай прямо, – ответил конспиратор Ганс, – по дороге скажу.

– Мне-то что, – сказал шофер, – но в городе многие говорят, что приехали детишки из параллельного мира и герцог намерен с их помощью отвоевать свой замок Кросскан у графа Дракулы. Правду ли говорят или врут?

– Прямо, прямо и поторапливайся! – приказал Ганс.

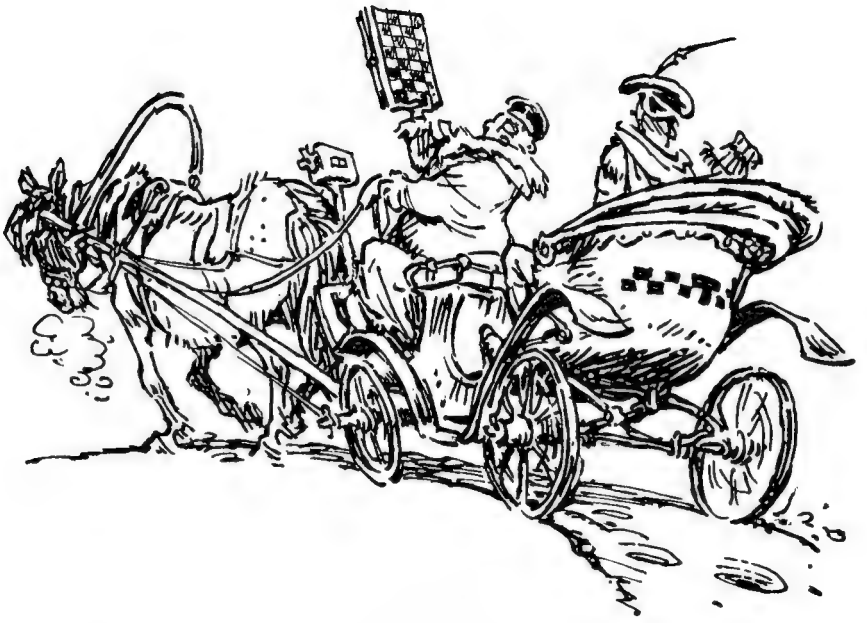
– И еще люди говорят, – продолжал возница, – что вчера граф Дракула, который побаивается этих детей из параллельного мира, насылал на них целую стаю драконов. В городе народу побили видимо-невидимо.

– Откуда нам такие вещи знать? – ответил Ганс. – Мы с племянницей герцога вчера весь день в шахматы играли. Правда, Луизочка?

– Да, – поняла Алиса. – Мы весь день в шахматы играли.

– С девчонкой? В шахматы? – удивился таксист. – Такого быть не может! Сейчас же проверю.

Он прикрикнул на лошадь, та остановилась, и таксист вытащил из-под своего сиденья шахматную доску.



Только сейчас, когда он обернулся к ней, Алиса его разглядела.

Возница был человеком массивным, почти толстым, крупным, носатым, бородатым, бровастым, рукастым. Всего в нем было много, даже голоса.

– Расставляй! – приказал он.

– Да ты с ума сошел! – возмутился Ганс. – Поезд отходит через полчаса. Другого до завтра не будет.

– Если она умеет играть в шахматы, пускай сыграет блиц! – взревел таксист.

– Не беспокойся, Ганс, – сказала Алиса. – Мне даже интересно сыграть с местным любителем.

– Какой я любитель! – зарычал таксист и начал быстро расставлять фигуры. – Ты, ребенок, хоть знаешь, как конь ходит?

– Надеюсь, что у нас с вами одинаковые правила, – сказала Алиса.

– Только не надо лукавить, – обиделся таксист. – Если не умеешь, так и скажи. И поедем дальше.

– А если умею? – спросила Алиса, оглядывая фигуры. Вроде бы они стояли правильно.

– Если умеешь, попрошу прощения и домчу до вокзала.

– А если я вас обыграю?

Таксист расхохотался и ответил:

– Тогда везу бесплатно.

И тут же сделал первый ход пешкой.

Противники быстро делали ходы, а Ганс чуть с ума не сошел от страха, что Алиса опоздает на поезд.

Но все обошлось. После восемнадцатого хода таксист, который совершенно не разбирался в защите Каро-Кан, ахнул и сказал:

– Как так – мат?

– А вот так, – сказала Алиса. – И когда я вернусь сюда, дам вам возможность взять реванш. Не расстраивайтесь. Я ведь тоже когда-то не знала теории.

Таксист не сразу смог собрать фигуры. Руки у него дрожали. Алиса уж подумала, может, им подыскать другое такси. Но тут таксист запахнул шубу и завопил на свою лошадку.

Она покорно затрусила к станции.

Теперь перед Алисой лишь покачивалась широкая, укутанная тулупом спина.

Ганс пожал Алисе руку.

– Теперь у меня возникают кое-какие надежды, – прошептал он.

Таксист услышал и рявкнул, не оборачиваясь:

– Если люди правду говорят, что ты хочешь с графом Дракулой сразиться, то считай, что на меня можешь рассчитывать! Конечно, мне обидно пигалице проигрывать, но лучше своя пигалица, чем чужая царица. Эге-гей!

Лошадка побежала чуть быстрее.

Она делала километров десять в час. Но Алиса верила в то, что таксист привезет их вовремя.

Днем город выглядел совсем не так мрачно и страшно, как вечером, когда Алиса увидела его в первый раз. На улицах было немало людей, никто не таился по подворотням, магазины были открыты, в трактирах звенела посуда. Кареты, повозки и пролетки, желтые такси встречались на каждом шагу. Некоторые люди останавливались – видно, узнавали девочку из параллельного мира и махали ей. Алиса махала в ответ. Всегда приятно, когда тебя узнают. Но удивительно, как здесь быстро расходятся слухи.

– На тебя люди надеются, – сказал Ганс. – Так что ты уж оправдай их доверие. Когда плохо, мы за любой слух цепляемся: а вдруг нам помогут?

Справа показалось пепелище. На пепелище копошились люди. Какая-то женщина сидела на обгоревшей кровати и горько плакала.

– Этот дом, – напомнил Ганс, – сгорел вчера от нападения дракона. Ах, какое несчастье!

– Почему же люди не соберутся вместе, чтобы выгнать графа Дракулу?

– Хотели бы объединиться, но не приучены. Привыкли, что привидения сильнее людей. Вот и терпят.

Алиса с удивлением посмотрела на Ганса. Сидит рядом с ней молодой парень, желтые волосы до плеч, потертый камзол, дырявые башмаки – бедный слуга обнищавшего герцога. А рассуждает так умно!

– А ты думаешь, как все? – спросила Алиса.

– Я – сам по себе, – ответил Ганс.

Такси остановилось перед вокзалом. Ганс схватил Алисину сумку. Таксист помог пассажирке слезть и спросил:

– Скоро обратно?

– Наверное, завтра, – сказала Алиса.

– Будем ждать, – сказал таксист. – Я с собой всю нашу шахматную секцию приведу. Дашь сеанс одновременной игры?

– С удовольствием.

– Если разберется с привидениями, – напомнил Ганс.

– А у вас там все так играют? – спросил таксист.

– Нет, не все, – ответила Алиса. – Многие лучше.

Таксист расхохотался так, что над покосившимся древним вокзалом взмыла черная стая ворон. Они подняли такой крик, что Ганс не выдержал и поспешил внутрь здания.

– Беги, заклюют! – крикнул таксист и стал отмахиваться от злых ворон метлой, которая лежала у него под сиденьем.

Алиса вбежала в вокзальный зал.

Он был неопрятный, неухоженный, даже штукатурка осыпалась с потолка. Людей было немного, да и вели себя люди осторожно, собирались в кучки, чтобы не было страшно.

На перроне перед поездом Алиса увидела небольшую толпу. Все рыдали. В центре толпы стоял молодой человек в железной каске и бронежилете.

– Что это? – спросила Алиса у одной из плачущих девочек, которые провожали молодого человека.

– Ах, это наш двоюродный брат Густав, – ответила девочка. – С ним случилось несчастье. Он кончил институт по специальности «Дошкольное образование», и его посылают в детский сад на станцию Суха-Быстрица.

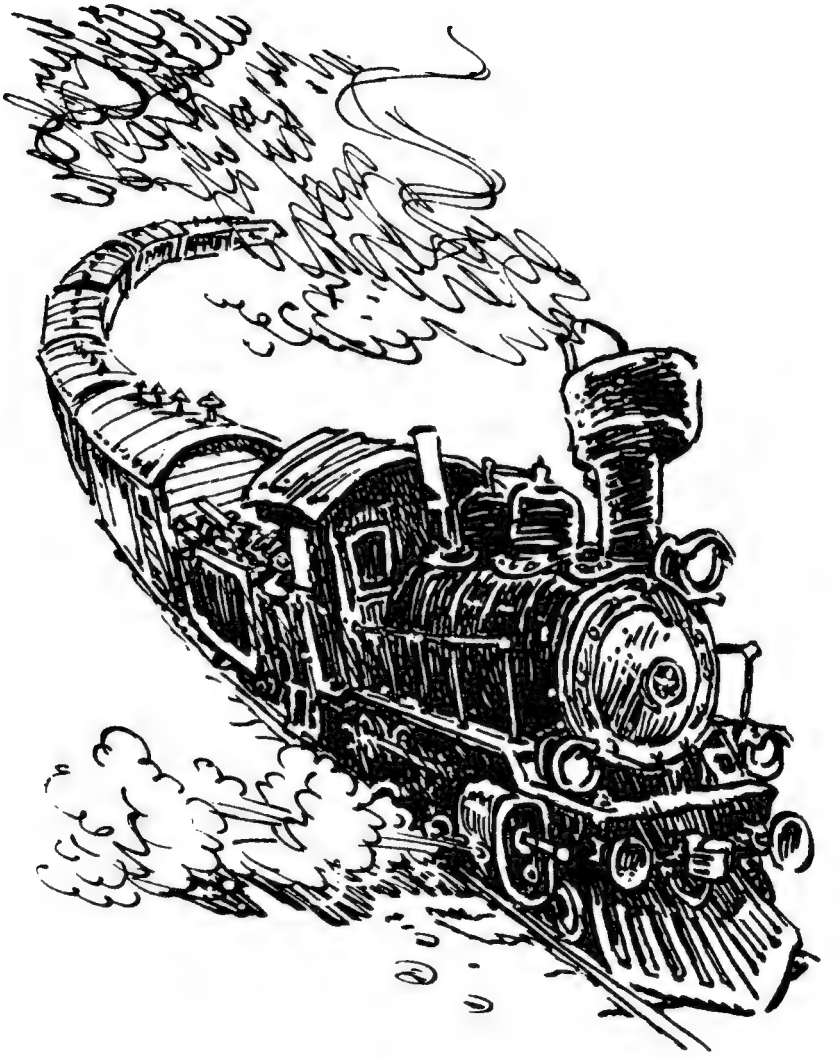
– А почему все плачут?

– Там же нечистая сила правит! Там живет граф Дракула.

Поезд загудел, предупреждая, что готов двинуться в путь.

Ганс поднялся с Алисой в вагон, провел ее в купе и убедился, что она едет одна. Потом попрощался и соскочил на ходу.

Поезд был старинный, даже первобытный. Но содержали его в порядке. Медные ручки дверей и шкафчиков были начищены, зеркало протерто, диван застелен чистой простыней и покрыт шерстяным одеялом. Второй диван в купе не был застелен – герцог не обманул, он заплатил за все купе, чтобы Алисе не попался какой-нибудь неприятный попутчик. Алиса немного взгрустнула, что с ней нет волка и что он даже не пришел



с ней попрощаться. «Все-таки дикое животное не может полюбить человека, как настоящая собака, – подумала она. – Наверное, волк нашел себе настоящий лес и охотится на зайцев».

Конечно, Алисе на самом деле не хотелось так думать. Но лучше думать о грустном, чем наоборот: надеяться на златые горы, а найти медную монетку.

Постучал и вошел проводник. Это был вежливый старик в поношенном, но чистом и выглаженном мундире и форменной красной фуражке. Он сказал:

– Госпожа едет одна?

– Мне так сказал герцог Кросскан, – ответила Алиса. – А скоро мы прибудем в Суха-Быстрицу?

– Это зависит от погоды, госпожа, – объяснил проводник. – Если ветер попутный, то к обеду доберемся.

– А разве ваш паровоз парусный? – спросила Алиса.

Проводник пожал плечами.

– Вашу шутку, госпожа, я оценил, – сказал он. – Но наш паровоз питается углем. А вы, к сожалению, не знаете, какие у нас бывают ветры. Будете пить чай или кофе?

– Я уже завтракала, – сказала Алиса.

– Значит, лимонад, – буркнул себе под нос проводник и ушел.

Поезд набирал скорость. Он катил через городские окраины. Домики здесь стояли маленькие, бедные, подушки снега лежали на соломенных крышах, кое-где из труб поднимался дым.

Потом пошли поля, по которым гуляла поземка. Вдали виднелись гребенки еловых лесов. Местность пошла унылая, заснувшая на зиму.

«Жалко, что я не купила какую-нибудь газету или книжку – хоть почитала бы. А то ждать... Когда у них обед?»

Снова появился проводник. Он принес бутылочку с лимонадом и высокий стакан.

– А дорога у вас здесь не опасная? – спросила Алиса.

– Почему же наша дорога должна быть опасной? – удивился проводник. – За рельсами мы следим, тормоза в порядке.

– А привидения не докучают?

– Привидения нас не трогают, – ответил проводник и лукаво улыбнулся. – И знаете почему? Привидения и все те, кто их придумывает, ничего не понимают в технике. В школах они не учились, паровой машины боятся, а уж когда кто-нибудь изобретет самолет, то они совсем попрячутся.

– Так пускай кто-нибудь у вас поскорее изобретет самолет.

– Не получается, – вздохнул проводник. – Самолет испытывать надо, а тут сразу же слетаются драконы и воронье. Заклевывают модель. У нас уж некоторые пытались. А в прошлом году великий воздухоплаватель Весекалинский трагически погиб. Он поднялся на воздушном шаре, но на него напала такая стая воронья, что небо стало черным. Проклевали оболочку, и все! Больше на воздушных шарах никто не летает. Вам еще лимонаду принести?

– Нет, спасибо, – сказала Алиса. – Невеселая жизнь в вашем параллельном мире!

– Но мы не теряем надежды, – ответил проводник. – Может быть, и вы нам поможете, Алиса.

– Вы меня знаете?

– Вас многие знают. И меня ваши друзья предупредили.

– А много народу в вагоне едет? – спросила Алиса.

– Кроме вас, один торговец и еще молодой воспитатель детского сада, который едет в поселок Суха-Быстрица, где не осталось ни одного ребенка.

– Так зачем же он едет?

– Раз детский сад есть, значит, нужен воспитатель. Когда-нибудь дети снова там будут.

– А вы верите, что все хорошо кончится?

– Если не верить, Алиса, то и жить не стоит.

Проводник ушел, и Алиса снова осталась одна. Небо за окном потемнело, снег пошел гуще, и хлопья снега были большими, как клочки рваной бумаги.

Колеса громко постукивали на стыках рельсов. Неожиданно поезд ворвался в туннель, и стало совсем темно. Алиса сосчитала до двухсот, прежде чем туннель кончился, – и сразу стало тише и светлее.

Наконец-то можно остановиться и не нестись вперед.

Алиса свернулась калачиком на мягком диване и стала думать.

Что она знает об этом параллельном мире?

Сюда умчался профессор Гоц, потому что он всю жизнь изучал привидения, охотился за ними и вот получил возможность на них посмотреть вблизи и узнать, как же они устроены. Потом сюда рванул Пашка, потому что хотел помочь профессору, к тому же он и дня не может прожить без приключений.

Пашка и Гоц исчезли в горах, в замке, который какой-то граф Дракула отнял у герцога Франсуа де Кросскан. Дракула командует привидениями и вампирами и запугал всех местных жителей. А слуги Дракулы к тому же похищают маленьких детей. С ума можно сойти!

Но почему же всесильный Дракула хочет поймать и убить Алису? Чем она ему досадила? Что в ней опасного? Узнать это можно только в замке.

«Ладно, – подумала Алиса, – все равно я ничего нового не придумаю, пока не приеду на место. Я должна отдать Пашке теплые вещи, а профессору микроскоп.

Хорошо быть первоклассницей! Захотела на другую планету – хоть сейчас! В бой с драконами? Только покажите мне этих драконов! В битву с космическими пиратами? Всегда готовы.

А сейчас ты уже стала взрослой, тебе скоро двенадцать лет. Пора задумываться.

А задумавшись, удивляешься.

Подумать только, в параллельном мире язык тот же самый, что и в Москве, и названия совпадают, и законы физики действуют такие же, и даже в шахматы играют по тем же правилам. Тогда почему здесь привидения и вампиры делают что хотят? Почему драконы пожирают коней и сжигают дома? Что-то тут неладно – ведь у нас привидений не бывает!»

Снова пришел проводник и принес корзинку с бутербродами и фруктами.

– У меня, к сожалению, нет денег, – призналась Алиса, хотя она уже проголодалась.

– Не беспокойтесь, юная госпожа, – сказал проводник. – За все уже заплачено.

– Герцогом?

– О нет, герцог у нас совсем разорился, – ответил проводник, который, оказывается, много знал о местных знатных господах. – За вас заплатила железная дорога. Мы на вас надеемся.

Проводник сел рядом с Алисой на диван, взял из корзинки бутерброд с сыром и принялся жевать его, запивая лимонадом.

– Вы простите, что я так, по-простому, но в коридоре очень холодно, – сказал он.

– Не стесняйтесь, – сказала Алиса. – Мне очень приятно, что вы ко мне заглянули. Можно я буду вам задавать вопросы?

– Для этого я здесь и сижу, – признался проводник.

У Алисы было много вопросов. И она даже не знала, с какого начать. Поэтому она спросила:

– Кто такой граф Дракула? Герцог и его бабушка очень на него сердиты, но толком ничего не рассказали.

– Когда-то был такой граф. Он жил в заброшенном горном замке и разбойничал. У него была плохая репутация. Многие считали его злым колдуном. Но все это происходило очень давно.

– А когда он умер?

Проводник почесал седую бровь, потом произнес:

– Лет пятьсот назад. Точнее не скажу. Надо в энциклопедии поглядеть.

– Значит, речь идет о другом графе Дракуле! – сказала Алиса. – Потому что герцог Франсуа утверждает, что именно граф Дракула отобрал у него замок.

– Все знают об этом, – сказал проводник. – И многие думают, что новый Дракула – самозванец.

– И он в самом деле командует привидениями?

– Так многие считают.

– Вы не верите? – спросила Алиса.

Проводник пожал плечами.

– Странный вы человек! – сказала Алиса. – Но хоть в привидения вы верите? Или в драконов? Почему все верят, а вы не верите?

– Я вообще ни во что не верю. Еще в прошлом году я работал в университете и преподавал там физику. Я знал, что у физики есть законы. Теперь же университет закрыли, и все ученые разбежались. Хорошо еще, что нас берут на железную дорогу, потому что всякая нечисть не смеет к ней приблизиться.

– А что же случилось с университетом?

– Университет закрыли, потому что не осталось студентов, – вздохнул проводник. – И все школы закрыли. Даже детские сады закрыли. Остались только училища для колдунов.

– Но почему?

– Во-первых, потому, что люди готовы верить в белиберду, особенно если подвесить к белиберде хрустальный колокольчик.

– Но я сама видела привидения и драконов!

– И я видел, – вздохнул проводник. – Но я не знаю, что они собой представляют. А законы науки гласят, что после смерти люди не возвращаются, черные руки не вылезают из стен, а скелеты не прячутся в шкафах. Наконец, ни один граф не сможет прожить пятьсот лет, даже если он будет питаться одной простоквашей.

– А что же тогда творится вокруг?

– Вот этого я и не могу понять! – воскликнул проводник. – И мои друзья находятся в таком же отчаянии. Ну что же делать, если привидения и колдуны крадут детей! Люди перестали посылать детей в школы. Люди стали жить куда хуже, чем раньше, они отдают все ценности сборщикам налогов, которых посылает граф Дракула.

– И как же быть?

– Думать, искать выход, бороться и надеяться!

– На что?

– Например, на тебя, Алиса, – ответил старый проводник. – На то, что тебя не удастся сбить с толку и околдовать.

– Но я же только девочка! Когда вчера ночью из стены вылезла черная рука, я чуть от страха не умерла.

– Но господин Канис в тебя верит!

– Кто такой господин Канис?

– Я не могу тебе открыть его. Но он хороший и честный юноша.

– Я буду рада с ним встретиться, – сказала Алиса.

– Он сам решит, когда с вами встретиться, – ответил проводник.

Они доели бутерброды, а потом проводник сказал:

– Простите, но мне пора идти. Надо растопить печку, поставить чай для пассажиров. А если кто-то захочет перекусить, я принесу еду из вагона-ресторана.

Алиса посмотрела на часы. Уже скоро два часа, как поезд в пути. Поля вокруг исчезли, пошли горы, поросшие лесом. Горы были пока невысокие, скорее холмы. Они были укрыты пышным снегом.

Глава девятая
ПОЕЗД ДАЛЬШЕ НЕ ПОЙДЕТ

Поезд начал тормозить. Он тормозил рывками, словно машинист увидел препятствие слишком поздно. Стакан слетел со столика.

Алиса кинулась к окну. Но ей был виден лишь склон холма. Она открыла дверь и выглянула в коридор – по ту сторону тоже был склон холма. Оказывается, поезд остановился в ложбине между двумя холмами. Как в большой, широкой канаве.

Алиса пошла к проводнику, чтобы узнать, что же произошло.

В служебном купе проводника не было.

Алиса пошла по вагону. Открылась дверь в купе, и выглянул испуганный молодой воспитатель детского сада.

– Что случилось? Почему стоим? Что за безобразие! – восклицал он.

– Не бойтесь, – сказала Алиса. – Сейчас поедем дальше.

– Вы так думаете? – обрадовался учитель. – Вы в этом уверены?

Открылась еще одна дверь, высунулся толстый мужчина. Он крутил головой, вздыхал, но молчал.

«Ах, какие они все запуганные, – подумала Алиса. – За них страх все решает. А ведь главное – никогда ему не поддаваться».

Алиса решила пройти вперед по поезду и посмотреть, что же там произошло. Она перешла в другой вагон. Переходы между вагонами были открытыми, поэтому мороз сразу хватал за лицо и руки. Дул ветер со снегом.

Алиса перебежала в следующий вагон. Она не помнила, сколько вагонов отделяют ее от паровоза. Хорошо бы поменьше!

В третьем вагоне было совсем пусто. Одно из окон было опущено, в него врывался снег, и он уже насыпал белый холмик в коридоре.

Алиса хотела закрыть окно, но ничего не получилось.

И тут она увидела, что навстречу ей по коридору спешит старый проводник. Вид у него был сумрачный, лицо бледное, усы повисли как макароны.

– Алиса, какое счастье, что я тебя нашел! – воскликнул он. – Скорей назад, в этом вагоне оставаться нельзя.

Алиса не стала расспрашивать проводника – она уже отлично знала, что только глупые люди начинают задавать вопросы, когда надо уносить ноги. Она побежала обратно, за ней – проводник. Когда она пробегала мимо последнего купе, то услышала странное урчание – будто кто-то громадный чавкал и давился пищей.

Пробежав в свой вагон, проводник запер дверь и перевел дух.

Они остановились в коридоре.

– Что случилось? – тихо спросила Алиса. Ей передалось волнение старого проводника.

– Впереди путь завален снегом.

– Лавина?

– Я бы не сказал, – ответил проводник. – Откуда взяться лавине, когда нет крутой горы? У меня такое впечатление, что завал сделали нарочно.

– Кто?

– Они. Слуги Дракулы.

– Зачем?

– Они всегда стараются уничтожить поезда – последний наш оплот. Они не смеют на них нападать, но строят ловушки.

– Так надо скорее дать задний ход! – предложила Алиса.

– Машинист хотел это сделать, – ответил проводник. – Он взобрался на паровоз и увидел, что сзади нас собралась целая толпа разных оборотней и привидений. Они заваливают пути снегом. Мы в ловушке.

– Неужели неоткуда вызвать подмогу? – спросила Алиса.

– Только из города, – ответил проводник. – Там есть специальная спасательная бригада. Но они же не знают, что с нами случилась беда.

– А как дать им знать?

– Для этого надо добраться до станции. Отсюда два километра до полустанка Праскава. Там есть телеграфный аппарат.

– Так пошли же! – сказала Алиса.

– Нет, нам не дойти, – вздохнул проводник.

– А если не идти, когда нас хватятся?

– Они пока не беспокоятся, потому что здесь часто бывают заносы и паровоз пробивается сквозь них очень медленно, хоть и везет перед собой треугольную лопату, чтобы чистить рельсы. Только часа через два в городе начнут беспокоиться, еще через час решат послать дрезину со спасателями, еще через три часа они сюда доберутся. К этому времени нас не будет в живых.

– О, какое несчастье! – закричал из-за двери купе воспитатель детского сада. – Не надо было мне стремиться к образованию! Лучше бы меня выгнали из школы.

Проводник отворил дверь купе воспитателя и сказал:

– Выходите к нам! Мы соберемся в служебном купе, закроем ставнями окна, запрем двери и будем ждать подмогу.

– А дождемся? – Преподаватель выглянул в коридор, его трясло от страха.

– У нас все уже рассчитано, – сказал проводник. – Не первый раз на нас нападают. Иногда удается продержаться до подхода помощи!

– А иногда? – спросил преподаватель.

– А иногда не удается, – сказал проводник и погрозил кулаком в сторону окна.

Алиса обернулась.

За окном торчала голова снеговика с угольками вместо глаз и морковкой вместо носа. Голова улыбалась, и это было неприятно.

Голова поднялась повыше, и Алиса поняла, что она надета на шест, а шест держит в руках облезлый медведь в валенках.

– Что это такое? – удивилась Алиса.

– Они снеговика лепят, – ответил проводник. – Он умеет замораживать людей.

– Нет, так нельзя! – возмутилась Алиса. – Мы с вами рас-

сказываем детскую повесть. Так вы всех читателей перепугаете! Да и не только детей – вы только посмотрите на преподавателя детского сада, на нем лица нет.

Воспитатель так перепугался, что принял слова Алисы всерьез и стал ощупывать свое лицо, будто его могли украсть.

– Этого я не хотел, – вздохнул проводник. – Но, к сожалению, в нашем мире это грустная правда жизни. Пускай те, кому страшно, дальше эту повесть не читают. А мы, Алиса, с тобой и с другими пассажирами поскорее спрячемся, чтобы привидения и оборотни не могли к нам пролезть.

– Скорее, скорее! – обрадовался преподаватель. Он схватил свой чемодан и, толкаясь, первым побежал в купе к проводнику. За ним поспешил толстый торговец.

Последней в маленькое служебное купе прошла Алиса. Было тесно. Воспитатель стонал, торговец вздыхал.

Проводник куда-то ушел и долго не возвращался.

В вагоне становилось все холоднее – видно, выгорела печка, а больше угля не подбрасывали.

В окно Алиса увидела, как из ельника вышел небольшой медведь. Он поднялся на задние лапы, чтобы получше разглядеть застрявший поезд, будто проверял, надежно ли он застрял. Может, это был самый обыкновенный медведь, но Алиса уже стала подозревать всех животных в служении этому злодею – графу Дракуле.

Нет, так сидеть нельзя. Скоро уже начнет темнеть, а в темноте, как известно, нечистая сила становится вдвое сильнее.

И тут вернулся проводник.

– Машинист сказал мне, – сообщил проводник, – что есть надежда на выручку. Надо ждать.

– Сколько надо ждать?

– Я думаю, часа два.

– А сколько до разъезда? – спросила Алиса.

– Два километра. До полустанка Праскава.

– Я туда пойду, – сказала Алиса.

– С ума не сходи! – воскликнул проводник. – Они тебя перехватят.

– Я замаскируюсь, – пообещала Алиса.

– Ты замерзнешь!

– Я тепло одета. И я не боюсь мороза.

– Они тебя растерзают!

– У меня есть «Пилат». Я могу ходить по воздуху и подниматься на несколько метров.

– Но вокруг дежурят совы и вороны! У них есть летучие вампиры! Они тебя поймают и в воздухе.

– Я не могу ждать, – возразила Алиса. – Я и в детстве этого не выносила. Они же думают, что мы сидим и ждем помощи, правда?

– Конечно, они уверены, что никто из нас и носа не высунет из поезда.

– Тогда я буду делать то, чего от меня не ожидают, – сказала Алиса.

– Ну как знаешь, – вздохнул проводник. – Ты уже большая девочка. Мое дело – честно предупредить.

– Можно я возьму простыню? – спросила Алиса.

– Зачем?

– Чтобы меня не сразу заметили.

– Это же надо так придумать! – обрадовался проводник Алисиной догадке. – На белом снегу под белой простынкой! Бери простыню, конечно, бери.

– А когда я доберусь до полустанка Праскава, что мне делать дальше?

– Первым делом сообщи тамошнему начальнику, телеграфисту Михаю, что путь завален снегом, пусть он вызывает помощь из города.

– А дорога от Праскавы до замка Кросскан есть? – спросила Алиса.

– Есть дорога. Только плохая, через лес.

– Я пойду через лес.

– Может, подождем вместе? – спросил проводник. – Ведь в Суха-Быстрице тебя ждет экипаж, он домчит до замка за полчаса.

– А когда это будет?

– Когда помощь придет.

– Но никто не знает, когда она придет!

– Никто не знает, – признался проводник, – но все надеются.

Алиса не стала больше тратить время даром. Она оделась, накинула на плечи лямки рюкзака, надвинула пониже на брови шерстяной шлем.

– Жалко, я лыж не взяла, – сказала Алиса. – И Пашка мне не сказал.

– Он же не думал, что вы будете по лесам ходить, – заметил проводник. Он был прав. Пашка не мог о таком догадаться.

– А здесь кто-нибудь ходит на лыжах? – спросила Алиса.

– У нас никто не смеет сунуть нос в лес, – сказал проводник. – И вообще люди предпочитают не отходить далеко от своего каменного дома.

Алиса сняла с дивана простыню. Накинула ее на голову. Теперь она была в белом плаще с капюшоном. Алиса подобрала подол белого плаща и сказала проводнику:

– До встречи!

– Я был рад с тобой познакомиться, – ответил проводник. – Надеюсь, скоро встретимся вновь!

Он проводил Алису до двери вагона, открыл ее треугольным ключом и осторожно выглянул наружу.

Все так же сыпал снег, небо скрылось за снежными хлопьями.

– Еще долго до темноты? – спросила Алиса.

– Часа два, – ответил проводник.

Они разговаривали вполголоса, чтобы не привлекать внимания врагов.

Врагов пока не было видно. Но Алисе казалось, что за каждым деревом кто-то прячется.

– Снег очень глубокий, – прошептал проводник. – Как минуешь завал, выходи на железнодорожные пути и иди по шпалам – там снегу меньше.

– Зато меня лучше видно, – сказала Алиса.

– И это правильно, – вздохнул проводник. Он протянул ей руку на прощание и произнес со слезами в голосе: – Жалко тебя, такая хорошая девочка и, вернее всего, погибнешь!

Хотела Алиса ему ответить, что не надо бояться, тогда и чудовища не возьмут над тобой власть. Но зачем обижать пожилого человека?

Алиса спрыгнула в снег и сразу ушла в него по колени.

Она поплотнее закуталась в простыню и стала карабкаться вверх по склону, к елкам, чтобы укрыться за ними.

Вскоре она уже оказалась выше поезда и смогла, выглянув из-за дерева, увидеть, что же произошло.

Справа, через три вагона, стоял паровоз с высокой трубой. Паровоз уткнулся в высокий вал снега и отчаянно дымил, будто сердился. Снежный завал тянулся метров на десять в длину. Если бы все пассажиры и проводники выбрались с лопатами, они бы его до темноты разбросали. Но Алиса уже знала, что никто вылезти не посмеет.

Если не считать дыма из паровозной трубы, ничто вокруг не шевелилось. Не было видно ни людей, ни животных.

Алиса пошла вперед, вдоль поезда. Идти было очень трудно – каждый шаг давался с трудом. Снег был где по колено, а где и по пояс. Ведь в лесу никто не протаптывал тропинок для Алисы.

Алиса поняла, что так она доберется до полустанка только к завтрашнему дню.

Сделав из простыни маленькую палатку, Алиса присела на корточки и прикрепила подошвы «Пилата» на свои сапожки.

Высоту полета можно установить на браслете, приклеенном к руке, как вторые часы. Дальше все зависит от твоего умения. Алиса знала, как пользоваться ранцем, главное, надо помнить о равновесии. Забудешь – полетишь к земле быстрее камня. Так что детям пользоваться подошвами «Пилата» строго воспрещается, пока они не сдадут специальный экзамен.

Алиса поставила на циферблате высоту два метра – ей не хотелось подниматься над вершинами елок, чтобы ее не заметили. Она заскользила между зелеными ветками, умело отклоняясь от колючих иголок. Белая простыня развевалась сзади, и со стороны Алиса казалась привидением.

Она не успела толком подумать, какая ей польза от такого сходства, как заметила слуг графа Дракулы.

Оказывается, они таились прямо за снежным завалом. Поэтому их не было видно с поезда.

Если не знать, что это злодеи, захватившие всю страну, можно подумать, что за сугробом собралась сказочная компания.

Большой белый медведь, три привидения, снеговик с морковкой вместо носа, три волка, маленький, ростом с человека, дракон, скелет в черных брюках и без головного убора, на плече которого сидел большой черный ворон.

Заговорщики беседовали шепотом, видно, боялись, что их подслушают. Но Алиса подобралась к ним довольно близко. Она подлетела сверху с откоса и притаилась за молодыми елочками. Теперь ей было все слышно.

– Главная задача – найти чужую девочку по имени Алиса, – сказал черный ворон, сидевший на плече скелета. – Кто ее увидит, пускай не ест, не кусает, кровь не пьет, а связывает и везет в замок господина Дракулы на допрос.

– А маркиза Жанна сказала не так! – заявило одно из привидений. – Она велела эту девочку не жалеть. Как увидишь, сказала, сразу бей током! А потом высасывай из нее все силы, пока она не станет бесчувственной тряпкой.

Дракон радостно пустил из носа две струи дыма, волки завыли.

Паровоз уткнулся в высокий вал снега
и отчаянно дымил, будто сердился.

– Это что же получается, бунт? – спросил скелет.

– Карр! – крикнул ворон.

– Мы всех их разорвем и замучаем! – сказало второе привидение, и остальные обрадовались еще больше.

– Карр! – закричал ворон еще страшнее.

И тут, подчиняясь его призыву, сверху, из облаков, скрытых снегопадом, ринулась вниз стая ворон.

Они начали кружиться над бунтовщиками, щипать их клювами, бить крыльями, терзать когтями. Те сбились в кучку, стараясь залезть под белого медведя, которому воронье повредить не могло.

– Будете слушаться? – спросил скелет.

Никто не ответил, но никто и не возразил.

– Всех остальных, кого найдете в поезде, вы можете есть, терзать, уничтожать, как вам нравится. Но девочка Алиса должна быть доставлена ко мне!

– А как мы ее узнаем? – спросил снеговик.

– Будем всех спрашивать, – ответил скелет. – Кто скажет, что он не Алиса, – уничтожайте, терзайте. А если кто скажет, что он Алиса, свяжите ей ручки и ножки, заткните ей ротик, и мы ее отвезем к начальству.

– А если станет сопротивляться, можно сначала ее убить, – добавил ворон.

Алиса была рада, что подслушала этот разговор.

Из него она узнала для себя важные вещи. Во-первых, кто-то уже знает, что она едет этим поездом, и к ее приезду готовятся. Во-вторых, ее намерены везти в плен, связав руки, ноги и заткнув рот. Вот этого Алиса не выносила и не собиралась допускать! В-третьих, она поняла, что всем, кто остался в поезде, грозит смертельная опасность! Она должна, обязана прорваться к телеграфному аппарату и сообщить в город о том, что поезд попал в ловушку.

– Когда мы будем их терзать? – спросило привидение.

Волки завыли от радости.

Алиса боялась увидеть среди этих злобных существ своего друга. Но эти волки были совсем другие – мелкие, с клычищами, облезлыми и злыми мордами.

– Сначала, – сказал ворон, – мы наберем камней и будем кидать в окна. Надо разбить окна и влезть внутрь.

– Но они знают об этом и прячутся в одном вагоне. В нем они закрывают окна чемоданами, досками, всем, что под руку попадается, – прорычал белый медведь.

– Знаю, – проскрипел скелет. – Терпение, друзья, терпение. У нас впереди целая ночь!

– А если к ним придет подмога?

– Никто не знает, что они застряли. А телеграфисту Михаю на полустанке Праскава сам господин Дракула послал лживую телеграмму о том, что поезд отменили. Так что он тоже не беспокоится.

«Ой! – сказала себе Алиса. – Мне надо спешить!»

Привидения, волки, медведь и остальные чудовища полезли на холм и стали разгребать снег в поисках камней, палок и другого оружия.

Пришлось Алисе отступить повыше, чтобы они на нее не наткнулись.

Но как ей идти дальше?

Лететь на гравиподошвах между елок слишком медленно и ненадежно. Это же не полет, а слалом. Подняться над деревьями – чересчур опасно. Тут тысячи ворон – они сразу тебя увидят.

И тут Алиса сообразила.

Ну как же она раньше не подумала?

Если боишься кого-то, то старайся казаться таким же!

А почему бы ей не стать призраком под белым покрывалом?

Гравиподошвы должны ей в этом помочь.

Алиса быстро сняла простыню и охотничьим ножиком прорезала в ней отверстия для глаз. Потом накинула простыню как балахон, скрепив ее на боку, так что высовывались только руки. К счастью, Алиса никогда не расставалась с футлярчиком, в котором хранятся вещи, необходимые для путешественника. Там лежат нитки с иголками, скрепки, булавки,

рулеточка, леска, крючки, шпагат, способный выдержать вес динозавра, и многое другое. И этот футлярчик помещается в широком поясе.

Соорудив себе одежду привидения, Алиса включила подошвы и поднялась на них на полметра над землей. Теперь простыня почти доставала до снега. А Алиса казалась ростом со взрослого человека или, вернее, со взрослое привидение.

После этого Алиса включила движок и медленно, словно плыла по воздуху, спустилась к занесенным снегом рельсам по ту сторону сугроба.

Возле сугроба остались лишь два волка и снеговик.

Волки подняли головы и даже зарычали, словно почуяли чужого, но вставать со снега они не стали – больше поверили глазам, чем нюху.

Алиса, не оборачиваясь, поплыла над путями прочь от волков. А так как летела она медленно и со стороны казалось, что она не летит, а идет, как ходят привидения – чуть касаясь земли, то никто не догадался, что Алиса – человек.

Правда, одна любопытная ворона довольно долго кружила над ней, время от времени каркая, словно удивляясь, но никто к ней не присоединился.

Через несколько минут Алиса пролетела мимо небольшой деревеньки, домов в пять. Может быть, там жили стрелочники или путевые рабочие. У одного из домиков стоял старик в меховой шапке и тулупе. Он увидел Алису, но сначала не смог разобрать, кто это белый несется по рельсам. Алиса уже решила было спросить его, долго ли еще ей добираться до полустанка, но не успела и рта раскрыть, как старик сообразил, что видит привидение.

– Еще одно! – закричал он. – Чур меня, чур меня!

И кинулся в дом.

Только дверь хлопнула.

«Бедненькие, – подумала Алиса. – Каково же им жить здесь и всегда бояться! Жить в страхе год за годом. Бояться, что их обидят, укусят, а то и съедят.

Эх, позвать бы на помощь всех ребят из класса, наверное, мы бы придумали, как помочь этим людям. А так мы здесь только вдвоем. Я и Пашка. Но совершенно неизвестно, что там с Пашкой. То ли он заточен в подземелье, то ли стал лучшим другом графа Дракулы. И то и другое возможно, потому что Пашка хоть и смелый, но наивный и доверчивый. А этим порой пользуются всякие мерзавцы».

Алиса посмотрела на часы.

По местному времени около четырех. Уже начало смеркаться.

Алиса вспомнила свое любимое стихотворение Лермонтова. Он писал:

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни далеких деревень.

Наверное, он тоже чувствовал себя таким одиноким и никому не нужным! Вот пропадешь в этих снегах, никто и не найдет твоих следов. Только папа и мама будут плакать и спрашивать всех: «Где же наша дочь?» И Пашкина мама тоже...

Как жалко, что она не спросила проводника, зачем же эти привидения и вампиры лезут к нам, на нашу Землю, в нашу Москву?

Но кто тебе ответит?

Сбоку появилось привидение, издали похожее на Алису, только зеленее.

– Где поезд? – спросило привидение. – Мне приказано там быть немедленно.

– Жди здесь, скоро приедет, – сказала Алиса привидению, и оно остановилось, поверив призраку в белой простыне.

И тут вдали показались огоньки.

И больше всего Алису порадовал самый высокий из огоньков – он был зеленым. Это горел семафор.

Значит, близко станция.

Алиса включила подошвы на полную мощность и помчалась к полустанку Праскава, где ее должен ждать, если еще жив, телеграфист Михай.

Еще через пять минут Алиса как вихрь ворвалась на станцию.

Она забыла, что выглядит по крайней мере странно, и потому, увидев, что на платформе под фонарем стоит человек в красной фуражке начальника станции, она кинулась к нему.

– Господин Михай! – крикнула она.

Господин Михай поднял пистолет.

– Не подходи, – предупредил он. – Мой пистолет заряжен серебряной пулей. Ни одно привидение еще не посмело на меня напасть. Лети к своему графу Дракуле! – Но, сказав так, он стал отступать к открытой двери в станционное здание.

Через несколько минут Алиса пролетела мимо небольшой деревеньки, домов в пять.

– Не бойтесь меня, господин Михай! – взмолилась Алиса, и, чтобы начальник станции не ошибся, она сорвала с себя простыню, и та упала у ее ног. – Я живой человек! – закричала Алиса. – Я не привидение.

Глава десятая
ПОЛЕТ НАД ЛЕСОМ

Алиса сидела в жарко натопленной комнатке станции, где стоял телеграфный аппарат, а еще помещался стол, два стула и печка, на которой шумел чайник.

Михай отправил срочную телеграмму в город, и теперь они пили крепкий чай с Алисиными бутербродами. Алиса удивлялась, до чего же она замерзла, если летела не спеша и укрытая простынкой.

– Простыня – не одежда для нашей зимы, – говорил Михай, разговорчивый жилистый человек, у которого даже голова была такой маленькой, что форменная фуражка все норовила сползти ему на нос. В конце концов он снял ее и бросил на вешалку. Фуражка опустилась на крюк и спугнула маленького летучего мышонка, который затаился за плащами и куртками, висевшими там.

– Ах ты, мерзавец! – закричал Михай, выгоняя вампирчика в форточку, и плотно закрыл ее за ним. – Ну нигде от них покоя не стало! Если им удастся нас покорить, люди будут рабами.

– Но зачем им это?

– А мне тут один вампирчик в лесу сказал: «Нам нужна власть, чтобы сосать кровь в свое удовольствие! Хватит побираться и таиться. Я хочу прийти на пункт питания и потребовать, чтобы мне дали девочку помоложе и послаще!»

– И вы думаете, что у них получится? – спросила Алиса.

– Не знаю. Но мы очень слабые, а их много, и у них сила.

– Но откуда их сила? – спросила Алиса.

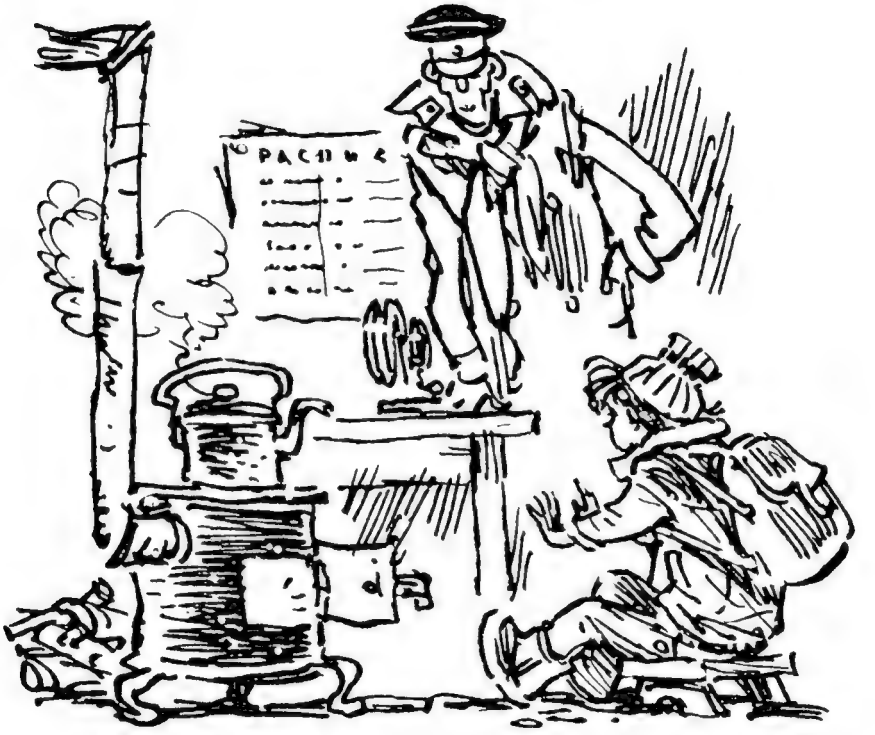
– Никто не знает. Наверное, от колдовства.

Алиса вздохнула.

– С вами разговаривать – одно мучение. Откуда их сила – вы не знаете, как с ней бороться – вы тоже не знаете...

– Нет, мы сопротивляемся. Мы защищаемся.

– Конечно, вы меня простите, – сказала Алиса. – Вы человек взрослый, но у меня больше жизненного опыта, и я знаю, что нет такой крепости,



которая бы в конце концов не сдалась. Так учил меня мой друг Ричард Львиное Сердце.

– О Ричарде не слышал, – заметил начальник станции. – А про крепость не понял.

– Ну как вам объяснить, Михай! Вот вы построили крепость. Всем крепостям крепость! И засели в ней. Но если вы себя посадили в крепость, значит, признались, что вы слабее врага. Вы уже в темнице, уже в плену. Пройдет день, месяц, год, и ваши стены не выдержат вражеских снарядов, а ваши ворота проржавеют. И враги вас обязательно победят.

– А что же делать? – спросил Михай.

– Вылезать из крепости и идти на врага, – сказала Алиса.

– Наверное, в твоих словах есть правда, – сказал Михай. – Но тебе хорошо говорить – у вас-то привидений нет! А нас они замучили. Нельзя же сравнивать!

– А почему бы и не сравнить? Я одна, но я сейчас пойду дальше, в замок графа Дракулы.

– Ты с ума сошла! И не думай. Мы с тобой посидим здесь запершись. Ни один вампир нас не тронет. А утречком придет поезд, ты вернешься в свое купе. В Суха-Быстрице тебя встретит карета, и ты увидишь своего Пашу уже завтра днем.

– Может, увижу, а может, не увижу. Может, придет поезд, а может, не придет, – возразила Алиса. – А я не хочу зависеть от других. Я хочу рассчитывать на себя. И я знаю, что Пашка ждет меня, что я ему нужна.

– Мы все очень на тебя надеемся, – сказал Михай. – О тебе уже слухи идут по нашей стране. Вернее всего, привидения устроили засаду на поезд, чтобы тебя схватить. Так приказал сам граф Дракула.

– Михай, расскажите мне, как отыскать дорогу к замку Дракулы?

– Дорога-то есть, – вздохнул Михай, – но очень опасная. Она ведет через лес, через развалины и потом через кладбище. Это просто ужас, а не дорога. Умоляю тебя, Алиса, останься со мной.

– Если я сейчас испугаюсь, – отрезала Алиса, – значит, я буду всю жизнь бояться. Не верю я в ваши привидения!

– Но как же можно не верить в привидения, – ахнул начальник станции, – если мы ими угнетены и запуганы?

– Вот в этом я и хочу разобраться, – сказала Алиса и стала собираться в дорогу.

Так как лыж на станции не было, она решила и дальше лететь на гравиподошвах. Если ее маскарад удался днем и обманул привидения, то вечером уж тем более никто не узнает в ней девочку с Земли.

Михай нарисовал для Алисы карту пути.

Сначала дорога к замку ведет через лес. Потом начинаются развалины маленького городка, который жители покинули из страха перед нечистью. За городком дорога пересекает старое кладбище. И потом начинается подъем на холм, на котором и стоит фамильный замок герцогов Кросскан, который Дракула у них отобрал.

Алиса спрятала карту на груди, хотя надеялась, что она ей больше не пригодится.

Алиса сделала вид, что ничего не боится. Так было надо. Потому что если она не боится, то и Михай становится смелее. Страх ведь заразный, как грипп. Можно заразить страхом целую страну или планету. А потом много месяцев придется ее лечить.

– Завтра, в крайнем случае послезавтра, ждите меня обратно, – сказала Алиса. – Я вернусь на поезде или каким-нибудь другим путем, но вам я обязательно обо всем сообщу. Вы ведь очень смелый человек.

– Ой, и не говори так, – ответил Михай. – Я сижу и дрожу. За себя дрожу, за тебя дрожу, за станцию дрожу. Хорошо еще, что я холостой.

– Глупости, – сказала Алиса, натягивая свою маскировочную простыню с прорезями для глаз. – Если бы вы были трусом, то давно бы убежали с этой маленькой станции, где остались одни.

– У меня есть стрелочники, но они редко приходят, – сказал Михай.

– Скоро все кончится, – сказала Алиса. – А сказки кончаются хорошо. Потерпите, Михай.

Михай похлопал Алису по плечу и проводил гостью до края платформы. От последнего фонаря начиналась проселочная дорога к замку Кросскан. Она вела через поле и была обсажена по сторонам старыми дубами. Алиса включила подошвы, немного поднялась над дорогой и понеслась вперед. Простыня чуть касалась снежного покрова, и снежок кружил серебряными облачками в синем вечернем воздухе.

Алиса обернулась.

Черным кубиком виднелось здание станции. На черном высоком столбе сиял зеленый свет. А в окошке уютно горела керосиновая лампа. Там сидел отважный Михай и ждал своего поезда.

– До свидания! – закричала Алиса, но ее крик растаял в снегопаде.

Она полетела над дорогой, теперь уже как можно скорее, кутаясь в простыню, чтобы не замерзнуть.

Алиса могла бы включить небольшой фонарик, который был вшит в ее шерстяную шапочку, но потом подумала, что ей достаточно света луны.

Наверное, по этой дороге в последний раз кто-нибудь проезжал в прошлом году. И если бы не деревья по сторонам, трудно догадаться, что летишь над дорогой, а не над просекой в лесу.

Снегопад только-только прекратился, и облака улетели, унесенные последним усилием еще недавно бешеного ветра. Наступил сказочный новогодний покой, когда воздух прозрачен и видны улыбки на личиках звезд, когда снег настолько ровный и нежный, что даже птицы еще не решаются оставить на нем тонкие треугольники своих следов. И все это снежное одеяло соткано из миллиардов снежинок, из бриллиантиков голубого цвета.

Тишина такая, что слышно, как шепчутся звезды, как пролетает по небу метеорит, как вздохнул в берлоге медведь, как пискнул в своей глубокой норе крот, увидев страшный сон.

Алиса летела над дорогой, стараясь не дотрагиваться краем простыни до снежного покрова.

«Странно, – думала Алиса, – я здесь уже давно, целый день, а не видела еще ни одного ребенка. Неужели их совсем не осталось?»

Дорога привела Алису к развилке. От развилки надо было брать левее, к развалинам городка, покинутого жителями.

На развилке стоял навес на четырех каменных колоннах, за ним плита и в ней кран, от которого к самой земле тянулась сосулька.

Алиса догадалась, что летом из крана течет родниковая вода.

Она остановилась, подошла к крану, отломила сосульку и на-

чала ее сосать. Если бы сейчас эту картинку увидела мама, а тем более домашний робот Поля, они бы с ума сошли. Впрочем, они бы еще скорее сошли с ума, если бы знали, что Алиса летит в замок, которым правят привидения, да еще мчится по заколдованному зимнему лесу, куда ни один человек не смеет сунуться...

И не успела Алиса додумать мысль до конца, как из-за каменной колонны вышел маленький мальчик в серых лохмотьях и шапке с оборванным ухом.

– Добрая тетенька, – сказал он, протянув к Алисе тонкую, посиневшую от мороза ручку, – подайте кусочек хлебца несчастному сиротке.

– Ой! – испугалась Алиса. – Ты что здесь делаешь? Ты же замерзнешь!

– Я обязательно замерзну, – сказал мальчик. – Я чувствую, как онемели мои ножки и отморозились уши.

– Так беги домой!

– У меня нет дома, – сказал мальчик, – я днем сижу в снегу, ночую в ледяном погребе, а кушаю льдинки и сосульки. Помоги мне, обними меня! Неужели ты дашь мне погибнуть?

Мальчик шел к Алисе, протягивая бессильные ручки и дрожа всем тельцем.

Алисе стало его безумно жалко. Она подбежала к нему и обняла.

– Как же так! – говорила она. – Сейчас я тебя разотру, сейчас я дам тебе глюкозы...

Но она не успела ничего сделать, потому что в мгновение ока ручки мальчика, которые обнимали ее шею, стали цепкими и когтистыми. Он вцепился в шею Алисы и раскрыл ротик... изо рта торчали длинные загнутые зубы!

Еще секунда – и он вонзит зубы в шею Алисе!

Алиса рванулась в сторону, но мальчик висел на ней, не отпуская.

Он злобно захохотал, и его хохоток понесся над снежной пустыней, устремившись к звездам.

Ужас придал Алисе дополнительные силы. Она оторвала от себя когти маленького чудовища и успела нажать на кнопку гравиподошв.

Тут же подошвы заработали и понесли Алису вверх.

Секунду, а может, две маленький нищий висел на Алисе, а потом его когти разжались, и с отчаянным криком он понесся к земле.

Алиса только тут сообразила, что она могла и убить этого перевертыша. Ведь за две секунды подошвы вознесли ее на высоту пятиэтажного дома.

Опомнившись, Алиса испугалась за мальчика и быстро спустилась к нему. Но касаться его не стала.

Мальчик лежал, зарывшись в снег, глаза его были закрыты.

– Ты не разбился? – спросила Алиса.

Мальчик не отвечал.

Алиса протянула руку, и тут мальчишка сразу ожил и снова кинулся на Алису. Бывают такие собачонки. Вроде ты ей все объяснил и она уже поджала хвост, но стоит тебе повернуться к ней спиной, как она в бешенстве кидается, чтобы схватить тебя за пятку.

Но Алиса два раза на одну уловку не попадается.

Она успела отскочить.

Мальчонка стоял, расставив руки и согнув ноги, готовый прыгнуть. Глаза его сверкали отчаянным зловещим блеском. Он снова кинулся на Алису, и она опять отпрыгнула в сторону. Злости в этом мальчонке было хоть отбавляй, но вот спортом он никогда не занимался, и, конечно же, в ловкости ему с Алисой не сравниться.

Когда он кинулся на Алису в третий раз, она подставила ему ножку, и мальчишка растянулся во весь рост. Теперь-то уж Алиса его не жалела. Она поняла, что он мальчик-ловушка для случайного путника. И относится он к компании привидений.

Хитрец сообразил, что Алису ему в честном бою не одолеть, поэтому он кинулся на землю и принялся кататься по снегу и горько плакать.

– Ты меня избила! – кричал он. – Ты меня искалечила! Вот мой старший брат придет, он тебе покажет.

– И кто же такой, если не секрет, твой брат? И где он живет?

– Мой старший брат – великий волшебник! – заявил нищий мальчик. – Он живет в замке.

– А ты, несчастный врунишка, побираешься? И давно ты видел здесь прохожих?

– Давно, – ответил мальчик, – очень давно. И я сильно проголодался.

– Так чего же сидишь?

– Потому что жду девочку Алису. Я должен ее поймать.

– А потом?

– Раньше был приказ доставить ее в замок. А сегодня пришел новый приказ – если будет сопротивляться, ее можно убить!

– И кто же приказал?

– Меня не спрашивают, – ответил мальчик.

– И где же ты живешь? – спросила тогда Алиса.

– Я на кладбище, – быстро ответил мальчик, и Алиса подумала: снова врет!

Алиса потуже закуталась в простыню и включила подошвы.

Мальчик, который смотрел на нее с земли, спросил:

– Так ты Алиса или не Алиса?

– Я привидение! – откликнулась Алиса. – Неужели тебе это не понятно?

Она летела все выше, а снизу донесся голос мальчика:

– Чего же ты раньше не сказала! А я думал, что ты Алиса...

Алиса больше не слушала его. Она полетела левее.

Никто ее не преследовал, никто не обращал на нее внимания.

Снова набежали облака, и луна все чаще скрывалась за ними.

Сразу становилось совсем темно, и Алиса поднималась повыше, чтобы не задеть вершины деревьев.

Она миновала развалины городка, покинутого жителями.

Некоторые дома еще стояли совсем целые, у других провалились крыши или упали стены. Летучая мышь поднялась с развалин и погналась было за Алисой, но, не долетев до нее, повернула обратно, крикнув:

– Извини, я тебя за девочку Алису приняла, а ты, оказывается, одна из наших!

«Чего же они так стараются, так хотят меня поймать? – удивилась Алиса. – Ничего плохого я им не делала и всего-то везу Пашке теплые вещи. А можно подумать, что обо мне чуть ли не каждое второе чудовище уже знает. Даже драконы!»

Вот и городское кладбище.

Тут Алиса взяла еще повыше. Ведь если здесь мертвяки всю страну завоевали, можно представить, что они творят на кладбище! Если спустишься, тут же разорвут.

Сверху Алисе показалось, что при ее приближении стали двигаться каменные плиты, из-под них вылезали руки скелетов, но, может, это показалось с перепугу – ведь Алиса летела высоко, а луна зашла.

И вот впереди показались стены и башни замка, который венчал собой пологую гору, поросшую вековыми елями. Ели стояли тесно, так что холм был похож на спину ежа.

Сам замок был сложен из плит светлого камня и поэтому казался призрачным. Железные ворота были закрыты, стены – высокие, по углам поднимались круглые башни, а в центре стояла главная толстая и высокая башня с узкими окнами. В некоторых поблескивал свет. Алиса знала, что такая башня называется донжон.

Сомнений не оставалось. Это был замок Кросскан, захваченный привидениями графа Дракулы.

Путешествие Алисы закончилось.

Глава одиннадцатая
ЖИТЕЛИ ЗАМКА КРОССКАН

Ворота в замок были закрыты, и Алиса предпочла подняться повыше и перелететь через стену. Зачем стучаться в ворота замка, где тебя ждут не только друзья?

Алиса надеялась, что ее не заметят. Было уже совсем темно. Луна спряталась, снова пошел снег, правда, не такой густой, как прежде.

И вот впереди показались стены и башни замка, который венчал собой пологую гору, поросшую вековыми елями. Ели стояли тесно, так что холм был похож на спину ежа.

Алиса поднималась все выше, вот зубцы крепостной стены остались внизу, и ее глазам открылся двор замка, освещенный факелами. Двор замка был очень велик, в половину футбольного поля. Он был занесен снегом, но не весь: по краям его, в тени стен и башен, рядами тянулись хижины – видно, окрестные жители скрывались в них от непогоды или вражьих набегов.

Алиса медленно кружила над двором замка, стараясь понять, живет ли кто-нибудь в этих хижинах.

Казалось, что там есть люди – снизу доносились голоса, стоны, бормотание, но ни в одной из хижин не горел свет, из труб не поднимался дым, да и не было видно тропинок или дорожек в снегу, словно обитатели хижин сидели дома и не смели высунуть носа на мороз.

Алиса не заметила, как рядом с ней появилась большая сова, ростом с немецкую овчарку.

– Пароль! – просвистела сова.

Алиса не стала ей отвечать – что бы ни ответила, все равно ошибешься. Вместо этого она приказала подошвам нести ее вниз и ухнула к самой высокой башне скорее, чем сова успела спуститься за ней.

На верхушке башни был люк, от которого вниз вели ступеньки.

Алиса прыгнула к люку и побежала вниз по каменной лестнице. Лестница была узкой, она жалась изнутри к каменным стенам башни.

Сова громко захлопала крыльями, крикнула что-то неразборчиво, но внутрь башни сунуться не посмела.

Алиса понимала, что если сова служит в замке часовым, то она обязательно сейчас доложит своему начальству, что видела подозрительное привидение в белой простыне, летающее, но не желающее сообщить пароль.

Ах, как жаль, что у Алисы нет шапочки-невидимки. Когда-то была, но она сдала ее в музей, потому что эта шапка соткана из невидимого растения, растущего на планете Блайвау. Там такие растения встречаются очень редко. Они стоят в степи и поджидают пролетающих мимо птиц. Те попадаются в колючие, гибкие, упругие ветви, как в паутину, и растение, задушив птичку, пьет ее соки. Со стороны совсем непонятно, что происходит. Почему птичка бьется в воздухе, когда рядом нет никаких врагов? Из волокон такого растения и была соткана шапка-невидимка, которая досталась Алисе совершенно случайно на ярмарке возле города Палапутра на планете Блук. Тогда Алиса была еще совсем ребенком, но, честно говоря, шапка-невидимка здорово помогла Алисе в ее приключе-

ниях. А вот когда они с папой вернулись домой, папа сказал, что такой редкой и ценной вещи место в музее, потому что если ее не сдать в музей, то шапка-невидимка быстро износится. Он сам еще относительно недавно был школьником и знал, сколько всяких шалостей можно сотворить в школе с помощью шапки-невидимки. Алиса вздохнула и послушалась папу. Она всегда его слушалась, если думала, что он прав.

Жалея о шапке-невидимке, Алиса спускалась по лестнице в башню. На верхних этажах никого не было. Там валялись сломанные стулья, дырявые тазы и мятые кастрюли, стояли покосившиеся кровати без матрацев – люди хранили там ненужные вещи, которые было жалко выкинуть.

Алиса миновала три этажа.

Перед спуском на нижний этаж она остановилась, потому что снизу пробивался свет. И слышались голоса.

Алиса подошла к отверстию в полу, от которого вниз вела лестница, и, присев на краю, заглянула вниз.

Она увидела большой круглый зал, занимавший нижний этаж центральной башни. Зал был кое-как освещен факелами, которые торчали из железных колец, укрепленных в стенах меж каменных глыб.

В зале было два стола. Один длинный, видно письменный, заваленный бумагами, книгами и пергаментными свитками, стоял у камина, над которым был прибит щит с гербом – рыцарская рука с обломанным мечом. Второй стол, круглый, столовый, стоял посреди башни.

На стенах висели неприятные картины: тщательно вырисованные изображения всевозможных чудовищ: привидений, драконов, вампиров, ведьм, а также воронов, филинов, черных котов и бурых жаб.

Вокруг обеденного стола, на котором стояли бутылки и кувшины с напитками, на стульях с высокими спинками сидело несколько человек. Все они были Алисе знакомы.

Ближе всех к Алисе сидел человек, похожий на белого ворона. У него был длинный, как клюв, розовый нос и ежик белых волос на голове. Конечно же, это граф Дракула!

В соседнем кресле расположился лысый длиннорукий человек, головка тыквочкой, одетый в обычный мужской костюм, поверх которого было надето широкое пальто. Это был профессор Гоц.

Третьей персоной за столом была маленькая красивая женщина средних лет в длинной горностаевой шубе, похожей на королевскую мантию. Высокий твердый воротник подпирал подбородок женщины, ее голова

в маленькой круглой меховой шапочке была поднята, подбородок торчал вперед, и оттого она казалась ужасно гордой и даже спесивой. Алиса эту женщину видела в городе. Называли ее маркизой. Четвертого человека за столом Алиса отлично знала. Это был, разумеется, Пашка Гераскин. Чтобы не мерзнуть в холодном зале, он разыскал где-то старую кожаную курточку, а горло обмотал полотенцем. Алисе стало жалко Пашку, и она уже готова была спуститься вниз и сказать ему, что в рюкзаке лежит его настоящая зимняя куртка с обогревом. Но что-то ее заставило замереть у лестницы.

Если бы Алиса не добиралась сюда с таким трудом и через такие испытания, если бы не знала, что граф Дракула велел ее поймать, она бы вела себя иначе.

Алиса стояла, склонившись над люком в полу второго этажа, и глядела вниз. Ей был отлично слышен разговор, который вели люди внизу. И Алиса решила, что постоит здесь немного, может быть минут пять, и послушает, о чем идет речь.

Граф Дракула налил себе в бокал из кувшина и сказал:

– Немного осталось ждать, немного. Мы ждем твою подругу с минуты на минуту.

– А я уже волнуюсь, – сказал Пашка.

– Скоро она будет, очень скоро. Я послал ей навстречу верных драконов.

– Только не испугайте ее, пожалуйста, – попросил Пашка.

– Чтобы я посмел поднять палец на саму Алису Селезневу?! Да никогда! – возмутился граф. – Ты меня оскорбляешь, мой друг Гераскин.

– Послушайте, граф, – трескучим голосом сказала маркиза, – а вы уверены, что Алису не перехватят ваши враги?

– Все в порядке, – ответил граф-ворон. – Мои привидения ее не пропустят.

– Я тоже с нетерпением жду Алисочку, – сказал длиннорукий человек в пальто. – У меня руки связаны без микроскопа! Какая жалость, что я слишком торопился!

– Мы с уважением относимся к вашим исследованиям, профессор Гоц, – сказал граф Дракула и задумчиво покачал носом, словно хотел клюнуть профессора. – Мы желаем узнать, из чего сделаны привидения.

– Скорее бы, скорее! – Маркиза потерла руки, словно обжора, увидевший, как несут кастрюлю с борщом. И Алиса подумала, что эта женщина – притворщица.

Перед спуском на нижний этаж она остановилась, потому что снизу пробивался свет. И слышались голоса.

– Не дождусь! – воскликнул Пашка. – Мы с Алисой тут же полетим в Дикие горы.

– С минуты на минуту, Пашенька, – сказал Дракула. – А потом ты отвезешь меня в гости к себе.

Он для всех находил доброе слово, всем улыбался, но Алиса остерегалась его даже на расстоянии. Неужели Пашка и Гоц не чувствуют опасности? Конечно, они не знают, сколько горя Дракула принес людям, но надо же чувствовать!

А что ей самой делать?

Спрятаться где-нибудь в замке, а потом тихонько отыскать Пашку и все рассказать?

Но где спрятаться, как выследить Пашку?

Алиса так задумалась, что не услышала, как кто-то подошел совсем близко. В последний момент она вскочила и прижалась спиной к стене.

В свете редких факелов Алиса увидела, что сверху спускается скелет. Деваться Алисе было некуда.

У Алисы было три секунды на размышление.

И она решилась.

Она сбросила простыню, взяла в руку рюкзак и, ничем не показывая, что волнуется, пошла вниз по каменной лестнице.

Она спустилась в нижний зал, и только тогда ее заметили.

Первым ее увидел Пашка.

– Ур-ра! – закричал он, вскакивая со стула и кидаясь к Алисе. – Я же знал, что ты к нам прорвешься! Не может быть, чтобы Алиса не пришла на помощь к друзьям.

– Алиса? – Граф Дракула выпрямился, как складной нож. – Этого быть не может! Кто допустил?

Еще больше разозлилась гордая маркиза.

– Где мой пистолет? – закричала она. – Я убью этого обманщика Дракулу!

Маркиза хлопала себя по бокам, но пистолета не находила. Она совершенно потеряла рассудок.

– Ты же мне обещал! Ты же здоровьем мамы поклялся, что она сюда не придет! – кричала гордая дама. Ее жесты, ужимки и прыжки были знакомы Алисе. Но кого же она ей напоминала?

– Моя мама давно померла, – ответил граф Дракула. – Ты поменьше верь моим клятвам. Я же негодяй!

– Но между своими... нельзя же так!

– Ее уничтожить никогда не поздно, – сказал граф Дракула. – Так что ты, маркиза, не беспокойся. Мне сейчас важнее понять, как она сюда попала и кто ей помог! Я думал, что меня вся планета боится. Но, оказывается, кто-то не боится. И это мне не нравится. Придется Алису пытать. А я так не люблю пытать девочек...

– Вы все сказали? – спросил Пашка, который держал Алису за руку. – Теперь давайте я вам кое-что скажу. Меня очень удивляет ваше поведение, граф Дракула. Зачем вы мне клялись, что сделаете все, чтобы Алиса нас нашла? Почему изображали из себя доброго человека и ученого? Говорите правду, иначе я приму меры!

– Ха-ха-ха! – затряслась от хохота маркиза. – Этот клопик хочет нас учить! Да я его растерзаю!

– И не мечтай, – ответил Дракула. – Эти людишки мне нужны. Без них мне трудно будет осуществить мои великие планы.

– А нам нужна Алиса! – бушевал Пашка. – И только попробуйте тронуть моего друга! Я весь ваш замок разнесу!

Маркиза снова засмеялась, правда, не очень громко.

– Вам придется убить нас всех! – сказал Пашка. – Правда, Иона Ионович?

Профессор Гоц, который сидел в глубокой задумчивости, расчесывая три волоса на макушке, сообразил, в чем дело, и сказал:

– Я полностью солидарен с Павлом Гераскиным. Немедленно отпустите девочку!

– Интересное кино! – возмутилась гордая маркиза. – Я-то думала, что он только о своих микробах умеет думать. А он нам угрожает!

Профессор отвернулся от маркизы и спросил у Алисы:

– Прости, девочка, привезла ли ты электронный микроскоп?

– Я выполнила все просьбы Пашки, – сообщила Алиса.

– Еще бы! – сказал Пашка. – Я же на тебя надеялся.

Гордая маркиза оттащила высокого негнущегося Дракулу в сторону. Она что-то шептала ему, уговаривала, даже повизгивала от нетерпения и притопывала красной туфелькой.

Дракула глубоко вздыхал и думал.

Алиса тем временем вытащила из рюкзака теплый костюм для Пашки, коробку с электронным микроскопом и футляр с хирургическими инструментами для профессора.

– У вас есть лаборатория? – спросила она.

– Нам обещали ее выделить, – сказал профессор. – Иначе где я поставлю микроскоп?

Профессор приоткрыл коробку и проверил, правильно ли исполнила его просьбу Алиса.

– Ты не бойся, Алиска, – сказал Пашка, – мы тебя в обиду не дадим. Да и вообще это все шутка. Они славные ребята. Дракула командует привидениями, а маркиза просто веселая, ты ее полюбишь. Ее зовут Жанна ля Мотт. А она велит звать ее попросту Жанной, представляешь, какая она демократичная?

– Тогда почему она так кричит? Почему хочет меня убить?

– Я полагаю, – сказал профессор Гоц, – что никто не собирается здесь вас убивать. Это все шутки.

– Шутки? – Алиса хотела было рассказать, как она сюда добиралась. И как узнала, что есть приказ ее убить.

Но тут Дракула кончил беседовать с маркизой Жанной и вернулся к своим гостям.

– Мне надо поговорить с Алисой один на один, – сказал он. – Так что все остальные свободны. Маркиза проводит вас в дом, где будет ваша лаборатория. Там ждите Алису.

– Дай-ка я сама с ней побеседую, – сказала маркиза.

– Жанночка, – попросил ее Дракула, – проводи гостей. Я жду тебя к ужину.

– Я тебе не верю, – сказала Жанна. – На самом деле ты не хочешь ее убивать. Если ты ее не убьешь, я сама ее убью. А то она все нам испортит.

– Я никогда и никого не убивал, – сказал Дракула. – Я очень добрый человек. Но жизнь заставляет... да, тяжелая жизнь заставляет быть жестоким.

Он взмахнул рукой, и тут сверху, из темного отверстия в потолке, влетела воронья стая. С громким карканьем вороны принялись кружиться над людьми.

Отбиваясь от галдящих птиц, Пашка с профессором выбежали из башни. Маркиза, подобрав юбки, поспешила за ними.

– Теперь, когда мы остались одни, Алиса, можем поговорить серьезно, – сказал Дракула.

Дракула отошел к очагу и остановился там. Алиса посмотрела на знакомый герб над дверью – на щите рыцарская рука, которая держит сломанный меч. Она вспомнила, что это герб герцогов Кросскан, но ей было интересно послушать, что скажет Дракула.

– Чей это герб? – спросила Алиса.

– Наш герб, дракуловский, фамильный, – ответил Дракула, задрав голову, чтобы лучше рассмотреть щит.

– Какой он необычный!

– Ясное дело – необычный. Мой предок Дракула Третий однажды встретился в лесу с драконом. Дракон как раз поймал прекрасную княжну Мойру, единственную племянницу владетеля Бланманже. Дракон положил девицу на траву и думал, то ли съесть ее, то ли на ней жениться.

– Неужели драконы женятся на девицах? – спросила Алиса.

– Когда девушки красивые, а драконы не очень большие, то чаще всего женятся. А если дракон большой, а девушка некрасивая, то скорее всего едят.

– И что же случилось потом?

– А потом мой предок Дракула Третий выхватил свой волшебный меч и ударил им дракона. Меч ударился о железную чешую и сломался, но дракон перепугался и улетел. Дракула Третий привел девушку в чувство, вернул ее родственникам, а сломанный меч стал основой нашего герба, потому что до того на нашем гербе был целый меч.

– А почему ваш предок не женился на Мойре?

– Потому что у него была жена и трое детей.

– А какой вы сам по счету? – спросила Алиса.

– У меня шестнадцатый номер. Официально я именуюсь Дракула Шестнадцатый.

– Ну вот, – произнесла Алиса. – Наконец-то вы правду сказали.

– А остальное было неправдой?

– Боюсь, что да, граф, – вздохнула Алиса, которая отлично помнила рассказ о гербе, который слышала от герцога Франсуа и слуги Ганса.

– Ты плохо воспитана, Алиса, – сказал Дракула. – Но дело не в этом. Садись. Камин совсем погас.

Дракула хлопнул в ладоши. Послышались частые шажки, и по лестнице сверху сбежали на задних лапах гигантские белые крысы, каждая ростом со свинью. Они держали в лапах факелы. И улыбались, поводя усами.

– Ну и народец у вас, – сказала Алиса. – Предупредили бы, а то и испугаться недолго.

– А я думал, что ты любишь животных, – криво ухмыльнулся Дракула. Он так надеялся, что Алиса перепугается, но ошибся.

– Люблю, – согласилась Алиса. – Но обыкновенных.

– Обыкновенных животных не бывает, – возразил Дракула. – Проходи, проходи, не укусят. Они у меня смирные.

По знаку Дракулы крысы разожгли очаг и отошли к двери.

Низкий сводчатый потолок был покрыт сажей от свечей и факелов. Окошки, совсем маленькие, помещались под потолком. Дракула прошел за стол и уселся на стул. Алиса стояла по другую сторону стола.

– Теперь, – сказал Дракула, – давай поговорим откровенно.

– Давайте, – согласилась Алиса.

– Признаюсь, что я приказал тебя убить.

– Я знаю.

– И знаешь почему?

– Нет, не знаю.

– Меня умоляла об этом маркиза Жанна ля Мотт.

– Почему? – удивилась Алиса.

– А вот это ты мне скажи, – ответил граф Дракула. – Маркиза – моя подруга, но истина дороже.

Крысы внимательно смотрели на Алису и улыбались. Какой противный этот Дракула, и друзья у него такие же! И верить ему не хочется.

Он обманывает, хитрит, даже говорит добреньким голосом, но забыл о том, что нормальный хозяин, если хочет поговорить с гостем, обязательно предложит ему стул, тем более если его гость – девочка, которая страшно устала. Но Алиса и виду не подала, а вежливо ответила:

– Давайте говорить откровенно.

– Тогда открой мне первый секрет. Как ты до меня добралась?

– С трудом, – честно ответила Алиса.

– Ты не должна была добраться! Все мои слуги ловили тебя!

– Это было отвратительно! – сказала Алиса.

– Почему же ты не вернулась?

– Но я обещала Пашке привезти теплые вещи, – серьезно ответила Алиса, глядя на Дракулу в упор и делая вид, что она не очень умная девочка.

– И поэтому ты не испугалась драконов?

– Нет, я испугалась драконов!

– Кто тебе достал билет на поезд? И не пытайся меня обмануть! Я все знаю, у меня везде шпионы. Это был герцог? Этот проклятый Франсуа?

– К сожалению, я не могу вам ответить, – сказала Алиса.

– Ты ответишь! – Графа Дракулу охватил страшный гнев. – Я тебя растерзаю! От тебя одни уши останутся.

– Терзайте, – согласилась Алиса.

Не думайте, что она не боялась этого сумасшедшего графа. Как можно такого не бояться! Но ей казалось, что всё вокруг как бы понарошку. Даже крысы у дверей, которые подошли поближе и сидят, как сурки, на задних лапах, держа в передних факелы, тоже ненастоящие.

Дракула еще немного пошумел, потопал сапогами, но вдруг спросил обыкновенным голосом:

– Кто тебе помог из поезда удрать? Кто? Молчишь? А я вот узнаю! А кто тебе помог от поезда до моего замка добраться? Молчишь? А мы и это узнаем. У меня везде есть шпионы – все небо, вся земля меня слушаются. Даже под землей гномы и кроты на меня работают!

– Господин Дракула, – сказала Алиса, – если вы не знаете, как я сюда добралась, значит, ваши шпионы – барахло.

– Что-о-о? Что она мне говорит! Что ты понимаешь, пигалица, в шпионаже?

– А раз вы все знаете, зачем меня спрашивать? – сказала Алиса.

Одна из крыс положила факел на пол и зааплодировала белыми лапками.

– Немедленно прекратить! – завопил Дракула. – Подними факел! Ты кому хлопаешь?

Он выхватил шпагу и попытался проткнуть крысу. Та взвизгнула и кинулась наутек. Вторая, прежде чем последовать примеру подруги, умудрилась ткнуть Дракуле в лицо факелом, отчего кончик его носа почернел, а Дракула стал бить себя по носу, прыгать и ругаться. Глаза его злобно сверкали.

Наконец он пришел в себя.

– Девочка, – сказал он хриплым голосом, – никогда не суди о сильных мира сего по их слабостям. Да, у меня бывают глупые слуги. Но их накажут.

– У-у-ух! – послышалось в ответ, и появившаяся из темного угла сова вылетела в дверь.

– Хорошо, Алиса, – продолжал Дракула. – Забудем прошлое. Я и без тебя узнаю, кто тебе помог, и накажу этих помощников. У тебя же теперь есть выбор. Ты можешь стать моей союзницей, помочь мне, подружиться со мной. А можешь погибнуть.

– Спасибо за такой выбор, – сказала Алиса. – А что значит дружба с Дракулой?

– Молодец, что так быстро соображаешь. Тогда и я буду с тобой откровенен. Я овладел всей этой страной. Мне подчиняются все привидения, оборотни, вампиры, гномы, водяные, ведьмы и живые скелеты. От меня нет тайн. Стаи драконов и воронья могут растерзать любого врага. Мой старый враг герцог Франсуа жив только потому, что я его жалею. Власть моя беспредельна!

– Так чего же вам еще надо? – спросила Алиса.

– Мне нужна твоя Земля, – сказал Дракула. – Я не могу остановиться. Потому что я страшный тиран и типичный завоеватель. Как только я покорю одну страну, мне приходится покорять следующую. Если их не покорять, то они все восстанут, и мне придет конец. Но, к счастью, нет предела моему могуществу.

– Так и завоевывайте, – сказала Алиса. – Зачем вам моя дружба?

– Труднее всего сделать первый шаг. Мне нужно проникнуть в твою Москву и установить там секретную базу. Оттуда я начну свои нападения... Ах, как славно! – Дракула даже подпрыгнул от радости. Он был похож на белого ворона с черным клювом.

Стукнув кулаком по столу, Дракула стал метаться вокруг стола, будто гонялся за тараканом.

– Мне нужны союзники, – заявил он. – Кто-то должен помочь привидениям и драконам вылезти из сундука, поселиться в тайном безопасном месте, накопить силы... ну как тут обойдешься без помощников? Вам с Пашей и профессором Гоцем придется взять на себя эту задачу. За это я вам обещаю что угодно. Хочешь стать министром? Хочешь быть начальником тюрьмы? Хочешь стать директором зоопарка и мучить всех животных? Ну скажи, чего ты хочешь?

– Пожалуй, я ничего не хочу, – сказала Алиса.

– Тогда моя подруга маркиза Жанна права, – вздохнул граф Дракула. – Обойдемся без твоей помощи. Нам хватит Пашки и профессора. А для того чтобы ты их не испортила, мы тебя убьем прямо здесь!

– А они согласны вам помогать? – спросила Алиса.

– Почти-почти, – ответил Дракула.

Тут отворилась дверь, и показался Пашка Гераскин.

– Ну вот, – сказал он с облегчением. – Вы здесь. А то я уж стал беспокоиться за Алису.

– Спасибо, Пашенька, что ты пришел. Значит, тебя еще не до конца здесь испортили, – сказала Алиса.

– А разве меня можно испортить? – удивился Пашка.

– Вот видите, – повернулась к Дракуле Алиса, – Пашку испортить невозможно.

– Конечно, невозможно, – заговорил Дракула сладким голосом. – Пашенька – мой дружок, и его никто не испортит.

– Спасибо, – сказал Пашка. – Мне нужна Алиса. Можно, она пойдет со мной?

Дракула с сожалением посмотрел на свою шпагу и сказал:

– Идите, дети, и помните, что через полчаса ужин. Чтобы не опаздывать.

Пашка взял Алису за руку и потянул наружу.

– Спасибо, Пашка, – сказала Алиса, – а то он уже приготовился меня убить.

– Ты ошибаешься, – возразил Пашка. – Дракула – хороший парень. Кстати, профессор ждет привидения для исследования.

– После ужина! – крикнул вслед им граф.

Глава двенадцатая
УЖИН В ЗАМКЕ

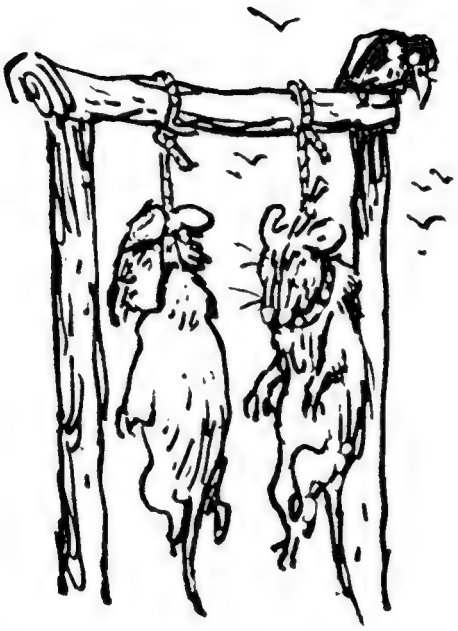
Опять пошел снег. Но не сильный. По углам замкового двора горели фонари.

– Ой! – воскликнула Алиса. – Какой ужас!

– Что случилось? – удивился Пашка.

Алиса выбежала на середину двора. На длинной перекладине между двумя столбами в двух петлях покачивались под ветром тела больших белых крыс.

– Он их убил! – произнесла Алиса. – Он приказал их убить.



– Ты что, Алиса, крыс пожалела? – удивился Пашка. – Да что эту нечисть жалеть! Правильно Дракула делает, что их уничтожает, а то они все сожрут.

– Это не обыкновенные крысы, – возразила Алиса. – Они пожалели меня.

Сзади раздался воркующий голос:

– Так будет с каждым, кто не послушается приказов великого вождя и доктора черной магии графа Дракулы Шестнадцатого.

Алиса быстро обернулась и увидела, что сзади стоит маркиза Жанна ля Мотт. Задрав длинную юбку, маркиза достала из голенища сапога плоскую бутылку и, отвинтив пробку, запрокинула прекрасную фарфоровую головку. Маркиза пила из горлышка, как последний пьяница.

– Алисочка, не преувеличивай, – засмеялся Пашка. – Здесь все такие милые. И Дракула совсем нестрашный. Он вместе с нами будет изучать привидения.

– Вот это правильно, – сказала маркиза и похлопала Алису по плечу тонкой рукой в красной кожаной перчатке. – И учти, что никуда ты от нас не уйдешь. Мы ведь добрые, как считает Пашка, и будем играть с тобой в веселые игры.

Она снова отхлебнула из горлышка.

– Жанна, – сказал Пашка, – перестаньте пить, граф будет недоволен.

– А ты ему не скажешь, лапулечка, – захохотала маркиза.

Алиса могла поклясться, что знает маркизу. Но откуда? Почему?

– Я скажу, я скажу! – закричал сверху ворон.

– Ах ты, птичья кровь! – завопила маркиза и кинула в птицу своей бутылкой.

Сверху полился спирт, и в воздухе запахло больницей.

Паша провел Алису в соседний дом, прижавшийся задней стенкой к стене замка. Маркиза Жанна шла за ними и громко ругала ворон.

Внутри в небольшой полутемной комнате за грубо оструганным столом сидел профессор Гоц. На столе стоял электронный микроскоп и лежали инструменты для изучения привидений. Профессор услышал, как входят Алиса с Пашкой, и радостно воскликнул:

– Ну как, скоро мне приведут привидение?

– Успеешь, дедуля, – сказала маркиза Жанна. – Хочешь выпить?

«Ну откуда я знаю эту маркизу? – мучилась Алиса. – Точно встречала. Только в другом виде».

– После ужина. Так обещал граф Дракула, – сказал Пашка.

– Это точно, – сказала Жанна. Она уселась на табурет и положила на стол ноги в сапогах со шпорами.

Потом откинула голову назад и сразу захрапела.

– Опять весь спирт выпила, – вздохнул профессор. – Мне же граф Дракула выдал бутыль для опытов, а она ее утащила и выпила. Ох как трудно работать в таких условиях!

Никто ему не ответил. Алиса оглянулась на спящую Жанну и решила, что маркиза не услышит.

– Пашка, – спросила она тихонько у своего друга, – что тебе обещал граф Дракула?

– Ничего не обещал. Мы с ним дружески сотрудничаем.

– Он собирается к нам на Землю?

– Конечно, собирается, – ответил Пашка. – Он хочет показать нашим ученым своих чудовищ. Ведь он их выводил здесь генетически. Это очень интересно.

– Это замечательное открытие! – подтвердил профессор Гоц. – Граф Дракула прославится у нас на Земле. Мы обязательно поможем ему перевезти на Землю своих питомцев.

– Все ясно, – сказала Алиса. – Вас обманули. Не нужны графу Дракуле ваши научные опыты. Он хочет завоевать Землю.

– Зачем? – удивился профессор Гоц. – Это нелогично! Ученые не бывают завоевателями.

– Дракула не ученый!

– Девочка, – возразил профессор Гоц, – не может быть, чтобы дикая, отсталая страна сумела победить нашу великую Землю! Как? С помощью драконов?

– С помощью земных предателей, – ответила Алиса. – Или наивных людей, которые думают, что завоевателям и покорителям можно доверять.

– Кого ты имеешь в виду? – спросил Пашка.

– Тебя, мой ангел, тебя, – вдруг проснулась маркиза Жанна. – И твоего дружка профессора. С вашей помощью мы перебросим на Землю передовые отряды драконов и привидений. Наш удар будет неожиданным и жестоким!

– Алиса, не верь ей! – закричал Пашка. – Никакие мы не предатели! Мы ничего не обещали.

– Но вы уже верите графу! А скоро он вас совсем запутает! – сказала Алиса.

– Если ты так будешь говорить, – возмутился Пашка, – то я тебе не друг!

– Именно этого Дракула и добивается, – едва ворочая языком, проговорила пьяная маркиза. – Вы все будете друг дружке не доверять. Сами себя... перебьете!

– Не выйдет! – рассердился профессор.

– А он сначала вашу жену возьмет в плен, – объяснила Жанна, – и ваших детишек посадит в подвал.

– Да помолчите же вы! – возмутился профессор. – Это сказка какая-то!

– Это страшная сказка, – ответила маркиза Жанна.

Тут дверь хлопнула, и внутрь комнаты ворвался снег.

На пороге стоял граф Дракула в черном плаще. Нос торчал, как меч, глаза горели, как угольки в печке.

– Поговорили, и хватит, – сказал он, схватил за шиворот маркизу Жанну ля Мотт и поднял. Затем приказал: – Собирайтесь на ужин. Стол накрыт в круглом зале главной башни. И чтобы без опозданий!

Он вытащил из комнаты Жанну, которая слабо сопротивлялась. Дверь хлопнула.

– Ну что ж, – сказала Алиса, – если приглашают, то надо идти.

– Ты считаешь, что я предатель! И я никуда не пойду! – заявил Пашка.

– Оставайся, – улыбнулась Алиса. – Я тебе чего-нибудь с ужина принесу.

– Не смейся надо мной!

– Тогда не принесу, – сказала Алиса и пошла наружу. Ей надоел этот детский сад.

Поднялся сильный ветер, мороз стал крепче. В некоторых хижинах вокруг двора поблескивали огоньки, словно там горели свечки.

Вдруг Алиса увидела два привидения. Они шли медленно, не обращая внимания на Алису, и одно за другим скрылись в одной из хижин.

«Зачем же привидениям дома? – подумала Алиса. – Они же живут в могилах!»

Вдруг Алиса споткнулась обо что-то.

В снегу цепочкой лежало несколько детских кубиков с буквами. Они составляли фразу:

НЕ ПЕЙ НИЧЕГО ИЗ ЧУЖИХ РУК

Алиса страшно обрадовалась, прочтя эту надпись. Она даже присела на корточки и, разгребая снег, погладила эти кубики. Только одно существо на всем свете могло отправить такое послание – приблудный волк Гаврюха. Милый, добрый, умный Гаврюха, который не потерялся, а нашел Алису!

Пашка догнал Алису и чуть не налетел на нее.

– Ты чего в снегу сидишь? – спросил он.

– Так, – ответила Алиса. – Отдыхаю.

Сначала она хотела сказать Пашке, что волк Гаврюха в замке, но потом прикусила язык. Пашке-то она доверяла, он был хорошим другом. Но, к сожалению, у Пашки был один злейший враг – его язык. Так что Алиса с Пашкой дружила, а с его языком не дружила.

– Чего же ты сидишь в темноте, на снегу...

Алиса быстро поднялась, ударила ногой по кубикам, и они откатились в сторону. Пашка даже не сообразил, что случилось.

– Я подошву укрепляла.

– «Пилата»? Он тебе не пригодится, – сказал Пашка. – Нам ничего не грозит.

– Это замечательно, что нам ничего не грозит, – согласилась Алиса. – И все-таки, если Дракула тебе будет предлагать что-нибудь пить, пожалуйста, воздержись.

– Ах, Алиса, – отмахнулся Пашка, – брось играть в детские игры. Мы с тобой не в логове пиратов, а в гостях в самом обыкновенном замке, в самом обыкновенном параллельном мире. Мы прилетели сюда изучать самые обыкновенные привидения.

– Отлично, – ответила Алиса. – И когда же начнем?

Пашка не почувствовал подвоха в вопросе.

– Завтра с утра нам приведут привидение, и мы начнем делать анализы.

– Эту ночь нам еще надо прожить, – сказала Алиса.

Пашке надоело спорить с Алисой, и он пошел вперед, к главной башне.

Алиса оглянулась. Где-то здесь неподалеку прячется ее чудесный волк! Какое счастье, что ты не одна! Ведь Пашка, к сожалению, не защитник.

Но Алиса никого не увидела. Она пошла вперед к приоткрытой двери в круглую башню.

Зал был освещен. Не ярко, но ярче, чем другие комнаты в ночном замке.

Точно посреди башни слуги поставили большой круглый стол без скатерти. На нем тесно стояли всевозможные блюда и напитки. В центре возлежал поросенок, отдыхающий на блюде, рядом возвышался приготовленный целиком павлин, а на продолговатом блюде таращился сом. Вокруг громоздились миски и плошки с салатами, капустой, грибами, тушеными баклажанами, картошкой и икрой. Между блюдами были

втиснуты бутылки с вином и водкой, кувшины с квасом, лимонадом и даже банки с консервированным пивом.

Вокруг стола стояло пять стульев с высокими спинками.

Самая высокая спинка была у стула, на котором сидел граф Дракула.

Напротив него расположилась маркиза Жанна ля Мотт, которая успела переодеться и теперь была в розовом пуховом платье и обмахивалась веером из страусиных перьев. Ее голову украшала необычная прическа с локонами на верхушке, а к этим локонам, как к волнам, был прикреплен шпильками маленький корабль под шелковыми красными парусами.

Алису Дракула посадил справа от себя, Пашку – слева. На пятый стул уселся пришедший последним профессор Гоц.

Заиграл оркестр.

Алиса посмотрела в ту сторону. К стене башни был пристроен большой балкон, нависавший над столом.

На балконе сидело несколько чудищ – два скелета, привидение, ведьма, гном, гигантская крыса и что-то, похожее на жабу. Оркестранты играли на различных музыкальных инструментах.

Вдоль стен стояли слуги. Это тоже были привидения и различные уроды, облаченные в ливреи, с гербом герцога Франсуа Кросскана, который украл граф Дракула.

Скелет с хвостом, который торчал из-под ливреи, разливал по бокалам вино.

– Дорогие друзья, – произнес граф Дракула. – Мы собрались на этот

скромный ужин, чтобы отметить приезд к нам дорогой гостьи, отважной девушки по имени Алиса. Ура!

Оркестр загремел, как будто начался последний и решительный бой.

Маркиза Жанна схватила бутылку с водкой и налила себе целый бокал.

Она заметила, что Алиса наблюдает за ней, и спросила:

– Что, уже и выпить человеку нельзя? Я заслужила такую честь... А ты не узнаёшь меня? Нет? Ну ладно, еще узнаешь! За твое здоровье, Алиса Селезнева! Можешь звать меня просто Жанной!

Алиса мучилась: ну откуда ей знакома эта Жанна? Знакомые движения, присказки, даже кашель знаком. Как будто они раньше встречались... И отгадка уже так близка!

– Что тебя мучает, Алиса? – захохотала вдруг маркиза. – Ломаешь свою беленькую головку? Ломай, ломай, ничего не выйдет! Ты меня раньше не видела и ничего не помнишь. Вспомнишь – погибнешь!

Граф Дракула был полностью занят едой. Он обсасывал каждую косточку, прожевывал каждый пирожок.

Маркиза Жанна ела быстро, жадно, но немного. Ей интереснее было выпить. А сколько в этой маленькой худенькой женщине помещалось водки и вина, человеку представить невозможно. При этом маркиза рассказывала глупые анекдоты, напевала давно забытые песенки и даже подмигивала Пашке, приговаривая:

– Ах ты, мой сообразительный! Ах ты, мой мягенький! Пойди сюда, я тебя съем! Ха-ха-ха!

Пашка был голоден. Он всегда голоден. Поэтому он положил на тарелку

всего понемногу, а кое-чего помногу. В том числе гусиную ногу, копченый окорок, половину сома, не говоря уж о закусках и гарнире. Алиса не испугалась, потому что знала: Пашка обжора, но сколько бы ни ел, всегда останется таким же худым и голодным.

Профессор Гоц заткнул за ворот белую салфетку и начал быстро орудовать вилкой и ножом – он отрезал кусочки и мгновенно забрасывал их в рот. Профессор был очень серьезен и даже задумчив. Алиса решила, что, если бы сейчас у него над ухом выстрелили из пушки, профессор бы не заметил.

Дракула кидал вокруг настороженные взгляды, и Алиса понимала, что он только притворяется, что ест, а на самом деле планирует свои злодейства. И ей, Алисе, надо быть настороже, иначе съедят с потрохами, а маме скажут, что улетела в другую галактику.

«Дракула уже хотел меня убить, – думала Алиса, – только Пашка меня спас своим приходом». Если в самом деле этот Дракула и его маркиза хотят завоевать Землю с помощью привидений и всякой нечисти, то Пашка и профессор не помеха – их можно одурачить. Он их вокруг пальца обведет. А вот Алису он обвести не может. И вовсе не потому, что она особенно умная, – просто чем-то она им с маркизой очень опасна. Иначе почему они так разозлились, когда увидели, что Алиса все-таки прорвалась в замок?

«Но что же отличает меня от других людей?» – ломала себе голову Алиса.

Она вспомнила о предупреждении волка, которое тот составил из кубиков: «Не пей из чужих рук...»

Но Дракула и не собирается поить Алису. Он приказывает налить вина всем. Скелеты-слуги наклонились и каждому налили в бокал.

– Мне не надо, – сказала Алиса. – Я не пью вина.

– Девочке налейте лимонаду! – приказывает Дракула.

«А лимонад мне можно пить или нельзя?» И, как назло, некого спросить. А пить так хочется!

Алиса внимательно смотрела, как скелет наливал ей в бокал из кувшина. От скелета пахло землей. В череп вместо глаз были вставлены маленькие лампочки. Противно, просто ужасно! Но Алиса и это терпела.

– А теперь, – произнес Дракула, поднимая свой бокал, – я хочу сказать, что благодарен судьбе за то, что она привела ко мне в гости замечательных людей, ученых, путешественников, мыслителей – Гераскина,

Гоца и Алису Селезневу. Они приехали к нам потому, что хотят помочь нашему великому делу. Только научный подход к нечистой силе поможет нам принести пользу человечеству.

– Слушайте, слушайте! – раздались крики.

Алиса в испуге обернулась и увидела, что в зал незаметно набились слуги, воины и помощники Дракулы – кого только не было там! Страшно даже во сне увидеть таких! А тут ты встречаешь их десятками, и совсем рядом. Удивительно, что все эти чудовища слушаются графа Дракулу, а не терзают его и гостей.

У Алисы все внутри сжалось. Пашка побледнел. Только профессор Гоц закричал от радости:

– Ах, сколько у вас экземпляров! Умоляю вас, господин граф! Завтра же выдайте мне несколько штук! Сбылась мечта моей жизни! Не зря я кричал на всех перекрестках Москвы, что привидения существуют. Мне не верили. Меня осыпали насмешками. Мне грозили антиалкогольной лечебницей. Но правда победила!

– Вот именно! – радостно поддержал профессора граф Дракула. – Мы с вами привезем в Москву всех моих детей! Всех моих уродиков и страшилок. Вы мне поможете?

– Разумеется! – кричал радостный профессор.

– И все смогут убедиться, – сказал граф, – что привидения существуют.

– Какое счастье! – закричал профессор и кинулся обниматься с Дракулой.

Дракула выставил перед собой ладонь, и профессор налетел на нее, как пароход на айсберг.

Пашка смотрел на Алису, и взгляд его был растерянным. Он уже сам не понимал, что хорошо, а что плохо. Конечно, приятно было стать ассистентом профессора, который открыл привидения и покажет их в Московском университете...

– Пашенька, – громко сказала Алиса, как бы угадав мысли друга, – а хорошо ли, если на Тверской улице в Москве будут летать драконы и сжигать маленьких детей?

– Алиса, что ты говоришь! – укоризненно произнес Дракула. – Я же тебя предупреждал – не мешай мне! Ты плохо кончишь.

– Поосторожней! – Пашка строго посмотрел на графа Дракулу. – Не смейте угрожать Алисе.

– Но ведь твоя Алиса клевещет! – закричал Дракула. – Неужели мои миленькие, добренькие, хорошенькие ведьмы и скелетики, мои крыски и привидения могут кому-нибудь повредить? Это че-пу-ха!

– А я не согласна! – вдруг заявила маркиза Жанна ля Мотт. Покачиваясь, она поднялась, держа в руке бокал, из которого выплескивалась на стол водка. – Наши привидения очень даже любят похулиганить. Мы всю Землю ограбим и запугаем, мы всех перебьем, а кого не перебьем, сделаем рабами! Да здравствует разбой!

Алиса измучилась, стараясь понять, кого ей так напоминает маркиза ля Мотт, ставшая похожей на крысу. Ее прическа растрепалась, парусный кораблик, который раньше увенчивал ее локоны, съехал вбок, будто собирался потонуть.

– Ну как, мои пташечки? – обратилась Жанна к привидениям. – Вы готовы к боям?

И все чудища, что набились в зал, стали кричать, шипеть и пускать искры.

– А ну, тишина! – рассердился граф Дракула. – Здесь командую только я!

Наступила тишина.

– Жанна, иди спать! – приказал Дракула. – Мы с Алисой выпьем на посошок.

Граф Дракула протянул руку с накрашенными длинными ногтями, схватил бокал, который стоял перед Алисой, и, поставив его перед собой, начал наливать в него темную жидкость из стоявшего отдельно небольшого кувшина.

– Давай, Алисочка, попробуй моей наливочки. Я сам ее сделал. Я очень люблю сельское хозяйство...

Голос у Дракулы был ласковый, тихий, но глаза сверкали ненавистью. Не зря волк Гаврюха составил из кубиков предупреждение.

– Спасибо, – вежливо сказала Алиса. – Мне не хочется.

– Обижаешь, – сказал Дракула. – Ой как обижаешь!

– Пей, гадюка! – закричала маркиза Жанна. – Пришибу!

– Я, кажется, узнала тебя! Ты совсем не изменилась, – сказала Алиса, глядя в глаза маркизе. – А жалко, я так надеялась. Но, видно, горбатого могила исправит.

– Я не горбатая! – закричала маркиза, и тут корабль слетел с ее прически и грохнулся на пол.

Дракула не смотрел на свою сообщницу. Он кричал на Алису:

– Пей сейчас же!

Алиса взяла у него из рук бокал, Дракула хотел что-то сказать, но не успел, потому что Алиса со всего размаха плеснула из бокала в лицо графу. Тот схватился за глаза, а Алиса кинулась к двери.

– Держи ее! – закричала маркиза и попыталась догнать, но она была пьяна, и поэтому ноги ее не слушались. Зато все остальные привидения, скелеты и ведьмы кинулись следом за

Алисой. Они бы догнали ее, хотя бы потому, что некоторые стояли совсем близко от двери, но Пашка Гераскин отважно пожертвовал собой – он упал на пол поперек двери, и преследователи Алисы один за другим попадали, спотыкаясь о Пашку. Они кричали, безумствовали, рычали, дрались и устроили такую пробку в двери, что Алиса успела выбежать на середину двора, разбежаться и включить свои гравиподошвы «Пилат». Они тут же вознесли ее вверх.

Она оглянулась – привидения выскакивали из башни и бегали, светясь, по снегу. Следом за Алисой поднималась стая воронья и филинов. Потом разогналась и взлетела ведьма в ступе. Преследователи мчались за Алисой, словно рой пчел, преследующий медведя, который неосторожно забрался в лесу в пчелиное дупло.

Алиса поняла, что в небе они ее быстро догонят, и, увидев перед собой лес, стала резко туда спускаться.

Вот она достигла вершин деревьев, ветви били ее по лицу и по рукам. Алиса жмурилась, чтобы не повредить глаза. Сзади слышалось карканье, уханье филинов и треск ветвей, но Алиса поняла, что преследователей стало меньше. Вороны не могут летать среди густых ветвей, ведьма тоже отстала – остались лишь филины.

Алиса летела в самой гуще леса, огибая деревья и большие сучья, как слаломист обходит флажки.

Вскоре она вырвалась на поляну. Вдоль поляны бежал ручей, такой быстрый, что даже не замерзал, и над ним поднимался пар. Ручей вытекал из каменного завала... и тут Алиса увидела, что среди мшистых валунов мигнул огонек. Погас. Мигнул снова. Погас...

Алиса подумала, что хуже ей не будет. Надо надеяться, что этот огонек зажигают ее друзья.

Мало ли какие друзья могут быть у человека в чужом мире! Она затаится среди валунов, и филины ее потеряют.

Алиса сбавила скорость и влетела в проход между гигантскими валунами. И тут увидела вход в пещеру. Его было трудно сразу заметить.

Алиса втиснулась меж камней и услышала, как что-то громыхает рядом. Она обернулась. Черный занавес закрыл от глаз звездное небо.

Алиса догадалась, что кто-то привалил к входу в щель большой камень.

Потом раздался шепот:

– Тихо, замри! Они должны тебя потерять.

Снаружи слышались звуки, шорох крыльев... потом все стихло.

Глава тринадцатая
ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

– Ну вот, – снова произнес голос. – Придется немного посидеть в темноте.

Голос был знаком, но Алиса не могла догадаться, кому же он принадлежит.

И тут ее руки коснулось что-то влажное и холодное. Это был нос волка. Алиса протянула руку, и ладонь сразу согрелась от густой теплой шерсти.

– Ой, мой миленький! – прошептала Алиса. – Мой дорогой волчище! Ты же меня сегодня уже спас.

– А он вас, госпожа, – откликнулся знакомый голос, – уже не раз спас и еще спасет.

– Кто это говорит? – спросила Алиса. – Голос как будто знакомый.

– Это же я, Ганс, неужто госпожа меня не узнала?

– Ты тоже пришел ко мне на помощь?

– Это точно, – сказал слуга герцога. – Мне господин его светлость говорит: нельзя оставлять девчонку одну. Хоть она и не очень благородных кровей, все равно бросать не положено. Вот я и поскакал на нашем последнем коне! Ты что молчишь, Алиса?

– Мне хочется плакать, – сказала Алиса. – Я думала, что мне уже конец пришел.

– Так не бывает, – сказал Ганс, – в сказках и всяких хороших историях героев не убивают. И мы с тобой еще победим.

– Мы вернемся в замок? Спасать Пашку?

– Твоему Пашке ничего не грозит, – сказал Ганс. – А нам надо отсидеться, пока тебя не перестанут искать. И тебе полезно поспать немного. Небось давно не спала?

– Давно.

– Прижимайся к своему волку и спи, – приказал Ганс.

Алиса попыталась возразить, что не хочет спать, но у теплого бока волка было так удобно и уютно, что она тут же задремала.

Проспала Алиса недолго. Волк зашевелился, убрал тяжелую лапу, которой обнимал Алису, и ткнулся в ее щеку холодным носом.

Алиса открыла глаза.

В расщелине меж двух скал, которые прислонились друг к дружке, как карты, составленные домиком, горел небольшой костер. Он почти

не давал тепла, но на перекладине, положенной на рогульки, в котелке булькала вода.

– Сейчас чай будет, – сказал Ганс.

Его щекастая, обветренная физиономия казалась заспанной, голубые глазки заплыли.

– Только прости, – сказал он, – кружка у нас одна, пить будем по очереди. Но ты первая.

– Доброе утро! – сказала Алиса. – Я так рада, что вы меня нашли.

– Или ты нас нашла, – сказал Ганс. – Но это все равно.

– Главное, что я сбежала от этих негодяев!

– Но еще не все кончено, – сказал Ганс.

– Я знаю, – сказала Алиса. – Мы должны выручить Пашку и профессора.

– И не только их.

– И не только их, – согласилась Алиса. – Хотя я совершенно не представляю, как мы это сделаем. Здесь нас всего трое, а их – штук сто.

Волк зарычал.

– Но у нас есть Алиса, – сказал Ганс. – Мне мой герцог Франсуа сказал: найди Алису, спаси Алису, охраняй Алису. Потому что только на нее наша надежда.

– Но почему мне все об этом говорят? – спросила Алиса. – Я же ничего особенного не знаю. Для меня все это такая же загадка, как и для вас.

– Если бы так, они бы тебя не боялись, – возразил Ганс. – А они тебя очень боятся.

– Привидения меня не боятся, – возразила Алиса, – и скелеты меня не боятся, и драконы меня совершенно не боятся.

– Я человек простой, – сказал Ганс, – я слуга господина герцога. Надо заметить, что последний слуга. И вот господин герцог меня послал – скачи, приказал он, к замку, у меня есть весточка от железнодорожников, что поезд попал в засаду, его окружили привидения, у них есть приказ взять Алису живой или мертвой. Именно Алису! Вот так сказал мой герцог и приказал немедленно скакать к замку. По дороге я догнал твоего друга Каниса.

– Разве тебя Канисом зовут? – спросила Алиса у волка.

Волк кивнул.

– Он же не простой волк, – сказал Ганс. – Канис – заколдованный племянник герцога. Он оборотень.

– Значит, ты можешь оборачиваться человеком? – спросила Алиса.

Волк отрицательно покачал головой.

– Нет, – ответил за него Ганс. – Канис не может обернуться человеком. Он попросту человек, заколдованный в волка.

– Кто же тебя заколдовал, мой милый? – спросила Алиса.

Волк ударил лапой по мешку с кубиками, висевшему у него на шее, но Ганс не дал ему заняться кубиками, а сказал за него:

– У нас все знают, что это сделал Дракула!

– Так откуда он взялся, ваш Дракула? Он настоящий граф?

– Никто не знает, граф он или извозчик, – ответил Ганс. – Но он, к сожалению, настоящий волшебник. И притом злобный волшебник. Он появился всего-навсего в прошлом году. Вдруг в нашем замке стали появляться привидения! Над замком летали драконы и вампиры. Сначала их было немного, и они разбойничали в горных деревеньках. Похищали там скот, овец и коров, крали детей.

– Неужели это правда?

– Для них нет ничего святого.

– И что же они делали с детьми?

Ганс ответил не сразу. Потом глубоко вздохнул и произнес:

– Этого нельзя говорить девочкам, чтобы их не пугать...

– Меня уже ничем не испугаешь, – ответила Алиса. – Я за вчерашний день пережила больше, чем за всю жизнь.

– Я скажу тебе правду, – сказал Ганс. – Никто никогда больше не видел детей, которых украли привидения. Этих детей съели...

– Ой, не может быть!

– Все может быть в нашем страшном мире! Рассказывать дальше или ты будешь плакать?

– Я не буду плакать, – сказала Алиса, – рассказывай.

– Никто из детей не вернулся домой, – произнес Ганс. – И этим все сказано. Родители искали привидения, даже гонялись за ними и старались убить... Но ничего из этого не выходило. И вот люди стали уходить из деревень, перебираться в города, затем в один несчастный день, когда мой герцог поехал в путешествие, чтобы открыть Северный полюс, а в замке оставался только сторож, привидения напали на замок и захватили его. Вот тогда-то люди узнали о графе Дракуле, который заявил, что его род владеет этим замком уже тысячу лет, что он знать не знает никакого герцога. И нашему господину Франсуа, открывшему Северный полюс, пришлось штурмовать собственный замок. Надо сказать, что бой был что надо! Но нас разгромили! Мы отступили, нас осталось только трое! Мы погибли бы, но железнодорожники помогли нам сбежать на почтовом поезде.

Ганс вздохнул и закончил свой рассказ:

– К сожалению, этим все не кончилось. С каждым днем в нашей стране все больше привидений и скелетов! Уже покорены города, уже детей не выпускают играть и гулять – люди после наступления темноты не смеют выйти на улицу... О горе! Зачем только я на свет родился!

Алисе было очень горько слушать этот рассказ.

Но тут совсем рядом она услышала постукивание. И увидела, что волк составляет надпись из кубиков.

Тем временем Ганс налил в свою кружку горячего чая и протянул Алисе.

Ах, как славно было выпить чаю, хоть и без сахара! В жизни ничего более вкусного Алисе пить не приходилось.

Обжигаясь горячим душистым напитком, Алиса поглядывала, какую фразу составляет из кубиков приблудный волк.

А он выложил кубиками вот что: КАКОЙ СЕКРЕТ ТЫ ЗНАЕШЬ

Алиса не поняла:

– Я не знаю никакого секрета.

– Канис прав, – сказал Ганс. – Я человек простой и необразованный, всего три класса кончил, хоть и с отличием, я тоже думаю, что ты, Алиса,

знаешь какой-то секрет. И если ты сообразишь, что это за секрет, может, мы победим наконец эту банду!

– Я не знаю, как бороться с волшебниками! Совершенно не представляю.

Волк вскочил и стал принюхиваться.

Ганс тоже поднялся.

– Что-то неладно, – сказал он.

Алиса ничего не слышала.

– Ты никого не ждешь? – спросил Ганс у Алисы.

– Нет.

Волк выскользнул из расщелины и помчался, сливаясь со снегом, к лесу.

В лесу стояла тишина, слышно было, как комья снега падают с ветвей на землю, как поскрипывают ветки, сжимаясь от мороза.

Издалека донесся отчаянный крик. Кто-то звал на помощь.

– Может, Пашка? – спросила Алиса.

– Нет, – ответил Ганс. – Твой Пашка сейчас сидит в замке, как королевич. Он Дракуле нужен. Они же с маркизой всю нашу землю обобрали, им не терпится скорее к вам перекинуться и вас тоже пограбить.

– Но у нас развитая техника.

– Ой, не знаю, как справится твоя техника с призраками! – вздохнул Ганс. – Когда люди перепуганы, им ничего не поможет.

– Ваши железнодорожники не испугались.

– Они тоже испугались! Только стараются виду не показать, – сказал Ганс. – Их уже мало осталось. Не сегодня-завтра последний поезд пройдет, и наступит тогда у нас полное господство этого волшебства.

Ганс говорил, но прислушивался к шорохам леса.

Все было тихо. Но волк не возвращался.

– Что-то страшное случилось? – спросила Алиса.

Костер уже почти погас, снаружи дул ветер и летел снег. Стоял серый холодный рассвет.

– Надо возвращаться в замок, – сказала Алиса. – Пашка такой невоздержанный. Увидит, что меня нет, начнет искать, воевать, а Дракула ведь никого не жалеет.

– У него нет чувства жалости, – согласился Ганс. – Говорят, он раньше в этих местах разбойником был, грабил проезжающие кареты. Потом его банду стражники разогнали, он где-то скрывался... а снова появился уже графом. Но, может, врут люди, ты как думаешь?

– А откуда взялась эта маркиза? – спросила Алиса. – Что ты знаешь о маркизе Жанне?

– Никто о ней ничего не знает. Приехала неизвестно откуда, живет вместе с графом, с утра до вечера водку пьет. Совершенно бессовестная госпожа.

– Мне кажется, что я ее знаю, – сказала Алиса. – И она меня знает.

– Ого! – воскликнул Ганс. – Думай, Алисочка, думай! Может быть, в этой маркизе вся загадка?

– Только я ее не как маркизу знаю...

– Может, как графиню? Как герцогиню?

– Нет... близко, совсем близко, а не могу ухватить! – призналась Алиса. – Мне бы с ней еще немного поговорить, я бы догадалась!

Алиса поднялась.

– Что же наш волк не возвращается?

– Я сам опасаюсь, – сказал Ганс.

– Пошли его искать?

– Ну как мы пойдем? – спросил Ганс. – Лес полон графских птиц и ведьм. Как от них скроешься?

– А как же вы думали в замок проникнуть?

– А мы собирались подземным ходом пробраться, – ответил Ганс. – Тебя найти и спасти.

– А мы не можем?

– Можем-то можем, но как до замка дойти?

– Но волк туда ходил! Он мне записку оставил, чтобы я из чужих рук не пила. Почему?

– Потому, что Дракула решил тебя отравить, но так, чтобы Пашка с профессором не догадались, что это он виноват.

Ганс выглянул из расщелины:

– Куда же волк девался?

– Пошли, – сказала Алиса. – Нельзя отсиживаться, когда опасность грозит всем. Пойдем по следам волка и узнаем, что случилось.

– Наверное, ты права, – согласился Ганс. Он взял копье, взвалил на спину мешок и пошел первым. Он шел по следам волка, проваливаясь в глубокий снег. Сзади него в снегу оставались две траншеи, словно за повозкой. Алиса двигалась за ним, стараясь не ступить мимо траншей, а то провалилась бы в снегу по пояс.

Они шли молча, чтобы не привлечь внимания слуг Дракулы. Минут через десять местность начала подниматься – впереди был холм, на котором возвышался замок Кросскан. Над ним кружили вороны.

Алиса и Ганс не стали выходить на открытое место.

Ганс осторожно повел Алису молодым ельником к речке, которая огибала холм. На удивление и небо и земля были пусты – ни одного ворона, ни одной летучей мыши... Удача сопутствовала Алисе.

– Подземный ход ведет к речке, – тихо сказал Ганс. – Его сделали еще в далекие рыцарские времена, чтобы можно было выходить за водой. Конечно, в замке есть колодец, но для стирки воду брали в реке. К тому же если в замке кончалась еда, когда его осаждали враги, то по ночам через подземный ход к речке выбирались рыболовы, забрасывали удочки, а потом подкармливали своих товарищей.

Рассказывая, Ганс вел Алису кустами к реке, а затем под невысоким обрывом вдоль берега замерзшей речки.

– Странно, – сказал Ганс. – Даже охраны не видно – обычно у него на стене и на башнях дозорные сидят.

– Ничего, ты только поскорее покажи мне подземный ход, – попросила Алиса. – А почему их нет, мы потом выясним.

– К счастью, Дракула о подземном ходе не знает. Никто ему не сказал.

С этими словами Ганс нырнул в куст у обрыва и исчез.

– Ты где? – спросила Алиса.

– Я тебя жду, – глухо откликнулся Ганс.

Алиса протянула руку перед собой, и Ганс схватил ее за пальцы и дернул внутрь.

Она оказалась в кромешной темноте.

– Ты держись за меня, – сказал Ганс, – крепко держись. Я этот ход знаю как свои пять пальцев. Раньше, бывало, герцог велит никуда не отлучаться, а моя Агнешка за рекой в деревне ждет. Я – брысь в подземный ход, шасть к речке – бродом, тропинкой, ельником да березняком – и в деревню. Агнешка меня уже у околицы ждет, идем с ней на танцы в другую деревню... Ах, нет теперь этих деревень! Кто жив остался, бежал в далекие края. Где ты, моя Агнешка?

Ганс топал впереди, тяжело вздыхал, а потом стал рассказывать, какие замечательные танцы бывали в соседней деревне, как он плясал всю ночь без остановки и получал от девиц в награду пряник в полпуда весом...

Впереди показалась узкая полоска света.

– А теперь, Алиса, помолчи немного! – заявил Ганс.

Алиса хотела было обидеться – она-то ведь и слова не произнесла, только слушала, но некогда было обижаться: подземный ход вывел их в главную башню, где еще вчера шел пир. В башне было полутемно, грязно. Камин и факелы давно погасли, на столе стояла грязная посуда.

– Это кабинет Дракулы, – сказала Алиса Гансу.

– Ты что же думаешь – я не знаю, что это и есть кабинет его светлости герцога Франсуа де ля Кросскан? Что ж ты думаешь, я здесь не был ровно тысячу раз?

– А где Дракула?

– Сейчас узнаем, – сказал Ганс.

Глава четырнадцатая
ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД

Ганс подошел к двери на улицу, приоткрыл ее. И замер.

Даже поднял руку, чтобы Алиса тоже замерла.

Алиса осторожно выглянула из-под его руки.

Она увидела невероятную картину. Дальнюю от башни половину двора занимали чудовища графа Дракулы. Они были разбиты на несколько неровных рядов.

Справа в заднем ряду мирно сидели три дракона, выпуская из ноздрей клубы дыма. Вокруг драконов было пусто – вряд ли кому-нибудь было приятно дышать этим дымом.

Дальше в два, а где и в три ряда стояли привидения, разные, от совсем прозрачных до зеленых светящихся. Привидения не могли стоять неподвижно, их ряды все время покачивались, словно все вместе они были зеленой морской волной, которая с минуты на минуту обрушится на берег.

А вот скелеты, которые выстроились в колонну, стояли неподвижно, как костяные. Впрочем, они и были костяными.

Нестройной толпой скопились ведьмы. Некоторые были просто страшными старухами с торчащими зубами, другие, летающие, сидели в деревянных ступах, держа метлы на изготовку. За ведьмами Алиса увидела небольшую группу снеговиков с красными морковками вместо носов, а в углу в полутьме шевелились совсем уж незнакомые и непонятные чудища и существа.

Перед этим войском сидели, бегали, лежали волки-оборотни, скаля зубы и показывая красные длинные языки. На крышах и зубцах стен расселись сотни воронов, сов и филинов, а летучие мыши висели вниз головами на перекладине виселицы.

По двору бродили, не желая стоять в общем строю, черные коты и скорпионы.

Спиной к башне, откуда Алиса наблюдала этот парад, стояли сам граф Дракула и маркиза Жанна.

В руке маркиза держала серебряную ложку, а у своих ног в снегу она пристроила большую бутыль.

Возле Дракулы стояла большая клетка. В ней, держась за прутья сверху, висела мышь-вампир, а по полу клетки бегал, никак не мог остановиться, небольшой откормленный ворон.

Высокий скелет в обрывках генеральского мундира, с одним погоном и в одном сапоге вышел на пустое место.

Чеканя костяной шаг, он остановился в двух метрах от графа и скрипучим голосом произнес:

– Личный состав армии графа Дракулы Шестнадцатого пересчитан, проверен и к боям готов. По спискам и в наличии привидений восемьдесят два, ведьм шестнадцать, одна пропала без вести...

– Вольно, вольно, – остановил его граф. – Все в порядке, рапорт принят, можешь идти в строй, мой дорогой покойник!

Скелет резко развернулся, но от такого движения его кости стали рассыпаться. Привидения успели подхватить генерала и унести в задние ряды.

– Сегодня у нас большой трудовой день, мои мальчики и девочки, – начал свою речь граф Дракула. – Все основные силы моего войска собраны здесь для получения новых инструкций и заданий, а также для выслушивания важных сообщений. Сообщение номер один: мы начинаем вторжение в параллельный мир под названием Земля. Первым объектом нападения будет город Москва. Там нас ждет большая добыча. Ура!

– Урррра! – закричали, завизжали, заскрипели, зашипели подданные графа Дракулы.

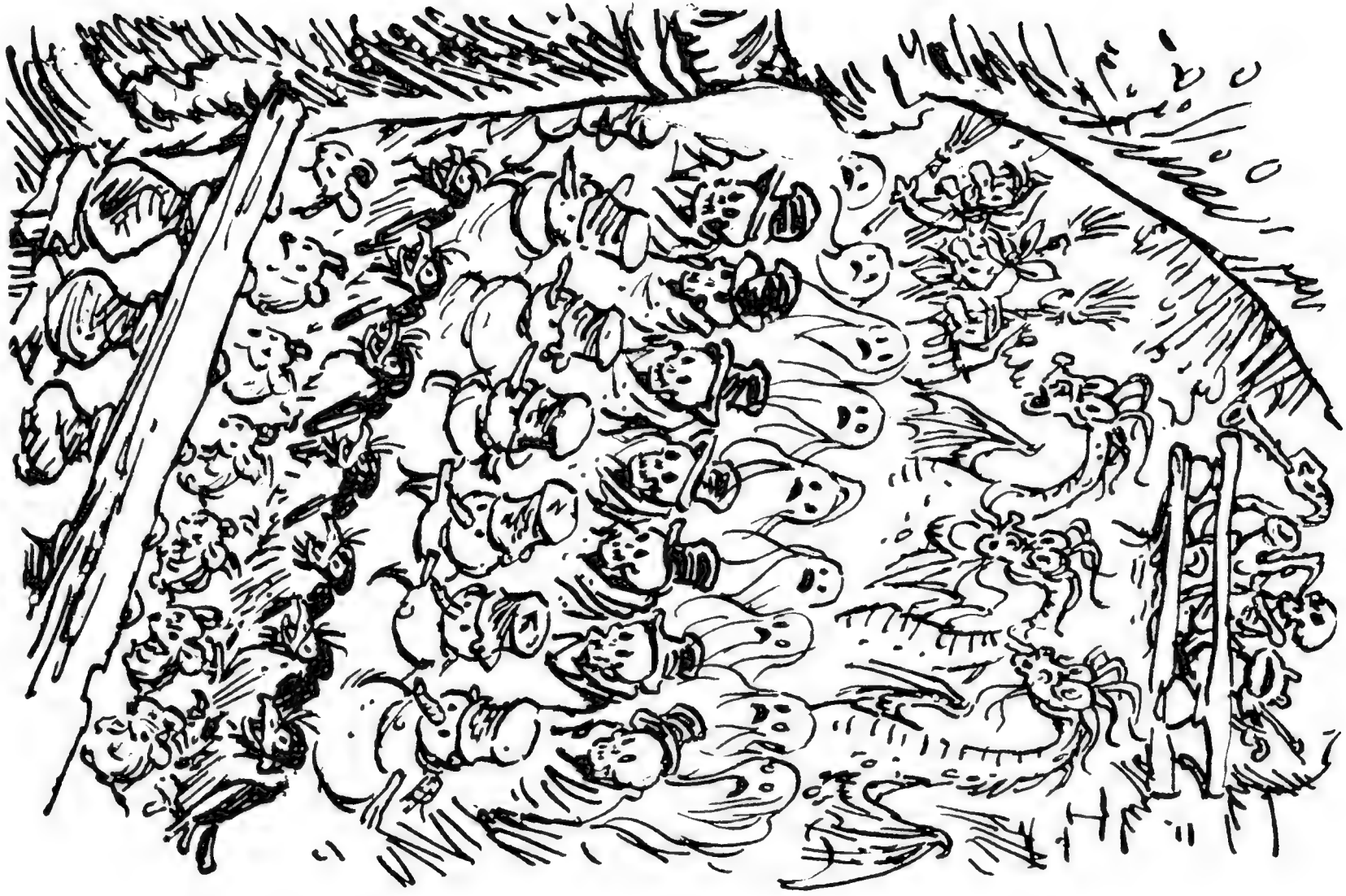
– Нашего полку прибыло! – продолжал граф Дракула. Он показал на клетку. – Это наши новые товарищи! – прокричал он. – Профессор Иона Гоц и Пашка Гераскин. Они решили влиться в наши ряды, чтобы помогать нам на Земле. Они нам покажут дорогу к почте, телеграфу и вокзалам, которые мы возьмем штурмом. Ясно?

– Урррра!

Алиса в ужасе посмотрела на летучую мышь и ворона. Неужели это и есть Пашка и Гоц? Как мог Пашка, ученик московской школы, почти отличник, хороший сын и товарищ, превратиться в вампира? Что же, он теперь будет сосать кровь у товарищей по классу? Нападет на свою маму? Какой ужас!

Но в то же время Алиса и радовалась.

Да, да! Несмотря на трагедию, которую она наблюдала, Алиса не могла не радоваться, потому что ее подозрения подтвердились и она разгадала тайну графа Дракулы и маркизы Жанны ля Мотт. Она могла бы и сейчас уже рассказать об этом Гансу, но боялась, что Ганс что-нибудь не поймет.



– Начинаем боевую зарядку! – закричала, выходя вперед, маркиза Жанна.

Она вытащила из пышной прически небольшую плоскую фляжку, отпила из нее и завопила:

– Мы ненавидим всех взрослых!

– Мы ненавидим взрослых! – в сотни голосов ответили ей чудовища.

– Мы захватим весь мир!

– Мы захватим весь мир!

– Мы будем пить кровь, издеваться и хулиганить, сколько нам захочется!

– Мы будем издеваться и хулиганить...

– Мы слушаемся только нашего благодетеля графа Дракулу! – кричала маркиза пронзительным голосом.

– Благодетеля... графа!

– И если кто станет на нашем пути, он будет растоптан сапогами! – подпрыгивала от ярости маркиза Жанна.

– Будет растоптан! Будет растоптан!

Как страшно было видеть и слышать это море ярости и ненависти! Как они все прыгали, извивались, рычали, махали лапами и когтями! И Алиса понимала: стоит привидениям и оборотням увидеть ее и Ганса – им не-

сдобровать. Может, лучше закрыть дверь? Нет, придется терпеть, надо все знать.

– Будет растоптан! – никак не могли остановиться чудовища. Они топали, показывая, как они всех растопчут.

Ганс толкнул Алису в плечо. Он в изумлении показывал ей на клетку, в которой сидели ворон и вампир. Они тоже топотали и пытались кричать!

– Ничего, – ответила Алиса. – Это пройдет.

Но Ганс ей не поверил.

Еще минут пять продолжались крики и топот.

Потом привидения и вампиры трижды прокричали «ура» в честь благодетеля графа Дракулы Шестнадцатого. И постепенно все утихло.

Граф Дракула сделал шаг вперед и обыкновенным голосом заговорил:

– Начало наступления на Москву я назначаю на завтра, на шесть часов утра. Сегодня вечером вылетаем в город. У меня есть сведения, что проклятые железнодорожники спрятали сундук-самолет в своих мастерских. Предстоит славный ночной бой. Пора нам окончательно уничтожить всех железнодорожников и герцога Франсуа, который с ними связался.

– Смерть! – закричали слуги графа. – Смерть! Смерть!

– Спокойно! – остановил крики граф Дракула. – Покричали, и хватит. Я знаю, что вы меня любите и слушаетесь. Перейдем к вопросам подготовки завтрашнего похода. Все должно быть в порядке, все должны быть здоровы, веселы, бодры! Кто себя чувствует ослабевшим, больным, кому требуется усиленное питание, мазь от чесотки и блох, кому нужна подзарядка электричеством, – всех прошу поднять руки или лапы.

Чуть ли не половина чудищ подняли свои лапы.

– Многовато, – сказал Дракула. – И я вас предупреждаю, что если кто-то притворился, если кто-то хочет отдохнуть и не участвовать в боях, получить усиленное питание и наесться дефицитных лекарств, я предупреждаю – всех разоблачу и уничтожу! Ясно?

Тут же половина поднятых рук исчезла.

Чудовища боялись своего графа.

– Подходить по одному! – закричала маркиза Жанна. Она взяла у Дракулы кожаный мешочек и развязала его.

В рядах началось движение. Вперед проталкивались привидения, ведьмы и драконы и выстраивались в очередь к маркизе.

Маркиза принялась вынимать из кожаного мешочка пилюли.

Первым к ней подошел дракон с открытым страшным ртом, из которого тянуло дымом. Маркиза кинула в него пилюлю. Дракон отошел. Потом к ней подплыло привидение, светящееся, зеленое, страшное. Маркиза отправила пилюлю в эту дыру. Вот подлетел вампир, вытянув трубочкой губки. Он висел в воздухе возле маркизы, и та вставила ему в ротик желтую пилюлю.

– Что она делает? – прошептал Ганс. – Я чего-то не понимаю.

– А я понимаю, – сказала Алиса. – Я даже догадалась, кто эта маркиза. Мы с ней знакомы.

– С ней все у нас знакомы! Она уже давно при Дракуле живет.

– Они стоят друг друга! – ответила Алиса.

– Ты мне объясни, – попросил Ганс, – а то если они тебя сожрут или разорвут, тайна уйдет с тобой в могилу.

– Ничего они мне не сделают, – ответила Алиса.

– Ой, не зарекайся! – вздохнул Ганс. – Ты только посмотри на своих друзей. Какие люди были! Цвет вашего рыцарства! А теперь что? Один – вампир, второй – ворон!

– Смотри внимательно, – сказала Алиса. – Потом я тебе все объясню.

Она показала вперед.

Дракон, вампир, привидение, которые уже получили свои пилюли и отошли в сторону, вдруг начали изменяться.

Дракон уменьшился, привидение перестало светиться, а вампир вырос...

То же самое случилось и с другими чудовищами, которые получали от маркизы пилюли.

Они превращались в детей!

В голеньких, замерзших, голодных, нечесаных, нестриженых, немытых детей.

Некоторые принимались плакать, другие молчали, терпели и дрожали.

– А ну, – приказал Дракула, – все в башню! Там мы с маркизой вами займемся.

– Ой! – сказал Ганс. – Они сюда бегут!

– Срочно в подземный ход! – ответила Алиса.

Они кинулись обратно к камину, откуда начинался подземный ход.

– Я боюсь, как бы они, – прошептала Алиса, – не вздумали растопить камин – тогда нам придется обратно к речке бежать.

– А что делать? – спросил Ганс.

– На второй этаж! Там сейчас пусто!

Алиса первой побежала по лестнице, Ганс – за ней.

Они только-только успели спрятаться там, улегшись на пол возле люка, как в башню вошел Дракула. За ним толпой ворвались дети. Им было очень холодно.

– А ну разжигайте камин! – приказал Дракула. – Вы что, меня заморозить хотите?

Дети послушно забегали, одни несли хворост, другие – угли, третьи зажженную лучину. Камин загорелся, из него повалил дым, заволок на минуту весь первый этаж башни, но потом нашел себе путь в трубе, и воздух стал чище.

– Это просто здорово, – сказала Алиса, – что мы не остались в той трубе.

– Быстро! – Дракула уселся за стол и скорчил страшную рожу. Дети дрожали, а некоторые всхлипывали. – Мне в армии нужны здоровые, веселые, преданные нашей высокой идее исполнители. Нытиков, хлюпиков, хроменьких, поносненьких – долой! А ну давай ко мне по очереди!

Дети начали толкаться, стараясь не попасться на глаза графу. Они уже раскаивались в том, что заявили о своих болезнях.

– Давай! Ты! Первый! – Дракула ткнул пальцем в одного из мальчиков, и тот как под гипнозом, заплетая ножки, потащился к столу. – Стой! Ни с места! Ты меня любишь?

– Еще как люблю, господин мой!

– Больше папы и мамы?

– Так точно, господин мой!

– Ты готов ради меня зарезать своих родных?

– Так точно, господин!

– И не пожалеешь?

– Никак нет!

– Кем служишь у меня?

– Служу сторожевым филином!

– Какое оружие?

– Имею ядовитый бронебойный клюв!

– На что жалуешься? Ну, быстро!

– Зубы болят... ой как болят!

– Но у тебя же клюв!

– Когда клюв, то он болит, а когда зубы, то зубы болят! Много зубов болит!

– Маркиза, займись!

Жанна схватила мальчишку за ухо и потащила в сторону. Там посадила на табуретку и вытащила из складок своей обширной юбки блестящие щипцы.

Мальчишка взвизгнул от страха. Жанна как следует треснула его кулаком по голове.

– На свалку захотелось? – спросила она у мальчика.

Мальчик беззвучно плакал, стараясь не гневить маркизу.

А перед Дракулой уже стояла маленькая девочка. Совсем голенькая. Ей было холодно и страшно.

– Ты меня любишь, крошка? – спросил Дракула.

– Ой, да, – пискнула девочка и заплакала.

– Ну если плачешь, тебе нечего бояться. А кем ты у меня служишь?

– Ядовитой крысой, дядя!

– А если я тебе скажу – укуси свою маму! Ты укусишь?

– А можно я не буду мамочку кусать? – спросила девочка, и Дракула посмотрел на нее страшными глазами. Девочка заревела в полный голос.

– М-да, – сказал граф. – Слабо мы еще работаем с личным составом. А на что жалуешься, ничтожное существо?

Ответить девочка не успела, потому что из угла донесся отчаянный вопль мальчика.

– Это еще не все! – закричала Жанна. – У нас еще один больной зуб остался!

Мальчик принялся бегать по башне, Жанна за ним.

– Ах, оставьте свои соревнования, – сказал граф. – А то всех перестреляю. Как вы мне надоели!

Жанна догнала мальчика, силком открыла ему рот и стала прилаживать щипцы, чтобы вытащить еще один зуб. Мальчик бился, как птичка в зубах у лисицы, а некоторые дети уже начали кричать:

– Я здоровый!

– Я здоровая! Пошлите меня обратно!

– Я больше не буду!

– Нет, будешь! – зарычал Дракула. – На что жалуешься?

И тогда маленькая девочка произнесла, заикаясь от страха:

– Я к ма-а-мее хочу...

– С тобой все ясно, – сказал Дракула, – постой-ка вон там, под картинками. Подожди, отправим тебя к маме.

Девочка покорно отошла к стене, на которой были приклеены в ряд картины, изображающие в натуральном размере различные виды подданных Дракулы: привидений, вампиров, оборотней и так далее... А Дракула тем временем продолжал допросы. Допрашивал он всех одинаково. Сначала он интересовался, любит ли его ребенок и готов ли ради него убить собственных родителей, а потом выяснял, на что тот жалуется. Если жалоба была невелика – нарыв, больной зуб, царапина или ушиб, он передавал больного маркизе, и она им занималась в меру своих сил и небольшого умения. А вот тех, кто хотел просто избавиться от работы, ленился или боялся, а уж тем более разлюбил великого Дракулу, граф за-

ставлял отойти и встать под картинами. Вскоре дети разделились на две группы. Человек пятнадцать стояли кучкой под картинами и ныли от страха, и столько же толпилось вокруг маркизы.

Когда проверка закончилась, Дракула громким голосом произнес:

– Все, кто у двери, синюю пилюлю принимай!

С этими словами Дракула выдвинул ящик письменного стола, достал оттуда еще один кожаный мешочек, такой же, как у маркизы, и кинул его своей подруге.

Маркиза стала вынимать из него синие пилюли.

Дети, видно привыкшие уже к этой процедуре, становились в очередь, и маркиза спрашивала:

– Ты у нас кто?

– Сова, – отвечал ребенок, у которого вырвали два зуба.

– Покажи на картинку!

Мальчик показал на картинку, на которой была нарисована сова.

После этого маркиза дала ему пилюлю, мальчик с трудом проглотил ее и отошел в сторону.

– А ты кто у нас? – спросила маркиза мальчика, которому недавно перевязала разбитую руку.

– Я привидение, – сказал мальчик. – Только я хочу стать драконом.

– До дракона еще дорасти надо. В драконы берут только злобных подростков, – строго сказала Жанна. – Смотри на картинку и глотай пилюлю!

Мальчик подчинился.

Один за другим дети отходили в сторону, и вскоре раздача пилюль закончилась. Алиса и Ганс увидели поразительную картину: на глазах у них маленькие, голенькие, несчастные дети превращались в привидений, сов, крыс, ведьм... Когда операция закончилась, маркиза вернула мешочек с пилюлями Дракуле, и тот спрятал его в ящик стола.

– А ну давайте наружу! – крикнул им Дракула. – Готовьтесь к вылету. А пока полетайте, побегайте вокруг!

Превращенные в чудищ дети покорной толпой побрели наружу.

Остались лишь те, кто не понравился Дракуле.

– А с этими, – сказал он усталым голосом, – ты сама знаешь, что делать.

– Почему, если грязная работа, так мне? – спросила маркиза Жанна.

– Иди, иди, мне тоже поработать придется.

– Я ничего не понимаю, – прошептал Ганс. – Они дети? А почему тогда они привидения?

– Я тебе все объясню.

– Но пилюли... пилюли!

– Помолчи. Прошу тебя.

– Я не могу молчать! Я должен знать, куда маркиза поведет детей!

– Недалеко, – ответила Алиса. – Маркиза их хочет убить.

– Детей?

– Вот именно.

– Я сейчас пойду и это остановлю.

– Так просто ты ничего не остановишь, – сказала Алиса. – Тут надо думать.

– Да разве волшебников передумаешь?

– Гансик, миленький, – сказала Алиса, – не говори мне под руку. Здесь нет волшебников, а есть мошенники.

Маркиза погнала обреченных детей к выходу.

За ними шли превращенные с помощью синих пилюль в привидения и ведьм остальные дети. Шли они, еле-еле переставляя ноги и лапы.

– А ну пошевеливайтесь! – приказал Дракула. Он подтолкнул отстававших кончиком сабли.

– Ну чего ты медлишь! – торопил Алису Ганс. – Каждая секунда на счету! Нельзя же допускать, чтобы они у нас так распоряжались. Лучше смерть, чем позор.

– Но еще лучше жизнь со славой, – ответила Алиса.

В этот момент дверь за Дракулой захлопнулась.

В два прыжка Алиса слетела по лестнице вниз и кинулась к столу. Она потянула ящик, но он не открывался.

– Да помоги же, Ганс!

Ганс старался помочь Алисе, но стол был сделан из крепкого мореного дуба. А где ключ?

И тут из-под стола появилась тонкая детская ручка. В пальцах она держала медный ключик.

Вслед за ключиком из-под стола вылезла маленькая девочка, та самая, которая хотела к маме.

– Зачем ты это сделала? – спросил Ганс, помогая девочке выбраться наружу.

– Я залезла к нему в карман. Я хотела найти эти пилюли и освободить всех ребят.

Алиса быстро повернула ключ и выдвинула ящик. В ящике лежали два мешка. В одном были желтые пилюли...

– Это для того, чтобы возвращать людям их нормальный облик, – сказала Алиса.

– А эти синие, – сказала девочка, показывая на другой мешочек. – Их надо сжечь!

– Молодец, как тебя зовут? – спросила Алиса.

– Сюзанна.

– Погоди, Сюзанна, – сказала Алиса. – В хороших руках и плохие пилюли могут принести пользу.

– Алиса, объясни мне хоть что-нибудь! – взмолился Ганс. – Я так больше не могу. То привидения, то пилюли, то вампиры, то мошенники!

Алиса сняла с себя куртку и накинула на голенькую замерзшую девочку. Куртка доставала девочке до колен. Девочка прижалась к Алисе.

– Я уже вчера вечером заподозрила неладное, – сказала Алиса. – Не сходились концы с концами – страшный граф Дракула, привидения, вампиры... Но чтобы все привидения, все вампиры и ведьмы слушались одного графа – это так странно! И чтобы они охотились за мной и даже устраивали завалы на железной дороге?! Ну просто не верится! А эта маркиза? Пьет водку и ругается.

– Она еще хуже Дракулы, – пискнула девочка. Она оказалась сообразительной.

– И я подумала: а что, если эти волшебники вовсе не те, за кого они себя выдают? Но кем они тогда могут быть? И я вспомнила – есть у меня враги! Всю жизнь я с ними враждую, борюсь, пытаюсь остановить их гнусные проделки и даже преступления. Эти враги – космические пираты Крыс и Весельчак У. Я думала, что они ушли на пенсию, купили замок и играют на барабанах. Но совсем недавно я встретила их на планете динозавров. Там они пытались утащить золотые яйца ящеров. Как это им удавалось? У них есть специальные пилюли, чтобы превращаться в кого захотят. Синие – чтобы превратиться в кого пожелаешь, желтые – чтобы снова принять свой облик. Эти грабители решили обчистить целую планету. Как-то они узнали о параллельном мире и воспользовались тем, что люди здесь верят в привидений и вампиров. Если ты сильно веришь в чепуху, посмотри вокруг – не окажешься ли ты в дураках.

– Я догадался! – закричал тут Ганс. – Им же надо было из кого-то делать себе слуг? И они стали воровать детей. Все думали, что они детей пожирают. А они их превращали во всякую нечисть! Я правильно догадался?

– Молодец, Ганс! – воскликнула Алиса.

– Тогда побежим и скажем Дракуле, что мы обо всем догадались. Пускай он сдается.

– Как бы не так! – возразила Алиса. – С чего бы ему сдаваться? Он тут же разрубит тебя саблей, нашлет на тебя привидений и драконов. Ты даже договорить не успеешь.

– Так что же делать?

– Мы будем воевать с нашими врагами их собственным оружием, – сказала Алиса.

– Только скорее, – попросила маленькая девочка, – а то они убьют детей, которых увела маркиза.

– Дайте мне одну минуту, – попросила Алиса. – И я придумаю, что мы будем делать.

Ганс шевелил губами, он считал секунды. Девочка подбежала к двери и стала смотреть сквозь узкую щелку.

– Что там? – спросила Алиса.

– Дракула разговаривает с драконами, – ответила девочка. – А теперь он подошел к клетке, в которой сидят твои друзья, Алиса.

– А маркиза?

– Маркиза повела детей в подвал, – сказала девочка. – Там всегда наказывают непокорных.

– Скорее, Алиса, – снова попросил Ганс. – А то я не выдержу.

– Ну что ж, – сказала Алиса. – У меня созрел план.

Глава пятнадцатая
СДАВАЙСЯ, ДРАКУЛА!

Граф Дракула, похожий издали на бледную поганку, стоял прямо, сдвинув тонкие длинные ноги в белых чулках, в коротком сером плаще, который раздувался от ветра, как шляпка гриба. Он глядел на клетку, в которой томился Пашка, превращенный в вампира, и профессор Гоц, ставший вороном. Граф что-то втолковывал своим новым слугам, грозя им длинным указательным пальцем.

Остальные его слуги разошлись по двору, разговаривали или просто вздыхали по дому, маме и папе, которых они теперь должны были убивать или покорять. Вороны стаей носились над двором, играя в догонялки и пятнашки, забыв на время о том, что они солдаты страшной армии графа Дракулы.

Боевой дракон Дракулы лежал, вытянувшись под стеной, чтобы не продуло ветром, – он очень боялся простудиться. Дышал он обыкновенно, паром.

В первую минуту никто не заметил, как из главной башни замка, в которой еще так недавно правил суд и расправу граф Дракула, вышли три человека.

Алиса – в легком костюме, но на толстых гравиподошвах «Пилат».

Ганс – в крестьянской одежде, но босой.

Маленькая девочка Сюзанна, одетая в Алисину куртку и башмаки Ганса. Одежда была ей страшно велика, зато девочке было тепло.

Никто не знал, что Алиса только что проглотила синюю пилюлю и дала проглотить такую же Гансу, а потом спрятала мешочек с синими пилюлями в снежный сугроб у выхода из башни. Другой мешочек, с желтыми пилюлями, Алиса оставила девочке Сюзанне.

– Ты все поняла? – спросила она.

– Что ж тут непонятного? – ответила вопросом на вопрос девочка Сюзанна.

– Тогда начинаем наш последний и решительный бой! – сказала Алиса.

– А вдруг не выйдет? – спросил Ганс.

– Сомнения прочь! – ответила Алиса. – Ты знаешь, что делать. Сюзанночка знает, что делать. Смотри не отвлекайся!

И она тут же стала расти. Через полминуты вместо Алисы у двери в башню стоял еще один граф Дракула, тоже похожий на бледную поганку.

Ганс же, который не успел ни в кого превратиться, по знаку Алисы отступил внутрь башни. Он потянул за собой и девочку.

Сначала никто не заметил появления перед башней второго графа. Привидения и оборотни занимались своими делами.

Пожалуй, только большой серый волк-оборотень поглядел на Алису и медленно пошел к центру двора, будто почувствовал, что там произойдет что-то интересное.

Ничего не заметила и маркиза Жанна ля Мотт, которая в дальнем конце двора гнала палкой кучку голеньких, несчастных, плачущих детей в подвал, собираясь там с ними расправиться. Надо сказать, что преступники и негодяи предпочитают совершать свои преступления и делать гадости тайком, не на глазах у всех, или хотя бы надев маски. Каждый негодяй, какой бы сильный он ни был, в глубине души знает, что рано или поздно его преступления будут раскрыты и ему придется держать за них ответ.

Алису устраивало то, что на нее не обратили внимания. Чем позже граф спохватится, тем лучше.

Она направилась к графу широкими уверенными шагами, и, когда ей оставалось дойти до него всего метров десять, граф почуял неладное, обернулся и сначала попросту не сообразил, что же произошло.

Алиса продолжала спокойно идти к нему.

Тут очнулись привидения, оборотни, драконы и все прочие слуги Дракулы.

Они засуетились, начали шептаться и переглядываться, но никто не посмел сдвинуться с места. Раздвоение всесильного графа было чудом, ничего подобного они и вообразить не могли.

Дракула тоже ничего не мог понять. Он сразу даже не узнал себя в мужчине, в которого превратилась Алиса, проглотив синюю пилюлю. Идет какой-то чужой рыцарь в коротком плаще, на кого-то похожий...

И только когда Алиса была совсем близко от него, Дракула понял, что происходит что-то страшное.

Пользуясь его замешательством, Алиса подошла к клетке с Пашкой и профессором, открыла дверцу клетки и кинула внутрь две желтые пилюли.

– Быстро! – приказала Алиса. – Пашка, Иона Ионович, проглотите! Это я вам говорю – Алиса! Не бойтесь меня.

Как тут не бояться! Летучая мышь и ворон крутили головами, стараясь понять, кто для них страшнее – старый Дракула или новый Дракула.

И тут новый Дракула сказал:

– Пашка, если ты не проглотишь таблетку, я твоей маме скажу. И Аркашке Сапожкову. Ты понял?

Но Алиса не успела увидеть, понял ли ее Пашка.

Потому что к этому моменту Дракула уже опомнился настолько, что повернулся к ней и схватил своего двойника за ворот.

– Ты кто такой? – сказал он.

– А ты кто такой? – спросила Алиса, отскакивая назад и вырываясь из цепких пальцев графа.

– Я – граф Дракула Шестнадцатый.

– Никакой ты не Дракула, а жалкий самозванец!

Граф Дракула выхватил саблю.

Алиса-Дракула тоже выхватила саблю.

Надо честно признать – первый граф Дракула куда лучше умел владеть саблей, чем Алиса-Дракула.

Но Алиса решила, что будет сражаться до последнего. Главное для нее было выиграть время. Выиграть время, пока выполняли задание Ганс и девочка Сюзанна.

К полному изумлению всех привидений, два графа Дракулы отчаянно рубились на саблях, причем один из них громко кричал:

– Я тебе покажу, самозванец!

А второй отвечал:

– Еще посмотрим, кто из нас самозванец!

Искры сыпались от ударов сабель.

Тем временем в большой клетке для попугаев, что стояла рядом со сражающимися графами, происходило нечто невероятное: летучая мышь породы вампир и ворон на глазах превращались в людей. При этом, разумеется, они разломали клетку, прутья и щепки летели в разные стороны!

Ба-бах! И вот мальчик и невысокий черноволосый человек средних лет покатились по истоптанному снегу в разные стороны.

В этот момент глазам потрясенных привидений предстало еще одно неожиданное зрелище: из двери большой башни выбежали два человека. Первой бежала маркиза Жанна ля Мотт, подобрав длинное платье одной

рукой и сжимая в другой небольшую кочергу от камина. За ней выскочила маленькая девочка в длинной, почти до земли, Алисиной куртке и больших башмаках. Девочка держала в руке мешочек.

Маркиза и девочка побежали в разные стороны. Маркиза – к подвалу, куда только что скрылась еще одна такая же маркиза, которая повела убивать маленьких детей. А девочка Сюзанна, бойкая малышка, помчалась к толпе удивленных и замерших от неожиданности привидений, ведьм, оборотней и других слуг графа Дракулы, совсем не опасаясь их, хотя любая обыкновенная девочка умерла бы на ее месте от страха.

Привидения же вели себя, как зрители на теннисном матче, которые все вместе поворачивают головы: мячик полетел направо – трибуны следят за ним, мячик полетел обратно – все, как один, зрители провожают его взглядами.

Вот привидения смотрят на схватку двух графов, вот они повернули головы к клетке, в которой, развалив ее на части, выросли два узника, вот они оборачивают взоры к башне, откуда выбегают маркиза и Сюзанна.

Удар! Еще удар!

Алиса отступала под натиском взбешенного Дракулы.

– На помощь! – кричал между тем Дракула. – Ко мне, на помощь! Чего вы медлите, мои верные ведьмы!

Но ведьмы не спешили, потому что никто не знал, к нему ли надо спешить на помощь или к другому графу, который с ним сражался.

– Ну я вам покажу! – в бешенстве воскликнул Дракула. – Только вот разрублю этого самозванца!

Алиса поняла, что ее дело плохо.

Сколько она еще продержится?

Она отступала. Дракула преследовал ее.

Ее руки уже онемели от тяжелой сабли.

Алиса пошатнулась.

Граф занес саблю, чтобы нанести роковой удар.

Но в этот момент от толпы привидений и оборотней к графу кинулся громадный серый волк.

В два прыжка он настиг Дракулу, подпрыгнув, ударил его лбом и вцепился в поднятую руку так, что Дракула выронил саблю. Граф пошатнулся и упал, а волк обрушился на него всем своим тяжелым телом. Открытая пасть волка оказалась всего в вершке от лица Дракулы.

Дракула завизжал от страха и закрыл глаза.

Алиса разжала кулак, в котором была зажата желтая пилюля, и сунула ее в открытый от страха рот графа Дракулы.

– Держи его, Гаврюха, – сказала она, потрепав волка по загривку, – я пойду помогу Сюзанночке.

Алиса пошла к привидениям, которые видели перед собой не Алису, а только своего страшного повелителя графа Дракулу. Они стали отступать от него, жаться к стенам, а вороны и летучие мыши взмыли в поднебесье.

Девочка Сюзанна стояла перед толпой слуг графа, вынув из мешочка горстку желтых пилюль, и уговаривала их:

– Ну скушайте, пожалуйста, и вы снова станете мальчиками и девочками. Вы вернетесь домой, и больше не будет этого проклятого графа Дракулы. Не бойтесь его, и все хорошо кончится!

Но привидения видели, как из-за спины Сюзанны выходит страшный Дракула, и никто не торопился взять пилюлю.

И чем ближе подходила Алиса-Дракула, тем громче становились крики из толпы привидений:

– Мы любим тебя, господин! Мы подчиняемся тебе, граф! Мы готовы убить любого из любви к тебе!

Девочка Сюзанна обернулась и сама замерла от страха. Кто это – Алиса или Дракула?

– Ой! – сказала она, и пилюли покатились по снегу.

– Что с тобой? – спросила Алиса и тут же поняла, что все еще держит саблю.

Алиса бросила саблю в снег и сказала:

– Не бойся меня, Сюзанночка. Дай мне тоже пилюлю. Я хочу снова стать девочкой.

Сюзанна перевела дух: значит, победила Алиса!

Но привидения отказывались взять пилюли.

И Алисе пришлось воспользоваться тем, что они так боятся графа.

– Я вам приказываю! – произнесла она противным, скрипучим голосом графа Дракулы. – Немедленно каждому проглотить по желтой пилюле! Ну, сколько раз надо повторять?

Как загипнотизированные, привидения, ведьмы и драконы стали протягивать руки и лапы, чтобы подобрать из снега и проглотить желтые пилюли.

Сверху спускались вороны, совы и вампиры, вскоре уже не осталось пилюль на снегу, и Сюзанна опять развязала мешочек, чтобы всем хватило.

И тут до них донесся жалобный крик:

– Так нельзя! Я буду жаловаться! Дракула, мой любимый, что они себе позволяют!

Все обернулись на крик и увидели, как из подвала, держась за голову, поднимается маркиза ля Мотт. Большая шишка выросла у нее на макушке.

За маркизой шагала еще одна маркиза. В руке она несла кочергу и постукивала ею по спине первой маркизы.

За маркизами из подвала вылезли перепуганные ребятишки.

– Сюзанночка, прошу тебя, – сказала Алиса, – дай, пожалуйста, по пилюле нашим маркизам.

– Я вас поняла, – сказала Сюзанночка и побежала к двум маркизам.

Когда ушибленная маркиза увидела в руке Сюзанночки желтую пилюлю, она обо всем догадалась.

– Ни в коем случае! – закричала она. – Ведь все догадаются!

Она побежала к Алисе, продолжая кричать на бегу:

– Останови это безобразие! Они же догадаются!

– Гансик, стукни ее еще разок, чтобы не спорила, – сказала Алиса, и тут же в глазах у нее потемнело, земля быстро приблизилась к ней, и она упала.

А когда она через пять секунд пришла в себя и снова стала Алисой Селезневой, во дворе замка многое изменилось.

Во-первых, один за другим все слуги Дракулы – все привидения, скелеты, черные коты, ведьмы, оборотни – снова стали детьми, теми самыми

детьми, которых Дракула и маркиза похищали у несчастных родителей, превращая в привидений и заставляя себе служить.

Во-вторых, тощий и длинный граф Дракула, который лежал на снегу в страхе перед волком Канисом, которого Алиса называла Гаврюхой, этот самый граф Дракула превратился в очень толстого, противного, обрюзгшего человека. А маркиза, получившая от Ганса кочергой по голове, стала маленьким, поджарым и злобным человечком, сквозь искусственную кожу которого проглядывали крысиные черты. Зато вторая маркиза снова стала слугой Гансом.

– Вот мы и встретились. – Алиса обернулась к Пашке.

– Да, – сказал прежний Пашка, веселый и неунывающий, – узнаю старых знакомых. Ну уж теперь, надеюсь, вам не отвертеться от галактической тюрьмы, космические пираты.

Конечно же, маркизой и графом были Крыс и Весельчак У, те космические пираты, которые еще в прошлом году случайно проникли в этот мир. Когда они узнали, что люди здесь верят в привидения, духов и всякую нечисть, сообразили, что на этом можно отлично нажиться. Вот они и стали отнимать детей у несчастных поселян и горожан, заставляли их глотать синие пилюли, превращали в чудовищ и понемногу сколотили свою страшную армию и запугали всю страну.

Только им не терпелось завоевать и Землю.

И в этом заключалась их главная ошибка.

Потому что на Земле живет Алиса Селезнева, которая очень много знает и с которой шутки плохи.

Узнав, что Алиса стремится в замок Дракулы, куда попали Пашка с профессором Гоцем, пираты перепугались и решили любым способом остановить Алису, которую считали своим главным врагом во всей Вселенной.

Но им этого сделать не удалось.

Потому что у Алисы были друзья.

Подумав об этом, Алиса посмотрела на волка Гаврюху.

– А ты почему не принимаешь пилюлю? – спросила Алиса.

Волк посмотрел по сторонам.

Если бы он умел пожимать плечами, то пожал бы.

Пашка Гераскин, который чувствовал себя чуть неловко, потому что из-за своей доверчивости оказался в дураках и Алисе пришлось его выручать, сказал:

– У нас же кончились пилюли!

– Сюзанночка, неужели это так? – спросила Алиса.

– Только-только хватило, – сказала Сюзанночка.

– Нет, так быть не может! Я не уеду никуда, пока не помогу своему другу! – сказала Алиса.

Дети, хоть и замерзли, стали перекапывать снег, перебирать его по снежинке, чтобы помочь волку.

Алисе стало их жалко, и она отправила их в башню погреться.

– А у вас не осталось пилюль? – спросила Алиса у пиратов.

– Дома кое-что осталось, – усмехнулся Весельчак У. – Только лететь далеко. Хочешь, слетаю?

– Ты слетаешь, а обратно забудешь вернуться? – спросил Пашка.

– А я Крыса в залог оставлю, – сказал Весельчак У.

– Не слушайте его! – закричал Крыс. – Он никогда не вернется. У нас в криминальном мире друзей не бывает. Все друг друга предают! Лучше я слетаю за пилюлей.

Ганс, который стерег пиратов, чтобы не убежали, и держал в одной руке кочергу, а в другой саблю Дракулы, даже засмеялся.

– Какие все-таки они мерзавцы! – сказал он. – Пока они сильные, то ни к кому не испытывают жалости. А как только попались, становятся ягнятами.

– Нет, – сказала Алиса, – не могу я отпустить на свободу таких ужасных преступников. Их нельзя оставлять на свободе!

– Можно! – откликнулся Крыс. – Еще как можно. Мы ведь в принципе безвредные. Мы иногда ошибаемся, но готовы исправиться!

Волк Канис огорчился. Он поднял кверху морду и завыл.

Дети заплакали.

И тут с неба спустилась ворона. В клюве она держала желтую пилюлю.

Ворона кинула пилюлю у ног волка и громко каркнула.

Она ходила по снегу, очень довольная собой.

– О нет! – воскликнула Алиса. – Нельзя жертвовать собой. Ведь тебя тоже ждут дома осиротевшие папа и мама!

– Не беспокойтесь, тетя Алиса, – сказала Сюзанночка. – Это я виновата. Я дала ей пилюлю, а это самая обыкновенная ворона.

– Карр! – сказала ворона и поднялась в небо.

– Ешь, Гаврюха, – сказала Алиса.

В этот момент в открытые ворота замка ворвалась карета, запряженная парой могучих коней.

На козлах сидел рыцарь в латах с поднятым мечом, а из открывшихся дверей кареты выскочило несколько мужчин в одежде железнодорожников, а за ними герцог Франсуа.

– Немедленно освободите Алису! – закричал рыцарь на козлах.

– А также мой родовой замок! – закричал герцог.

– И всех наших детей! – закричали железнодорожники.

Алиса побежала к герцогу. Тот обнял ее и с трудом удержал рыдания.

– Все в порядке, ваша светлость, – сказал слуга Ганс. – Дети живы, замок освобожден, Алиса на свободе! О чем вам и докладываю.

– Бабушка! – воскликнул герцог. – Ты посмотри, как все хорошо кончается! Теперь ты сможешь пожить на свежем воздухе.

Рыцарь на козлах поднял забрало, и Алиса с удивлением узнала в нем бабушку Марианну.

– Что же ты удивляешься, Алиса? – спросила бабушка. – Я не такая старая, как кажусь. Правда, уже сто лет я не надевала лат, но они мне все еще впору. Сейчас я зарублю этих негодяев!

– Нет, – сказал герцог Франсуа. – Мы их отвезем в город и будем судить. Ведь негодяи берут власть над людьми и над целыми странами

только потому, что их боятся. Надо всем показать, что бояться нечего – чем человек хуже, тем он трусливей.

– Мы больше не будем! – закричал Крыс. – Мы будем хорошие!

– Я вам буду на барабане играть, – вторил ему Весельчак У.

Алиса не стала больше слушать эти мольбы, а отошла к двери в башню и взяла спрятанный в снегу мешочек с синими пилюлями. Мало ли когда они пригодятся!

Она спрятала их в карман и почувствовала, что за спиной кто-то стоит.

Она обернулась.

Сзади стоял высокий мальчик, чуть постарше Алисы. Бледнолицый, синеглазый, с темными курчавыми волосами.

– Спасибо, Алиса, – сказал он.

– Ой! – Алиса сразу догадалась. – Ты и есть Гаврюха?

– И еще Канис, – сказал мальчик. – Я не хотел подчиняться разбойникам и быть злым волком, который охотится за людьми. Поэтому я убежал в твой мир.

– Я тебе так благодарна! – сказала Алиса. – Без тебя я бы не смогла всего этого сделать.

– А я благодарен тебе. Теперь я снова свободен. Можно, я отдам тебе одну вещь?

Мальчик снял с шеи мешочек. В нем постукивали кубики.

– Больше они мне не понадобятся.

Подошел Пашка.

– Пашка, познакомься, это наш волк Гаврюха, – сказала Алиса.

– Ох ты, как он изменился! – воскликнул Пашка. – Останешься тут или поедешь с нами?

– Я сирота, – сказал мальчик. – И если можно, я бы пожил у вас на биостанции. Мне там нравится.

– Но тебе придется ходить в школу, – сказала Алиса.

– Я всегда хотел учиться.

Во двор въехало несколько саней с вооруженными людьми – это были люди из отряда, который набрал герцог, чтобы выручить Алису и победить привидения. Среди них были родители некоторых украденных детей. Они побежали в башню, и оттуда доносились крики радости и плач.

– Уберите куда-нибудь пиратов, – подсказала Алиса герцогу, – а то люди их растерзают.

– Правильно, уберите нас! – взмолился Весельчак У. – Но еще лучше дайте нам по желтой пилюле, и мы превратимся в жучков, чтобы путешествовать в вашем кармане.

Но герцог побоялся, что пираты сбегут. Поэтому их отправили в город в карете.

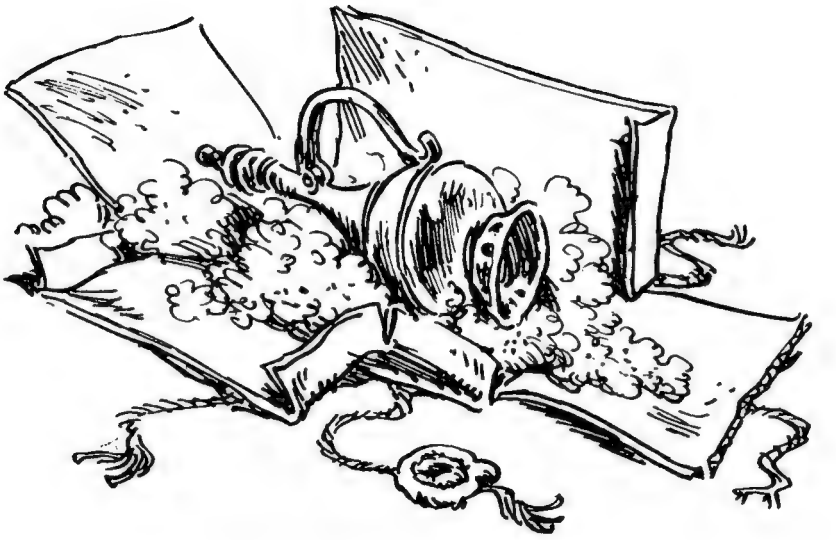
Алиса с Пашкой и профессором Гоцем, который был страшно расстроен, потому что привидения оказались ненастоящими и теперь придется их искать снова, а также с мальчиком Гаврюхой, которого на самом деле звали Канисом, доехали до станции в санях.

Там их ждал знакомый поезд, потрепанный после боя с привидениями и драконами.

Знакомый проводник встретил друзей и показал им места в вагоне, а знакомый начальник полустанка Михай поднял желтый флажок, показывая, что поезду можно ехать.

Ганс проводил друзей до сундука и попрощался с каждым за руку.

А в Москве шел снег и было холодно.



Гость в кувшине

Замечательному художнику Евгению Мигунову, другу Алисы, подарившему идею этой повести.

Глава первая
НЕЖДАННЫЙ ДЖИНН

Просто нежданный гость – это полбеды. Нежданный джинн в доме – это целая беда.

Однажды в июне Алиса получила посылку.

Посылка была тяжелой и со всех сторон оклеена надписями: «Не кантовать!», «Верх», «Низ», «Бок».

Семья собралась вокруг стола, на котором лежала посылка.

Дедушка считал, что посылка напоминает коробку с хрустальным сервизом. Бабушка решила, что внутри ящика находится аквариум, папа предположил, что Алисе прислали супертелевизор, принимающий программы с Марса, только мама призналась, что не представляет, что там

находится. Тогда домашний робот Поля, которого все называют домроботником, поднял руку и произнес:

– Попрошу всех покинуть квартиру.

– Почему? – спросил дедушка.

– Потому что, скорее всего, в ящике находится бомба замедленного действия. Наконец-то террористы добрались до семейства Селезневых. Они хотят отомстить Алисочке за то, что она разоблачила космических пиратов.

Все засмеялись, но не очень громко.

Когда тебе говорят, что на столе лежит самая настоящая бомба, ты, конечно, понимаешь, что это шутка. А потом думаешь: а вдруг это не шутка?

– Чепуха! – решил папа и добавил: – А по какому номеру вызывать саперов?

– Ты меня смешишь, – сказал дедушка. – Неужели мы с тобой сами не обезвредим какую-то глупую бомбочку?

Но робот Поля уже укатился на кухню и оттуда вызвал группу саперов, которые через три минуты влетели в открытое окно. Саперов было двое,

они были одеты в бронекостюмы, за их спинами вертелись пропеллеры. Саперы понюхали, потрогали, осмотрели ящик. Особенно их заинтересовал обратный адрес: «Эпоха легенд. Древняя Аравия. Пещера джиннов».

– Скорее всего, – сказал главный сапер, – это сказочная посылка. – Он вынул из чемоданчика генератор силового поля и добавил: – Сейчас мы его обесточим, а потом посмотрим.

Силовое поле окутало посылку невидимой преградой, которая все пропускает снаружи, но ничего не пропускает изнутри.

Затем главный сапер со всей осторожностью разрезал ножницами шпагат, которым была обвязана посылка, снял оберточную бумагу, сильными пальцами раскрыл фанерный ящик, и оказалось, что внутри его находится большой ком ваты.

Сапер принялся распутывать вату и вскоре утонул в ней по уши. Вата не могла выбраться из силового поля, и поэтому саперу было очень неудобно работать.

– Есть! – закричал он, но никто не увидел, что же он нашел. – Это не бомба, – сказал он. – Снимай защиту!

Второй сапер отключил силовое поле, и первый сапер упал на пол в ворохе ваты. В руках он держал большой медный кувшин. Старинный, украшенный чеканными узорами, заткнутый медной пробкой.

Сапер сказал:

– Тяжелый кувшин. Видно, полный вина.

– Алисочка не пьет вина! – возмутился дедушка.

Сапер поболтал кувшином, и изнутри донесся глухой звук. Словно крик, заглушенный подушкой.

– Там кто-то есть! – воскликнула бабушка. – Там находится несчастный пленник! Срочно освободите его.

– Я бы на вашем месте хорошенько подумал, – ответил главный сапер. – А если это кричит какой-нибудь гигантский зловещий микроб?

– Или чудовище из болот Ядовитых гор? – поддержал его второй сапер.

Сапер поставил кувшин на стол, и все смотрели на него, ожидая, что будет дальше.

И тогда в полной тишине кто-то постучал по стенке кувшина изнутри.

– Неужели злобный микроб будет стучать? – спросила Алиса.

– А тем более чудовище из Ядовитых болот, – сказал папа.

– Они бывают жутко коварными, – не сдавался второй сапер.

– Тогда придется кому-то окружить себя силовой защитой, открыть кувшин и рискнуть жизнью. Я старый, меня не жалко, – решил дедушка.

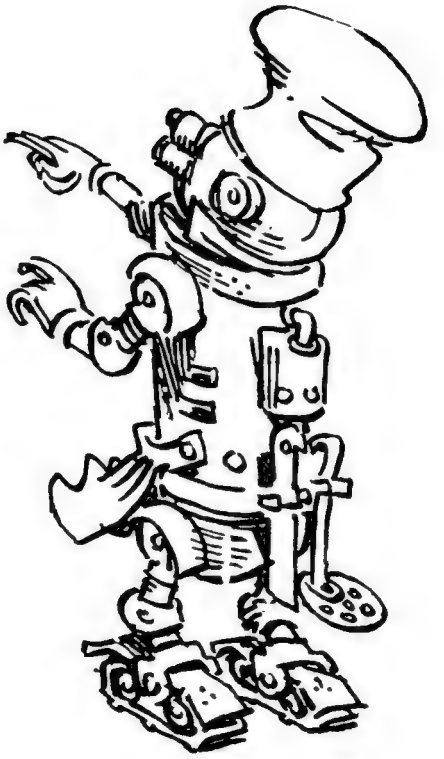
– Я возражаю, – сказал сапер. – Человеческая жизнь бесценна.

И все посмотрели на Полю, потому что понимали, что робота, в крайнем случае, можно починить.

– Почему вы так на меня смотрите? – взволновался робот. – Вы хотите пожертвовать мною? Говорите правду! И ты, Алиса, такая же жестокая, как все?

– Я согласна сама открыть кувшин, – заявила Алиса.

– Но мы ей этого не позволим! – хором закричали саперы.



– А если меня исковеркает до неузнаваемости? – спросил домроботник Поля.

– Мы сделаем тебе оболочку лучше прежней, – сказал дедушка.

– А я могу отказаться? – робко поинтересовался робот.

– Отказаться ты можешь, – ответил первый сапер. – Каждый робот, который забывает, что его главная задача – охранять людей, может отказаться. Но тогда нам придется...

– Пустить его на переплавку, – вздохнул второй сапер.

– Они шутят! – воскликнула бабушка.

– Вот расплавим, тогда и посмотрим, – ответил ей сапер. – У саперов не бывает чувства юмора, потому что бомбы не смеются.

– Алиса, – произнес робот Поля. – Я завещаю тебе коллекцию монет.

– Я сама! – закричала Алиса, так ей стало жалко робота.

Отец схватил ее и прижал к себе.

Робот Поля подошел к столу. Саперы выпустили из генератора невидимое силовое поле, и робот оказался в нем, как в круглой банке.

Он обернулся, встретился взглядом с Алисой и кивнул ей. Алиса с трудом сдерживала слезы.

Робот поднатужился, вытащил пробку из кувшина, и оттуда вырвались клубы черного дыма. Видно было, как в дыму шевелится кто-то большой и страшный.

– Разве так встречают гостей? – послышался из дыма громовой голос.

Могучими ручищами неизвестное чудовище разорвало силовое поле и выросло до потолка.

Оказывается, в кувшине скрывался мужчина пожилого возраста с собачьими ушами, в чалме, украшенной драгоценными камнями, в расшитой куртке, распахнутой на груди, и широких шелковых синих шароварах. Его наряд заканчивался золотыми туфлями с острыми загнутыми носками.

– Я оскорблен и унижен! – рычал гость.

– Простите, – сказала Алиса, вырываясь из папиных рук и кидаясь к чудовищу. – Я вас узнала!

– Узнала?

– Вы Мустафа! Вы младший брат джинна Хасана ибн-Хасана, который помог мне, когда я путешествовала в эпохе легенд! Но почему вас прислали в посылке?

– А как мне еще до тебя добраться? – спросил джинн. – Я сидел в пещере на берегу Аравийского моря в медном кувшине и ждал, когда наступит ледниковый период. Но мне же было скучно! И я тогда спросил своего брата Хасана: «У тебя есть знакомая молодая волшебница, которая будет жить в далеком будущем?» И мой брат Хасан кивнул своей мудрой головой. «Ты сделал ей одолжение?» – спросил я. И мой брат Хасан подтвердил, что это именно так. И тогда я спросил: «Брат Хасан, можно ли мне немного размять ноги и слетать в далекое будущее, чтобы познакомиться с девочкой Алисой и слегка развлечься у нее в гостях?» И мой брат Хасан дал мне на это согласие. Тогда меня вместе с кувшином поместили в посылку. Эту посылку мой друг Синдбад-мореход отвез на край дикого леса, там отыскал в дупле векового дуба глубокоуважаемую машину времени, положил посылку со мной, то есть с кувшином, в машину времени и нажал соответствующую кнопку. Как я понимаю, посылку получили в вашем Институте времени и послали по почте дальше. И вот я оказался в твоем доме, я жду радости по поводу моего приезда, я жду музыки и развлечений, а вместо этого надо мной издеваются эти железные человечки.

– Простите, Мустафа, – сказала Алиса, – мне очень приятно с вами познакомиться. Но я совсем не ожидала, что вы приедете к нам в таком

ящике. Я думала, что джинны приезжают на шелковых носилках или хотя бы верхом на слонах.

Мустафа сделал вид, что не услышал слов Алисы.

Вместо этого он строго спросил:

– А это что за людишки здесь собрались?

– Я как раз собиралась вас со всеми познакомить. Сначала с моей бабушкой Клавдией Матвеевной.

Джинн расплылся в улыбке. Он вытащил из мешочка, висевшего у него на поясе, скромный, но изящный нефритовый браслет и произнес:

– Дорогая Клавдия-джан. Всю свою жизнь я мечтал встретиться с такой мудрой и заслуженной женщиной, как ты. Я мечтал, что мы будем обсуждать с тобой строки древних сказаний, будем говорить о воспитании внуков и правнуков. Возьми мой скромный дар, Клавдия-джан, да хранит тебя небо. Этот браслет вырезан руками гномов в пещерах Бадахшанских гор.

Бабушка поблагодарила джинна, а Алиса познакомила с джинном дедушку. Алексей-ага получил в подарок от джинна сапфировые четки и шелковую чалму. Затем подошла очередь мамы. Маме досталось коралловое ожерелье. Папа Алисы особенно понравился джинну, и поэтому профессору Селезневу пришлось принять от джинна в подарок кривую саблю дамасской стали в серебряных ножнах.

Джинн сказал при этом:

– Учти, профессор-ага, этот клинок разрезает на лету конский волос. Хочешь попробовать? Возьми у любого своего коня и разруби!

– Простите, Мустафа, – сказал профессор, – но у меня дома нет ни одного коня.

– Не может быть, чтобы волшебница Алиса жила в такой бедной семье! Но у тебя должен быть хоть один верблюд!

– Простите, но у меня нет верблюда.

– Неужели на все хозяйство у вас только один осел? – расстроился джинн.

Он разволновался, пыхтел черным дымом, из глаз капали на ковер слезы, состоящие из серной кислоты, и прожигали в ковре дырки.

И тогда Алиса спасла положение.

– Вы не правы, глубокоуважаемый Мустафа! – воскликнула она. – Мой отец, премудрый профессор Селезнев, владеет несметными богатствами. У него есть железные слуги. Вот трое перед вами. – Она показала на саперов в касках и бронекостюмах и на домашнего робота Полю.

– То есть как? – удивился первый сапер. – Нас вызывали на обезвреживание, а теперь называют слугами!

– Вы свободны, – сказала им Алиса. – Спасибо за службу.

И она им так выразительно подмигнула, что саперы догадались, что Алиса шутит, взяли под козырек и дружно ответили:

– Рады стараться!

– Кроме того, мой премудрый отец, – продолжала Алиса, – владеет особым царством под названием Космический зоопарк, или Космозо. Слышали ли вы, Мустафа, о таком царстве?

– Нет, не приходилось, госпожа.

– Именно там собраны все самые страшные чудовища с разных звезд. И мой глубокомудрый отец повелевает ими, но держит в клетках, чтобы они не сожрали все живое.

– О небо! Какое счастье! – закричал Мустафа. – Я не ошибся! Я и на самом деле приехал в гости к могущественнейшему семейству на Земле.

– Можно считать, что так, уважаемый Мустафа, – согласилась Алиса и подумала, что даже такой требовательный к другим людям человек, как ее друг Пашка Гераскин, порадовался бы находчивости Алисы.

И тут в комнату вошел марсианский богомол.

Надо сказать, что у Алисы всегда живут разные звери и птицы. Одни немного, другие подолгу, а марсианский богомол прижился навсегда. Потому что его почти не надо кормить и поить. Как известно, марсианские богомолы едят раз в месяц, а пьют только 29 февраля, в високосном году. Так что даже если все Селезневы, народ, как известно, беспокойный и непоседливый, разъедутся по разным концам Галактики, а домроботник Поля отправится на конгресс нумизматов, ничего с богомолом не случится. Он замрет посреди комнаты и не двинется, пока кто-нибудь не вернется.

Марсианский богомол похож на палку с круглыми глазами, приделанную к шести длинным, тонким, членистым, но очень крепким ногам. Ростом он Алисе по пояс. На первый взгляд к нему страшно подойти: заденешь слегка, и его ноги сломаются. Ничего подобного! Как-то богомол задумался, вышел на улицу и столкнулся со снегоуборочным комбайном. Комбайн спереди погнулся, а богомол только испугался и убежал обратно. Если, правда, бег богомола можно считать бегом. Его догонит и маленький ребенок. А когда он гуляет, то переставляет ноги, как сонная черепаха.

Надо добавить, что марсианский богомол – существо совершенно безмозглое, но доброе и привязчивое. И страшно любопытное.

Поэтому неудивительно, что, услышав шум в соседней комнате, богомол решил проверить, что же там случилось.

Он вошел в комнату, и никто, кроме Алисы, не обратил на это внимания. К марсианскому богомолу за несколько лет все настолько привыкли, что его не замечали. Алиса же испугалась – вдруг

джинн Мустафа примет богомола за злого духа и захочет его убить?

– Не бойся, Мустафа! – воскликнула Алиса, кидаясь вперед, чтобы встать между богомолом и джинном. – Он не кусается.

– А я знаю, что он не кусается, – спокойно ответил джинн.

Он шагнул вперед, протянул лапищу и почесал когтем между выпуклыми круглыми глазами богомола.

Только знатоки марсианского животного мира и сами марсиане знают, что богомолы любят, чтобы их чесали между глазами.

Богомол замер от наслаждения, а Мустафа, к всеобщему удивлению, объяснил:

– Не удивляйтесь, уважаемые Селезневы. Я хотел бы признаться, что свою бурную молодость я провел не в кувшине, а немало путешествовал и шалил. Как-то мой дядя Эль-Менеджер взял меня на загадочную красную планету, которая поднимается кровавым оком над уснувшей пустыней. Мы побыли там недолго, потому что там нечего пить, нечего есть и нечем дышать. Сами жители той планеты обитают в пещерах и прячутся от яркого света. А по пустыне бегает только вот такая саранча, как ваш друг. Есть саранчу нельзя, потому что в ней только жилы и кости.

– Вы бывали и на других планетах? – спросил дедушка.

– Бывал, – ответил джинн и широко зевнул. Из его пасти вырвалось облако дыма.

Алиса поняла, что первое знакомство состоялось и обошлось без жертв. Пора сделать перерыв.

– А теперь, наш дорогой гость, – сказала она, – вам пора отдохнуть. Дорога была трудная, ваш возраст требует отдыха.

– О, как ты права, премудрая девица! – согласился Мустафа.

– Но где ты будешь спать?

– Удобнее всего мне спать в кувшине. Я уже привык. Ты меня заткнешь пробкой, чтобы шум вашего уважаемого города не мешал мне отдыхать.

Алиса конечно же согласилась.

Джинн подпрыгнул, взялся руками за горло кувшина, опустил внутрь ноги и, уменьшаясь, исчез в его горлышке. Когда снаружи осталась только голова и руки, джинн помахал на прощание Алисе и сказал:

– Спокойного сна, до встречи завтра утром. Разбуди меня на рассвете и не забудь, что на завтрак я пью чай с молоком!

С этими словами джинн исчез и сразу захрапел.

Алиса плотно заткнула кувшин пробкой.

И все на цыпочках, чтобы не побеспокоить гостя, разошлись по своим комнатам.

Так джинн Мустафа поселился в доме Селезневых.

Глава вторая
ПРОДАЙ КОЗУ!

Жизнь в доме сильно осложнилась. Джинн Мустафа оказался существом неумным, жестоким и совершенно невоспитанным. Робота Полю он считал ничтожным рабом, пользоваться вилкой и ложкой не желал, все хватал со стола руками, жаловался, что его плохо кормят, и грозился уйти жить к соседям. К тому же он скучал и требовал, чтобы его развлекали.

В театр его водить было нельзя. Однажды Алиса попыталась это сделать. Она повела его на балет «Лебединое озеро». Джинн вел себя там так неприлично, что лучше и не вспоминать.

Мало того, что он выскочил на сцену и стал танцевать танец маленьких лебедей, так потом еще гонялся за одной балериной и кричал, что хочет на ней жениться.

Спектакль был сорван, женщины плакали, мужчины едва сдерживали гнев, некоторые даже требовали отправить джинна обратно в сказочную Аравию.

В книжках описаны случаи, когда джинны по разным причинам попадали в наши времена. И в конце концов с ними справлялись. Правда, это были выдумки писателей, а Мустафа существовал на самом деле. Джинны из книжек бывают скорее смешными, чем страшными. Какой-нибудь старик Хоттабыч вообще кажется добрым, хоть и сварливым дедушкой. Разумеется, на самом деле ничего подобного от джинна ожидать нельзя. Тем более что он всего-навсего приехал в гости, и за месяц его не перевоспитаешь.

К тому же было неизвестно, на сколько джинн приехал в гости.

– Не расстраивайся, Алиса, – сказал механик Зеленый, который как-то зашел к Селезневым в гости. – В крайнем случае мы его возьмем с собой в космос и потеряем вместе с кувшином в вакууме. Лет через тысячу его найдут...

– Это жестоко, – ответила Алиса. – Он же не виноват, что его никто никогда не воспитывал.

– Вот именно, – прорычал джинн Мустафа. Он беззвучно вошел в комнату, где происходил этот разговор, неожиданно схватил механика за шиворот и выкинул в окно.

– Как ты смеешь! – закричала Алиса.

– А как он смеет терять меня в космосе? – ответил вопросом на вопрос джинн.

Алиса побежала вниз, Зеленый с трудом поднялся с клумбы и сказал грустно:

– Я вас предупреждал!

С ним всегда случаются неприятности. И механик Зеленый давно не ждет от жизни ничего хорошего.

На третий день Алиса повела Мустафу на станцию юных натуралистов, ту самую, что занимает часть парка, бывшего Гоголевского бульвара. В зарослях пальм и сосен раскинулся мир чудес. Юные ботаники из соседних школ выращивают здесь вишни размером с арбузы и квадратные арбузы, чтобы их было удобнее перевозить, там вывели породу кур, покрытых курчавой шерстью, и назвали их кур-овцами. Эти кур-овцы несут яйца, а кроме того, их раз в месяц стригут. Известный многим Пашка Гераскин скрестил как-то обыкновенного комара с серой перелетной птицей. Получился ком-гусь – комар крупнее вороны и настолько страшный, что от него разбегалось все живое.

В этом уголке, который еще называют биостанцией, с увлечением трудятся Алиса и ее друзья, а также постоянно живут некоторые звери и птицы. Самые знаменитые из них – жираф Злодей и питекантроп Геракл. Геракла привезли на машине времени из древнейшей Индонезии, где он начал превращаться в человека, но не успел, потому что его хотел сожрать саблезубый тигр. Про него рассказывают, что он не дал улететь ком-гусю в Ледовитый океан, а убил его дубинкой, сделав таким образом важный шаг на пути превращения обезьяны в человека.

Алиса с утра позвонила на биостанцию и сообщила друзьям, что приведет гостя – джинна Мустафу. Близняшки Маша и Наташа Белые стали готовить к его приходу халву и шербет, потому что знали, как ублажить джинна, а Джавад Рахимов обещал сделать плов, какой делают только в его родном городе Баку.

Жираф Злодей, добрейшее существо высотой шесть метров, вымылся с шампунем, и только обезьяночеловек не проявил никакого интереса к визиту настоящего джинна, а объелся бананами и заснул.

Джинн потребовал, чтобы его везли по городу в кувшине, потому что вдруг начал стесняться людей отдаленного будущего. Алиса так и сделала. Она опустилась на флаере у биостанции, вытащила медный кувшин и под музыку игравшего на губной гармошке Пашки Гераскина принесла кув-

шин на площадку у входа на станцию, поставила на песок и вытащила пробку.

– Вылезай, Мустафа-ага, – сказала она, – приехали.

– Что-то мне не хочется вылезать, – ответил из глубины кувшина джинн, – поехали домой.

– Еще чего не хватало! – возмутился Пашка. – Мы готовились, старались, а он не хочет. Дай-ка мне кувшин, я вытряхну твоего джинна наружу!

Пожалуй, этого говорить не следовало.

Раздался отвратительный вой, и джинн Мустафа выскочил из кувшина со скоростью прыгающего льва.

Кувшин покатился в сторону, жираф Злодей подскочил так, что ударился рогом о пролетавший мимо воздушный шар, но, к счастью, никто не пострадал.

– Это кто меня чуть не вытряхнул? – взревел джинн, играя мышцами. – Мысленно попрощайся с матерью, которая имела неосторожность произвести тебя на свет, бездельник!

Аркаша Сапожков, который стоял неподалеку, развернув лист со стихами приветствия гостю из эпохи легенд, упал от поднявшейся бури. А стихи унесло на другой конец Москвы.

Лишь питекантроп Геракл ничего не испугался.

Он вышел вперед и начал бить себя кулаками в грудь, отчего получался звук, словно колотят молотком по пустой железной бочке.

Джинн Мустафа оторопел от звука и, конечно же, от вида обезьяночеловека.

– Это еще что такое? – спросил он куда тише, чем вопил минуту назад.

Геракл, переваливаясь, направился к всесильному джинну.

– Изыди! – загремел джинн и дыхнул в питекантропа огнем, опалив тому шерсть. Но Геракл – самое отважное создание в мире.

Он продолжал наступать на джинна, а джинн продолжал отступать.

– Это див! – закричал он. – Это сам дьявол! Мое могущество бессильно перед порождением адского пламени.

Мустафа упал на колени и наклонился вперед, намереваясь удариться головой о песок.

Все могло плохо кончиться, но Алиса не растерялась. Она кинулась вперед, обняла руками толстую шею Геракла и начала быстро шептать ему в ухо:

– Геракл, миленький, это свой, свой, только очень глупый джинн! Это гость! Давай его встретим и будем любить! Ну, Геракл, не опозорь нас!

Геракл почти не умеет говорить, но все понимает. И, уж конечно, он не хотел бы подвести свою любимицу Алису.

Он поднял волосатую ногу и поставил ступню на затылок джинна, замотанный шелковой чалмой.

– Геракл! – произнесла тогда Машенька Белая. – Сейчас же отойди, а то останешься сегодня без компота.

Это была страшная угроза. Геракл задрожал, взвыл и отскочил от джинна.

Мустафа приподнял голову, но так и остался стоять на коленях.

– Алиса, – сказал он, – попрошу немедленно вернуть меня в кувшин. Ваш мир захвачен страшными дивами, суккубами и инкубами. Честному джинну здесь нечего делать.

– Открой глаза, о высокочтимый Мустафа, – ответила Алиса. – И посмотри, с каким почетом тебя встречают на нашей биостанции.

Мустафа осмелился открыть глаза и увидел Пашку, который играл на гармошке «Танец с саблями» из балета «Гаянэ» композитора Хачатуряна, он считал, что древние джинны любят эту мелодию.

Затем Мустафа увидел вежливого и воспитанного молодого человека Аркашу Сапожкова, который на хорошем персидском языке читал стихи Омара Хайяма, приветствуя высокого гостя. К сожалению, джинн никогда не был в Персии и персидского языка не знал. Да и с Омаром Хайямом не встречался.

И наконец, Мустафа увидел двух девочек и одного мальчика, которые приглашали его за стол, накрытый в лаборатории. Посреди стола дымился чудесный плов, а вокруг теснились другие кушанья, изготовленные хозяевами.

И тогда Мустафа решил всех их простить и проследовал к столу.

Он много съел и много выпил, но с самого начала не согласился, чтобы питекантроп Геракл сидел с ним за одним столом.

И сколько ни уверяли джинна натуралисты, что Геракл – это обезьяна, которая уже превращается в человека, но еще не успела, джинн возражал:

– Может быть, это не див, не суккуб и не инкуб. Я верю вам, юные шалуны. Но за долгую мою жизнь я никогда не слышал, чтобы хоть одна обезьяна захотела превратиться в человека и даже смогла это сделать. И теперь я понимаю, как хорошо, что они и не пробовали! Иначе Землю бы заселили эти страшные уроды. Я бы повесил за ноги того жулика, который придумал сказку о том, что человек произошел от обезьяны. Как фамилия этого обманщика?

– Его звали Чарлз Дарвин, – сказал Аркаша Сапожков. – Но мы его считаем великим ученым, а Геракла называем недостающим звеном между обезьяной и человеком.

– Попрошу дать мне адрес этого Дарвина, – сказал Мустафа, захмелевший от шербета. – Я с ним сведу счеты. Я спасу человечество.

– Так от кого мы, по вашему мнению, произошли? – спросила Алиса.

– От своих родителей! – отрезал джинн. – А некоторые – от меня!

Больше никто не стал спорить с Мустафой, а он огорчился, когда узнал, что Чарлз Дарвин давно умер.

– Как жаль, что я не поговорил с ним как мужчина с мужчиной!

– И что бы ты ему сказал, Мустафа? – спросила Алиса.

– Я бы сказал ему: не женись на обезьяне, и твои дети вырастут порядочными джигитами.

Так они и не смогли ничего объяснить джинну Мустафе.

После обеда джинн признался Алисе, что ему очень понравилась пятнистая коза с длинной шеей, хотя он понимает, что такой козы быть не может.

Алиса не сразу сообразила, что он имеет в виду жирафа Злодея.

– Это не коза, а жираф, – сказала Алиса.

– Называй его хоть коровой, – ответил джинн, – но, на мой взгляд, он совершенная коза в пятнах. И мне его шкура очень нравится. Я хочу сделать себе из нее теплый халат. Сколько стоит эта коза?

От испуга жираф заморгал своими длинными ресницами и начал отступать от джинна, который стоял посреди газона и ковырял палкой в ухе.

– Мы не можем тебе помочь, Мустафа, – сказала Алиса. – Жираф наш друг, а мы не снимаем шкур со своих друзей.

– Я – гость! – возразил джинн. – И слово гостя – закон. Я хочу получить шкуру этого козла и еще хочу взять в жены этих двух красавиц.

Он показал на Машу и Наташу Белых.

– Зачем тебе такие молоденькие жены? – удивился Джавад.

– Они замечательно умеют готовить. Мне нужны жены, которые будут для меня готовить. А вот тебя я в жены не возьму. У тебя плов подгорел.

Джавад от удивления открыл рот и забыл его закрыть. Он точно знал, что плов не подгорел.

Взяв с собой вишню размером с арбуз, джинн потребовал, чтобы Алиса отвезла его домой. Он залез в свой кувшин и закричал изнутри:

– Алиса, затыкай меня пробкой. Больше я сюда ни ногой! Плов подгорел! Козла не дали, жен не дали! Плохие люди! Я им буду мстить!

Алиса не стала спорить с джинном, а заткнула кувшин пробкой, и ребята помогли донести его до флаера.

– Простите, – сказала Алиса. – Честное слово, я не думала, что он так себя будет вести.

– Сидел бы в своей эпохе легенд, – сказал Аркаша.

– И учил бы правила поведения в приличном обществе, – добавил Пашка.

– Вы должны его понять, – вступилась за джинна Алиса. – Просидели бы вы тысячу лет в кувшине, без всякого общества, без развлечений. Он ведь даже неграмотный.

– Кто ему мешал вылезти и принести пользу людям? – спросил Джавад.

– Обстоятельства! – глухо донесся голос из закрытого кувшина. – Во всем виноваты обстоятельства моей жизни. Меня всегда окружали враги и завистники.

Глава третья
МУСТАФА И БРОНТЯ

На следующий день Алиса пригласила Мустафу в Космический зоопарк, директором которого был ее отец, профессор Селезнев.

Путешествие через город Мустафа снова совершил в кувшине.

Алиса уже знала, что внутри слышно все, что говорят снаружи.

– Все-таки ты меня удивляешь, – произнесла она, поднимая в воздух флаер. – Зачем прятаться в кувшине, когда вокруг столько интересного? Ну чего ты боишься?

– Я... ничего... не боюсь...

– Сколько интересного можно увидеть, когда смотришь на Москву с высоты птичьего полета!

– Ничего... интересного.

– А может, ты боишься высоты?

– Джинны... ничего... не боятся.

Алиса не поверила ему. Но спорить не стала.

– Скоро прилетим? – спросил джинн из кувшина.

– Уже прилетели.

Они опустились перед самым Космозо.

Вход в зоопарк представлял собой большую пещеру, стены которой выложены светящимися кристаллами с разных планет. В этих стенах размещены также аквариумы и террариумы, в которых обитают разные рыбы и пресмыкающиеся со всей Галактики.

Вот гуськом плывут рыбки-мигалки. Они исчезают и снова появляются, но в другом месте. А если покажется хищник, они начинают исчезать и появляться с такой скоростью, что у того кружится голова. А вот стоит та самая сороконожка, которую в детстве спросили, с какой ноги она начинает шагать, с левой или с правой. Вот она и стоит с тех пор... многоножка уже состарилась, обзавелась детьми, стоят они всем семейством и думают. В аквариумах есть цветы, похожие на рыб, и рыбы – вылитые цветы. Там из стены торчат кристаллы, у которых вдруг вырастают крылья, и они летают, сталкиваясь и звеня, как колокольчики. По песку ползают короткие змейки различных цветов. Когда им становится скучно, они соединяются по две, три, четыре, превращаясь в длиннющих разноцветных змей. Там же разбросаны камни, которые могут превратиться в героев ваших любимых книг, а потом исчезнуть.

Алиса с джинном миновали ворота и оказались между невысокими барьерами, за которыми гуляли, отдыхали, ходили и спали различные без-

опасные для зрителей животные. А хищные и опасные животные жили дальше, в клетках, большей частью невидимых, сделанных из силовых преград.

Джинн довольно спокойно рассматривал удивительных и страшных зверей со всех концов Галактики, но потрясли его собаки с планеты Пенелопа. Эти собаки видны по половинкам. Отдельно целой стаей гуляют передние половинки собак, а отдельно – задние половинки. Если не знать, в чем дело, можно с ума сойти. На самом же деле все объясняется просто: каждая собака живет в двух днях. Передняя половинка сегодня, а задняя завтра. И они не могут встретиться.

Затем джинн остановился перед клеткой со страшным тигрокрысом – полосатой крысой размером с тигра и втрое злобней. Тигрокрыс зарычал на джинна, а Мустафа зарычал на тигрокрыса. Начали сбегаться зрители, споря, кто кого перерычит. Алиса пыталась увести джинна, но безуспешно. В конце концов тигрокрыс сдался и уполз в угол клетки. Но несколько посетителей в зоопарке оглохли, а редкая птица карузель потеряла голос.

– Ну и что? – спросил джинн. – Это и есть Космозо? Ни одного настоящего чудовища.

И тут Алиса вспомнила о Бронте, ее любимом динозавре, которого знала со дня его рождения и даже раньше, когда Бронтя сидел в яйце. Теперь ему уже пять лет, ростом он с кита, но Алису узнает и любит по-прежнему.

– Сейчас я тебе покажу одного водяного змея, – сказала Алиса джинну. – Он еще молодой, не вырос до своего настоящего размера, но, может быть, тебе он покажется настоящим чудовищем.

– Мы с ним сразимся? – с надеждой спросил джинн.

– Нет, – ответила Алиса. – Броня травоядный, добрый, он никого не трогает.

Они вышли к пруду, в котором жил динозавр Бронтя. Бронтя спал. Он весь ушел под воду, и снаружи торчали только его ноздри и глаза, как будто островки посреди пруда.

– Ну, где твоя морская корова? – спросил Мустафа. – Уже спряталась от меня?

Алиса свистнула в два пальца, и Бронтя, услышав свист, медленно поднялся над водой.

Сначала долго-долго высовывалась его шея с маленькой головой, потом вода пруда разбежалась, и уровень ее опустился на метр, потому что Бронтя встал на ноги и его туша показалась над водой.

Конечно же, Мустафа был выше ростом, чем любой человек, и видом куда страшнее, да к тому же отличался невероятной силой и наглостью, но за две тысячи лет жизни ему не приходилось видеть динозавра, потому что динозавры, как известно каждому школьнику, вымерли на Земле несколько миллионов лет назад.

Приоткрыв свою пасть, в которой без труда умещается телефонная будка, Бронтя издал радостный вопль, и вокруг зашатались павильоны, а некоторые зрители даже убежали из зоопарка, и двинулся к Алисе.

Но откуда необразованному аравийскому джинну знать, что Бронтя спешит к любимой девочке? Ему показалось, что чудовище хочет его сожрать.

– В кувшин! – закричал он. – Где мой кувшин?

– Кувшин во флаере остался, – сказала Алиса. – А зачем тебе кувшин?

– Спрятаться хочу и не вылезать наружу тысячу лет! Ты заманила меня в коварную ловушку! Я с самого начала подозревал, что мелкие волшебницы хорошими не бывают! Но я перед смертью убью и тебя! Пускай только твой прудовой змей посмеет тронуть волос на моей голове, я тебя растерзаю.

Алиса вдруг захихикала.

От удивления джинн поперхнулся. Нет ничего обиднее для сильного негодяя, чем смех мотылька. Значит, он недостаточно страшный! Значит, надо стать еще страшней.

– Как ты смеешь смеяться!

– Но ведь у вас на голове ничего не растет, – невинно ответила Алиса.

Тем временем глупый и добрый Бронтя вытащил из воды все двадцать метров своего покрытого непробиваемой блестящей шкурой тела. Он надеялся, что Алиса принесла ему булочку.

– Не смей, – грозно сказал динозавру джинн. – Я погибну, но перед смертью уничтожу тебя и все живое вокруг!

Алиса испугалась, что Мустафа накинется на Бронтю, но, к счастью, в последний момент отвага отказала Мустафе, и он попытался спрятаться в урне для мусора, которая стояла возле дорожки. Он влез туда и начал выкидывать из урны обертки от мороженого и банки из-под сока. При этом он кричал:

– Алиса, немедленно заткни меня пробкой!

– Какая еще пробка! – воскликнула Алиса.

А динозавр Бронтя в первый раз в своей жизни рассмеялся, потому что раньше никогда не видел богатыря, который скорчился в урне для мусора. Наружу торчала только лысая макушка джинна, похожая на страусиное яйцо. Мудрый орел Мафусаил спикировал сверху и клюнул в лысину, думая, что яйцо никому не пригодится.

Бронтя фыркнул на орла, осторожно взял урну в зубы и перевернул ее. Он решил, что уважаемому джинну тесно и не очень удобно сидеть в урне для мусора. Джинн вывалился наружу и на четвереньках побежал из зоосада.

– Я маленькая собачка! – кричал он. – Меня никто не видит.

Алиса почти догнала его у выхода. Тогда джинн сделал усилие и взлетел в небо.

Он летел невысоко и небыстро, но все флаеры, воздушные автобусы и прочие аппараты, которые подчинялись правилам воздушного движения, рассыпались во все стороны, чтобы не столкнуться с джинном.

Алиса кинулась к своему флаеру, прыгнула в него и поднялась в небо.

Она поравнялась с летящим джинном Мустафой и стала его уговаривать:

– Дорогой Мустафа, я очень перед тобой виновата. Я же не думала, что ты испугаешься моего очаровательного Бронтю...

– Я? Испугался? Да я испугался, что нечаянно зашибу его! Однозначно! – кричал в ответ джинн.

– Пойдем дальше пешком, – просила Алиса.

– Я вообще улетаю от вас! – кричал в ответ Мустафа, выковыривая из-за шиворота мусор и бумажки.

В конце концов ценой многих усилий и извинений Алисе удалось уговорить строптивого гостя залезть в кувшин, который стоял на заднем сиденье.

Дома Мустафа отказался вылезать из кувшина и не захотел обедать. Пришлось Алисе кидать в кувшин куски котлеты, а потом лить туда чай. Наевшись, джинн заснул и проспал два дня.

Глава четвертая
КИНОЗВЕЗДА МУСТАФА

Через два дня Алиса, опасаясь, как бы джинн не умер от голода и не задохнулся, спросила, вытащив пробку:

– У тебя все в порядке, Мустафа?

– У меня все в порядке, – ответил джинн. – Но скоро я подохну от скуки. Ты должна отвести меня в гости к своим друзьям.

– К каким?

– К маленьким. Я не люблю больших друзей. Друг должен меня бояться, разве не понятно?

Алисе это было неприятно, но она не стала спорить с джинном.

И когда Алиса совсем уж было пришла в отчаяние, выход нашелся сам собой.

Ей позвонил старый папин приятель Герман Шатров.

– Алиса, – сказал он, – вся Москва говорит, что у тебя живет настоящий джинн, куда страшнее любого дракона.

Алиса оглянулась, не подслушивает ли гость. Но гостя не было. Его голос доносился из кухни – Мустафа давал советы домашнему роботу Поле, как жарить курицу.

– Живет, – призналась Алиса Герману. – Страшное дело. Весь дом ждет не дождется, когда же он нагостится.

– А он что думает по этому поводу?

– Ах, Герман, – сказала Алиса, – эти джинны живут так подолгу, что для них наше «долго» все равно что минутка. Не исключено, что он проживет у нас...

– Пять лет?

– Не пугай, – рассмеялась Алиса. – Я хотела сказать – до осени.

– Почему не дольше?

– Потому что все эти джинны страшно теплолюбивые. Он боится сквозняков, холода, ветров и даже росы. С минуты на минуту он ждет начала ледникового периода.

– Послушай, Алиса, – сказал Герман. – А как ты смотришь на то, чтобы отдать мне твоего джинна недельки на полторы?

– Замечательно!

– Мы тут снимаем фильм. По старинной детской повести «Старик Хоттабыч». Ты не читала такую?

– Нет.

– Этой повести больше ста лет. Написал ее писатель Лагин. Там рассказывается о том, как один мальчик, который жил у нас в первой половине двадцатого века, случайно нашел кувшин, где был спрятан джинн.

– Трудно поверить.

– Почему?

– Что джиннам у нас делать?

– Ну, это фантастическая повесть! Это сказка! Ее очень любили дети двадцатого века.

– И что же делал тот джинн? – спросила Алиса.

– Они с мальчиком очень подружились, и постепенно джинн настолько привык к нашей стране, что решил никогда ее не покидать. Он даже устроился работать радистом на полярную станцию.

– Зачем на полярной станции радист? – спросила Алиса.

– Все это происходило очень давно. Тогда даже телевизора не было. Но книжка получилась веселая. Старик Хоттабыч, так звали джинна, ходил в цирк, на стадион и всюду попадал в смешные истории. Фокуснику он решил показать, как делать настоящие чудеса, а футболистам подкинул на поле много мячей, чтобы им всем хватило. И вот, снимаем исторический фильм для детей о старике Хоттабыче.

– А зачем вам нужен мой Мустафа?

– Одного джинна мы нашли. Это пенсионер, чемпион мира по длине бороды. Добрейший старичок. Его теперь даже внуки Хоттабычем зовут. Но в фильме у нас должен быть еще один джинн, старший брат Хоттабыча

по имени Омар Юсуф. Это отрицательный герой. Настолько отрицательный, что в конце концов от него отделались, запустив в космос. Как ты думаешь, твой джинн не согласится у нас сняться в такой роли?

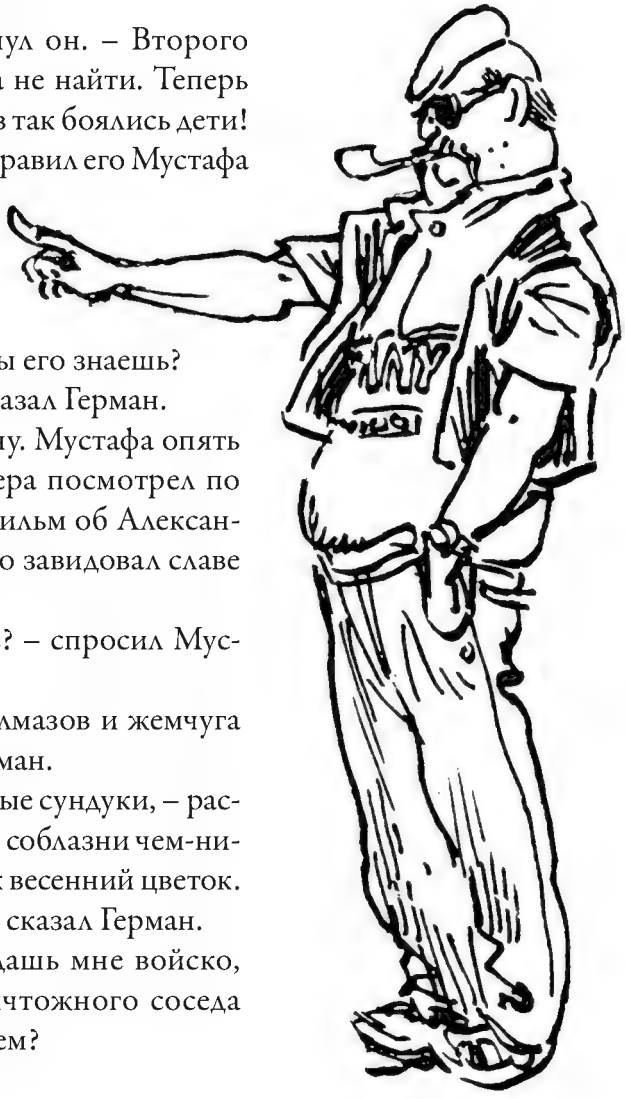
– Мустафа никогда не согласится быть плохим джинном, – сказала Алиса. – Он думает, что все джинны хорошие.

– Вот именно! – рявкнул Мустафа, который незаметно вошел в комнату. – Кто решил, что я плохой джинн? Тогда он пускай готовится к смерти. От него останется порошок и мокрое место.

Герман Шатров смотрел на Мустафу, широко открыв глаза.

– Это чудо! – воскликнул он. – Второго такого джинна нам никогда не найти. Теперь я понимаю, почему джиннов так боялись дети!

– И не только дети, – поправил его Мустафа и почесал когтями волосатую голую грудь. – Меня боялись целые армии. Из-за меня убежал из Индии Александр Македонский. Ты его знаешь?



– Читал, – осторожно сказал Герман.

Алиса подмигнула Герману. Мустафа опять выдумывал – он только вчера посмотрел по телевизору исторический фильм об Александре Македонском и страшно завидовал славе древнего полководца.

– Чем ты мне заплатишь? – спросил Мустафа.

– Боюсь, что рубинов, алмазов и жемчуга у меня нет, – признался Герман.

– Этого добра у меня целые сундуки, – расхохотался джинн. – Ты меня соблазни чем-нибудь бесценным, чистым, как весенний цветок.

– Я обещаю тебе славу, – сказал Герман.

– Какую? Неужели ты дашь мне войско, чтобы победить твоего ничтожного соседа и стать славным полководцем?

– Нет. Я обещаю тебе аплодисменты зрителей, цветы поклонниц, наградные вазы и миллион писем от почитателей.

– Чепуха, – проворчал джинн, – я не умею читать и не намерен учиться. Пускай учатся слабые!

– Тебе даже не надо учиться, – сказал Герман. – Мы дадим тебе секретаря, который будет читать для тебя все вывески и объявления. Конечно, если тебе некогда играть в кино, то скажи – и мы найдем другого артиста.

– Только попробуй! – рассердился Мустафа. – Или я играю главную роль, или я разнесу на куски все твое кино.

– Просто уж и не знаю, что тебе сказать, – произнес Герман.

Но глаза у него были хитрые и смеялись. Он заманил к себе Мустафу, хоть Мустафа думает, что это он сам решил играть в кино.

Мустафа обернулся к Алисе и спросил:

– А что думает по этому поводу моя недостойная сестра?

– Я всю жизнь мечтала сняться в кино, – сказала Алиса, – чтобы потом все жители Земли и всей Галактики видели меня на экране или по телевизору и говорили: «Какая красивая девочка! Какая талантливая актриса!»

Мустафа знал, что такое кино и что такое телевизор. По вечерам его было не оттащить от экрана, особенно если показывали мультики. Поэтому слова Алисы ему были понятны. Но все же он продолжал сомневаться.

– А вдруг, – сказал он не очень уверенно, – они захотят посмеяться над несчастным доверчивым и добрым джинном!

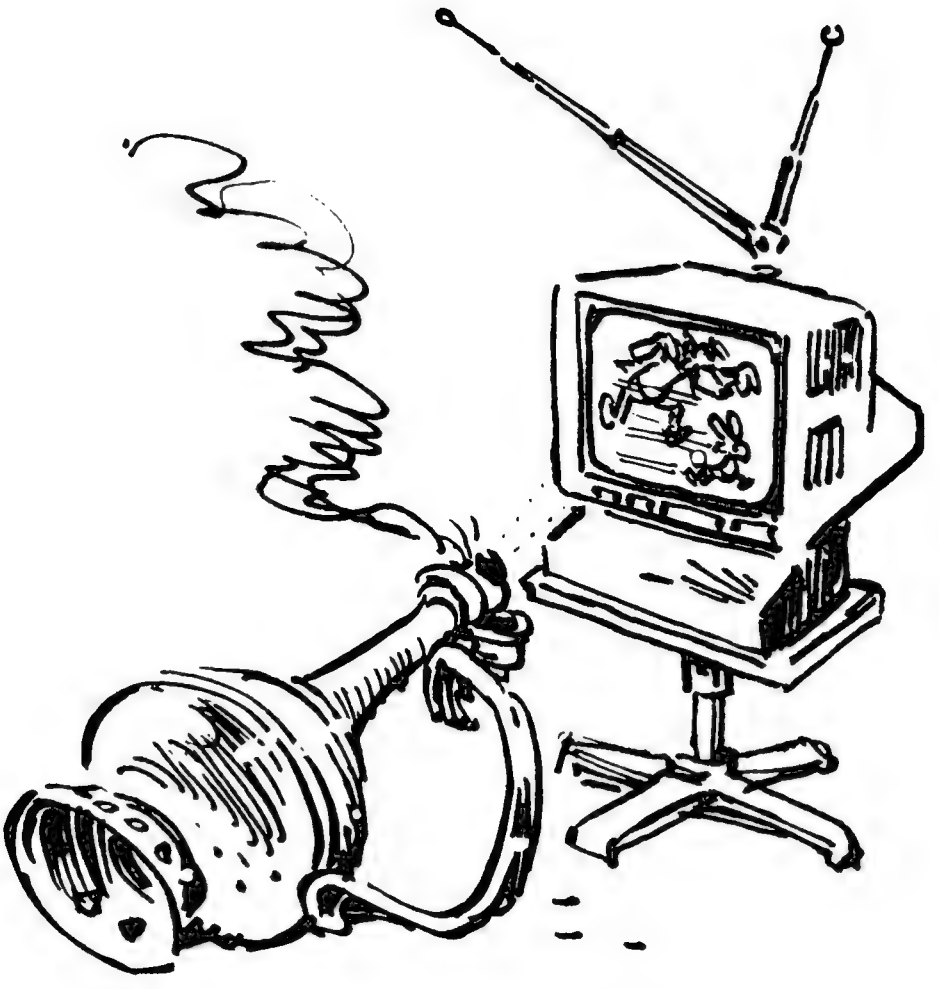
– Если ты заподозришь что-то подобное, – удивилась Алиса, – неужели ты не сотрешь с лица Земли всю съемочную группу, а заодно и всю киностудию?

– Сотру, – согласился джинн и обернулся к экрану видеофона: – Я согласен сниматься в вашем ничтожном фильме. Но только попробуйте не заплатить мне аплодисментами и премиями!

Нужно ли говорить, что, когда Алиса привезла Мустафу на съемочную площадку, при виде настоящего дикого и злобного джинна все заверещали, а некоторые смертельно перепугались. Мустафе там понравилось.

Только старика Хоттабыча он не уважал. Он его щипал, дергал исподтишка за бороду и ругал по-арабски.

Так как снимали исторический фильм, то со всей Москвы, из всех театров и даже музеев на площадку свезли множество вещей и инструментов, которыми пользовались древние люди в середине двадцатого века.



Когда Алиса пришла в первый зал, где подготавливали декорации, она там увидела вот что: трамвай, примус, галоши, чайник, железный утюг, гладильную доску, этажерку, покрытую кружевной салфеточкой, патефон, модель самолета-биплана, кровать с никелированными шариками на спинке, красный галстук, много портретов всяких забытых людей с усами и лысинами, в париках и шляпах, корыто, подкову, колесо от телеги, амбарный замок, эмалированную кастрюлю, шесть сковородок, валенки с заплатами, лапти изношенные и лапти новые, прялку, сани, ящик гвоздей и шурупов, костыли, шелковый веер, керосиновую лампу, связку толстых свечей, сундук, ножную швейную машинку, карету и еще массу вещей, которые Алиса не успела разглядеть.

Среди всего этого богатства стояла костюмерша, а может, реквизиторша Оксана с толстой белой косой и розовыми щеками. От нее пахло земляникой, и она казалась случайно залетевшей на свалку бабочкой.

– Что делать? – спросила она у Алисы.

– Что делать? – раздались голоса.

И тут Алиса увидела, что в глубине зала, за грудами вещей, стоят пожилые и даже старые люди. Человек десять.

Девушка-реквизитор заметила удивление Алисы и объяснила:

– А это наши консультанты. Мы позвали сюда самых ученых стариков и старушек, чтобы они объяснили нам, какие из этих вещей были в ходу в тысяча девятьсот тридцатом году, а какие еще раньше. Вот они и думают.

– Это очень сложно, – сказала Алисе одна бабушка. – Мне вот сто двадцать лет, и я совершенно забыла, в каком году по Пушкинской площади ходил трамвай, а в каком – троллейбус.

– А я стараюсь решить, – вмешался в разговор старик с бородой почти такой же длинной, как у джинна, – что было сначала, свечки или керосиновые лампы? А вы как думаете?

– Сначала все грелись у костра, – сказала Алиса, – и ложились спать на закате.

– Чепуха! – возразил Мустафа, который тоже стоял в зале, где были разложены вещи. – Сначала были светильники. Причем некоторые из них волшебные. У нас в Аравии рассказывают о недостойном отроке Аладдине, который вызывал джинна с помощью светильника. Так вот, я уполномочен заявить, что

это – сказка, и только сказка! Ни один уважающий себя джинн не будет связываться со светильниками.

Старики и старушки попрятались среди перин, сундуков, и некоторые даже залезли в трамвай. Девушка-реквизитор покраснела, но решительно заявила:

– Я попрошу вас не пугать консультантов. Мы обещали докторам и правнучатам консультантов не волновать их. Пожалуйста, уходите отсюда и не кричите.

– Смелая девушка! – вдруг улыбнулся Мустафа. – И очень красивая. Я ее беру.

– Куда же ты ее берешь? – спросила Алиса.

– Я ее беру к себе в гарем, – сказал джинн. – Она будет моей младшей любимой женой.

– А где же твои старшие и нелюбимые жены? – спросила Алиса. Она и не подозревала раньше, что у Мустафы есть семья.

– Мои старшие жены, к сожалению, умерли от старости, – ответил Мустафа. – Я же джинн, а они просто женщины. Я должен откровенно сказать, что, когда эта ваша русская красавица умрет от старости, я все еще буду таким же молодым и крепким мужчиной, как сегодня.

Джинн подкрутил усы, вытащил свой золотой гребень и принялся их расчесывать, как кот, который вылизывает свою шерсть.

– Нет, – сказала Оксана, – пожалуй, нам лучше обойтись без вас, господин Мустафа. У вас совершенно неподходящий характер.

– А у тебя, красавица? – спросил джинн. – Разве у тебя не отвратительный характер?

– Мой характер нравится моему жениху, к тому же я не люблю лысых ушастых брюнетов.

– Я постригу уши, – ответил джинн. – Затем я растерзаю твоего жениха, а потом украду тебя на ковре-самолете.

Тут в зал вошел Герман Шатров вместе с режиссером картины, невысоким человеком по фамилии Юзовский.

Они так и замерли, увидев Мустафу.

– Это то, что мне нужно! – воскликнул Юзовский. – Это самый настоящий Омар Юсуф, джинн-хулиган. Я искал его всю жизнь!

Он протянул джинну руку и сказал:

– Рад с вами познакомиться. Мы будем работать вместе. Мы получим самые высокие премии! Я вам гарантирую «Оскара».

Джинн Мустафа не знал, что «Оскар» – это знаменитая премия, которую дают за лучшее кино. Поэтому он ответил:

– Никакого Оскара мне не нужно. У меня и без него достаточно рабов. Я буду у вас сниматься, если получу в награду вот эту красавицу!

– Пускай не мечтает! – обиделась Оксана-реквизитор. – Дожили! Только посмейте расплачиваться с актерами честными девушками! Профсоюз не даст меня в обиду!

– Может быть, вам подойдет дворец? Или катер? Или космический корабль? – спросил режиссер.

– Все призы и премию Мира! – крикнул Герман.

– Или девица, или ничего!

– Подождите, – сказала тогда Алиса. – Я знаю, что делать. Можно я одну минуту поговорю с джинном один на один?

Разумеется, никто не возражал.

Алиса потянула джинна в угол за позолоченную карету и шепотом сказала:

– Я полностью на твоей стороне, Мустафа. Я согласна с тем, что тебе нужна новая младшая красивая жена.

– Разумеется, – ответил Мустафа. – Представляешь, возвращаюсь я в свою аравийскую пещеру, и тут же открываются все кувшины, в которых сидят мои родственники. Они выглядывают оттуда и спрашивают: что же ты привез из отдаленного холодного будущего, Мустафа? А я откидываю чадру с моей младшей жены, и они умирают от зависти! И я остаюсь последним и единственным джинном на Земле.

– Замечательно! – сказала Алиса. – Я представляю, как погибают от зависти Хасан, Максуд, Мухаммед...

– Али, – подхватил Мустафа, – другой Хасан, Саллахаддин, Хуссейн...

– Но есть одна маленькая сложность, – прошептала Алиса. – Конечно, тебе она покажется пустяком. И ты даже рассмеешься. Но я, как друг, должна тебя предупредить.

– Говори свой пустяк!

– Ты не спросил, кто же жених этой девушки с золотой косой и розовыми щеками.

– Наверно, какой-нибудь ничтожный студент-математик или, что еще хуже, поэт-песенник!

– Ты не угадал, мой драгоценный Мустафа, – сказала Алиса. – Хотя ты даже знаком с ее женихом.

– Знаком?

– Конечно! Ее жених живет в Космическом зоопарке, в пруду, и его зовут Бронтя. Помнишь бронтозавра, большого, как гора? Это он, ее жених. Он очень любит свою невесту. Но я думаю, что, когда ты скажешь ему, что берешь Оксану в младшие жены, бронтозавр тут же заплачет и согласится с тобой.

– Конечно, – важно кивнул Мустафа. – Он заплачет и убежит. И я его презираю за это. Ничтожная ящерица! Как я его презираю!.. И ты говоришь, что он посмел напроситься в женихи к этой девушке?

– Но он же не знал, что ты приедешь сюда!

– Конечно... – Мустафа задумался. Он думал минуты две и думал так настойчиво, что слышно было, как поскрипывают его мозги, когда мысли пробираются сквозь узкие извилины.

– А знаешь что? – вдруг спросил Мустафа. – Я тут подумал... я подумал и решил. Зачем мне такая толстая некрасивая невеста? Обойдусь я без нее! Я найду себе лучше... может быть, подожду, пока ты подрастешь, и возьму тебя, Алиса, в младшие жены. Разве ты хуже этой щекастой девицы?

– Кому что нравится, – скромно ответила Алиса.

– Пускай они дадут мне все награды, которые этот фильм получит на международных и галактических фестивалях! – сказал джинн. – И еще пускай мне дадут этого самого Оскара. Он будет чистить мне лаковые туфли!

– И девушка Оксана нам не нужна?

– Какая еще Оксана? – удивился джинн. – Не знаю никакой Оксаны. Где режиссер? Мне не терпится начать сниматься в кино! Я покажу всему человечеству, какие добрые, интеллигентные и сообразительные бывают джинны.

И, подмигнув Алисе, джинн Мустафа зашагал в съемочный зал. Свой медный кувшин он держал под мышкой.

Вслед ему со страхом глядели консультанты и девушка Оксана.

Глава пятая
ПРЕЗИДЕНТ ПРОСТОЙ ПЛАНЕТЫ

С тех пор как джинн Мустафа стал сниматься в кино, в доме Селезневых наступил покой. Джинн возвращался со съемок поздно, уставший, хриплый, быстро проглатывал барашка или осетра, которого ему жарил домашний робот Поля, и тут же заваливался спать. Спал он в кувшине, так ему было спокойнее. Кувшин ставили в комнате робота, иначе никто бы не заснул, потому что из горлышка всю ночь вырывался богатырский храп. Роботу же было все равно – он выключал на ночь слух.

Утром, ожидая, когда за ним прилетит флаер, Мустафа завтракал и рассказывал Селезневым о том, что делал накануне. Искусство хорошо влияло на злобного джинна, с некоторыми коллегами он подружился, а девушка Оксана почти перестала его бояться.

Однажды Мустафа обмолвился, что, как только закончатся съемки, он улетит отдохнуть в свою древнюю Аравию, но обязательно вернется на Каннский фестиваль и на все остальные фестивали. И жить он будет в самом шикарном отеле, и ходить станет во фраке, потому что кинозвезды не живут в обыкновенных домах и не носят шаровар!

Так прошло недели две. Все уже привыкли к тому, что джинн трудится. И вдруг он утром объявил, что наступает последний съемочный день. Завтра – расставание. Он заплакал, и горючая слеза упала в манную кашу.

Все повздыхали и сказали, что не знают, как им теперь жить без Мустафы, но, честно говоря, никто особенно не расстроился. Мустафа был незваным джинном.

В тот день Мустафа, как всегда, улетел на студию. Алиса побежала на биостанцию, а остальные разошлись по своим делам.

Начиналось лето, у всех было много дел и планов.

Когда у Алисы выдалась свободная минутка, она позвонила на киностудию и позвала к видеофону Германа Шатрова.

– Здравствуй, Герман, – сказала она. – Мне Мустафа сказал, что вы кончаете съемки?

– Да, сегодня последний день, – ответил оператор. – Устали все смертельно, но очень надеемся, что получился эпохальный, нетленный фильм!

– А как наш джинн? Вы им довольны? Он ничего страшного не натворил?

– Как тебе сказать... были трудности! Но в целом мы довольны! Он создал запоминающийся образ чудовища. Зрители будут плакать и смеяться. Так что мы все тебе благодарны за помощь.

– Ты не знаешь, – спросила Алиса, – когда он сегодня вернется домой?

– А что?

– Мы с Полей хотели устроить Мустафе прощальный ужин.

– Одну минутку, – сказал Герман. – Тут как раз Мустафа идет! Мустафа, возьми трубочку!

На экране возникло лицо джинна. Лицо было задумчивым и очень важным.

– Ах, это ты, Алиса! – произнес джинн. – Я тебя с трудом узнал! У меня столько поклонниц, что я уж не знаю, что с ними делать. Целый гарем!

– Ты опять о женитьбе думаешь! – вздохнула Алиса. – Ну зачем тебе держать женщин в кувшине!

– Не вмешивайся в мою частную жизнь! – остановил Алису джинн. – И быстро говори, что тебе от меня нужно. А то через две минуты начинаются последние съемки, и мне некогда с тобой рассусоливать!

Алиса удержалась, чтобы не засмеяться, и сказала:

– Я только хотела спросить, когда тебя ждать домой? Мы с Полей собирались приготовить для тебя прощальный ужин.

– Не нужен мне ваш ужин, – отрезал джинн. – Оксаночка пригласила меня в ресторан, а оттуда я прямым ходом отправлюсь в машину времени. Так что обедайте без меня. Прощай!

И Мустафа бросил трубку.

Герман подхватил трубку и включил экран видеофона.

– Выражаю тебе сочувствие, – сказал он. – Но у джиннов свои понятия о вежливости. Боюсь, что этот господин уже вычеркнул тебя из памяти.

– Ну, что поделаешь...

Алиса улыбнулась, но, честно говоря, ей было неприятно. Все-таки почти месяц они заботились об этом злом волшебнике, кормили его, стирали его шаровары, выслушивали его глупости, его бесконечное хвастовство, а в благодарность... он уезжает, даже не попрощавшись.

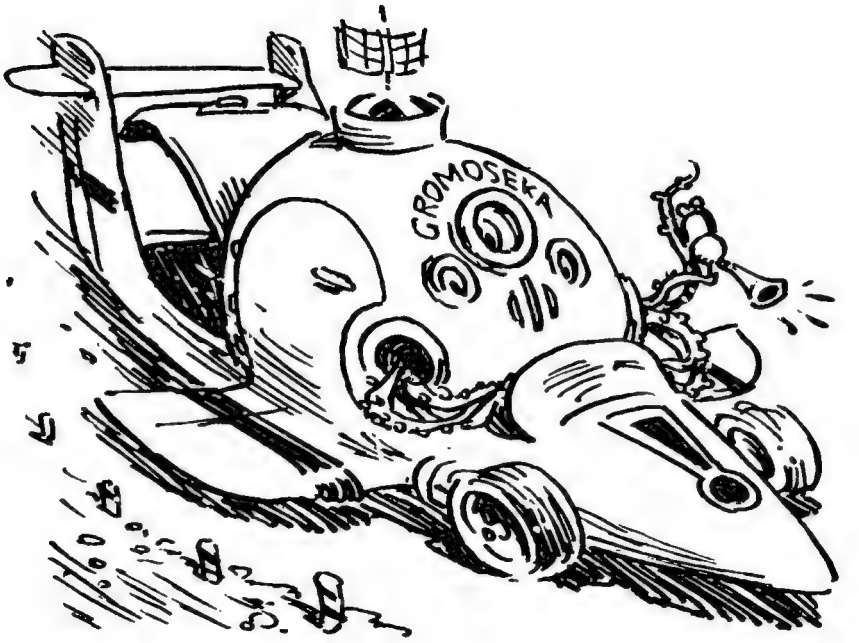
Но потом Алиса пожала плечами и подумала: «Так ли уж это плохо? Теперь дома будет тихо и спокойно».

Алиса позвонила домой, сказала домашнему роботу Поле, что торжественный ужин отменяется, и занялась своими делами.

День стоял чудесный, не очень жаркий, облака медленно плыли по синему небу, возле дорожек уже розовела земляника, жираф Злодей нарвал ромашек и, осторожно сжав букетик мягкими губами, подарил его Алисе.

А когда Алиса возвратилась домой, ее ждал приятный сюрприз.

Только что приехал старый друг Селезневых, космический археолог, великий ученый и путешественник Громозека, ростом почти со слона, с глазами вокруг носа, щупальцами вместо пальцев. Кому-то он, может, и покажется не очень красивым, но Алиса обожала его с раннего детства. А Громозека считал Алису своей старшей дочкой и готов был ради нее



пройти пешком через всю Галактику, в одиночку разгромить пиратский флот или победить тигрокрыса.

Громозека еле уместился в большой комнате. Мама принесла ему бокал валерьянки, и он выпил его за здоровье хозяев дома.

Потом он объяснил, что у него есть дело к Селезневым. Надо помочь одному хорошему человеку.

– Если надо, то поможем, – сказал папа. – При условии, что он – не ископаемый аравийский джинн.

– Что? – не понял Громозека. – Какой еще джинн?

И Алиса рассказала Громозеке о том, какого гостя они терпели целый месяц и как этот гость решил улететь, не попрощавшись.

– А вы пересчитали ложки и вилки? – спросил Громозека.

– Почему мы должны пересчитывать ложки? – удивился папа.

– Бывают такие гости, особенно среди древних волшебников. Поживет, поживет, а потом ложек не хватает.

Все засмеялись, а Громозека сказал:

– Мой знакомый, которого я привез с собой, немного задержался по дороге. Он увидел антикварный магазин и застрял в нем. Но как только он кончит там дела, он придет.

– Он коллекционер? – спросил папа.

– Сами увидите, – ответил Громозека. – Он большой оригинал.

Пока ждали нового гостя, Громозека рассказывал о своей последней экспедиции, о том, как растут его дети и толстеют его жены, об общих знакомых и друзьях. Время летело незаметно...

– Но совсем недавно попал я на отдаленную и почти необитаемую планету, – сказал Громозека. – Представьте себе, еду я по бездорожью в своем вездеходе и вижу, что у обочины стоит и ждет попутки странно одетый человек. Конечно, я его довез до дому. И оказалось, что та планета населена всего одной семьей переселенцев. Живет на ней Авдеев Корней, его сыновья Фаддей, Алексей, Бамлей, Кирей, их жены Валерия, Калерия, Фалерия и Домна, а также их дети числом двадцать шесть, разного возраста.

– Они сектанты? – спросила мама.

– Нет, они просто эмигранты.

– Откуда!

– С Земли.

– Но почему?

– Потому что... – начал Громозека, но в это время раздался звонок в дверь. – А вот и сам Авдеев Корней. Он вам все расскажет, – закончил археолог.

В квартиру быстро вошел невысокий мужчина.

Он поклонился всем присутствующим. Его редкие бесцветные волосы лежали поперек лысины. Маленькие подбритые усики топорщились над верхней губой.

– Прошу прощения за столь нежданный визит, – сказал он. – Разрешите представиться – Авдеев Корней, президент планеты Обиталище.

Домашний робот Поля подкатился к нему и протянул руки, чтобы принять его пальто.

– Простите, – обратился к нему гость, – но я принципиально не пользуюсь услугами роботов.

Он сам снял пальто и повесил его на вешалку в коридоре.

На президенте были черный костюм и белая рубашка с синим галстуком под жестким стоячим воротником.

– Куда прикажете садиться? – спросил он.

– Может, вы хотите чаю? – предложила мама.

– Не откажусь, – улыбнулся Авдеев Корней. – Но я не вижу самовара.

– Простите, – откликнулся обиженный робот Поля, – мы не держим музейных вещей.

– Тогда я так посижу, – сказал президент Авдеев.

Он сел на стул и положил ладони на коленки.

Всем стало неловко, будто они нарочно обижают хорошего человека.

– Может, вы бублик съедите? – спросила Алиса.

Но тут засмеялся Громозека.

– Я тоже сначала растерялся! – проговорил он. – Но потом мы поговорили, и оказалось, что все не так страшно. Авдеев Корней, расскажи моим друзьям о своих проблемах.

– Но им, наверное, неинтересно, – сказал президент.

– Ничего, потерпят, – успокоил его Громозека.

– Человечество зашло в тупик, – негромко, но внушительно произнес президент Авдеев Корней. – Я убедился в этом много лет назад. Мы все больше отдаемся во власть бессмысленных машин и пластиковых роботов! – Он указал пальцем на робота Полю, и тот испуганно отступил в угол комнаты. – Мы живем в пластиковом мире, но человеку так жить вредно. Все люди умрут, и останутся только роботы...

– Может, вы ошибаетесь?.. – неуверенно сказал дедушка. – Мне уже немало лет, но мне нравится жить.

– Вот именно! – воскликнул президент. – Именно! Вы ничего не чувствуете! Но враги беспощадны!

Дедушка молчал.

– Я понял, что единственное спасение – вернуться к нашему славному прошлому. Молоко должно быть парным, ботинки кожаными, а шляпы соломенными или валяными! Все должно быть естественным и настоящим. Долой комбайны и уборочные агрегаты! Долой фабрики-автоматы и летающие автобусы! Человек рожден свободным!

– А как насчет электричества? – спросил профессор Селезнев.

– Зачем свободному человеку электричество, – ответил вопросом на вопрос Авдеев, – если у него есть свечи и лампа? Зачем ему жевать какой-то «Орбит без сахара», если он может откусить кусок морковки?

Президент Авдеев Корней замолчал, переводя дух.

– Я у них на планете был, – поддержал его Громозека. – И даже позавидовал. Все Авдеевы полностью отказались от современной цивилизации. Они вернулись к экологической чистоте и демократической простоте. Ходят только пешком, пашут землю плугом и лопатой, сами доят

коров и плетут корзины. Они сами строят себе дома с помощью топора, без единого гвоздя.

– Вот именно! – воскликнул Авдеев Корней.

– Они встают с петухами и ложатся с закатом солнца. Они не знают телевизора и даже не умеют читать и писать.

– Но у нас возникла проблема, – признался президент. – У нас подрастают дети – мои многочисленные внуки. Население нашей планеты увеличивается с каждым годом. Нам не хватает свечей и самоваров, домотканой материи и глиняных горшков, даже кастрюль нам уже мало. Ведь мы далеко не все можем сделать сами! И я воспользовался кораблем Громозеки, чтобы вновь посетить мою Землю и попросить помощи.

Все замолчали. Можно было смеяться над президентом Обиталища, можно было сочувствовать ему, но скажите, пожалуйста, где можно достать в конце XXI века на Земле не нужные никому самовары, горшки, швейные машины или калоши? Где купить топор или заступ? Куда проще взять садового робота, огородный автомат, электронного уборщика, микроволнового повара – на Земле есть множество предметов и приборов, придуманных для того, чтобы помогать людям. Но совсем не осталось предметов, которыми трудно управлять. Они сохранились только в музеях или в коллекциях.

– Надо будет спросить в Историческом музее, – сказал дедушка. – У них много всякого барахла скапливается. Может быть, им не все нужно?

– Ты не знаешь музеев, – возразила мама. – Даже если у них есть сто одинаковых ненужных вещей, они лучше создадут специальный отдел по хранению ненужных вещей, но никогда не расстанутся с пуговицей.

– На Обиталище все зависит от моей поездки, – сказал президент Авдеев Корней. – Я должен срочно научить моих детей и внуков жить простой жизнью. Иначе операция по спасению человечества от изобретений провалится. И что тогда со всеми нами станет лет через двести – я не берусь предсказать! Но я представляю себе людей будущего как откормленных свиней на пуховых подушках. А роботы и автоматы будут кормить их с ложечки сгущенным молоком.

– Стойте! – обрадовалась Алиса. – Я знаю!

– Что? – Все обернулись к ней.

– Я знаю, где можно достать ненужные старинные вещи!

– Где же? – спросил президент.

Алиса кинулась к видеофону и набрала номер Германа Шатрова. Герман был дома, он как раз собирался обедать.

– Герман, миленький, у меня проблема, и она зависит от того, кончили ли вы снимать свою картину!

– Сегодня кончили, – ответил Шатров. – И получилась гениальная нетленка!

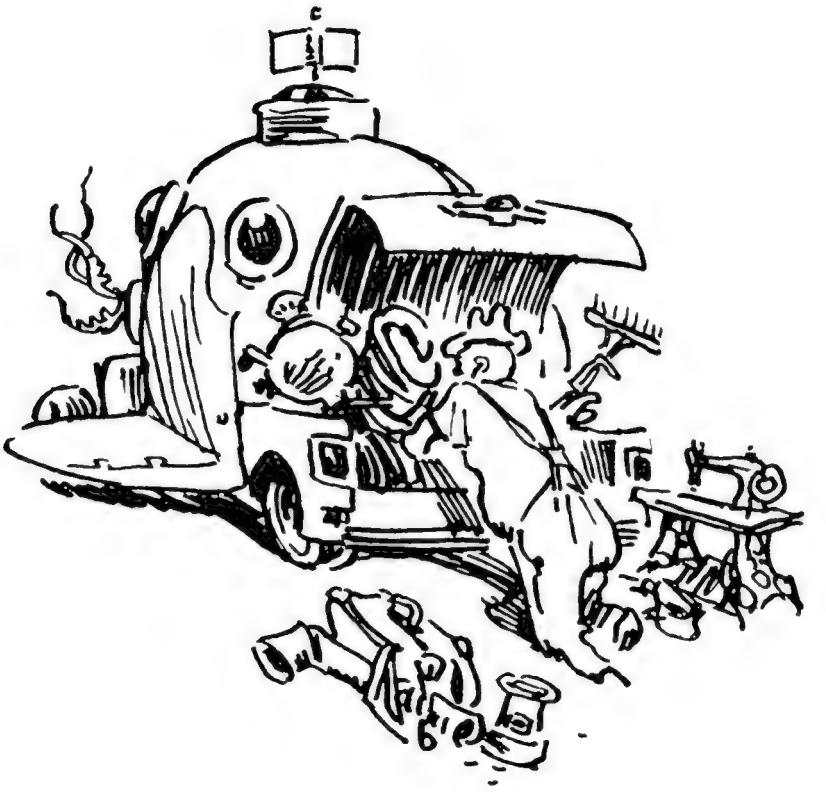
– А не могли бы мы с тобой, – сказала Алиса, – помочь одной хорошей планете?

– Я очень люблю помогать планетам. И если ты мне объяснишь все в двух словах, чтобы суп не остыл, я рад тебе помочь.

И тогда Алиса в трех, а может, в десяти словах объяснила Шатрову, что президент Авдеев Корней ищет и не может найти старинные вещи для своей планеты, чтобы его внуки могли расти среди керосиновых ламп и хрустеть редиской, выращенной на своем огороде.

Шатров сдержанно улыбнулся и сказал:

– Хорошо, что ты позвонила сегодня. Завтра мы собирались разбирать наш склад. Что интересно – отдать в музеи, а что никому не нужно, собирались выкинуть. Так что я могу сейчас позвонить Оксане-реквизи-



тору, которая пока дежурит на складе. Она откроет зал для твоего друга, и пускай он берет то, что ему пригодится.

Алиса поблагодарила Шатрова и обернулась к президенту. Она хотела сказать ему: «Теперь вы можете ехать по такому-то адресу», – но тут поняла, что гость смотрит на нее и ждет, что она сама ему все и покажет.

Алиса вздохнула и сказала:

– Уважаемый президент Авдеев Корней, давайте я провожу вас на студию и помогу вам.

Но Громозека пожалел Алису.

– Не надо, – сказал он громовым голосом. – Я в Москве все знаю, как в собственном доме. И дорогу на студию знаю. Так что отвезу президента куда нужно и помогу ему отобрать тряпки и коробки. Тем более у меня с собой есть специальная платформа, на которой я разъезжаю по Москве – ведь в такси или во флаере мне не поместиться.

Громозека поднялся и пошел к двери, возле которой уже стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, президент планеты Обиталище Авдеев Корней, которому сказочно повезло, что именно сегодня кончились съемки исторического фильма о старике Хоттабыче.

Глава шестая
ПИСЬМО ИЗ АРАВИИ

Больше Алиса не видела президента Авдеева Корнея.

Громозека позвонил из космопорта и радостно сообщил, что президент набрал на студии целую платформу старых вещей и, счастливый, улетает к себе домой. Потом пришла космограмма: президент благодарил семью Селезневых, и в первую очередь Алису Селезневу, за исключительно важную помощь в освоении планеты Обиталище и приглашал в гости на ягоды, грибы и парное молоко.

За летними делами и заботами Алиса забыла о джинне Мустафе и даже о президенте Авдееве Корнее. Лето оказалось очень бурным – сначала Алиса с Пашкой Гераскиным попали на Тихий океан и пережили там подводные приключения: нашли то, что осталось от Атлантиды, и даже ее последних обитателей; и уже перед самым началом занятий слетали на Планету Без Памяти. Впрочем, это только со стороны кажется, что лето было очень бурным и занятым – Алиса-то считала, что это самое обыкновенное лето, бывает куда интересней.

Когда она вернулась после космических путешествий домой и приняла ванну, домашний робот Поля выложил ей на письменный стол посылки, бандероли, письма, кассеты и капсулы, которые накопились дома за последний месяц.

Среди этой корреспонденции Алиса обнаружила письмо от старого знакомого джинна по имени Хасан ибн-Хасан, с которым встречалась в эпохе легенд.

В письме говорилось вот что:

«Достопочтенная и мудрая девочка Алиса!

Шлю тебе привет из солнечной Аравии, где я провожу дни и годы в темной пещере, ожидая наступления ледникового периода. Надеюсь, что ты, светлоокая, здорова, а также здоровы твои уважаемые родители и почитаемые дедушки и бабушки. От имени всех джиннов древней Аравии выражаю тебе благодарность за заботу о нашем младшем брате, недостойном джинне Мустафе. Спроси его, пожалуйста, собирается ли он возвращаться в родные края. Может быть, он погиб или, что еще хуже, женился на чужбине? Если он погиб, беда невелика, но мы, его родственники должны знать об этом и поделить его имущество, а также занять его место в пещере. Ты его не жалей, потому что Мустафа был большим негодяем и эгоистом. Мы до сих пор подозреваем, что он убил свою бабушку. Не бойся, напиши всю правду, мстить не будем.

Твой друг Хасан ибн-Хасан.
Жду ответа, как соловей лета!»

– Погляди, Поля, что ты думаешь? – сказала Алиса и протянула письмо роботу.

Робот прочел письмо, потом понюхал его и сказал:

– Пахнет сандаловым деревом, Аравийской пустыней, слезами верблюда и невероятной древностью.

– Все правильно, – согласилась Алиса. – Но скажи мне, что означают вопросы о Мустафе? Неужели он пропал без вести?

– Не исключено, – ответил робот. – Я до сих пор не доверяю путешествиям во времени. Один знакомый робот рассказывал мне, что каждый третий путешественник во времени прилетает подмененный.

– Как так – подмененный? – удивилась Алиса. Она знала, что робот Поля свободное время проводит на завалинке в мастерской по починке роботов в Кратове и там набирается глупых слухов и сплетен, которыми обмениваются старые роботы.

– Из себя он точно такой, как прежде, – сказал робот. – Даже родная мама не узнает. Но на самом деле от него остается одна оболочка. Все внутренности перехватываются на полпути заговорщиками, которые подстерегают его и отправляют воевать в армию Серой Дыры.

– Ясно, – вздохнула Алиса, – от тебя мне толку не добиться. Но я на самом деле волнуюсь, что же могло произойти с джинном! Где мне узнать...

– В Институте времени, где же еще, – сказал робот. – Но правды не знают и они.

– Помолчи, Поля, – рассердилась Алиса. – Разговор о серьезных вещах, а ты придумываешь неизвестно что!

– Я придумываю гипотезы, – возразил домашний робот. – Я – настоящий ученый. Не исключено, что я уйду от вас и поступлю в университет!

Алиса отмахнулась от робота и набрала номер справочной Института времени.

На экране появилась девушка, остриженная почти наголо – так стригутся все сотрудники Института времени, чтобы легче было надевать парики и маскироваться.

– Чем я могу вам помочь? – спросила девушка у Алисы.

– Один знакомый, – сказала Алиса, – прилетел ко мне в гости из эпохи легенд, пожил у меня месяц и отправился обратно. А его родственники прислали мне письмо, в котором утверждают, что он не вернулся домой.

– Наверняка по дороге его перехватили, – вмешался в разговор робот Поля. – Украли, это точно! И теперь он воюет в армии Серой Дыры.

– Такого быть не может! – возмутилась девушка. – Случалось, что наши сотрудники пропадали без вести в прошлом. Некоторые даже оставались там добровольно... впрочем, вам все это знать не обязательно.

– А куда Мустафа делся? – строго спросил Поля.

– Мустафа – это имя вашего гостя? – спросила девушка.

– Да, – сказала Алиса. – Он джинн, из древней Аравии.

– Одну минутку! – попросила девушка, и видно было, что она смотрит на экран своего компьютера.

– Подождите, – попросила ее Алиса. – Не ищите, пожалуйста, Мустафу в списке гостей из прошлого. Его там нет.

– Почему же? Имена всех гостей обязательно вводятся в наш компьютер.

– Но он прибыл к нам в кувшине, – сказала Алиса. – Он был запечатанный.

– Откуда такая жестокость? – удивилась девушка.

– У древних джиннов так принято путешествовать, – сказала Алиса. – Они предпочитают жить в кувшинах или бутылках. Вот и Мустафа приехал к нам в кувшине. А кувшин был в ящике. В посылке. И если вы проверите, то увидите, что в июне вы получали из эпохи легенд посылку на имя Алисы Селезневой.

Девушка снова обратилась к экрану и через минуту сказала:

– Вы совершенно правы, девочка. В июне сего года поступала посылка на имя Алисы Селезневой из эпохи легенд с обратным адресом: «Древняя Аравия. Пещера джиннов, джинну Хасану ибн-Хасану». Правильно?

– Правильно, – сказала Алиса. – И теперь скажите, пожалуйста, когда джинн Мустафа улетел от нас обратно в эпоху легенд?

– Не путайте меня! – воскликнула девушка. – Вы сказали, что получили из эпохи легенд посылку, а теперь спрашиваете, когда вернулся Мустафа. Вы же не получили Мустафу?

– А кто тогда был в посылке?

– Это вам лучше знать, – сказала девушка.

– В посылке был джинн Мустафа. Вернее, в посылке был кувшин, а в кувшине путешествовал джинн Мустафа. И мне хочется узнать, когда он вернулся обратно.

– В кувшине? В посылке? Или просто так?

– Мне все равно как! – сказала Алиса. – Мне только хочется узнать, когда это случилось.

Девушка поняла и долго смотрела на экран своего компьютера. Потом вздохнула и сказала:

– Простите, Алиса, но, к сожалению, за все лето от нас в эпоху легенд не было никаких отправлений!

– Но, может быть...

– Что может быть?

– Может быть, он по ошибке куда-то еще полетел?

– Послушайте! Какая может быть ошибка? Если мы отправляем кого-то в прошлое, то мы делаем это в соответствии с законом и всеми правилами. Никто не может просто так, без разрешения, кинуться в прошлое, тем более в эпоху легенд.

– А он полетел в другую эпоху! – крикнул робот Поля. – Ищите его в самой безобразной эпохе. В самой жуткой и варварской эпохе. В армии Серой Дыры! Там ему и место.

– Да поймите же! – совсем расстроилась девушка. – Если вы не верите мне, я могу позвать директора института. Если бы в машину времени забрался кто-то неучтенный, то компьютеры сразу бы определили его вес и размеры. После того как один мальчик из двадцатого века попал к нам, а потом одна девочка убежала от нас в двадцатый век, у нас очень строго по этой части. Очень строго.

– Знаю, знаю, – сказала Алиса, – я и была этой девочкой.

– Тогда вы тем более должны понимать, что никакой джинн у нас не проскочит без разрешения. Даже в коробке.

Алиса отключила видеофон и пригорюнилась.

Как сообщить теперь джиннам в древней Аравии, что не знаешь, куда делся их родственник Мустафа!

– Кто мог его видеть последним? – задала себе вопрос Алиса.

– Кто-то на киностудии, – отозвался умный робот Поля. – Наверняка ему дали флаер, чтобы он долетел... только вот вопрос: куда он долетел?

Алиса уже кинулась к видеофону.

К счастью, Герман Шатров был в Москве.

– Герман, – спросила она, – ты помнишь последний день съемок вашей картины?

– Конечно, помню.

– Когда съемки кончились, что делал джинн Мустафа? – спросила она.

– Совершенно не представляю. Я его в суматохе и не разглядел.

– Кто мог его видеть?

– А что случилось?

– Пропал Мустафа. Не вернулся в Аравию. Родственники волнуются.

– Но не мог же он остаться в Москве! Мы бы об этом узнали.

– Мы бы узнали... но есть одна ужасная возможность... мне даже страшно подумать...

– Алиса, что ты думаешь? Чего ты боишься?

– Скажи, куда делись все декорации вашей картины, все предметы и вещи?

– Они, наверное, на складе, а может, их вернули в музеи.

– Где склад?

– Я сейчас позвоню Оксане-реквизитору. Она должна знать.

– Срочно звони! Я не отхожу от экрана!

Герман стал звонить девушке с золотой косой, а робот Поля спросил Алису:

– Ты чего боишься? Мне-то можешь сказать?

– Я боюсь... я боюсь, что Мустафу могли забыть!

– Как забыть? Где забыть?

– На складе забыть, – сказала Алиса. – Он же в кувшине! А что, если он лег отдохнуть и кто-то заткнул кувшин пробкой? А потом все ушли, и наш несчастный Мустафа до сих пор сидит в кувшине на складе?

Такая мысль перепугала и Полю.

– Это слишком жестоко! – сказал он.

Тут позвонила Оксана.

Алиса сказала ей, что боится, не забыли ли на складе кувшин. Оксана сказала, что, конечно, этого быть не должно, но мало ли, что может случиться с таким противным и приставучим джинном, как Мустафа. Она согласилась тут же поехать на склад, открыть его и поглядеть, нет ли там кувшина.

Алиса с Полей помчались на флаере туда же.

Вместе с Оксаной и прилетевшим Германом они открыли большой склад, где хранится реквизит от разных картин, и начали искать кувшин с джинном. Они переворачивали вещи, они звали Мустафу, надеясь, что джинн отзовется из кувшина... но все напрасно!

Потом они обзвонили все музеи и школьные исторические кабинеты, куда могли передать вещи со съемок. Но и там не было ни одного подходящего кувшина.

Так что пришлось смириться с мыслью, что джинн Мустафа пропал без вести. Осталось

только послать телеграмму в эпоху легенд, чтобы родственники-джинны начинали делить его имущество и место в пещере, но Алиса все откладывала этот момент. Как будто еще на что-то надеялась.

Глава седьмая
АЛИСА ЛЕТИТ НА ПЛАНЕТУ ОБИТАЛИЩЕ

Светлые идеи приходят в любое время суток. Захочет такая идея тебя посетить – вот и пришла. И ей все равно – ночь это или разгар дня.

Так случилось и с Алисой.

Она проснулась среди ночи и совершенно явственно подумала: «Я знаю, где сейчас бедный Мустафа. Он попал на планету Обиталище к президенту Авдееву Корнею вместе со старинными предметами со съемок».

Алиса была настолько уверена в своей догадке, что тут же прошла босиком в папин кабинет и включила там галактическую связь. Археолог Громозека копал затерянный город на какой-то отдаленной планете, но его межпланетный телефон у папы был записан в компьютерную книжку. Так что Алиса тут же набрала код и номер. К счастью, в месте, где происходили раскопки, была середина дня. Громозека тут же подошел к телефону и узнал Алису.

– Что случилось? – переполошился он. – Ты попала под флаер? Мама утонула? Дедушка сломал ногу?

– Погоди, Громозека, – остановила его Алиса. – Все куда проще. Постарайся вспомнить, какие вещи брал президент Авдеев Корней со склада на киностудии.

– Ну как теперь вспомнишь! Несколько месяцев прошло!

– Постарайся, это очень важно.

– Он брал стол, самовар, сундук, валенки... он брал массу вещей.

– А среди вещей был большой восточный медный кувшин?

– Может быть, – сказал Громозека, – я за ним специально не наблюдал.

– Вспомни, миленький! От этого зависит жизнь одного... существа.

– Какого?

– Джинна Мустафы! Может быть, вы нечаянно забрали со съемок кувшин, в котором он спал, и никто этого не заметил.

– Как же не заметил? А разве джинн не снимался в кино?

– Вы попали туда как раз в конце съемок. Была суматоха, все собирались, разъезжались. И никто не хватился несчастного Мустафы.

Громозека горько вздохнул и сказал:

– Нет, не помню. С одной стороны, мне кажется, что вроде бы я видел какой-то кувшин, но с другой стороны, я ничего не видел...

– Тогда, – решительно произнесла Алиса, – у меня нет выбора. Я лечу на планету Обиталище. Туда ходят рейсовые?

– Какие рейсовые! – удивился Громозека. – Туда ничего не ходит. Только раз в году привозят почту, новые ботинки, соль и спички...

– Дай координаты!

– Координаты есть в справочнике. Но, Алиса, это же неразумно!

– Разумно, – возразила Алиса. – Я виновата и должна это дело распутать.

– Ты туда не попадешь, – сказал Громозека. – Представь себе – это же самая отсталая и первобытная планета во всей Галактике. Они отказались от всего, даже от электричества. К ним никто не летает, они никуда не летают...

– Тем лучше. До встречи, Громозека! – попрощалась Алиса. – У меня как раз осталось два дня до конца каникул.

– Но кто тебя повезет?

– Мой друг, – ответила Алиса.

И она говорила правду.

У Алисы на самом деле есть добрый друг – это маленький, разумный космический корабль Гай-до. Он живет под Вроцлавом в семье Ирии Гай, воспитывает ее малышку. Алиса с Гай-до побывали во многих переделках. Алиса надеялась, что Ирия разрешит взять кораблик на два дня поискать на первобытной планете кувшин с потерявшимся джинном.

Ирия отпустила Гай-до на выходные, папа и мама согласились с Алисой, что ей необходимо поискать Мустафу, и вот через два дня они отправились на Гай-до в поисках планеты Обиталище.

Дорога была нелегкой, но Гай-до промчал Алису как на гонках, и к вечеру следующего дня они подлетали к планете Обиталище.

– Учти, кораблик, – сказала Алиса, стоя у пульта управления, – что нас никто не встретит. У них даже нет электричества... Такие они все принципиальные.

– Вытерпим, – ответил Гай-до.

Сделав круг, Гай-до снизился над небольшой, поросшей лесами планетой Обиталище.

Алиса стояла у иллюминатора, стараясь отыскать поле, на краю которого должна стоять избушка поселенцев.

Но вместо нее она увидела, как навстречу им с планеты поднялся гравитолет, небольшой, но вполне современный.

Сделав круг, он приблизился к Гай-до.

– Кто к нам в гости? – спросили с корабля. – С какой целью?

– Это я, Алиса Селезнева.

Алиса подумала, что ошиблась и попала на другую планету.

– Сверяю с компьютером, – сказали с гравитолета, – есть ли в списке наших друзей Алиса Селезнева.

И через минуту Алиса услышала:

– Добро пожаловать, Алиса! Наша планета ждет тебя. Ты у нас желанный гость. Следуйте за мной.

Гай-до полетел за гравитолетом и вскоре опустился на пластиковую посадочную площадку неподалеку от небольшого, но странного города. В том городе не было домов, магазинов и улиц. Только несколько высоких дворцов и замков, каждый из которых был окружен садом. Но самое удивительное заключалось в том, что эти дворцы не были придуманы архитекторами, а повторяли какое-нибудь всем известное здание. Там стояли в окружении клумб и цветников, пальм и магнолий, Эйфелева башня, пирамида Хеопса, дворец Мамакарда Четвертого Паталикутры, Эмпайр-стейтс-билдинг из Нью-Йорка, московская Останкинская телевизионная башня, собор Парижской Богоматери, индийский мавзолей Тадж-Махал, дворец императора планеты Прохладные Струи, известный тем, что был выпилен из гигантского изумруда...

– Какое странное у них представление о простоте и древности, – сказала Алиса. – Я-то была уверена, что мы выйдем на лужайку, где пасется стадо коров, что мы будем пить чай из самовара в маленькой избушке...

– Не делай выводов раньше времени, – сказал Гай-до. – Вылезай, осмотрись. Тем более что тебя здесь знают и даже, кажется, ждут.

С этими словами Гай-до открыл люк, и Алиса вышла на пластиковое покрытие.

И тут она увидела, что от дворцов и башен к ней летит несколько флаеров самых разнообразных моделей, размеров и раскраски. Но все это были современные машины, скоростные, автоматические, чудо техники.

Из флаеров выскакивали молодые люди и дети, одетые легко и ярко, все чем-то похожие друг на друга.

Они кидались к Алисе, обнимали ее, целовали, дети называли ее сестренкой, взрослые – дочкой.

Первый из мужчин, знакомясь с Алисой, представился:

– Авдеев Фаддей. Жду в гости!

Второй сказал:

– Авдеев Алексей. Я вам так благодарен за подарок! А вот моя жена Валерия.

Третий мужчина назвался:

– А я Авдеев Кирей, жену мою зовут Калерией.

Алиса уже догадалась, что она встретилась с семейством Авдеева Корнея, президента планеты Обиталище.

Поэтому она спросила:

– А где же ваш папа, президент планеты?

– К сожалению, – ответил Алексей, – папа не сможет вас приветствовать. И я не знаю даже, захочет ли он вас увидеть.

– Я к вам ненадолго, – сказала тогда Алиса. – Мне только хотелось у вас спросить, не знаете ли вы о судьбе... может быть, вы видели кувшин... Я ищу... – Ну никак Алиса не могла задать вопрос о джинне, потому что дети и взрослые тянули ее к себе, приглашали в гости в свои дворцы и замки, которые, оказывается, и были их домами.

– Подождите! – раздался сверху голос. – Выслушайте Алису. Не кричите все сразу!

Авдеевы замолчали. И посмотрели вверх.

– Извините, – сказала Алиса, – это говорил мой кораблик.

– Правильно, – громким голосом произнес Гай-до. – Мы прилетели узнать, не попал ли к вам на планету случайно кувшин с джинном Мустафой. Он пропал без вести, и его родственники беспокоятся, не погиб ли он?

– Ничего подобного! – послышался голос джинна Мустафы, который опускался с неба на ковре-самолете. – Я жив, здоров, счастлив. И отлично понимаю, что мои родственники-джинны ждут не дождутся, чтобы я помер, тогда они поделят все мои драгоценности и вещи, займут мое место в пещере и тут же забудут обо мне.

Они кидались к Алисе, обнимали ее, целовали, дети называли ее сестренкой, взрослые – дочкой.

Глава восьмая
ОДИНОКИЙ ПРЕЗИДЕНТ

Ковер-самолет повис над землей, как диван. Мустафа величественно сошел с него, и все жители планеты Обиталище поклонились ему. А маленькие дети, которых там было видимо-невидимо, подбежали к нему, чтобы он взял их на руки и подбросил к небу. Через полчаса все Авдеевы, Алиса, джинн Мустафа и даже кораблик Гай-до собрались на верхней площадке Эйфелевой башни.

Всем известно, что Эйфелева башня уже много лет стоит посреди города Парижа, и туристы со всего мира съезжаются туда, чтобы ею полюбоваться.

И вот, оказывается, на планете Обиталище недавно построена точная копия французской башни, такая же высокая, как в Париже. Ее вершина часто скрывается в облаках.

На вершине Эйфелевой башни есть площадка. На площадке стоит большой стол, окруженный креслами. Кресла там разные. Есть обыкновенные для взрослых Авдеевых, есть широкое кресло для джинна Мустафы, есть маленькие кресла на высоких ножках для авдеевских детей. Только, разумеется, для Гай-до кресла не нашлось, и он повис в воздухе над перилами площадки.

С шумом, смехом, разговорами Авдеевы заняли места за столом.

Рядом с Алисой кресло пустовало.

– А тут кто должен сидеть? – спросила она.

Авдеевы грустно замолчали. Потом Алексей сказал:

– Это кресло ждет нашего папу, Авдеева Корнея, президента нашей планеты.

– А где же он?

– Он там, за рекой, в тени деревьев, – сказал Кирей. И грустно вздохнул.

Существовала какая-то тайна, но Алиса понимала, что, когда нужно, эту тайну раскроют. Самой же лучше не вмешиваться в чужие дела.

Валерия и Калерия принесли большой самовар, и все принялись пить чай. Алиса заметила, что самовар был единственной старинной вещью на столе – все остальное было совершенно современным, даже гренки саморазогревались, стоило до них дотронуться, сахар сам пересыпался из сахарницы в чашку, стоило тебе этого захотеть. Кроме чая, конфет и торта, на столе стояли блюда с киви, ананасами, бананами, виноградом и другими фруктами.

День клонился к закату, но солнце еще пригревало. Поэтому было очень приятно пить чай на вершине Эйфелевой башни, где веял свежий ветерок. Авдеевы расспрашивали Алису о новостях на Земле и в Галактиче-

ском центре. Оказывается, они были в курсе многих событий и поддерживали с Землей связь. По системе ноль-транспортировки им пересылали кассеты с новыми фильмами и компьютерными играми. Кстати, дети, которым надоело слушать, как разговаривают с Алисой взрослые, стали играть, а другие принялись летать вокруг, надев крылья или сапоги-самолеты.

– Расскажи, Мустафа, – попросила Алиса джинна, который подошел к ней с бокалом апельсинового сока. – Как случилось, что ты сюда попал? Правильно ли я догадалась, что тебя увезли по ошибке?

– О мудрая из мудрейших девочек Вселенной, – сказал Мустафа, – я счастлив тем, что могу считать себя в числе твоих ближайших друзей. Ты права, о, как ты права! Три месяца назад, в день окончания съемок, я утомился и залез в свой кувшин, чтобы немного отдохнуть. Девушка Оксана, да продлит небо ее жизнь и золотую косу, обещала мне, что за мной пришлют флаер. Но, конечно же, коварное создание, она об этом позабыла. Только заткнула кувшин пробкой, чтобы актеры и режиссеры не отвлекали меня от отдыха. Когда же я очнулся, то понял, что меня куда-то везут. Но и это меня не встревожило, я думал, что меня везут на флаере домой. И я снова заснул и проспал до тех пор, пока очнулся в космосе, куда меня нечаянно увез уважаемый президент Авдеев Корней, да продлит небо его жизнь!

– И что же случилось потом? – спросила Алиса.

Авдеевы собрались вокруг и внимали рассказу джинна, словно услышали его впервые.

– А потом я стал стучаться, потому что проголодался. И можешь представить мой гнев, когда кувшин открыли, и вместо тебя и робота Поли

я увидел незнакомое мне лицо президента Авдеева Корнея. О ужас, я был готов растерзать его на части! Но не мог.

– Почему же? – спросил Гай-до, который с интересом слушал рассказ, повиснув над перилами площадки.

– Да потому, невежественная железка, – ответил джинн, – что по правилам судьбы я становлюсь слугой тому человеку, который выпустил меня из кувшина. А таким человеком стал Корней.

– И что же ты делал?

– Первые три дня, – сказал джинн Мустафа, – я помогал этому человеку строить новую избу для его детей, затем он заставил меня пасти стадо, плести лапти, доить коров и отгонять медведей, которые зачастили

на пасеку. Ты представляешь, как унизительно было великому из великих, первой кинозвезде среди джиннов Мустафе заниматься этими делами?

– Да, я могу представить, – улыбнулась Алиса.

– На ночь Корней сажал меня в кувшин и затыкал пробкой. И я был обязан его слушаться. И если бы не доброта моих друзей, – джинн обвел когтистой рукой вокруг, показывая на семейство Авдеевых, – мне бы пришлось вечно оставаться в грязных рабах на скотном дворе.

– И что же случилось? – спросила Алиса у Авдеева Алексея.

Алексей посмотрел на Валерию, Валерия на Калерию, Калерия на Фаддея, а Кирей сказал:

– Чего уж таить от тебя, Алиса! Расскажем тебе всю правду! Конечно, мы уважаем нашего папу Корнея. Конечно, мы послушно отправились следом за ним, чтобы жить на дикой планете первобытной жизнью, пахать землю, жить без электричества и телевизора и радоваться простой жизни... Но поставь себя на наше место: неужели ты бы не устала от такой хорошей жизни?

– Устала бы, – призналась Алиса. – И сбежала бы с этой планеты.

– А мы придумали другое. В одно прекрасное утро, когда папа уехал косить траву на речку, мы открыли кувшин и выпустили джинна.

– Так и было! – подтвердил Мустафа.

– Мы объяснили джинну, что сил у нас больше нет жить такой же простой жизнью, как жили пещерные люди!

– А я им сказал, – продолжил джинн, – что тоже больше не в силах доить коров, отпугивать медведей! Хватит! Мы живем в цивилизованном веке! У Алисы Селезневой я каждый день смотрел телевизор, а уж что я делал, когда снимался в кино, – этого вам никогда не понять! – И тут джинн Мустафа почему-то громко расхохотался.

– Мы попросили джинна: вылезайте, пожалуйста, из кувшина и давайте вместе переводить планету на рельсы прогресса, – сказал Кирей.

– Как так? – удивилась Алиса.

– А так, – засмеялась Калерия, – когда президент Корней вернулся с сенокоса, у нас уже было проведено электричество, работал телевизор и водопровод с канализацией. Ты бы посмотрела, как он кричал. А мы говорим: что делать, мы выпустили джинна из бутылки, а где он теперь, никто не знает. И пока он не изменит всю планету, он не остановится.

– Так и случилось, – сказал Мустафа. – Я заказал книгу по имени Энциклопедия, посмотрел там картинки и каждому из Авдеевых построил

по дворцу, а чтобы им было интереснее и детям для образования полезнее, наши дворцы – копии дворцов из других времен и мест. Мы снова изобрели воздушное сообщение и сделали автоматы, чтобы они работали в садах и на огородах... мы многого добились, но это еще не все!

– Не все! – хором откликнулись Авдеевы. – У нас немало интересных планов. Приезжайте через год – Обиталище станет самой передовой планетой в Галактике.

– Да здравствует содружество джиннов и людей! – закричал мальчик Боря, сын Алексея.

Наступил вечер, солнце клонилось к закату. Гай-до реял над перилами башни.

Допив чай, Алиса спросила:

– А где же президент Корней?

– Он отказался участвовать в наших планах, – сообщила Валерия. – Он сказал, что будет и дальше гнуть свою линию.

– И что же?

– Гнет и гнет.

– А можно с ним повидаться?

– Конечно, можно, если он этого захочет, – сказал Алексей. – Но он ложится спать с заходом солнца, так что придется подождать до завтра.

– Но солнце еще не село, – сказал Гай-до, – я успею домчать Алису до дворца президента.

– Ну что ж, рискните, – сказал Алексей. – Калерия покажет дорогу. С остальными родственниками папа, к сожалению, не желает разговаривать.

– А меня он ненавидит, – вздохнул джинн. – Хотя, казалось бы, что плохого я сделал – доил коров, гонял медведей, а потом изобрел электричество и радио...

Калерия и Алиса залезли в Гай-до, и через несколько минут он домчал их до лесного озерка, на берегу которого стояла избушка. Возле избушки на завалинке сидел бывший президент планеты Авдеев Корней и вырезал из деревяшки столовую ложку.

Калерия осталась возле Гай-до, а Алиса подошла к Авдееву и, поздоровавшись, спросила:

– Вы помните меня?

– Почему же не помнить? Ты Алиса Селезнева, я у тебя с Громозекой был в гостях. И ты показала мне, где лежат старые вещи. Поэтому ты и есть мой главный враг!

– Но почему?

– Это ты подсунула мне кувшин с джинном! И оттуда пошли все мои неприятности.

– Да я до последней минуты не знала, куда делся джинн Мустафа. Я и к вам приехала, потому что искала его.

– Уходи! – закричал печальный и даже злой президент и запустил в Алису недоструганной деревянной ложкой.

– Может, вам чего-нибудь нужно? – спросила Алиса.

– Мне все дает природа, – ответил Авдеев.

В сарайчике возле дома замычала корова.

Не прощаясь, президент поднял с земли мятое ведро и пошел в сарай доить.

Пришлось улетать не попрощавшись.

На посадочную площадку Алису пришли провожать все Авдеевы. Они дали ей миллион поручений.

– Какое послание отправить твоим родственникам в Аравию? – спросила Алиса.

Джинн вытащил из кармана шаровар ловко вылепленную из глины человеческую кисть. Ее пальцы были сложены так, что большой палец находился между указательным и средним.

– Это у нас, джиннов, – сказал он, – называется фигой или шишом.

– А у нас тоже, – улыбнулась Алиса.

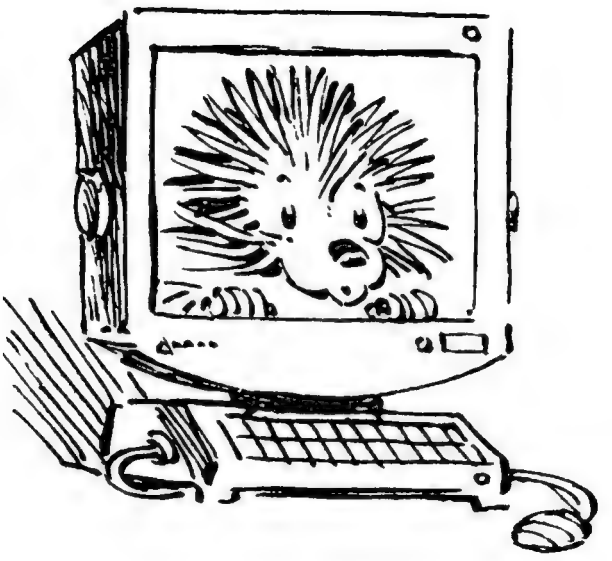
– И у нас, – сказали Авдеевы.

– Это означает, что ничего они не получат, – решительно произнес Мустафа. – Ни вещей моих, ни драгоценностей, ни портретов моих бывших жен, ни моего места в пещере. Вот поживу здесь в свое удовольствие, лет через сто вернусь и наведу там порядок!

Он обнял за плечи старшую дочку Калерии, милую крепкую веселую девушку, а свободной рукой махал Алисе до тех пор, пока Гай-до не скрылся в облаках.

Алиса смотрела в иллюминатор на удаляющуюся планету. А Гай-до сказал:

– Надо же было так случиться, чтобы древний и первобытный джинн разрушил мечту Авдеева о древней жизни!



Планета для тиранов

Глава первая
У ПАПЫ ПРОПАЛИ ГОЛКОРЫ!

Перед Новым годом Алиса получила видеописьмо с планеты Уксу. Когда она вставила письмо в компьютер, на экране появилось лицо жительницы той планеты. Лицо было похоже на мордочку веселого ежика.

– Дорогая Алиса Селезнева! – произнесла уксуйка на космолингве. – Мы знаем о твоих путешествиях и подвигах. Нам очень хочется с тобой познакомиться. Через месяц в нашей столице состоится научная конференция молодых ученых. Пожалуйста, прилетай к нам и расскажи о том, как вы с Павлом Гераскиным построили подземную лодку и спускались к центру Земли. Если Павел захочет, пускай тоже прилетает. Мы тебя очень ждем.

После этого начался видовой фильм о планете Уксу, и планета Алисе так понравилась, что она решила слетать на конференцию.

Но оказалось, что легче решить, чем сделать.

Планета Уксу, как всем известно, расположена в системе звезды Реклод-3, до которой от Земли несколько световых лет. Регулярных рейсов туда нет, нерегулярных – тем более. Планета Уксу только-только избавилась от карантина, который ввели из-за какого-то ужасного тирана.

Конечно, в такое путешествие лучше отправиться в хорошей компании. Но Паша Гераскин занимался с Громозекой раскопками на Марсе, остальные Алисины друзья были в разъезде, а папа, мама и симферопольская бабушка заняты на работе.

И тогда Алиса вспомнила о Гай-до.

Она набрала номер видеофона в польском городе Вроцлаве и увидела на экране милое лицо Ирии. Ирия вытерла тыльной стороной руки муку со щеки, дунула на непослушную прядь волос, упавшую на нос, и, ничуть не удивившись, что ей звонит Алиса, сказала:

– Как хорошо, что ты позвонила, Алисочка, я как раз собиралась искать тебя. Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь готовила пирог с тыквой по-французски?

– С тыквой и черносливом?

– Вот именно! Скажи, девочка моя, надо ли пропускать тыкву через мясорубку или достаточно нарезать кусочками?

– Лучше пропустить, – ответила Алиса. – Но не забудь добавить сливки.

– Ах да, конечно же, сливки! Спасибо, Алисочка! – И с этими радостными словами Ирия отключилась. Видно, она решила, что не Алиса ей звонила, а, наоборот, – она сама провидеофонила в Москву, чтобы узнать про пирог.

Ирия была чудесным, удивительным человеком.

Родилась она на далекой планете Вестер. Ее отец, великий конструктор космических кораблей, воспитывал ее без мамы и старался сделать из нее настоящего мальчика. Так что Ирия стала чемпионом планеты по боксу, покорила все самые высокие горы, водила мотоцикл, самолет, вертолет, космолет и бульдозер, прыгала в высоту на два с половиной метра и разбивала ребром ладони шесть кирпичей. Отец оставил Ирии в наследство свое последнее детище – разумный космический кораблик по имени Гай-до. Он проектировал его для разведочных партий на дальних планетах, так что Гай-до все умел и был под стать своей госпоже.

После смерти папы Ирия часто отправлялась на Гай-до в дальние путешествия, открывала новые планеты и астероиды, стала настоящим косми-

ческим волком. Но однажды, на свое счастье, на планете Пять-четыре она отыскала попавшего в катастрофу польского путешественника Тадеуша и полетела с ним в Польшу. С тех пор она почти безвылазно живет возле города Вроцлава, воспитывает свою маленькую дочку, заботится о муже и совершенно забыла о боксе, стрельбе, альпинистских восхождениях и прыжках через космическое пространство.

Гай-до постепенно свыкся с такой жизнью. Его примирила с ней любовь к маленькой девочке, которую он считает своей племянницей, служа ей нянькой, игрушкой, коляской и грелкой.

Но порой на кораблик нападает тоска – ему снятся звездные пространства, астероиды, а чаще всего зловещая планета Пять-четыре. Тогда Гай-до начинает тихонько напевать песни космических скитальцев, но Ирия приказывает ему замолчать, а то девочка их запомнит и испортит себе вкус и слух.

Гай-до замолкает и думает: «В сущности, мне повезло. Мог бы я сейчас летать от планетки к планетке, совершать вынужденные посадки, разбиваться о скалы, напрягаться и трещать по швам, покрываться ржавчиной и окалиной. А теперь я живу в покое, стою на опушке леска, нянчу очаровательного человеческого детеныша, которого нашла в капусте моя дорогая госпожа Ирия, – ну чего еще может желать космический корабль? Ничего!»

После этого Гай-до тихо вздыхает и принимается раскачиваться, чтобы девочка поскорее засыпала.

Алиса знает об этом, она нередко навещает Ирию и Тадеуша, и малышка ее уже узнает. Алиса жалеет Гай-до, она уверена, что самое большое счастье для космического корабля, особенно для такого умного и отважного, как Гай-до, – это летать от звезды к звезде и грудью встречать метеориты.

Поэтому она опять набрала номер видеофона и тут же увидела на экране Ирию. На этот раз Ирия была очень удивлена.

– Что-нибудь случилось? – спросила она.

– Нет.

– А почему ты снова звонишь? Я все запомнила о черносливе.

– Ирия, ты перепутала. Это не ты мне звонила, а я тебе.

– Ты? А мне показалось, что я. Ну тогда быстро говори, а то у меня все подгорит, и ты будешь виновата.

– Ирия, скажи, пожалуйста, ты не отпустишь со мной на несколько дней Гай-до?

– Зачем?

– Мне нужно слетать на конференцию на планету Уксу. А туда нет рейсов.

– Ты собираешься туда лететь одна? Куда смотрят твои родители? – возмутилась Ирия. – Да ты знаешь, что на этой планете правит страшный тиран, известный по всей Галактике? Только через мой труп!

Алиса не стала спорить и возмущаться. Она привыкла к тому, что все взрослые, даже лучшие из них, сначала дают волю своим чувствам, а потом начинают думать. В конце концов, что может случиться с ребенком в космосе, тем более что ты уже не ребенок, а перешла в седьмой класс, занимаешься биологией и приглашена сделать научный доклад на конференции.

В жизни главное – терпение.

Пошумев и побурлив, Ирия утихла и спросила:

– А мама не возражает?

– Мама не возражает, – честно ответила Алиса.

Мама, может, и возразила бы, но она была в командировке на Плутоне и о планах Алисы на ближайшие дни ничего не знала.

– Странно, – произнесла Ирия. – Я бы мою малышку никогда не пустила на планету Уксу.

– Вот когда она вырастет, тогда и поговорим, – мудро возразила Алиса. – Кстати, тамошнего тирана уже прогнали.

Вдруг лицо Ирии изменилось.

– Горит! – воскликнула она. – Мой французский пирог горит! Позвони мне завтра!

– Нет, – твердо ответила Алиса. – Я вылетаю к тебе. Скажи Гай-до, что мы с ним отправляемся.

– Ни в коем случае! – Ирия отключилась, а Алиса пошла собираться. Ведь путешествие должно было продлиться несколько дней.

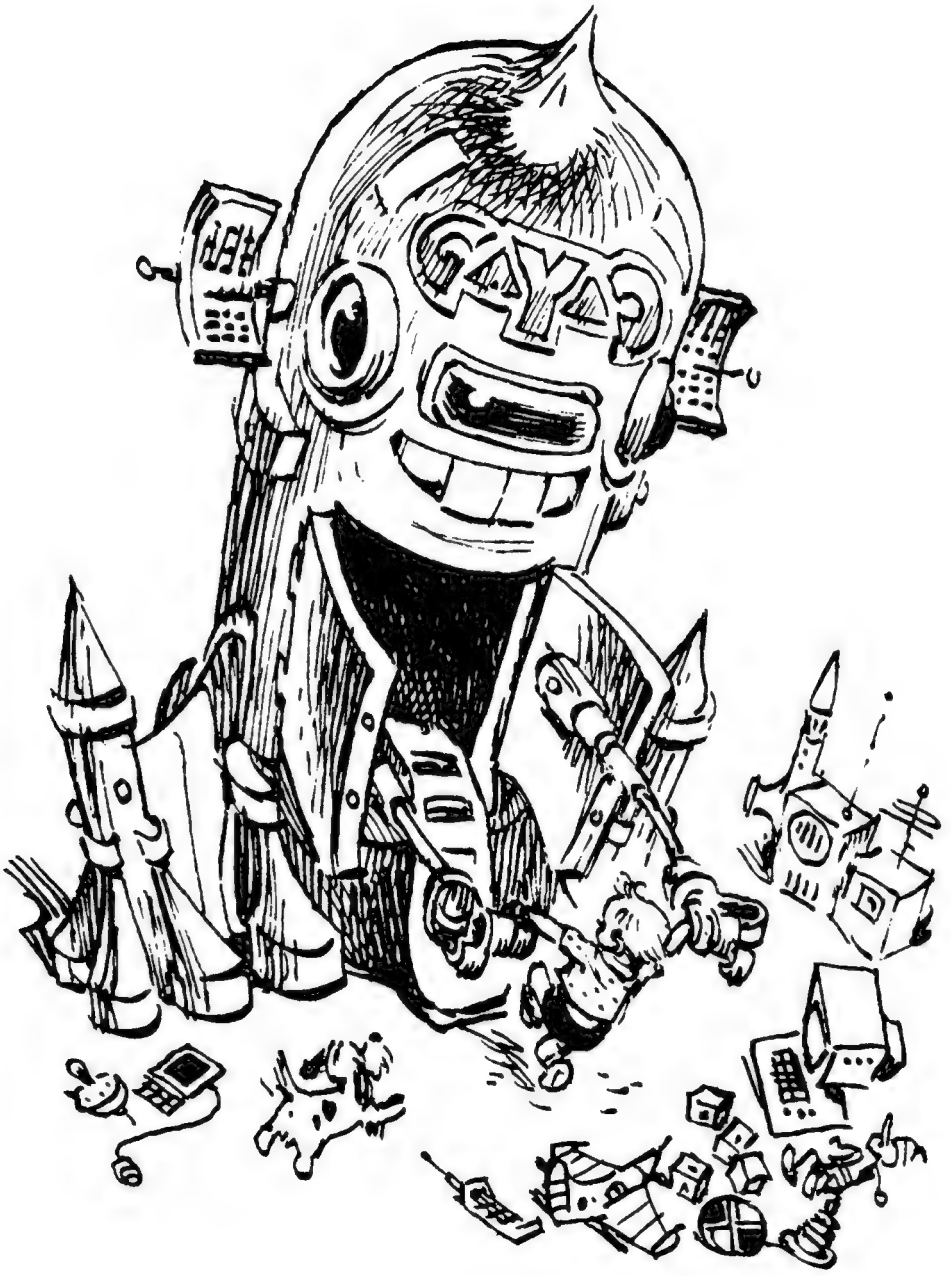
Первым делом Алиса позвонила отцу в Космический зоопарк, где он работал. Отца долго искали и наконец соединили – почему-то он сидел в каком-то подвале и был покрыт паутиной и пылью.

– Папочка, что случилось! – спросила Алиса. – Ты заблудился?

– Тише, – прошептал отец. – Они где-то здесь...

– На твой зоопарк напали?

– Хуже, – сказал отец.



Гай-до постепенно свыкся с такой жизнью. Его примирила с ней любовь к маленькой девочке, которую он считает своей племянницей, служа ей нянькой, игрушкой, коляской и грелкой.

– Вот он! – раздался крик. Заметались лучи сильных фонарей, мелькнула тонкая сеть, которую растягивали два научных сотрудника, словно шли не по сухому подвалу, а по реке с бреднем.

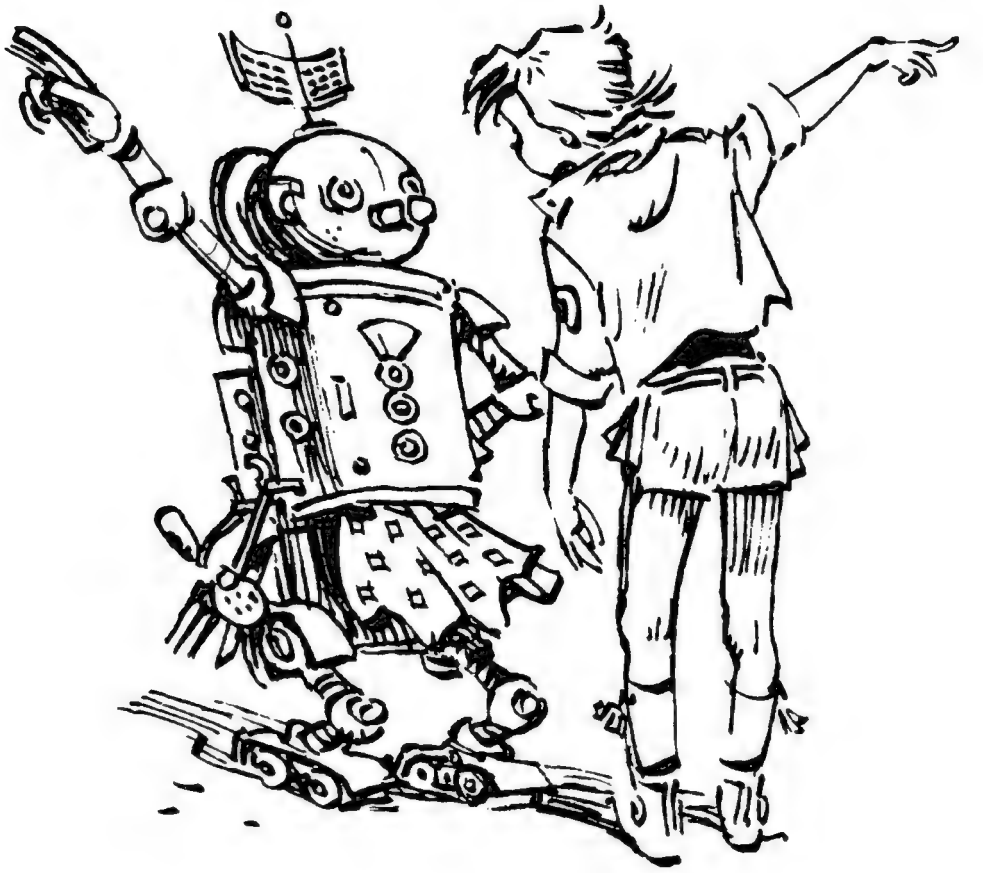
– Прости, Алиса, перезвони через полчаса, – произнес отец.

– Я только хотела тебе сказать, что мне надо слетать на несколько дней на Уксу. Котлеты в холодильнике, а остальное расскажет Поля...

Тут Алиса поняла, что видеофон показывает лишь суету, свалку в подвале, а папы там уже и в помине нет.

– Что случилось? – спросил, входя в комнату, домроботник, то есть домашний робот Поля. Он не выносит, кстати, если его называют домработником, и поправляет: «Я же робот, значит, домроботник».

– Я думаю, что у папы какие-то неприятности, – ответила Алиса. – Вернее всего, на него напали космические пираты. Он прячется от них в глубоких подземельях административного корпуса.



– Ты шутишь или пугаешь? – спросил домроботник Поля.

– Я еще не знаю, – ответила Алиса. – Ты сам погляди на экран.

Но смотреть было не на что – экран был отключен. И как они ни старались вызвать профессора Селезнева, ничего у них не выходило – линия не работала.

Алиса собралась уже было лететь в Космозо выручать папу, но тут он сам позвонил домой и сказал:

– Прости, дочка, не мог с тобой говорить. У нас чрезвычайное происшествие.

– Это мы видим, – заметил домроботник.

– Понимаешь, сбежали голкоры, – сказал отец.

– Голкоры! Не может быть! Но почему?

– Меня не было, моего заместителя не было... а тут приехали с телевидения, чтобы их снимать.

– Снимать? Голкоров? – Алиса была сильно удивлена.

– Это меня тоже удивило, – заметил отец. – Но главное заключается в том, что, когда я вернулся в Космозо, клетка была открыта, телевизионной группы и след простыл, и никто не запомнил, как выглядели телевизионщики.

– Погодите, погодите! – прервал профессора Селезнева домроботник Поля. – Я ничего не понимаю. Объясните мне, в конце концов, что произошло в Космическом зоопарке и кто такие голы-коры.

– Поля, надо читать газеты, – упрекнула робота Алиса. – В прошлом месяце «Пионерка» писала, что в Космический зоопарк поступили два голкора. Так у нас назвали странных животных с Хрустальной планеты. Эти животные совершенно невидимы.

– Невидимы? – повторил Поля. – Тогда зачем их держать в зоопарке?

– А что с ними делать? – удивилась Алиса. – Застрелить? Они же не виноваты в том, что невидимы.

– Значит, зрители их увидеть не могут?

– Почти не могут, – улыбнулся профессор Селезнев.

– Что значит это ваше «почти»? – строго спросил домроботник. – Или их можно увидеть, или нельзя.

– Но ведь недаром их прозвали голкорами, – сказала Алиса, – это сокращение от «голые короли». Сами-то голкоры невидимы, но они очень любят наряжаться. Для них в клетках лежат целые груды самых различных нарядов. И все свободное время эти животные, которые на ощупь

похожи на худых кенгуру, примеряют наряды. И это, скажу я тебе, Поля, удивительное зрелище! Ты видишь, как по клетке гуляет дама без лица и без рук, но в платье до пола и в шляпке с цветами.

– Ой, какой ужас! Никогда больше не пойду в Космозо! – возмутился домроботник.

– Но их в Космозо нет! – удрученно сказал профессор Селезнев. – Они пропали. Эти телевизионщики забыли запереть клетки, и редкие животные убежали, ушли, пропали. Они могут попасть под машину или упасть с обрыва.

– А я думаю, что их у вас украли.

– Кому они нужны?

– Это второй вопрос, – сказал Поля. – А первый заключается в том, что никто не видел телевизионную группу, никто не знает, кто открыл клетку, а, наверное, ваши голкоры стоят больших денег.

– Громадных! – воскликнул профессор Селезнев. – Это уникальные, может быть, последние во Вселенной подобные существа.

– Ищите их в другом зверинце или цирке, – сказал робот Поля.

– Нет, это невозможно! – возразил профессор и замолчал, потому что понимал, что скорее робот прав и они зря теряют время, обыскивая подвалы и чердаки.

– Папочка, – сказала Алиса, – сделай запрос во все космодромы, чтобы там проверили, не попадутся ли голкоры.

– Но как? Как я сообщу им: «Ищите нечто невидимое!» Меня же засмеют.

– А ты сообщи обтекаемо...

– Я подумаю, – ответил отец. Потом опомнился и спросил: – А ты, Алиса, зачем мне звонила?

– Ах, пустяки. – Алиса говорила равнодушным голоском, как будто речь шла о прогулке за грибами в Кратово. – Мне тут надо на три дня слетать на научную конференцию, сделать доклад. Ты не возражаешь?

– Только оденься потеплее, еще зима, – ответил отец, который очень гордился Алисой и любил, если она, как настоящий ученый, где-нибудь выступала и делала доклад. С отцами такое бывает.

Тут за спиной отца возникла встрепанная голова Петра Михалыча, молодого сотрудника Космозо.

– Скорее, профессор, мы кажется разгадали тайну! – воскликнул молодой человек. – Старина Крестоног ломает клетку!

– Пока, Алиса, звони, как приедешь на конференцию! – крикнул отец и побежал следом за Петром Михалычем.

Алиса вздохнула и пошла собирать вещи. По крайней мере, у нее теперь было отцовское разрешение. А это немало.

Робот помог ей собраться, потом Алиса поцеловала его в твердую прохладную щеку – и они расстались.

Глава вторая
ЧТО РИСУЮТ КРЕСТОНОГИ?

Если вы после этого все поняли, то вы живете в конце XXI века, часто бываете в Космозо, а может, даже летали на экскурсию в пустынные лабиринты Крепты.

Если вы ничего не поняли, то придется объяснять с самого начала.

На шестой планете небольшой звезды из созвездия Микроскоп в пустыне Джань живут крестоноги. Крестоноги – это крупные черепахи на длинных скрещенных ногах. У них шесть пар ног. Четыре пары для того, чтобы стремительно бегать по пустыне между отвесных, сверкающих под солнцем скал, а две про запас.

Насытившись саранчой и саксаулом, крестоноги берут твердые палочки или острые камешки и начинают рисовать на отвесных скалах. Вся планета Крепта разрисована картинками крестоногов.

Что же рисуют крестоноги на планете Крепта?

Все, что увидят. Увидят саранчу – рисуют стаю саранчи, увидят саксаул – рисуют целый лес. Рисуют они просто и ясно, как дети. Зачем они это делают, ученые догадались недавно. Оказывается, самки крестоногов позируют самцам. И если самке понравится свой портрет, она соединяет свою жизнь с художником. Если нет – ему приходится рисовать самку попроще или учиться рисовать получше. А все остальное рисование – для тренировки.

В Космическом зоопарке на Земле крестоноги не могли бросить своего занятия. И потому стали любимцами публики. С утра к клетке крестоногов подвозят целый грузовик картона и кучу толстых карандашей и фломастеров.

Позавтракав, крестоноги рассаживаются по клетке и начинают работать. Чаще всего они рисуют зрителей и меняют рисунки на лаком-

ства – конфеты, булочки, мороженое. Самки крестоногов стоят в стороне и строго следят, чтобы вкусные вещи не оставались у самцов. Они сразу отнимают лакомства у своих мужей. А те знают, что, пока самки не насытятся, им в теньке не заснуть.

Все крестоноги корыстны. Лишь Старина Крестоног, с длинной седой бородой, свисающей из-под панциря, не брал за свои рисунки ни конфет, ни пышек. Он любил искусство. И это было странное качество для такого примитивного животного. Ведь крестоноги глупы, как настоящие черепахи. Петр Михайлович любил Старину Крестонога за бескорыстие и преданность искусству и всегда давал ему больше картона и фломастеров, чем другим крестоногам.

Если бумага кончалась, Крестоног начинал буйствовать и ломать ограду. Но это случалось редко.

Но именно сегодня это случилось.

Автоматическая служба охраны сообщила Петру Михайловичу, что в его хозяйстве беспорядок. Петр Михайлович включил монитор и увидел, что Старина Крестоног носится вдоль изгороди, размахивая фломастером. Крестоноги говорить не умеют, но отлично подражают случай-

ным звукам, если эти звуки музыкальные. Старина Крестоног завывал мелодию известной арии: «Тореадор, смелее в бой, тореадор, тореадор!»

Зрители хохотали и били в ладоши.

Кучей лежали листы картона.

Петр Михайлович прибежал к клетке, неся на голове стопку чистых листов картона. Увидев его, крестоног перестал завывать и замер от счастья – он понял, что скоро начнет рисовать снова. Остальные крестоноги, подталкиваемые подругами, тоже потянулись к ограде.

Раздав листы, служитель собрал готовые рисунки и вынес их наружу.

И когда выходил, заметил, что из клетки крестоногов отлично видна главная аллея, что ведет к большому загону с голкорами.

Конечно, крестоноги рисуют не очень здорово – они же нигде не учились, но всегда можно угадать, кого они имеют в виду. Вот и сейчас на нескольких листах Петр Михайлович разглядел платформу с телевизионными камерами, на ней ехали два человека. Один очень толстый, словно надутый воздушный шар. Лицо его было тоже надутым, а уши острые, торчащие, как у свиньи. Второй телевизионщик был меньше его ростом, худ, остронос и очень неприятен на вид. Издали его можно было принять за крысу на задних ножках.

А в остальном это были телевизионщики как телевизионщики.

На другой картине служитель увидел ту же платформу у дверей в загон к голкорам. Голкоров тоже можно было угадать. Они были нелепо одеты, а некоторых частей тела у них не хватало, словно художник забыл их нарисовать. Но крестоноги никогда ничего не забывают. Что видят, то и изображают.

А вот третий картон был интереснее всех.

На нем платформа с аппаратурой ехала прочь от загона. В ней стояли оба оператора, толстый и тонкий. А у их ног лежали платья, ботинки и еще какие-то части одежды.

Профессор Селезнев схватил картон и крикнул Петру Михайловичу:

– Петя, пожалуйста, выдай сегодня Старине Крестоногу двойную порцию компота.

– А остальным крестоногам? – спросил Петя.

– Остальным тоже по двойной порции компота. Иначе они Старину Крестонога загрызут. Они же настоящие художники.

После этого профессор Селезнев тут же связался с ИнтерГполом – ИнтерГалактической полицией. По особому тайному номеру.

На экране появилось загорелое лицо комиссара Милодара. Он сидел за столом в своем кабинете.

– Ах, Селезнев! – сказал Милодар. – Опять у тебя пропала дочка?

– Нет, не дочка, – сказал профессор. – С Алисой все в порядке. У меня пропали голкоры. Информацию я уже послал тебе по стереофаксу.

– Знаю, знаю, получил информацию. Но сегодня у меня нет ни минуты свободной. Завтра займусь.

– Комиссар Милодар, – произнес Селезнев официальным голосом, – я обращаюсь к тебе как директор Космозо. У нас пропали уникальные инопланетные животные. Каждая минута промедления грозит бедой.

– Для этого есть обыкновенная милиция, – ответил Милодар.

– Тогда погляди на описание голкоров и на картон, нарисованный одним нашим животным. Может, ты догадаешься... – Селезнев тут же отправил по факсу лист картона размером метр на метр.

– У тебя и животные рисуют? – удивился Милодар, но взял лист картона и принялся его рассматривать.

– В Космозо все есть, – ответил профессор.

В задумчивости комиссар Милодар запустил пальцы в курчавую шевелюру и стал похож на горгону Медузу, у которой, как известно, прическа состояла из живых змей.

Тем временем дверь в кабинет комиссара Милодара отворилась, и вошла красивая яркая женщина.

– Ах, пожалуйста, Шехерезада, – попросил Милодар, – позови Кору Орват. Она в аналитическом зале составляет доклад об экспедиции в жерло вулкана.

– Фи! – вдруг обиделась Шехерезада. – И не подумаю. Вы забываете, господин повелитель, что я настоящая принцесса, а она даже не дворянка, а ваш агент.

– Что же, мне самому ее звать? – спросил Милодар.

– Вот именно! – гордо ответила Шехерезада и пошла прочь из кабинета.

Милодар бросился к экрану, подмигнул Селезневу и сказал:

– Наверное, тебе легче со зверями, и даже с хищниками, чем мне с этими женщинами. Знаешь, почему у меня здесь живет Шехерезада?

– Ума не приложу.

– У нее пропал без вести ее второй муж Синдбад Мореход. И она требует, чтобы ИнтерГпол его отыскал. А как мы его отыщем, если он пропал не здесь и не сегодня, а в эпоху легенд. Ох, боюсь, мне придется самому туда отправиться. Она ведь не отстанет!

– У тебя же есть агенты.

– Ни на кого нельзя положиться, – вздохнул Милодар.

Тут ему надоело ждать, и он закричал громовым голосом:

– Агент Кора Орват, немедленно к комиссару Милодару!

Зазвенела люстра, и с потолка посыпалась штукатурка.

Тут же открылась дверь, и вошла молодая женщина.

– Зачем кричать, – сказала она. – Я и так все слышу.

Женщина профессору Селезневу понравилась. Она была высокого роста, коротко по-

стрижена, узка в талии и широка в плечах. Настоящая красивая спортсменка, вернее всего прыгунья в высоту.

– Агент Ноль-три, – сердито сказал Милодар. – Вы кончили писать отчет?

– Разумеется, не кончила, – ответила Кора Орват.

– Тогда отложите его. Вам придется немедленно вылететь на задание.

– Что случилось, комиссар?

– Жалоба из зоопарка о похищении ценных невидимых животных.

Кора увидела, что над столом комиссара горит экран и на нем видно лицо профессора Селезнева.

– Ах, профессор, – сказала Кора. – Я виновата! Он так кричал, что я вас не заметила.

– Ничего страшного, – сказал профессор. – Я рад вас видеть.

– Кора, не отвлекайся, – крикнул Милодар. – Ты на работе. Смотри на эти картинки. Картинка первая – вид животных голкоров совсем одетых. А вот эта картина нарисована инопланетным чудовищем крестовиком...

– Крестоногом, – поправил Милодара Селезнев. – И он совсем не чудовище.

– Инопланетным крестоногом. На ней ты видишь условное изображение похитителей.

– Мне кажется, что я где-то видела этих телеоператоров, – сказала Кора.

– Я тоже их видел, – сказал Милодар.

– Я догадался! – воскликнул профессор Селезнев. – Это же космические пираты Крыс и Весельчак У! Конечно же, это космические пираты. Их нам еще не хватало!

– Ясно, – сказал Милодар. – Если это космические пираты, значит, их место в космосе. И давно они побывали в вашем зоопарке?

– Наверное, сегодня утром, – сказал Селезнев.

– Значит, они уже улетели, – сказала Кора Орват. – Важно другое...

– Вот именно! – Комиссар снова запустил пальцы в курчавую шевелюру. – Зачем им это нужно?

– Что? – спросил Селезнев.

– Зачем им было лететь к нам и воровать из зоопарка каких-то уродцев? – сказала Кора Орват.

– А вот это вы, агент Ноль-три, и узнаете в ближайшие дни, – объявил Милодар.

– Комиссар! – взмолилась Кора. – Но ведь вы обещали отпустить меня в отпуск! Я уже полгода не видела бабушку.

– Бабушка потерпит еще неделю. И чем быстрее ты разгадаешь тайну голкоров, тем лучше для всех! Но если ты недовольна, можешь писать заявление об уходе.

– Вы же знаете, комиссар, – сказала печально Кора, – я никогда не брошу свою трудную, но любимую работу.

– Тогда иди, получай оружие и спецодежду, а я свяжусь с эскадрой патрульных эсминцев. Корабль будет ждать тебя на космодроме в Жуковском. Счастливого пути.

– Спасибо, комиссар.

Селезнев стал благодарить комиссара за помощь. Но комиссар ответил:

– Не стоит благодарности, профессор. Это наш долг.

Глава третья
СНОВА С ГАЙ-ДО

Гай-до согласился лететь не сразу.

Конечно, ему хотелось размяться, повидать новые планеты и себя показать. Но он очень беспокоился, как без него будет жить малышка. Она обязательно простудится, или у нее заболит животик. Разве можно доверять ребеночка его маме?

И неизвестно было, где кончается шутка, а где кораблик начинает говорить серьезно. Ведь даже самый разумный корабль все равно не человек.

Вообще-то Гай-до похож на небольшой желудь, стоящий на коротких ножках. Ничего лишнего. Совсем невыразительный корабль.

Но не зря его конструировал величайший корабельный мастер Галактики. Если нужно, Гай-до может выпустить крылья и маневрировать в любой атмосфере, парить на одном месте, нырять в воду или даже в раскаленную лаву. На земле Гай-до умеет пользоваться манипуляторами – длинными металлическими руками. Причем, в отличие от нормальных людей, у Гай-до есть еще несколько рук внутри. Так что он может дотянуться до любой точки внутри себя – приготовить обед для команды, выстирать белье, сделать постели, разобрать навигационные карты и даже погладить своего капитана по голове, если капитану взгрустнулось. Гай-до может спеть песню, рассказать сказку, поспорить с вами на любую тему или сыграть в шашки.

Его имя на вестерском языке означает: «Брат Гай». А если учесть, что девичья фамилия Ирии была Гай, то понятно, чьим братом считается этот кораблик.

Алиса выслушала все возражения и соображения корабля, потом открыла люк и вошла в Гай-до. Заслышав, что кто-то вошел, малышка проснулась и засмеялась – она узнала тетю Алису.

– Ты чего сидишь взаперти? – спросила Алиса.

Девочка уже умела ходить, она сразу побежала к люку, но Гай-до люк не открыл.

– Ты подумала, какая на улице погода? – возмутился корабль. – Если ты бегаешь по морозу совсем голая, то это не значит, что надо заморозить ребенка.

Тут люк открылся снаружи, в него заглянула Ирия, накинувшая пальто поверх домашнего халата.

– Алиса, обедать! Тадеуш приехал с работы, – сказала она и подхватила малышку на руки.

– Ну вот, – проворчал корабль, – эта мать берет ребенка немытыми руками. Неужели ты не училась в школе и не знаешь, как опасны микробы?

– Микробов не бывает, – засмеялась в ответ Ирия, – самый мелкий зверь – комар!

Космический корабль даже покачнулся от такого невежества.

– Как ты можешь так говорить! Наука утверждает, что есть не только микроорганизмы, но и существа куда меньше их размерами, например вирусы.

– Мы их не признаем, – с улыбкой ответила Алиса.

Тут кораблик догадался, что его разыгрывают, и произнес:

– Знаю, знаю, не думайте, что только вы понимаете шутки. Но девочку я на улицу не пущу. Там мороз.

– Тем не менее, – рассердилась Ирия, – я погуляю с девочкой без тебя, потому что ей полезен свежий воздух. К тому же ей пора закаляться.

– Закаляться! – с отвращением произнес Гай-до. – Пока я жив, ребенок не будет закаляться! Я не позволю бить его по голове железным молотом.

Конечно же, кораблик по незнанию решил, что закалка бывает только в кузнице, поэтому он так страшно возмутился.

– Хватит! – ответила Ирия. – Лучше уж лети с Алисой. Ты отдохнешь от нас, а мы отдохнем от тебя.

– А малышка?

– Я сама о ней позабочусь. Я ее мать.

– Сомневаюсь, – желчно заявил корабль.

Ирия не стала ждать, пока он придумает что-нибудь еще, а взяла смеющуюся девочку и, прижав ее к груди, побежала через заснеженную поляну в дом.

Алиса осталась одна с Гай-до.

– Ну и что будем делать? – спросила она.

Кораблик думал две минуты.

– А сколько лететь до той планеты? – спросил он наконец.

– Дня три.

– А там долго оставаться?

– Нет, за день управимся.

– Значит, всего неделя?

– Наверное.

– Замечательно. Я лечу с тобой, а они пускай сами позаботятся наконец о своем ребенке. И посмотрим, какие они будут, когда мы вернемся...

Тем же вечером Алиса стартовала на Гай-до к планете Уксу. И спала она уже на борту корабля, и замечательно выспалась. Ей не привыкать – Алиса провела в кораблях половину детства.

Они долетели до планеты Уксу без приключений. Большую часть пути они неслись по Трассе.

Места эти всем известные, на каждом шагу маяки и заправочные станции, навстречу несутся лайнеры и катера, все здороваются, желают друг другу веселого пути, поздравляют с многочисленными праздниками и юбилеями. Чтобы не показаться невежливой, Алиса заказала по космонету и через полчаса получила толстый и очень интересный справочник – «Праздники, юбилеи и дни рождения, которые отмечаются в цивилизованной Галактике». Этот справочник был тут же введен в компьютер, и стоило Гай-до услышать позывные встречного корабля или увидеть вдали какой-нибудь астероид, компьютер тут же сообщал:

«Через два часа встречаемся с космическим лайнером второго класса «Проланга», приписанным к порту Два планеты Ах-ва. Национальный праздник планеты второго марта, а вчера капитан корабля отмечал день рождения своей двоюродной дочери от третьего брака, с чем его недурно было бы поздравить. Кроме того, среди пассажиров на борту корабля находится граф Грамон дю Грамоффон из поместья Яварман. Как раз се-

годня он отмечает триста шестьдесят шестую годовщину со дня победы армии его прапрадедушки над лягушатниками в Мокрой Яме».

Алиса усаживалась у экрана, набирала позывные корабля второго класса «Проланга» и вызывала на связь капитана. Капитан склонял к экрану все свои пять голов, и Алиса вежливо поздравляла его с днем рождения двоюродной дочери, а потом к экрану подбегал сам граф Грамон дю Грамоффон и громко спрашивал: «Вы не забудете меня поздравить?..»

И так с утра до вечера, даже пообедать некогда.

Зато когда на третий день полета обнаружилось, что в общий справочник внесен и день рождения Алисиной бабушки, все встречные корабли спешили поздравить Алису, и приемник даже перегрелся от поздравлений.

Так что Алиса не замечала, как проходит полет. Но тут ее благодушное настроение разрушил голос Гай-до:

– Алиса, ты только погляди, кто тебя поздравляет.

На экране появилось лицо Шехерезады.

– Дорогая Алиса, – произнесла восточная женщина, – по просьбе и поручению его превосходительства великого победителя и полководца Милодара им-Милодара я горячо поздравляю тебя с днем рождения твоей уважаемой бабушки.

– Спасибо, Шехерезада, – сказала Алиса.

– Странно, – заметил Гай-до. – Он мог бы и сам нас поздравить.

– У моего господина важное совещание, – сообщала Шехерезада.

– Неужели он решил найти твоего Синдбада? – Алиса была знакома с Синдбадом и очень его любила.

– Ни минуты спокойной у нас нет, – всхлипнула Шехерезада. – Но я больше на тебя, Алисочка, надеюсь. Как вернешься, поищешь моего беспутного муженька?

– Мы это сделаем, только не плачь. – Гай-до не выносил женских слез. – Дай нам сделать доклад на конференции – и мы сразу обратно!

– Ох, все непросто, – сказала Шехерезада. – И не хотела я впутывать в это дело Алису. Там действуют настоящие черные силы. Забудь мою просьбу, Алиса.

Шехерезада зарыдала и отключила связь.

И тут на экране появилось звериное лицо известного космического пирата Крыса.

– Привет, Селезнева, – сказал он. – Мне стало известно про твою бабушку преклонных лет. Выражаю сочувствие.

– А почему сочувствие?

– А кому нужна старуха! – сказал пират. – Мы старух обычно чик-чик! Но порядок есть порядок...

– Стой! – закричала Алиса. – Не отключайся! Кто украл в Космозо голкоров?

– А, в самом деле, кто украл голкоров? – удивился Крыс.

– Это ваших с Весельчаком рук дело, – сказала Алиса. – Зачем вам несчастные животные? Вы их даже кормить не умеете.

– А их надо кормить? – Потеснив Крыса, на экране появился Весельчак У. – Мы думали, что они не кушают.

– Постыдись, пират, – сказала Алиса. – Давайте встретимся в космосе, и вы перегрузите на Гай-до несчастных животных.

– Еще чего не хватало! – обиделся Крыс. – Мы рисковали, пробирались на Землю. Ты знаешь, чем мы рисковали?

– Чем?

– А тем, что Земля – единственная планета в Галактике, где не берут взяток, где нет жуликов и даже политиков. И мы к вам забрались, рискуя собой. Мы загоним этих невидимых за бешеные денежки. Мы теперь – честные торговцы.

– Есть пеленг, – прошептал Гай-до.

Он не терял времени даром, засек координаты пиратов и передал их в Галактический центр, чтобы комиссар Милодар мог выслать срочный крейсер.

– Так вы не сказали, зачем вам голкоры? – Алиса старалась тянуть время.

– Стой! – закричал Весельчак У своему напарнику. – Не отвечай! Она тебя облапошит. Я уверен, что ее гадючий кораблик уже передал наши координаты в Центр безопасности. Вырубай звук и моторы – проваливаемся в пылевой мешок.

– Есть проваливаться в пылевой мешок! – ответил Крыс.

И экран погас. Словно пираты Алисе только почудились.

– Нет, их не найти, – вздохнул Гай-до, – иголка в стоге сена твои пираты. И чего это он заподозрил неладное?

Но Алиса ничего не смогла ответить. Хотя понимала, что пираты накопили немалый жизненный опыт.

Глава четвертая
ДИКТАТОР УКСУ-БА

Сверху планета была как планета, но Алиса привыкла не доверять первому впечатлению, потому что в космосе оно бывает ложным. Она включила дисплей и попросила дать ей информацию по истории планеты Уксу.

Оказалось, что планета Уксу невелика, но отличается хорошим климатом и добрым, трудолюбивым населением. Жители Уксу похожи на людей, но меньше их ростом, хоть и толще. К тому же их тела покрыты тонкими мягкими иголками, отчего уксуйцы напоминают больших ежей.

Раньше они и жили как ежи – в норах и дуплах громадных деревьев в уксуйских лесах. Но постепенно научились работать и разговаривать, построили города и начали ходить друг к другу в гости. В общем, стали как люди.

Но известно, что когда на планете развивается цивилизация, то начинаются всякие безобразия. Например, войны. Так случилось и на Уксу. Много лет назад уксуйцы-муксуйцы попытались отнять тучные пастбища сумчатых баранов у уксуйцев-стремитов. А раз началась война, то появились уксуйцы-лейтенанты, уксуйцы-сержанты и даже уксуйцы-фельдмаршалы.

Один из фельдмаршалов по имени Уксу-ба оказался самым наглым, хитрым и бесстыжим из всех генералов планеты. Он завоевал земли соседей. Потом отнял земли у соседей соседей, построил флот, переплыл океан и захватил пастбища у жителей Заокеанской Уксубии. А через несколько лет его победоносная армия подошла к большому, мрачного вида городу, обнесенному высокой стеной.

Радостный Уксу-ба приказал готовиться к штурму, заряжать пушки и натягивать тетиву у катапульт.

И вдруг на стене города появилась фигурка пожилой уксуйки.

– О мой драгоценный! – кричала она. – Наконец-то ты вернулся!

– Это еще кто? – рассердился Уксу-ба. – Вызовите снайпера, чтобы он сбил эту птичку.

– Простите, ваше сиятельство, – сказал адъютант Уксу-ба. – Но долгие походы плохо влияют на ваше зрение. Это не птичка, а ваша родная мама.

– А почему моя мама ждет меня черт знает где? – спросил завоеватель.

Тогда адъютант взял подзорную трубу и прочел надпись над запертыми воротами. Там было написано: «Уксуполь».

– Ваше сиятельство, – сказал адъютант, – у меня есть подозрение, что мы стоим перед нашей родной столицей.

– Не может быть, – ответил Уксу-ба, который никогда не учился в школе. – Ведь мы все время шли в одну сторону.

– А что, если наша планета круглая? – спросил адъютант, которого выгнали из второго класса за то, что он считался умником.

Уксу-ба приказал отрубить голову адъютанту, чтобы не умничал понапрасну, но убивать мамашу не стал, тем более что она велела открыть сыну ворота.

Хочешь не хочешь, полководец Уксу-ба на собственном опыте убедился, что планета Уксу – круглая. Как шар. И больше ему завоевывать нечего – за родной столицей расстилаются земли, уже завоеванные прежде.

Покорив планету, Уксу-ба занялся ее переделкой. Так как он не выносил грамотных, все школы были превращены в тюрьмы и на каждой повешена вывеска: «Школа жизни». Детей в этих школах учили стрелять из гранатометов, ставить мины, подкладывать взрывчатку в автобусы и прыгать с парашютом. Если ты в этой школе жизни умел подличать, доносить, бить исподтишка и вредить, то ты получал медаль «За подлость». И тебя прямо из школы посылали в армию лейтенантом.

Уксу-ба объявил, что у него самая большая армия и потому вся Галактика должна покориться ему со страха.

В Галактике никто не знал об этом, и потому она не покорилась.

А Уксу-ба велел строить космические корабли, чтобы завоевать соседние планеты. Космические корабли строили из подручного материала, свели все леса и потратили все кирпичи. Корабли получились громадные и страшные.

Диктатор приказал своей армии грузиться на космические корабли, закрывать за собой двери и окна и подниматься в небо.

И тут его армия взбунтовалась.

– Мы знаем, что если войдем в эти деревянные корабли, то никогда не выйдем обратно живыми! – кричали солдаты. – Давайте посадим туда Уксу-ба – и пускай себе летит куда хочет.

Уксу-ба перепугался. Всю ночь он прятался на кухне у своей мамы, но утром вышел на трибуну, потому что отыскал выход из положения.

– Солдаты! – закричал он. – Мы отправляемся в поход. Мы снова обойдем нашу планету вокруг.

– Но мы уже ходили в такой поход! – удивился один генерал.

– Глупец! – закричал Уксу-ба. – Мы победим наших врагов еще раз!

– Но там нет никаких врагов!

– А вот это не ваше дело! – рассердился Уксу-ба. – Идите воюйте, грабьте, убивайте! Я отдаю планету на разграбление моим славным гвардейцам.

Некоторые солдаты тут же кинулись грабить соседей и родственников, но другие задумались: не сошел ли Уксу-ба с ума? Ну где вы найдете тирана, который завоевывает собственную планету?

Но все же армия покорно зарядила пушки и выступила.

...Идет гвардейский полк по дороге, подходит к первому городу. Из крайнего дома выходит женщина в халате с дымящимся кофейником в руке.

– Куда вы идете, мальчики? – спрашивает она.

– На войну, – отвечают солдаты.

– А моего уксубенка у вас нет?

– Как же, как же, мама! – кричит ее сынок и бежит к маме.

– Не сметь! – приказывает командир полка. – Мы на войне!

И тут начинаются неприятности. Уксу-ба думал, что его армия завоюет собственную планету, награбит в свое удовольствие и успокоится. Но его солдаты оказались не такими мерзавцами, как сам тиран. Как только они

сообразили, что напали на своих братьев, сестер, дедушек и бабушек, они побросали оружие и разошлись по домам. А те, кто не захотел домой, вернулись к Уксу-ба и обо всем ему доложили.

Пока они рассказывали, они услышали, как по окрестным землям несется, приближаясь, гул.

Уксу-ба кинулся на балкон.

За ним придворные.

И они увидели, как по всем дорогам к дворцу идут жители планеты Уксу. И несут плакаты, на которых написано: «ХВАТИТ!»

– Что значит – хватит? – возмутился Уксу-ба. – Война еще не кончена. Еще не все мои земли покорены.

Но оказалось, что тирана никто не слушает. Все его помощники, генералы и полковники разбежались кто куда.

Пришлось Уксу-ба сдаваться.

Наверное, лет сто назад такого тирана посадили бы в тюрьму или даже расстреляли. Но теперь не казнят и не сажают в тюрьмы. Зато, если жители планеты или государства не желают больше терпеть тирана, они все вместе просят, чтобы диктатора убрали с планеты навсегда.

Глава пятая
ПЛАВАТЬ ВРЕДНО

Узнав о недавнем прошлом планеты, Алиса прониклась сочувствием к уксуйцам и решила, что пошлет им свою коллекцию кукол.

Гай-до вызвал диспетчерскую на Уксу, и когда там узнали, что к ним летит Алиса, то очень обрадовались.

А через час, оставив Гай-до на попечение веселой компании механиков и электронщиков космопорта, Алиса оказалась в окружении уксуйских детей и подростков.

Странное зрелище представляли собой обитатели Уксуполя.

Климат здесь теплый, и уксуйцы одевались лишь в короткие передники из кожи, ткани или бус. Иголки на спине у уксуйцев длинные, но мягкие, а на голове их завивают. Некоторые модницы украшают колючие прически гребнями, цветами и даже фотографиями своих возлюбленных. Все свои пожитки уксуйцы носят в сумке, пришитой к переднику. Там же таскают и маленьких детей, словно кенгурят. Так что, когда молодая ук-

суйка вынула из сумки и передала Алисе ключ от гостиничного номера, из сумки тут же высунулась пушистая мордочка. Алиса даже ахнула от неожиданности.

– Привет, – сказал уксубенок. – С приездом, Алиса.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Мамочка все уши мне прожужжала о твоих приключениях. Говорят, ты – самая знаменитая девочка в Галактике.

Алиса смутилась, она не знала, что ответить, и ее выручила молодая мама, которая щелкнула свое сокровище по носу, и ребеночек, надувшись, свернулся в клубок и нырнул в карман.

Гостиница, где поселилась Алиса, стояла на берегу озера, и она тут же побежала купаться. Хорошо еще, что купальник с собой захватила.

На берегу было немало уксуйцев, которые заходили в воду по щиколотку, а некоторые, особо смелые, по колено. Потом они приседали и били ручками по воде. Но никто не плавал.

Алису это смутило. Мало ли какие опасности могли таиться в незнакомом месте.

– Простите, – спросила она одного из купальщиков. – Здесь можно плавать?

– Что делать? – спросил вежливо купальщик.

– Плавать.

– Простите, – сказал купальщик, и его черноглазая мордочка приобрела печальное выражение. – Я не понимаю, что вы собираетесь делать.

– Плыть. Прыгнуть в воду и отправиться вон к тому островку.

– На чем? – спросил купальщик, и Алиса увидела, что он смотрит на нее как на сумасшедшую.

К тому времени вокруг уже собралась целая толпа любопытных уксуйцев, которые негромко переговаривались и кидали на Алису испуганные взгляды.

Алиса поняла, что ничего объяснить не сумеет. Поэтому она просто спросила:

– В этом озере водятся крокодилы?

– Кто? – хором испугались окружающие.

– Крупные хищники, – ответила Алиса. – Крокодилы, акулы, медузы, барракуды?

– О нет! – закричали в ответ уксуйцы, которые поняли, чего от них хочет эта прелестная девочка.

– Тогда – до встречи!

И Алиса побежала к воде.

Пока она бежала, все молча смотрели.

Но стоило ей зайти в воду по пояс, как зрители заволновались. Они тянули к ней руки и кричали:

– Вернись! Нельзя!

Вода была теплая, чистая, бархатная. Алиса ни за какие деньги не вылезла бы из нее. Она прыгнула вперед, нырнула и, проплыв метров десять под водой, вынырнула и обернулась.

Берег был еще довольно близко. Десятки уксуйцев стояли по щиколотку в воде и громко кричали.

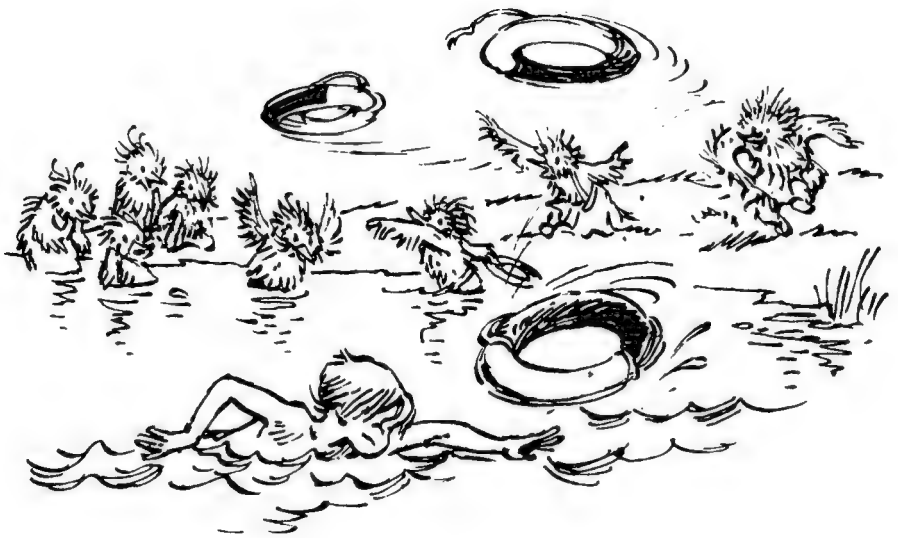
Алиса поняла, что нарушила какой-то очень важный запрет, и поэтому сделала вид, что не слышит криков. Она поплыла к островку неспешным брассом.

Доплыть до острова ей не удалось. Минут через пять она услышала шум моторов. К ней неслись три или четыре катера. А над головой завис вертолет.

Из вертолета через громкоговоритель мужской голос призывал:

– Девочка с планеты Земля, не волнуйся. Мы тебя спасем. Старайся не делать резких движений.

Катера кружили вокруг Алисы и кидали спасательные круги: штук двадцать кинули, чудом не убили – пришлось три раза нырять.



Отчаянное соревнование между Алисой и ее спасателями продолжалось до тех пор, пока она не вернулась на берег.

Из последних сил она выбралась на песок. Ее подхватили десятки коротких рук и потянули подальше от воды.

– Почему вы не даете мне плавать? – спросила Алиса. – Я же вам ничем не мешаю.

– Плавать? – спросил пожилой уксуец в длинной розовой одежде и высоком колпаке. – Что это такое?

– Передвигаться по воде с помощью рук и ног, – ответила Алиса.

– Это невозможно, – сказал старик.

– Это невозможно, – повторили окружающие.

– Но вы же видели, что я плаваю? – удивилась Алиса.

– Нет, нет! НЕТ! – раздались со всех сторон крики. – Мы этого не могли видеть, потому что этого не может быть никогда. Только рыбы и утки могут плавать. Человек рожден для хождения по земле. Он не может плавать. В воде можно простудиться, захлебнуться и утонуть. Плавать некрасиво, опасно и вредно.

– Ни одна воспитанная девочка не будет плавать, – сказал кто-то из толпы.

– Ее никто не возьмет замуж! – крикнул другой.

– Кому нужна лягушка! – завопил третий, и поднялся такой шум, что Алиса заткнула уши.

К счастью, именно в этот момент подъехала открытая машина, в которой сидело несколько участников конференции. Они возвращались с экскурсии, услышали крики и поехали посмотреть, не война ли началась.

Алиса поблагодарила своих коллег и забралась в машину.

– Зачем было поднимать такой шум? – спросила она у уксуйского мальчика, с которым познакомилась в гостинице. – Не все ли равно, плаваю я или нет?

– В том-то и беда, что на нашей планете никто не плавает, – ответил колючий мальчик.

– Неужели ваши руки устроены так, что ими нельзя загребать?

– Как ты видишь, наши руки устроены нормально, – ответил мальчик. – Но тиран Уксу-ба и его лакеи, а также генералы, адмиралы, офицеры и прапорщики, начальники департаментов, помощники палачей и другие его слуги очень любили купаться. Но беда в том, что они ходили в латах, касках, кирасах и бронежилетах. А в руках держали пулеметы,

гранатометы, пистолеты и пушки. Ну разве можно купаться с такой тяжестью? Так что на берегу обязательно придется раздеться и разоружиться. Значит, решил Уксу-ба, надо сделать так, чтобы купались только его слуги, а все остальные и не подходили к воде. Он вызвал к себе ученых и велел напечатать научные труды о том, что людям вредно купаться. Потом он приказал писателям и поэтам написать романы и поэмы о вреде купания. И даже детские сказки о том, как один мальчик пошел купаться и его укусила подлая жаба. А другой только окунулся, как умер от загадочной болезни... На всех стенах были расклеены листовки с такими стихами:

Если ты идешь купаться,
Мне с тобою стыдно знаться.
Только подлые уроды,
Не подумав, лезут в воду.

– Не очень хорошие стихи, – заметила Алиса.

И все гости с ней согласились.

– Стихи не очень хорошие, – заметил колючий мальчик, – но удобные для тирана Уксу-ба. Прошло несколько лет, и людей уже не надо было отгонять от воды. Они сами стали обходить речки и озера стороной.

– Но теперь тирана нет! – сказала Алиса. – Его же прогнали.

– Но люди многое помнят, – ответил мальчик. – Бывшие слуги тирана вздыхают, когда вспоминают, как им было удобно плавать в одиночестве. Им противно видеть, что дети теперь ходят в школу или на танцы.

– А где он? – спросила Алиса.

– Разве вы не знаете? – удивился мальчик. – В Галактике преступников не держат в камерах, а перевоспитывают. Музыкой и искусством. Но для особо опасных преступников, а именно тиранов и завоевателей, которых выгнали жители собственных планет, нашли далекую планету Тишина.

– А ваш Уксу-ба?

– Уксу-ба тоже живет на той планете, – сказал мальчик. – Когда народ сверг его, то тирана спросили, хочет ли он остаться в своей стране? «Нет! – закричал тиран, заглянув в глаза людей. – Куда угодно, только подальше отсюда!»

– И они живут в одиночестве, в бедности? – спросила Алиса.

– Ничего подобного! У каждого есть дом, он получает продукты, одежду и все необходимое. Даже существует правило: каждый тиран может взять со своей планеты любимую вещь. Только одну вещь.

– Например? – спросила Алиса. – Пушку? Гранатомет? Бомбу?

– Нет, вещь не должна приносить вред окружающим.

Мальчик замолчал и вздохнул. Другие уксуйские дети, которые слушали этот разговор, тоже опечалились.

– Я что-то не так сказала? – спросила Алиса.

– Нет, – сказал мальчик. – Мы просто вспомнили, как он нас всех одурачил!

– Как же это случилось?

– Ты хочешь об этом узнать?

– Конечно.

– Тогда мы тебе это покажем.

Глава шестая
ЧТО УКРАЛ УКСУ-БА

Машина остановилась у входа в большой зеленый парк.

Это был детский парк. Множество маленьких уксуйцев бегали по его дорожкам, малыши высовывались из родительских сумок-карманов или из разноцветных рюкзачков, которые носили на животах старшие братья и сестры.

На больших площадках крутились карусели, возвышались горки и колеса смеха.

Но дети вели Алису дальше, не обращая внимания на развлечения и суматоху вокруг.

Наконец они вышли на зеленую полянку, окруженную невысокой каменной резной оградой. Полянка поросла сочной травой, в которой белели ромашки. Но вокруг царила тишина. От поляны шла просека в лесу, полого загибавшаяся и исчезавшая среди деревьев.

– Вот здесь, – сказал мальчик.

В середине поляны стояла гранитная плита. Дети и взрослые, подходившие к полянке, понурившись, останавливались. Некоторые даже тихо плакали. Подойдя поближе к плите, Алиса прочитала:

«Здесь начиналась лучшая во Вселенной детская железная дорога, изготовленная двумя поколениями мастеров – гномов Железногорья.

Эту дорогу украл у наших детей диктатор Уксу-ба. Позор и проклятие вору и разбойнику!»

– То есть как так украл? – удивилась Алиса. – Целую железную дорогу украл?

– А какая это была дорога! – воскликнула стоявшая рядом старенькая уксуйка. Иголки на ее спине и плечах поседели, но на голове она их завивала и красила в оранжевый цвет. – Паровоз был выточен из зеленого нефрита, колеса у него были серебряными, а труба из черного мрамора.

Из кармана на переднике у старушки высунулась голова гнома в красном колпачке.

– О рельсах скажи, бабуля, – пискнул он.

– А рельсы были золотые, – сказала старенькая уксуйка.

– А вагоны? – спросил гном, будто сам не знал.

– А вагоны изумрудные.

– Правильно, – подтвердил мальчик, который привел Алису в парк. – Все это правда.

– Но как же тогда он смог ее украсть? – спросила Алиса.

– Было воскресенье, – вспомнила старушка, – вся планета пела и танцевала, радуясь, что отделалась от тирана.

Дети тоже плясали и пускали в небо ракеты, а когда наступило утро, мы увидели, что поезда нет. Всей железной дороги нет.

– Даже рельсов, – подсказал гном и спрятался в кармане.

– Надо было догнать и отнять, – сказала Алиса.

– Нельзя, девочка, – ответила старушка. – Нельзя, потому что каждому тирану, которого отправляют на планету Тишина, позволено брать с собой одну вещь. Самую любимую. Уксу-ба и заявил капитану, что его самая любимая вещь – детская железная дорога.

– Предложили бы ему деньги, – сказала Алиса.

Уксуйцы, что окружали ее, хором вздохнули. И за всех ответила старушка:

– Зачем ему деньги?

– Поменяйтесь!

– На что? Ведь Уксу-ба думает, что наступит день и его позовут обратно править нашей планетой. Вот тогда он вернется с подарком детям – железной дорогой.

– Я бы на вашем месте не сдавалась, – сказала Алиса.

– Мы и не сдаемся, – сказал гном из кармана. – Мы не сдаемся и просим: Алисочка, отними у Уксу-ба нашу драгоценную железную дорогу и верни ее нам. Мы тебе памятник при жизни поставим.

– Еще чего не хватало! – ответила Алиса.

Она попрощалась с уксуйцами и поспешила прочь из парка, потому что начиналось заседание конференции, на котором ей обязательно надо было присутствовать.

Глава седьмая
ПОРОШОК ОТ НАСЕКОМЫХ

Когда конференция завершилась, уксуйские друзья проводили Алису до ее корабля.

Она попрощалась с новыми друзьями, вошла внутрь Гай-до и сказала:

– Надеюсь, ты не скучал?

– Как тебе сказать, – сдержанно ответил кораблик. – Я завел, правда, двух-трех знакомых, встретил старого приятеля из геологической службы Вестера, но, честно говоря, я предпочел бы полет от планеты к планете сидению в комфортабельном космопорту.

– Я тебя понимаю, – сказала Алиса. – Нам пора домой. Тебя ждет твоя малышка, а меня школа. Но если тебе хочется, мы можем сделать небольшой крюк – по крайней мере один день у нас остался.

Гай-до очень обрадовался этому. Он принялся думать, куда бы слетать. То ли поглядеть на страшные вулканы и кипящие озера планеты Пять-

четыре, то ли заглянуть в джунгли Эвридики, то ли, наконец, погулять по поясу астероидов. Пока кораблик размышлял, Алиса спросила:

– Знаешь, что я придумала?..

– Говори, а то у меня компьютер плавится – столько всего хочется!

И тогда Алиса рассказала кораблю о детской железной дороге планеты Уксу и о том, как уксуйцы страдают из-за своей потери.

– Что же ты раньше молчала! – воскликнул Гай-до и тут же задраил люк. – Конечно, мы сейчас же летим на планету Тишина и отберем у этого негодяя чужую железную дорогу.

– Не спеши, дружок, – ответила Алиса. – Во-первых, нас могут не пустить на планету – туда посторонним прилет воспрещен. Во-вторых, даже если мы и отнимем железную дорогу, как мы ее упакуем – она же состояла из паровоза, трех вагонов и платформы? Не считая рельсов, которые нельзя оставить.

– Думать будем потом! – категорически заявил Гай-до. – А сейчас летим!

Алиса не стала спорить с корабликом, потому что и сама хотела поскорей попасть на планету Тишина и поглядеть на самых настоящих негодяев, которые еще недавно угнетали и мучили целые народы, а то и планеты. Гай-до связался с Центральной справочной и попросил сообщить координаты планеты Тишина. Справочная отказалась дать эти сведения, потому что они считались секретными. Тогда в дело пришлось вмешаться Алисе.

– Информаторий, – сказала она, – вас вызывает Алиса Селезнева.

– Это какая Алиса? – На экране появилось лицо диспетчера Справочной. – Неужели та самая Алиса? Девочка с Земли?

– Да, – улыбнулась Алиса. – Я та самая девочка.

– Я рад с тобой познакомиться, – сказал диспетчер. – Я столько читал и смотрел фильмов о тебе. Чем я могу тебе быть полезен?

– Честно говоря, у меня нет официального дела на планете Тишина. Но я сейчас была на планете Уксу и узнала, что, когда их диктатор Уксу-ба отправился на планету Тишина, он прихватил с собой главную ценность детей всей планеты – детскую железную дорогу.

– Но зачем она ему? – удивился диспетчер.

– Вот именно это я и хочу выяснить, – сказала Алиса. – Я хочу помочь ребятам с Уксу.

– Ты права, Алиса, – согласился диспетчер. – Под мою собственную ответственность я сообщу тебе координаты планеты. И, больше того, за-

помни, что меня зовут Жирардо Жерардо, а инспектора планеты, который находится на ее спутнике, зовут Карло Жерардо. И он, как ты можешь догадаться, мой родной брат. Передавай ему от меня привет. Надеюсь, что он тебе поможет. Будь счастлива, поддерживай со мной связь. Будешь пролетать поблизости, загляни на чай, хочу пожать тебе руку.

– Спасибо, зайдем, – сухо сказал Гай-до, который не любил фамильярностей по отношению к Алисочке.

– Это еще чей голос? – насторожился диспетчер.

– Это голос моего корабля, – сказала Алиса.

– Ты летишь на Гай-до? – спросил диспетчер.

– А как вы догадались?

– Все знают о подвигах Гай-до на планете Пять-четыре, – ответил с улыбкой диспетчер, и даже недоверчивый Гай-до довольно заурчал, как кот, которого погладили за ухом. И взял курс на планету Тишина.

Недолгое их путешествие не было отмечено никакими событиями, если не считать одного смешного случая.

Алиса готовила себе ужин, и ей страшно захотелось чего-нибудь необычного.

– Погляди в трюме, – сказал Гай-до. – Ирия туда складывает все, что мешает ей дома. Я тысячу раз просил ее провести в моем трюме уборку и выкинуть то, что не положено возить в себе порядочному кораблю. Но она только отмахивается и подкладывает какие-то новые банки и пакеты...

Кораблик вздохнул и замолчал. Он научился вздыхать, и его вздохи казались дуновением ветра, пролетевшего по отсекам.

Алиса спустилась в трюм и стала изучать, что же стоит и лежит на полках.

Ирия не задумывалась, можно ли на одной полке стоять банке с кремом для ботинок, коробке с шампунем, блинной муке, календуле, связкам сушеной петрушки, крупе из грундриков, бутылочке мумие и пакету с цветочной пыльцой... А это что? Алиса сняла с полки тщательно завинченную банку и открыла ее. До половины банка была наполнена серым порошком. Алиса понюхала его, и ей сразу захотелось чихнуть. Когда она закрывала банку, чтобы поставить ее на место, она все же чихнула, и пыль облаком ринулась ей в лицо.

И лицо тут же жутко зачесалось. Зуд быстро проник за ворот, помчался по груди и рукам, и Алиса, едва поставив банку, начала отчаянно чесаться.

– Что происходит? – спросил Гай-до. – Ты меня раскачаешь.

– Это я хотела тебя спросить, что же происходит? – чуть не плача, спросила Алиса. – Сейчас я себя до смерти зачешу! Ну помоги же мне!

В конце концов даже Гай-до ничем Алисе помочь не смог – пришлось ей раздеваться и долго мыться под душем, а Гай-до тем временем включил вентиляцию-дезинфекцию, чтобы очистить воздух в корабле.

Пока Алиса вытиралась и приходила в себя, Гай-до провел экспресс-анализ и торжественно сообщил:

– Если ты узнаешь, что было в банке, ты будешь смеяться.

– Ну, говори!

– Там был порошок от насекомых!

– Что?!

– Видишь, ты уже почти засмеялась. В банке был порошок от блох, клопов и тараканов, который Ирия нашла на чердаке своего дома и за ненадобностью спрятала в меня.

– Но почему она не выкинула его?

– Потому что Ирия настоящая женщина. Ей труднее всего выкинуть что-то совсем ненужное. Потому что это ненужное может вдруг пригодиться.

– Чепуха какая-то! Я не такая, как все глупые женщины, – возмутилась Алиса. – А представляешь, что случилось бы, если бы эту банку нашла малышка?

– Она не могла ее найти, – ответила Гай-до, – потому что Ирия поставила банку на верхнюю полку. А мы с тобой ее выкинем.

– Погоди, – попросила Алиса. – А почему этот порошок такой чесучий?

– Все насекомые начинают чесаться и разбегаются.

– Понимаешь, – произнесла Алиса, – ведь это не наш порошок... А вдруг он для чего-то пригодится?

Тут Гай-до во весь голос расхохотался, а Алиса смутилась и вылезла из трюма. И пошла готовить себе ужин из самых обыкновенных консервов и случайно попавшего на борт ананаса...

Глава восьмая
ИНСПЕКТОР КАРЛО НЕ ДОВЕРЯЕТ

К вечеру того же дня Гай-до вышел на орбиту Тишины. Издали планета казалась совсем обыкновенной, а от Земли отличалась тем, что почти вся была покрыта океаном – лишь небольшой континент, окруженный островками, виднелся в ее экваториальной области.

Перед Гай-до в пространстве сверкающей звездочкой несся спутник планеты – переделанный из небольшого астероида.

– Тревога, – прозвучало в динамике. – Кто приближается к планете, не нанесенной на карты?

– У нас есть разрешение, Карло! – крикнула Алиса. – Нам разрешил прилететь сюда ваш брат Жирардо. И если вы разрешите причалить к вашей станции, я все расскажу.

– Опять этот бездельник вмешивается в мою жизнь, – мрачно ответил инспектор. – Недаром наш папа всегда был им недоволен.

– Так нам можно причалить или нельзя? – растерялась Алиса.

– Так и быть, причаливайте. Только не вздумайте толкать мой дом. У меня суп на плите – если расплескаете, не прощу!

– Учтем, – коротко ответил Гай-до, а потом отключил связь и сказал Алисе: – Он меня оскорбляет.

После этого он причалил к станции инспектора так мягко, что даже Алиса не почувствовала этого мгновения. Конечно же, инспектор, у которого, видно, был плохой характер, за это Гай-до не поблагодарил. У люка Алису встретил мрачного вида робот. Он был похож на старинный сейф,

по бокам которого болтались тонкие гибкие металлические руки, а из-под верхней крышки, нависавшей как козырек, поблескивали красные рецепторы – глазки. Странно было, что стенки сейфа были погнуты и поцарапаны, словно робот дрался с танком.

– Вытирайте ноги, – сказал робот. – За каждым не навытираешься.

– У меня чище, чем в вашем логове, – дерзостью на дерзость ответил Гай-до. Робот немного подумал и сказал, словно диктовал решение задачки:

– Имеем дело с говорящим кораблем. Неинтересно.

Гай-до настолько опешил от этого высказывания, что ничего не ответил. Алиса вытерла ноги, которые у нее, разумеется, были совершенно чистыми, и прошла в глубь Наблюдательной станции.

Робот ехал сзади и подсказывал, куда поворачивать. И это оказалось нужным, потому что станция, хоть и небольшая, состояла из многих комнаток, закоулков, коридорчиков, темных шкафов и тупичков. Словно ее специально делали, чтобы заблудиться.

Инспектора планеты диктаторов Карло они обнаружили на кухне, где он только что снял с плиты кастрюльку с супом, и по всему помещению разносился чрезвычайно аппетитный аромат.

– Сами видите, – сказал инспектор, – я не мог оторваться, чтобы вас встретить.

На щеку был наклеен пластырь, под глазом – синяк.

Он оказался молодым лысым человеком с узкими плечами. Карло не скрывал своего недовольства незваными гостями.

– Мы к вам ненадолго, – сказала Алиса.

– А вас много?

– Я и мой корабль, – ответила Алиса.

– У них корабль говорящий, – пояснил робот, похожий на сейф. – Но только сомнительно, что он разумный.

– Тогда быстро говорите, что вам требуется, и улетайте, – невежливо сказал Карло. – У меня нет ни минуты свободной.

– Это точно, – мрачно подтвердил робот.

– Среди ваших... – Алиса запнулась, она не знала, как называть диктаторов.

– Клиентов, – подсказал робот.

Между тем инспектор налил супу в тарелку, поставил тарелку на кухонный стол и, не приглашая Алису, принялся есть. Алиса, конечно же, была не голодна, но она никогда бы не позволила себе не пригласить гостя к столу.

– Продолжайте, – проворчал робот-сейф.

– Среди ваших клиентов, – продолжала Алиса, – есть бывший диктатор с планеты Уксу по имени Уксу-ба.

– Как же. Достойный человек, – сказал робот-сейф. Карло продолжал жадно хлебать суп. – Настоящий изверг.

– Тогда вы меня поймете! – Алиса поймала себя на том, что обращается к роботу-сейфу, словно он здесь главный. – Этот Уксу-ба украл на своей планете детскую железную дорогу – три вагона и паровоз.

– Знаю, – сказал робот. – Она у него стоит.

– Но ее надо вернуть обратно. Вы не представляете, как переживают дети на Уксу.

– Представляю. Они писали нам письма, – сказал робот. – Но по закону мы не можем отнять у диктатора железную дорогу, потому что каждый из наказанных диктаторов и вождей имеет право взять с собой самую любимую вещь. Некоторые брали книгу, другие картину, третьи – портрет дедушки или латы прадедушки. Но Уксу-ба взял железную дорогу.

– Тогда позвольте мне самой поговорить с этим диктатором, – попросила Алиса. – Может, он послушает меня.

– Ха-ха-ха, – ответил робот-сейф. – Он вас и слушать не будет. Убьет, и дело с концом.

– Надеюсь, вы меня защитите, – постаралась улыбнуться Алиса. Но никто ей не ответил. Инспектор продолжал быстро есть суп, а робот перемигивался красными глазками, и вид у него был угрожающим.

– Вот именно, – проговорил инспектор Карло Жирардо. – Именно этого я и ждал. Значит, вы непременно желаете попасть на планету диктаторов? И даже к Уксу-ба?

– Хочу, – призналась Алиса. – И не вижу в этом ничего плохого.

– А я вижу, – сказал инспектор. – И мне уже надоели выдумщики. Лгуньи и лжецы. А ну признавайтесь, кто вас послал?

Длинные гибкие руки робота в мгновение ока вытянулись и обхватили Алису словно канатами.

– Как вы смеете! – воскликнула Алиса. – Меня никто не посылал.

– Выкинем ее прямо в космос, шеф? – спросил робот-сейф.

– Она этого достойна, – согласился Карло.

– Ну, я понес ее выкидывать? – спросил робот-сейф.

– Погоди, пускай она сначала признается во всем. Ну, признавайся!

– В чем? – спросила Алиса.

– Кто тебя подослал и с какой дьявольской целью. Я думаю, что ты агент какой-то телевизионной или газетной компании, которой нужны сплетни и жареные факты о нашей скромной жизни.

– А я уверен, – сказал робот-сейф, – что она сторонница одного из наших клиентов и прилетела его освободить.

– Клянусь вам, я не отношусь ни к какой газете, ни к какой телевизионной студии и уж тем более не хочу освобождать диктаторов!

– Вы понимаете, какой вред вы наносите спокойствию Вселенной, когда воспеваете тирана? Ах, он бедненький, ах, ему так плохо на планете Тишина! – произнес Карло.

– Думаете, вы сделаете добро своей планете, если поможете бежать отсюда какому-нибудь негодяю, по которому в старые времена виселица плакала? – спросил робот-сейф.

Алисе было обидно.

– Ну если вы не верите мне, то спросите мой кораблик, – попросила она.

– Мы не разговариваем с сообщниками, – ответил Карло. – Посади ее в какую-нибудь комнату, запри покрепче, пускай посидит, подумает, пока не прилетит инспектор. Пускай он с ней разбирается. Надоело... Надоело! – Карло помолчал и добавил: – И надо же – каждый второй пользуется именем моего дорогого брата Жирардо!

Глава девятая
ГАЙ-ДО СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

Алиса была в отчаянии. Вот уж не предполагала, что ее желание помочь ребятишкам с планеты Уксу приведет к таким неприятностям. Что делать? Как их убедить?

И тут астероид покачнулся. Зазвенела посуда в шкафу.

– Что такое, – испугался Карло. – В нас попал метеорит?

– Нет! – донесся до них голос с пульта. – Это я, корабль Гай-до. Я услышал, что вы задерживаете мою пассажирку – благородную и честную Алису Селезневу, отважного борца с диктаторами и пиратами всей Вселенной. Вы посмели заподозрить ее в страшных преступлениях!

Астероид снова покачнулся – еще сильнее.

– Я вас опрокину! – крикнул кораблик. – Немедленно отпустите Алису.

– Он сошел с ума, – сообразил Карло. – Нам не хватало еще сумасшедшего космического корабля! Робот, приготовь установку защиты! Дать по кораблю-агрессору залп из всех установок!

– Погодите! – закричала Алиса, которая испугалась за Гай-до. Ведь ее маленький кораблик не знал страха. – Ну почему вам не связаться с Галактическим центром или даже с Землей? Мое имя есть в справочнике. Вы можете поговорить с моим папой.

– Связь с Галактическим центром очень ненадежна, – ответил робот-сейф. – Между нами – черное облако.

Астероид качнулся еще раз.

– Гай-до, прекрати! – приказала Алиса.

– Не прекращу.

И тут Алиса сообразила, что надо делать.

– Постойте! – воскликнула она. – Пожалуйста, сходите к Гай-до на борт, и пусть он даст вам какую-нибудь книжку обо мне. У него их штук десять.

– Еще бы! – ответил Гай-до. – Я собираю все книги о девочке с Земли.

– А что в этих книжках? – спросил Карло.

– Там описаны некоторые из моих приключений, – скромно ответила Алиса. – Эти книжки очень популярны на Земле и на некоторых других планетах.

– На всех, где живут культурные люди, – добавил Гай-до.

– Хорошо, – сдался Карло. – Я пойду и возьму эти книги. Но не буду заходить внутрь твоего корабля, девочка. Я не хочу, чтобы он захватил меня в плен. Я открою люк, а он пускай передаст мне книги манипулятором. Он сможет?

– Смогу, – вздохнул Гай-до, – хотя мне стыдно слушать, как человек, которому доверили охранять целую планету тиранов и деспотов, испугался одной девочки.

– Девочки разные бывают, – ответил робот-сейф, – а некоторые люди отлично умеют переодеваться в девочек.

Карло Жерардо вскоре возвратился, неся в руках пачку книг и видеокассет.

Он положил пачку на стол и принялся перекладывать книги.

– Это все о тебе? – спросил он недоверчиво.

– Там есть мой портрет, – ответила Алиса.

– Как странно! – сказал Карло. – Столько книг об обыкновенной девочке?

Он внимательно посмотрел на Алису, сравнивая ее с портретом на обложке, потом принял решение:

– Отведи девочку на ее корабль. Я прогляжу книги и завтра утром сообщу свое решение.

Робот-сейф, который, как показалось Алисе, с удовольствием посадил бы ее под замок, молча отвел девочку к люку, и Алиса прыгнула внутрь Гай-до.

Гай-до уже приготовил ей ужин, хотя, честно говоря, Алисе совсем не хотелось есть. Но пришлось уничтожить все, потому что для Гай-до было бы трагедией, если бы Алисочка лишилась аппетита.

Кораблик был недоволен приемом и удивлен тем, что на свете есть неучи, которые ничего не читали про Алису.

Наступил ранний вечер. Чтобы скоротать время, Алиса и Гай-до занялись хозяйством. Гай-до вымыл полы и стены и постирал белье, Алиса приготовила себе на завтра еду и вышила подушечку для малышки. Гай-до давно просил ее об этом.

Утром Алиса проснулась от сигнала связи.

Она посмотрела на часы: шесть тридцать местного времени. Еще бы спать и спать...

Жмурясь от яркой лампочки, Алиса включила экран.

На экране появилось лицо Карло. Он выглядел ужасно – глаза красные, невыспавшиеся, лысина потускнела, один ус торчит вверх, а второй – вниз, а синяк под глазом стал желто-зеленым.

– Я не спал всю ночь, – хрипло произнес он. – И мой робот Кристалл тоже не спал всю ночь – мы читали книги о тебе. Прости, что мы оскорбили тебя подозрением. Я беру все мои слова обратно. Я счастлив, что судьба позволила мне познакомиться с самой Алисой Селезневой!

– Спасибо, – сказала Алиса. – Я очень рада. Только мне хочется спать. Вы не могли бы позвонить часа через два?

– Ой, простите! – ахнул Карло. – Я забыл, что еще рано, – мне так хотелось выразить вам свое восхищение. А скажите, пожалуйста, вы в самом деле наследная принцесса...

– И еще дважды княжна, трижды королева и один раз премьер-министр, – ответил за Алису Гай-до, который внутренне ликовал, но старался не показать своей радости.

С извинениями Карло отключился, а Гай-до сказал:

– Мог бы и вчера сообразить, что к чему. Неужели по человеку не видно, герой он или злодей?

– Вот посмотрим с тобой на тиранов и злодеев и выясним, можно их сразу отличить от обыкновенных людей или нельзя, – ответила Алиса.

С этими словами она снова заснула и даже успела до восьми часов просмотреть длинный сон с приключениями, в котором она сражалась с роботом-сейфом.

А утром Карло встречал Алису у люка.

Глава десятая
ВИД НА ТИРАНОВ С ОРБИТЫ

– Прости, Алиса, еще раз, что мы тебя так плохо встретили, – сказал утром, за общим завтраком, инспектор Карло Жерардо. – Ты не представляешь, в каком кипящем котле оказались мы с Кристаллом.

– Это точно, – подтвердил робот-сейф, стоявший поодаль.

– Я думал, что отыскал тихое место, чтобы спокойно заниматься научными изысканиями в музыке и поэзии. Но не тут-то было. Эти деспоты никак не хотят мириться с тем, что не нужны собственным народам, они повсюду пишут жалобы и вызывают комиссии, утверждая, что мы здесь нарушаем права человека и тирана, потому что тиран тоже человек.

– Не нравится мне ваша система, – произнес Гай-до. – Получается несправедливо. Если ты украл булку, то тебя посадят в тюрьму, а если ты десять лет угнетал собственный народ и казнил миллион человек, тебя отправят отдыхать на мирную планету Тишина.

– Так принято, – сказал Карло. – Возьми, например, Наполеона. Слыхали о нем?

– Конечно, это был великий французский император! – сказала Алиса. – Он завоевал всю Европу, но потом Кутузов его победил в Бородинской битве под Москвой. Наполеон бежал и чуть не погиб от мороза.

– А Москва сгорела, – добавил Гай-до, который за последние годы прочел массу земных книг, особенно исторических.

– Вот видите, – сказал Карло. – Вы об этом Наполеоне помните, памятники ему стоят по всей Франции. А чем он, простите, занимался?

– Он завоевывал другие страны.

– Зачем? – спросил Карло.

– Чтобы их покорить, – ответила Алиса, чувствуя подвох.

– А зачем?

– Все великие полководцы завоевывают другие страны, – сказал за Алису Гай-до. – Поэтому они и великие.

– В чем же, наконец, величие этих людей? – буквально закричал Карло, так он рассердился. – В чем величие Александра Македонского, Чингисхана, Наполеона, Гитлера? Молчите? Тогда я вам отвечу – их величие в том, что они убили много-много людей. Людей, которые хотели жить, читать книги, путешествовать, воспитывать детей или выращивать деревья. Одних они убили, потому что забрали в свою армию, а других убили, потому что погнали на них эту свою армию. И до сих пор многие глупые люди гордятся, что такие убийцы жили с ними в одной стране или в одном городе. Так что мой ответ, Алиса, таков: все тираны, все деспоты, все вожди и великие завоеватели – обыкновенные преступники.

– Но они же сами никого не убили! – попыталась встать на защиту Наполеона Алиса. – Они лишь приказывали идти в поход.

– Главарь любой банды сам не пачкает рук. Но он от этого не перестает быть ничтожным убийцей, – сказал Карло.

– Под этими словами я готов подписаться, – добавил робот-сейф.

Алиса промолчала. С одной стороны, она была совершенно согласна с инспектором Карло, но с другой... При ней никто еще не называл Наполеона или Александра Македонского ничтожными преступниками. Хотя если задуматься, то ничего хорошего людям эти великие полководцы не сделали – перебили массу народу, своих и чужих, а потом умерли, и ничего от их империи не осталось. Только слезы и разрушения...

– Но человечество, – продолжал между тем разгневанный Карло, – всегда подходило к тиранам и деспотам с особой меркой, будто оно было загипнотизировано их преступлениями. Поэтому Наполеона даже в тюрьму не посадили, а отправили на остров Святой Елены, где он гулял по окрестностям и писал дневник... ну точно как наши диктаторы.

Карло вздохнул и неожиданно сказал печальным голосом:

– Пошли, посмотришь на наших наполеонов.

Алиса послушно направилась за инспектором по узкому коридорчику. В конце его была небольшая дверь и за ней – обширный круглый зал, по стенам которого горели разноцветные телевизионные экраны.

– Вот они – наполеоны, – мрачно повторил Карло. – Насмотрелся я на них.

– Наш Карло, – пояснил робот-сейф, – не выносит диктаторов и тиранов. И весьма сожалеет, что ввязался в эту историю. Он уже посылал четыре заявления об уходе с работы, но в Центре никак не могут подыскать ему замену – нет желающих сидеть на этой станции и опекать тиранов. А некоторые думают, что у нас работа тихая...

– Но у вас и сама планета называется Тишина.

– Ее так до нас назвали, – вмешался в разговор Карло. – Когда обнаружилось, что здесь никто не живет, только птицы и рыбы – и они совершенно безмолвные. Но теперь об этом пришлось забыть...

– А вы часто бываете на планете? – спросила Алиса.

Карло ответил не сразу и на вопрос вопросом:

– Ты обязательно хочешь туда спуститься?

– Мне надо поговорить с Уксу-ба. Не зря же я сюда летела.

– Ничего ты не добьешься, – сказал Карло.

– Не добьется, – подтвердил робот Кристалл.

– Но попытаюсь, ладно? По крайней мере, я узнаю, чего он хочет в обмен на этот поезд.

– Тогда слушай: после обеда я сам полечу на планету Тишина. Мне надо раздать им почту, полученную из Центра, передать кое-какие продукты, бумагу для доносов, авторучки и чернила. Только ты должна быть очень осторожной. Даже мы с Кристаллом никогда не знаем, чем кончится наш визит на планету.

– Я обещаю.

– Ты не будешь выходить из катера без моего разрешения.

– Разве мы полетим не на Гай-до?

– Ему придется остаться здесь. Никакой корабль, кроме специального катера Инспекции Объединенных Звезд, не имеет права приземлиться на Тишине.

Конечно же Гай-до расстроился, узнав, что его не берут на планету. И не поверил, что это объясняется специальными правилами. Он считал, что Карло невзлюбил его за утреннюю ссору. Хотя на самом деле Жерардо о ней давно забыл.

– Поскорее возвращайся, – сказал Гай-до Алисе. – Не нравится мне эта планета и вся эта тишина...

Но Карло, судя по всему, относился к спуску на планету вполне спокойно.

– Конечно, – говорил он, грузя на катер почту и продукты, – если ты не знаешь характера этих негодяев, можно попасться им на зуб и даже погибнуть. Но я знаю их слабости. Главная слабость заключается в том, что они так ненавидят друг друга, что совершенно не способны объединиться и напасть на меня. Скажу тебе по секрету: я не мешаю даже делать соседям пакости – ведь такой у них характер, иначе бы они жить не смогли. Раньше они пакостили в масштабе своей планеты, а теперь на своем клочке земли.

– Не упрощай, – буркнул робот-сейф. – Они такие изобретательные, что порой диву даешься.

– Ты думаешь, что наши синяки и травмы от того, что мы по станции неудачно ходим? – продолжал Карло. – Нет, это производственные травмы. Мы стараемся быть начеку, но все же попадаемся. В прошлый раз они хотели наш катер захватить, целый бой произошел, а на той неделе они между собой передрались, и мы их разнимали – еле оттуда выбрались. Ведь мы же им ответить не можем!

– А хочется, – вздохнул робот-сейф.

– Так что на планете смотри, Алиса, в оба, – еще раз предупредил Карло.

Когда катер заходил на посадку, Алиса спросила:

– И они совсем одни там живут?

– Может, они бы предпочли иметь компанию. Да и кто мог запретить их женам или детям полететь вместе с мужем и папой и разделить с ним его одиночество, – ответил Карло. – В тяжелые моменты жизни и выясняется, любят ли тебя на самом деле. Пока ты диктатор и вождь, все кричат тебе «ура», все тебя любят и готовы снимать с тебя сапоги. И чем больше эти люди изображают любовь, тем меньше они любят тирана на самом деле. Надо читать историю, правда?

Алиса согласилась, что надо читать историю. Потому что в истории есть много примеров тому, как лучшие друзья и ближайшие родственники предавали, оставляли, забывали королей и завоевателей. Как только те теряли власть и силу. Просыпается утром бывший властитель и видит, что никто не спешит приготовить ему завтрак и принести свежие газеты. Никто не рассказывает ему, как его любит простой народ, и никто не приглашает его на парад. Даже лифтер или вахтер не узнают короля,

когда тот выходит из дворца. А на улице еще хуже! Мальчишки бегают, толкаются, орут и знать не знают короля, взрослые ходят на работу, сидят в кафе, спешат на стадион – и никто ни разу не крикнул: «Да здравствует наш любимый, самый жестокий в мире король!»

– Иногда сюда прилетают родственники, – сказал Карло. – Вот в прошлом месяце здесь побывала мама Орла-Хохотуши. Потом к Шрипу прилетела дочка с мужем – требовали, чтобы он признался, куда спрятал государственную казну. Шесть лет прошло – никто найти не может.

– Признался?

– Да что ты! Чуть не задушил родственников!

Катер инспектора медленно опускался над большим островом, окруженным волнами океана. Посреди него возвышались горы, их склоны заросли непроходимыми лесами, но на краю острова Алиса увидела широкую долину, которую пересекала полноводная река. Эта долина была разделена на участки для бывших наполеонов. Некоторые из участков, как рассказал Карло, лежат на берегах реки, кое-кто предпочел близость гор. Конечно, сверху границ не разглядишь, но диктаторы строго следят, чтобы их соседи этих границ не нарушали.

– Если ты не возражаешь, – продолжал Карло, – мы полетим по течению реки.

– Как хочешь, – сказала Алиса. – Мне интересно посмотреть на диктаторов и тиранов живьем.

Глава одиннадцатая
ЗДРАВСТВУЙТЕ, МЫ ТИРАНЫ!

Катер шел вверх по течению реки и вдруг завис над поляной.

– Нам сюда, – сказал Карло.

На краю поляны, задами к лесу, стоял большой дом. Над домом торчала мачта с треугольным флагом, на котором был вышит красный дракон.

– Кто здесь живет? – спросила Алиса.

– Объясню, – произнес робот-сейф. – Владения тиранов тянутся по этому берегу реки. На том берегу находится лишь участок Уксу-ба, который ни с кем не водится. Мы высадились на центральной усадьбе генералиссимуса Бамса Снарядетти по прозвищу Кровавый Дракон.

– Они все враждуют, – сказал Карло. – Но все же раз в неделю по очереди собираются у кого-нибудь, чтобы получить почту, вещи, которые они заказали в магазинах, свежие газеты и фильмы.

– Ты сегодня их увидишь, – сказал робот Кристалл, – посмеешься. Как только они все получат, тут же начнут ссориться.

– А может, им и не надо встречаться? – спросила Алиса.

– Они сами хотят этого, – сказал Карло. – Ведь им дьявольски скучно. Поэтому все, кроме Уксу-ба, раз в неделю встречаются.

– Жаль, что Уксу-ба не встречается, – сказала Алиса. – Мне ведь нужен именно он.

– Что делать, если он такой непримиримый, – вздохнул Карло. – Но мы к нему сегодня же слетаем.

Катер мягко опустился на ровную, словно подстриженную, зеленую траву.

Алиса почему-то решила, что тираны сейчас же побегут к ним за письмами и посылками. Ничего подобного не произошло. Стояла тишина, лишь звонко пели птицы.

– Где же тираны? – спросила Алиса.

– Им спешить несолидно, – сказал робот-сейф. – Они же короли да президенты. Придут, куда им деваться!

Карло открыл люк, и Алиса первой выскочила на траву. Было тепло, пахло цветами, в листве деревьев, близко подходивших к поляне, весело перекликались птички.

Сама поляна, слегка спускаясь, тянулась от леса к реке.

Посреди поляны из травы поднимался ствол большого узловатого дерева с мелкими синеватыми листочками.

Тонкая бельевая веревка тянулась от дерева до дверей дома, но никакого белья на ней не висело.

– Итак, – сказал Карло, – скажи нам, Алиса, сколько тиранов ты видишь на этой картинке?

– Я не вижу ни одного тирана.

Робот-сейф выбрался из люка. Он волочил за собой длинный ящик с письмами, посылками и кассетами.

– А я вот вижу на этой картинке пятерых тиранов, – сказал Карло. – Хотя всего их на планете к настоящему времени шестеро.

– Ты шутишь, – сказала Алиса.

– Здравствуйте, господа тираны, – сказал Карло и склонил голову.

И неожиданно для Алисы в ответ послышались слова:

– Здравствуй, Карло!

– Привет, Карлуша!

– Ты опять опоздал, негодник!

Причем в несколько голосов. Словно на этой поляне было странное, многоголосое эхо.

Но где же тираны?

Алиса вертела головой, не понимая, кто же говорит. Тогда Карло объявил:

– Господа тираны, к вам приехала в гости Алиса, девочка с Земли. Она очень хотела познакомиться с вами. Надеюсь, вы не будете возражать?

– Разве мы когда-нибудь возражали? Оклеветать нас легко. Не бойся, иди к нам, ребеночек.

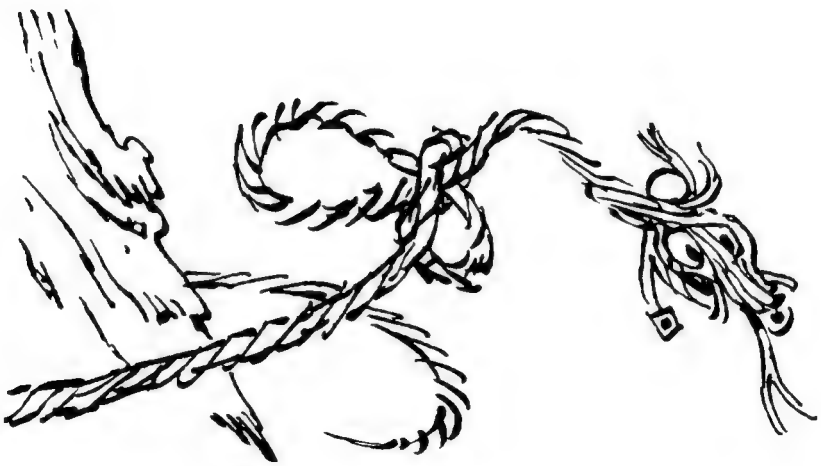
Алиса вспомнила, что видела как-то в детском журнале загадочную картинку: «Найдите среди листвы охотника и трех уток...»

Но как она ни старалась, ничего найти не смогла. Ни охотника, ни уток.

– Познакомься, Алиса, – сказал Карло. – Король Шрип Пронзительный.

Тонкая веревка, что была протянута от дерева к веранде дома, закачалась, ее конец, перекинутый через ветку, приподнялся, и Алиса увидела, что веревка оканчивается маленькой головкой в крошечной золотой шапочке.

Головка была похожа на змеиную, по сторонам рта размером с копеечку виднелись черные точки – глаза.



– Здравствуйте, – сказала Алиса. Такого живого существа ей еще не приходилось встречать. Она так удивилась, что невежливо спросила: – Значит, вы тоже тиран?

– Это клевета, – пропищала веревка. – Я – самый гуманный из Шрипов, у меня даже справка есть об этом.

– Врет, – послышался голос, и из-за ствола дерева вышла большая, похожая на пингвина, но куда более толстая розовая птица с губами вместо клюва. Губы все время двигались, кривились, даже дрожали. – Шрип всегда врет, – сказала толстая птица. – Он самый жадный тиран в Галактике. Может быть, я грубее его, но я никогда не стану душить своих подданных из-за колечка или цепочки.

– А это, – представил губастую птицу инспектор Карло, – наш великий шутник по прозвищу Хохотуша.

– Точнее, – сказала розовая птица, – меня зовут Орел-Хохотуша. Я самая гордая птица. Я поднимаюсь к облакам и рею там сколько захочу. И называть меня можно просто – горный орел. И вообще, на меня лучше смотреть в подзорную трубу.

– Горный орел, – с презрением сказала веревка Шрип, – горный орел, а летать боится. Он даже на сантиметр над землей не может подняться!

– Могу. Мне это ничего не стоит!

– Тогда поднимись.

– Некогда мне с вами тут время терять, – сказал Орел-Хохотуша и, раскачиваясь, побрел к речке.

– И он тоже тиран? – спросила Алиса.

– Я – добряк и шутник! – откликнулся Хохотуша от речки.

– Чепуха! – послышался гулкий нутряной бас.

Алиса обернулась, но так и не увидела, откуда он донесся.

– Это говорит Подводный Бык, – сказал Карло, – смотри.

И он показал на большой пузырь, который поднялся из омута в речке и лопнул. Из лопнувшего пузыря вылетела новая фраза:

– Хохотуша мой друг и союзник, однако я его когда-нибудь обязательно утоплю.

– Я от тебя унесусь к облакам, – ответил Хохотуша, но от берега чуть отступил. – Я буду парить возле звезд и петь небесные песни, ах!

– Вот ты и познакомилась с тремя тиранами, – сказал Карло.

– Они совсем не похожи на тиранов.

– А разве Уксу-ба похож на тирана? – спросил робот-сейф.

– Я его еще не видела.

– Увидишь. Ничего страшного.

– А еще тиранов мне покажут? – спросила Алиса.

– Разумеется, – сказал Карло. – Сейчас появится хозяин этого дома. Готовься!

Заиграла боевая музыка, загремели барабаны. На веранду дома выехала инвалидная коляска. Коляску толкала перед собой пожилая медсестра в белом халате и наколке с красным крестом.

Коляска приблизилась к дереву, и Алиса увидела, что в ней сидит странное существо. А может, и не существо. В коляске находилось множество проводов, трубочек, суставчиков, бутылочек, один карий глаз, дико глядящий перед собой, большое ухо и согнутый указательный палец правой руки, который нажимал на курок несуществующего пистолета.

– Познакомься, Алиса, – сказал Карло. – Ты видишь генералиссимуса Бамса Снарядетти. Это почетное прозвище генералиссимус получил в проигранной им битве у Кривого Порога.

Внутри генералиссимуса что-то заскрипело, застучало, и послышался пронзительный голос:

– Славную бойню я тогда заварил! Уложил два миллиона своих солдат, но от врагов тоже ничего не осталось.

И чудовище в кресле расхохоталось.

Медсестра, которая толкала перед собой коляску, сказала ласковым голосом:

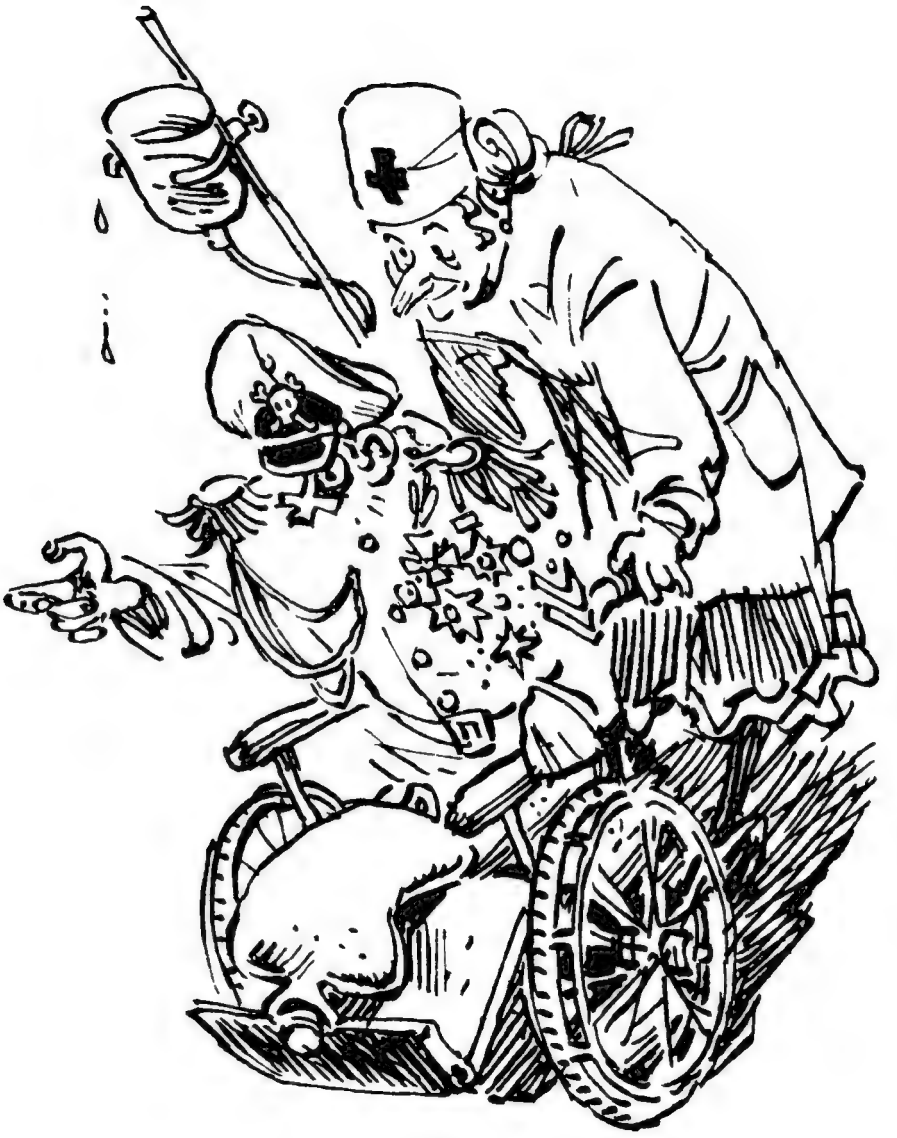
– Вы уж простите генералиссимуса. Он такой боевой, что до сих пор остановиться не может.

– А где же все остальное? – спросила Алиса.

– Все остальное, – сказала медсестра, – потеряно в битвах. Шестьсот сорок два сражения и семьдесят шесть ран – это чего-то да стоит! Он наш маленький герой!

– Да, я ваш маленький герой, – сказал генералиссимус и подвигал ухом.

– Вот все и собрались, – произнес сверху невнятный голос.



Алиса подняла голову, думая, что увидит еще одну птицу. Но птицы не было.

Вдруг дерево зашевелило ветвями, словно на него налетел порыв ветра. Оно покачнулось, и тогда Алиса догадалась: ведь это дерево разговаривает с ней!

Тем временем робот Кристалл раскрыл ящик с почтой.

Глава двенадцатая
ЛОВУШКА ДЛЯ ИНСПЕКТОРА

– Генералиссимус Снарядетти, – сказал Карло, – вам письмо из протезной ассоциации. Обещают сделать вам новые зубы!

– Стальные? – спросил генералиссимус. – Самонаводящиеся?

– Не торопитесь, наш герой.

Медсестра подошла к Карло и взяла письмо.

– А из дома нету? – спросила она.

– Из дома генералиссимусу никто не пишет.

– Неблагодарные! – взревел генералиссимус. – Я всю жизнь боролся за счастье моего народа, я вел войны со всеми соседями, я одержал триста побед и потерпел триста поражений, остальные битвы закончились вничью! Но почему они не пишут мне писем?

– А вам, Увара Тихеньевна, – сказал Карло, обращаясь к медсестре, – целая пачка писем. От ваших подруг, от ваших коллег, от ваших племянников и от вашей тети. Скучают, наверное.

– Я тебя уволю! – закричал генералиссимус. – Я не позволю. Почему тебе пишут, а мне нет?

– Потому что я не одержала ни одной победы, Снарядетти, – ответила медсестра.

– Что ты сказала? – спросил генералиссимус. – Обойди меня с другой стороны. Ты же знаешь, что у меня правое ухо плохо слышит.

– Нет у тебя правого уха, – вздохнула добрая медсестра. – Горе ты мое несказанное!

– Когда генералиссимуса выгнал его народ, которому надоели бесконечные войны, он взял с собой медсестру, как самую ценную вещь, – сказал Карло Алисе. – Вот она и мучается.

– Это неправда, – медсестра улыбнулась Алисе, – я добровольно последовала за несчастным генералиссимусом в изгнание, потому что долг сестер милосердия заботиться о несчастных, которые никому не нужны.

– Что ты сказала? – спросил генералиссимус, сверкая глазом. – Почему ты так тихо разговариваешь? Я прикажу тебя казнить. Расстреляю прямо на поле боя!

– Не обращайте внимания, – сказала медсестра Увара Тихеньевна. – Он меня не расстреляет. Отобрали у него пушечки и самолетики.

– Это точно! – прогудело дерево. – Никто не боится тебя, Снарядетти.

Тем временем Карло достал из ящика с письмами небольшой мешок.

– Вы просили спецудобрение-три, – сказал он дереву. – Удобрение прибыло.

– Неужели! Какая радость! – сказало дерево. – Теперь я буду расти втрое быстрей. И я им всем покажу!

Алиса увидела, как из земли высунулись длинные белые живые корни. Они потянулись к мешку с удобрением.

Алиса подумала, что это дерево может быть опасным.

– Извините, – спросила она, – вы тоже диктатор?

– Ах, это клевета, – отмахнулось дерево ветвями так, что поднялся ветер. – Ну какой из меня диктатор! Вы же видите, что я дерево, даже деревце. Меня знаете как любовно зовут дома? Ивушкой.

– Ах, не верьте ему, – откликнулся Орел-Хохотуша. Он выпятил красные губы и даже присвистнул. – И держитесь от этого изверга подальше. Он же высосал на своей планете все соки из населения. Засушил планету на корню! Об этом все в Галактике знают.

– Хохотуша прав, – сказал Карло. – Ивушка в самом деле распустил корни куда ни попадя и сосал соки из своих сограждан.

– Но он же не мог протянуть корни через речку! – сказала Алиса.

– Он ходячее дерево! – сказал робот Кристалл. – Имей это в виду.

– Ходячих деревьев не бывает, – обиделось дерево Ивушка. А тем временем его гибкие корни вытягивали из мешка серый порошок, и внутри ствола чавкало, ухало и охало, словно там у него был живот.

– Хохотуша, – сказал Карло, – тебе целый мешок корреспонденции. Как всегда.

– Ну давай сюда, давай, – заурчала толстая птица. Она расправила розовые крылья и, переваливаясь, побежала к Карло.

– Развяжи, развяжи! – кричал Хохотуша на бегу. – Я же спешу!

Карло развязал мешок, и птица запустила внутрь крылья с когтями на концах и стала выбрасывать конверты и пакеты, вскрывать их и рвать, при этом взвизгивая, смеясь, плача и издавая множество других различных звуков.

– Что это за письма? – тихонько спросила Алиса у Карло.

– Это ответы на его жалобы. Орел-Хохотуша – самый большой склочник во Вселенной. Он все время сочиняет жалобы и доносы в газеты, журналы, на телевидение и во всякие организации.

– Чем он недоволен? – спросила Алиса.

Орел-Хохотуша услышал разговор Алисы с Карло и сложил алые губы бантиком.

– Я недоволен, во-первых, – сказал он, – собственным неблагодарным народом, который меня не ценит, я недоволен галактическим начальством, которое держит меня в голоде и холоде на этой страшной планете.

– Ну где же здесь голод и холод? – спросил Карло. – Жарковато бывает, но чтобы холодно...

– Вот именно! – крикнул Орел-Хохотуша. – Умираем от жары. Я недоволен моими безобразными соседями, которые меня хотят убить. Я много чем недоволен. И можно сказать словами одного неизвестного мудреца: я недоволен, значит, я существую.

С этими словами Орел-Хохотуша углубился в свою переписку, а Карло достал из ящика пластиковый контейнер.

– Это, – сказал он, – для Подводного Быка.

– Наконец-то! – послышался гулкий голос из-под воды.

– Что это? – спросила Алиса.

– Это икра некоторых рыб с планеты, где он царствовал.

– Я буду разводить рыб, – сказал Подводный Бык. – Я их разведу полную реку и потом всех съем. Кидай сюда!

Алиса увидела, как из земли высунулись длинные белые живые корни. Они потянулись к мешку с удобрением.

Карло кинул контейнер в воду. Волны разошлись кругами, и подарок для Подводного Быка пропал под водой.

– Скорее! Где посылки для меня? – закричал тонкий Шрип – живая веревка. Он обвивал дерево и раскачивал головкой возле глаз Карло. – Мне тоже хочется...

Робот-сейф достал из ящика две большие сумки, туго набитые, но не очень тяжелые.

– Сколько их? – спросил Шрип.

– Как заказывал – семьдесят два.

И тут тиран-веревка в мгновение ока обвил сумки телом, и Алиса поразилась тому, какой он длинный.

Робот словно догадался, о чем думает Алиса, и подсказал:

– Никто еще не смог его точно измерить.

– Если речь идет о моей длине, – сказал Шрип, – то, во-первых, я с каждым днем расту. К тому же, для вашего сведения, я могу вытягиваться и становиться в два раза длиннее, чем на самом деле. Недаром я забирался на тридцатый этаж без лифта.

– А что там, в сумках? – спросила Алиса.

– Кассеты с фильмами про любовь. Я обожаю смотреть фильмы о любви толстых земных женщин к толстеньким земным мужчинам. У меня есть фильмотека, которая занимает весь мой дом.

– А как же он смог стать тираном? – спросила Алиса у Карло.

– Он людоедствовал, – коротко ответил Карло.

– Ничего подобного, – сказал веревка Шрип. – Я только освобождал квартиры от лишних жильцов.

– А если учесть, что все жители на той планете размером со спичку, то представляете, какую опасность он представлял, – сказал робот.

– Чепуха! – крикнул Шрип. – На то я и король, чтобы руководить. Если я не скушаю лишних, то кто их скушает? Король – это главный вкушец!

– Боевая подруга, – обратился генералиссимус к медсестре, – хватит пустых разговоров. Веди наших гостей чай пить!

– Как? – удивился Карло. – А вы не будете друг на друга жаловаться?

– Еще как будем, – сказал Орел-Хохотуша. – Мы уже и жалобы друг на друга заготовили. Но сначала мы вас хотим чаем угостить!

– С нашим вареньем, – сказала добрая медсестра. – Сама варила.

– Ну что ж, – сказал Карло. – Пойдем, Алиса, посмотрим, как живут наши тираны.

И они все пошли в дом. Вернее все, кроме дерева Ивушки и Подводного Быка, которые в дом попасть не могли.

Но если бы Алиса задержалась и послушала, что происходит на поляне после их ухода, она бы сильно удивилась.

Дерево склонилось к омуту, тихо произнесло:

– Будь готов. Операция «Захват» начинается.

– Вас понял, – ответил голос из-под воды.

Вода в пруду взбурлила, снизу поднимались пузыри.

Неожиданно из воды показалась небольшая зеленая русалка.

– Ах, неужели так скоро? – воскликнула она сонным голосом.

И тут же некая сила утянула ее под воду. Русалка только успела взвизгнуть и замахать лапками.

– Ты ей слишком много воли даешь, Подводный Бык, – сказало дерево.

– Что делать, – ответил из-под воды густой бас, – эта русалочка – моя последняя любовь. И ей так хочется в родную речку!

Но Алиса не слышала этих разговоров и не видела зеленой русалочки. Она шла по коридору следом за роботом Кристаллом и инспектором Карло.

И внезапно пол под ее ногами исчез.

Глава тринадцатая
В ТЕМНОМ ПОДПОЛЕ

В полу оказался большой люк. А под ним был вырыт подвал, о котором инспектор Карло и его робот, которым все надо знать, не догадывались.

Впрочем, если бы они и знали, то вряд ли удивились бы, потому что подвал был наполнен мешками с картошкой и морковкой, банками с солеными грибами и маринованной рыбой, горами сушеной петрушки, укропа и других душистых травок. Все эти богатства были собраны доброй Уварой Тихеньевной, которая круглые сутки хлопотала в своем саду, огороде и оранжерее. Она оставляла своего генералиссимуса дремать на солнечной веранде и планировать новые походы, а сама занималась хозяйством. Такая уж она деятельная натура, не могла ни минуты просидеть спокойно.

Надо сказать, что с самого начала тираны готовили этот подвал как ловушку для инспектора Карло и его робота. Они давно уже замыслили

разделаться с ними. Но время шло, заговор все откладывался, вот Увара Тихеньевна и заняла подвал плодами своей деятельности.

Алисе повезло, потому что она упала на мешки с морковкой и картошкой. Конечно, ничего приятного, но не так больно. А вот роботу Кристаллу совсем не повезло – он упал на банки с компотом и грибами. А больше всего не повезло Уваре Тихеньевне, потому что этот кусок железа в полтонны весом грохнулся на ее сокровища.

Было совсем темно.

Рядом что-то шевелилось, хрустело и звенело.

– Кто там? – спросила Алиса.

– Эх, черт! – выругался робот-сейф. – Опять я попался. Это ловушка.

– А зачем ловушка? – спросила Алиса.

– Нам обязательно скажут, – ответил робот. – И хорошо еще, что нас свалили не в действующий вулкан.

Робот помолчал несколько секунд и мрачно добавил:

– Я весь в чем-то липком, сладком и соленом. Кажется, это варенье, грибы и кислая капуста. Представляешь, какой компот получается? Мне теперь лучше и не вылезать наружу.

– Почему? – спросила Алиса.

– А потому что стыдно. Неужели не понимаешь? Я – бывший боевой робот, робот-охранник, обо мне девушки песни пели, а сижу в яме, измазанный вареньем. Ах, если бы роботы умели кончать жизнь самоубийством, я был бы первым кандидатом... Послушай, Алиса, а может быть, ты меня убьешь, чтобы не мучился?

– Поживи еще немного, Кристалл, – сказала Алиса. – Лучше объясни мне, как отсюда выбраться.

– Как же выберешься из бетонного подвала? – удивился Кристалл. – Нет, пока нас не освободят друзья, нам придется терпеть.

– Погоди! – остановила его Алиса. – Слушай.

Осторожно пробираясь между ящиками и банками, Алиса прошла в угол подвала – над тем углом находился конец комнаты, в которой собрались тираны и с ними Карло Жерардо. Они разговаривали, а в подвале было слышно каждое слово.

– Что такое? – услышала Алиса голос Карло. – Где Алиса? Где мой робот?

– Ах, не знаю, – послышался в ответ сладкий голос Орла-Хохотуши. – Только что здесь были.

– Я не шучу! – бушевал Карло. – Немедленно отвечайте мне!

– Шшшш, – прошелестела веревка Шрип. – Не надо суетиться. Все идет по плану. И если ты, Карло, перестанешь кричать и махать руками, я тебе с удовольствием все расскажу.

– Сначала освободите Кристалла и Алису!

– Ничего с ними не случится, – сказал скрипучим голосом генералиссимус. – Они отдыхают, правда, Уварочка?

– Ах, Карло Умбертович, – пропела ласково медсестра, – я тоже думаю, что ничего не угрожает вашим друзьям. И я бы рада их освободить. Но кто мне позволит?

– И не думай, – сказал душитель Шрип, – задушу. А если Карло будет шуметь, я и его задушу. За свою славную жизнь я задушил восемьсот тысяч моих граждан, неужели меня не хватит, чтобы задушить жалкого инспектора и его свиту. Ты должен нас выслушать, Карло.

– Пускай он согласится, – прошептала Алиса. – А то они никогда нас не выпустят.

– Не хочу я вас слушать, бандиты! – сказал Карло. – В моих жилах течет кровь Юлия Цезаря! Такие, как я, не сдаются.

– Не сдавайся, – сказал Орел-Хохотуша. – Не сдавайся, только послушай нас, несчастных, загнанных в угол выдающихся людей современности.

– Ладно, говорите, только быстро, – согласился наконец Карло. – Что вам нужно?

– Нам нужно улететь отсюда, – тихо сказал Шрип. – Мы выбрали свободу.

– И как же вы хотите улететь? На чем? Куда?

– Ты нас слушаешь, Карло, это уже хорошо, – сказал Орел-Хохотуша. – Так знай же, что неподалеку от нашей планеты крейсирует пиратский корабль капитана Крыса.

– Ой! – ахнула Алиса. – Вот он куда с Земли полетел!

– Он согласен взять нас с планеты и до поры до времени спрятать, если мы уберем тебя, Карло, и Наблюдательную станцию. Конечно, пираты могут разбомбить эту станцию, но им не хочется привлекать к себе излишнее внимание. Пока они ее будут бомбить, ты можешь вызвать помощь. Вот тогда мы и решили вас заманить сюда и спрятать.

– Но ведь тираны никогда не могут сговориться между собой, – сказал Карло.

– Когда нужда появилась, то договорились, – сказала Увара Тихеньевна. – Вы не представляете, какие они у нас злобные.

– Что есть, то есть, – дерево Ивушка незаметно подошло к дому и заглянуло в окошко.

– Нам повезло, – проскрипела веревка Шрип, – что ты привез с собой эту глупую девчонку. Этим ты облегчил нам задачу. Пока девчонка у нас в руках, ты будешь нас слушаться.

– А если не буду?

– Если не будешь, то мы отвинтим девочке ее маленькую светлую головку, – пискнул генералиссимус. – Я в своей жизни столько таких головок оторвал, даже вспомнить трудно.

– Я вам помогать не буду, – сказал Карло.

– Да нам и не надо, чтобы ты что-то делал, – прошуршало дерево Ивушка, заглядывая веткой в окно. – Но если будет радиограмма из Га-

лактического центра, ты должен будешь подойти к экрану и сказать, что на твоей станции все в порядке. Понял?

– А если нет?

– А если нет, мы будем мучить Алису.

– Только не это! – воскликнул Карло.

– Вот ты и у них в руках, – вздохнула добрая Увара Тихеньевна. – Я тебе не завидую, инспектор.

– Я и сам себе не завидую, – согласился Карло. – Но совершенно не представляю, что мне делать.

Алиса обернулась к роботу-сейфу.

– Хитрые тираны, – сказала она. – Наверное, вы с Карло сделали ошибку, что взяли меня сюда.

– Разве догадаешься заранее! – сокрушенно промолвил робот. – А надо было догадываться.

Алиса подумала немного и решила:

– Карло они держат крепко. Придется нам с тобой думать, как ему помочь. Ведь не сдадимся же мы кучке тиранов.

– Не сдадимся, – подтвердил робот. – Но я не знаю, чем вытереть с меня варенье и компот. Я не выдержу такого позора.

– Забудь о красоте. Боюсь, что у нас не очень много времени. Давай я попробую выйти на связь с кораблико Гай-до.

Алиса включила свой браслет связи, но он молчал. Чуть-чуть пощелкивал, но сигнала не было.

– Не понимаю, – удивилась Алиса, – почему связь с кораблем не работает.

– Я думаю, что этот подвал изолирован.

– Как же мне вызвать на помощь Гай-до?

– Видно, сначала тебе надо будет отсюда выбраться, – сказал робот.

– Но ты же сам сказал, что этот подвал бетонный и еще изолированный.

– Я и сейчас так думаю, – сказал робот, – но по мне кто-то ползает. Эх, нет света, и глаза мои не светятся.

– Кто там по тебе ползает? – испугалась Алиса. – Я боюсь сороконожек и скорпионов!

– Наверное, это муравьи, – сказал робот, – они любят варенье. Они меня всего облепили.

– Скажи, – подумала вслух Алиса, – а что, если найти муравьиную дорожку и поглядеть, куда она ведет? Наверное, в бетоне есть трещины.

Робот зашуршал, загремел банками и пополз по полу.

А наверху продолжался разговор Карло с тиранами.

– Зачем вы все это затеяли? – говорил Карло. – Ведь вы никому в мире не нужны. Вас выгнали с собственных планет. Зачем вам возвращаться, только позориться.

– Можно я отвечу за всех наших тиранов? – спросила медсестра. – Я давно с ними общаюсь и думаю, что кое-что уже понимаю.

– Говорите, уважаемая Увара Тихеньевна, – сказал Карло.

– Недавно ваши подопечные собрались впервые вместе и подумали, зачем враждовать между собой, когда можно найти общего врага.

– Меня? – спросил Карло.

– Можно и тебя, – отозвалась Увара Тихеньевна. – Вот они и договорились – пока не улетят отсюда, враждовать не будут.

– Невероятно! – закричал Карло. – Этого быть не может. Все психологи и футурологи, психиатры и реставраторы убеждали меня, что тираны между собой не сговариваются.

– Может быть, у них нашелся вождь, – предположила медсестра, – ведь так бывает – нет вождя, нет армии. Есть вождь – есть армия!

– Ах, какая вы умная, – сказал Карло. – Но что нам делать?

– Я с вами не могу долго разговаривать, – сказала Увара Тихеньевна. – Меня растерзают тираны. Вы ведь знаете, для них простой трудящийся человек – ничто. Растерзали и пошли дальше, даже рук не вымыли.

– Это мы можем, – послышался голос Орла-Хохотуши. – Растерзать мы всегда с удовольствием. Но и зацеловать можем.

Алиса так заслушалась, что забыла о том, что происходит рядом с ней, в подвале. Робот возился где-то в углу, вздыхал, скрипел, искал муравейник и вдруг тихо сказал:

– Уууух...

Вот этого Алиса не услышала, потому что наверху продолжался интересный разговор.

– Хватит терять время на пустые разговоры! Пора выходить на связь с нашими друзьями пиратами, – решил веревка Шрип. – Они уж видно заждались.

– Верно, – поддержал его Орел-Хохотуша, – давай, Увара Тихеньевна, иди к передатчику.

– Ой, – удивилась Алиса, – у них и передатчик есть!

Робот не откликнулся, но Алиса тут же сообразила, что конечно же у них передатчик есть – иначе как бы они связывались с инспектором Карло.

Наверху наступила тишина – видно, медсестра включила передатчик и набирала код пиратского корабля.

«Интересно, как же им удалось, – подумала Алиса, – сидя здесь, на планете, договориться с пиратами?»

– Как ты думаешь, Кристалл?.. – обернулась она к роботу-сейфу.

Но никакого робота в подвале не было.

Глава четырнадцатая
ПРИСТРЕЛИ МЕНЯ!

В подвале стало светлее.

Алиса обернулась и увидела в дальней стенке дыру размером с холодильник. Из нее в подвал попадал неяркий свет.

«А где же робот? – подумала Алиса. – Я даже не заметила, как он ушел из подвала. Из страшного бетонного подвала, из которого уйти совершенно невозможно».

Алиса подошла к отверстию и увидела, как по стене бегают тысячи муравьев, а сама стена трухлявая, как гнилушка.

– Ну и муравьи! – сказала Алиса.

– Я не рассчитал сил, – услышала она голос снизу.

Алиса выглянула в дыру и поняла, что дом генералиссимуса, где они сидели в подвале, стоит на склоне холма. На холме тесно росли кусты и деревья, потому возле дома было полутемно.

Робот Кристалл лежал на земле, подняв ногу.

– Вывихнул ногу, – сообщил он Алисе. – Я думал, что стена крепкая, надавил на нее – и выпал наружу.

– Сейчас я тебе помогу, – сказала Алиса.

– Помочь мне нельзя, – сообщил робот. – Ты погляди на меня и ужаснись!

Алиса поглядела и ужаснулась. Робот был весь измазан вареньем, соленьями и соусами, а сверху покрыт массой муравьев, ос и тараканов, которые на нем обедали.

– Не трать времени, – сказал робот. – Беги. Мне же не больно. К сожалению.

– Почему к сожалению? – спросила Алиса.

– Потому что я хочу быть человеком, – произнес робот. – Но человек все время борется с болью и мучениями. Я же знаю об этом со слов и совершенно не умею страдать. А без страданий из меня не получится человека.

– Это очень интересная мысль, – сказала Алиса. – Я такой еще не слышала ни от одного робота. Но мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем. Может быть, мы тебя женим.

– Женим? На женщине-роботе? На роботихе?

– Вот именно. Я знаю, что иногда жены так мучают мужей, что мужья начинают страдать.

– А если наоборот? – спросил робот.

Алиса махнула рукой.

– В чем беда с вами, роботами, – вздохнула она, – вы не знаете, когда надо спешить, а когда можно поговорить о страданиях. А мне надо срочно вызывать Гай-до, чтобы он нас выручил.

– Подожди! – возмутился робот. – Неужели ты считаешь, что разговор о моих страданиях не так важен, как твой Гай-до?

– Ползи к реке, – ответила Алиса, – и отмывай варенье!

Промедление оказалось почти роковым.

– Эй! – раздался крик сзади. – Где наши узники?

– Бежим! – крикнула Алиса.

– Пристрели меня, – ответил робот. – Выстрели в меня из бластера, чтобы я не попал живым к врагам! Скорее стреляй!

– Кристалл, – строго сказала Алиса, – ты же знаешь, что у меня нет никакого оружия. Даже палки. И я никого никогда не убиваю.

– Глупая девчонка! – закричал робот так, что, наверное, все тираны услышали его крик. – Неужели ты не понимаешь, что мы с тобой на войне?! А на войне все средства хороши. Если я попаду в плен, то я выдам военную тайну!

– Ползи к реке! – крикнула Алиса.

Робот пополз вниз. Вокруг роились мухи и осы.

Алиса покатилась по обрыву к берегу.

Река была неширокая, она текла медленно, с другой стороны к ней подходил лес. Деревья были покрыты разноцветными цветами. Если бы не тираны, это была бы чудесная планета, туристический рай. Когда тираны выведутся или исправятся, сюда обязательно будут летать туристы.

Сзади зашуршали кусты – преследователи не отставали.

Пришлось нырять.

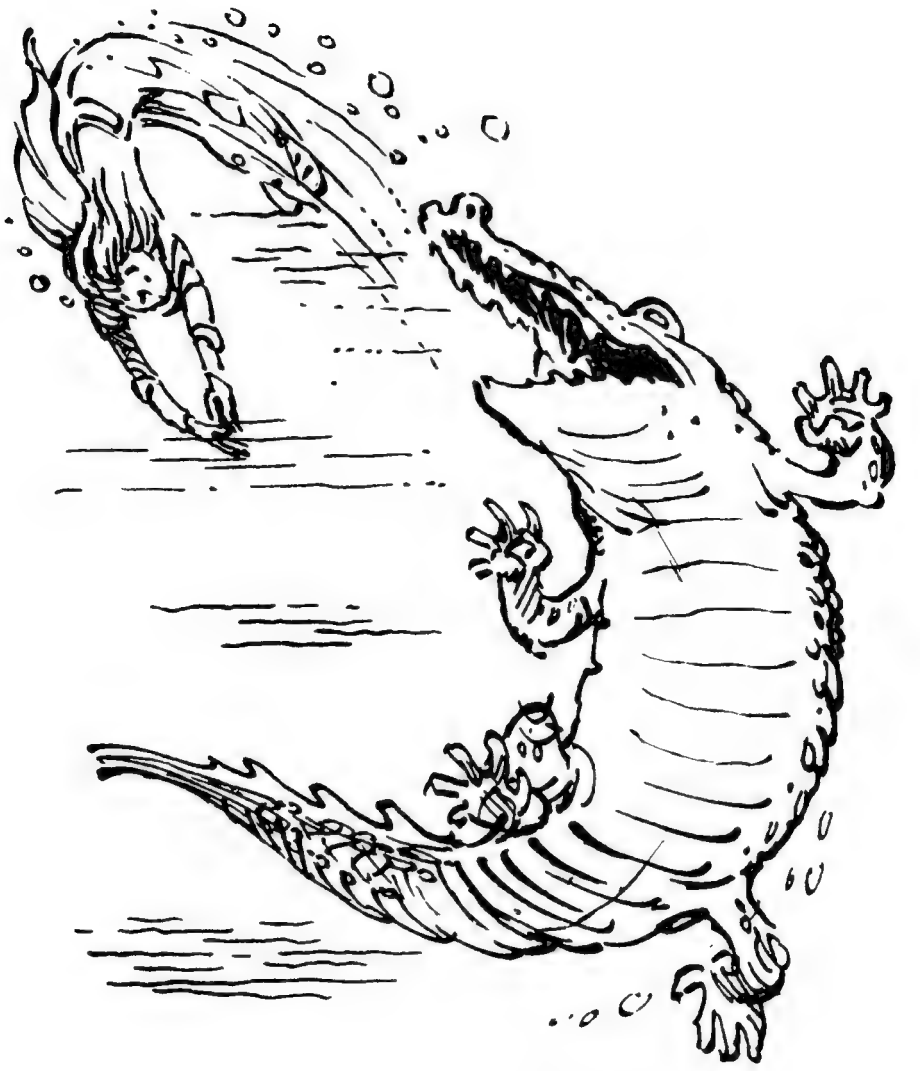
Как опытный путешественник, Алиса не любила неизвестные водоемы. Мало ли что там могло водиться. Но сейчас выбирать не приходилось. Алиса нырнула рыбкой и раскрыла глаза. Вокруг было зелено, шевелились водоросли. Что-то темное и быстрое неслось к ней.

Алиса выскочила на поверхность. И увидела совсем рядом чешуйчатую спину крокодила. Тут же над поверхностью воды показалась крокодилья пасть размером с чемодан, вооруженная треугольными зубами.

Алиса, которая была отличным пловцом, ринулась в другую сторону. Но и с той стороны ее ждала пасть крокодила!

Алисе ничего не оставалось, как набрать побольше воздуху в легкие и нырнуть к самому дну реки, чтобы плыть дальше вдоль дна. Она надеялась, что так крокодил не сможет ее достать.

Она почти доплыла до противоположного берега, как что-то схватило ее за ногу.



Алиса попыталась вынырнуть, но это что-то ее не пускало.

На счастье, башмак слетел с ноги, и Алиса выскочила на поверхность воды, ожидая, что ее встретят крокодильи морды.

В книжках рассказывают, что если человеку грозит смертельная опасность, то перед его взором проходит вся прошлая жизнь. Но с Алисой случилась странная вещь: она вспомнила, куда засунула в прошлом году бабушкины заколки. Их потерю бабушка переживает до сих пор.

Разумеется, эта мысль пролетела в голове как молния, тут Алиса увидела удивительную вещь.

Один из крокодилов, что напал на нее, медленно плыл по течению желтым брюхом кверху, раскинув когтистые лапы. Второй крокодил выскочил из глубины, сжимая в челюстях башмак Алисы и бешено сверкая глазами. Он был бы рад проглотить Алису, но башмак ему мешал.

И тут кто-то сильно толкнул Алису в спину.

Она в ужасе решила, что это третий крокодил, но не успела даже закричать, как врезалась в тростники, росшие у берега, и сообразила прыгнуть вперед, на сушу.

Следом за ней из воды выбрался совершенно голый, покрытый зеленой чешуей молодой человек. Он тяжело дышал и сжимал в руке небольшой острый меч.

– Простите, – сказал он, – что я немного запоздал.

Глава пятнадцатая
НЕСЧАСТНЫЙ РУСАЛ

Один из крокодилов уже уплыл вниз по течению, но второй подбирался к берегу, нацеливаясь на молодого человека.

– Кто вы? – спросила Алиса.

– Я такой же несчастный, как и вы, – ответил зеленый юноша.

– Сзади крокодил!

– Я вижу, я привык уже к ним.

Юноша мгновенно обернулся и ударил мечом по шее крокодила. Крокодил тут же ушел на глубину, и вода запенилась от яростных ударов его хвоста. В водовороте плавал башмак Алисы.

– Скорее, – сказал зеленый юноша. – Мы должны отойти от реки, а то нас подстрелят.

Он выудил башмак и вылез на берег.

Как бы в ответ на его слова по воде вскипели чередой фонтанчики – кто-то стрелял с того берега.

Пули щелкали по листьям.

– Это кто стреляет? – спросила Алиса.

– Это дерево Ивушка кидается своими орехами. Больно, но не смертельно.

Хромая на одну ногу, Алиса кинулась в кусты, зеленый юноша следом за ней.

– Давайте познакомимся, – сказала Алиса. – Я Алиса Селезнева, прилетела сюда по делам, но нечаянно угодила в подвал, из которого убежала.

– Меня зовут Гамлет, – ответил зеленый юноша. – По национальности я – русал.

– Кто вы?

– Русал. То есть русалка мужского рода.

Юноша отдал Алисе башмак и, пока она обувалась, вздохнул и продолжил:

– Как грустно, что всю жизнь мне приходится объяснять, что русалки, как и все другие существа в мире, делятся на два пола – мужской и женский. Только наши женщины, особенно подростки, – страшно невоспитанные, они любят авантюры, танцы и ночные хороводы. Для них нет лучшего развлечения, чем заманить в глубину обычного земного человека. И я вам должен сказать, Алиса, что среди нас, русалов, такое поведение не поощряется. Тем более что оно плохо кончается не только для человека, но и для русалки.

– Мне было очень приятно это узнать, – сказала Алиса. – Я давно подозревала, что не бывает народов, состоящих только из одних женщин. У вас же должны быть дети, иначе вы все вымрете.

– Гениально! – сказал зеленый Гамлет. – Именно так. Мы любим детей, и обычно воспитанием занимаются русалы. А наши женщины пляшут и танцуют.

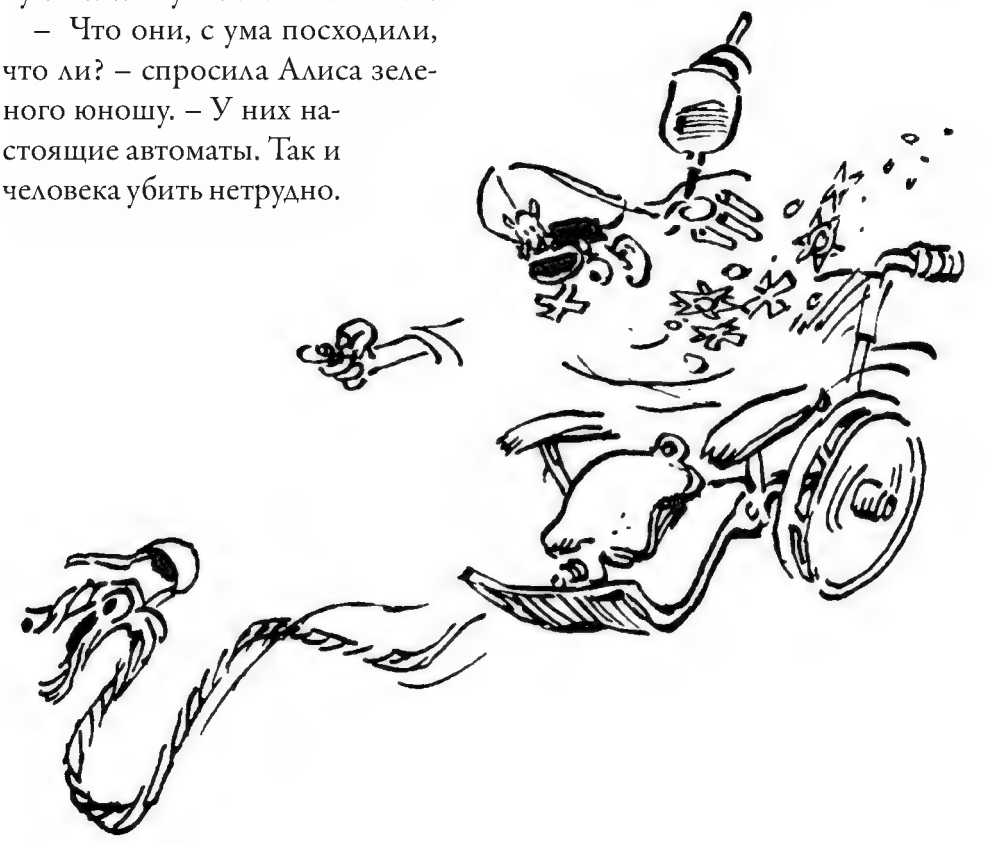
– А почему вы здесь оказались?

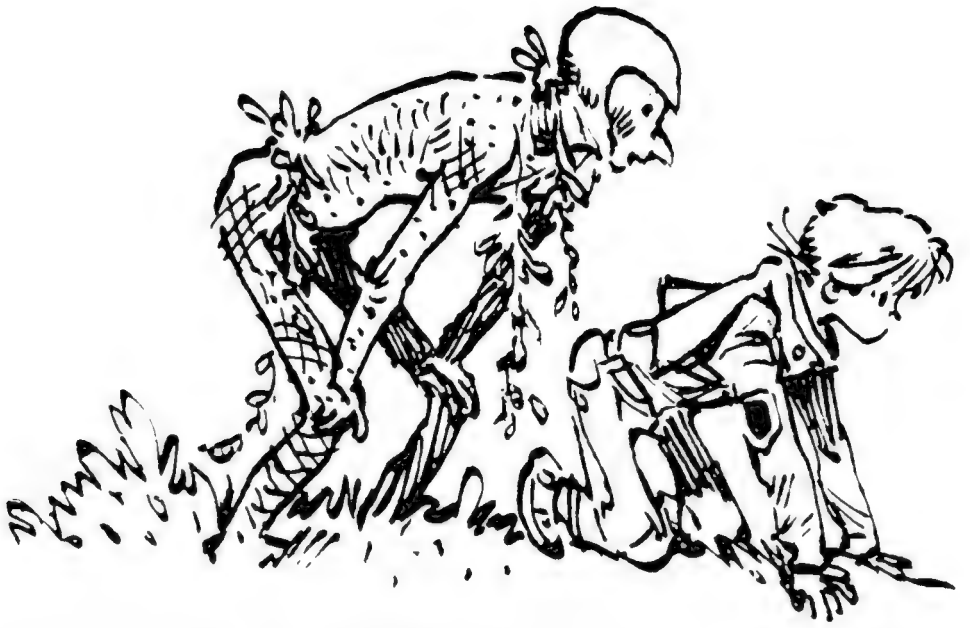
– Сейчас расскажу, – начал русал, но ему пришлось временно замолчать, потому что их преследователи вышли к самой воде.

Впереди семенил губастый Орел-Хохотуша, с рогаткой в лапе, за ним извивалась веревка Шрип, которая обвивала хвостом дубинку, шествие замыкал генералиссимус Снарядетти. Зажмурив единственный глаз, указательным пальцем он жал на курок деревянного пистолета.

– Отойдем подальше в кусты, – предложил зеленый русал. Они кинулись в чащу, и вовремя, потому что орехи щелкали по стволам деревьев, взрывали землю и рвали траву. Алиса с зеленым юношей нашли неглубокую ложбину и затаились в ней.

– Что они, с ума посходили, что ли? – спросила Алиса зеленого юношу. – У них настоящие автоматы. Так и человека убить нетрудно.





Зеленый юноша только улыбнулся и ответил:

– А они и хотели нас с тобой убить. Их автоматы стреляют желудями, а гранаты у них картофельные. Но учти, картошкой тоже убить можно. Потому что началась настоящая последняя война. Генералы не умеют шутить. Если они начали войну, значит, хотят кого-то убить. Кстати, за это их сюда и прислали. На своих планетах они не шутили.

– Я тебе честно скажу, – ответила Алиса. – Мне пришлось во многих переделках побывать, но на настоящей войне я еще, по-моему, не бывала.

Стрельба продолжалась, слышен был рев:

– Кто убил крокодила? Кто посмел убить моего крошку?

– А кто убил крокодила? – спросила Алиса.

– Я, – скромно ответил зеленый юноша.

– А зачем вы это сделали?

– Потому что он собирался тебя проглотить.

– Это правда, – согласилась Алиса. – Я даже от страха зажмурилась. А разве здесь крокодилы водятся?

– Раньше не водились, но Подводный Бык уверял, что ест только свежую рыбу. Ему привозили банки с икрой. Он подкупил кого-то в рыбном питомнике, и икра оказалась особенная, из головастиков вывелись крокодильчики. Крокодилы злые, голодные, мы их боимся.

– Но почему об этом не знает инспектор Карло?

– А кто ему скажет?

Алиса задумалась. Наверное, слова зеленого юноши надо было понимать как признание того, что тираны давно замыслили восстание. Алисе очень хотелось узнать, почему этот зеленый юноша ее защитил. Но тут желуди и орехи стали ложиться ближе к Алисе, и юноша приказал:

– Перебежками, голову не поднимать, к большому пню... беги!

Алиса послушалась его.

Пень был и в самом деле велик, даже поднявшись во весь рост, Алисе не достать бы до верха, а уж не обхватить – подавно.

Зеленый юноша повел себя странно.

Он подполз к пню и стал стучать в него костяшками пальцев.

– Слышу, слышу, – раздался слабый голос изнутри.

Кусок коры отвалился, и оказалось, что это потайной ход внутрь пня.

– Я уж тебя заждался, – произнес изнутри ворчливый голос. – Залезайте, залезайте!

Зеленый юноша толкнул Алису вперед и пролез в пень за ней. Внутри было полутемно, и Алиса не сразу разглядела обитателя пня, маленького лохматого человека со странным звериным лицом.

– Девочка, – сказал мохнатенький, – давай знакомиться. Много о тебе наслышан. Надеюсь, что мы еще посражаемся с тобой вместе.

И он запел дурным голосом:

К мачте став спина к спине,
Сражаться будем или нет,
А дальше все забыл я!

Алиса поняла, что это типичный уксуец, только в три раза меньше, чем те, которых она видела прежде.

На нем был даже обычный уксуйский фартучек, расшитый, правда, алмазами.

Глава шеснадцатая
НАШ СОЮЗНИК УКСУ-БА

– Вы Уксу-ба! – догадалась Алиса.

– Собственной персоной. А откуда ты знаешь обо мне?

– Мне на вашей планете рассказали.

Тут над головами у них взорвался арбуз, и во все стороны полетели корки. Пень даже зашатался.

– Кончится тем, что они введут в дело танки, – сказал махонький уксуец.

– Нет у них танков, – ответил зеленый юноша. – Не придумывайте. На огороде танк не вырастишь.

– Нет так нет, – согласился Уксу-ба.

Он свернулся колючим клубком, наружу высовывался лишь ежиный носик и генеральские погоны, наколотые на плечи.

– Пока идет артиллерийская подготовка, – сказал Уксу-ба, – признавайся, зачем ты меня ищешь? Ты шпионка?

– Честно говоря, я не шпионка, – призналась Алиса. – Но меня прислали к вам с планеты Уксу.

– Неужели меня помнят? – обрадовался тиран. – И как, ждут? Скучают? Поют песни о моих славных походах?

– Не очень скучают, не очень ждут, и, наверное, вам туда лучше не возвращаться.

– Так что же им от меня нужно?

– Вы взяли у них детскую железную дорогу, которую когда-то сделали гномы. Им хочется получить ее обратно.

– Ну вот! – обиделся Уксу-ба. – Всем хочется мою маленькую игрушку. А ведь я владею ею по закону. Это моя единственная вещь в этой ужасной ссылке. Я ведь бедный и несчастный! У меня никогда не было игрушек.

В стенку пня попала картофелина, и пень снова зашатался так, что чуть не выскочил из земли вместе с корнями.

Когда пыль улеглась, Уксу-ба продолжал:

– Я родился в бедной уксуйской семье, в классе я был самым маленьким, на улице я был самым маленьким, и даже в бане я был самым маленьким. Меня все обижали и толкали. В конце концов я озлобился и стал самым злобным карликом на планете. Я решил отомстить переросткам. И отомстил. Я полпланеты перебил, а остальных сослал в дальние края! И если бы не предательство, им никогда бы до меня не добраться...

– Так вы отдадите железную дорогу? – спросила Алиса.

– И не подумаю. Потому что ее нет.

– А что вы с ней сделали? – удивилась Алиса.

Уксу-ба молчал, и за него ответил зеленый юноша:

– Уксу-ба переименовал поезд в бронепоезд.

– Вот именно! – согласился Уксу-ба. – Этот бронепоезд называется «Кровавый мститель».

– Но зачем? С кем вы тут воюете? – спросила Алиса.

– Все против всех! – сказал Уксу-ба. – Так устроен мир.

Зеленый юноша, который выглядывал наружу, проверяя, не наступают ли противники, объяснил Алисе:

– Они с Уксу-ба давно враждуют. Им нужен его поезд.

– Зачем?

– У него, если ты не знаешь, паровоз сделан из нефрита, труба выточена из черного мрамора, вагоны изумрудные, фонарики рубиновые, крыши из бирюзы – это чудесное произведение железнодорожного и ювелирного искусства.

– Потому-то я его и утащил с моей родной планетки! – подтвердил Уксу-ба. – Без меня там порядка нет, еще разворуют. Вот мне и пришлось мой любимый поезд превратить в мой любимый бронепоезд. Я покрасил его в защитный цвет, поставил на крышу катапульту – попробуй отними!

– Поэтому вы не участвовали в заговоре против нас с инспектором Карло? – спросила Алиса.

– Ах, милая девочка, все в жизни значительно сложнее, – улыбнулся Уксу-ба, – я бы и рад участвовать в восстании и улететь отсюда, но осталь-

ные подлые тираны договорились, что их вывезут на своем корабле космические пираты. На мое несчастье... ой-ой-ой! На мое ужасное несчастье, пираты потребовали плату за это!

– Какую же плату?

– Неужели ты еще не догадалась? Они потребовали мою железную дорогу. А я... я не смог с ней расстаться. И вот я начал оборонительную войну!

– Вы воюете против всех остальных тиранов? – спросила Алиса.

– А что ему остается, – сказал зеленый юноша. – Если он сдастся, они отнимут у него железную дорогу, а может, заодно и самого его пристукнут.

– Вот именно! – сказал ежик и закручинился. – Я даже капитулировать не могу. Я нахожусь в осаде. Я сражаюсь из последних сил. У меня только один союзник – Гамлет.

– Гамлет – это я, – напомнил зеленый юноша. – Состою в союзниках тирана Уксу-ба.

– Но почему?! – воскликнула Алиса. – Вы же так не похожи на тирана.

– А я и не тиран, – ответил зеленый юноша, – я самый обыкновенный русал. Мы ловим рыбу, собираем водоросли, рвем рыбачьи сети, чтобы не лезли в наши края, даже пугаем глупых туристов, чтобы не жгли костров. На берег вылезаем в крайнем случае, не любим мы сухопутной жизни. Пускай наши жены и сестры танцуют и веселятся – разные у нас характеры.

– А почему вы сюда попали?

– Как почему? – удивился зеленый юноша. – Разве вы не видали мою невесту? Эсперанцу?

Алиса в растерянности обернулась к Уксу-ба. Тот сидел, свернувшись в колючий клубок у ее ног, но взгляд Алисы почувствовал, и на его мордочке появилась лукавая улыбка.

– Так зовут невесту нашего друга Гамлета – у этого племени в ходу очень странные имена. Невесту нашего Гамлета утащил с собой Подводный Бык. Помнишь – одна вещь или один человек. Я взял с собой поезд, генералиссимус взял с собой медсестру, а Подводный Бык – русалочку, которая стрижет ему ногти, расчесывает волосы и вообще за ним ухаживает.

– За Быком?

– Дело в том, что Подводный Бык – всего лишь прозвище, а на самом деле он не бык.

– А кто? – спросила Алиса.

– Увидишь, – ответил Уксу-ба. – Это его титул.

– Так чем же он вас тиранил? – спросила Алиса у зеленого Гамлета, но тот не успел ответить.

Откуда-то издали донесся звонок.

– Вас к телефону, – сказала Алиса.

– Пока я добегу до дома, – сказал Уксу-ба, – меня могут застрелить. Лучше уж я не буду подходить.

– А вдруг это важный звонок? – спросила Алиса.

– Ну подумай, девочка, – обиделся маленький колючий тиран. – Кто может мне звонить на почти необитаемой планете? Только враги.

– А вдруг они хотят сказать что-то важное?

– Ничего хорошего от врагов я не услышу. Значит, мне лучше их и не слушать, – ответил Уксу-ба.

А телефон все надрывался.

– Нет, я так не могу. – Алиса кинулась к дому, перед которым была вырыта длинная траншея, прямо как на войне. В одном месте траншея была соединена глубоким ходом с домом, и из нее можно было попасть прямо в подпол. Нижние этажи дома были заложены мешками с песком. Видно, Уксу-ба заранее готовился к войне. Удивительно! Вокруг тебя все готовятся к войне, а ты думаешь, что тираны уже почти перевоспитались. А ведь так рассуждал добрый Карло, который вырос взрослым, но так и не догадался, что тираны никогда не перевоспитываются.

Пока Алиса бежала, ее заметили, и несколько снарядов упало совсем рядом. Один из снарядов подкатился ближе и в самом деле оказался картофелиной. Видно, не зря тираны копались на приусадебных участках.

Глава семнадцатая
ГАЙ-ДО ИДЕТ НА ПОМОЩЬ

– Алло! – крикнула она. – Планета Тишина слушает.

– Это куда я попал? – спросил знакомый голос.

– Вы звоните в резиденцию тирана Уксу-ба, – ответила Алиса.

– А кто у телефона?

– У телефона Алиса Селезнева.

– Какое счастье! Неужели ты меня не узнала?

– Это ты, Гай-до?

– Я с ума схожу от беспокойства! Я вызвал станцию Контроля – там никого нет. Ну, я сначала не очень испугался, потому что знал, что вы собрались побывать на планете. Прошел час, второй – никто не выходит со мной на связь. Тогда я взял в Информатории справочник всех телефонов планеты и всем начал звонить. И представляешь – никто мне не ответил! Что случилось? Почему ты до сих пор не вернулась на Контрольную станцию?

– Гай-до, миленький, как хорошо, что ты позвонил. Случилось страшное несчастье. Тираны взбунтовались и держат в плену Карло. Робот сломал ногу, я чудом переплыла через речку и спряталась у Уксу-ба!

– Но он же тоже тиран!

– Да, он тиран, но он тиран, который за нас, потому что он против других тиранов.

– Слишком сложно ты мне все объясняешь. Но не важно. Я сейчас же приземлюсь и наведу здесь порядок.

– Ой, как хорошо, Гай-до, а то я волнуюсь, как бы они не сделали чего-нибудь плохого Карло. Только, пожалуйста, Гай-до, прежде чем спускаться, свяжись немедленно с Галактическим центром. Расскажи им, что здесь произошло. Пускай они пришлют сюда патрульный крейсер.

– Еще чего не хватало! – возмутился кораблик Гай-до. – Что я, сам не справлюсь с кучкой тиранов!

– Подожди! Насколько мне известно, на помощь тиранам спешит корабль космических пиратов.

– Каких еще пиратов?

– Это наши с тобой старые знакомые – Весельчак У и Крыс. Они обещали вывезти тиранов с планеты. Для этого тираны и захватили в плен Карло. Чтобы он не успел ничего сообщить в Центр, ты меня понимаешь?

– Не страшны мне пираты! – заявил Гай-до.

– Я знаю, – сказала Алиса, – что ты у меня самый смелый кораблик во всей Вселенной. Но пойми простую вещь: у пиратов – военный корабль, вооруженный до зубов. Достаточно одного выстрела из их пушки, чтобы от тебя ничего не осталось. Зачем же мне мертвый Гай-до? Я думаю, что тебе посоветуют дежурить рядом с планетой и не вмешиваться, пока на помощь не придет настоящий крейсер.

– Тогда я не буду связываться с Галактическим центром, – решил Гай-до.

– Гай-до, конечно, ты разумный корабль. Но ты никогда не летаешь один. Так уж придумано, что у тебя всегда есть капитан. И я твой капитан.

– Ну это еще как сказать...

– Гай-до! Опомнись! Немедленно исполняй мою команду! – приказала Алиса.

– Исполняю! – совсем другим голосом ответил Гай-до. – Сейчас же выхожу на связь и вызываю на подмогу галактический крейсер!

Он помолчал несколько секунд и добавил:

– Но, вообще-то, я на тебя, Алиса, сильно обижен. Ты не даешь мне тебя защитить.

– Лучше смотри в оба! Ты должен заметить приближение корабля пиратов раньше, чем они тебя обнаружат.

Алиса не успела закончить разговор с кораблем, как в траншею спрыгнули ее союзники – зеленый Гамлет держал на руках колючего тирана Уксу-ба.

Зеленый юноша тяжело дышал.

– Они перешли в наступление, – сообщил он.

– Мой дом совсем не защищен, – сказал Уксу-ба, – придется прятаться в бронепоезде. Там у меня артиллерия.

– Еще артиллерии нам не хватало, – возмутилась Алиса.

– Я не хочу быть беспомощной жертвой негодяев! – вспылил бывший тиран. – Я буду с ними сражаться, но не отдам им мое имущество.

– Я тоже буду сражаться и освобожу мою невесту из объятий Подводного Быка, – сказал зеленый Гамлет.

Алиса высунулась из траншеи – ничего не было видно.

– А что там происходит? – спросила она.

– Они переправляются через реку.

– Как?

Ее спутники не ответили. Они побежали по узкой канаве к дому.

Алиса решила все же посмотреть, где и как наступают противники.

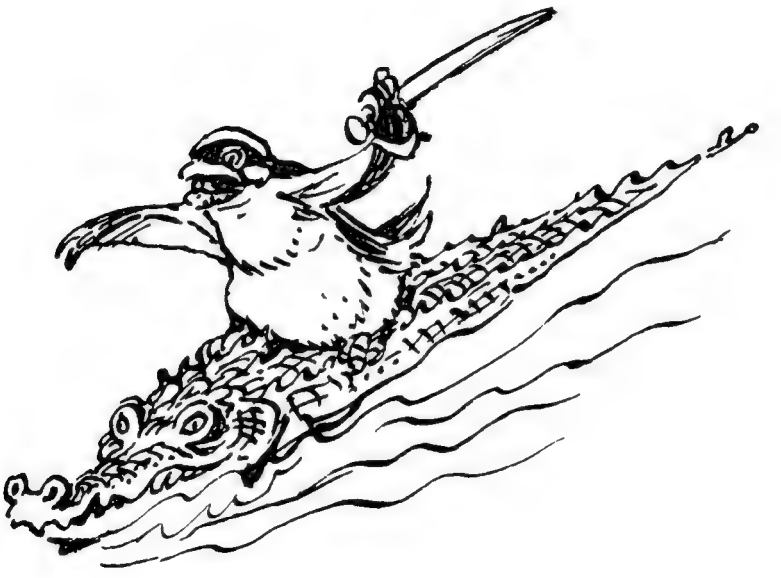
Она выпрыгнула из траншеи и, пригибаясь, добежала до большого пня, в котором они так недавно прятались. Возле пня никого не было, и Алиса осторожно спустилась поближе к берегу и раздвинула кусты, чтобы разглядеть, что же там происходит.

Глава восемнадцатая
БОЙЦЫ БРОНЕПОЕЗДА

Такого ей не приходилось видеть никогда.

По реке плыл небольшой крокодил, на спине которого стоял розовый Орел-Хохотуша и улыбался во весь рот. Видно, он чувствовал себя героем и победителем, потому что в руке держал сверкающую сабельку и махал ею, как будто несся верхом на боевом коне.

За крокодилом с Орлом-Хохотушей двигалось сложное сооружение. На двух больших крокодилов положили бревенчатый помост, на помост поставили кресло-каталку, в котором сидели глаз и ухо генералиссимуса, а рядом стояла бледная от волнения медсестра Увара Тихеньевна.



Завершала эскадру гигантская черепаха. На ее панцире стояла деревянная пушка, рядом лежали кучей картофелины-снаряды. А над пушкой, словно живой прут, покачивался сам господин Шрип – головка и веревочная шея.

«Как бы их остановить? – задумалась Алиса. – Надо кинуть что-то в воду, чтобы крокодилы сбросили своих наездников. Но что?»

Алиса схватила с земли небольшой камень и изо всех сил кинула его вперед. Камень не долетел до крокодила, который вез Орла-Хохотушу, но столб брызг поднялся так высоко, что облил Орла с ног до хохолка на голове.

– Это еще что такое! – закричал он. – Артиллеристы, подавить узел сопротивления противника!

Алиса еле успела забежать за пень – Шрип не тратил времени даром и бабахнул из своей пушки картофельной картечью.

Алиса поняла, что пора отступать. Главное, чтобы Гай-до успел укрыться за планетой и не попал на прицел пиратам. А вдруг пираты еще далеко и Алиса была не права, запретив Гай-до спуститься ей на помощь?

У Алисы было в запасе еще две-три минуты, пока враги высадятся на берегу, и она побежала к телефону, который стоял в траншее, и подняла трубку.

– Гай-до, ты меня слышишь?

– Слышу, – ответил Гай-до, – я к тебе подлетаю!

И тут же визгливый голос космического пирата прокричал:

– Давай, Гай-до, подлетай, старый дуралей! Я сделаю из тебя железную котлету на машинном масле! Весельчак, приготовь ракеты «воздух-воздух» к бою!

– Гай-до, прячься! – крикнула Алиса.

– Я должен тебе сказать, – успел крикнуть Гай-до, – патрульный крейсер вышел с дежурной станции! Он будет здесь через пять часов. Ты меня слышишь?

Алиса не успела ответить, как в телефоне раздался голос пирата Крыса.

– Не знаю, как твоя девочка, – крикнул он и захохотал, – зато я все слышал. И должен тебе сказать, что пяти часов нам более чем достаточно, чтобы вывезти всех живущих на планете и все ценности и скрыться без следа в Серой туманности. А если твой любимчик Гай-до вмешается, я уже пообещал сделать из него железную котлету на машинном масле!

И наступила тишина.

К Алисе подбежали Уксу-ба и зеленый Гамлет.

– Ну и что? – спросил Гамлет. – Патрульный крейсер идет нам на помощь?

– Идти-то он идет, – ответила Алиса. – Но вот пока он доберется до нас, будет поздно.

– Бежим в бронепоезд! – решил Уксу-ба. – Мы будем сражаться до последнего патрона.

– Правильно, – сказал юноша, – лучше воевать и двигаться, чем сидеть на месте и ждать, пока тебя скушает крокодил.

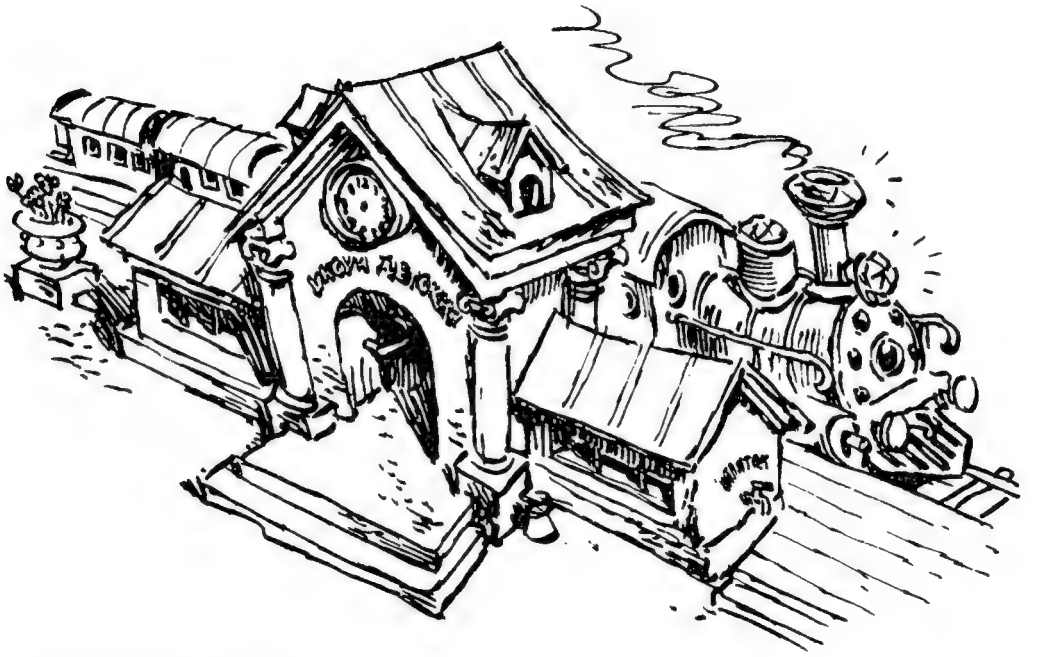
От реки донеслись крики «Ура!».

– Побежали, – сказал Уксу-ба. – Гамлет, возьми меня на руки, я за вами не успею.

Гамлет схватил на руки ежика с генеральскими погонами, и, пригибаясь, они побежали траншеей за дом.

Оказалось, что с другой стороны дом устроен как вокзал.

На нем была прикреплена надпись золотыми буквами:



«Уксуй Детский».

Было окошко с надписью: «Билетная касса».

Там было еще «Багажное отделение» и даже кран с надписью: «Кипяток».

К стене вокзала был прибит страшный плакат с изображением человека, падающего с платформы, а к нему приближался поезд. Под этой картинкой было написано:

«Сэкономишь минуту – потеряешь жизнь!»

В общем, это был самый настоящий вокзал.

На рельсах у перрона стоял самый некрасивый поезд, какие Алисе приходилось видеть на старинных картинках. От крыши до колес он был выкрашен некрасивой серой краской, а на боку первого вагона были неаккуратно выведены белые буквы: «Смерть угнетателям трудового народа!»

За вагонами была прицеплена платформа с высокими стальными бортами. На ней стояло какое-то странное сооружение, которое ничего не напоминало.

Завершался бронепоезд еще одним перекрашенным вагоном.

Не слезая с рук русала, Уксу-ба достал из-за пазухи ключ и, подтянувшись наверх, отпер дверь в задний вагон.

– Это мой штабной вагон, – сказал он. – Здесь я думаю и руковожу операциями.

Внутри вагон сиял. Его стены были выложены самоцветными камнями, на полу лежал ковер, а посреди на длинном малахитовом столе была разложена карта.

Уксу-ба вспрыгнул на стул и развел лапками.

– Вот, – сказал он, – поле сражения. Наш противник только что форсировал реку Амазонку, и его отряды приближаются к нашей столице, стараясь окружить вокзал и отрезать нам пути к отступлению.

Уксу-ба водил указкой по карте, на которой Алиса нашла вокзал и железную дорогу, где стоял бронепоезд. Отсюда железная дорога тянулась вдоль речки. На том ее берегу Алиса отыскала дом генералиссимуса. В нем томился инспектор Карло. Под домом было написано: «Ставка противника». А вот и омут, где обитает Подводный Бык и скрывается несчастная русалочка. Железная дорога доходила до крутой горы, исчезала в тоннеле, появлялась на той стороне и изгибалась, чтобы вернуться к вокзалу.

– Сколько нам нужно продержаться? – спросил Уксу-ба.

– Гай-до сказал мне, что патрульный крейсер прилетит через пять часов.

– Будут жертвы, – объявил Уксу-ба. – Мало кто из нас увидит восход свободного дня. Но нашей свободы мы им не отдадим.

Алиса чуть было не засмеялась. Она же все знала.

Ведь каждый здесь собирался сражаться за свое: Уксу-ба защищал драгоценный поезд, зеленый русал Гамлет мечтал отыскать и отобрать у Подводного Быка свою невесту русалочку, а Алисе надо было спасти инспектора Карло, а также, если удастся, вернуть детям-уксуйцам их железную дорогу.

Так что планы и надежды защитников бронепоезда совершенно не совпадали.

Правда, враги у них были общие.

– Против наших тиранов-ветеранов мы устоим, – сказал Уксу-ба. – Артиллерия у меня будет посильнее и, главное, калибром покрупнее, чем у них. Но если в дело вмешаются пираты, нам придется спускать флаг.

– Мы погибнем, но не сдадимся, – заявил зеленый Гамлет.

– Тогда к делу! – Уксу-ба на цыпочках подбежал к бойнице в стенке вагона и, вглядевшись, сказал Алисе: – Посмотри!

Глава девятнадцатая
НАСТУПАЕТ РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ

Алиса увидела, как на перрон вокзала выезжают тираны. Сначала выползла черепаха с пушкой. Шрип отвел пушку и замер, оглядываясь. Затем Орел-Хохотуша набрал в мешок картошки и принялся заталкивать клубни в дуло пушки.

Генералиссимуса не было видно.

– Все ясно, – сказал Уксу-ба, – часть врагов пошли в обход. Их мы и будем опасаться.

– Что будем делать, генерал? – Зеленый юноша сразу признал в Уксу-ба начальника и командира.

– Переменим позицию на более выгодную, – ответил тиран. – Алиса, тебе я доверяю управление локомотивом. Ты пойдешь вперед. Я сам останусь здесь и буду управлять сражением, а ты, Гамлет, немедленно отправляйся на орудийную платформу. Не теряйте ни секунды, сейчас начнется штурм.

И тут же, как бы в ответ на слова Уксу-ба, в дверь вагона постучали.

– Кто там? – спросил тиран.

– Это Шрип, – ответил голос, – мы предлагаем вам сдаться. За это мы сохраним вам жизнь и возьмем только поезд. Все равно он тебе уже не нужен.

– Давайте же! – торопил Уксу-ба Алису и Гамлета. – Не теряйте времени!

Русал остался на платформе с высокими железными бортами, возле странного сооружения. Рядом с сооружением лежали кучей кочаны капусты и такие гигантские тыквы, которых Алисе и видеть еще не приходилось.

Алиса же побежала дальше, через пустой вагон и оказалась в паровозе.

– Ну как? – услышала она голос Уксу-ба. – Ты на месте?

– На месте, – ответила Алиса.

– Ты видишь рычаг красного цвета?

– Вижу.

– Если ты повернешь его направо, поезд поедет вперед, если вверх, то он остановится. Если повернешь налево, то поезд покатится назад. Тебе понятно?

– Все понятно, мой генерал! – сказала Алиса.

– Тогда полный вперед! Рычаг направо. Только не очень торопись.

Что-то застучало по стене паровоза.

– Что это? – спросила Алиса.

– Они начали обстрел, – сказал Уксу-ба. – Похоже на орехи.

«У-у-ух-ух-ух», – медленно заговорил паровоз. Поезд дернулся, покачнулся и двинулся с места.

Алиса посмотрела в узкое окошко справа от себя и увидела, как Орел-Хохотуша сыплет в пушку картофелины, а из-за угла вокзала выглядывает генералиссимус, который оттягивает единственным пальцем большую рогатку, прикрепленную к креслу.

Алиса еле успела спрятаться, как в щель влетел железный болт.

Наверное, вам смешно читать о войне, снарядами в которой служат картофелины и гайки. Но если бы у тиранов было оружие посерьезнее, они бы закидали Алису гранатами.

– Полный вперед! – приказал по внутреннему телефону Уксу-ба.

Алиса повернула рычаг еще правее – увидела, как за бойницей исчезло здание вокзала и вместо него показались зеленые деревья. Колеса паровоза все быстрее и быстрее постукивали на стыках рельсов.

– Не так быстро, – прикрикнул на Алису Уксу-ба, – а то с рельсов сойдем!

Алиса чуть отвела рычаг влево, и Уксу-ба приказал зеленому Гамлету:

– Из орудий главного калибра по скоплению противника залпом, огонь!

Алиса взглянула назад – у кабины паровоза не было задней стенки – и увидела платформу, на которой возле странного сооружения стоял зеленый русал. Он оттянул громадную деревянную ложку, из которой можно было бы накормить кита, положил в нее большой кочан капусты и отпустил.

«Да это же катапульта!» – догадалась Алиса. Правда, прежде ей не приходилось видеть настоящей катапульты, но она знала, что у древних греков и римлян катапульты были самым любимым оружием – они перекидывали из катапульт камни, а то и бочонки с горящим маслом через высокие каменные стены.

Кочан капусты, как отрубленная зеленая голова великана, полетел по высокой дуге к вокзалу, где укрепились преследователи. И надо же было ему угодить точно по пушке Орла-Хохотуши! Пушка опрокинулась.

– Давай еще! Стреляй же! – кричал Уксу-ба. Алиса не знала, что ей делать: то ли подать поезд назад, то ли ехать вперед.

На всякий случай она остановила поезд.

Второй кочан сшиб с ног медсестру Увару Тихеньевну.

Она лежала и кричала:

– Но ведь я совсем ни при чем! На мне красный крест нарисован!

– Поехали вперед, – сказал по телефону Уксу-ба, – а то в самом деле ты, Гамлет, стреляешь куда ни попадя.

– Вот сейчас прилетят пираты, – вопила веревка Шрип, – они вам за всех нас отомстят!

Алиса повела паровоз вперед, но проехать им удалось недалеко.

Впереди на рельсах лежало бревно. Кто-то перегородил железнодорожные пути.

Алиса резко перевела рычаг влево и ударилась головой о переднюю стенку кабины. Сзади раздались крики Гамлета и Уксу-ба, которые тоже не удержались на ногах.

Глава двадцатая
ПОДВОДНЫЙ БЫК И ЕГО КРОКОДИНЫ

– Впереди лежит бревно, – сказала Алиса. – И, кстати, я ушиблась.

– Какое еще бревно? Мы же оторвались от противников, – удивился Уксу-ба.

– Это не бревно, – сказал зеленый Гамлет. – Это боевой крокодил.

– Нам еще крокодилов не хватало, – обиделся Уксу-ба. – Мы победили в первом бою, здесь ни одного тирана быть не должно... Гамлет, дружочек, стрельни, пожалуйста, по крокодилу, пускай он уйдет с дороги.

Гамлет развернул катапульту, заложил кочан покрепче и запустил крокодилу точно в голову. Но крокодил оказался хитрее.

Крокодил хлопнул пастью – и проглотил кочан.

Алисе показалось, что крокодил улыбается.

– Что будем делать, начальник? – спросил Гамлет.

– Вылезай и бейся врукопашную, – приказал Уксу-ба.

– А если он меня победит?

– Тогда мы будем петь о тебе песни!

– А может, толкнем его паровозом?

– У нас паровозов на всех крокодилов не напасешься! Сейчас же вылезай и убери это проклятое пресмыкающееся. Иначе нас догонят и победят.

– Они и так нас догонят. Куда нам деваться?

– Ничего подобного. Скоро, за поворотом, тоннель. Мы в него въедем и будем там прятаться, пока не прилетит патрульный крейсер. У меня все рассчитано. Иди, иди, не тяни время!

Русал вздохнул, спрыгнул с платформы, вытащил меч и пошел к крокодилу.

– Сейчас он ему покажет! – сказал Уксу-ба.

Русал подошел к крокодилу и замахнулся мечом.

Крокодил медленно повернул голову в его сторону и широко раскрыл пасть, словно зевнул от скуки. И тут Алиса поняла, что отважный Гамлет может целиком поместиться в этой пасти.

Русал попытался рубануть крокодила мечом по носу. Крокодил мгновенно прыгнул в сторону русала, русал отшатнулся, споткнулся о шпалу и грохнулся на рельсы.

И тут Алиса поняла, что только она может помочь русалу, нажала на кнопку с надписью «Свисток», и паровоз засвистел так громко, словно хотел разбудить лес и горы.

Крокодил, уже готовый проглотить русала, замер с открытым ртом.

Алиса заметила, что от воды к крокодилу бежит зеленая девушка. «Так это же русалка!» Алиса ее уже видела, когда прилетела.

Она снова нажала на свисток, чтобы предупредить девушку.

Но та словно и не замечала зеленое бревно с разинутой пастью на рельсах.

– Гамлетик, мой дорогой жених! – кричала она. – Ты пришел меня освободить!

Крокодил удивился и повернул голову в сторону русалки.

Вернее всего, ему в жизни не приходилось видеть сразу столько зеленых людей.

Увидев русалочку, которая неслась к крокодилу, распустив свои зеленые локоны, зеленый юноша забыл о врагах и кинулся ей навстречу. Он высоко подпрыгнул, подхватил русалку, и они покатились по склону к реке.

Алиса вздохнула с облегчением и направила паровоз на крокодила. Паровоз выпустил струи пара и дыма, гудел и пыхтел.

И нервы крокодила не выдержали.

Он закрыл пасть и начал пятиться. Потом потерял равновесие и покатился в речку следом за женихом и невестой.

Алиса беспокоилась за русала Гамлета. Поэтому она резко повернула рукоять управления налево, бронепоезд вздрогнул и замер. Уксу-ба что-то кричал, но Алиса его не слушала. Она выскочила из паровоза и в два прыжка оказалась на платформе возле катапульты.

И вовремя.

Сверху ей было видно, как, скатившись к воде, русал и русалка запутались в камышах, так что были видны только их головы.

– Я так тосковал по тебе! – твердил русал.

– Я умирала без тебя! – повторяла русалка.

– Я убью этого тирана! – говорил русал.

– Он издевался надо мной, – жаловалась русалка.

Алиса боялась, что крокодил опомнится и накинется на русалок снова, но опасность исходила вовсе не от крокодила.

– Если он мне попадется, – сказал русал, – я его разорву на части, как Геркулес льва.

И тут вода в реке расступилась – и послышался низкий голос, который Алисе уже приходилось слышать:

– Кто здесь хочет разорвать меня, как Геркулес льва?

– Ой, он услышал! – закричала русалка. – Это сам господин Подводный Бык.

– Вот именно. – И Подводный Бык выплыл на мелкое место.

Подводный Бык оказался мало похож на быка, а уж тем более на подводного.

Это была гигантская синяя жаба, размером почти с корову. На плоской голове жабы были видны короткие загнутые рожки, как на шлеме древнего викинга. Наверно, поэтому ее прозвали быком.

– Как ты посмел, – сказал Подводный Бык, – нарушить правило Галактической федерации! Как ты посмел поднять руку на мою собственность. Мне же разрешено взять с собой самую любимую и нужную вещь! Русалка Эсперанца и есть эта вещь! Долой, ничтожество!

– Я ее люблю, – заявил русал смело, хоть ему, конечно, было очень страшно – каждая лапа этого Подводного Быка была толще его туловища. – Я прибыл на эту планету специально, чтобы ее увезти.

– Кстати, – спросил задумчиво Подводный Бык. – А как тебе удалось сюда добраться?

– Мы сделали водяной метеорит, – ответил русал, – меня в нем заморозили и пустили в вашу сторону. Это было нелегкое путешествие. А когда мой ледяной метеорит вошел в атмосферу, то он растворился, и я упал в океан.

– Значит, никто не знает, что ты здесь, воришка?

– Знают мои союзники, – сказал Гамлет, – Алиса Селезнева, которая управляет этим поездом, и тиран Уксу-ба, который им командует.

– Ну недолго им командовать и управлять, – сказал Подводный Бык. – И учти, что у меня зубы хоть и маленькие на вид, но каждый нечетный – ядовитый.

И он раскрыл свою гигантскую пасть и протянул когтистые толстые лапы к отважному русалу.

Крокодил, который к тому времени оправился от падения и наблюдал за этой сценой, тоже раскрыл пасть, чтобы поживиться кусочком русала.

И в этот самый печальный и даже трагический момент Алиса натянула рогатку катапульты, заряженную свеклой в несколько килограммов весом, и отпустила спуск.

Могучей бордовой гранатой свекла пролетела по крутой дуге и угодила точно между глаз Подводному Быку.

– Это что... – только и успел сказать Подводный Бык, опрокинулся назад и упал точно на крокодила, который в ярости вцепился в толстый скользкий зад гигантской жабы. Подводный Бык от боли подлетел до вершин деревьев и тяжело поскакал прочь.

Глава двадцать первая
НЕСКЛАДНАЯ СУДЬБА ПОДВОДНОГО БЫКА

Откуда безмозглому крокодилу было знать, что Подводный Бык – самый ядовитый из тиранов, который мстит судьбе за свою нелепо сложившуюся жизнь.

Родом Подводный Бык был с планеты Кви-да-ква, место это болотистое, но экзотичное. Туда съезжаются любители лягушачьего пения со всей Галактики.

Каждая вторая лягушка обладает там чудесным голосом, каждая десятая может поспорить с Карузо, каждая сотая – музыкальный гений, сродни певице Вишневской. Самые знаменитые на планете лягушки – певцы. Они живут в самых глубоких болотах и едят самых вкусных мух.

И вот лет тридцать назад в одном обыкновенном болоте родилась одна обыкновенная лягушечка, обычный головастик, которого сразу отдали в музыкальную школу.

И тут обнаружилось, что у лягушонка, которого за крепкое сложение прозвали Бычком, совсем нет музыкального слуха, а с голосом – ну просто безобразие.

Представьте себе положение ни в чем не повинного ребенка, который вынужден быть самым последним в классе, хотя он красив собой, широк в задних лапах и отличается ярким синим цветом.

На любой планете, если ты не стал певцом, ты можешь стать вагоновожатым или пожарником. Но и в пожарных командах планеты Кви-дакква, и в бригадах сцепщиков вагонов первое место отдавалось лучшим квакальщикам.

И вот возник конфликт. И, может, Бычок нашел бы себе место в жизни, стал бы грузчиком или шахтером, но он, как назло, вырос самым сильным на улице да насмотрелся по телевизору на соревнования культуристов. И занялся спортом.

Спорт, как вы понимаете, на музыкальной планете не в почете. Так что конкуренции у Бычка не было. В десять лет он уже побил чемпиона континента по кикбоксингу, но его любимая лягушечка, с которой он учился в одном классе, и внимания не обратила на такой подвиг, а ушла прыгать в лужу с немощным тенором.

А Бычок все тренировался, принимал запрещенные лекарства, которые увеличивали мышцы, ел только сырое мясо и стал грозой всех спортсме-

нов на планете. Он вырос настолько, что однажды нечаянно наступил на домик своих родителей и раздавил его. Так он остался сиротой. На похоронах Бычок плакал, но наблюдательные лягушки заметили, что плачет он крокодильими слезами, а это среди лягушек считается дурным тоном.

В тупой рогатой голове Бычка, который заставлял теперь называть себя Подводным Быком, жила только одна идея – прославиться как лучшему певцу планеты Кви-да-ква.

Но чем больше безумствовал Подводный Бык, чем больше он сгонял силой лягушек на свои концерты, тем больше над ним смеялись. Именно смеялись!

И когда Подводный Бык вырос размером с корову и даже зубы у него от злости стали ядовитыми, он собственноручно захватил власть на планете, объявил себя Шеф-тенором и приказал по всем программам радио и телевидения передавать песни только в его исполнении. На концерты Шеф-тенора было приказано ходить после работы в обязательном порядке.

Так как это не дало нужного эффекта, Подводный Бык пошел на следующий шаг. Во-первых, он запретил всем, кроме себя, петь. Во-вторых, он приказал отрубить языки всем, кто пытался это сделать даже под одеялом или в собственном подвале.

Разумеется, гости перестали прилетать на эту планету, и на ней наступила гробовая тишина. По вечерам, заткнув уши ватой, лягушки шли в главный концертный зал, где из большой мраморной ванны весь вечер выл тиран и диктатор.

И наконец это кончилось тем, чем и должно было кончиться, – лягушки всех стран объединились, связали тирана и выгнали его с планеты.

И Подводный Бык попал на планету Тишина.

Из всех ценностей мира он хотел взять трубу бас-геликон.

Трубу ему дали, и Подводный Бык каким-то хитрым образом засунул в трубу геликон несчастную русалочку, которую полюбил последней старческой любовью. Он обещал ей, что будет петь с утра до вечера, но, к счастью для русалочки, в первый же день прибытия на Тишину Подводный Бык пригласил прочих диктаторов и дал им сольный концерт.

Диктаторы народ суровый. Его послушали ровно шесть минут, затем Шрип запустил ему в голову бананом, а генералиссимус выстрелил желудем точно между глаз. Дерево медленно вытащило из земли корень толщиной в человеческую руку и стегануло его так, что Подводный Бык

свалился в омут. А Орел-Хохотуша подбежал, переваливаясь, к берегу и закричал:

– Если ты издашь еще один музыкальный звук, мы отнимем у тебя русалку!

– Только не это! – закричал из воды Подводный Бык и ушел в глубину придумывать страшную месть. Но на планете тиранов придумать страшную месть трудно. Поэтому Подводный Бык сделал вид, что он с ними заодно, а потом уж – будь что будет. Может, удастся захватить пиратский корабль. Тогда он будет летать по Вселенной, стрелять из пушек, а для тех, кто останется в живых, устраивать сольные концерты популярных песен.

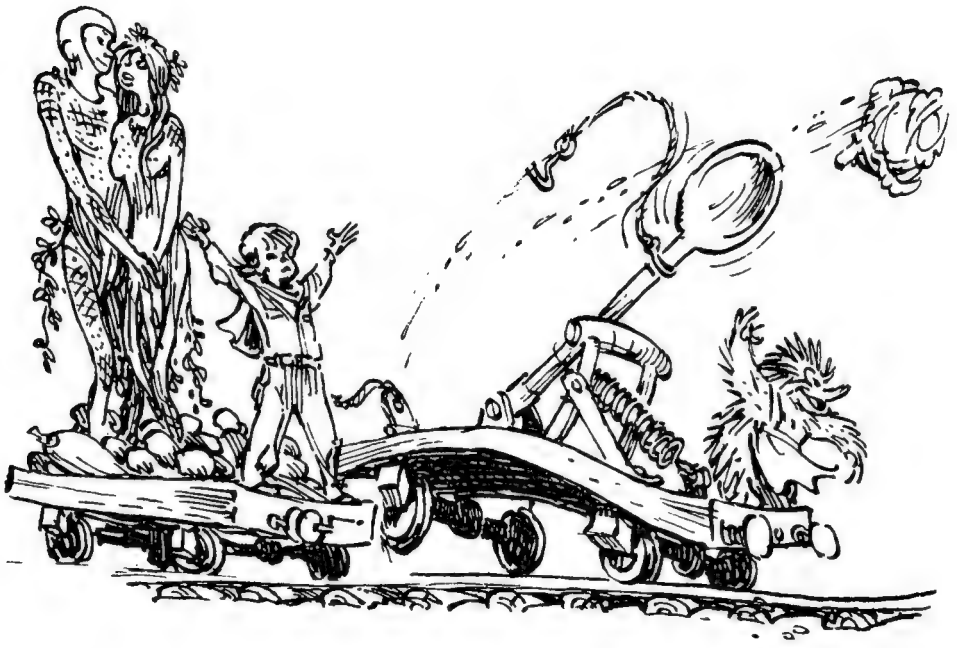
Пока Подводный Бык, ревя от боли, прыгал среди деревьев на откосе, Уксу-ба по телефону приказал своим спутникам:

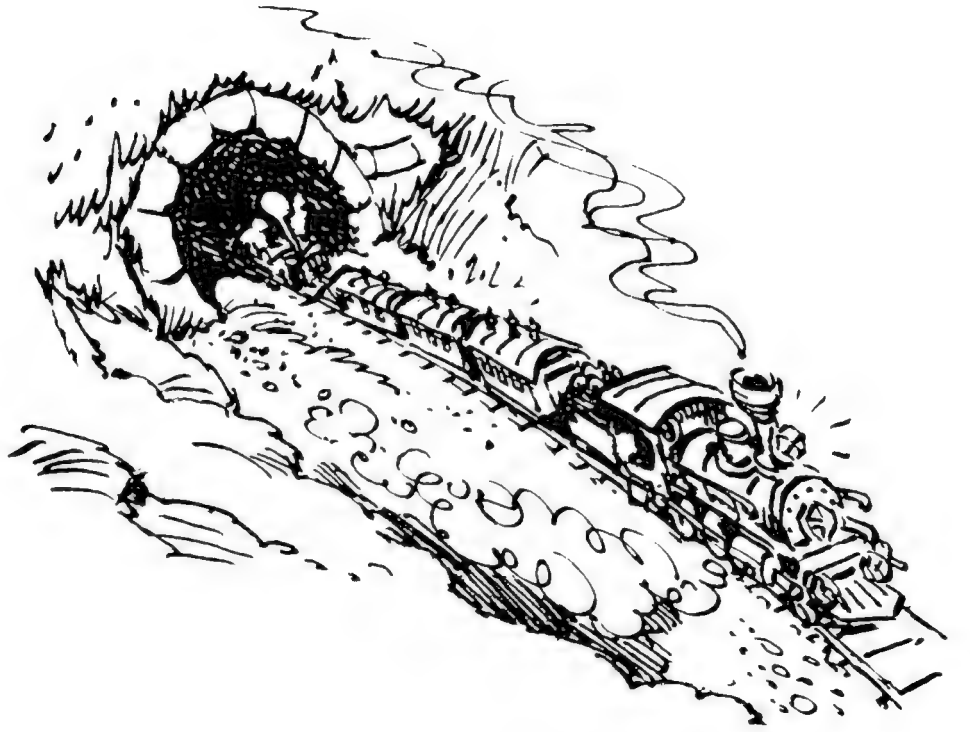
– Русалки – к катапульте! Алиса – полный вперед! Нам немного осталось до тоннеля.

Русал и русалка с трудом забрались на платформу, от волнения у них подкашивались тонкие зеленые ноги.

– А ты, Алиса, молодец, – сказал Уксу-ба. – Ловко угодила Подводному Быку в переносицу! Вперед, к победе!

Алиса обернулась и увидела, что русал с русалкой стоят рядом с катапультой, держась за руки и не отрывая взгляда друг от друга. Так они





проглядят любую опасность. Но Алиса понимала, что ей до них не докричаться, и потому повернула рычаг направо, и поезд начал разгоняться, весело пыхтя и стуча колесами по рельсам вдоль берега реки.

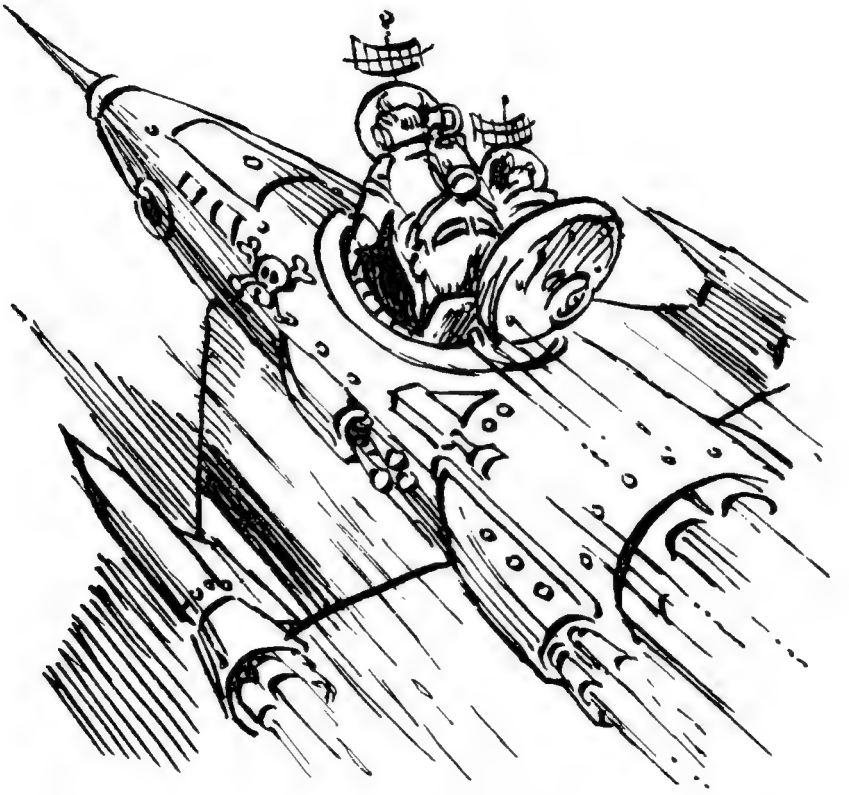
Дорога постепенно закруглялась, и впереди Алиса увидела черное пятно – вход в тоннель, где Уксу-ба и собирался отсидеться, отстреливаясь, пока не придет подмога.

Но сделать это они не успели.

Глава двадцать вторая
ПРИЛЕТ ПИРАТОВ

Сверху, с облаков, не спеша и совершенно бесшумно, спустился потрепанный, погнутый старый космический корабль. Конечно, не такой, как малыш Гай-до, а настоящий, даже на вид боевой, черный, сверкающий, без опознавательных знаков и иллюминаторов, лишь на его боках были нарисованы черепа и скрещенные кости. Много черепов с костями.

И никто, кроме Алисы, не знал, что каждый череп означал сбитый, погубленный, уничтоженный корабль. Причем не только военный – с во-



енными кораблями пираты, как известно, встречаться недолюбливают. Каждый череп напоминал о горькой судьбе пассажирского лайнера, торгового судна или исследовательского корабля.

Пиратский корабль медленно опустился прямо на рельсы, и те под его тяжестью расползлись в стороны. Тут же спереди отворился люк.

Алисе ничего не оставалось, как резко затормозить – иначе поезд врезался бы в пиратов или, в лучшем случае, сошел с рельсов и свалился в реку.

– Что там у вас? – крикнул Уксу-ба, да тут же замолк: видно, выглянул в окно и понял, с кем имеет дело. А вот русал этого не понял. Он быстро выстрелил из катапульты, и именно в тот момент, когда люк открылся и в нем появился во всей своей красе известный старый пират Весельчак У. Тут-то капустный кочан бабахнул его по голове так, что пират свалился внутрь корабля.

Наступила страшная пауза.

Электронная пушка корабля медленно повернулась и направила свое дуло на паровоз.

Алиса поняла: еще секунда – и все погибнут, и ничто не может остановить этой гибели.

Но тут со всех сторон донеслись вопли.

– Не стреляй! – кричал в бойницу Уксу-ба. – Поезд разобьешь!

– Не стреляй! – кричал поднявшийся с пола Весельчак У. – Нам же тогда ничего не достанется!

– Не стреляй! – кричали вразнобой сзади.

Помост, привязанный к двум крокодилам, медленно плыл по реке. На помосте разместились все тираны.

В кресле сидели остатки генералиссимуса Снарядетти.

Рядом, понурившись, стояла уставшая медсестра.

Шрип вытянул свою головку вверх метров на пять и раскачивался, готовый превратиться в петлю и схватить жертву за горло.

Орел-Хохотуша стоял на краю помоста и целился вперед из рогатки, которую он зарядил небольшой картофелиной. При этом он пел:

Чего ж я не сокол, чего ж не летаю!

Чего же из пушки так метко стреляю?

Когда все снаряды я перестреляю,

Мне выдадут орден, а может, медалю!

А Алиса как заколдованная смотрела на пиратский корабль и ждала выстрела.

Но выстрела не последовало.

Сначала из люка вышел Весельчак У – самый толстый космический пират в мире. На лбу у него вспухла большая шишка.

Держась за лоб, пират спустился на рельсы.

За ним выглянул, но не стал вылезать еще один пират. Был он невелик ростом, с очень странным лицом – сильно вытянутым вперед и немного вниз, нос был на конце красным, глаза черными, и лоб пересекала черная прядь волос.

– Крыс! – невольно воскликнула Алиса.

– Какая встреча! – ответил пират Крыс, увидев, как Алиса спускается по лесенке с паровоза.

– Крыс, – сказал Алиса. – Как тебе не стыдно? Зачем ты украл в зоопарке голкоров, зачем ты связался с этими наглыми тиранами? Ты же сколько раз обещал уйти на отдых и не портить жизнь в Галактике.

– Если я уйду, – ответил пират, – всем сразу станет скучно. За кем будут гоняться патрульные крейсеры? Кого будет искать ИнтерГалактическая

полиция во главе с комиссаром Милодаром? Чьим именем будут пугать детей на всех планетах?

– Вот тут ты не прав! – взревел из реки Подводный Бык, который спустился к воде и окунул в нее укушенный крокодилом зад. – А мы на что? Мы же настоящие тираны! Вам, простым пиратам, никогда за нами не угнаться. Мы если убиваем, так тысячами и миллионами, если разрушаем, то целые города! У меня во дворце висели портреты великих полководцев и завоевателей, и возле каждого было написано, сколько невинных людей он загубил. Тебе никогда не сосчитать! Да здравствуют тираны!

– Мальчики, мальчики, – вмешалась в разговор медсестра Увара Тихеньевна. – Ну что за споры. Вы все лихие непобедимые злодеи, но не забывайте, сюда летит патрульный крейсер. Чем скорее пираты вывезут отсюда вас и этот поезд, тем лучше. В любой момент в Галактическом центре могут хватиться инспектора, которого мы держим в подвале.

– Патрульный корабль будет здесь только через четыре часа, – отмахнулся Весельчак У.

– Откуда вам это известно? – спросила медсестра.

– От верблюда! – огрызнулся невоспитанный Весельчак У. – Им на нас наябедничал Гай-до, летающий ночной горшок.

– Этого еще не хватало! – закричал генералиссимус, кресло с которым медсестра выкатила на берег. – Почему вы его не сбили?

– Его собьешь! – сказал Крыс. – Он же быстроходнее всех кораблей, да к тому же хитрый. Спрятался за какой-нибудь горой, ищи его! Да не бойтесь. Он не может нам навредить. Оружия на нем нет!

Эти слова успокоили тиранов. Орел-Хохотуша сразу спросил:

– А мне можно уже к вам на корабль?

– Ты тиран? – спросил Крыс.

– Еще какой!

– И я тиран! – закричал Подводный Бык.

– Может, я не похож на тирана, – сказал Шрип, – но я тоже известный угнетатель.

– Все тираны? – спросил Крыс. – Еще есть?

Алиса увидела, как Уксу-ба тихонько пролез через платформу и заполз в кабину паровоза. Интересно, что ему там понадобилось?

– Еще есть один, – сказала Увара Тихеньевна, – зовут его Уксу-ба, он как раз хозяин этого драгоценного поезда, который мы вам подарим в обмен на вашу помощь.

Сначала из люка вышел Весельчак У – самый толстый космический пират в мире. На лбу у него вспухла большая шишка.

– Так где этот поезд? – спросил Крыс.

– Неужели не видите? – улыбнулась своей доброй улыбкой медсестра. – Вот он.

– Но это же старинный грязный серый поезд, в нем нет ничего драгоценного!

– Он только кажется обыкновенным и серым, – сказала медсестра, – а под краской – весь из драгоценных камней. Не верите – посмотрите сами.

Тем временем русал и русалка спрыгнули с платформы и попытались скрыться в кустах. К несчастью, это заметил Подводный Бык.

– Держи мою пленницу! – закричал он. – Хватай мою рабыню!

Одним прыжком гигантская жаба перескочила через поезд и помчалась за русалкой и русалом, ломая кусты. Орел-Хохотуша кинулся было на помощь Подводному Быку, но тут все увидели, как поезд дернулся, дрогнул и, набирая задний ход, покатился прочь от корабля пиратов. В кабине его сидел Уксу-ба и изо всей силы толкал рычаг налево.

– Никогда вам не видать моего поезда! – кричал он.

– Держи его! – вопила медсестра.

– Держи его! – кричали остальные тираны.

– Придется пристрелить водителя! – Крыс поднял бластер.

– Крыс! – закричала Алиса. – Тебе сначала придется убить меня и Гайдо. Подумай!

– Ты с ума сошла, – возмутился Крыс. – Я твой враг на всю жизнь. Если я тебя убью, о чем Кир Булычев будет писать свои книжки?

Но пока он произносил эти разумные слова, длинная веревка Шрип поднял свою голову метра на четыре и начал раскачиваться и закручи-

ваться, как индеец закручивает свое лассо. Затем Шрип ловко метнул самого себя, влетел в кабину паровоза, обхватил Уксу-ба за шею и так дернул, что тот взлетел в воздух и, вырвавшись из зверской хватки Шрипа, улетел в реку.

Глава двадцать третья
КАК ПОГИБ ТИРАН

Поднялся фонтан брызг – и, о ужас! – к Уксу-ба как стрела кинулся крокодил.

Он раскрыл пасть, и несчастный тиран планеты Уксу пропал в ней. Крокодил облизнулся и в секунду исчез под водой, словно его и не было.

Остальные тираны замерли от неожиданности и испуга.

– Ну вот это зря! – в конце концов крикнул с откоса Орел-Хохотуша, который застрял в кустах, так и не догнав русалок. – Так тиранами кидаться нельзя. Мы – товар штучный.

– Но я же не знал, что его крокодил подхватит, – ответил Шрип.

Даже Подводный Бык забыл о русалках, и по его жабьей морде катились слезы.

– А он ведь был славный парень, – прорычал он, – мы с ним такие веселые соревнования устраивали – кто больше комаров прихлопнет за пять минут. Так он всегда меня обыгрывал.

– Спи спокойно, дорогой боевой товарищ, – вздохнул генералиссимус.

Только добрая женщина-медсестра сказала строгим голосом:

– Хватит, разнюнились! А ну отойдите, я сама подгоню поезд к люку.

Медсестра ловко прыгнула в кабину паровоза и подогнала поезд к люку корабля пиратов. Весельчак У, который, как известно, отличается немалой силой, потер рукавом паровоз, чтобы проверить, на самом ли деле он под краской драгоценный.

У Алисы появилась идея. Она обернулась к доброй медсестре Уваре Тихеньевне и спросила:

– У вас случайно нет слабительного для крокодилов?

– Зачем? – удивилась медсестра.

– А вдруг Уксу-ба еще цел?

– Слушай меня, девочка, внимательно, – сказала медсестра. – Во-первых, этот негодяй Подводный Бык развел в реке две дюжины крокодилов,

и даже если я буду их пытать до утра, ни один не сознается, что именно он проглотил несчастного тиранчика. Я же – гуманистка. И не намерена терзать и пытать несчастных животных.

– Еще чего не хватало! – закричал тут Подводный Бык. – Крокодилы – моя собственность. Неужели я позволю резать им животы ради какого-то международного преступника!

Алисе стало грустно. Все эти люди и нелюди думают о своей выгоде. И хоть Уксу-ба был не самым лучшим из людей, все-таки скармливать его крокодилам без суда нехорошо.

– А может, девочка права? – вдруг раздался голос генералиссимуса. – Может, перестреляем крокодилов к чертовой бабушке? Все же человек – это звучит гордо, а крокодил – это звучит совсем не гордо.

– Стреляй, – сказала тогда Увара Тихеньевна. – Стреляй из своей пушки орешками. Кто тебе, недоумку, даст в ручку настоящее оружие?

– Уварочка! Здесь же чужие люди! Может пострадать моя репутация, – прошептал генералиссимус.

– Сейчас не до нее! Нельзя терять время даром!

Голос доброй медсестры прозвучал так четко и громко, что всем сразу захотелось ей подчиниться. Вылез из воды Подводный Бык. Заторопилось дерево Ивушка, которое запоздало, потому что слишком медленно перебиралось вброд через реку.

– Меня не забудьте, – шелестело дерево, – меня не забудете, и я не забуду.

Орел-Хохотуша прыгал по крыше вагона и скреб ее когтями, чтобы содрать краску, но лапки у него были слабенькие, да и не очень-то он старался.

Алиса не могла отвести глаз от медсестры.

– Ты правильно поняла, – сказала медсестра, уловив ее взгляд. – Я и есть голова, которая думает за всех. Без меня эти идиоты сидели бы по своим норам и планировали заранее проигранные сражения. Но я не люблю корон, «Кадиллаков», почетных караулов и приютов моего имени. Я – скромная тихая женщина, но я люблю порядок. По-ря-док! А люди, моя милая Алисочка, такие беспорядочные существа, что их все время приходится наказывать. Ради их блага!

– Давай, давай! – кричал из люка Крыс. – Майна! Вира!

– Что он кричит? – спросила медсестра.

И лицо у нее было совсем не таким добрым, как сначала показалось Алисе. Ведь если тебе говорят: вон та тетя добрая, она медицинская сестра, ты уже смотришь на нее как на добрую женщину и медицинскую сестру. Но если эта медицинская сестра призналась тебе, что она только притворялась сестрой, а в самом деле она тиран и диктатор, – тебе ее лицо уже меньше нравится.

– Это старинные слова грузчиков, – сказала Алиса, – они значат вверх и вниз. Но вы не досказали мне, как стали тиранкой, – напомнила Алиса.

– Ах, это так просто! В диктаторах у нас состоял мой дядя, которого я сделала генералиссимусом и главным завоевателем. Ему это нравилось. Тебе нравилось воевать, дядя?

– Это славное занятие! – ответил генералиссимус из кресла. – Если бы у меня было еще пять-шесть рук и голов, я бы сейчас не здесь сидел – я бы уже Красную пустошь покорил и Половинный хребет снес бы до основания.

– Ты у меня умница. – Увара Тихеньевна почесала полководца за ухом. – Народ моей планеты, – продолжала она, – ненавидел бесконечные походы, мобилизации, бомбежки и сражения, но долго никто не мог догадаться, что сестра милосердия, которая никогда не отходит от израненного героя, и есть его голова и воля. Его искалеченной ручонкой я водила по карте, готовя бои и сражения, к его глазу я прикладывала подзорную трубу, чтобы он лучше разглядел, по какому детскому садику шарахнуть бомбой. Мы намеревались бороться за единство нашей великой планеты, пока на ней не останется ни одного лишнего человека! Не вышло... Проклятые миротворцы выгнали нас с планеты! Но мы вернемся, продадим поезд Уксу-ба, получим от пиратов оружие – и в поход за мир во всем мире!

Медсестра тихо и даже нежно засмеялась.

– Вообще-то я добрая, я пироги печь люблю, мне бы внучат развести.

– Так что же вы медлите? – спросила Алиса.

– Не могу. Времени нет, долг не позволяет. Ты не представляешь, Алисочка, сколько еще на свете всякой мерзости, грязи и неорганизованной преступности – а ведь всех надо уничтожить, чтобы люди счастливо жили.

– Я думаю, – тихо произнесла Алиса, – что я еще в жизни страшнее вас человека не встречала.

– Ну что ж, это хорошо, – сказала медсестра. – Ты первый человечек, перед которым я раскрылась, и ты первая, кто меня понял. Ведь когда

моего дядю изгоняли с планеты, меня так все жалели, так жалели, что я добровольно отправляюсь с ним в изгнание. А я чуть от смеха не лопнула! Ну, думаю, покажу я вам, как меня жалеть!

Глава двадцать четвертая
КТО СТРАШНЕЕ?

– Может, не стоит вам связываться с такими негодяями? – спросила Алиса у Крыса, который командовал погрузкой. – Ведь вы становитесь сообщниками страшных преступников.

– Значит, ты считаешь, что мы – космические пираты, – улыбнулся Весельчак У, – не такие страшные преступники, как эти?

– Сравнивать вас будет суд, – твердо сказала Алиса. – Но вы, пираты, как паразиты, как блохи, а тираны – это ядовитые пауки, это скорпионы, от которых никому нет пощады!

– Кто-нибудь, пожалуйста, при случае расстреляйте эту девочку, – попросил генералиссимус. – Мне еще никто никогда не говорил таких противных слов.

– Полезно лишний раз услышать правду, – сказала медсестра. – И подумай, какую пользу ты принес, проведя сто сражений и убив сто тысяч человек!

– Я стал генералиссимусом, – ответил ее дядя.

– Вот именно, – согласилась медсестра. – А мог бы остаться полковником. Подводный Бык, вытащи наконец свой зад из воды и помоги мне работать. Неужели одна слабая женщина должна целый поезд в порядок приводить?

– Поворачивайтесь, поворачивайтесь, – прикрикнул на тиранов Крыс, – а то прилетит патрульный крейсер, и ваш поезд никому не понадобится.

Дерево Ивушка вылезло из воды и, медленно раскачиваясь на белых корнях, подошло к поезду. Оно обхватило ветвями вагон и кинуло его в люк пиратского корабля.

– Вот как надо работать! – сказало дерево. – За это попрошу обеспечить мне каюту по размеру и со всеми удобствами.

Тут же дерево с помощью Подводного Быка кинуло в люк платформу.

– Готово, – сказала медсестра. – Куда нам проходить?

– А никуда, – ответил Весельчак У, отступая к своему кораблю.

– Я вас не поняла, – сказала медсестра.

– Если бы вам подвалило такое сокровище, как поезд из драгоценных камней, – спросил Крыс, – неужели бы вы его отдали кому-то другому?

– Я? Да ни в жизнь! – крикнула медсестра. Но тут же спохватилась и добавила: – Ну, разумеется, это зависит от обстоятельств.

– Обстоятельства сложились так, что мы вынуждены вас покинуть, – сказал Крыс, – потому что мы вас не любим.

– Но мы же договорились, что будем помогать друг другу!

– Попрошу без оскорблений, – сказал Весельчак У. – Мы – честные космические пираты, порой грабим, порой хулиганим, но чтобы замучить собственный народ – никогда!

– Никогда! – подтвердил Крыс.

– Мы будем вам служить, – сказал Подводный Бык. – Мы с вами составим славную команду. Я, например, могу под водой сидеть часа три и за это время всех там перекусаю.

– А я взовьюсь к небесам, ах, к небесам! – воскликнул Орел-Хохотуша. – И разгоню тучи. Пусть всегда будет солнце!

– Вам нужна советница по стратегическим проблемам, – сказала медсестра. – Лучше меня вам кандидатуры не найти.

– Все, что могли, мы от вас получили, – отрезал Крыс. – Теперь поедем торговать, менять и получать выгоду. Адью!

И в этот момент сзади послышались голоса.

– Стойте! – кричал робот Кристалл, похожий на сейф.

– Стойте! – кричал инспектор Карло Жерардо, который ехал у него на плечах. – Вы совершаете роковую ошибку. Отсюда нельзя улетать.

– Это что за явление? – спросил Весельчак У.

– Я инспектор планеты и официальное лицо! – кричал Карло. – Я требую, чтобы вы сдались!

И тогда все внимание озлобленных тиранов обратилось на несчастного Карло.

Растопырив руки, лапы и все, что могли, они направились к Карло, чтобы его убить.

Медсестра Увара Тихеньевна со шприцем, наполненным ядом, катила перед собой кресло-каталку с генералиссимусом, который целился в Карло из своего пистолета.

Рядом шагал Подводный Бык, опустив рога, чтобы пронзить Карло. Веревка Шрип раскачивал головкой, чтобы наброситься на Карло и удушить его.

Дерево Ивушка тянуло к Карло свои ветви, чтобы свернуть ему шею. Крокодилы выползли по пояс на берег, любуясь зрелищем. Начался последний акт бунта тиранов.

И никто не заметил, что сверху с неба бесшумно опускался небольшой космический корабль Гай-до.

Глава двадцать пятая
АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

Гай-до опускался, выставив перед собой, как тонкую руку, манипулятор, в котором держал баллон.

Алиса единственная заметила появление своего друга и подумала, что этот баллон она недавно видела.

В тот же момент ее браслет-передатчик зашептал голосом Гай-до:

– Алиса, ныряй в воду! У тебя три секунды.

– А Карло?

– Ныряй, потом разберемся! – крикнул Гай-до. У него тоже нервы были на пределе.

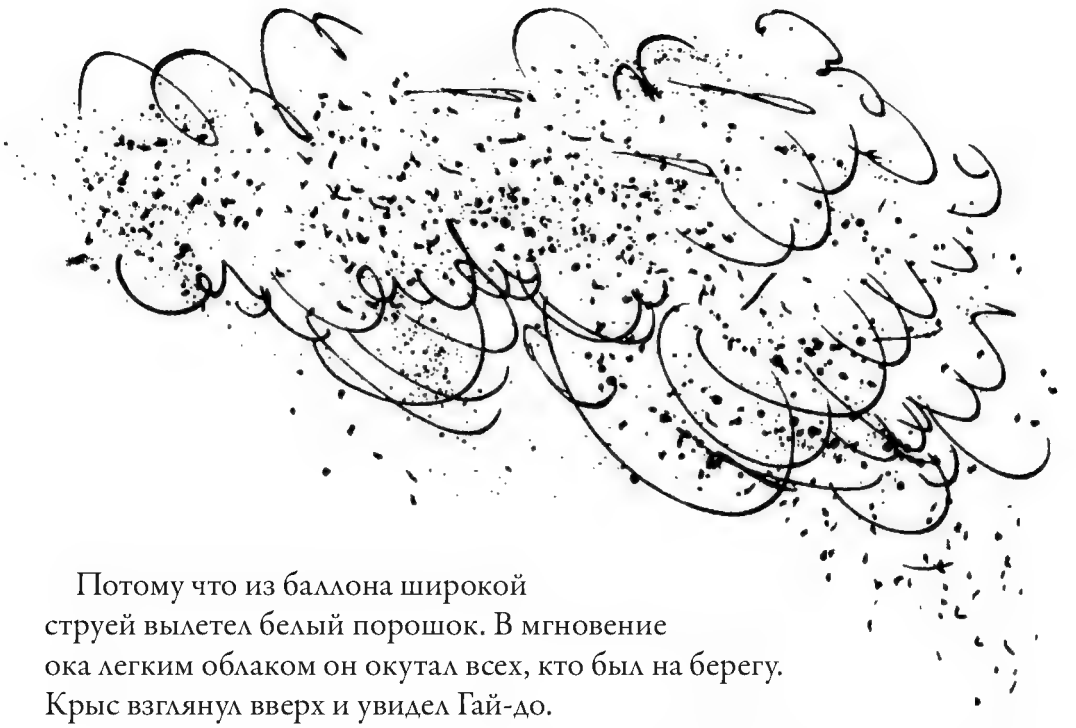
Алиса побежала через рельсы к реке.

Медсестра бросила взгляд на нее, но ненависть к Карло была так велика, что она выкинула Алису из головы.

Алиса рыбкой нырнула с берега и ушла вглубь.

Русал с русалкой, увидев прыжок Алисы, последовали за ней.

И вовремя.



Потому что из баллона широкой струей вылетел белый порошок. В мгновение ока легким облаком он окутал всех, кто был на берегу. Крыс взглянул вверх и увидел Гай-до.

– Ну вот это наглость! – закричал он. – Я же тебя из пулемета собью!

Но договорить Крыс не успел, потому что его охватил страшный зуд и чих. Все тело зачесалось так, что он начал срывать с себя одежду и выть. Крыс выскочил из корабля и покатился по траве.

Крыс налетел на Весельчака У, и вместе они врезались в диктаторов и тиранов, которые отчаянно чесались, ломая ногти и расцарапывая себя в кровь.

Даже Карло свалился с Кристалла и начал корчиться у его ног, даже крокодилы перевернулись брюхом кверху и раздирали себя когтями. И во всей этой сутолоке, в диких криках и воплях, в возне и суматохе не пострадала лишь Алиса, которая вынырнула на середине реки, не попав под порошок, русалки да робот-сейф, он же Кристалл, – ведь роботы не чешутся!

Алиса не смогла сдержать смеха. А ведь еще недавно она хотела выкинуть средство от насекомых, которое забыла на Гай-до Ирия. Вот что значит быть настоящей женщиной. Не выкинула – и пригодилось!

И вдруг Алиса увидела невероятную картину – из открытого люка пиратского корабля выскочили два странных существа.

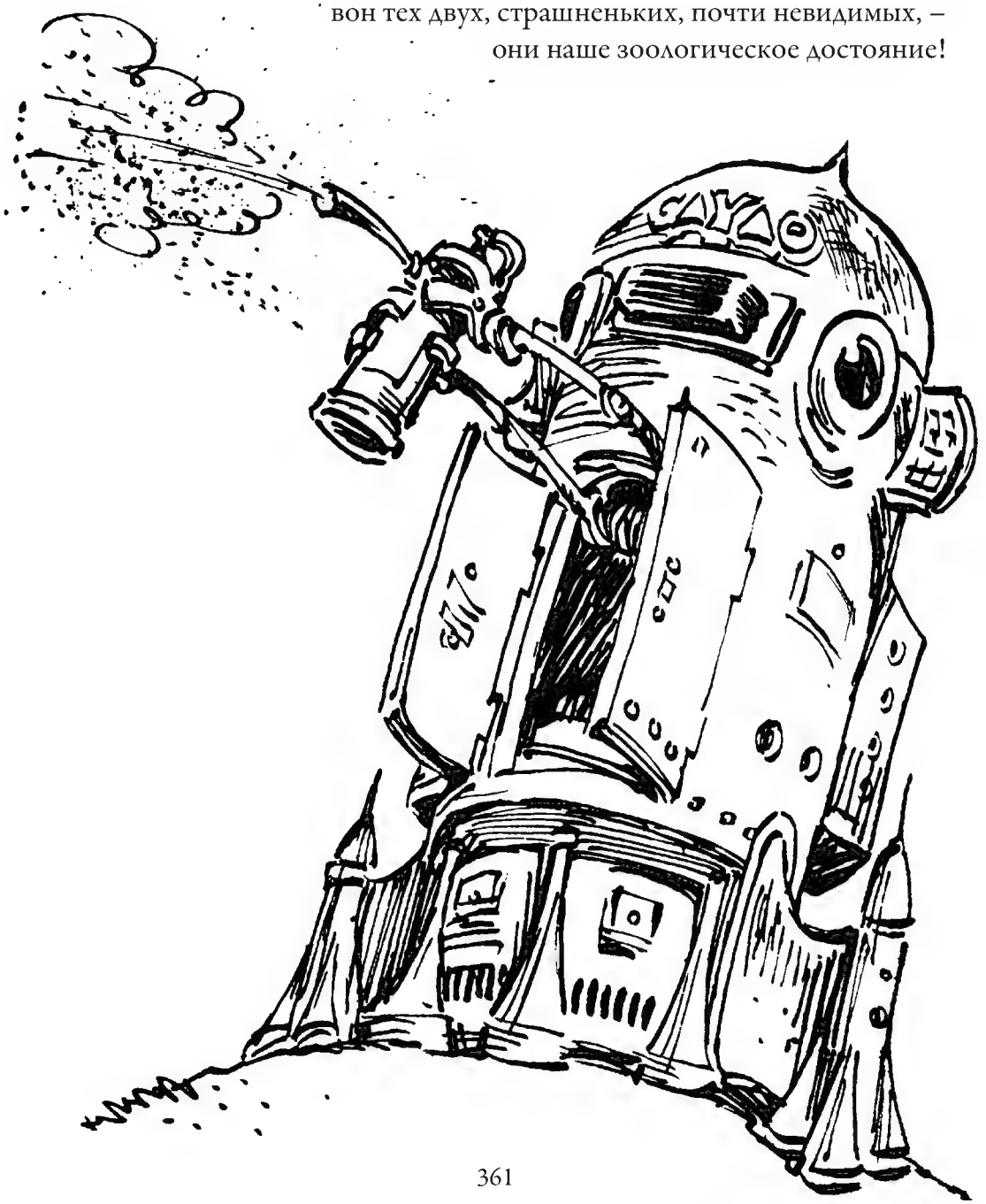
Одно из существ было одето в длинный шелковый халат, но вот головы у него не было вовсе. А у второго была голова в противогазе и шаровары,

а между маской и шароварами была пустота. Эти существа тоже чесались и извивались.

– Голкоры! – закричала Алиса. – Голкоры папины нашлись!

Голкоры в мучениях срывали с себя остатки одежды и вот-вот могли исчезнуть.

– Кристалл! – крикнула Алиса роботу-сейфу. – Лови вон тех двух, страшненьких, почти невидимых, – они наше зоологическое достояние!



И сама тоже побежала за голкорами.

Но следует признаться, что голкоры успели сорвать с себя одежды и пропали, так что бежать пришлось по следам, как за человеком-невидимкой.

– Чем ловить невидимок, – сказал робот Кристалл, – я займусь наведением порядка. А то непонятно, зачем меня сюда прислали.

– Здесь порядка сейчас не наведешь! – крикнул с неба Гай-до. – Лучше давай улетим отсюда, а они сами пускай разбираются.

– Никогда! – громко ответил робот-сейф. – Никогда я не отступал с поля боя!

– Вижу, вижу, что ты был когда-то боевым роботом, – засмеялся Гай-до, – но, насколько я знаю, последний час ты просидел в яме, и ничего не случилось.

– Я чинил свою ногу, – сказал робот Кристалл. – А теперь намерен сражаться.

– Тогда слушай Алису. Командует она, – сказал Гай-до, который знал, что Алиса его не подведет.

Алиса наконец схватила голкоров, и Гай-до, нежно обняв манипуляторами, перенес их внутрь себя. Затем Алиса оглядела поле боя. Она понимала, что пройдет еще несколько минут, и все придут в себя. Ведь, в сущности, ничего не случилось – почешутся и вернутся к своим безобразиям. Значит... значит, надо было их оставить на необитаемом острове.

– Давай конец! – крикнула Алиса своему кораблю.

– Хах-хах-ха! Я горжусь своей хозяйкой! – засмеялся Гай-до.

В мгновение ока Гай-до выпустил буксирный магнитный зацеп и схватил им корабль пиратов.

Чмок – корабль пиратов прилепился к Гай-до.

– Заноси Карло в корабль пиратов! – приказала Алиса, и робот Кристалл тут же подчинился, потому что он привык подчиняться, когда ему приказывают. Затем он и сам забрался в корабль пиратов. – Русал, русалка, срочно бегите в корабль пиратов. Мы отчаливаем через минуту.

– О нет! – закричал Крыс, стараясь подняться. – Я вложил душу в мой корабль!

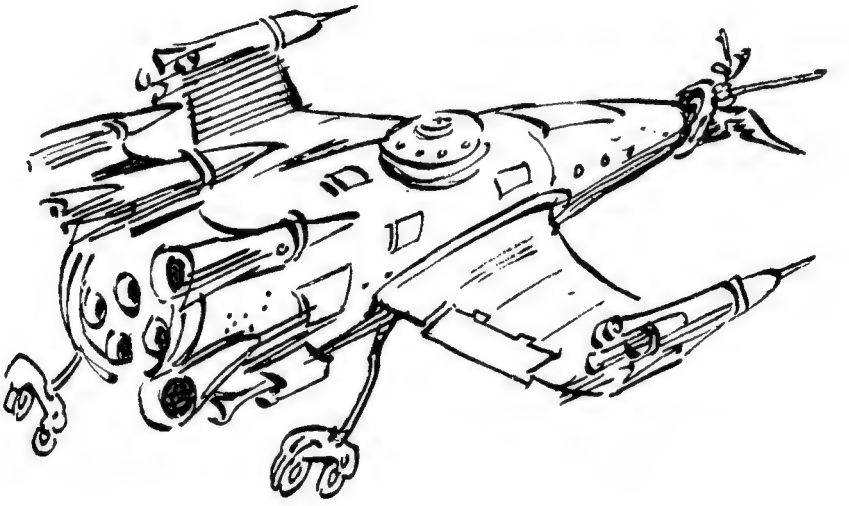
– Получишь его в ИнтерГалактической полиции у комиссара Милодара, – сказала Алиса. – Вместе со своей черной душой.

Русал Гамлет с невестой взобрались в пиратский корабль.

Гай-до задраил люк и спросил по внешней связи:

– Эй, на пиратской шаланде, к старту готовы?

– К старту готовы! – ответил робот Кристалл и захохотал басом. И тут же Гай-до, ведя на буксире пиратский корабль, поднялся в небо и взял курс



на базу инспектора Карло Жирардо, которая, как известно, крутится на орбите вокруг планеты Тишина.

А те, кто остался внизу: диктаторы, пираты и крокодилы, – так мучились и чесались, что не сразу сообразили, что их оставили на необитаемом острове.

На станции русалки и люди тщательно вымылись с мылом, чтобы избавиться от порошка.

Потом попили чаю и решили, что Алиса полетит с русалом и русалкой на Гай-до к планете Уксу, волоча на буксире пиратский корабль, в котором лежит детская железная дорога.

А Карло будет ждать патрульного крейсера, которому все расскажет.

Только стали прощаться, как все планы рухнули.

Станция закачалась.

К ней со всего размаха причалил патрульный крейсер ИнтерГпола.

Люк в станцию распахнулся, и появился сам комиссар Милодар в полном боевом облачении, а за ним его ассистенты, помощники и адъютанты.

– Сдавайтесь! – рявкнул он с порога. – Ваша игра закончена. Я узнал эту пиратскую шаланду.

– Милодарчик, – взмолилась Алиса, – не надо. Мы с Гай-до уже все сделали.

– Что вы сделали? – спросил Милодар. Он только тут узнал Алису.

– Мы победили космических пиратов и всех тиранов и диктаторов Галактики.

– Шутки в сторону! – обиделся комиссар Милодар. – Я несся через всю Галактику, чтобы спасти вас! И вообще, неизвестно, на самом деле ты Алиса или переодетая пиратка?

К счастью, вошли Шехерезада и Кора Орват.

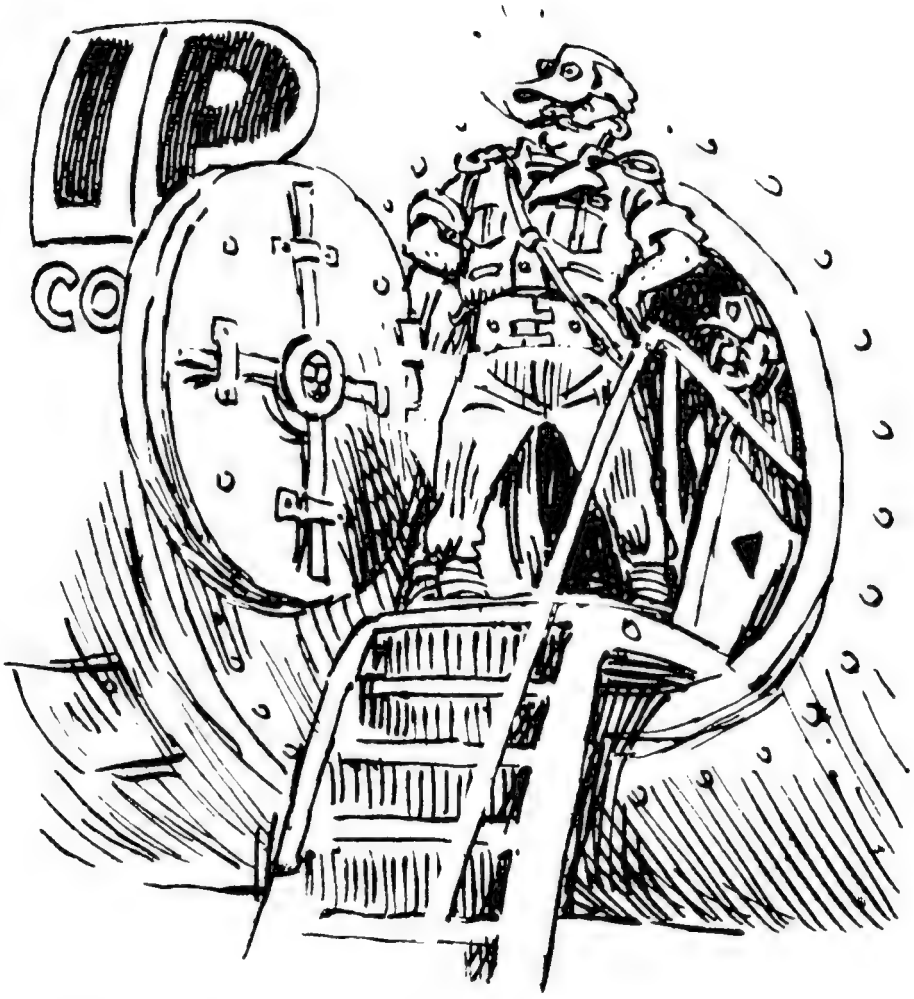
– Милодар, – стали они умолять великого сыщика, – мы знаем Алисочку и клянемся тебе, что это она.

– Вы хотите сказать, что девочка двенадцати лет может победить космических пиратов, захватить в плен их корабль и изолировать на планете всех тиранов?

– И спасти меня, – скромно добавил инспектор Карло.

– И вернуть мою любовь, – вздохнула русалочка.

– Может, – сказала Шехерезада. – И когда Алисочка отвезет на планету Уксу детскую железную дорогу, я попрошу ее найти моего любимого мужа Синдбада Морехода. Ты согласна, Алиса?



– Конечно, согласна, если мама отпустит, – сказала Алиса.

– Какая мама не отпустит моего агента номер один! – закричал комиссар Милодар.

– Ты не знаешь моей мамы, – ответила Алиса.

– Тогда я поговорю с отцом!

– Когда будешь говорить с отцом, – сказала Алиса, – не забудь его порадовать. Я нашла его голкоров.

– Где они? Где они? Почему я их не вижу? – спросил комиссар.

– Потому что они невидимы!

– А как же их найти?

– Пускай Шехерезада отнесет им несколько своих нарядов. Голкоры обожают яркие одежды.

– Хоть сейчас! – сказала Шехерезада.

– Не смей раздеваться! – крикнул комиссар Милодар. – Здесь же дует! Ты простудишься.

– Бывают же такие наивные комиссары! – воскликнула Шехерезада. – Неужели вы думаете, что на свете есть принцесса, которая отправится в космическое путешествие, не взяв с собой по крайней мере дюжины платьев?

С этими словами Шехерезада вышла из отсека, а комиссар принялся расспрашивать Алису о том, как ей удалось справиться с восстанием тиранов.

Потом робот Кристалл принес всем чай. Алиса и ее друзья расселись вокруг стола, дверь отворилась, и вошла Шехерезада.

– Садись к нам, – сказал Милодар, – а то чай остынет.

Он подвинулся, чтобы Шехерезаде было куда сесть, но тут же смертельно побледнел и схватился за сердце.

Потому что у Шехерезады не было лица.

Платье было, туфли с загнутыми носками были, кашемировая шаль была накинута на волосы... а лица не было.

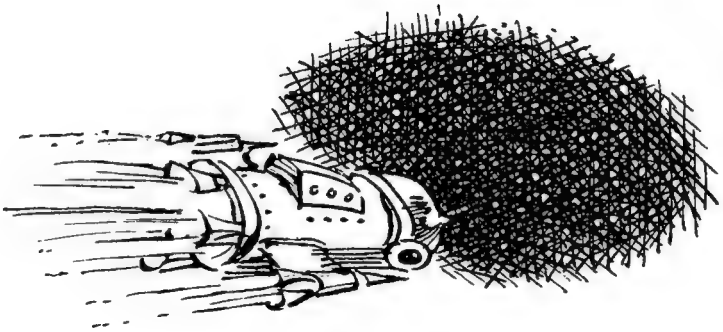
Следом за Шехерезадой появилась еще одна Шехерезада.

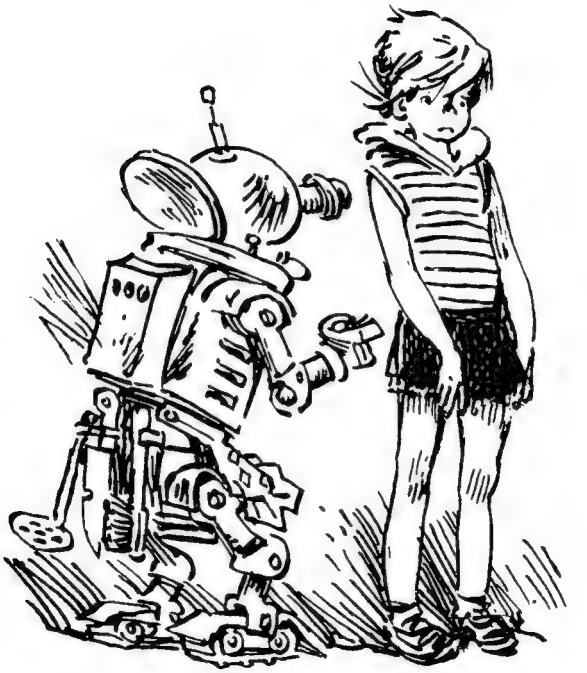
И у нее не было лица!

– Кажется, я схожу с ума, – прошептал Милодар.

И вот тогда вошла третья Шехерезада, самая настоящая, с лицом и даже улыбкой на лице.

– Ах, комиссар, комиссар, – произнесла она под общий смех, – неужели вы не можете отличить принцессу от голкора?





Опасные сказки

Глава первая
КТО МУЖ ШЕХЕРЕЗАДЫ?

У Алисы было плохое настроение.

Она не пошла на каток с Пашкой и даже не стала смотреть свой любимый мультик. Она бродила по дому и места себе не находила. Все у нее валилось из рук.

За Алисой бродил домашний робот Поля. Он страшно по ней соскучился и поэтому приставал с глупыми разговорами.

– Вчера, – говорил он, – на последней минуте второго периода Лукьяненко такую шайбу вколотил в правый верхний угол... зашатаешься! Я записал на пленку. Хочешь, прокручу?

– Нет, не хочется.

– Вчера звонил Аркашка Сапожков и просил тебе передать, что у жирафа Злодея родились близнецы. Спрашивал, что делать?

– Скажи ему, пускай переименует жирафа в Злодейку, – ответила Алиса.

– А в школу ты завтра пойдешь?

– Нет, не пойду.

Вот тут робот замер в ужасе. Конечно, Алиса не была круглой отличницей, но учиться она любила.

От двери в кухню Алиса обернулась и добавила:

– Кроме того, я прекращаю есть, пить, гулять и играть в пинг-понг.

Если бы робот мог, он бы в этом месте зарыдал. Но роботы не плачут. Поэтому он только воскликнул:

– О, скажи, моя Алисочка, кто тебя так обидел? Ведь все в твоей жизни складывается замечательно. Ты только что возвратила детям планеты Уксу железную дорогу и одолела целую толпу тиранов на планете Тишина. Ну откуда у тебя плохое настроение?

– Прости, что я не сказала тебе сразу, – ответила Алиса. – Но пропал без следа мой хороший друг, спаситель козлика Ивана Ивановича, самый знаменитый путешественник эпохи легенд Синдбад Мореход.

– Как же, как же, слышал о таком, – сказал робот. – Но как он мог пропасть, если жил тысячу лет назад?

– Ты же знаешь, Поля, – ответила Алиса, – что я не раз бывала в эпохе легенд, у меня там есть друзья и враги. А любимая жена Синдбада Шехерезада приехала к нам просить помощи и скрывается в штабе комиссара Милодара.

– Тот самый Милодар? – спросил робот.

– Да, представитель ИнтерГалактической полиции на Земле, один из самых влиятельных и умных людей во Вселенной. И даже он не в состоянии помочь моей несчастной подруге Шехерезаде.

– Алисочка, – ласковым голосом спросил робот, – а если я налью тебе чашечку вишневого компота, который я сам готовил, может, ты мне расскажешь обо всем подробнее?

– Ну, Поля, совсем неинтересно рассказывать, если сам знаешь. Но специально для тебя я все расскажу. Неси компот.

Отхлебнув компоту, Алиса отошла к окну, где медленно кружились, опускаясь, желтые листья, и заговорила:

– На днях в кабинете комиссара Милодара я встретила свою старую знакомую принцессу Шехерезаду. Что ты знаешь о ней?

– Я? Я все знаю, – ответил Поля. – Я знаю, что Шехерезаду жестоко угнетал один шах. Он сказал, что если она расскажет ему сказку, то он отрубит ей голову. Нет, не так. Если она расскажет скучную сказку, то отрубит, а если интересную, то не отрубит... – Тут Поля задумался и сам себя спросил: – Так он ей отрубил голову?

– Нет, – ответила Алиса. – Шехерезада вот что придумала: она рассказывала сказку до самого интересного места, потом зевала, потягивалась и произносила сонным голосом: «Ах, как я устала, язык заплетается. Я должна чуть-чуть поспать. Завтра вечером ждите окончание». И так продолжалось тысячу и одну ночь, то есть почти три года подряд. За эти годы шах привык к Шехерезаде, забыл, что намеревался ее убить, можно сказать, даже полюбил несчастную девушку. Но главное – шах стал наркоманом. Да-да, наркоманом по части сказок. Он не мог без сказки заснуть. И врачи сказали, что эта болезнь безнадежна и не поддается лечению. Так что шах решил жениться на Шехерезаде.

– Я об этом слышал, – сказал Поля.

– Погоди, это еще не конец истории. Дело в том, что у шаха было двести тридцать жен. И эти жены ненавидели Шехерезаду. Жены шаха собрались на собрание и приняли решение: если шах посмеет жениться на этой Шехерезаде, то они зацарапают новую жену до смерти, а самого шаха защекочут. Пускай тогда ищут виноватых – все равно не найдут, потому что нет закона, который запрещает щекотаться.

Шах понял, что жены не шутят. Он собрал совет, советники развели руками. Он позвал Шехерезаду, и та сказала ему:

– Я давно хотела сообщить вам, ваше величество, что я полюбила одного простого человека. Мне очень хочется выйти замуж именно за него.

– Кто такой, почему не знаю? – возмутился шах. – Отрубить ему голову!

– Я училась с ним в школе, – призналась Шехерезада, – к тому же мы жили с ним на одной улице. А ваше поведение, шах, меня удивляет. Другой бы на вашем месте обрадовался, а вы грозитесь.

– Чему же я должен радоваться? – удивился шах.

– Я останусь вашей сказительницей, – объяснила Шехерезада, – а мой муж, моряк, который путешествует по всему свету и знает миллион сказок, будет меня снабжать новыми историями.

– А придворную должность он не потребует? – спросили визири.

– Морякам у вас нечего делать.

– И кормить, одевать, ублажать жену будет за свой счет?

– Вот именно. Мой Синдбад – богатый и щедрый человек.

Визири склонили свои мудрые головы и стали ждать окончательного решения шаха.

– С одной стороны, – сказал шах и поскреб наманикюренными ногтями полоску живота между шароварами и бархатной жилеткой, – я люблю новые сказки, а жен у меня и без Шехерезады больше чем нужно.

Не успеваю их навещать. С другой стороны, насколько мне известно, весь мир знает, что после тысяча первой сказки я женился на Шехерезаде.

– Ну и пускай все так думают, – сказал самый старый и мудрый визирь.

Из-за занавеса, который отделял гостиную шаха от гарема, где жили жены, раздались бурные аплодисменты.

После этого Шехерезада вышла замуж за Синдбада Морехода, причем они сыграли свадьбу на острове Сокотра, куда нормальный человек добровольно не заберется. Там бывают только потерпевшие кораблекрушение и пираты, которые грабят потерпевших кораблекрушение. К счастью, у Синдбада и среди пиратов есть приятели, потому что он человек общительный, веселый и никому не делает зла.

Три раза Синдбад уходил в большие плавания и привозил оттуда удивительные истории. Причем его сказки были не только арабские, какие прежде рассказывала Шехерезада, а самые разные – сказки Австралии, которая тогда еще не была открыта, сказки Америки, которая тоже еще не была открыта, и даже сказки чукчей, о которых тогда никто не подозревал.

На четвертый раз Синдбад, как всегда, собрал товары, запаковал их и караваном доставил до реки Тигр. По реке Тигр лодки с грузом добрались до порта Басра, где их Синдбад перегрузил на большой корабль «Слава

Багдада» с тремя мачтами и четырьмя палубами. Кроме Синдбада, на этом корабле ехали еще три известных и богатых купца, которые не в первый раз выходили в океан.

Через два месяца корабли добрались до острова Занзибар, оттуда взяли курс на остров Мадагаскар, а вот после острова Мадагаскар следы корабля «Слава Багдада» пропали бесследно.

Конечно, может быть, бездонная пучина поглотила корабль во время страшной бури, а может быть, острая скала, что как акулий зуб поднимается над волнами, распорола бок судна? А может быть, «Славу Багдада» задушил в объятиях, сломал и утащил в глубину гигантский осьминог, какие еще встречаются порой в Индийском океане? А может, наконец, на «Славу Багдада» напали безжалостные пираты и, растащив добро, утопили, привязав к ногам камни, всех купцов и матросов?

Алиса закончила рассказ и горько вздохнула. Она даже не допила свой компот, а поставила чашку на подоконник. Робот Поля был так расстроен рассказом, что потерял дар речи и несколько раз пытался заговорить, но дыхание его прерывалось, и получался только кашель.

– Но ведь... – произнес наконец робот, – но ведь все это только сказка, да?

– Понимаешь, – объяснила Алиса, – когда-то все это было правдой. Очень давно, в эпоху легенд. Потом на Земле начался ледниковый период, который заморозил всех сказочных существ, обитавших в эпоху легенд. Погибли ведьмы, богатыри и волшебники, драконы и морские змеи. И когда лед сошел с Земли, то на Земле остались только обыкновенные люди и обыкновенные животные. Люди остались живы, потому что прятались в пещерах и разводили там огонь, а звери – потому что разбежались по лесам. Но в сказках осталась память об эпохе легенд.

Сначала сказки рассказывали у костра взрослые, а потом взрослым стало не до сказок, они принялись изобретать железную дорогу, лук, стрелы и автомат Калашникова. Так что сказки остались детям. Вот дети и верят в сказки, а взрослые отмахиваются и делают вид, что это – пустые выдумки. Нет, сказки не пустые выдумки – это воспоминание о древних-предревних временах.

– Но откуда в нашем времени появилась эта самая Шехерезада, – спросил робот Поля, – если она вымерла сто тысяч лет назад?

– Ты же смотрел кассеты моего фильма о приключениях в эпохе легенд. Разве ты забыл?

– Наверное, – признался робот. – Я тогда как раз собирался на подзарядку.

– Когда люди придумали машину времени и даже создали специальный Институт времени, то научные сотрудники стали путешествовать в прошлое. И вот однажды они добрались до эпохи легенд. Туда иногда летают экспедиции. Да и в Москве можно встретить какое-нибудь сказочное существо. Ты же знаешь, что под Москвой есть специальный Заповедник сказок.

– Это любому роботу известно. Ты мне лучше расскажи что-нибудь новенькое.

– А новенькое, – сказала Алиса, – заключается в том, что знаменитый комиссар Милодар из ИнтерГалактической полиции просит меня сегодня прибыть к нему в штаб, который расположен подо льдами Антарктиды, там он будет обсуждать со мной операцию «Синдбад».

– Зачем?

– Принято решение помочь Шехерезаде отыскать ее мужа.

– А зачем тебя зовут?

– Меня зовут как консультанта, – сказала Алиса. – Потому что я уже бывала в эпохе легенд и умею работать сыщиком.

– Не надо преувеличивать, – возразил робот. – Во-первых, ты девочка, во-вторых, у тебя не сделаны уроки на завтра, а в-третьих, если твоя мама узнает, что в такую погоду ты собираешься в новые авантюры, она тут же отправит тебя на перевоспитание к бабушке в Симферополь!

Глава вторая
СОВЕЩАНИЕ ПОДО ЛЬДОМ

Как известно, комиссар Милодар, лицо важное в масштабах всей Галактики, по мановению руки которого поднимаются в космос патрульные крейсеры и отправляются в погоню за нечестивцами спецотряды спецроботов, знал, какую цену представляет его безопасность, и очень себя берег. Поэтому только на командном посту, который был спрятан

в двух километрах под поверхностью льда в Антарктиде, он появлялся в своем обычном состоянии, а так вы могли увидеть только его голограмму, то есть объемную копию, которую ни за что не отличить от настоящего Милодара. Кстати, у комиссара Милодара на родине возле болгарского города Пловдива живет старушка мама. Милодар так боится свою маму, что даже перед ней появляется лишь в виде голограммы, и если мама начинает лупить его кулачками за какой-нибудь проступок и мамины кулачки проваливаются сквозь воздух, она кричит:

– Нет, он не сын мне, а призрак, вурдалак, хуже Дракулы!

Вот такой человек ждал Алису у себя под Антарктидой.

Алиса сошла с флаера посреди снежной пустыни, по которой неслась поземка. Холод проникал даже сквозь меховую шубу. Рядом в ледяном торосе раскрылся люк, из которого пахнуло теплом и вкусным запахом печеных булочек, потому что на тайной базе ИнтерГпола была своя пекарня, прачечная и даже заводик по производству ветчины.

У лифта Алису встретила ее старая приятельница Кора Орват, агент номер три. Кора Орват – молодая женщина, сирота, бесконечно преданная комиссару. Ей приходилось сражаться и разыскивать преступников на сорока разных планетах, и она, несмотря на свою молодость, считается одним из самых опытных сыщиков Галактического центра. Комиссар Милодар в ней души не чает и потому относится к ней строже, чем к другим агентам.

– Алисочка, – обрадовалась Кора, увидев свою подругу. Ведь разница в возрасте в десять с небольшим лет не столь велика, если подруги побывали уже в самых отдаленных и одичавших уголках Вселенной и известны там настолько, что где-нибудь на Паталипутре можно услышать, как трехногий аистифан кричит через дорогу: «Алисочка, какими судьбами! Скорее ко мне, у нас сегодня на обед сказочные прыгающие улитки!»

Они обнялись, и Кора повела Алису к кабинету Милодара.

– Совещание надолго? – спросила Алиса. – Бабушка просила сегодня вернуться домой пораньше, она жарит пирожки с грибами!

– Боюсь, что ты не успеешь домой к вечеру, – сказала Кора. – Но Милодар сам поговорит с твоей бабушкой.

– Синдбада нашли?

Отвечать было поздно, дверь в кабинет Милодара, вырубленная из голубого льда, сама отъехала в сторону, встречая гостей. Милодар встал из-за стола и поспешил навстречу Алисе:

– Проходи, садись, моя девочка. Нам понадобится твоя помощь.

– Речь идет о Синдбаде Мореходе? – спросила Алиса.

Милодар нахмурил густые черные брови и нервным движением запустил пальцы в жесткую курчавую шевелюру.

– Настоящий агент, – сказал он, – никогда не торопится показать начальнику, какой он информированный. Агент всегда молчит.

Милодар нажал на кнопку, и в кабинет вошла Шехерезада с подносом в руках. На подносе стояли чашки с чаем и горячее какао для комиссара.

Глаза Шехерезады были распухшими и красными. Еще бы, подумала Алиса, это такое горе, если у тебя пропал без вести любимый муж!

– Шехерезада, ставь поднос на столик, садись вместе с нами. У нас здесь все равны.

Помолчали, выпили по чашечке горячего крепкого чая. Потом Милодар сказал:

– Ну что ж, мои драгоценные, пора посылать агента в эпоху легенд.

– Вы думаете, сам Синдбад не найдется? – спросила Кора Орват.

– Прошло больше месяца, как он пропал. Такого с ним раньше не бывало, – вздохнула Шехерезада.

– Наверное, Институт времени пошлет своего сотрудника?

Милодар допил какао и возразил:

– Случай у нас особенный. Сотрудники Института времени с полицейской работой незнакомы, воевать со злодеями не приучены и, чуть что,

несутся домой жаловаться, что их обижают. С другой стороны... – Комиссар Милодар раскурил длинную старинную трубку-кальян и вытянул ноги, – с другой стороны, посылать на поиски Синдбада обыкновенного нашего агента, даже такого хорошего, как Кора Орват, нельзя. Потому что этот агент не продержится и получаса между драконами, волшебниками, птицами Рукх и другими чудесами, для нас совершенно невероятными, а для жителей тех мест такими же привычными, как тараканы.

– Что я, драконов не видела? – возразила Кора Орват.

Милодар затянулся и отрицательно покачал головой.

– Погибнешь ни за грош, – сказал он. – Ничего ты не знаешь в эпохе легенд, и никто тебя там не знает.

– Так это лучше!

– Скажи, Кора, когда ты в последний раз читала сказку с доверием?

– Как так с доверием?

– Читала и верила, что все в ней – правда!

– Не помню.

– Вот поэтому я тебя и не отпущу в эпоху легенд. Там нужен свой человек, который все понимает.

– Вы хотите, чтобы полетела я? – спросила Алиса.

– Не перебивай старших! Я еще ничего не решил.

– Вы уже почти решили, комиссар, – сказала Алиса. – И надо сказать, что я ваше решение одобряю и поддерживаю.

– Нет, тебя тоже посылать опасно! Что я скажу твоей бабушке, когда тебя кто-нибудь растерзает? Или продаст в рабство? Девочки, да еще беленькие, очень высоко ценились на невольничьих рынках.

– Я сама пойду, – сказала Шехерезада.

– И через полчаса погибнешь, – сказал Милодар. – Ты чудесная женщина и отлично готовишь чай. Но скажи мне, ты какую высоту берешь?

– Я не беру высоты! – возмутилась Шехерезада. – Я же девушка из благородной семьи.

– Вот именно. А за сколько ты пробегаешь стометровку?

– Я не пробегаю стометровку, потому что это неприлично. Я шествую медленным шагом. Я же красавица!

– Вот поэтому ты и останешься здесь.

– Но я умею шить, вышивать, петь задумчивые песни, играть на зурне, а также в шахматы, целоваться...

– Хватит! Мне все ясно, – оборвал ее Милодар. – Вернем тебе мужа, будешь с ним целоваться, а пока потерпи.

– Я хочу целоваться с Синдбадом немедленно!

– Все! – закричал Милодар. – Довольно! Женщина, отойди в сторону и не мешай спасать твоего мужа!

Шехерезада хотела выцарапать комиссару глаза, но, к счастью, в комнате была Кора Орват, которая смогла так крепко обнять Шехерезаду, что той пришлось успокоиться и сесть в обнимку с Корой на широкий диван.

– Итак, – сказал Милодар, – необходимо существо, знакомое с образом жизни в эпохе легенд, незаметное, тихое, но в то же время отважное и сообразительное.

– Это я, – сказала Алиса. – Лучше вам никого не найти.

– Это почти ты. Но не совсем.

– Почему? – вежливо спросила Алиса. Не надо ссориться с взрослыми, не надо казаться упрямой и даже глупой. Агент должен быть незаметным, как почтальон. Недаром в каждом втором английском детективном романе убийцей оказывается почтальон или дворецкий, потому что на этих людей никто, даже самый великий сыщик, не обращает внимания.

– А потому, – ответил Милодар, – что ты девочка, и, значит, по закону Древнего Востока тебе положено сидеть дома и не высовывать носа, а твоя задача заключается именно в том, чтобы высовывать нос как можно дальше.

– Значит, вам самому придется ехать в ту эпоху, – вздохнула Кора Орват.

– Еще чего не хватало! – возмутился комиссар. – Да ты понимаешь, какая я ценность для Галактики? Меня надо охранять и еще раз охранять! Иногда мне так хочется махнуть на все рукой и удариться в отчаянное приключение! Но нельзя! Не будет меня – рухнет вся организация. Да знаете ли вы, мои дорогие девочки, что я даже сейчас не уверен, человек я или голограмма? А когда я ложусь спать, то не могу сказать, где я сплю на самом деле. Нет, к сожалению, я, как всегда, остаюсь на командном пункте и осуществляю общее руководство операцией.

Все вздохнули и согласились с комиссаром Милодаром. Таким человеком рисковать нельзя.

И все снова повернулись к Алисе, потому что именно на нее указывал перст комиссара.

– Ты пойдешь в эпоху легенд под видом мальчишки. Юнги... нет, скорее просто бродяги и бездельника.

– Вы меня сделаете Аладдином? – обрадовалась Алиса.

– Шшшшш! Молчать! Неужели ты не понимаешь, что некоторые вещи мы с тобой не имеем права разглашать. А кто тебе сказал про Аладдина?

– Я сама догадалась.

– Слишком догадливая.

– С вами станешь догадливой.

Комиссар задумался и понял, что ему сделали комплимент, он покраснел, потупился и произнес:

– Ну уж, скажешь такое...

Потом включил пульт охраны и спросил:

– Вы гарантируете мне, что ни одна муха не пролетит мимо в ближайшие пять минут?

– В Антарктиде нет мух, господин комиссар, – ответил охранник.

– Я лучше тебя знаю, где они есть, а где нет. Но надеюсь, вы отогнали пингвинов на двести километров от моей базы?

– Вокруг все тихо, пусто и свободно.

– Тогда слушай, Алиса. Мы тебя запускаем в эпоху легенд под видом мальчика Аладдина. Одежду и внешний вид тебе создадут в моем центре камуфляжа.

– Но потом это все отмоется? – спросила Алиса.

– Не все ли равно! – удивился Милодар.

– Хорошо, – согласилась Алиса. – Тогда я скажу маме, что вы заставили меня выполнять опасное задание, а для этого покрасили мне волосы и брови. Что еще вы хотите со мной сделать?

Милодар поскреб ногтями в проволочной шевелюре и сказал:

– Я ошибся. Я ошибся, когда предложил Алисе заняться этим делом. Алиса, ты свободна. Вместо тебя в прошлое отправится Кора Орват, и, вернее всего, ей не удастся вернуться живой. Корочка, попрощайся с Алисой, которая спешит домой к мамочке.

Такого оскорбления Алиса не могла снести. Она кинулась на комиссара с кулаками, а так как ни в одной разведке или контрразведке мира не положено кидаться с кулаками на шефа, Алисе пришлось удержаться в самый последний момент и замереть в сантиметре от комиссара.

– Простите, комиссар, – сказала она, переведя дух. – Я не права. Я ничего не скажу маме.

– Тогда отправляйся, – сказал сердито комиссар. – И не возвращайся, пока не будешь готова к работе.

Глава третья
ВИШНЯ НА ГОЛОВЕ

Подготовка к путешествию на поиски Синдбада Морехода заняла немного времени, потому что Милодар многое подготовил заранее. Он ведь только кажется вспыльчивым, неуравновешенным и даже бестолковым. На самом деле комиссар все помнит, всех знает и никогда не повторяет ошибок дважды.

Волосы Алисе покрасили в черный цвет и связали сзади шнурком, так причесывались мальчишки в эпоху легенд.

Кожу ей загримировали, и Алиса стала смуглой, как будто провела две недели на берегу Черного моря. Эта краска была рассчитана на двадцать дней, но на всякий случай главный гример ИнтерГалактической полиции посоветовал Алисе не злоупотреблять мытьем и купанием.

Одели Алису так: сверху широкие синие шаровары, ткань их была тонкая и мягкая на ощупь, а на самом деле она была плотная, ее было трудно разрезать ножом или пробить копьем. В шароварах были сделаны карманы, хотя обычно их там не бывает. В одном кармане лежала маленькая, но отлично пристрелянная рогатка и камешки.

Поверх белой рубашки Алиса надела красную куртку с короткими рукавами.

На голове у Алисы была красная феска, она светилась в темноте, если Алиса того хотела, и могла осветить дорогу лучше любого фонарика. На ногах у Алисы-Аладдина были поношенные туфли с загнутыми носами. Туфли как туфли, которые носят бед-

ные дети. Но подошвы их были настолько упругими, что при желании Алиса могла бежать со скоростью скакуна.

Алису провели в небольшой тренировочный зал, где стояли гимнастические снаряды и всевозможные тренажеры. Дальняя сторона зала была отгорожена невысоким барьером, за которым тренировались в стрельбе свободные от дежурства агенты.

Тренер по стрельбе, толстый эскимос, известный среди межпланетных преступников под именем Сеньор Смерть, дал Алисе сначала обычный бластер и выставил на расстоянии пятидесяти метров полуметровую мишень.

Алиса не стала спорить и по команде толстого эскимоса нажала на спуск и поразила мишень прямо в центр.

– Случайно, но красиво, – сказал Сеньор Смерть.

Сеньор Смерть не знал, что еще в третьем классе Пашка Гераскин был Робин Гудом, Аркаша Сапожков монахом Туком, а Алиса – Маленьким Джоном. Чтобы победить темные силы шерифа Ноттингемского, эта троица достала спортивные луки и сабли и две недели с утра до вечера тренировалась до изнеможения. Конечно, это была детская игра, типичная для века, о ней потом друзья почти забыли, но с тех пор Алиса умела попадать за сто шагов в прут, воткнутый в землю.

Не знал о детском увлечении Алисы и комиссар Милодар, который как раз пришел в тренировочный зал, чтобы проверить, как идет подготовка Алисы к заданию. Он тоже решил, что она попала в цель случайно. Но чтобы не расстраивать юного агента ИнтерГалактической полиции, он спросил шутливо, так, как взрослые любят разговаривать с детьми, делая вид, что разговаривают с ними, как со взрослыми:

– Алиса, может, ты еще какое-нибудь оружие освоила?

– Я не люблю сражаться, – сказала Алиса. – Но немножко стреляю из лука.

– Замечательно! – воскликнул Милодар. – Принесите нам два небольших спортивных лука. Таких, чтобы эта крошка смогла натянуть.

– Я натяну, не бойтесь, – сказала Алиса.

Милодар захохотал так, что в тренировочный зал сбежались агенты, заглянул доктор, в двери показались даже Шехерезада с Корой.

– Знаешь ли ты, – спросил Милодар, – что когда-то в Швейцарии жил свободолюбивый стрелок по имени Вильям Телль?

– Вильгельм Телль, – вежливо поправила комиссара Алиса.

– Вот именно! Не перебивай старших. Дело в том, что папа называл его Вильямом, а мама Вильгельмом. Этот стрелок обычно ставил на голову сыну яблоко и стрелял с расстояния в двадцать шагов. Мы можем повторить его опыт.

– Не надо! – взмолилась Шехерезада.

– Ну почему же?

– Потому что я точно знаю, что до начала стрельбы у Вильгельма Телля было шестеро сыновей, а после стрельбы он остался отцом-одиночкой.

Шехерезада смахнула большую слезу.

– Но я не имел в виду детей, – смутился Милодар. – Мы можем поставить яблоко...

Его холодный взор потек по залу и остановился наконец на инструкторе, Сеньоре Смерти.

– Мой рабочий день только что закончился, – быстро сказал тот.

– Вы уволены! – объявил комиссар. Потом оглядел всех и спросил: – Есть ли добровольцы?

Ответом ему была гробовая тишина.

– Извините. – В дверь заглянул повар. – Но я должен сказать, что яблок сегодня нет, не завезли.

– Вот именно этого я и боялся! – сказал Милодар. – Именно так! Нет яблока в тот момент, когда мы начинаем стрелять. А что есть?

– Вишни, – сказал повар.

– А может, вы хотели сказать клюква? – съязвил Милодар.

– Нет, клюквы нет, – признался повар.

Милодар на глазах закипел от ярости:

– Вы мне срываете испытание агента! Я вас всех разгоню! Дайте хотя бы арбуз!

Арбуз нашелся.

Милодар собственноручно поставил его на тумбочку в дальнем конце стрельбища. И все вздохнули с облегчением.

– Первой будешь стрелять? – спросил он. – Расстояние большое!

– Покажите мне, как это делается, – попросила Алиса.

– Ладно уж. Только смотри внимательно.

Милодар натянул тетиву. Это было непривычное для него оружие. Он привык решать все боевые вопросы, нажимая на кнопку. Но, как известно, на луке кнопки нет.

– Тишина в зале! – приказал тренер-эскимос.

Милодар выпустил стрелу. Она просвистела по дуге и, немного не долетев до арбуза, воткнулась в землю.

Все молчали. Ну что будешь говорить, если руководство не попало в арбуз?

– Кто-то дунул от двери, – сказал Милодар. – Надо следить за сквозняками. Но и я хорош! Не учел сквозняка. Давайте вторую стрелу!

Вторая стрела коснулась арбуза, причем так, что он скатился с тумбочки и, грохнувшись об пол, раскололся.

– Ну вот, – сказал Милодар. – Теперь тумбочку кто-то качнул. Безобразие. Ставьте второй арбуз.

– Второго арбуза нет, – ответил повар.

– Как так? – рассердился Милодар. – А как же нам состязаться? Ведь я попал в один арбуз. Как теперь ребенку попасть в другой?

– Простите, а можно я выстрелю в вишню? – спросила Алиса.

– Ха-ха, – сказал Милодар. – Понятно. Ты хочешь надеть ее на стрелу.

– Я хочу положить ее вам на голову, – сказала Алиса.

– Ну ладно, ладно, пошли завтракать, – сказал Милодар.

– Я не шучу, – сказала Алиса. – Но ведь вы ничем не рискуете.

– То есть как так я ничем не рискую? Ты собираешься положить мне на голову вишню, потом выстрелить и попасть мне в глаз. Я тебя правильно понял?

– Простите, но вы ведь можете превратиться в голограмму – в свое собственное объемное изображение.

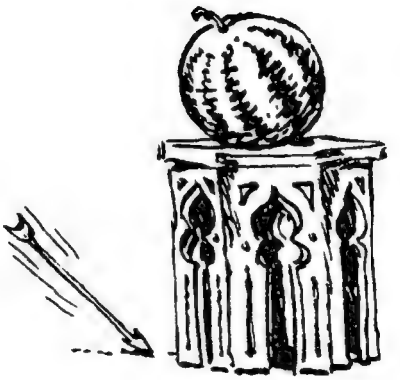
– Что из этого?

– А мы положим вишню на голову вашей голограмме.

– И она провалится, – сказал тренер-эскимос.

– Куда? – не поняла Алиса.

– На пол. Ведь голограмма нам только кажется.



– Моя голограмма, – обиделся начальник ИнтерГпола, – отличается от обыкновенных голограмм тем, что в нее можно тыкать пальцами и думать, что это – мое тело. Моя голограмма – вершина человеческой мысли.

– Тогда ничего не мешает положить ей на голову вишню, – сказала Алиса.

– Нет, – сказал Милодар, – не надо позориться, моя девочка.

– Комиссар! – в один голос закричали Шехерезада и Кора. – Давайте проверим, в самом ли деле у вас – лучшие агенты во Вселенной.

– А это мысль. Лучшие агенты... мои агенты!

Он повернулся и быстрыми шагами покинул тренажерный зал. Вошел он через другую дверь, в остальном ничем не изменился.

– Куда вставать? – спросил Милодар.

– Туда, в конец стрельбища, к мишени.

Повар уже принес на тарелке спелую вишенку.

– Только осторожно, чтобы мне не было щекотно, – сказал Милодар. Повар двумя пальцами положил вишню на макушку комиссара.

Это удалось ему не с первого раза из-за того, что у Милодара очень густая шевелюра. Наконец вишенка улеглась на место, и взоры всех собравшихся в тренировочном зале устремились на нее.

– Ты все-таки поосторожнее стреляй, – сказал Милодар, – хоть я и не я, все равно неприятно.

– А вы не дергайтесь и не прыгайте на месте, – сказала Алиса.

Она тщательно натянула тетиву, прижалась щекой к изгибу лука и выстрелила. Стрела стремительно рванулась к цели. Алиса даже и не смотрела на вишенку, она была уверена, что попала в цель. Да и какие могли быть сомнения, когда все в зале начали кричать и хлопать в ладоши?

Милодар провел ладонью по шевелюре и спросил:

– А где... это самое?

Потом догадался оглянуться и увидел стрелу, лежащую на полу. На наконечник стрелы была нанизана спелая вишня. Милодар поднял стрелу, взял с острия вишню и кинул в рот.

– Вы с ума сошли! – закричал повар. – Она же немытая!

– А разве я чего-то съел? – спросил Милодар, подмигнул Алисе и добавил, проходя мимо и дожевывая вишенку: – А ты когда-нибудь видела, чтобы голограмма ела вишни?

– Ой! – воскликнула Алиса. – Значит, вы были настоящий!

– Настоящее некуда!

– Но вы же рисковали. А вдруг бы я... у меня бы дрогнула рука?

– Талант руководителя заключается в умении подбирать подчиненных, – сказал Милодар. – И учти, что прежде чем отправить тебя на спецзадание, я проверил всю твою жизнь, по косточкам, по минуткам...

Глава четвертая
ЛАМПА ДЛЯ АЛАДДИНА

Мальчик Аладдин в красной курточке и красной феске, синих шароварах и черных туфлях с загнутыми носками заглянул в кабинет комиссара Милодара.

– Можно войти?

– Входи, агент, – сказал Милодар. – Сейчас тебе принесут чай и печенье, ешь от пуза, но не слишком. Никто не знает, когда ты пообедаешь в следующий раз.

Аладдин присел на краешек дивана. Сложил руки на коленях. Он вел себя, как положено уличному мальчишке, который впервые попал в богатый дом.

– Что прикажете, эфенди? – спросил он.

– Скоро тебе принесут волшебную лампу, – ответил эфенди Милодар. – Прошу тебя ее не потерять, вещь это ценная, подлинная. Без нее операция провалится, тебя разоблачат, и ты никогда не вернешься к папе и маме.

– Слушаюсь, эфенди, – поклонился Аладдин. – Слушаю и повинуюсь.

Вошла Кора Орват. Она принесла сухую лепешку и кучу медных монет.

– Желаю успехов, Алисочка! – сказала Кора.

Милодар страшно рассердился.

– Агент номер три! – воскликнул он. – Вы лишаетесь отпуска к бабушке под Вологду и квартальной премии. Вместо этого вы получаете строгий выговор в приказе.

– За что? – удивилась Кора.

– Вы рисковали сорвать операцию и выдать врагам нашего агента. Запомните: здесь нет никакой Алисы. Здесь есть только мальчик Аладдин!

Кора опустила голову.

– Разведчик ошибается только один раз! – сказал Милодар.

– Я виновата, – признала Кора.

– Ну то-то, – сказал Милодар. – А где лампа и джинн?

– Джинн еще не готов! – ответила Кора. – Его как раз собирают.

– Ах, как я мог забыть! – спохватился Милодар. – Слушай, мой мальчик. К сожалению, мы не успели достать для тебя настоящего джинна. Сейчас готовят надувного электронного джинна. Конечно, это не то что настоящий, многого он делать не умеет, но все-таки на настоящего джинна он похож.

– А вы откуда знаете? – спросил Аладдин.

– А никто не знает, – ответил Милодар. – Главное – много шума, много дыма и громкий голос. Все-таки защита. Кстати, ты тамошний язык знаешь?

– Конечно. В эпоху легенд говорили на Понятном языке.

– Тогда желаю счастья, Алиса, – сказал Милодар.

В комнате раздался смех Коры:

– Ха-ха-ха! Кто-то здесь называет нашего агента Аладдина женским именем! Вы не боитесь, комиссар, что враг подслушает наш разговор и вы загубите агента и всю операцию?

– Кто подслушает? – возмутился Милодар. – Я же специально проверил. На двести километров вокруг ни одного пингвина нет!

– Какой вы несправедливый, комиссар! – воскликнула Кора. – Почему мне нельзя, а вам можно?

– Потому что я твой начальник, – ответил комиссар. – Когда станешь начальником, тебе тоже многое будет можно. Аладдин, собирайся, пойдем поговорим с Шехерезадой.

– Зачем? – удивилась Алиса. – Мы обо всем уже поговорили.

– Нет, не обо всем, – ответил Милодар. – Шехерезада напомнит тебе о всех плаваниях своего мужа, чтобы ты знала, на каких островах и в каких странах он побывал, о каких чудесах он рассказывал.

– Но я же обо всем читала! – воскликнула Алиса.

– Когда?

– Давно, но не очень. Когда была маленькой.

– А сейчас мы проверим, хорошо ли ты все запомнила. Ведь повторение, мой друг, – мать учения.

Алиса не стала больше спорить с комиссаром, а перешла следом за ним в гостиную, которую специально сделали в Антарктиде, чтобы Шехерезада чувствовала себя как дома.

Гостиная была покрыта коврами, на которых были разбросаны подушки.

Посредине стоял резной деревянный столик, за столиком – тахта. На тахте возлежала прекрасная Шехерезада, одетая в прозрачный халат и шелковые шаровары.

При виде гостей Шехерезада всплеснула чудесными руками, зазвенела браслетами и ожерельями и спросила:

– Неужели это ты, Аладдин? Давненько я тебя не видела.

– Да, это я, ваше высочество, – сказал уличный мальчишка и низко поклонился.

Милодар уселся прямо на ковер и спросил:

– Славный у нас Аладдин получился?

– Как настоящий! – ответила Шехерезада. – Садись, мальчик, садись. Не бойся, никто здесь тебя не укусит. Если хочешь, бери рахат-лукум, угощайся, только руки о ковер не вытирай, грязнуля базарный!

Милодар усмехнулся. Он был доволен. Шехерезада, похоже, забыла, что перед ней сидит переодетая Алиса.

– Шехерезада, – попросил Милодар, – ты обещала нам рассказать о приключениях Синдбада. Постарайся говорить кратко, не отвлекайся.

– Слушаюсь, о великий комиссар! – сказала Шехерезада. – И повинуюсь. Откушай пока мой рахат-лукум и запей шербетом.

– Я не могу, – отказался Милодар. – Я на работе.

– А ты, уличный попрошайка? – спросила Шехерезада.

– С удовольствием.

– Начинай наконец! – зарычал Милодар.

– Хорошо, – сказала Шехерезада. – Начнем с первого приключения Синдбада. Оно началось на необитаемом острове, к которому пристал его корабль. Все купцы и моряки сошли на берег, чтобы размяться и перекусить. А мой Синдбадик притащил с корабля корыто и принялся за стирку.

– На них напали дикари? – спросила Алиса-Аладдин.

– Такие вещи надо помнить, – вздохнула Шехерезада. – Остров оказался громадной рыбой, которая так давно плавала по морю, что обросла лесами и горами. И когда матросы стали разводить на ней костры, рыбе стало больно, и она нырнула в океан.

– Правильно, я вспомнила, – сказала Алиса. – И ваш муж отправился в корыте плавать по морю. Он плавал до тех пор, пока не попал на какой-то другой остров. Но я забыла, что там с ним случилось.

– На том острове лежало яйцо птицы Рукх, – подсказала Шехерезада.

– Ой, я вспомнила!

– Не вспомнила, а вспомнил! Не забывайся! – оборвал Алису Милодар. – Все агенты попадаются на мелочах!

– Извините, – сказала Алиса.

Шехерезада подождала, пока Милодар успокоится, и продолжала.

– Эта птица Рукх известна тем, что она – самая большая птица на свете, – сказала она. – Даже птенцов своих она кормит взрослыми слонами.

– Ну не взрослыми! – не поверил комиссар. – Я готов поверить, что слонятами или буйволами. Но не взрослыми слонами!

– Простите, комиссар, – сказала Шехерезада. – Но кто из нас живет в эпохе легенд, а кто – в двадцать первом веке?

– Я тоже читала о том, что птица Рукх кормит птенцов слонами, – сказала Алиса.

– Ну и пожалуйста, – заявил Милодар. – Я согласен, согласен, согласен! Пускай она их кормит паровозами и китами!

– Мой Синдбад шел по острову, – продолжала Шехерезада, – и увидел громадный белый шар. Сначала он решил, что это – дом. Он обошел вокруг, но не обнаружил ни окон, ни дверей. Синдбад удивился, улегся на траву в тени яйца и спокойно заснул. А проснулся он от страшного шума и ветра. Оказывается...

Шехерезада сделала паузу. У нее это здорово получается! Милодар не выдержал и закричал:

– Ну говори, говори, не томи! Что дальше?

– Прямо как мой шах, – сказала Шехерезада. – Такой же нетерпеливый. Так слушайте, это опускалась с неба птица Рукх. Крылья ее закрывали половину неба, крик был подобен грому, а вокруг нее бушевала буря...

– Шехерезада, не так красиво! Ты, наверное, забыла, что рассказываешь не шаху, а нашему агенту Аладдину. Так что время тянуть не нужно.

– Я рассказываю как всегда, – сказала Шехерезада. – А если не нравится, пускай вам рассказывает кто-нибудь другой.

Так как за Шехерезадой осталось последнее слово, она, помолчав, продолжала рассказывать.

– Синдбад Мореход, как известно, только что вылез из корыта и потому был почти совсем голый, да помилует его небо! – воскликнула Шехерезада.

– А зачем он разделся в корыте?

– Да не в корыте он разделся, а еще раньше, чтобы постирать белье. У них

же на корабле не было прачечной и невозможно было поменять одежду. А мой Синдбад – ужасный чистюля. Вот он разделся, все, кроме чалмы, с себя снял и начал стирать, а тут рыба...

– Хватит! – закричал Милодар. – Мы это знаем! Мы уже добрались до острова, где живет птица Рукх.

– Правильно, но ведь Синдбад был голый.

– Но при чем тут это? – совсем уж взбеленился комиссар.

– А потому что Синдбад придумал, как ему улететь с острова, – для этого надо привязать себя к ноге птицы Рукх, пока она сидит на своем яйце. Он размотал свою чалму, и получился длинный шарф. Он привязал себя чалмой к ноге птицы Рукх и стал ждать, когда она полетит добывать пищу. Так и случилось. С первыми ласковыми лучами солнца, которые нежно позолотили верхушки пальм и разбудили певчих птичек, огласивших окружающий мир мелодичными руладами и чириканьем, когда зашевелились под листьями червячки и гусеницы и вылезли из своих норок мышки...

– Шехерезада! – взмолился Милодар. – Короче!

– ...Птица Рукх взлетела в небо, перелетела через океан и опустилась в мрачную горную долину. Там Синдбад быстренько отвязался от ноги, а птица схватила в клюв гигантского удава и поднялась с ним в небо. Конец второй части.

Шехерезада налила себе чашечку чая, отхлебнула и продолжала:

– Это приключение сильно напугало моего Синдбада, но заложило основу нашего благосостояния. В том ущелье на земле валялось множество драгоценных камней, и умные люди приходили на обрыв над ущельем и кидали туда куски мяса. Орлы и другие могучие птицы кидались вниз, тащили мясо с приклеившимися к нему камешками наверх, там их убивали, а камни вынимали из мяса.

– Помню, помню, – сказала Алиса. – Синдбад снова размотал свою чалму и привязал себя к куску мяса. И его вытащил орел.

– Ну и орлы у вас, ну и орлы, – покачал головой Милодар. – Или, может, Синдбад очень мелкий?

– Синдбад у меня выше среднего роста. Вы, комиссар, ему только до уха достанете.

– Мы здесь собрались не для того, чтобы выдумывать мне физические недостатки, – обиделся Милодар. – Я задал вопрос и ждал ответа, а не комментариев. Продолжай.

– Орел бросил моего Синдбада наверху, сбежались геологи, которые там работали, очень удивились, как это Синдбаду удалось остаться живым среди змей и скорпионов. Но потом подарили ему часть камней, которые орел вытащил вместе с ним. Вот, видите.

И Шехерезада, отодвинув черный локон, показала бриллиантовую серьгу неописуемого блеска.

– Продолжай, продолжай, – торопил Милодар. – У нас еще много дел. Мы не можем провести здесь тысячу и одну ночь. Какие еще выдающиеся приключения пережил твой муж?

– Ах, зачем их все перечислять! – улыбнулась Шехерезада.

– Ну это же ежу понятно! Твой Синдбад никогда не попадается дважды в одну ловушку и не будет слушать дважды одну и ту же сказку – он собирает для тебя новые сказки. Правда?

– Ах, какой вы мудрый, комиссар Милодар, – сказала Шехерезада. – Тогда я должна рассказать о самом страшном приключении моего

мужа. Однажды он попал на остров. Остров как остров. То ли его там товарищи забыли, то ли корабль о скалу разбился – не помню. Но главное, что он увидел там полянку, через полянку протекал ручей, по ту сторону ручья сидел доброго вида старикашка и знаками звал Синдбада к себе. Синдбад, конечно, подошел, потому что уважает старших. Старичок знаками показал: «Перенеси меня через ручей». А потом, когда Синдбад его перенес, старичок не захотел с него слезать. Оказалось, что это паразит.

– Хомо-паразитикус, – произнес Милодар.

– Своими черными пятками он так сдавил горло моего мужа, что тот никак не мог сбросить старичка. Вот старичок и заставлял Синдбада носить его по острову день и ночь, кормить бананами и кокосами, и только пьянство спасло Синдбада.

– Что ты говоришь! – удивился Милодар. – Пьянство может только загубить, но не может спасти.

– Это наших оно губит, а от чужих спасает, – объяснила Шехерезада.

– Ну рассказывай, рассказывай!

– Синдбад отыскал старую сухую тыкву, сделал в ней дырку, вычистил изнутри, набил виноградом, раздавил виноград, и получилась тыква с виноградным соком. Старичок наблюдал за Синдбадом, но не мешал. Потом Синдбад заткнул тыкву покрепче деревянной пробкой и оставил дозревать. Прошло несколько дней, Синдбад открыл пробку – а из тыквы такой винный дух...

– Потрясающе! – воскликнул Милодар.

– Синдбад хлебнул этого вина и говорит: «Ничего вкуснее я в жизни не пробовал!» Тогда старик конечно же стал отбирать у него тыкву.

– Типичное поведение для эксплуататоров, – пояснил Милодар. – Они всегда отбирают у трудящихся плоды их труда.

– Выпил старичок все вино, ручки и ножки у него ослабли, и он свалился с Синдбада на землю, – заключила рассказ Шехерезада.

– Помню, – сказала Алиса. – Я читала. Потом Синдбад взял большой камень и как бабахнет ему по голове! И вдребезги!

– Клевета, – возмутилась Шехерезада. – Мой Синдбад без особой нужды старается никого не убивать. Даже комаров.

Милодар согласился с Шехерезадой.

– И правильно делает, – сказал он. – Такое поведение называется гуманизмом. Если враг сдается, его не убивают!

Шехерезада сладко потянулась:

– Может, на сегодня достаточно?

– И не мечтай! – заявил Милодар. – Если ты в самом деле хочешь отыскать своего мужа, то рассказывай до самого конца!

Шехерезада послушно кивнула и продолжала:

– В следующем путешествии Синдбад столкнулся с драконом. С самым настоящим.

Дракон распахнул пасть
и попытался проглотить клетку.
Но добыча в рот не поместилась.

– Этого еще не хватало! – возмутился Милодар. – Значит, у вас и драконы водятся?

– Кто только у нас не водится, – вздохнула Шехерезада.

– И как же он отделался от дракона?

– Он собрал на берегу океана бревна, палки и доски и сделал из них большую клетку. Дракон как увидел Синдбада, почуял его, зарычал и кинулся в атаку. А Синдбад залез в клетку и закрыл дверцу. Дракон распахнул пасть и попытался проглотить клетку. Но добыча в рот не поместилась. Дракон ее перевернул – и все равно клетка в пасть не лезет. Дракон чуть не рехнулся от злости, половину зубов переломал и наконец выкинул клетку далеко в море. Вот Синдбада и носило по волнам, пока его не приметили с проплывающего корабля. На этом корабле он добрался до Индии. В Индии он прожил довольно долго, но что там случилось, я рассказывать не буду.

– Почему же не будешь? – ласковым голосом спросил комиссар.

– Это наша семейная тайна.

– У тебя не должно быть от нас тайн, – сказал Милодар.

– Я расскажу, только учтите, эта история случилась до того, как Синдбад со мной познакомился.

– Учли, – согласился Милодар. – Раскрывай тайну.

– Индийский султан, – сказала Шехерезада, – полюбил Синдбада. И захотел, чтобы Синдбад остался в Индии навсегда. Поэтому он решил женить его на своей племяннице.

– И Синдбад, надеюсь, согласился? – спросил Милодар.

– Он у нас добрый, – ответила Шехерезада. – Ему было неудобно отказать султану.

– Наверное, Синдбад был страшно несчастлив! – воскликнула Алиса. – И эта племянница была жуткой уродиной.

– Ничего подобного, – возразила Шехерезада. – Она была красавицей и обожала Синдбада. Султан подарил молодоженам дворец, и они счастливо прожили в нем два года. И вдруг молодая жена заболела. Конечно, Синдбад позвал лучших врачей, но врачи сказали, что не могут помочь. И тут Синдбада вызвал к себе султан и печально сказал, что хочет с Синдбадом попрощаться. Синдбад не сразу понял: ведь болела его жена! Но султан объяснил Синдбаду, что в Индии есть такой обычай. Если умирает муж, то вместе с ним хоронят его жену. А если умирает жена, то вместе с нею хоронят ее мужа.

– Ничего подобного в Индии нет! – возразил Милодар. – Я там недавно был на конференции по светофорам.

– Это происходило в эпоху легенд, – напомнила Алиса.

– Ах да! Я так увлекся, что забыл. Ну продолжай, продолжай!

– Прошло несколько дней, – сказала Шехерезада, – жена Синдбада умерла. Собрались родственники и соседи, отнесли гроб за город к большому отверстию в земле. Сначала туда опустили гроб, а потом на веревке и живого Синдбада, спустили за ним кувшин воды, лепешку хлеба, крикнули сверху: «Сладкой тебе смерти, чужестранец!» – и наступила тишина. Положение у моего Синдбада было просто ужасное. От горя он лишился чувств, а когда пришел в себя, все уже разошлись, на его крики никто не откликнулся. Потом он кинулся было искать выход из подземелья, да наткнулся на кучу скелетов и снова лишился чувств.

Шехерезада замолчала. Все подождали немного, потом Алиса спросила:

– Простите, а как же он выбрался?

– Не знаю я, как он выбрался! – воскликнула Шехерезада. – Не сказал он мне. Может, забыл.

– Продолжай, принцесса, – сказал Милодар. – Где нам еще не надо искать Синдбада?

– Он побывал и в обезьяньем городе, – сказала Шехерезада.

– Точнее.

– Он попал в город, все дома которого глядели на море, и перед каждым домом стояла лодка или корабль. Весь день город жил как нормальные города. Но стоило наступить сумеркам, как люди садились в лодки или корабли и отчаливали от берега. Они проводили ночь в море неподалеку от берега, а с рассветом возвращались обратно. И всю ночь, пока город был пуст, в нем хозяйничали обезьяны. В сумерках они спускались с гор и ходили по улицам, ссорились и мирились – вели себя как люди. А с первыми лучами солнца обезьяны уходили обратно в горы, и люди занимали свои дома.

Тут Милодар не выдержал:

– Ты хочешь сказать, что люди, цари природы, мирились с таким унизительным положением? Они не истребили обезьян?

– Дело в том, что обезьяны, – продолжала Шехерезада, – жили на очень высоких деревьях, куда человеку не взобраться. А на этих деревьях росли драгоценные орехи. Так вот, жители города с утра набирали полные мешки камешков и шли в лес. Там они принимались кричать, дразнить

обезьян и кидать в них камешками. А как вы знаете, обезьяны любят подражать людям. Они начинали рвать орехи с веток и кидать в людей. Так что к вечеру можно было вернуться домой, набрав мешок орехов.

– Остроумно, – заметил Милодар. – Надо использовать. А еще были приключения?

– Ах, господин комиссар, – вздохнула Шехерезада. – Больше я ничего не могу вспомнить.

– Отлично! – Милодар прошелся по комнате, потом указал пальцем на Алису и спросил: – Как, Аладдин, ты все запомнил?

– Все запомнил.

– Теперь ты знаешь, куда тебе не надо ездить и чего не надо делать?

Алиса стала говорить и загибала пальцы:

– Мне не надо жечь костер на спине гигантской рыбы, мне не надо разбивать яйцо птицы Рукх, не стоит возить на себе злобных старичков, дразнить драконов и ночевать в городе обезьян. И ни в коем случае мне нельзя жениться на племяннице индийского султана.

– Молодец! – сказал Милодар. – А я тебе дам совет. Из рассказа уважаемой Шехерезады следует, что все путешествия Синдбада приводили его на Восток. Значит, страны Востока Синдбад уже объехал. Так что искать его надо на Западе. А теперь я попрошу принести нам волшебную лампу и искусственного джинна.

Милодар нажал на кнопку, которая была спрятана под тарелкой с рахат-лукумом, и сверху раздался голос:

– Дежурный по штабу слушает.

– Попроси лейтенанта Мошкина зайти к нам, – сказал Милодар.

Глава пятая
ДЖИНН ДЛЯ АЛАДДИНА

Дверь в гостиную открылась, и появился двухметровый лейтенант Мошкин, который играет в баскетбол за сборную Антарктиды. Вытянув вперед руки, он осторожно нес старинную медную лампу.

– Джинн подан! – сообщил лейтенант.

– Ну давай показывай, – сказал Милодар.

– Вылезай, нечистая сила! – приказал лейтенант Мошкин.

Лампа даже не дрогнула.

– Да поставь ты ее на столик! – сказал комиссар. – И вспомни пароль. Ни один джинн не вылезет наружу, если не сказать волшебное слово.

– А какое слово? – спросил Мошкин. – Мне дали лампу и сказали: отнеси джинна комиссару.

– Вот так с вами всегда, – вздохнул Милодар. Он взглянул на потолок и спросил: – Дежурный, свяжи меня с группой заклинаний и паролей.

– Группа заклинаний и паролей слушает, – тут же послышался голос.

– На какой пароль откликается джинн, который сидит в лампе Аладдина? – спросил Милодар.

– Это секретный пароль, – ответил голос.

– Здесь все свои, – сказал Милодар. – Говори!

– «Цветут каштаны на Елисейских Полях», – ответил отдел паролей.

– Чудесный пароль! Никогда не догадаться. Кто составлял? – взревел комиссар.

– Младший научный сотрудник Сюзанна де Бланш, – сказал голос.

– Перевести Сюзанну де Бланш в парижское отделение нашего архива, – велел Милодар, – и довести до сведения всех сотрудников, что пароль должен состоять из одного слова!

– Так точно, – ответил голос. – Но Сюзанну жалко. Она так кофе умеет готовить!

– Значит, вам жалко себя, а не Сюзанну, – сурово ответил Милодар. – Но пароль менять поздно. Аладдин, вызывай джинна!

– Но это же опасно! – пробасил лейтенант Мошкин.

– Аладдин у нас – опытный полевой агент, – отрезал Милодар. – Он ко всему привык. Правда?

– Конечно, – ответила Алиса. Голос у нее дрогнул.

Она взяла в руки лампу.

– Потри ее рукавом! – приказал комиссар.

Алиса потерла лампу рукавом и вспомнила пароль:

– Цветут каштаны на Елисейских Полях!

И вдруг лампа у нее в руке вздрогнула, задрожала, из нее повалил густой дым, лампа вырвалась из рук, со звоном ударилась о столик, и все услышали страшный голос:

– Кто посмел меня вызывать! На колени, ничтожная тля!

Алиса ничего не видела, к тому же она немного испугалась. Поэтому она сказала:

– Извините за беспокойство.

– Не так! – закричал Милодар. – Аладдин, ты забыл, что джинн – твой слуга. А ну сообщи ему об этом!

– Меня зовут Аладдин, – произнесла Алиса. – И я твой господин.

– Где же ты, мой господин? – откликнулся джинн.

Постепенно дым оседал и уползал за дверь, оставляя черные жирные пятна на полу, одежде и даже на потолке.

– Этого еще не хватало! – Милодар даже на джинна не смотрел, так он был возмущен этим безобразием.

А джинн стоил того, чтобы на него посмотреть.

Хоть он и был надувным, но при этом он получился таким страшным, волосатым, зубастым, рогатым и бородатым, что трудно было поверить, что это только игрушка.

– Кто разрабатывал технологию? – закричал Милодар.

– Доктор Кранц! – ответил голос с потолка.

– Доктора Кранца ко мне! На полусогнутых!

– Доктор Кранц занят, – ответил голос. – Доктор Кранц утешает сотрудницу Сюзанну де Бланш.

– Все ясно. В моей ставке сложился заговор против меня! – сказал Милодар. – Немедленно оторвите доктора Кранца от де Бланш – и пусть мчится сюда.

Джинн тем временем уселся на стол, схватил тарелку с рахат-лукумом и принялся кидать сладости в черную пасть, из которой все еще тянулся черный дымок.

– Что будем делать, хозяин? – спросил он у Алисы. – Хочешь, я всех этих людишек в крыс превращу?

– Не спеши, пожалуйста, – сказала Алиса. – Нам с тобой надо будет найти Синдбада Морехода.

– А это что за красотка? – спросил отвратительный джинн, увидев Шехерезаду. Шехерезада от страха прижалась к стенке.

– Это жена Синдбада, – ответила Алиса.

– Я на ней женюсь, – сказал джинн.

– Помолчи, джинн, – попыталась его остановить Алиса. – Ты же резиновый.

Тут в комнату вбежал главный изобретатель Кранц.

– А, вот вы где! – взревел комиссар. – Предупреждаю вас, доктор, что пока вы не очистите от сажи эту комнату, домой вы не пойдете.

Кранц встал на цыпочки, чтобы стать повыше ростом. Он был возмущен.

– Без сна и отдыха я делал для вас это чудовище. Вместо благодарности я слышу от вас упреки.

Кранц двигался так быстро, что никто никогда еще не видел его целиком.

– Я с честью выполнил задание. Я создал самого гадкого джинна в мире. Разве он не страшный? – кричал Кранц.

– Разве я не страшный? – спросил джинн и пустился в пляс.

– Но зачем этот дым? – спросил комиссар.

– А чтобы пугать. Сначала дым, а потом джинн.

– И что еще он умеет делать? – спросил комиссар.

Доктор Кранц объяснил, как работает робот-джинн. Джинн был надувным. Если потереть медную лампу, он мгновенно надувался. Одновременно из кувшина вырывался черный дым для маскировки и устрашения врагов, а если необходимо, то и усыпляющий газ, но это было опасно, потому что газ мог подействовать и на самого Аладдина. Джинн мог шуметь, ругаться и пугать, но вообще-то он был безобиден.

В придачу к джинну Кранц успел сделать ковер-самолет, который джинн держал под мышкой.

– Проткнуть джинна нельзя? – спросил Милодар. – Если со стороны кто подойдет.

– Не получится, – ответил джинн, – моя шкура непротыкаемая.

– А как мне загнать тебя обратно в лампу? – спросила Алиса у джинна.

Джинн долго скреб в затылке, потом все же вспомнил:

– Нужен пароль!

– Какой пароль? Про Елисейские Поля?

– Ни в коем случае. Нужен секретный пароль, понял?

У резинового джинна был такой же гадкий характер, как у настоящих.

– Меня охватывает тяжелое предчувствие, – тихо произнес Милодар. Он дернул себя за ухо, и тут же с потолка раздался голос:

– Дежурный по штабу слушает.

– А ну-ка узнай, голубчик, – сказал Милодар, – случайно, не Сюзанна де Бланш разрабатывала пароль на исчезновение джинна?

– Именно она, – ответил голос.

– Это катастрофа! – произнес комиссар. – И какой же пароль она выдумала?

– Одну минутку... ага, вот такой: «А ля гер ком а ля гер».

– Это еще что такое? – взвыл комиссар.

– На войне как на войне, – перевела пароль Алиса.

– Еще один пароль Сюзанны де Бланш, – сказал тогда Милодар, – и я ухожу в отставку.

Глава шестая
АЛАДДИН В БАГДАДЕ

Когда подготовка к путешествию была закончена и джинн благополучно заснул внутри медной лампы, Алиса попрощалась со своими друзьями и знакомыми и покинула гостеприимную Антарктиду.

Она полетела в Москву, в Институт времени, а оттуда перебралась в дупло старого дуба, что стоит на краю Дремучего леса в эпохе легенд.

Там ее ждал старый волшебник Оох. От дуба волшебством Ооха Аладдин в одно мгновение перелетел к городу Багдаду, но входить туда волшебник Оох не стал, потому что у него свои сложные отношения с тамошними волшебниками. Они уже три тысячи лет не могут решить, кто из них хитрее и сильнее.

– Спасибо, Оох, – сказала Алиса. – Я пошел.

– Если будет совсем плохо, ты знаешь, что надо сказать об этом любой ласточке. Ласточки – мои слуги, они тут же за мной полетят.

– Не беспокойся, Оох, – сказала Алиса. – У меня много друзей везде. Я ничего не боюсь.

Волшебник Оох, похожий на бродячего дервиша в длинном коричневом халате и высоком черном колпаке, долго стоял у ворот великого города Багдада и смотрел вслед мальчику, о котором он конечно же знал, что это на самом деле девочка.

Как и было договорено.

Теперь, пока Алиса не возвратится к машине времени, спрятанной в старом дубе, никакой связи с ней не будет. Она должна действовать сама по себе.

Никакую другую девочку комиссар Милодар не отпустил бы на такое опасное дело, но Алиса для него была настоящим агентом, и он не мог видеть в ней ребенка. «Агент Алиса Селезнева», – сказал он про себя и повторил вслух:

– Агент Селезнева.

Пока Милодар размышлял так в своем кабинете, мальчик Аладдин вошел в город Багдад и не спеша пошел по улицам, чтобы не привлекать чужого внимания.

Улицы кишели народом, в лавках торговали всем, что можно было найти в арабских странах, в Индии и даже в Атлантиде.

Порой посередине улицы обнаженные до пояса мужчины проносили носилки с богатыми горожанами или проезжали верхом воины или вельможи эмира. Аладдин, никем не замеченный, прошел мимо базара и попал в тихий район, где за высокими глиняными заборами – дувалами – прятались богатые дома.

Шехерезада сказала Алисе, что надо перейти горбатый мостик через арык, повернуть направо – и там будут ворота, выкованные из красной меди и позолоченные, чтобы даже в дурную погоду они бросали вокруг солнечные блики.

Над глинобитным забором поднимались вершины пальм и деревьев манго, украшенных оранжевыми плодами. Ворота были приоткрыты, а по ту сторону дремал, сидя на корточках, сторож с копьем в руке.

Алисе не нужно было заходить в дом. Она даже не стала заглядывать во двор, хоть и любопытно было бы посмотреть, как живет Синдбад Мореход.

На счастье, к воротам изнутри подошла служанка с корзиной.

– Эй, – сказала она стражнику, – ты обед проспишь!

Сторож вскочил и спросонья застучал древком копья о землю, поднимая пыль.

– Я и не собирался спать, Гюльчатай! – зарычал он, показывая, какой он грозный.

– Тогда возьми метлу и подмети двор, – сказала служанка и выбежала за ворота.

«Вот человек, с которым можно поговорить!» – решила Алиса.

– Простите, – сказала она, догоняя служанку. – Не можете ли вы мне сказать, вернулся ли домой уважаемый Синдбад Мореход?

Служанка остановилась и строго посмотрела на мальчика:

– Зачем тебе нужно? А ну отвечай!

– Мой покойный папа, – сказал Аладдин жалобно, и слеза упала на его щеку, – мой покойный папа, когда умирал, велел мне: «Найдешь моего друга Синдбада Морехода, человека самого щедрого и справедливого во всем Багдаде, и он возьмет тебя юнгой на свой корабль».

– Эх, чует мое сердце, что ты не врешь, мальчик, – вздохнула служанка. – Но уже второй год, как мы ничего не знаем о нашем хозяине. Раньше он отовсюду присылал нам почтовых голубей или письма со встречными кораблями. Сейчас же ничего не известно. И я скажу тебе больше – недавно пропала наша несравненная Шехерезада. Сам шах, который давно питает к ней душевное расположение, приказал поднять на ноги всю городскую стражу, оповестить пограничников нашего царства – но все впустую. Даже волшебники колдовали целый день и не смогли решить, куда же делась Шехерезада. Не похитил ли ее дракон или злобный король подземного царства?

– Вернется ваша Шехерезада, – сказал Аладдин, – точно знаю.

– Почему знаешь?

– Потому что я ее сегодня видел живой и здоровой.

– Стой! Где ты ее видел, негодный мальчишка?

– Я видел ее в Антарктиде! – честно ответил Аладдин и кинулся бежать.

Служанка гналась за ним до самого базара, потом отстала, и шаги ее затихли за его спиной.

Главное Алиса узнала – Синдбад Мореход домой не возвращался, и никто не знает, где он находится. Значит, надо будет искать его по следам.

Багдадский порт был велик, сюда по реке от моря поднимались даже морские суда, и на набережной, между тюков, ящиков и связок товаров, можно было увидеть людей с кожей самого разного цвета, от черных зинджей, каффиров и курчавых эфиопов до смуглых либо белокожих индусов, широколицых желтокожих китайцев и японцев, ступающих так гордо, словно их узкие, с орлиными носами лица были обращены взором внутрь себя. А среди перекупщиков, что приехали за товарами с Севера, было немало жителей степи с кожей цвета обожженного кирпича, но были и вовсе белые люди, даже волосы у них были белые – они пришли от самой границы наступающих льдов. Их караваны везли мамонтовую кость и меха.

Мальчишка с лампой сразу пошел в харчевню – посреди нее горел костер, и вокруг костра на палочках были насажены рыбины. Там же на шампуре, подобном копью, жарилась баранина, и острым кинжалом торговец отсекал куски мяса и кидал на глиняные тарелки.

Перекусив, Аладдин подсел к большой компании грузчиков, у которых как раз был обед. Он завел беседу о великом и знаменитом Синдбаде Мореходе. Все с удовольствием рассказывали сказки и правдивые истории о нем, но ничего нового Аладдину узнать не удалось. Эти сказки Алиса читала в детстве, смотрела мультики или слышала от Шехерезады.

Алиса уж собралась идти дальше, как в харчевню заглянул широкоплечий курчавый человек, как оказалось, грек с какого-то острова, лежащего за западным морем.

– Да я видел Синдбада, – сказал он. – Собственными глазами его видал на Крите.

– Где? – вскочила Алиса.

– А тебе зачем это знать, мальчик? Ты небось и слова такого – Крит – не слышал. И твое счастье, если не слышал.

Грек прошел к хозяину харчевни, и тот налил ему полную глиняную кружку вина.

Алиса подобралась к греку поближе и спросила:

– Когда вы видели Синдбада? Мне очень нужно это узнать.

– Спиро еще ни разу не сказал неправды! Клянусь Зевсом! – воскликнул грек, и все в харчевне стали кричать:

– Он такой человек! Это точно! Лучше помрет, но не соврет!

– А ты кем будешь Синдбаду? – спросил Спиро.

– У меня послание ему от моего отца, – сказал Аладдин.

Грек оглядел Алису с ног до головы и вдруг, обернувшись к толпе грузчиков, спросил:

– Врет мальчишка или как?

– Врет! – закричали грузчики. – Не наш он, не видели мы его никогда.

– И одет он странно, – сказал кто-то из грузчиков. – Наверно, шахский шпион.

И Алиса поняла – надо отсюда бежать! Наверное, все правильно сшили и изготовили в мастерских техника Кранца или лейтенанта Мошкина. Но в чем-то глаза грузчиков углядели подделку.

Алиса скользнула к выходу, выбежала на раскаленную солнцем набережную и спряталась за грудой тюков, чтобы не упустить грека Спиро, когда он выйдет. Дело обстояло совсем не так плохо – в первый же день обнаружился след Синдбада.

С каждой минутой становилось жарче.

Алиса оглянулась – может, где-нибудь здесь протекает ручеек или продавец воды сейчас пройдет по набережной.

Неизвестно, когда грек выйдет из харчевни, а если побежать искать воду – то можно его упустить.

Прошло еще несколько минут, и Алиса поняла – сил терпеть не осталось. «Вон там, на корабле, стоят матросы – я попрошу у них попить». Алиса подбежала к стоявшему у пристани кораблю.

– Простите, – крикнула она, – у вас не найдется воды напиться? Я вам заплачу, у меня есть деньги.

На палубе судна стояло несколько матросов. Услышав просьбу Алисы, они прямо упали со смеху. Они корчились в хохоте, они падали на палубу, будто ничего смешнее они в жизни не слышали.

– Ну почему вы смеетесь? – обиделась Алиса. – Что такого в моем вопросе?

– Они смеются, – услышала Алиса голос грека Спиро, который именно в тот момент вышел из харчевни, – потому что видят нищего мальчика,

а он хочет заплатить за воду. Видно, ты и в самом деле не тот, за кого себя выдаешь.

Алиса кинулась бежать по пристани. Несмотря на жару, на некоторых кораблях еще шла погрузка, на других готовились к отплытию, так что многие видели, как по пристани бежит мальчишка, а за ним – здоровый бородатый курчавый мужчина. Все решили, что грек гонится за воришкой, и один из матросов ловко подставил ей ногу. Алиса упала, медная лампа покатилась вперед. Грек схватил Алису за шиворот, потом приподнял легко, как котенка, и, сделав еще шаг, подобрал лампу.

– Ты хотел поговорить со Спиро? – спросил грек. – Как тебя зовут?

– Хотел, – сказала Алиса, – а зовут меня Аладдином.

– А что у тебя за лампа? Она похожа на волшебную.

– Самая обычная лампа!

– Неправда. Но не в этом дело. Сегодня вечером мой «Пинос» отплывет в Грецию. Туда, где в последний раз видели твоего Синдбада. Ты хочешь плыть со мной?

– Да, – сказала Алиса.

– За это отдашь мне лампу.

– Только когда я найду Синдбада, – сказала Алиса.

– А пока лампа полежит у меня, – сказал грек.

Алиса подчинилась и поплелась за Спиро.

Они поднялись на корабль с загнутым носом и квадратным парусом. Кормчий и надсмотрщик над гребцами вышли встречать хозяина.

– Этот мальчишка, Аладдин, будет у нас на корабле. Мы его определим в помощники повару.

Кормчий не стал спорить. Наоборот, он сказал:

– Правильно, наш повар не справляется.

– Иди к повару, – велел Спиро мальчику. – А когда выйдем в море, придешь ко мне в каюту, и мы с тобой вместе посмотрим, что там у тебя спрятано в лампе.

И капитан корабля потряс лампой, прислушиваясь, не звенят ли в ней монеты. Но Алиса знала, что без пароля кувшин открыть нельзя. А уж наверное грек Спиро не знает французского языка, хотя бы потому, что французский язык еще не выдумали.

Глава седьмая
БЕСПОЛЕЗНЫЙ ДЖИНН

Повар оказался очень худым человеком с двумя горбами.

– Ты так на меня не смотри, – сказал он своему новому помощнику, – а то поварешкой пришибу. У меня один мальчишка раньше был, все смотрел и смотрел, вот и получил поварешкой по голове, с тех пор кормит акул.

Повар оскалил зубы, но Алиса, с ее большим жизненным опытом, догадалась, что повар ее просто пугает. Такое у него чувство юмора.

Аладдину выделили подстилку за мешками с мукой и ячменем. Его работа заключалась в том, чтобы относить еду капитану и кормчему, у которых были отдельные каюты, мыть кастрюли и котел для каши.

К вечеру Алиса устала до смерти. Попробуй выскрести котел из-под ячменной каши и перемыть сто тарелок!

Она свалилась на мешки и сразу заснула. Повар растолкал ее на следующее утро. Корабль шел по широкой реке. Гребцы пели бодрую песню.

День опять прошел в трудах, а на третий день «Пинос» вышел в море.

Пока ветер не надул парус, работали гребцы, сидевшие на поперечных скамейках. Потом они подняли весла, и корабль, набирая скорость, понесся по гладкому морю на юг, к проливу между Африкой и Азией, тому самому, на месте которого сегодня пришлось прорыть Суэцкий канал. В эпоху легенд проливы и моря были расположены не совсем так, как сегодня.

Когда стемнело и гребцы улеглись на скамьях, дремали или играли в кости, капитан велел Алисе подняться к нему в каюту.

Он сидел за столом без скатерти, перед ним стояла медная лампа Аладдина.

– Ну что, мальчик, будем разговаривать или в игрушки играть? – спросил грек.

– Я вас не понимаю, – ответила Алиса.

– Еще бы! – Капитан покрутил черные усы и сверкнул черным глазом. – Фитиля в лампе нет, масло не булькает.

Капитан даже поднял лампу, чтобы посмотреть, булькает или не булькает. И оказался прав – не булькает.

– Золота в лампе нет – слишком легкая.

Капитан снова потряс лампой, чтобы показать, какая она легкая.

– К тому же лампа не открывается – я тут все ножи поломал.

Капитан показал на поломанные ножи, что лежали на столе.

– Теперь ты сам, как хороший мальчик, расскажешь мне, зачем тебе такая лампа.

– У меня масло кончилось, – быстро ответила Алиса.

– Ну что ж, – сказал грек. – Жалко мне было это делать, но придется лампу пилить. Вон мне и пилу уже принесли.

Пила и в самом деле стояла, прислоненная к ножке стола. Зубья у нее были сделаны из зубов акулы.

– Жалко, – сказала Алиса. – Хорошая медная лампа, а вы хотите ее распилить. Лучше верните ее.

– Ты думаешь, что я глупый? – спросил грек. – Ты думаешь, если перед тобой неграмотный греческий капитан, то он не знает, что таскают мальчишки в медных лампах?

– А что?

– Конечно, джиннов!

– Я думаю, что вы преувеличиваете, – сказала Алиса.

– И вот что я решил, – сказал капитан. – Лампу мы, конечно, распилим, а тебя за вранье выбросим за борт.

Он смотрел на Алису склонив голову и крутил кончики усов. А Алиса его не боялась. И не потому, что была отважной девочкой. Она поняла, что грек, хоть и правильно разгадал секрет лампы, убивать Аладдина не собирается. Боится он, что джинн разозлится. Кому понравится, если твой дом пилят без разрешения...

Нет, не будет капитан рисковать, он будет хитрить.

И Алиса стала ждать, как будет хитрить греческий капитан.

Капитан вздохнул, посмотрел в потолок и спросил:

– Чай пить будешь?

– Нет, спасибо, – сказала Алиса. – Я напился.

– А может, договоримся полюбовно? – спросил капитан. – Ты мне лампу, а я тебе скажу, куда поплыл с Крита Синдбад Мореход.

– А зачем вам лампа? – спросила Алиса.

– Мне надо жениться на дочке властителя острова Пафос. Никак он мне ее не отдает. А я весь высох от любви. Видишь?

Грек не выглядел высохшим.

– Не знаю, – сказала Алиса, – мне надо посоветоваться с джинном, сможет он помочь или нет.

– Ага! Признался, гадкий мальчишка, что джинна с собой таскаешь! – закричал капитан.

– Потише, капитан, – сказала Алиса. – Зачем будить всех гребцов? Сейчас они сбегутся сюда, а у каждого свое желание...

В этот момент низкая дверь без стука отворилась, и в ней появился худой помощник капитана – кормчий.

Его черный птичий взгляд упал на лампу и тут же перелетел на Алису.

– Ты что пришел? – спросил капитан.

– Шумели у тебя очень, Спиро, – сказал помощник. – Как бы не зашибли тебя.

– Меня? Зашибить? Да такого не найдется...

– Я ж не о мальчонке говорю, – сказал кормчий, – но некоторые матросы и гребцы недовольны. Они думают, что этот мальчишка не просто мальчишка, а Аладдин и в лампе у него таится джинн. Ты знаешь, капитан, каждому хочется своего джинна заиметь. У каждого полон рот желаний.

– Все! – разозлился капитан. – Долой отсюда! Всем спать! И пусть только кто-то посмеет залезть ко мне в каюту, я тут же ему голову отрублю. Вы меня, бандиты, знаете.

Капитан выхватил из-за пояса кривой нож, и его помощник задом выскочил из каюты. Алиса успела заметить, что за дверью толпятся матросы, стараясь заглянуть в капитанскую каюту.

Капитан захлопнул дверь и задвинул ее на засов.

– Все, – сказал он, – теперь мы победили.

– Кого же мы победили? – спросила Алиса. – Как же мы отсюда выберемся?

– Ничего страшного, – приказал капитан. – Мы твоему джинну прикажем нас отсюда отвезти на остров Крит на новом корабле. Вот мои матросы и останутся в дураках.

– А что, если у меня нет джинна?

– А если нет, то я тебя первым зарежу, – расхохотался Спиро. – Ну как, есть или нет?

– Он не сможет такое сложное желание выполнить.

– Чепуха! Для джинна это – пара пустяков. Ты еще молодой, а я сказок про джиннов наслушался – ты не представляешь сколько. Да чего время тянуть – вызывай джинна, мы его спросим. Да ты не бойся, не бойся, я же заклинания не знаю, так что если джинн вылезет, он только тебя и будет слушаться. Давай, давай, время не ждет.

– А если джинн вылезет, вы скажете, где искать Синдбада?

– Да мы вместе с тобой Синдбада отыщем.

Алиса подумала – как хорошо, что пароль такой сложный. Никто за ней его не повторит. Она потерла бок лампы.

– Ах, цветут каштаны на Елисейских Полях! – сказала она вполголоса. И тут же изнутри лампы послышалось ворчание и все нарастающий шум. Спиро побледнел и отскочил от стола. Из лампы рвануло черное облако дыма. – Не так буйно, – попросила Алиса джинна, – потом два дня за тобой не отмоешь.

– Я не виноват, – послышался голос из облака, – спрашивайте с доктора Кранца.

Капитан Спиро был отважным мореходом, но конечно же при виде черного дыма и звука могучего голоса он забился в угол своей каюты.

– Чего вызывали? – спросил джинн. Один его вид – зеленого, с физиономией исключительного уродства – способен был перепугать и сов-

ременного разумного человека, каково же было обитателю сказочного времени!

– Скажи, мой слуга, – сказала Алиса. – Можешь ли ты выполнить мое приказание?

– Как всегда, – ответил джинн, – я склоняю бороду к твоим стопам и сдуваю пылинки с пальчиков твоих ног. Приказывай, Аладдин!

– Я сам все объясню, – сказал Спиро и вылез из-под стола. Слова джинна его успокоили. – Вы меня слушаете?

– Я слушаю только Аладдина, – ответил джинн.

– Я говорю устами этого доброго капитана, – объяснила Алиса.

– И что тебе надо, добрый капитан? – спросил джинн.

– Этот корабль попал в руки злых и недостойных моряков, – сообщил Спиро. – Они хотят нас убить.

– Ничего страшного – я их сейчас всех перебью, – сказал джинн, и тут же за стенами каюты послышался топот. Алиса поняла: моряки подслушивали их разговор с джинном и побежали прятаться.

– Нет, убивать их не надо, – быстро сказала Алиса. – Пускай живут. Но мой капитан хочет, чтобы ты перенес нас поближе к острову Крит и дал нам корабль, полный товаров.

– А этот чем тебе не нравится? – спросил джинн.

– Он – маленький, старый, и ходить на нем – сплошное разорение. Пускай он останется моему помощнику, а я хочу такой... такой... три палубы... пять палуб... три мачты... шесть мачт...

– Но, капитан, – сказал тогда джинн. – Я относительно небольшой и мирный джинн. Моя работа – защищать мальчика Аладдина, а не строить корабли и не носить их через все моря. Так что отстань от меня со своими глупыми запросами. Или ищи себе другого джинна, пострашнее.

– Слабосильных джиннов не бывает! Ты не джинн, а бездельник! – возмутился капитан Спиро.

– Не оскорбляй моего джинна! – рассердилась Алиса.

– Ну а что ты можешь? – помолчав, спросил Спиро у джинна.

– Могу тебя придушить.

– Это каждый джинн может.

– Могу скатерть-самобранку устроить, попируем, – сказал джинн.

– Да мы только что от Багдада отплыли.

– У меня есть ковер-самолет, – сказал джинн. – Могу тебя перенести в другую страну, только не очень далеко и не очень быстро.

– Ну почему мне так не везет с джиннами! – закричал Спиро.

– Потому что я сравнительно новый и синтетический.

– Я не знаю, что значит – синтетический, – сказал Спиро. – Это, наверное, ругательство, вроде как бы горбатый.

В окошко, ведущее на палубу, сунулась физиономия моряка.

– Мы все слышали, – сказал матрос. – Зла на тебя, капитан, не держим. Ты, так же как и мы, с этим мальчишкой попался. Пускай этот джинн в парус дуть будет. Хоть какая-то польза.

– Как это в парус дуть? – спросил джинн.

– Станешь дуть, а наш корабль будет нестись по волнам.

– Еще чего не хватало! – возмутился джинн. – У меня задача охранять мальчика, а не дуть в ваши дурацкие паруса.

– Мальчишка, а ну прикажи джинну! – сказал капитан. – А то и в самом деле выкупаешься.

– Ты как, джинн? – спросила Алиса. – Тебе не трудно?

– Мне не трудно, но унизительно, – ответил джинн. – Пошли наружу, покажете мне, что надо делать.

Джинн с трудом протиснулся в дверь капитанской каюты и оказался на палубе. За ним вышли капитан Спиро и Алиса.

Со всех сторон сошлись гребцы и матросы.

– Иди сюда! – приказал помощник капитана. – Дуй, только не перестарайся.

– Нет, – сказал джинн. – Гордость не позволяет.

– Ах так! – воскликнул капитан. – Тогда выкиньте их с мальчишкой в море.

Джинн только и ждал этого момента. Он нажал на кнопку, которой его снабдил доктор Кранц, и облако голубого сонного газа окутало весь корабль.

Это было последнее, что успела увидеть Алиса.

После этого она заснула, и ей снилось, как она идет по марсианской полянке, усыпанной марсианскими незабудками.

Глава восьмая
В ПЛЕНУ У ПИРАТОВ

Алисе было больно и холодно.

Она открыла глаза.

Оказывается, джинн схватил ее за ноги и окунает через борт в воду. Одна туфля свалилась, феска упала, головой Алиса ударилась о борт.

– Ты что делаешь? – Она старалась высвободиться из рук своего слуги.

– Не беспокойся, господин, – ответил джинн. – Дело простое. Я на них выпустил сонный газ. Теперь на ближайший день их не разбудить, да вот беда – вы тоже почему-то заснули.

– Хоть бы велел минуту не дышать, – проворчала Алиса.

– Я, господин, и не подумал, что вы дышите, – признался джинн.

– Для джинна ты одновременно слишком образован и слишком глуп, – сказала Алиса.

– Мне обидеться? – спросил джинн.

– Тебе помолчать, – сказала Алиса.

Пока все складывалось неудачно. На палубе храпели матросы, сам капитан спал в каюте – одни ноги торчали наружу. Повар заснул на кухне, и Алисе пришлось бежать туда тушить очаг.

– Я не могу позволить этим дикарям над собой издеваться, – сказал джинн. – Мой изобретатель, доктор Кранц, мне всегда говорил: «Гансик, держи нашу честь высоко».

«Господи, – подумала Алиса, – он еще и Гансик! Ну почему не Бонапарт?»

– Куда дальше плыть будем? – спросил джинн.

– Надо будить капитана. Без него далеко не уплывем, – сказала Алиса.

– Ни за что! Он меня обидел.

Алиса обернулась в поисках чего-нибудь тяжелого, чтобы стукнуть джинна по голове, и тут увидела далеко-далеко на фоне вечерних облаков косой парус.

– Это еще что такое? – спросила она. – Давай узнаем, кто там плывет.

– Погоди, господин, – возразил Гансик. – А может, это плохие люди?

Корабли быстро сближались, и уже через десять минут стало ясно, что джинн, к сожалению, оказался совершенно прав. На высокой мачте корабля, что несся за ними, трепетал черный треугольный флаг с белым черепом и красными костями.

– Мне кажется, это пираты, – предположила Алиса.

– Не знаю, что такое пираты. Доктор Кранц не закладывал мне в память такого понятия.

– А зря! – сказала Алиса. – Какое у тебя есть оружие?

– Только оборонительное! – гордо ответил джинн.

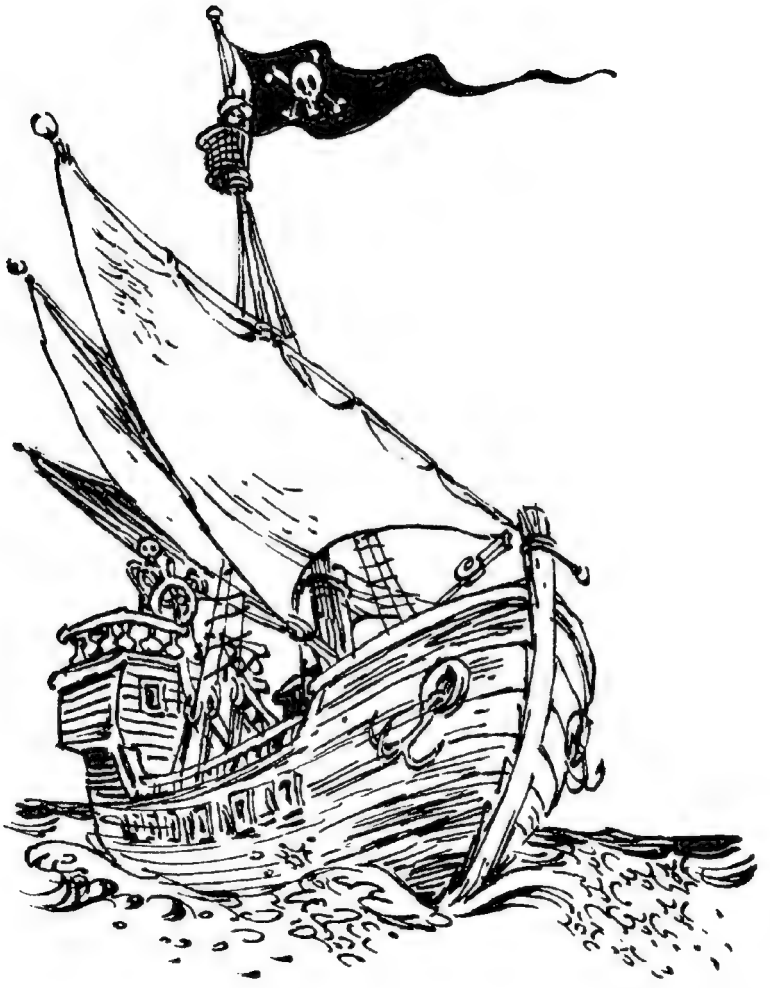
– Конкретнее! – приказала Алиса.

– У меня есть гранаты с вонючим газом.

– Далеко умеешь их кидать? – спросила Алиса.

– Метров на сто, – ответил джинн.

– Тогда подождем, пока подплывут поближе. А вдруг они и не хотят на нас нападать?



Алиса с джинном стояли на корме, у руля, и смотрели, как корабль с черным флагом приближается к ним.

Корабль казался пустым. Виден был только рулевой, да чалма еще одного пирата выглядывала из бочки на мачте.

– Может, это «Летучий голландец»? – спросила Алиса. – Летает по воле волн, у руля стоит скелет, а остальные моряки куда-то пропали?

И тут с пиратского корабля донесся крик:

– Спускай парус и сдавайся, а то отправим кормить акул!

– Может, сдаться? – спросил джинн. – Акулам и без нас есть кого кушать.

– Неужели ты испугался? – спросила Алиса.

– Я не знаю страха! – ответил джинн. – Но я не умею плавать.

– Не бойся, не утонешь, – сказала Алиса. – Ты же надувной.

– Ты клянешься, что я не утону?

– Клянусь.

– Ну тогда я покажу этим пиратам! – зарычал джинн и выпустил из пасти клуб черного дыма. – Дрожите, ничтожные пираты! Вам от меня не уйти!

Второй пират, который сидел в бочке на мачте, закричал хриплым голосом:

– Капитан, это не настоящий джинн. Это джинн-недоросток! Я точно знаю!

– Ах, недоросток! – воскликнул джинн и метнул в пиратов вонючую гранату.

Граната взорвалась как раз под мачтой, и облако зеленого дыма поднялось к бочке, в которой сидел один из пиратов.

– Вот и все, – сказал джинн, потирая лапищи. – Сейчас они сдадутся на милость победителей.

Но как он ошибался!

С мачты пиратского корабля донесся хриплый голос:

– Слушай, они в нас сыром «Рокфор» кидаются! Только самого сыра я что-то не вижу.

Зеленое облако улетело в сторону, и пиратский корабль продолжал гнаться за «Пиносом».

– Капитан, – раздался снова голос с мачты, – будь другом, пристрели этого наглого джинна-недоростка! А то еще чего-нибудь кинет.

Рулевой пиратского корабля поднял с палубы лук, заложил в него стрелу с каленым наконечником и прицелился.

Джинн, увидев это, начал бить себя в грудь, как горилла, и громко вопить:

– Ну стрельни! А ну попробуй! Да от меня гранаты отскакивают!

Рулевой не смутился и выпустил стрелу, которая со свистом разрезала воздух и вонзилась в пузо роботу-джинну. И удар ее был таким сильным, а наконечник таким острым, что он пробил тройной слой пластика и резины, хотя доктор Кранц клялся, что джинну ничего не грозит.

– Уууух! – вышел из джинна воздух, он сложился и превратился в большую разноцветную тряпку.

Так Алиса оказалась одна против пиратов на корабле «Пинос», где беспробудно спали капитан Спиро, сто гребцов и матросов.

Деваться ей было некуда, оставалось только ждать, пока ее возьмут в плен или отправят на корм акулам.

Через несколько минут пиратский корабль догнал «Пинос», прижался к нему бортом и рулевой крикнул:

– А ну, кто есть живой, выходи с поднятыми руками!

Алиса не выносила выходить с поднятыми руками.

Поэтому она забежала за каюту капитана, чтобы ее не было видно.

Она услышала чьи-то легкие шаги и голос:

– Здесь сонное царство! Сто человек спят без задних ног. Перепились, что ли? А может, заколдованы?

– Ты осторожнее, Аль-Могила, – произнес крикун, – нам еще с тобой заклинателей не хватало!

– Но если они заколдованные, – сказал пират с загадочным арабским именем Аль-Могила, – может, среди них наша Гюль-Гюль?

– Ну что за чепуху ты несешь! Ты лучше загляни за каюту капитана. Не может быть, чтобы на корабле с нами один джинн сражался. Мне кажется, что рядом с ним стоял мальчишка.

Алиса не смела пошевелиться. Если попытаешься убежать – рулевой сразу тебя увидит. И, уж наверное, у него найдется еще одна стрела! Или этот самый Аль-Могила разрубит ее саблей...

Все ближе стучат легкие шаги. Алиса зажмурилась и тут же услышала совсем рядом голос. Он раздался снизу, от коленок. Как будто Аль-Могила подполз к ней незамеченным.

– Вижу мальчишку! – сказал Аль-Могила. – Он жмурится от страха. Что делать?

Алиса открыла глаза.

И увидела, что перед ней стоит не человек, а большой зеленый попугай.

Алисе приходилось видеть в жизни разных попугаев. Белых и синих, красных и разноцветных, серых и зеленых, говорящих и поющих, умных и глупых. Но это был особенный, пиратский попугай.

Аль-Могила ростом был чуть побольше вороны, но, видно, в жизни ему пришлось немало пережить. Один глаз был у него завязан наискосок черной ленточкой, вместо правой ноги у него была аккуратно выпиленная деревяшка, а подмышкой правого крыла он опирался на костыль.

Голову попугая украшала белая чалма с золотым полумесяцем. Физические недостатки не мешали попугаю шустро передвигаться по палубе. Единственный глаз сверкал, как изумруд. Голос у птицы был хриплый и нахальный.

– Ты чего молчишь? – спросил он Алису. – Язык, что ли, проглотил, Мандалай?

– Ничего я не проглотил, – ответила Алиса.

– А меня, кстати, надо бояться. Я и заклевать могу. Смотри, – сказал попугай. – На моей совести немало невинных душ. Я ведь безрассудный: сначала заклюю, а потом разбираюсь, кто прав, а кто виноват.

Пиратский корабль привалился бортом к «Пиносу». Алиса разглядела рулевого пиратского корабля – мальчишку чуть постарше ее самой. Черные курчавые волосы были схвачены красным платком, на ногах – красные штаны до колен, подвязанные широким золотым ремнем, за который был засунут кинжал.

Алиса поймала конец тяжелого каната.

– Давай заматывай, крепи! – крикнул мальчишка.

– А наш мальчик – сухопутная крыса, – сказал попугай.

– Помолчи, Аль-Могила! Ты лучше скажи, что будем делать с сонными пленниками?

– За борт их, – сказал попугай. – Чего жалеть-то.

– Тебе бы всех утопить. – Мальчишка обернулся к Алисе: – А тебя как зовут?

– Аладдин, – ответила Алиса.

– Что-то знакомое имя. Так это твой джинн в лампе был?

– Вы его убили!

– Вот чудо! – закричал попугай Аль-Могила.

Как потом оказалось, это маленькое существо не выносило, если его звали попкой, попугаем, птичкой или даже смели сократить его боевое имя. Он разрешал называть себя Аль-Могилой. Но не иначе. Попугаю было триста лет, из них двести он провел на пиратских кораблях, так что считал себя последним профессионалом пиратского дела.

Попугай тяжело взлетел над палубой – летать ему мешал костыль, который приходилось держать под мышкой, и сделал круг над кормой, где лежал джинн с выпущенным воздухом.

– Похоже, сдох, – сказал попугай. – Надо будет всем рассказать, как мне удалось в поединке одолеть настоящего джинна. Этого мне еще делать не приходилось.

– А почему все спят, а ты нет? – спросил мальчик-пират.

– Потому что мне не хочется, – ответила Алиса.

– Ты отвечай, не увертывайся. Ты у нас с Аль-Могилой в плену, – сказал мальчик, положив ладонь на рукоятку одного из кинжалов.

– Я вас не боюсь, – произнесла Алиса. – Ты, наверное, слышал, что Аладдин ничего не боится, потому что он хитроумный.

– Хитроумный ты был, пока у тебя джинн в лампе болтался, а теперь ты – пустое место.

– Что тебе нужно от меня узнать? – спросила Алиса.

– Это твой корабль? – поинтересовался мальчик.

– А как тебя зовут? – спросила вопросом на вопрос Алиса.

– Меня зовут Рашид, – ответил мальчик. – Я буду со временем великим полководцем или даже султаном.

– Это не мой корабль, – сказала тогда Алиса. – Капитан Спиро согласился взять меня на борт мальчиком на кухню, помогать повару.

– То-то ты так бедно одет!

– Это был несчастный случай, – сказала Алиса. – А почему ты один на корабле?

– Он не один, он не один! – закричал попугай, который уже взлетел на мачту. – Он со мной, так что можете не беспокоиться.

– А джинн твой был? – спросил Рашид.

– Мой.

– А куда вы плыли?

– Куда плыл Спиро, я не знаю, но он обещал отвезти меня на остров Крит, где недавно видели Синдбада Морехода.

– На что тебе Синдбад Мореход? – спросил Рашид.

– Меня просила его найти Шехерезада.

– А что тебе за это обещали?

– Ничего, – сказала Алиса. – Это же приключение!

– Ты только из-за приключения помчался в море? – спросил Рашид. – Аль-Могила, ты слышишь, что говорит этот малыш?

– Я слышу и удивляюсь, – ответил попугай. – Типичный Мандалай!

– Такие мальчишки встречаются редко, – сказал Рашид.

– А что с этими делать будем? – кивнул попугай на матросов.

– А пускай себе спят, – сказал Рашид. – Мы ограбим корабль, а они пускай спят.

– Можно начать грабеж? – спросил попугай Аль-Могила.

– Давай, разве тебя остановишь, – вздохнул мальчик.

Он перепрыгнул на палубу «Пиноса» и протянул Алисе руку:

– Давай будем дружить. Ты мне, Аладдин, понравился.

– Но у меня теперь нет джинна, – сказал Аладдин.

– Обойдемся. Ты будешь носить пустую лампу, а люди будут подозревать, что там джинн.

– Ах, нет! – закричал из каюты капитана попугай. – Пускай Аладдин таскает в лампе меня. А я буду работать вместо джинна.

Алиса засмеялась, но попугай не любил шуток.

Он выскочил, хромая, из капитанской каюты и погрозил Алисе костылем:

– Ты что, считаешь, джинн меня страшнее? Да ты у Рашидика спроси! При виде меня джинны разбегаются.

Алиса пожалела птичку-инвалида и перестала смеяться.

– Я думаю, – сказал Рашид, обходя палубу корабля Спиро и заглядывая в трюм, откуда доносился дружный храп гребцов, – что мы опустим плавучий якорь, чтобы их не кинуло на скалы. И я надеюсь, что сон у них не вечный.

– Наверняка не вечный, – ответила Алиса. – Доктор Кранц плохого не придумает.

– Кто?

– Я тебе потом расскажу, хорошо? – сказала Алиса.

Рашид ей тоже понравился, хоть и был пиратом.

– Тогда давай вернемся на наш корабль, – предложил Рашид, – там напьемся чаю. Мне не хочется, чтобы они вдруг проснулись, а мы здесь сидим.

Алисе тоже этого не хотелось.

– Аль-Могила! – закричал мальчик. – Вылезай, возвращаемся к себе.

– Помоги тащить! – откликнулся попугай.

Он волок по полу шкатулку с золотом и драгоценными камнями.

– Извини, Рашидик, – спросила Алиса, – неужели тебе нужно столько золота?

– Мне нужно куда больше золота. Иначе зачем бы я пошел в пираты? – со вздохом ответил мальчик.

Он подхватил тяжелую шкатулку с драгоценностями и перенес к себе на корабль.

Потом крикнул Алисе:

– Ты останешься или плывешь с нами?

– А вы куда? – спросила Алиса.

– Если ты хочешь, то на Крит. Нам все равно. А оставаться на «Пиносе» тебе опасно. Как они увидят, что нет драгоценностей, они тебя растерзают.

Алиса перепрыгнула к пиратам.

– Учти, – сказал попугай, устраиваясь на борту рядом с Алисой, – что с точки зрения закона ты вступаешь в компанию бандитов и грабителей. Если тебя поймают, то обязательно отрубят голову.

– Ну, раз мне все равно голову терять, – сказала Алиса, – лучше с вами.

– Эй! – воскликнул Рашид. – Они просыпаются.

И в самом деле, один за другим матросы на корабле Спиро открывали глаза, поворачивались, поднимались, еще минута-две – и они все вспомнят.

Рашид кинулся к борту и стал рубить канат.

Он крикнул Алисе:

– Стой у руля!

Алиса схватилась за рукоять руля. Она была толстой и тяжелой и вырывалась из рук.

Но, к счастью, Рашид перерубил канат, и течение быстро разнесло корабли в разные стороны, а поднимавшийся вечерний туман скрыл пиратов.

Глава девятая
НЕСЧАСТЬЕ РАШИДА

Попугай Аль-Могила быстро ходил по борту, опираясь на костылик.

– Славно, – повторял он. – Славно. Теперь у нас настоящая банда. Пока мы были с Рашидиком вдвоем, мы были дуэтом. А сейчас настоящая банда. И придется вам избрать меня предводителем.

– Почему? – спросил Рашид.

– Ах, ему неясно, Мандалай! – возмутился попугай. – Кто здесь самый старший? Кто настоящий разбойник? Я – Пират-Костыль, гроза морей Аль-Могила!

Алиса сказала:

– Давайте я ужин приготовлю. Я умею готовить.

– Только пшено не трогай! – предупредил попугай. – Я пшено так люблю, что готов убить каждого, кто притронется к мешку. Вы ешьте что хотите, а мне отсыпьте пшена. Это настоящая пиратская пища!

Алиса пошла на кухню. Кухня была простым очагом на корме судна, огороженным камнями, чтобы не задувало ветром.

Рашид пошел за ней.

– Иногда, – признался он, – Аль-Могила мне так надоедает, – голову бы ему свернул. Хотя без него мне пришлось бы трудно.

– Расскажи мне о себе, – попросила Алиса. – Если, конечно, это не секрет.

– Родился я в простой княжеской семье, – сказал Рашид, – в стране Крым. Тебе это что-нибудь говорит?

– Да я там тысячу раз была!

– У тебя там владения?

– Нет, у меня там друзья, – ответила Алиса.

– Значит, ты не знатного рода?

– Давай потом в этом разберемся, – сказала Алиса. – Ты пока о себе расскажи.

– Княжество у нас небольшое, от Ялты до Ливадии, – продолжал Рашид. – Ни с кем мы не воевали, растили виноград, давили вино и ловили рыбу. Но тут откуда-то приехал неприятный человек по имени князь Симеиз. Он выстроил себе замок на самом высоком мысу и назвал его «Ласточкиным гнездом». Он начал нападать на наши владения, но мы сопротивлялись, как львы. Тут у меня подросла сестренка, прекрасная

и милая девушка Гюль-Гюль. Симеиз потребовал у моего отца, чтобы он отдал Гюль-Гюль ему в жены. «Ты с ума сошел! – закричал мой папа. – Гюль-Гюль нет еще и шестнадцати лет, а тебе уже пятьдесят шесть. Ты древний старик». – «Все равно, – крикнул Симеиз, – я ее получу!» Он набрал войско из крымских разбойников – жестоких коктебельцев, хитрых караимов, зловещих евпаторийцев и даже проходимцев из Керчи. Они напали на наше маленькое княжество, и началась неравная война. В ней погибли мои папа и мама и почти все наше войско. Симеиз увез к себе в «Ласточкино гнездо» нашу любимую Гюль-Гюль...

Тут рыдания подступили к горлу юного пирата, и он ненадолго замолчал. Затем взял себя в руки и продолжил печальный рассказ:

– Тогда моя старая кормилица Фатима села верхом на последнего нашего коня и поскакала по крымским замкам и крепостям с рассказом, что произошло. И все князья и султаны Крыма собрались на съезд и вызвали негодяя Симеиза. Съезд выслушал нашу жалобу и ответное слово князя Симеиза и постановил: «Коли князь Симеиз победил в честной войне, то владения, за исключением одной деревни, переходят к нему. Но вот жениться на Гюль-Гюль он не имеет права, если она этого не захочет». Привели Гюль-Гюль и спросили, хочет ли она выйти замуж за князя Симеиза. Заплакала моя сестренка и сказала, что скорее бросится со скалы Дева в Черное море, чем согласится на это.

– Молодец! – сказала Алиса. – У нее настоящий характер.

– Наш характер, княжеский, – сказал попугай.

– Тогда Симеиз сказал: «Раз я не могу на ней жениться, я ее спрячу от всего света и сделаю так, чтобы она заснула вечным сном. А отдам я ее только тому, кто привезет мне сундук, полный золота. Я люблю золото даже больше, чем хорошеньких девушек». Князья Крыма подумали и согласились. А пока она будет спать беспробудным сном, кто-нибудь привезет сундук золота, и Симеиз отдаст ему мою сестру.

– И ты пошел в пираты? – спросила Алиса.

– Я сначала об этом и не думал. Я решил работать. Но скоро понял, что вернуть сестру я смогу только через сто лет. Я сел на наш последний корабль и отправился в путешествие в надежде, что добуду богатство в дальних странах. И надо же было так случиться, что вскоре я попал в плен к страшному пирату Барбароссе. Он меня не убил, а полюбил и стал учить своему ремеслу, а когда ушел на пенсию, то подарил мне маленький корабль и попугая.

– То есть меня, – сказал Аль-Могила.

Алиса разлила по мискам похлебку с курицей, они с Рашидом взяли по ложке и принялись есть. Попугаю Алиса положила в миску разваренного пшена. Он спешил, обжигался, потом потребовал посахарить пшено и насыпать туда изюму.

– Я гурман, – заявил он. – За триста лет я столько всего перекушал, что запомнить невозможно.

– Вот и все моя история, – закончил свой рассказ Рашид. – Присоединяйся к нам, будем разбойничать вместе.

– Нет, спасибо, – ответила Алиса, – я не хочу разбойничать. Давайте доплывем вместе до Крита, а там каждый пойдет своим путем.

– А жалко, – сказал Рашид, – я к тебе почти привык.

– И мне ты по сердцу. А меня за триста лет интуиция никогда не обманывала, – поддакнул попугай. – Оставайся!

– Нет, – твердо произнесла Алиса. – Пирата из меня не выйдет. Я вообще не люблю пиратство, и среди пиратов у меня есть злейшие враги.

– Если так, – рассердился Рашид, который считал себя хорошим человеком, – то сам мой посуду после ужина.

– Пожалуй. – И Алиса стала мыть посуду.

Звезды падали с неба, одна даже ударилась в миску и отскочила в воду. Это была очень красивая звездочка. Но Алиса знала, что это не звездочка, а обыкновенный магниево-железный метеорит, поэтому она за ней не стала нырять.

Попугай забрался на самую вершину мачты. Он иногда дремал, но не забывал посматривать вперед.

Ветер дул ровно и нежно, будто гладил щеки.

Наступила ночь.

Глава десятая
ПОПУГАЙ И МИНОТАВР

На следующее утро на горизонте показались лиловые горы острова Крит.

– Здесь, – сообщил попугай, – живет Минотавр. Не слышал?

– Конечно, слышал, – подтвердила Алиса-Аладдин. – Его нашел в лабиринте, а потом убил древнегреческий герой Тесей. В честном бою.

Потом взял Ариадну, ту самую девушку, которая подарила ему клубок ниток, чтоб найти путь к Минотавру, но я думаю, что Минотавр не имеет отношения к нашему Синдбаду.

– Но Спиро говорил тебе, что Синдбада здесь видели?

– Говорил, – согласилась Алиса.

– Тогда прощай, приятель, – сказал Рашид. – Тебе здесь оставаться, а мы спешим на север, в страну Крым. Сундук почти полон.

– Нет, – возразил попугай. – Нам тоже надо пристать. Взять свежих фруктов, воды налить, пшено у нас кончается...

– Но мы только что в Багдаде всем запаслись!

– Ну, Рашидик, ласковый ты мой, – запрыгал вокруг попугай. – Я тебя по-дружески прошу. Сколько раз мы с тобой стояли спина к спине у грот-мачты и отражали атаки врагов... Нет, ты не предашь меня!

– Ничего не понимаю, – признался Рашид.

– Не понимаешь – тогда слушайся старших!

Рашид послушался и повернул свой корабль к гавани острова Крит. Алиса только посмеивалась, глядя, как спорят ее спутники. Ей жалко было с ними расставаться – лучше бы искать Синдбада вместе. Но у Рашида своя забота, им с Алисой не по дороге. «Однако даже ради благородных целей нельзя становиться разбойником», – думала она.

У причала приезжих ждали торговцы, посредники, жулики и всевозможный портовый люд.

Рашид вышел на нос корабля и крикнул:

– Нас не трогать! Мы пираты. Церемониться не станем. Но и безобразничать тоже не намерены. Привезите нам бочку свежей воды, мешок пшена и дюжину ощипанных куриц.

– Надолго ли к нам, уважаемые пираты? – спросил начальник порта.

– Вот оставим вам мальчонку, – Рашид показал на Аладдина, – и завтра с рассветом отправимся дальше, к северным землям.

– Там вам добычи не найти, – сказал начальник порта. – Льды надвигаются, люди туда не плавают.

– Это нам решать, – ответил Рашид. – А вы лучше скажите, какие у вас сегодня развлечения? Может, мы в театр сходим или на танцы?

– Особых развлечений нет, – сказал начальник порта. – Если не считать смертельной борьбы с Минотавром.

И он показал на большую надпись на очень древнем греческом языке, которая была привязана к двум столбам на набережной:

– Что же это получается? – спросила Алиса. – А разве Минотавра не убили?

– Кто же его одолеет? – спросил начальник порта. – Наш Минотавр, можно сказать, чемпион мира по единоборствам на дубинах.

– А Тесей? – спросила Алиса. – А нить Ариадны?

– Только не надо мне рассказывать сказок, – ответил критянин. – Мы все об этом в детстве слышали. И про то, как Афины обязаны были отправлять ежегодно десять самых красивых юношей и девушек в жертву чудовищу Минотавру, который обитал в нашем лабиринте, и как однажды в число этих жертв попал и юный Тесей. А Тесея полюбила Ариадна – дочка нашего короля – и дала ему клубок, который он разматывал, чтобы не заблудиться в лабиринте, где скрывается наше национальное чудовище с туловищем человека, а головой быка. Правильно я рассказываю?

– Об этом даже дошкольники знают, – сказала Алиса.

– И Тесей убил Минотавра? – спросил Рашид.

– Ну зачем ему это? Он побегал по лабиринту и вернулся назад.

– А может, все-таки Минотавр убит?

– Если он убит, кому же мы каждую неделю котлами похлебку с мясом таскаем?

– Значит, – спросила Алиса, – вы считаете, что он жив?

– А ты, мальчик, проверь, гони три монеты!

– Я бы сходил проверил, – сказал Рашид, – но не имею права рисковать жизнью. Без меня никто не выручит Гюль-Гюль.

– И я не буду туда лазить. Потому что боюсь темноты и тараканов, – сказала Алиса.

– Ну что ж, – попугай спрыгнул с плеча Рашида на землю, – видно, придется мне самому проверить.

– Давай, – согласился Рашид, совсем не испугавшись за судьбу своего друга. – Слетай посмотри, только учти, там коридоры низкие, особенно не разлетаешься.

– Где не пролечу, пройду пешком, – ответил попугай.

– Ребята, вы что задумали? – испугалась Алиса. – Ведь это же опасно! Вы что забыли, что Минотавр уже убил многих славных героев Греции и других стран? Что он обладает гигантской силой? Ради чего наш Аль-Могила пойдет на верную смерть?

– Ради куража! – ответил маленький пират. – Триста лет я иду на смерть ради куража. Все уже погибли, потонули, перестали дышать, одни кости остались, а я все живу, и ого-го какой! И не пытайтесь меня остановить!

Попугай взлетел и понесся к гигантскому мрачному сооружению, похожему на глиняную шапку, над маленьким входом в которую было написано:

«ЛАБИРИНТ».

Но войти в лабиринт попугаю не удалось, потому что у входа стояли два мрачных воина в железных шлемах и с копьями в руках.

– Билет! – зарычали они хором.

– Потом. – Попугай опустился на землю и оперся о костыль. – Когда я его победю... или правильно говорить – побежу!

– Побежу, – сказал один из воинов.

– Нет, победю, – сказал второй.

– Я тебе сколько раз твердил: побежу! Побежу!

– Ты бы хоть раз послушался умных людей! По-бе-дю!

– Нет, побежу!

Попугай покачал головой и прошел между колен стражников, которые продолжали выяснять, кто из них грамотней.

Они совсем забыли о попугае, но Алиса переживала за него. Она подошла к стражникам и спросила:

– Скажите честно, Минотавра убили или нет?

Страж поглядел на мальчишку и добродушно сказал:

– Ну скажи, кто может одолеть Минотавра, который на голову выше обычного человека, мышцы у него, как у Геракла, рога, как у дикого буйвола, сила... ну о силе и говорить не будем. Тут у нас недавно были соревнования быков, он троих забодал.

– А он разве выходит?

– Что ж ему, всю жизнь в тюрьме сидеть? Выходит, но лучше бы уж не выходил. То девушку потопчет, то стадо овец разгонит... одна мамаша с ним может справиться.

– Кто?

– Ихняя мамаша, – ответил страж, – царица Пасифая, супруга нашего короля Миноса.

– А ваш король, значит, бык?

– Мальчик, ты сошел с ума! – изумился страж. – И если бы не твой нежный возраст, я бы лично проткнул тебя копьем за оскорбление королевских величеств.

– Не знаю, чем я их оскорбил. Но, наверное, нечаянно.

– Если ты еще не знаешь, – сказал страж, – то учти: так бывает даже в королевских семьях – ребеночек родился похожим не на папу, а на одного морского быка. Потому что Пасифая его безумно полюбила. Ну что будешь делать, куда деваться королю Миносу, когда его сын так сильно на него не похож? Вот и было объявлено, что Минотавр – мутант. Мы не знаем, что это значит, наверное – урод.

– Правильно, – подтвердила Алиса. – У нас тоже мутанты бывают.

– А ты сам, мальчонка, откуда будешь? – спросил страж.

– Мы багдадские, – ответила Алиса.

– А чего тебя к нам занесло? – удивился страж.

Разговор был неспешным, мирным, они сидели в ряд и разговаривали, как будто не в эпохе легенд, а в самой обыкновенной, современной.

– А я Синдбада Морехода разыскиваю, – объяснила Алиса. – По просьбе его несчастной жены Шехерезады. Он, как всегда, отплыл за сказками и не вернулся. Мне капитан Спиро сказал, что его на Крите видели.

– А ты зайди в управление порта, – посоветовал страж. – Там у них есть специальный свиток – в него заносят имена всех капитанов и названия кораблей. Если Синдбад сюда заходил, значит, он там записан.

– А вдруг попугайчику моя помощь потребуется?

– Твой попугайчик пока бродит по темным ходам и переходам и ищет Минотавра, но ищет он его зря, потому что Минотавр сейчас спит. Вот через полчасика начнется шум – уничтожение твоего пирата. Полетят его последние перья.

Алиса вздохнула и пошла в низкое здание управления порта, где стоял один стол и был один служащий – пожилой, с красными надутыми щеками, в белой тунике, похожей на детскую распашонку.

Он щелкал лесные орехи, и нащелкал их столько, что к столу пришлось идти по колени в скорлупе.

– Здравствуйте, – сказала Алиса. – Могу ли я узнать у вас, когда приходил в ваш порт корабль Синдбада Морехода?

– Кто его знает! – ответил служащий и плюнул шелухой в муху. И только тогда Алиса поняла, что в комнате происходит отчаянное соревнование. Служащий плевал скорлупой так, чтобы сшибить муху, а мухи летали вокруг, словно тореадоры вокруг быка, и умело увертывались от скорлупы.

– А нельзя узнать? – спросила Алиса.

– Иди и смотри, – сказал служащий, – я неграмотный.

Он подтолкнул к ней громадный свиток, что лежал на столе, наполовину заваленный скорлупой.

– Вообще-то этим занимается начальник порта, но он тут напился пьяный, пошел сражаться с Минотавром... и... вот и похоронили мы его косточки. Безобразие у нас, а не жизнь.

Служащий тут же забыл об Алисе.

Она стала разворачивать свиток.

Последним в нем числился «пиратский корабль, название стерто, командир Аль-Могила. Экипаж из двух негодяев, по которым веревка плачет».

Алиса подумала, что, наверное, попугай сам забегал сюда и написал это. У него было зверское чувство юмора.

Когда Алиса уже думала, что сойдет с ума от щелканья орехов и жужжания мух, она вдруг увидела такую надпись: «Торговое судно «Багдадский купец», капитан Синдбад Мореход. Разгрузка товаров, загрузка новых, записывал все истории про Минотавра, однако сражаться с ним не захотел. Встречался и разговаривал с Дедалом. Вчера отплыл на север, желая поглядеть на коня Пегаса и гору Олимп». Числа возле этой надписи не было, года тоже – да и какие могут быть годы в эпоху легенд!

– Спасибо, – сказала Алиса служителю, но он не слышал – он выбрал самую большую синюю муху и попробовал сшибить ее целым орехом. Остальные мухи тучей кружили над ним и жужжали: «Нечестно, нечестно, целым орехом не стреляют!»

И тут снаружи донесся страшный рев.

Алиса выбежала на площадь.

И чуть в обморок не упала от ужаса, хотя, как вы знаете, Алису испугать нелегко.

Из ворот лабиринта с трудом вылезло невероятное чудовище – гигантского роста детина, почти голый. Голова у него была бычья, шире плеч, а рога торчали в стороны, загибаясь, как клешни у краба.

Это чудовище и ревело.

Народ, что был на площади и на набережной, прыснул в разные стороны, некоторые корабли даже начали на всякий случай поднимать якоря и отваливать от пристани.

И тут Алиса разглядела, что же так рассердило Минотавра.

Перед самым носом чудовища, размахивая костылем, летел попугай, который держал в свободной лапке острую длинную сабельку и, подлетая к чудовищу, норовил его уколоть.

Минотавр был в полном отчаянии. Он даже нырнул было в воду, но и тут попугай от него не отстал.

– Мама! – кричал Минотавр. – Скажи ему, что я больше не буду!

Сверху, от королевского дворца, бежала толпа придворных дам, впереди неслась немолодая толстая женщина.

– Я спешу, мой мальчик! – кричала она. – Кто посмел обидеть мое чудовище!

Если признаться честно, то, кроме этой женщины, в которой Алиса угадала маму Минотавра – царицу Пасифаю, никто Минотавру не сочувствовал.

Добежав до площади, Пасифая стала грозить палкой попугаю.

– А ну улетай отсюда, подлая птица! – приказала она.

– Улечу, как только он сдастся и освободит невинные жертвы!

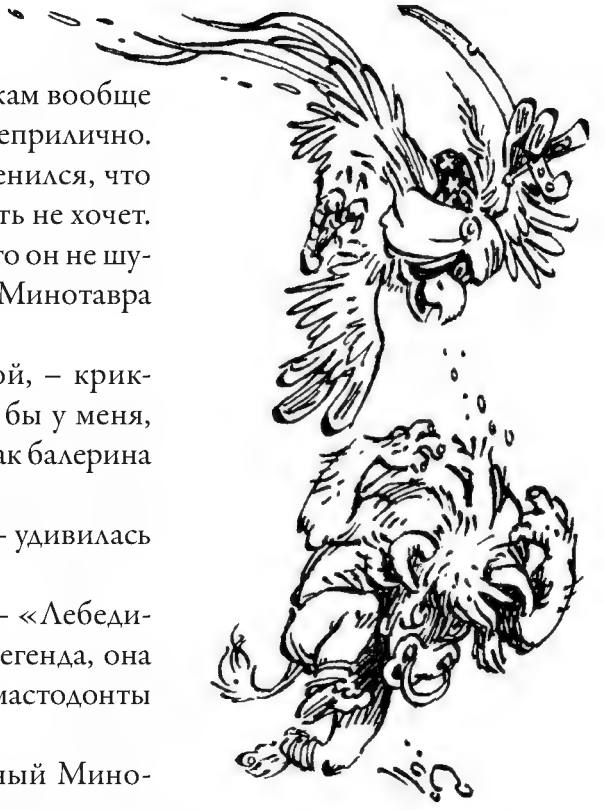
– Никогда! – кричал Минотавр.

– Миленький, а может, мы согласимся? – спросила его мать.

– И еще одно условие! – крикнул попугай, взлетая повыше, чтобы царица не достала его своим жезлом. – Пускай переходит на вегетарианство.

– Это еще что такое? – спросил Минотавр.

– А это питание овощами, фруктами и кашей, – сказал попугай. – Быкам вообще не к лицу пожирать людей. Неприлично. Ты потому до сих пор не женился, что ни одна корова с тобой играть не хочет.



И в доказательство того, что он не шутит, попугай больно кольнул Минотавра саблей и сразу отлетел.

– Эх, не был бы я хромой, – крикнул попугай при этом, – ты бы у меня, Мандалай, попрыгал здесь, как балерина в «Лебедином озере».

– Откуда ты это знаешь? – удивилась Алиса.

– Ах, – ответил попугай, – «Лебединое озеро» – это древняя легенда, она старше эпохи легенд, ее еще мастодонты друг другу рассказывали.

Тем временем обессиленный Минотавр опустился на землю.

– Мама, – сказал он, – я больше не могу. Ну сделай что-нибудь!

Из толпы вышел очень богато одетый человек в короне, – судя по всему, царь Минос.

– Ах, мой пасынок! – воскликнул он. – Пора тебе смириться. Перебесился, и хватит. А то приедет какой-нибудь Тесей и отрубит тебе голову. Тебе нравится, когда тебе отрубают голову?

– Я должен подумать, – сказал Минотавр.

– Думать ему нельзя, – заметил попугай. – Думать он не приучен. Отправьте его на луга щипать траву, познакомьте с красивой коровой, вот он у вас и остепенится.

– А ты будешь щипать травку, мама? – спросил неумный Минотавр.

– Еще чего не хватало! – обиделась царица.

– Хватит, договорились, – сказал попугай. – Выпускай пленников.

Минотавр с проклятиями вернулся к входу в лабиринт, достал из связки ключей, висевших у него на поясе, самый большой и открыл маленькую

дверцу рядом с основным ходом. Над дверцей было нацарапано: «Мясная кладовая».

– Выходите! – жалким голосом произнес Минотавр.

С плачем и стонами из кладовки выбежали несколько молодых девушек и юношей, затем на свободу выбралось стадо козлят и ягнят. В конце выползли две черепахи. Алиса подумала, что никогда не читала в греческих сказках и мифах, что Минотавру и черепах давали на обед.

– Иди! – крикнул попугай. – Отдыхай, дыши воздухом, наслаждайся солнцем. А любопытных прошу в лабиринт нос не совать.

– Почему? – стали спрашивать люди. – Почему?

– А потому что там плохо пахнет, он же никогда не мылся, – ответил попугай. – Я еле выдержал этот бой.

Мама Пасифая взяла Минотавра за кольцо в носу, и они пошли прочь, за ними толпой придворные.

Царь Минос задержался, он подошел к попугаю, который устало стоял на большом камне, опершись о костыль, и сказал:

– Спасибо вам от меня лично и всего населения нашего острова. Вы спасли репутацию Крита.

– Боюсь, что это еще не конец истории, – вздохнул попугай.

– Счастливого пути, – сказал царь Минос. – Будете в наших краях, заглядывайте. Если встретите Тесея, скажите, что его услуги больше не требуются.

С этими словами царь Минос расстался с попугаем, тот перелетел на борт корабля и крикнул Алисе:

– Отдать концы!

Алиса кинула Рашиду конец каната.

Рашид поднял паруса.

Попугай взлетел на верхушку мачты и смотрел, как стража заходит в лабиринт.

– Давай поскорей, – приказал он Рашиду.

– Я и так спешу, – ответил Рашид.

Он поднял парус и навалился на руль. Набирая скорость, корабль стал уходить от острова Крит.

Попугай волновался. Он прыгал на мачте, летал к Рашиду, мешал ему и все торопил и торопил рулевого.

– Что с ним? – спросила Алиса. – Нервы?

– А ты посмотри, что творится на берегу!

Алиса оглянулась и увидела, что из лабиринта выскакивают воины и бегут к берегу, громко крича и размахивая руками.

К счастью, попутный ветер все крепчал, на верхушках волн появились белые барашки, серые клочья туч понеслись по темнеющему небу.

– А чем они недовольны? – спросила Алиса.

К этому времени погоня уже отстала.

– Покажи ей, – сказал попугай.

Рашид сказал:

– Пошли вниз.

На столе в каюте стоял небольшой ящик. Рашид открыл его, и Алиса увидела, что он полон золотыми монетами.

– Это откуда? – удивилась она.

– Это плата, которую должны были вносить те храбрецы, что решили сразиться с Минотавром. Плата за вход. За пять лет накопился целый ящик, но Минотавр ни с кем не хотел делиться и берег монеты пуще своего ока. А когда Могилка выманил его из лабиринта, началась такая суматоха, что даже ты не заметил, как я сбегал в лабиринт и принес коробку.

– Но это же воровство!

– А мы и есть пираты, – ответил попугай. – Мы грабители и особенно любим грабить то, что добыто нечестным путем.

– Почему нечестным? – спросила Алиса.

– А где те смелые герои, которые заплатили Минотавру за вход в лабиринт? Он их всех забодал и затоптал. А теперь пускай жует травку...

– Мне самому не нравится, что я пират, – сказал Рашид, – но я благородный пират.

Глава одиннадцатая
НЕУДАЧЛИВЫЙ ИКАР

Нельзя сказать, что Алиса радовалась тому, что попала в пиратскую компанию, но другой у нее не оказалось, к тому же пираты к ней привыкли и считали своей. Оказалось, что Алиса лучше всех готовит, быстрее всех стирает и умеет делать массу других полезных вещей. В отличие от ее спутников, она учила геометрию и тригонометрию и могла вычислить расстояние до далекого острова или путь по звездам. Конечно, попугай, как кормчий, тоже мог стать к рулю, но за триста лет он многое подзабыл.

Весь следующий день они держали путь к северу. Пираты спешили попасть в Черное море, а Алиса хотела узнать, побывал ли Синдбад Мореход на горе Парнас и видел ли он крылатого коня Пегаса.

К тому же Алису беспокоило упоминание в портовом свитке о Дедале. Зачем он нужен был Синдбаду?

Ветер был сильный, порывистый, и корабль покачивало. Правда, на борту собрались бывалые моряки, и никто из-за этого не переживал.

По небу неслись белые кучевые облака.

Иногда можно было увидеть, как среди облаков парит коршун или орел.

Вон еще два орла – да какие большие!

– Погляди, Рашид! – позвала Алиса. – Какие большие птицы.

Рашид только отмахнулся. Он с утра пересчитывал деньги.

– Не беспокойся, – утешал ее Аль-Могила, – в случае чего я их заклюю. Я теперь вообще высокого о себе мнения. Все-таки я победил Минотавра. Пора складывать обо мне легенды.

– Нет, – сказала Алиса, снова посмотрев на небо, – кажется, что это все-таки не орлы. Да посмотри ты, в конце концов, Рашид!

Рашид оторвался от своих трофеев и посмотрел в небо.

– Это крылатые люди, – сказал он, – наверное, ангелы. Я о них где-то слышал.

– Странно, – сказал попугай, – христианство ведь еще не существует, может, это еврейские ангелы?

Птицы-люди быстро снижались. И видно было, что одна из них летит уверенно, а вторая то снижается, то взлетает.

– Не лети высоко! – Крик был слышен даже на корабле. – Воск расплавится!

Вторая птица послушалась и стала спускаться.

– Не летай низко, – закричал первый человек-птица, – в воду попадешь!

Но последнее указание опоздало. Несчастная птица врезалась в волны и исчезла под водой.

– О, горе! – закричала первая птица. – О, крушение всех моих жизненных планов!

Громко стеная, птица удалилась к горизонту.

– Смотрите! – крикнул попугай, который сидел на мачте. – Он не утонул, его крылья на воде держат.

И в самом деле – крылья птицы были сделаны из деревянных палочек и веревочек, к которым были приклеены гусиные перья. Они и не дали утонуть летуну.

Рашид с Алисой вытащили его на борт.

Молодой человек лежал на палубе и тяжело дышал. Потом открыл глаза и спросил:

– Простите, я жив?

– Вот именно! – закричал попугай Могилка. – Вот именно. Хотя мало кто остается живым, грохнувшись с такой высоты.

Молодой человек застонал, Алиса дала ему напиться и смазала синяки волшебной мазью, которую попугай хранил на борту на всякий случай.

– Меня зовут Икаром, – сказал молодой человек. – Мой отец Дедал – ученый-энциклопедист и великий изобретатель, изобрел воздухоплавание. Он сделал крылья на легких рамах из птичьих перьев и скрепил их воском.

Алиса хотела сказать: «Хватит, хватит, я это уже в школе проходила», но сдержалась, потому что ее спутники о драматической истории Икара и Дедала ничего не знали.

– Вы стали как птица! – сказал Рашид. – Хотел бы я тоже полетать.

– Ну и чего бы добился? Был бы как я, – возразил попугай, – только куда менее поворотливым. Так что не радуйся. К тому же смотри, чем это кончилось. Твой Икар чудом не утонул.

– Отец хотел как лучше, – сказал Икар. – Он хотел, чтобы я летал так же хорошо, как он. Но мне стало очень страшно, когда я увидел землю так далеко внизу.

– Летать надо учиться, – сказал попугай. – Иначе бы яйца летали. Полет – это искусство.

– Что же теперь мне делать? – расстроенно спросил Икар. – Мой отец в Афинах умрет от горя, что я пропал.

– Ладно, – решил Рашид. – Мы тебя не бросим. Но в Афины нам сейчас не по дороге. У меня как раз накопилось достаточно денег, чтобы поговорить с князем Симеизом. Если хотите, я ссажу вас на острове, мимо которого мы сейчас проплываем, а вы уж добирайтесь до Афин как можете. Или потерпите – сделаем наши дела в Крыму, и на обратном пути я вас обязательно завезу в Афины.

– Может быть, так лучше, – сказал Икар, который пришел в себя, и сразу стало видно, что этот курчавый черноглазый молодой человек из хорошей семьи. – Я отдохну от папы и его бесконечных поучений. Ну, не всем же быть пилотами. Я, например, всю жизнь имел склонность к цифрам. Я буду чудесным, полезным финансистом.

Романтика цифр куда выше романтики облачных пространств, где сыро, дует и нет никакого порядка!

– Тогда мой посуду, – сказал попугай. – На корабле тоже должен быть порядок.

Молодой человек согласился, даже обрадовался, что его не возвращают к папе в небо.

Глава двенадцатая
НА ПУТИ В КРЫМ

Пиратский корабль взял курс прямо на пролив Геллеспонт, который ведет в Черное море.

Икар оказался юношей очень наивным и отсталым, он все время удивлялся, неужели в Черном море черная вода, а если в Черном море черная вода, то можно ли писать ею вместо чернил.

– Чепуха, – кричал попугай, разгуливая по борту. – В мире много разных морей, есть Красное – ты думаешь, в нем вода красная, как кровь? В нем вода обыкновенного цвета. А есть еще Желтое море. И вода в нем не желтая, но говорят, что вокруг него живут люди, у которых желтая кожа.

– Потому что они в нем купаются? – спросил Икар.

– Если бы было так, – ответил попугай, – то вокруг Черного моря жили бы одни негры.

– Ах, кто такие негры? Только не пугайте меня, – заволновался нежный Икар.

– Вам лучше таких людей и не видеть. У них черная шкура, губы наружу, и они едят таких, как ты, Икаров.

– Давай поплывем тогда в Белое море, – попросил юноша.

Все посмотрели на Алису как на самую образованную.

– Белое море, – сказала она, – лежит так далеко на севере, что промерзло до самого дна, а сверху там слой льда повыше нашей мачты.

– А как же там живут? – удивился Рашид.

– В дни моей молодости, – сказал попугай, – когда я еще ого-го каким молодцом-орлом был, наши иногда и в Балтийское море плавали. Слыхал о таком? – Попугай обернулся к Алисе.

– Я там бывал, – ответил Аладдин.

– Вот именно, и я думаю, что ты куда старше, чем хочешь казаться, – сказал попугай Аль-Могила.

Дальше они плыли без всяких приключений, если не считать, что у одного маленького островка им стали петь сирены и они чуть не потеряли Икара. Алисе пение сирен показалось нестройным, фальшивым и недостойным того, чтобы ради него кидаться в морские волны, Рашид сказал, что любит только восточную музыку, а попугай заявил, что у него на всякий случай сегодня с утра в ушах вата. А вот Икар, как истинный грек, начал бегать по палубе и кричать, что сейчас вот-вот бросится к сиренам.

Сирены летели за кораблем небольшой стаей, некоторые пели, некоторые просили чего-нибудь вкусненького, некоторые специально звали Икара:

– Иди к нам, мальчик! Удовольствие получишь.

– Знаете что, – сказал тогда Икар, – я за себя не ручаюсь, может, привяжете меня к мачте?

– Да ты присмотрись, Мандалай! – сказал попугай. – Одна другой страшнее. По происхождению они – средиземноморские тюлени. Только с крыльями. Ну какая тут может быть любовь?

– Привяжи! – настаивал Икар.

Его привязали к мачте и сели ужинать. Тут же Икар потребовал, чтобы его развязали или кормили с ложки, потому что сирены не отставали и совсем обезумели – они тараторили, что уже третьи сутки голодные, а из чугунного горшка, в котором Алиса сварила чудесный гуляш из пшена с курицей, поднимался и тянулся за кораблем, как хвост, такой аромат, что сирены украли горшок, обожглись и в конце концов уронили его в море.

На закате по небу промчался крылатый конь Пегас. Зрелище было фантастическое! Громадный прекрасный конь светился голубым светом, и сквозь его шкуру просвечивали звезды.

– Привет тебе, Пегас! – крикнула Алиса. – Спешишь на работу?

– Привет, Алиса, – откликнулся Пегас, – спешу на свое место среди созвездий. Наступает ночь. Надо показывать путь мореходам.

– Пегас! – крикнула Алиса. – Не видел ли ты Синдбада Морехода?

– Видел, – ответил крылатый конь, – я даже рассказал ему некоторые правдивые истории из моей жизни.

– Куда он дальше поплыл?

– Я думаю, что к гиперборейцам, на север, – сказал Пегас. – Ему хотелось поглядеть на ледяные реки и снежные горы. Он все твердил, что такой сказки его дорогая Шехерезада еще не слышала. Прощай, Алиса!

– Как это он тебя назвал? – спросил подозрительный попугай.

– Я не расслышал, – сказала Алиса.

– Но мне кажется, что он назвал тебя женским именем, – сказал попугай.

– Ты ослышался, – сказала Алиса.

– Наверное, приятно иметь столько знакомых, – позавидовал Рашид.

– Да уж, мне приходилось путешествовать, – ответила Алиса.

Все улеглись спать прямо на палубе, заснули сразу, только попугай остался на вахте. Он сидел на верхушке мачты и ворчал:

– Никому нельзя доверять! Подсовывают неизвестно кого! Если Аладдин уже не Аладдин, то, может, и я жар-птица?

И тут он начинал хихикать, как будто кто-то возил гвоздем по жестяной банке.

Наконец впереди показались голубые горы земли Крым.

– Скорей бы ступить на твердую землю, – повторял Икар.

Попугай с Рашидом склонились над картой.

– Вот здесь, – Рашид показывал на высокий утес, нависающий над морем, на котором прилепилась круглая башня, – в замке «Ласточкино гнездо» живет страшный тиран Симеиз. А вон там, правее, где в море сползает язык ледника – первый из ледников, что добрался сюда из Руси, лежит моя родимая земля. Она томится под гнетом Симеиза. Ах, зачем я родился на свет, чтобы переживать все эти мучения!

Он направил корабль в небольшую бухту, умело провел его между вылезающих из голубой воды скал.

Сверху, с гряды снежных гор, которые, как сказал Рашид, назывались Ай-Петри, скатывались серые снежные облака.

К каменному молу сбежалась небольшая толпа одетых в шкуры людей. Они узнавали своего принца и радовались его возвращению. Никто, оказывается, уже и не надеялся, что он жив.

– Ты совсем не изменился, Верный Волк, – сказал Рашид пожилому воину в волчьей шкуре и железном шлеме. У него было обветренное бородатое лицо.

– Вы тоже, господин. Только подросли и стали мужественней.

– Это моя работа, – сообщил попугай. – Я его учил уму-разуму.

Собравшиеся вокруг люди засмеялись. Они никогда еще не видели пиратской птицы и решили было, что это маскарадный костюм.

– Как моя сестренка Гюль-Гюль? – спросил Рашид. – Что о ней известно?

– Мы обыскали все горы, – сказал Верный Волк, – мы облазили все пещеры, но найти ее не смогли.

– Пойдем в дом, перекусим по-человечески, – сказала добрая женщина. – Наши хозяйки уже приготовили обед. Чем богаты, тем и рады.

– Спасибо, Фатима, – сказал Рашид и пояснил Алисе: – Фатима – моя кормилица. Когда мои папа и мама погибли, она мне заменила родителей.

– А что у тебя нового? – спросил Верный Волк, когда все стали подниматься по тропинке к кучке каменных хижин, которые теснились на склоне горы.

– Вот возьми этот сундучок, – сказал Рашид Верному Волку, – и попробуй его.

– Ого, тяжелый сундук! Вы камни, что ли, в нем возите?

– Целый сундук золота. Я привез выкуп за мою сестру.

– Слава нашему князю! – закричали жители крымского княжества.

– Я бы никогда этого не сделал, – сказал Рашид, – если бы мне не помогли друзья. Разреши, я тебя с ними познакомлю. Рядом со мной идет прекрасный юноша. Его зовут Икар. Он родом с острова Крит. Его папа, Дедал, изобрел воздушные путешествия. Но, к сожалению, Икар не смог удержаться на крыльях и упал в море. Там мы его и подобрали. С тех пор он путешествует вместе с нами.

– Так мы же видели папу Икара, – сказала Фатима, – он покружился над нами и полетел к Кавказу, видно, там теплее.

– Он все еще разыскивает меня. – Икар смахнул крупную слезу.

– А это мальчик Аладдин. – Рашид показал на Алису. – У него была волшебная лампа с джинном, но джинн лопнул в бою, а лампа осталась. К тому же Аладдин мой хороший друг и добрый парень.

Тем временем попугай уже извелся от того, что его не представляют. Он прыгал по борту, размахивая костылем.

– А это, – объявил Рашид, – мой главный друг и помощник, попугай Аль-Могила. Он опытный пират и мореход. Без него я никогда бы не добыл выкуп и не смог вернуться живым. Так что всем хорошим в жизни я теперь обязан нашему Могилке.

– Не Могилке, – поправил попугай Рашида, – прошу называть меня Аль-Могила!

И никто не стал спорить, хотя некоторым людям было трудно понять, почему главным пиратом стал хромой попугай.

– Ну ведите нас, давайте отдохнем. Ты, Верный Волк, отдай вот этот сундучок самым надежным и верным воинам. Тут наше с тобой счастье.

– Слушаюсь, принц, – ответил Верный Волк.

И все они пошли по тропинке еще выше, к самым каменным домам. Над некоторыми поднимались струйки дыма.

– С дровами плохо стало, – сказал Верный Волк. – Все леса подо льдом, приходится посылать корабли на Кавказ, но далеко не все возвращаются, там ведь всегда война идет.

Из домов высыпали женщины и дети. Их было немного, и Рашид расстроился.

– А где же остальные? – спросил он.

– Остальные? Кто погиб, кто умер прошлой зимой от голода, кого звери загрызли, кого увели в плен солдаты Симеиза. Мало у тебя людей осталось. Но теперь надежда есть – вернулся принц, вернется и жизнь.

В самой большой каменной хижине они уселись на войлочные коврики.

– А где же твой дворец? – спросил Икар.

– Ах, ты не знаешь, Икарчик, – сказал Рашид. – Мой дворец теперь принадлежит тирану.

– Какое безобразие! – сказал Икар. – А сестра у тебя красивая?

– Самая красивая девушка в Крыму.

– Мало ли кого можно назвать красавицей!

Рашид обиделся:

– Клянусь тебе... да что клятвы! Верный Волк, есть у нас еще портреты Гюль-Гюль?

– С большим удовольствием, – сказал Верный Волк, – сейчас достану.

И пока женщины разносили блюда со скромной крымской едой, он принес небольшой, сделанный красками в самом Иране портрет принцессы.

– Конечно, – сказал Верный Волк, протирая портрет волчьей шкурой. – Конечно, он не может передать живости и непосредственности этого лица, но тем не менее похож...

– Как вылитая, – всхлипнула кормилица Фатима.

– Похож... – повторили все местные жители, что набились в комнату.

И когда они замолчали, все услышали короткий глухой стук.

Это упал, ударившись о ковер затылком, великий герой Крита, воздухоплаватель Икар.

И когда его откачали и отпоили мятным чаем, он попросил портрет снова и, покрывая его страстными взглядами, возопил:

– Это невероятно! Она прекраснее богини Геры!

Раздался грохот, земля зашаталась, с потолка посыпалась штукатурка.

– Нет! – вскричала Алиса, вскакивая на ноги. – Нет смертной девушки, которая могла бы сравниться с Герой, а также с Афродитой, Венерой, Деметрой и рядом других богинь.

– Ты о чем? – спросил Рашид.

– Она права! – закричал попугай, прыгая по подушкам. – Нельзя злить богинь – это никогда хорошо не кончается.

Землетрясение улеглось, Икар успокоился.

– Я не хочу тратить времени даром, – сказал Рашид. – Я пойду к князю Симеизу.

– Я с тобой, можно? – спросила Алиса.

– И я! – закричал Икар.

– А без меня тебе туда и соваться нечего, обдерут как липку, – предупредил попугай.

Глава тринадцатая
ХИТРЫЙ СИМЕИЗ

В замок к Симеизу отправились всей честной компанией. Впереди топал Верный Волк, он нес копье и шуровал им под кустами – не спрятались ли там змея или прыгучий скорпион.

Затем два воина несли на носилках сундук с драгоценностями.

За ними следовал Рашид, который надел по этому случаю чалму, праздничный халат, обмотал себя поясом длиной в сто шагов, отчего казался втрое толще обычного, и это ему нравилось.

– Таким, – сказал он Алисе, – я стану, когда займу трон. Настоящий султан должен быть солидным.

Толстая кормилица Рашида Фатима проводила их до горы. Дальше им с Верным Волком пути не было, на прощание она вздохнула:

– Ну, совсем исхудал, совсем жирка на мальчике не осталось.

– Молчи, старуха! – закричал сверху попугай, который неровными кругами носился над процессией. – Я его еще заставлю спортом заниматься. Он у меня еще станет настоящим разбойником!

– Ну что вы говорите, уважаемая птица! – отвечала кормилица. – Мальчик у нас – сиротка, а сиротки должны хорошо питаться.

Следом за Рашидом по дорожке шли Алиса с Икаром. Икар норовил выйти вперед, потому что считал себя героем, а Аладдин в его глазах был просто мальчишкой. Но ссориться с ним не хотел, он знал, что Аладдин состоит в друзьях с попугаем и Рашидом, порой вздыхал и повторял:

– Ах, что будет, когда папа узнает о моем решении жениться на простой крымской княжне? Он меня проклянет. За мной, знаете, ухаживали

многие принцессы с великих островов – Пафоса, Какоса, Макоса и Ньюфаундленда.

Перед воротами в замок «Ласточкино гнездо» стояли два воина в кольчугах и высоких железных шлемах. Мост был поднят.

Попугай взлетел повыше и крикнул:

– Эй, там, в «Ласточкином гнезде», принимайте гостей!

Алисе сразу представилась сказка из тех, что ей приходилось видеть в детстве. Открываются двери таинственного замка, и страшный злодей в черном балахоне и черной короне протягивает горящий жезл, отчего все вокруг замирают или вообще превращаются в каменные статуи.

На крик попугая воины даже не вздрогнули, лишь повели глазами.

Зато внутри замка что-то зажужжало, зашуршало, и наконец раздался скрипучий голос:

– Заходите по одному. Оружие складывайте у дверей. И не пытайтесь обмануть моих стражей. В первую очередь это касается попугая.

Ворота со скрежетом растворились.

Двор замка был ухожен, дорожки посыпаны песочком, они вились между клумб, на которых нежились скромные, изящно подобранные цветы, а над ними вились пчелы и порхали бабочки.

Сам замок изнутри был побелен, а наличники окон покрашены в приятный зеленый цвет.

Перед ними оказалась невысокая дверь.

– Вот тут и живет этот скорпион, – сказал Рашид.

Дверь широко открылась, и появился пожилой человек в бархатном халате и высоком красном колпаке, на босых ногах у него были войлочные туфли. Руки хозяин замка сложил на круглом животике.

– И кто же это из нас скорпион? – спросил он.

– Вы и есть скорпион, Симеиз Разгальдович, – заявил Рашид. – И не пытайтесь ввести в заблуждение моих друзей. Они и вправду могут подумать, что вы добрейшее существо во всем Крыму.

– И не только в Крыму, я бы сказал, во всем мире, если бы память о вашем покойном папеньке и вашей покойной маменьке не останавливала меня напоминанием: «Ты не прав, Симеиз! Опомнись, мы были лучше тебя!»

Заходите, – продолжал Симеиз, – угощать мне вас нечем, времена у нас неурожайные, но газированной минеральной водички могу предложить в изобилии. Прошу.

Они попали в кабинет, уставленный книжными шкафами, посреди него стоял большой письменный стол, заваленный бумагами, там же возвышался старинный микроскоп, который во времена легенд, конечно же, еще не был изобретен.

– Располагайтесь, располагайтесь в приюте горного отшельника, – произнес хозяин замка.

Алиса получше рассмотрела его – у Симеиза было розовое лицо и такая же розовая лысинка, окруженная венчиком седых волос. Нос у Симеиза был пуговкой, уши круглые, большие, и росли они поперек головы. Ни бороды, ни усов у князя не оказалось.

– Нам некогда, – твердо сказал Рашид. – Мы принесли выкуп.

– Ах, этого не может быть, – ответил Симеиз. – Такую сумму нельзя заработать честным путем, да и бесчестным трудно.

– Эй, тиран! – крикнул хрипло попугай. – Тебе денежки нужны или поговорим иначе?

– Поговорить всегда важнее.

– Ребята, – приказал попугай, – бери ящик, пошли назад. Как он наговорится, пускай крикнет погромче, мы, может, вернемся, а может, другого мудреца найдем.

– Могилка! – взмолился Рашид.

– Я тебе не Могилка, а Аль-Могила, и еще неизвестно, мавританский ли граф или просто испанский. И жизненного опыта у меня в сто раз больше, чем у тебя, мальчишка! Ты погляди на него – у него же ручки трясутся, как хочется на наши деньги лапы наложить.

– Замолчи, презренная птица! – закричал Симеиз. – Сейчас прикажу тебя в суп пустить.

– Для меня еще кастрюля не заготовлена, – ответил попугай, но на всякий случай взлетел наверх и уселся на книжный шкаф.

– Попугай, ты не прав, – решительно заявил Икар. – При всем моем желании как можно скорей жениться на Гюль-Гюль, я считаю, что птицам не положено разговаривать так с благородными людьми. Каждый должен знать свое место.

– Тогда и людям нечего делать в нашем небе, – ответил попугай. – Ты чего полез в небо? Если бы не я – конец тебе бы пришел.

– Ах, как интересно, – сказал Симеиз. – Какая любопытная беседа. Кстати, мне давно хотелось спросить, сколько фунтов золота в этом сундучке?

– Двадцать фунтов чистого золота в монетах и драгоценных камнях, – твердо сказал Рашидик. – Все проверено.

– И я проверяла по просьбе Рашида, – сказала Алиса.

– Кто проверяла?

– Извините, я хотел сказать – я проверял!

– Ох, не люблю я все эти переодевания! Мальчик, скажи мне, ты случайно не девочка?

– Перестань, старикашка! – закричал попугай. – И не смей смотреть так на моего друга Аладдина. Заклюю!

– Я пошутил, пошутил, – быстро ответил Симеиз. – Ставьте сундук на стол, принесите сюда десять медных тазов, я буду считать деньги.

– Может, потом посчитаешь? – осведомился попугай. – Мы с тебя сдачу требовать не будем.

– И в самом деле, скажите нам тайну, – потребовал Икар. – И мы уйдем.

– Если бы я был простым деспотом и горным колдуном, – ответил Симеиз, – конечно, я бы сказал, и вы бы ушли. Но вы же видите, что я образованный человек, много читаю, изучаю инфузорий и всякую морскую мелочь, жду не дождусь, когда родятся Ньютон и Ломоносов, чтобы с ними в переписку вступить.

Говорил он мягко, гладко, а глаза у него были лживые и недобрые. Воины внесли стопку мисок. Симеиз принялся вынимать из шкатулки монетки по штучке и кидать их в миски. Такой счет должен был занять немало времени.

Алиса пошла вдоль книжных полок.

Она приоткрыла книжный шкаф и попробовала снять с полки книжку. И ничего из этого не вышло, потому что все переплеты были склеены между собой, а за ними обнаружилось пустое пространство, заставленное статуэтками нимф, наяд, богинь, сирен и всяких других раздетых красивых женщин.

Симеиз заметил, что Алиса нечаянно открыла тайну его «учености», и с отчаянным криком кинулся к полке. Он вырвал у Алисы крышку из переплетов, поставил на место, захлопнул стеклянную дверцу шкафа и сказал:

– Настоящее знание показывается только настоящим ученым, а наглым мальчишкам никогда не увидать света истинного знания. Так что убирайся из комнаты, пока тебя не сбросили со скалы!

– Уважаемый сосед, – сказал тогда Рашид, – мы в Крыму не одни. За каждым нашим шагом следят люди. И люди знают цену вашему слову. Хотите доживать свою жизнь в стыде и позоре – ваша воля.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Симеиз. – Я вот со счета сбился. Придется сначала начинать.

– Не надейся! – крикнул попугай. – Я знаю. В сундуке лежит три тысячи четыреста сорок монет, не считая драгоценностей.

– А если чего-то не хватает, даю вам слово, – сказал Рашид, – что я привезу недостающие деньги в течение года.

– Давайте лучше тут нахулиганим, книги порвем, вазы разобьем, стулья поломаем! – не унимался попугай. – Он как шелковый станет.

– Я пошутил! – испугался Симеиз. – Я давно хотел все рассказать! Принцесса заколдована отравленным яблоком. Она откусила его и погрузилась в вечный сон. А чтобы ее никто не потревожил, она спрятана в пещере. Там она лежит на хрустальном ложе и ждет рыцаря, который ее разбудит поцелуем.

– Это буду я! – крикнул Икар.

И поцеловал портрет Гюль-Гюль.

– Нет, – возразил Симеиз. – Поцеловать можно, только любя всем сердцем. Она от этого проснется. А если это просто увлечение, пустяк – то и не шелохнется.

– Но я же все равно на ней женюсь! – крикнул Икар.

– Пожалуйста, – ответил колдун. – Но сначала она должна проснуться.

Тогда Рашид сделал шаг к столу, протянул руку и сказал Симеизу:

– Ключ!

Симеиз вздохнул и открыл ящик письменного стола. Там лежал небольшой медный ключ. Он кинул его Рашиду, тот повернулся и быстро вышел из комнаты.

– Поищи, поищи! – крикнул вслед Симеиз. – У тебя впереди вечность!

Алиса побежала за Рашидом.

– Ты в самом деле знаешь, где пещера? – спросила она.

– Найдем! – прохрипел попугай. – Недаром мы все моря проплыли. Да чтобы паршивой пещеры не найти – быть того не может!

Глава четырнадцатая
В ТАЙНОЙ ПЕЩЕРЕ

Рашид вышел во двор замка и осмотрелся.

Попугай ходил кругами и постукивал костылем.

– Чего мы здесь ждем? – спросил Икар. – Время идет впустую!

– Погоди, – сказал Рашид. – Мы с Могилкой думаем.

– Аль-Могила думает, – поправил его попугай.

– Надо отправляться в горы! Пещеру надо искать в горах, – настаивал Икар.

– Ты ищи в горах, – сказал попугай, – а я здесь погляжу.

– Почему? – спросила Алиса.

– Эх, Аладдин, Аладдин, не знаешь ты людей, – вздохнул попугай. – Ведь князь Симеиз хочет все время пещеру держать под прицелом. Мало ли что случится. Что он, в горы побежит проверять, хорошо ли замки и засовы стерегут принцессу? Нет, он держит принцессу под рукой, чтобы каждое утро заглядывать туда.

– Попугай прав, – сказал Рашид, – я тоже так думаю. Надо только догадаться, как он эту пещеру замаскировал.

Алиса сразу включилась в эти поиски.

– Может, на кухне? – спросила она.

Заглянули туда, но никакого хода из кухни не нашли.

– Может, в подвале под башней, где котельная?

Заглянули в котельную. И там пещеры не было.

– А это что такое? – спросил попугай.

Он постучал костылем в небольшую дверцу, на которой была прибита табличка:

Рашид подошел к двери, попробовал, и оказалось, что ключик замечательно подошел к замку.

– Нет там никого! – закричал Симеиз, высовываясь из окна на втором этаже.

Рашид его не послушался, шагнул в пещеру и прошел вглубь, протискиваясь между мешками с крупой и сахаром.

В глубине склада, вырубленного в скале, они увидели еще одну дверь. Она была не заперта, а только закрыта на засов. Внутри горели керосиновые лампы и было светло.

Рашид первым вошел внутрь.

Потом все остальные.

И странная, удивительная картина открылась их взорам.

Посреди пещеры стояла хрустальная кровать с шелковым матрацем и пуховыми подушками. На кровати безмятежно спала красивая девушка, удивительно похожая на Рашида – и брови такие же, и нос, и рот.

У ее ног, прямо на каменном полу пещеры, спал еще один человек.

Красивый, усатый и смуглый.

– Синдбад! – закричала Алиса. – Синдбад Мореход! Я тебя нашла! То есть я тебя нашел! Просыпайся!

Никто не проснулся. Ни княжна, ни Синдбад.

Лишь дикий хохот волшебника Симеиза донесся сзади. Оказывается, хозяин замка тоже прибежал в пещеру.

– Сейчас узнаем, – сказал попугай, – главное – добыть свидетеля. Всегда есть свидетель, надо только его схватить и выкрутить ему руки!

Тут послышался слабый писк, и все увидели, что попугай стоит на выступе стены и держит за круглое ухо небольшую летучую мышь.

– И что же мы видели? – спросил попугай таким ледяным голосом, что даже Алисе захотелось провалиться сквозь землю. Все же за триста лет он поднабрался жестокости.

Мышь спросонья била крыльями, попискивала и никак не могла сообразить, чего же от нее требует такая страшная хромая птица.

– Ты здесь живешь? – спросил попугай.

– Чего? – не поняла мышь.

По крайней мере, она умела разговаривать. Существа, жившие в эпоху легенд, обычно могли разговаривать, но среди них встречались и безмолвные, – например, грибы и головастики. Зато лягушки, яблони и груши говорить умели и любили.

– Давно здесь скрываешься? – спросил попугай.

– Всегда, – сказала мышь. – Я живу здесь.

– И помнишь, как принцессу заколдовали?

– Конечно, помню, – ответила мышь. – Только не делайте мне больно. Еще два года назад волшебник Симеиз сюда ее принес, дал ей яблоко и запер дверь. Ну, думаю – заморит ее голодом. Да отпустите вы меня – никуда я не улечу, тоже мне, орел выискался! – крикнула мышь.

– Ладно, ладно, – проворчал попугай и отпустил пленницу.

Мышь поправила помятое ухо и продолжала:

– Девица поплакала, поплакала, а потом взяла яблоко и откусила. Я хотела ее предупредить, что яблоко, вернее всего, заколдованное, знаете ведь, как это бывает в сказках?

Все согласно кивнули.

– Но разве княжна послушается жалкую мышку?

– Откусила? – воскликнул Рашид. – Кусочек откусила?

– Целый кусище, – ответила летучая мышь. – А потом, как и положено, пошатнулась и рухнула на хрустальное ложе...

– А дальше что было? – спросила Алиса. – Как там очутился Синдбад? Почему он тоже спит?

– Дело житейское, – ответила летучая мышь.

Ей нравилось быть в центре внимания, она спрыгнула на пол и расхаживала среди людей, что было не по нутру попугаю, который постукивал костыликом по камню, как будто стрелял из пулемета.

– Этого, который здесь валяется, сам господин Симеиз привел. «Вот, говорит, вы сказки собираете, такой сказки вы еще не видели. Лежит княжна, спит вечным сном, я знаю секрет, как ее оживить. Догадаетесь – красавица ваша». А этот самый, который спит, отвечает: «Большое вам спасибо за предложение, но у меня дома осталась жена по имени Шехерезада, женщина несравненной красоты и невероятных достоинств. Я ее не променяю даже на сто иностранных принцесс. Ради нее я путешествую по свету, собираю сказки, а она их рассказывает шаху, у которого работает сказочницей». – «Хе-хе-хе, – говорит тогда мой сосед Симеиз, – знаем мы, какая она у него сказочница и какие они там сказки рассказывают». Тогда вот этот, что лежит на полу, страшно рассердился и кинулся на господина Симеиза. А господин Симеиз – скользь в дверь и захлопнул ее за собой. Тогда этот самый...

– Синдбад! – сказала Алиса. – Сколько раз тебе повторять! Его зовут Синдбад Мореход, и он мой друг!

– Тогда этот Синдбад побегал по пещере, постучал в дверь и опечалился. Сел на пол и принялся думать. Вдруг видит – лежит на полу яблочко, от которого княжна откусила. И говорит так печально: «Известен лишь один способ оживить принцессу – поцеловать ее! Но меня этот способ не устраивает, потому что я женат». И вот в такой печальной задумчивости Синдбад откусил от яблочка, потому что ему очень хотелось пить. И некому было его предупредить...

– Он откусил от яблока! – ахнула Алиса.

– Вот именно. И заснул вечным сном рядом с княжной Гюль-Гюль.

Все замолчали.

Гнетущая тишина воцарилась в темной пещере. Тени скользили по стенам и потолку. Было страшно.

– Что же будем делать? – спросил попугай.

– Надо их целовать, – сказал Икар. – Мы сейчас всех перецелуем...

– Не получится, – сказал Рашид. – Целовать надо нечаянно, от чистого сердца. Не зная, что из этого получится.

– И все же я попробую, – сказал Икар и направился к хрустальному ложу.

Рашид встал у него на пути.

– Не смей целоваться с моей сестрой! – пригрозил он. – А то останешься без головы.

– Рашид даст тебя мне на растерзание, и останешься без головы, – сказал попугай.

– Да я не просто так, я жениться хочу, – сказал Икар.

– Пока что о женитьбе и речи быть не может, – сказал попугай, – потому что если она не проснется, то получится целование без просыпания.

– Но ведь надо попробовать, – требовал Икар. – Может, нас обманывают.

– А кто будет Синдбада целовать? – спросила Алиса.

– С ним потом разберемся, – сказал Икар и наклонился к принцессе.

Он нежно поцеловал ее в щеку. И ничего не произошло.

– Щека у нее прохладная, – сказал Икар, – почти холодная.

– Еще бы, – сказал попугай, – летаргический сон.

Зато Икар, как юноша чувствительный и нежный, после этого поцелуя закатил глаза и упал без чувств рядом с Синдбадом Мореходом.

– С ума сойти, что за картинка! – сказал попугай. – Такого ни в одной сказке не придумаешь. Давайте я их клюну как следует – сразу проснутся.

Тут все рассмеялись, даже летучая мышь запищала от хохота. Попугай кинулся было за ней, да не догнал.

– Могилка прав, – сказал Рашид. – Где вы слышали о том, чтобы витязь пришел к спящей красавице, сам откусил от заколдованного яблока и заснул мертвым сном? А второй поцеловал красавицу и грохнулся в обморок?

– Тоже мне, Синдбад Мореход! – буркнул попугай. – Яблоки любит, свою жену любит, а чужих принцесс не любит!

Все отсмеялись, и наступила тишина. Думали, что делать дальше.

И вдруг все услышали из-за мешка с крупой и сахаром шорох, потом раздался громкий щелчок. Затем наступила тишина.

– Рашид, – спросила Алиса. – Ты ключ от двери с собой взял?

– Кажется... – сказал Рашид, – кажется, я его оставил в двери...

И кинулся через склад к двери.

К сожалению, опасения оправдались. Дверь была заперта снаружи.

Тут как раз пришел в себя Икар.

– Разойдитесь! – крикнул он. – Сейчас я всем покажу! Больше вы не посмеете надо мной смеяться.

Он бросился на дверь, как бык на красную тряпку, отлетел от нее, упал на мешок с сахаром, схватился за ушибленное плечо и обиженно произнес:

– Ну почему никто не предупредил меня, что дверь железная?

Ему никто не ответил.

А Рашид печально произнес:

– Обидно погибать в одном сантиметре от цели!

– Погоди, погоди, – сказал попугай Могилка. – А как ты, летучая мышь, сюда прилетаешь и отсюда улетаешь?

– Вам не выбраться. Тут есть ход, но он такой узкий, что только летучие мыши и тараканы могут им пользоваться.

Все снова загрустили. Кроме попугая.

– Где пройдет летучая мышь, – сообщил он, – там пролетит стальная птица. Стальная птица – это я, закаленный в боях пират из попугаев. Показывай мне дорогу, Мандалай!

Зашуршали крылья, и послышался далекий голос летучей мыши:

– Здесь вам узко будет, вы костылик уберите.

– Без костыля я не воин, – ответил попугай. – Ничего, проберемся.

И наступила гробовая тишина.

Глава пятнадцатая
НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Было так тихо, что стало слышно, как похрапывает во сне Синдбад Мореход и потрескивает факел.

– В крайнем случае, будем рыть подземный ход, – сказал Рашид. – Мы будем рыть отсюда, а Верный Волк и кормилица будут рыть с той стороны.

– Если Симеиз им разрешит, – заметила Алиса.

– А я больше надеюсь на моего папу. Он уж, наверное, узнал, что я спасен и меня пора выручать, – сказал Икар.

– А как он мог узнать?

– Пегас меня видел? Видел. Туземцы меня видели? Видели. Птицы и те моему отцу сообщат. Возможно, он уже подлетает.

Алиса подумала, что никто не знает, где она, даже родители, потому что она на особом задании. Но комиссар Милодар наверняка о ней думает.

Неожиданно заскрипела дверь.

Все обернулись к ней.

Дверь никак не открывалась – словно кто-то тянул за нее, но не мог открыть.

Алиса первой подбежала к двери и навалилась на нее. Дверь подалась легко. Оказывается, с той стороны за ручку тянул попугай Могилка, который выбрался наружу и повернул ключ. Повернуть-то повернул, а открыть силы не хватило.

– Ура! – закричали все хором. Спящая княжна, не просыпаясь, отмахнулась от этого крика, как от комара.

– Как ты достал ключ? – спросил Рашид у своего друга.

– Проще простого. Вы не осудите меня за то, что я совершил кражу?

– Нет, мы тебя не осудим, – ответил за всех Рашид.

– Ключ лежал на письменном столе этого злодея, – сказал попугай. – Он меня даже не заметил.

– А где Симеиз? – спросил Рашид.

– Послушай, – ответил попугай.

Все замолчали. И слышно было, как со второго этажа замка раздается тихий звон и затем бормотание: «Шестьсот семьдесят два, шестьсот семьдесят три, шестьсот семьдесят четыре, шестьсот семьдесят пять...». Симеиз считал монеты!

– Обратно! – приказал Рашид. – В пещеру. Будем держать совет.

– Что будем делать дальше? – спросила Алиса.

– Разбудим и убежим, – предложил Икар.

– Нам их не разбудить! – воскликнул Рашид.

– Тогда зови своих людей, – сказал Икар.

– Но двери в замок Симеиза заперты. Как сможет Верный Волк и городской люд пробиться сюда? Да и не вытащить нам спящих...

– Все, кто хочет уйти, – свободен, я никого не удерживаю, – печально произнес Рашид. – А я останусь возле сестры.

– Не говори чепухи, – ответил попугай. – Никто не бросит тебя в беде.

Они сидели и все вместе размышляли. В конце концов они доразмышлялись до того, что будут ждать ночи и в темноте попробуют незаметно перелезть через стену.

Но дождаться темноты им не удалось, потому что во дворе замка раздались крики.

– Где ключ? – неистовствовал Симеиз. – Я всех в лягушек превращу!

Еще секунда, и он догадается, что случилось. Так и есть. Он кинулся между клумбами к складу.

– Открыто! – закричал он. – Открыто моими ключами!

– Ничего не остается, – сказал Рашид, – как идти на бой.

Он вышел из двери в подвал, размахивая кинжалом.

– Стража! – перепугался Симеиз. – Стража! Зарубите его. А то он сделает мне больно.

Со всех сторон сбежались воины. И тут во дворе замка потемнело. Будто большое облако опустилось с неба. От страха воины попадали на землю, а Симеиз залез в копну сена. И лишь Алиса знала, как называется та большая круглая штука, что медленно опустилась на замок «Ласточкино гнездо».

Это был воздушный шар. Совершенно первобытный, только что изобретенный, склеенный рыбьим клеем из рыбьих и акульих кишок.

К шару была привязана плетеная корзина. С одной стороны из корзины высовывался пожилой носатый мужчина с лавровым венком на голове. С другой – уже знакомая Алисе краснощекая толстая кормилица Рашида по имени Фатима.

– О, мой отец! – закричал Икар и побежал к шару. – Ты великий изобретатель нашего времени! Ты изобрел новые крылья, которые могут поднять наверх нас всех.

– Что-то вас очень много! – закричал в ответ воздухоплаватель Дедал. – Но я все равно рад тебя видеть.

– И не пытайся бросить в беде моих друзей! – крикнул Икар. – Мы летим или все вместе, или остаемся все вместе на мучительную смерть.

– Но почему я должен спасать совершенно чужих людей? – спросил Дедал.

– Во-первых, они сами меня спасли, когда ты махнул крыльями и улетел. Во-вторых, я люблю девушку, которая спит в этой пещере, и намерен на ней жениться.

– Сначала я должен познакомиться с родителями невесты, узнать, какое у нее приданое, а потом уж будем решать все в семейной кругу.

– Отец, ты всегда был эгоистом. Для тебя не существует людей – тебе бы только прославиться!

Пока шла эта перепалка, Симеиз опомнился, вылез из сена и приказал своим воинам зарубить пленников. Воины побаивались Рашида и Икара, не говоря уж о воздушном шаре, который висел над их головами. Поэтому они производили много шума, махали саблями, громыхали щитами, но вперед не шли.

– Дедал, – сказала тогда Алиса. – Вы любите золото?

– Каждый настоящий ученый любит золото, – ответил Дедал. – Будь у меня много золота, я бы построил дирижабль из китовой шкуры.

– Если мы вам дадим сундук с золотыми монетами, у вас в корзине найдется место для всех нас?

– Мне надо проверить.

– Эх, – сказал Икар. – Как жаль, что мой папа спешит разбогатеть. А ведь он талантливый изобретатель.

– Помолчи, мальчишка! – крикнул Дедал.

– Я молчу, – сказал Икар, – потому что я уже утонул. Но люди, которые вытащили меня из воды, никогда не спрашивали, сколько я им за это заплачу.

– Покажи золото! – крикнул Дедал Рашиду.

Рашид кинулся по лестнице на второй этаж, в кабинет Симеиза, а Симеиз побежал за ним с криком:

– Это грабеж! Это мое золото!

– Вы называете это грабежом? – крикнул вслед Симеизу Икар. – Я на любом суде могу подтвердить, что вы взяли у нас сундук с драгоценностями, а в благодарность заперли нас в пещере! Вы обманщик и злодей, господин Симеиз!

Воины перестали размахивать мечами, а Дедал опустил свой шар пониже, чтобы корзина была вровень с подоконником окна на втором этаже.

Рашид подтащил к окну сундук и поставил его на подоконник. Он открыл крышку, и Дедал смог убедиться, что там в самом деле лежат золотые монеты.

– Везешь или нет? – спросил Рашид.

Алиса снизу видела, как загорелись глаза у изобретателя.

– Эх, была не была! – крикнул он и протянул руки.

Корзина наклонилась. Дедал вцепился в сундук, но в этот момент Симеиз оттолкнул Рашида и схватился за другой край сундука. Сундук накренился, и из него золотым водопадом посыпались во двор замка монеты. Дедал тянул сундук к себе, Симеиз к себе, а воздушному шару, видно, надоело качаться над самой землей, и он взмыл вверх.

– Ох! – закричали все хором.

Потому что увидели, как за открытую крышку сундука держится Симеиз, а его ноги болтаются над бездной. С другой стороны сундук держит Дедал, свесившись над краем корзины.

Не успел шар улететь далеко от замка, как случилась беда: Дедал перевалился через край корзины и полетел вниз, а за ним полетел сам сундук и злобный Симеиз.

Их отчаянный вопль донесся до замка.

А воин, который стоял на башне, доложил оттуда:

– Они бухнулись в воду!

– Я не хочу, чтобы мой папа утонул. Может, он неважный отец, но изобретатель знаменитый! – закричал Икар.

– Они плавают и держатся за сундук! – сообщил часовой.

– Ничего с ними не случится, – сказал Рашид. – Разве что охладятся немного. Жалко только нашей с тобой добычи, Могилка.

– А ты не жалей, – сказал хриплым голосом попугай. – Я знаю, где наши деньги!

– Где? – спросил Рашид.

– Прикажи всем воинам и слугам Симеиза выстроиться у стены, – сказал попугай.

Рашид приказал им выстроиться. Воины отказались, некоторые даже пытались сопротивляться и махали своими саблями. Но с ними быстро справились. Они поняли, что раз старого хозяина нет, то лучше слушаться новых!

Когда воины и слуги выстроились, попугай, прихрамывая, пошел вдоль строя. Он останавливался перед каждым и говорил:

Дедал тянул сундук к себе, Симеиз к себе, а воздушному шару, видно, надоело качаться над самой землей, и он взмыл вверх.

– Вот ты, рыжий, спрятал сто шестьдесят две монеты. Из них восемьдесят в поясе, тридцать за пазухой, а остальные в сапогах.

Затем переходил к следующему и сообщал скрипучим голосом:

– А ты у нас чемпион. Двести сорок монет, два жемчужных ожерелья и сорок колец с изумрудами.

– Это клевета! – кричал воин.

– Сам отдашь или заклевать тебя? – спрашивал попугай.

И очередной воин сдавался. Рашид расстелил на земле скатерть, и скоро на ней уже сверкала гора золота и драгоценностей.

Алисе эта операция наскучила. Ее куда больше волновало, как выбраться отсюда и вызволить Синдбада.

И вдруг опять потемнело.

Неужели?

Да, над замком снова снижался воздушный шар. Но ведь Дедал плавает в море!

Шар медленно опустился посреди двора, и все увидели, что в корзине сидит кормилица Рашида, толстая Фатима. О ней-то все забыли!

– Когда ты научилась управлять шаром? – удивился Рашид.

– А я смотрела, как Дедал это делает. Ты что думаешь, женщины глупее мужчин? Залезай в шар, – сказала Фатима.

– А шар выдержит нас? – спросил Икар. – Ведь папа возражал.

– Если шару будет тяжело, он не поднимется или сразу опустится, – сообразила Фатима. – Давайте попробуем.

С помощью воинов из пещеры вынесли Синдбада и принцессу Гюль-Гюль. Их положили в корзину шара. Затем забрались остальные. Рашид затащил и скатерть, в которую были завернуты монеты и драгоценности.

– Полетели! – сказал Икар, который командовал полетом как сын воздухоплавателя.

Шар с трудом оторвался от земли и повис в воздухе. Выше он подниматься не желал.

– Надо скидывать балласт, – сказала Алиса.

Но никакого балласта в корзине не было.

– А золото? – напомнила Алиса.

– Ты с ума сошла? – рассердился попугай. – Да я за него жизнью рисковал.

– Дорогой Аль-Могила, – сказала Алиса. – Золото тебе нужно было, чтобы выкупить княжну. Зачем оно теперь?

– Золото всегда нужно! – ответил попугай. – Я построю на него дворец.

– А принцесса останется спящей?

– Выспится – проснется, – нагло заявил попугай. – А не проснется, Мандалай, пускай спит.

– Я этого не допущу! – закричал Икар. – Я требую, чтобы принцессу везли в Багдад, там есть настоящие волшебники и доктора.

– А ты как думаешь, Рашид? – спросила Алиса.

– Я думаю, что ты прав, Аладдин, – сказал Рашид.

– Бог с ними, с деньгами, – вздохнула Фатима, – были бы все здоровы, а деньги мы заработаем.

И тогда Алиса высыпала из скатерти золото вниз, во двор замка, и воины и слуги бегали и прыгали под золотым дождем, как дети, хватая монеты.

А воздушный шар постепенно набрал высоту и направился в сторону моря.

Шар медленно летел над берегом и никак не мог подняться выше. И тут они увидели, как из моря выходит мокрый и несчастный изобретатель Дедал. За ним подплывает Симеиз.

Увидев шар, Дедал замахал руками и закричал:

– Снижайтесь! Возьмите меня.

Все посмотрели на Икара.

– Прости, папа, – сказал Икар. – Но ты отказался увезти моих друзей, как же я могу сейчас выгнать их из воздушного шара?

Икар покраснел, потому что был послушным сыном и никогда еще не осмеливался так разговаривать со своим строгим отцом.

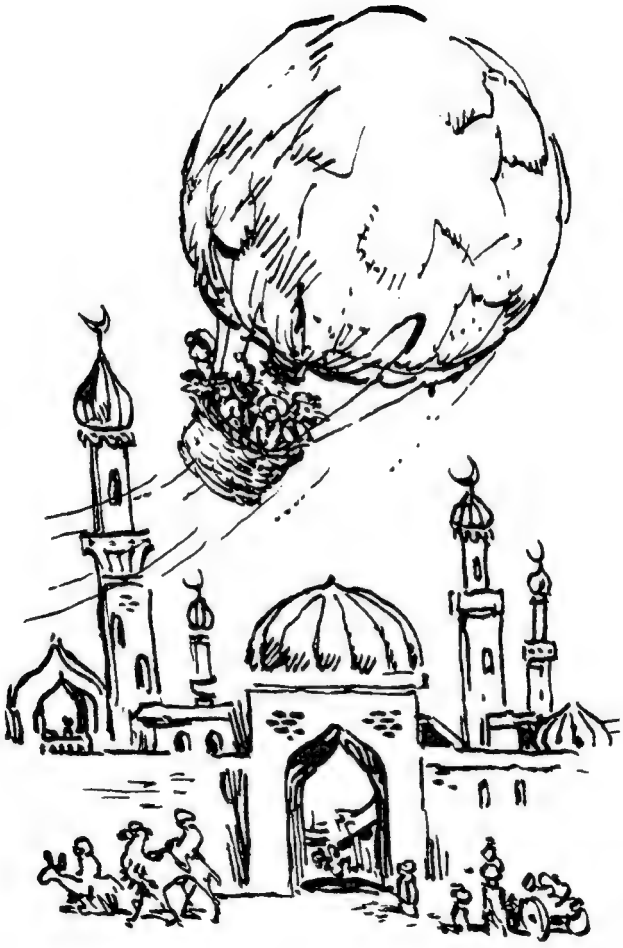
И тут послышался тихий голос Фатимы.

– Простите, – сказала кормилица, – но мне совершенно нечего делать в вашем Багдаде. У меня с утра белье замочено, грядки недополоты. Если можно, я тут сойду.

Шар снизился у самой воды, кормилица расцеловалась со своим Рашидом и приказала ему строго-настрого, чтобы он вылечил сестренку и скорее возвращался домой. Вместо нее в корзину влез сердитый Дедал.

– Без меня улететь хотели, – ворчал он, – без великого ученого! Наука вам этого не простит.

Симеиз стоял в стороне, грозил шару кулаком, но приблизиться не смел. Без воинов он был не такой смелый.



На этот раз шар сразу оторвался от земли и легко полетел через Черное море, а потом над горами и пустыней направился в сторону славного города Багдада.

Когда шар поднялся выше облаков и гордо плыл на юг, все постепенно успокоились, лишь Икар не отрывая глаз смотрел на спящую Гюль-Гюль да попугай ковылял по борту корзины и бормотал:

– Такие деньги, Мандалай, выкинули! Нет смысла в жизни!

– Скажи, пожалуйста, Могилка, – спросила Алиса, – а что это за странное слово «Мандалай», которое ты так часто произносишь? Это иностранное ругательство?

– Ах, какая ты необразованная! – возмутился попугай. – Мандалай – это сказочный город в далекой стране Бирме, где я имел счастье родиться триста лет назад. О, Мандалай, Мандалай, жемчужина Востока!

Глава последняя
ВСЕ ПРОСНУЛИСЬ

Летели долго. Прошла целая ночь, прежде чем на горизонте показались широкая река и могучие стены Багдада.

Шар пролетел над домами и дворцами, и Алиса показала, где опускаться, – у стоящей за городской стеной уединенной усадьбы, которая была окружена глинобитной стеной.

Шар медленно опустился у ворот в усадьбу, подняв тучу песка и пыли. Закричал осел, закудахтали куры, залаяли собаки, дверь открылась, и в ней показался волшебник Оох.

– Ранние гости, – сказал он, протирая глаза. – Я наколдовал, что вы прилетите к полудню, а вы поспешили.

– На рассвете лететь приятнее, – ответил Рашид и поклонился волшебнику. Хоть он никогда не встречался с Оохом, он сразу догадался, что перед ним настоящий могущественный волшебник.

– Заходите в дом, – пригласил волшебник. – Если не ошибаюсь, то судьба свела меня с великим изобретателем воздухоплавания Дедалом и его сыном Икаром.

– Вот мой сын Икар, – сказал Дедал.

– Здравствуйте, – сказал Икар, – но я так и не полюбил летать. Мне очень хочется жениться.

Слуги вынесли из корзины спящих Синдбада и Гюль-Гюль, и все остальные прошли в большую теплую комнату, где напились чаю с такими свежими лепешками, словно их еще не начинали печь.

Пока завтракали, все наперебой рассказывали о своих приключениях.

И когда кончили, волшебник Оох, один из одиннадцати главных Магов Востока, произнес:

– Все ваши проблемы решаются легко. Кроме одной. Это проблема сонного яблока. Вы привезли мне хоть огрызок его?

– Эх, в голову не пришло! – воскликнул попугай. – А ведь должен был догадаться. Как же я так опростоволосился!

– Вот именно, – сказал волшебник Оох, – возраст еще не основание для мудрости.

Он подошел к спящим.

Княжна Гюль-Гюль и Синдбад лежали рядом на низких диванах, и лица их были спокойны.

– Эх, как странно в жизни бывает, – сказал попугай. – Если бы Синдбад взял и поцеловал девушку, все были бы живы и здоровы.

– Ничего бы не вышло: он любит Шехерезаду, – напомнила Алиса.

– Мы бы ей не сказали, – ответил попугай.

– Иногда мне хочется тебе голову отвертеть, – сказал Рашид. Попугай обиделся и взлетел на шкаф.

– Наверное, придется тебе всех волшебников собирать, – сказала Алиса. – Это называется консилиум.

Вдруг снаружи раздались крики, портьера, которая прикрывала дверь в комнату, отлетела в сторону, как боевое знамя, и в дверях показалась женщина изумительной красоты.

Это была Шехерезада.

– Где Синдбад? – закричала она. – Где вы его скрываете?

Она увидела на диване своего мужа и кинулась к нему.

Она стала покрывать его горячими поцелуями, и минуты через две он открыл глаза и сказал:

– Ну что ты, Шехочка, люди же смотрят.

– Где ты был? Где тебя носило почти два года? – спросила Шехерезада. У нее быстро менялось настроение. И если всего три минуты назад она трепетала от ужаса, то теперь уже успокоилась и даже начала сердиться.

Синдбад сел на диване и сказал:

– Я привез тебе сорок две новые сказки. Я старался.

– А еще чем ты занимался?

– Он лежал в пещере, – сказал попугай, – вон с этой девушкой.

– Вдвоем? В пещере? С девушкой? И что же они делали? – строго спросила Шехерезада.

– Они спали, – ответил Рашид. – Моя сестра Гюль-Гюль была заколдована и лежала в пещере на хрустальном ложе. А когда ваш супруг пришел в эту пещеру, то, вместо того чтобы поцеловать ее, как положено, он доел заколдованное яблоко и тоже заснул.

Шехерезада тут же успокоилась. Она поцеловала мужа в лоб и сказала:

– Ну и правильно. Иногда лучше отравленное яблоко, чем чужие поцелуи.

– А как ты сюда попала? – спросила Алиса.

– А я просто убежала от Милодара, – сказала Шехерезада. – Антарктида – это место не для меня. Синдбад, пошли домой, дети ждут!

– Постойте, ханум! – взмолился Рашид. – А как разбудить мою сестренку?

– Как обычно, – сказала Шехерезада, – поцеловать. Неужели здесь нет ни одного влюбленного в нее молодого человека?

– Я! – закричал Икар. – Это я! Я готов!

– Он уже целовал – и ничего не получилось, – сказал Рашид.

– Икар, не слушай их, – сказала Шехерезада, – попробуй еще раз. Я по твоим глазам вижу, что ты уже по уши влюблен.

Икар, пошатываясь, подошел к дивану.

– Может, не стоит? – спросил Дедал. – У нас с тобой такая важная научная работа впереди! А эта девушка иностранного происхождения...

Слова отца как бы подстегнули Икара. Он тут же опустился на колени и поцеловал княжну в розовые губки.

Гюль-Гюль словно ждала этого момента.

– Ну наконец-то, – сказала она, открыв глаза. – Я уж давно слышу все, что вокруг происходит. И думаю – неужели ты все еще не полюбил меня по-настоящему?

Княжна Гюль-Гюль вскочила с дивана, отстранила Икара и кинулась к брату:

– Рашид, ты не представляешь, что ты для меня сделал. Ты самый лучший брат на свете!

– Вот то-то, – попугай смахнул крылом слезу, – а то я уж думал, что настоящих героев никто не заметит.

– Я тебя заметила, – сказала княжна. – Ты будешь жить у нас в доме, у тебя будет большая золотая клетка...

– Только этого мне не хватало! – воскликнул попугай и прыгнул к открытому окну. Он задержался на подоконнике. – Прощайте, друзья! – крикнул он. – Душа бродяги и разбойника не выдержит золотой клетки. Ваша сказка кончилась, моя – продолжается.

И он вылетел в синее небо. Рашид кинулся за ним, но не успел его остановить.

– Как ты могла так обидеть бродягу и разбойника! – упрекнул он сестру.

– Не расстраивайтесь, Рашид, – сказал волшебник Оох. – Вы с ним еще встретитесь.

– Вот и сказка вся, – сказала Алиса. – Как мне жалко с вами расставаться.

Отдохнув и попрощавшись со всеми, Алиса с помощью волшебника Ооха вернулась к опушке Дремучего леса, где ее ждала кабина времени.

Только она собралась войти в дупло гигантского дуба, как услышала хриплый голос:

– Эй, девчонка, не спеши. Разговор есть.

Алиса обернулась.

На низкой ветке дуба сидел хромой, одноглазый попугай в чалме.

– Ты прилетел проводить меня, Могилка? – спросила Алиса.

– Не совсем так, – сказал попугай. – Дело в том, что я в эпохе легенд испытал уже все опасности и пережил все приключения. Возьми меня в будущее. Я буду жить у тебя, охранять тебя от злодеев, а когда ты полетишь на корабле в космос, я тебе пригожусь. Я же старый бессовестный бандит, но верный друг, Мандалай, забери меня!

Алиса поняла, что за эти дни она полюбила старого разбойника.

– Ну что мне с тобой делать, – сказала она. – Полетели в двадцать первый век. Если тебе не понравится, ты всегда сможешь вернуться обратно.

– Нормально, Мандалай, – сказал попугай и уселся Алисе на плечо. Потом наклонил к ее уху клюв, ущипнул за мочку уха и прошептал: – Но никогда не смей называть меня Могилкой. У меня есть честное имя – Аль-Могила.

– Слушаюсь, Аль-Могила, – повторила Алиса.

Древние тайны

Глава первая
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Сразу после Нового года, в первый день зимних каникул классная руководительница 5 «Б» собрала всех учеников.

– Наступило время отдыха, – сказала она. – Поэтому желающие могут уйти домой и спать две недели без просыпу.

Все засмеялись.

– Покой нам только снится, – сказал Пашка Гераскин, который недавно прочел книжку «В мире мудрых мыслей». Он выучил штук сто мудрых мыслей, но не стал запоминать, кто их придумал. А если его спрашивали, чья это такая умная мысль, он скромно отвечал: «Кажется, моя».

– Самое скучное на свете – это ничего не делать. Если человек ничего не делает целый месяц, он превращается обратно в обезьяну, – сказал Аркаша Сапожков.

– Каролина Павловна, – попросила Алиса Селезнева, – скажите, чем мы будем заниматься на каникулах?

– Мы отправимся на историческую практику, – сказала Каролина Павловна.

Она была такая молоденькая, хрупкая, тихая, что ее иногда принимали за ученицу. Но все в классе знали, что у Каролины железный характер. Недаром она перешла в прошлом году на лыжах через Берингов пролив из Азии в Америку и обратно.

– Ура! – закричал Джавад Рахимов. – Наконец-то! Мне так надоело в классе сидеть!

Маша Белая, человек очень серьезный, куда серьезнее, чем ее близняшка Наташа Белая, спросила:

– А где мы будем историческую практику проходить?

– Вот это каждый решит сам для себя.

Пашка Гераскин даже поднялся со стула.

– Вы говорите, что можно выбирать? – спросил он.

– Сейчас он выберет крестовый поход, чтобы сразиться на мечах с Ричардом Львиное Сердце! – сказала Наташа Белая.

– Ничего подобного, – отмахнулся Пашка. – Ты что думаешь, мне не надоело мечами махать? Нет, у меня есть мечта...

– Какая? – спросил Джавад.

– Тайна, – сказал Пашка. – Может же у человека быть одна тайна?

– У человека может быть тайна, – сказала Каролина. – И Паша нам ее обязательно откроет.

– Это еще почему? – возмутился Пашка.

– А как же тебя отправлять в прошлое, если ты нам не скажешь куда?

– Разумно, – согласился Пашка. – Но сначала я подожду, что придумают мои коллеги по классу.

– Погодите, погодите, – попросила пятиклассников Каролина. – Я хочу уточнить задание на историческую практику. Каждому из вас нужно выбрать себе не просто какую-нибудь эпоху или место, но там должна таиться историческая загадка. Вы же не туристы, вы ученые. А наука – это разгадывание тайн.

– Правильно, – сказал Аркаша Сапожков. – Даже когда я считаю ножки у марсианской сколопендры, я разгадываю тайну. Сначала я не знал, сколько у нее ног, а потом разгадал тайну: у марсианской сколопендры сто сорок семь ног.

– Не может быть! – крикнул Пашка. – Не бывает нечетного числа ног. Аркаша одну ногу нечаянно отломил.

– Я не знаю, какой ты историк, – улыбнулся Аркаша, который, как известно, умеет владеть собой, – но космобиолог ты плохой и не знаешь, что постольку поскольку у всех марсианских сколопендр и многоножек ноги располагаются в три ряда, то общее число ног может быть нечетным.

– Разве? – спросил Пашка. – Я всегда забываю мелочи.

Каролина подождала, пока все отсмеются, а потом продолжала:

– У меня есть для вас второе задание. Каждый путешественник во времени должен снять фильм. Замечательный, очень интересный фильм. Вы не возражаете?

Никто, конечно, не возражал.

– Идите по домам, дети, – сказала Каролина. – Завтра мы встретимся снова. И пускай каждый из вас придумает, какую бы тайну истории он хотел разгадать.

Расходиться не хотелось. Погода стояла отличная, мороз и легкий снежок.

Пятиклассники отправились на Гоголевский бульвар, на станцию юных биологов, где они проводили время после уроков.

Звери удивились тому, что их друзья пришли в неурочное время.

– Не обращайте внимания, продолжайте заниматься своими делами, – сказал Аркаша. – У нас каникулы.

Жираф Злодей наклонил свою глупую голову, словно вытянул шлагбаум через дорогу, и громко хлопал ресницами, стараясь понять, что же такое каникулы. Он был одет в теплую фуфайку – сестры Маша и Наташа Белые вязали ее две недели.

Питекантроп Геракл, который родился обезьяной и старался превратиться в человека, раскачивался на морозостойкой кокосовой пальме, держался за ствол ногами и хлопал в ладоши. Он скучал без людей. Дельфины выпрыгивали из теплой воды, над которой поднимался густой пар.

Юные биологи прошли в домик лаборатории. Алиса Селезнева открыла фруктовый кран и налила всем по стакану яблочного сока.

– Давайте обсуждать, – сказала она. – А то скоро обедать пора.

– А ты какие знаешь тайны истории? – спросил Джавад Рахимов.

Он был добрым парнем и хорошим другом, но не очень любил историю и не знал ни одной исторической тайны.

Тогда заговорил Аркаша Сапожков, самый образованный из биологов:

– Вся история Земли – сплошная тайна, – сообщил он, – начиная с происхождения жизни.

– Чего в этом таинственного! – возразил Пашка. – Не было жизни, а потом она появилась. Куда ей деваться?

– Откуда она появилась? – спросил Аркаша.

– От верблюда! – крикнул Пашка, который не выносил, если ему возражали. Недаром Алиса Селезнева считает, что из него получился бы самый настоящий царь. Чуть возразишь – голову с плеч долой!

– Жизнь произошла от Бога, – сказал Джавад. – Так многие считают.

– Только не ученые, – возразил Аркаша.

– История начинается тогда, когда начинается жизнь, – сказала Алиса.

Ван Цицуну очень хотелось сказать что-нибудь умное. Он поступил в этот класс всего два месяца назад и очень боялся, что в чем-нибудь отстанет от остальных ребят.

– История начинается, когда начинается время, – сказал он.

– Чепуха! – закричал невоспитанный Пашка. – Время было всегда!

– Мальчики, мальчики! – вмешалась в разговор Маша Белая. – Не надо ссориться.

В открытую форточку с трудом влезла голова жирафа Злодея. Ему было любопытно узнать, почему биологи так шумят. Но короткие рога жирафа застряли между рамами старого окна, и он начал рваться, волноваться, и стекло зазвенело – вот-вот лопнет.

– Злодей! Стоять! – приказала Алиса. – Сначала успокойся, подумай, а потом будешь тянуть голову обратно.

Злодей заморгал длинными ресницами, большая слеза сорвалась с них и упала на пол. Геракл потащил его за хвост, а Маша Белая щекотно поцеловала в нос. Жираф вытащил голову наружу и чихнул.

– Довели животное, – сказала Наташа Белая. – Разве можно так шуметь?

Мальчик Ван Цицун взволновался, побледнел и сказал:

– Простите, я во всем виноват. Не надо было мне вмешиваться в беседу почтенного Паши и уважаемого Аркадия.

Ван Цицун приехал из Шанхая. Его папа был великим бадминтонистом. Даже чемпионом мира. А теперь он основал в Москве школу бадминтона. Многие хотели поступить в эту школу или отдать в нее своего ребенка. Так что, вернее всего, Ван Цицуну придется остаться в Москве надолго, и он будет учиться в одном классе с Алисой Селезневой.

Русский язык Ван Цицун выучил уже на каникулах и говорил на нем, хоть и с акцентом, не хуже Пашки Гераскина. Он оказался замечательным математиком. Китайский ученик имел только один большой недостаток: он был очень дисциплинированным, аккуратным и совсем не любил шалить, шуметь, убегать с уроков и совершать необдуманные поступки. По сравнению с ним даже заядлый отличник и тихоня Аркаша Сапожков выглядел отпетым хулиганом.

– Если будут записывать, – сказала Маша Белая, – запишите меня на тайну Синей Бороды.

– Простите, это сказка? – спросил Ван Цицун.

– Вот я и хочу узнать, Синяя Борода был сказкой или жил на самом деле? Ну что вы смеетесь? Неужели вам неинтересна такая историческая тайна?

– Мы потому смеемся, – ответила двойняшка Маши Наташа, – что Синяя Борода обязательно на тебе женится, а потом тебя убьет.

– Мы еще посмотрим! – возмутилась Маша Белая. – В те времена, когда он жил, женщины были робкие и слабенькие. А у меня, к вашему сведению, есть черный пояс карате. Кто не верит, может на меня напасть.

– Все равно, – сказала ее сестра, – замуж тебе рано. Вот я пожалуюсь вечером маме, что ты решила стать восьмой женой Синей Бороды, посмотрим, что мама на это скажет.

Маша обиделась на Наташу. Они всегда спорили, хотя были так похожи друг на дружку, что даже мама их путала. Вернее, она их не путала, она точно знала, что у нее две дочки – Маша и Наташа, у одной родинка на правой щеке, а у другой на левой. Но всегда сбивалась – у кого же из дочек на какой?..

– Девочки, не спорьте! – попросила Алиса Селезнева. – Лучше ты, Наташка, скажи нам, какую историческую тайну хочешь разгадать.

– Я хочу... я хочу разгадать тайну Железной Маски, – сказала На-

таша. – Представляете, всю жизнь он просидел в Бастилии, в одиночной камере, и ни разу не снял железную маску.

– Это правда? – спросил Ван Цицун.

– Совершенная правда, – ответил Пашка. – Это случилось лет пятьсот назад.

– Значит, – вздохнул китайский мальчик, – у него не росла борода, и не болели зубы.

Все задумались и поняли, что Ван Цицун прав. Иначе бы Железной Маске пришлось снимать маску, чтобы побриться или постричь бороду, не говоря уж о встрече с зубным врачом.

– Он не мылся! – воскликнула Маша Белая, которой конечно же не понравился выбор близняшки. – И не причесывался. Мне о нем даже думать противно.

Пока сестры Белые ссорились, Алиса думала: а какую тайну истории ей хотелось бы разгадать? Так много на свете тайн и загадок, но когда тебе говорят: выбери одну, самую для тебя интересную, – все из головы вылетает, и оказывается, что ни одной тайны ты не помнишь.

Тайны, которые придумали сестры Белые, Алисе не понравились. Они ей показались мелкими. Какой-то герцог зарезал своих жен! Ну и что? Мало ли было таких герцогов? А другой барон или принц просидел несколько лет не мывшись и не постригая волос и бороды. Ужасная история! Но ничего с человечеством от этого не произошло. Ни хорошего, ни плохого.

Нет, надо отыскать настоящую тайну, которая интересна всем...

Алиса не успела ничего придумать, как Аркаша Сапожков, самый умный из всех учеников в классе, сказал:

– Давайте вместе составим список великих тайн. А потом поделим их между собой.

– Но если я не хочу великую тайну, а хочу небольшую, но очень интересную? – возразила Маша Белая.

– Сначала мы напишем список всех тайн. – Паша Гераскин поддержал своего друга. – А потом поглядим, кому что интереснее.

Все согласились и уселись за большой лабораторный стол. Питекантроп Геракл подошел к столу и постучал по нему волосатым кулаком.

Все знали, что это означает: Геракл спрашивал, не хочет ли кто-нибудь чаю.

Питекантроп Геракл попал на станцию юных биологов из глубокой древности, когда еще людей не было.

Питекантроп – это обезьяночеловек, даже скорее человекообезьяна.

Он начал превращаться в человека, но ему еще предстояло превращаться полмиллиона лет.

Когда он случайно попал на станцию юных биологов в Москве на Гоголевском бульваре, его новые друзья, юные биологи, принялись о нем заботиться, учить его, чтобы он поскорее стал человеком.

Конечно же Геракл оказался не очень хорошим учеником. Он хотел есть бананы, валяться на солнышке и гоняться за кошками. А учиться ему не нравилось.

Но кое-чему Геракл научился.

Например, он научился приносить ребятам чай, когда они собирались в лаборатории. Он даже научился для этого считать. И все знали, если Геракл стоит возле стола и стучит по нему кулаком, то те, кто сидит за столом и хочет чаю, должны поднять указательные пальцы.

Геракл глядел на поднятые пальцы и загибал столько же на своей руке. Потом он бежал на кухню, вынимал из буфета столько чашек, сколько у него было загнуто пальцев. Он не считал – только ставил на поднос чашку и разгибал палец, ставил еще одну чашку и снова разгибал палец. Когда их больше не оставалось, все чашки уже стояли на подносе. Оставалось только поставить на поднос кипятильник-заварщик и нести в лабораторию.

Аркаша Сапожков достал с полки лист ватмана, взял в руки фломастер и приготовился писать.

– Какую тайну мы можем считать самой первой? – спросил он.

У каждого было мнение на этот счет, но ждали, что скажет Аркаша. Потому что Аркаша был самым умным в классе, и его все слушались, несмотря на то, что он был меньше всех ростом и голос у него был тихий.

– Тогда я сам скажу, – продолжал Аркаша. – Первая тайна – это происхождение жизни на Земле. Как это случилось? Почему и когда наша Земля стала колыбелью жизни?

Он написал: «Тайна номер один. Происхождение жизни на Земле».

Еще совсем недавно Аркаша был тихим и незаметным мальчиком. Он даже на переменках не бегал и не играл, потому что каждую свободную секунду проводил у компьютера. А после школы спешил домой, где у него с дедушкой был целый зоопарк – птицы, рыбки и черепахи. Никто Аркашу не дразнил, просто на него не обращали внимания. Правда, на биостанцию его позвали, но потому, что он умел заботиться о зверях и был безотказным, всегда можно было Аркашу попросить за тебя подежурить, покормить зверей или почистить клетки.

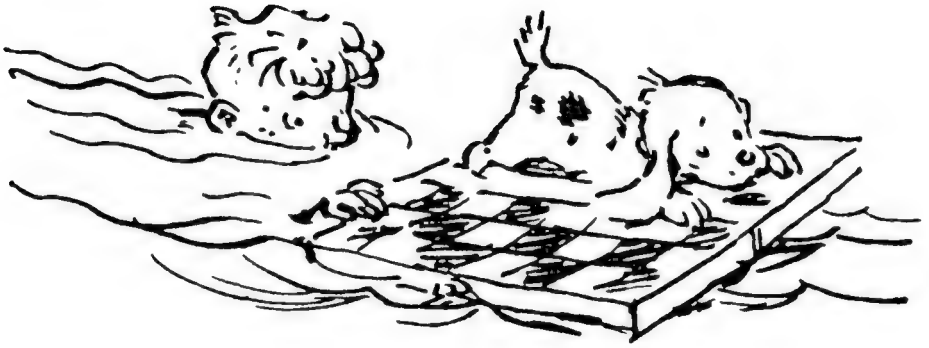
Животные Аркашу любили, и он умел с ними разговаривать. Даже крокодил Аркашу понимал. В цирке на Цветном бульваре однажды во время представления на манеж неожиданно выскочила львица, которая несла в зубах своего малыша. В три прыжка она достигла десятого ряда, где скромно сидел с дедушкой Аркаша Сапожков, кинула ему на колени львенка и понеслась выступать. Она делала все, что ей велел дрессировщик, но после окончания выступления вернулась к Аркаше, взяла у него малыша и унесла за кулисы. Оказалось, в тот день львица была обижена на дрессировщика и решила показать, что не доверит плохому укротителю своего единственного детеныша. Но удивительно, как львица смогла разглядеть Аркашу в десятом ряду и догадаться, что именно этому мальчику можно доверить ребенка!

В тот день в цирке оказалось несколько зрителей с видеокамерами, и они сняли, как Аркаша сидит со львенком на руках и тот машет четырьмя лапами.

Аркаша пришел в класс знаменитым и получил прозвище Маугли.

С таким прозвищем трудно остаться тихим отличником. Прозвище действует на человека.

А месяца через два Аркаша шел из шахматного кружка по набережной Москвы-реки и увидел, как вороны дразнили игравшего на тротуаре щеночка. Хитрые и подлые птицы задирали его, а когда он с лаем кинулся на них, взле-



тели над каменным ограждением реки. Щенок не рассчитал своих сил, перемахнул через ограду и ухнул в воду.

Аркаша, недолго думая, кинулся за ним.

Люди, гулявшие по набережной, перепугались, стали кричать, а некоторые мужчины даже начали раздеваться, чтобы нырнуть в воду и спасти ребенка.

Но спасать Аркашу не пришлось. Он уже вынырнул из воды и, гребя шахматной доской, подплыл к щенку. Потом он положил шахматную доску на воду, как плот, щенок взобрался на него, и они вместе поплыли к пристани для речных трамвайчиков.

Среди мужчин, которые хотели раздеться, чтобы спасти мальчика, тоже нашлись кинолюбители, и потому вечером по телевизору показали очередной подвиг Аркаши.

– Послушай, дружище, – сказал на следующий день Пашка Гераскин, – мы, конечно, гордимся тем, что учимся в одном классе с таким героем, но умерь свой пыл! А то от корреспондентов проходу нет.

Конечно, проход был, но Пашка завидовал Аркаше, который на вид куда меньше похож на героя, чем Пашка, а уже прославился и не хочет останавливаться.

– Я обещаю, – сказал Аркаша. – Мне самому очень неприятно. Даже мой дедушка сказал, что быть знаменитым некрасиво.

– Вот именно, – согласился Пашка. – Надо запомнить слова твоего дедушки.

С тех пор не проходило и месяца, чтобы с Аркашей не случилось какого-нибудь приключения. Из всех этих приключений он выходил с честью, хотя так их и не полюбил. Просто привык совершать разные по-

ступки. И все привыкли, что Аркаша их совершает. Только Пашка Гераскин не мог к этому привыкнуть. Он бегал за подвигами и приключениями, но у него редко что получалось.

Вот, например, в ноябре Аркаша опять прославился на весь город. Он пошел в детский садик взять домой своего братишку Борю. Когда он подходил к садику, то увидел, что из окна второго этажа идет густой дым, а воспитательницы выводят ребятишек на улицу.

– Что случилось? – крикнул Аркаша, подбегая.

– Пожар в живом уголке! – ответила воспитательница. – Мы уже вызвали пожарную команду. Все дети в безопасности.

– И я в безопасности! – крикнул маленький Боря, который стоял рядом с воспитательницей.

«Звери в опасности!» – подумал Аркаша, который очень любил зверей.

Когда воспитательница отвернулась, он за ее спиной тихонько пробежал в дом и поднялся на второй этаж.

Из комнаты, где располагался живой уголок – то есть маленький зоопарк для маленьких детей, где жили птички, рыбки и маленькие зверята, – валил черный дым.

Аркаша бесстрашно вошел в комнату.

Он не испугался. И не потому, что был смелым, но неумным, а потому, что был сначала умным, а уж потом смелым. Вчера Боря рассказал ему, что кто-то из родителей привез в подарок детишкам яйцо дракончика, которое нашел на планете Местикуре.

Местикурские дракончики невелики и совсем неопасны, а уж новорожденные дракончики не обидят никого крупнее мухи, потому что мухами они и питаются.

Дракончик должен был вылупиться из яйца на следующей неделе. Но он поспешил и вывелся сегодня.

Новорожденные дракончики ужасно прожорливы. Дракончик огляделся, но поблизости не было ни одной мухи.

С горя и с голоду дракончик принялся пускать из ноздрей черный дым. И напустил полный садик дыма.

Когда воспитательницы почувствовали страшно вонючий дым, они перепугались и принялись выводить наружу детей. Их можно понять, ведь воспитательницы плохо знают космическую биологию.

Зато космическую биологию отлично знает Аркаша Сапожков. Недаром он трудится на станции юных биологов на Гоголевском бульваре.

Кстати, ему известны повадки новорожденных местикурских дракончиков.

Увидев окутанного дымом дракончика, Аркаша сказал ему:

– Потерпи!

Дракончик не хотел терпеть.

Тогда Аркаша изобразил крик мамаши-драконихи.

– Йех-уа-уа-йюс, – пропел он.

Дракончик услышал материнский голос и сразу ответил:

– Юхи-юхи-мама крайюхи.

Это означало: «Мама, мама, я страшно голоден, но вокруг нет ни одной мухи!»

Остальные обитатели живого уголка пищали, выли, скрипели и верещали. Они же задыхались от дыма!

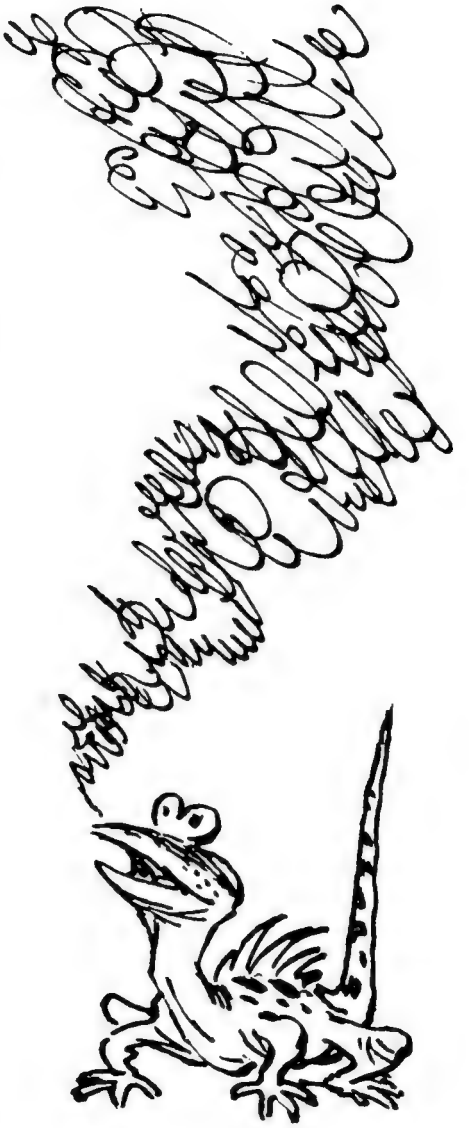
Аркаша открыл окно, чтобы впустить свежего воздуха, и подхватил попугая Каякку, который живет высоко в горах Сьерра-Пальмы и не выносит грязного воздуха.

Попугай перепугался и решил, что Аркаша хочет его съесть. Он бился в руках Аркаши и норовил его клюнуть. Но Аркаша крепко держал птицу. Он выбежал с попугаем из комнаты, отнес его на кухню и насыпал пшена. Попугай кинулся клевать пшено, до которого был большой охотник, а Аркаша схватил банку с изюмом, отнес дракончику и сказал:

– Это слаще мух!

Дракончик понюхал изюм и принялся брать губами по изюминке. Он даже закрыл глаза от удовольствия.

Тогда Аркаша пошел к окну, чтобы затворить его. Он боялся, что рыбки, белки и клетчатый питончик простудятся.



Не успел Аркаша взяться за ручки рамы, как прямо перед ним появилась страшная физиономия в серебряной газовой маске и золотом шлеме.

Это был пожарный.

Пожарные только-только приехали, и заплаканные воспитательницы сказали им, что в детском садике страшный пожар, а внутрь пробрался мальчик Сапожков, который, вернее всего, погибнет.

Пожарные приставили лестницу к стене и полезли спасать мальчика Сапожкова.

А мальчик Сапожков так перенервничал от спасения дракончика и всего детского сада, что при виде пожарного ахнул и потерял сознание.

Пожарные отвезли Аркашу в больницу «Скорой помощи», хоть он пришел в себя через минуту. В больнице Аркаше поставили диагноз: легкое отравление драконьим дымом и переутомление. А потом отпустили домой.

На следующий день в класс вошел пожарный в мундире.

Он попросил разрешения у Каролины на три минуты прервать урок. И когда Каролина разрешила, он вынул из портфеля красную коробочку, открыл ее и достал медаль.

Он попросил Аркашу подойти поближе, прикрепил ему на грудь медаль и сказал:

– Поздравляю вас, ученик Аркадий Сапожков, с награждением медалью «За отвагу на пожаре». Ваш подвиг никогда не будет забыт!

В дверь въехала телевизионная камера, и этот момент был снят, а вечером вся страна слушала рассказ о том, как школьник Сапожков не испугался пожара и накормил дракончика.

Когда пожарник ушел, ребята накинулись на Аркашу с упреками, почему он никому ничего не рассказывает.

Аркаша покраснел и стал оправдываться – ведь он ничего особенного не совершил. Каждый бы на его месте сделал то же самое.

Все стали смеяться и поздравлять Аркашу, только Пашка Гераскин довольно громко произнес:

– Быть знаменитым некрасиво, как сказал один дедушка.

Аркаша записал первую тайну: «Происхождение жизни на Земле».

Потом сказал:

– Я жду предложений, мои друзья.

Аркаша прочел столько книг, что иногда начинал говорить, как их герои. Сегодня он говорил, как капитан Немо и его знакомые с Таинственного острова.

– Запиши про динозавров, – попросила Алиса Селезнева.

– Что я должен написать про динозавров, юная леди? – спросил он.

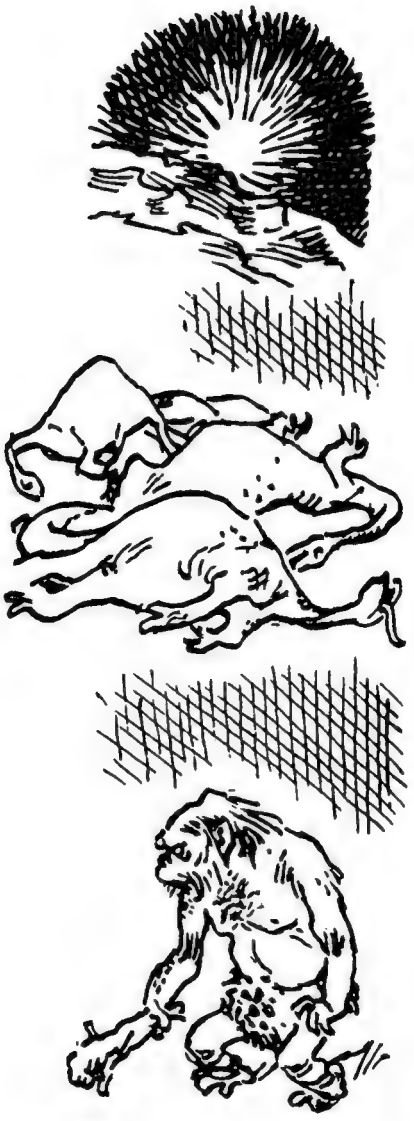
– Ты должен написать так: «Тайна номер два. Почему вымерли динозавры?»

– А разве это не известно? – спросил Джавад. – Я читал, что они вымерли, потому что климат изменился.

– Ты там был? – спросил Пашка Гераскин.

– Нет, ты же знаешь, что не был.

– Тогда ты не можешь наверняка сказать про климат.



Аркаша записал тайну номер два и только хотел спросить про следующую тайну, как Маша Белая сказала:

– Напиши, наконец, про Синюю Бороду.

– И про Железную Маску, – сказала Наташа Белая.

Пашка Гераскин всплеснул руками:

– Я сойду от них с ума! Эти женщины совершенно не понимают разницы между великими событиями и историческими пустяками! Как можно сравнивать смерть всех динозавров и какую-то Железную Маску? Как, я вас спрашиваю?

– А вот так! – хором ответили Маша и Наташа. И Пашке пришлось умолкнуть.

Аркаша сказал:

– Продолжаем. Кто предложит следующую тайну?

– А ты наши тайны не записал! – обиделась Маша Белая.

– По порядку! – ответил Аркаша. – Постольку поскольку дойдет очередь до Синей Бороды, мы его обязательно запишем.

Все принялись думать о следующей тайне. Даже питекантроп Геракл старался думать, хотя это у него не очень хорошо получалось.

Но ему казалось, что люди не обращают на него внимания, а хотелось, чтобы обращали.

Геракл начал бить себя в грудь кулаком и ухать.

Пашка прикрикнул на Геракла, чтобы помолчал и не мешал людям думать, но Ван Цицун, который внимательно смотрел на обезьяночеловека, тихо сказал:

– А наверное, уважаемый Геракл прав. Ведь происхождение человека – это великая тайна. В разных концах Земли нашли останки разных обезьян и первобытных людей, у нас в Китае откопали кости и зубы синантропа – это был самый большой предок человека, ростом с баскетболиста, но куда сильнее.

– Конечно, – сказал Пашка Гераскин, – у вас в Китае все самое большое.

– Ты не прав, Паша, – ответил Ван Цицун. – Конечно, в Китае есть много всего очень большого, потому что Китай и сам очень большой, но в других странах тоже есть большие вещи. Например, река Амазонка больше, чем наша река Янцзы, зато в Китае когда-то построили Великую Китайскую стену, и она – самое большое творение человеческих рук в мире.

– Вот и разгадай тайну Китайской стены, – сказала Маша Белая, – наверное, это очень интересно.

– К сожалению, – сказал Ван Цицун, – тут нет никакой тайны. У нас в Китае всегда писали подробные истории и тщательно хранили документы. Поэтому известно о стене все – и когда ее построили, и сколько было занято рабочих, и даже сколько пошло на нее кирпичей. Если вы позволите, я бы не стал разгадывать тайну Великой Китайской стены, так как этой тайны не существует. А вот тайна происхождения человека – это великая тайна.

Геракл даже подпрыгнул от радости. Он, видно, понял, что китайский мальчик будет разгадывать тайну его происхождения.

– Но есть и другие великие тайны, – сказал Ван Цицун, – и надо хорошо подумать, прежде чем выбрать нужную тайну. С вашего разрешения я посоветуюсь с моим отцом.

Ван Цицун замолчал, и тогда заговорил Аркаша:

– Давайте запишем третью тайну. Тайна происхождения человека. Это очень важная и интересная тайна.

И все согласились, что это очень важная и интересная тайна.

– Тайна номер четыре! – произнес Аркаша.

Все смотрели на него и ждали, какую же он придумает тайну.

Но Аркаша ничего не говорил. Он ждал.

Алиса смотрела на стену и думала: «Ну, какие еще тайны? Давайте думать по порядку... Что было после того, как человек стал человеком? Был Древний Египет и Вавилонская башня».

– Я хочу разгадать тайну Вавилонской башни! – сказала она.

– Простите, пожалуйста, – попросил Ван Цицун, – будьте любезны, скажите, в чем тайна Вавилонской башни и что такое Вавилонская башня?

Все посмотрели на Алису. Кое-кто знал, о чем речь, но другие могли и не знать.

– Есть такая древняя легенда, – сказала Алиса, – что люди решили строить башню до самого неба.

– Как так до самого неба? – спросил Ван Цицун. – Вы имеете в виду стратосферу?

– В то время люди думали, что небо твердое, – сказала Алиса. – И строили башню до твердого неба. Но Бог рассердился на них и сделал так, что они стали говорить на разных языках. От этого произошло вавилонское столпотворение – люди друг друга перестали понимать.

– Плюнули они тогда, – вмешался Пашка Гераскин, – и разошлись по домам.

– Спасибо, – сказал Ван Цицун. – Но разрешите мне задать еще один вопрос?

– Задавай, – разрешил Пашка.

– А где были переводчики? – спросил Ван Цицун. – Почему переводчики не помогли строителям?

– В то время еще не было переводчиков, – сказала Алиса. – Ведь языки только-только появились, и переводчики еще не успели их выучить.

– Спасибо, – поблагодарил Ван Цицун, – я все понял.

Аркаша сказал:

– Я записал проблему Вавилонской башни. Но подозреваю, что это не историческая, а легендарная загадка. Сказочная, другими словами. Поехали дальше.

– Я хочу отправиться в Древний Египет, – сказал Джавад Рахимов, – чтобы разгадать тайну египетских пирамид.

– А в чем тайна египетских пирамид? – спросила Маша.

– Есть мнение, – сказал Джавад, – что их построили пришельцы из космоса.

– А зачем? – удивилась Наташа Белая.

– Разве мы можем угадать, что у пришельцев в голове? – сказала Алиса. – Сколько я с ними встречалась – и всегда удивлялась, чего еще от них можно ждать?!

– Но есть мнение, – сказал Аркаша Сапожков, – что пришельцы из космоса тут совершенно ни при чем. Египтяне отлично обошлись без их помощи.

– Все равно надо проверить, – не сдавался Джавад. – Кроме того, говорят, что пришельцы построили святилище Стоунхендж в Англии, отлили железную колонну в Дели и много еще чего сделали. Во всем мире.

– Простите, – сказал Ван Цицун, – может быть, во всем мире инопланетные пришельцы и занимались строительством, но в Китае они ничего не построили.

– Почему? – удивился Джавад.

– Потому что мы сами все построили. Зачем нам помощники?

– Ван Цицун совершенно прав, – заявил Аркаша. – Я с ним согласен на все сто процентов. Люди умеют строить не хуже, чем пришельцы. Поэтому я попрошу вас предлагать исторические тайны, в которых нет никаких пришельцев.

– Прошу записать, – сказал Пашка Гераскин, – мне хочется узнать, как погиб король Артур.

– Об этом написано в легенде о рыцарях «Круглого стола», – сказал Аркаша.

– Хватит! – воскликнул Пашка. – Этого нельзя, это не тайна, это запрещено! Дай нам, в конце концов, разгадывать те тайны, какие нам нравятся!

– Пожалуйста, – сказал Аркаша, – я хотел только вместе разобраться, а потом уж решим, кто какую тайну себе возьмет.

Маша Белая вступилась за Аркашу.

– Сапожков совершенно прав! – заявила она. – Если бы он с нами не обсуждал, то я бы до сих пор думала, что в мире была только одна тайна.

– Про Синюю Бороду! – вместе воскликнули Алиса, Джавад и Наташа Белая.

– А теперь я уже знаю...

– Про Железную Маску! – подхватили ее друзья.

– Вы все шутите, – обиделась Маша, – а я серьезно.

– Наверное, нам пора по домам, – сказала Алиса. – Мы еще вечером подумаем над тайнами. Завтра каждый предложит свою тайну Каролине.

Все согласились с Алисой, быстро вымыли чашки, чтобы старательный Геракл их не перебил, и поспешили по домам.

Когда прощались у входа на биологическую станцию, договорились встретиться в школе завтра в десять утра.

Глава вторая
НЕЗНАКОМОЕ НАСЕКОМОЕ

Аркаша хотел зайти к Алисе.

Он собирал монеты, и ему надо было посоветоваться с ее домашним роботом. И в этом нет ничего удивительного, потому что робот Поля был известным нумизматом, прочитал все справочники, в свободное время изучал музейные коллекции и однажды чуть не погиб, когда пересчитывал рупии в подвале Бомбейского банка в Индии. Тогда неожиданно случилось землетрясение, потолок сейфа обрушился на несчастного робота, и его откопали через две недели. Он проржавел, погнулся, но, как только его привели в чувство, сразу сообщил:

– Восемь тысяч пятьсот шестьдесят две.

Спасатели спросили, что имеет в виду искалеченный робот. И робот ответил:

– Столько рупий лежит в подвале.

Любой коллекционер мог ошибиться, спутать монету лидийскую и мидийскую, а копейку Дмитрия Донского с полушкой Бориса Годунова. Но только не робот Поля! Стоило ему один раз увидеть монету, он запоминал ее навсегда. Говорят, что Полю никогда не пустят на металлолом и не отправят на пенсию, а отдадут вместо этого в Исторический музей, где он будет служить нумизматическим справочником.

Аркаша с Алисой не спеша шли по бульвару и разговаривали об исторических тайнах.

– Наверное, мы не правы, – сказал Аркаша, – когда думаем, что исторические загадки были очень давно. А в последние столетия они кончились. Если подумать как следует, мы наверняка найдем тайны где-нибудь поблизости.

– Я сразу могу сказать, – ответила Алиса. – Я читала, что Наполеон, когда бежал из России, выкинул все награбленные сокровища в одно из озер на его пути. Этих сокровищ до сих пор не нашли.

– Вот именно, – согласился Аркаша. – Кстати, и библиотеку Ивана Грозного не нашли. А он ее спрятал в подземельях Кремля.

– Иван Грозный жил давным-давно, – сказала Алиса. – А вот экспедиция на Марс улетела десять лет назад и пропала без вести. Это совсем свежая тайна.

Вдруг Алиса замерла и осторожно дотронулась до локтя Аркаши:

– Смотри, он за нами наблюдает!

Она показала на странное существо, прятавшееся за деревьями. Было оно невысоким, пониже Алисы, страшно худым и даже костлявым, будто скелетик. Голова странная, лица не видно.

– Робот какой-то, – сказал Аркаша. – Недоделанный.

– Недоделанные роботы по улицам вечером не гуляют, – возразила Алиса. – Кто его с фабрики выпустит?

– Тогда пошли отсюда, – сказал Аркаша. – Нам еще мутанта не хватало.

Алиса согласилась с другом. В последнее время ходили разговоры о том, что на Землю откуда-то попали странные мутанты людей, правда, никто их толком не видел...

Они выбежали с бульвара и отправились дальше по узкому переулку Сивцев Вражек.

Вокруг не было ни души.

Над головами неслись серые облака, порой начинал идти мокрый снег, и ветер кидал его в лицо мокрыми снежками...

Пройдя шагов сто по переулку, Алиса обернулась:

– Ой!

Существо почти догнало их. Оно двигалось так, словно вместо ног у него были палки, которые плохо сгибались.

Аркаша сделал шаг навстречу существу и спросил:

– Что вам нужно?

Существо тоже остановилось и вдруг странно заскулило, как потерявшийся щенок.

В этом месте было светло, и Алиса смогла разглядеть преследователя получше.

Конечно же это был не человек и не мутант.

Это был инопланетянин.

Причем по виду – насекомое.

Насекомые отличаются от пауков и уховерток тем, что у них шесть ног. У жуков шесть, у бабочек шесть, но и у кузнечиков шесть ног. А у пауков восемь. Посчитайте, не пожалейте времени. Это закон природы.

У существа, которое преследовало Алису, было шесть конечностей.

Оно стояло на двух тонких ногах, а четыре палочки служили руками. Голова у этого насекомого была чуть вытянута вперед, как у муравья, но покрыта шерстью. Большие желтые глаза смотрели в разные стороны. Губ не было и носа тоже.

Неприятное существо. Даже страшненькое.

Первое удивление Алисы прошло. Прошел и страх. Ну, встретили насекомое с ребенка размером, ну, убежали от него, а потом поняли, что бегать нет никакого смысла.

– Что вам нужно? – спросил Аркаша.

Насекомое протянуло вперед свои палки-руки и направилось к Аркаше. Тут уж самый отважный рыцарь пустился бы наутек.

Но не Аркаша.

– Только не кусаться! – сказал он. – Ведем себя спокойно, не нервничаем! Вы заблудились?

– Папа, – произнесло существо, дотрагиваясь кончиками лап до Аркаши. – Папа, до-ро-гой.

– Оно разговаривает, – сказала Алиса. – И кажется, вы знакомы.

– Вы меня с кем-то спутали, – сказал Аркаша. – Я с вами незнаком, постольку поскольку вижу в первый раз.

– Я буду жить с тобой, – сказало насекомое со странным акцентом. – Я буду учиться в школе. Я стану скрипачом. Где твоя скрипка?

Тут уж Алиса не удержалась и засмеялась, потому что весь класс знал об этой ужасной истории.

Аркаша был мальчиком из очень хорошей семьи, все дети в ней учились музыке. Девочки, как правило, играли на скрипочках, а мальчики на трубе или рояле. Но Аркаша в раннем детстве был таким маленьким и слабеньким, что ему купили скрипку, как девочке.

Аркаша послушно пиликал на скрипке до десяти лет, а потом взбунтовался. Он был тихим, задумчивым мальчиком и не умел драться или громко кричать. Но скрипочку он так ненавидел, что однажды она исчезла.

Когда дедушка стал спрашивать, где скрипочка, Аркаша ответил, что он ее закопал в лесу.

– Зачем? – закричал дедушка, а остальные члены семьи качали головами и делали вид, что очень сердятся.

– Разве непонятно? – спросил Аркаша. – Я ее закопал в плодородном месте и полил из лейки.

– Но зачем?

– Чтобы она проросла и из нее выросли новые скрипочки.

– Мальчик, кажется, сошел с ума, – сказала бабушка.

– Это случилось оттого, что я очень много занимался на скрипке, – прошептал Аркаша, не глядя на старших родственников, чтобы они не заметили, что он смеется.

– Так чего же мы стоим? – спросил дедушка. – Бежим в лес спасать скрипку!

– А я забыл, где ее закопал, – признался Аркаша.

И тут его папа, который сам учился на скрипке до шестнадцати лет, а потом стал программистом, спросил у Аркаши:

– Скажи, сын, ты любишь играть на скрипке?

– Ненавижу, – ответил сын.

– Я так и понял. А что ты любишь делать?

– Я люблю компьютер, – сказал мальчик, – и еще я люблю заниматься биологией. Я никогда не стану музыкантом.

– Я вижу, что мальчик прав, – сказал папа. – Иди в лес, принеси несчастную скрипку, и я клянусь, что больше мы тебя мучить не будем.

– Ура! – закричал Аркаша и побежал на второй этаж, где под кроватью лежала невредимая скрипка. Разумеется, Аркаша не настолько глуп, как думает его дедушка. Он отлично знает, откуда происходят скрипки, а откуда мальчики и девочки.

После событий со скрипкой Аркаша стал первым мальчиком или девочкой в семействе Сапожковых, который совсем не умел играть на скрипке. Если бы вы знали, как ему завидовали остальные дети в той семье!

Когда страшное насекомое заговорило о скрипке, Алиса тут же поняла, что оно с Аркашей знакомо. И даже странно, что Аркаша от этого знакомства отказывается.

Они стояли посреди Сивцева Вражка, мимо проходили и пролетали люди, ведь было еще не очень поздно. Некоторые с удивлением оглядывались, потому что никогда не видели такого страшилки, но потом летели дальше – мало ли какие страшилки живут в Галактике и прилетают на Землю. Если на всех заглядываться, жизни не хватит.

– Ты меня не любишь? – спросил страшилка.

– Разве мы с тобой встречались? – удивился Аркаша, который тоже понял – дело неладно.

– Конечно, постольку поскольку сидели в пещере.

– По-моему, я схожу с ума, – сказал Аркаша Алисе. – Постольку поскольку я никогда не сидел в пещере...

– Аркаша, – сказала Алиса, – боюсь, что это существо говорит правду. Вы отлично знакомы. Скажи, пожалуйста, кто-нибудь из твоих знакомых говорит через каждые десять слов «постольку поскольку»?

– А разве я говорю? – удивился Аркаша.

– Еще как говоришь! – ответила Алиса.

– Папа Аркаша еще как говорит! – сказал страшилка.

Алиса сошла с мостовой, села на лавочку под летающим фонариком и сказала:

– Присаживайся, незнакомое существо. Скажи мне, как тебя зовут? Откуда ты родом и как ты познакомилось с моим другом Аркашей Сапожковым?

– Это не только Аркаша Сапожков, – ответило существо, приближаясь к Алисе. Идти существу было трудно, его покачивало, голос срывался. – Это повелитель молний, благородный спаситель малолетних коо.

– Что в лоб, что по лбу, – заметила Алиса. – Никакой ясности. А тебя как зовут?

– Мое имя – Красивый Ай, – ответило существо. – Постольку поскольку я отличаюсь умом, ростом и положительными качествами.

– Лучше я пойду домой, – сказал Аркаша. – А то дедушка беспокоится.

– Вызови дедушку и попроси его не беспокоиться с утра до вечера, – сказала Алиса. – И не трусь. Ничего плохого этот страшилка тебе не сделал.

– Но я никогда не видел раньше Красивого Ая!

– А разве ты не защитник малолетних коо? – спросила Алиса.

– И я не его папа, постольку поскольку в жизни не встречал ни одного малолетнего коо и незнаком с его мамашей.

– Это неправда! – закричал страшилка. – Ваш благородный облик навечно запечатлелся в моей памяти! И если вы ставите мои слова под сомнение, то спросите у учителя Жи. Надеюсь, ему вы верите?

– Мы верим учителю Жи? – спросила Алиса, которой было смешно, но она удерживалась от смеха.

– Я знаю, что делать, – сказал Аркаша. – Пора вызывать на помощь Патруль-12.

Алиса не ответила, хоть и понимала, что, вернее всего, Аркаша прав. Как вы знаете, Патруль-12 – это особая служба, которая заботится о всех потерявшихся детях, стариках, котятах и инопланетянах. О туристах, отставших от своего корабля, о животных, привезенных в кармане, или о несчастном профессоре физиогармонии и гештальта, которого поймала в подарок своему внуку Мария Семеновна Добронравова на планете Пуйс, потому что решила, что это зайчик. А этот зайчик на самом деле торопился на лекцию в университет и не заметил земную туристку, которая схватила его за уши... В конце концов профессора спас Патруль-12.

– Неловко как-то, – возразила Алиса. – К тебе подбегают, называют папой, а ты – в Патруль-12.

– Я тоже так думаю, – сказал страшилка.

– Но если я тебя не знаю!

И в этот момент с неба буквально свалился большой желтый флаер с алой гвоздикой, нарисованной на борту. Это была спасательная помощь Патруля-12.

Из машины сразу выскочили три человека в разноцветных веселых одеждах, заиграла бодрая музыка, в небе начали рваться ракеты.

– Где наш кроха? – спросил доктор Айболит.

– Вот он, – сказал Аркаша.

– Сейчас мы тебя успокоим, – сказал доктор Айболит, – отвезем тебя к маме и папе.

– Не надо меня везти к маме и папе, – сказал страшилка. – Есть все основания полагать, что постольку поскольку...

– Правильно, – сказал доктор Айболит, – постольку поскольку пора в постельку.

Говорящая собака Авва добавила:

– В постельку, в постельку, к птичке пустельге.

Третий санитар Патруля-12 был известным на Земле актером Хамелеончиком, который принимал вид того существа, рядом с которым он стоял. И этот Хамелеончик уже превратился в страшилку, только побольше ростом, чем первый страшилка, – то есть в метрового муравья с бакенбардами, бородкой и курчавой шевелюрой.

– Я не хочу домой! – заплакал страшилка, и горячие слезы покатились по его щекам, стекая на грудь. – Я хочу остаться с папой.

– Не беспокойтесь, Алиса и Аркаша, – сказал доктор Айболит, – мы все узнаем о нашем несчастном госте, он отдохнет и полетит туда, куда захочет.

– Только не ко мне домой! – воскликнул Аркаша. – У меня очень нервные дедушка и бабушка. Они не переживут!

– Полетели, моя крошка, – сказал Хамелеончик.

Собака Авва махала хвостом и прыгала вокруг страшилки по имени Красивый Ай, а доктор Айболит сделал страшилке сладкий успокаивающий укол, от которого улучшается настроение, но нет никакого вреда.

– Мы вам сообщим о пациенте, – сказал доктор Айболит Алисе.

Флаер поднялся к низким зимним облакам, и Алиса с Аркашей сообразили, что замерзли.

– Чего ж ты вызвал Патруль-12? – спросила Алиса. – Так мы теперь и не знаем, откуда к нам прилетело это несчастное существо.

– Я думаю, – сказал Аркаша, – что оно прилетело из параллельного мира, где живет другой Аркадий Сапожков, который на меня ужасно похож, но мы с ним незнакомы.

Алиса слышала о параллельных мирах, где все почти как у нас, но не совсем. Некоторые из них точь-в-точь на нас похожи, а другие чуть-чуть. Самой Алисе в таком мире еще не приходилось бывать, потому что не все

ученые были уверены, есть параллельные миры, или их придумали писатели-фантасты. Но, с другой стороны, каждому известно, что некоторые планеты или миры, которые придумали такие писатели, оказывается, существуют. А раньше, пока их не придумали, этих миров не было.

Так что Алиса не стала спорить с Аркашей, а пошла домой, благо оставалось идти два шага.

Дома Алиса съела две тарелки пельменей, потом легла на диван и стала листать любимую старинную книжку из бумажных страниц с картинками, которые нарисовал художник Мигунов. Она всегда удивлялась, откуда художник Мигунов так хорошо знает жизнь конца двадцать первого века, если сам он жил на сто лет раньше?

А потом Алиса нечаянно задремала.

И ей приснилось, что она попала на планету, по которой бродит множество страшилок, и все они кладут по розочке к памятнику Аркаше Сапожкову, на постаменте которого написано:

«СПАСИТЕЛЬ МАЛОЛЕТНИХ КОО».

Глава третья
ВСЕМ ПО ТАЙНЕ

На следующий день в школе Алиса с Аркашей рассказывали о странной вчерашней встрече, и поднялся горячий спор, кем же был тот страшилка. А так как Аркаша продолжал упорствовать, что он никогда не встречал это страшненькое, но вполне безобидное разумное насекомое, то решили провидеофонить в Патруль-12.

На экране видеофона появился доктор Айболит.

Он узнал Алису и тут же снял бороду.

– Жарко у нас, – сказал он, – а при пациентах раздеваться нельзя. Да и мало ли, кто может меня вызвать.

Доктор Айболит оказался совсем молодым добровольцем «Скорой помощи».

– Простите, доктор, – спросила учительница Каролина Павловна, – мы очень переживаем, что за чудище пристало вчера к нашему ученику? Вам удалось узнать?

– Все очень сложно, – сказал доктор Айболит. – Конечно, мы успокоили это насекомое. Мы проверили все справочники и энциклопедии,

мы опросили всех экспертов и даже связались с Галактическим центром. К сожалению, обнаружилось, что в обитаемой Галактике такой расы не существует.

– Как не существует? Но у него же есть родители! – воскликнула Каролина.

– У этого существа нет родителей, – ответил доктор Айболит. – Потому что оно одиноко во Вселенной.

– Так не бывает, – сказал Пашка Гераскин. – Наверное, вы ошиблись.

– Мы могли ошибиться, – терпеливо ответил доктор, – но центральный компьютер не может ошибиться.

– Простите, – сказал Аркаша Сапожков, – но у меня есть теория, и я хотел бы ею с вами поделиться.

– Пожалуйста, – ответил доктор Айболит и вытер бородой свой потный лоб. – Я всегда рад услышать новую теорию.

– Не могло быть так, что это существо прилетело к нам из параллельного мира? Там все похоже на нас, но немного другое. Поэтому оно и меня знает, но не меня, а другого Сапожкова, который живет в том мире. Может быть, отправить страшилку в параллельный мир и пускай он ищет там моего двойника?!

– Идея у вас, конечно, замечательная, – согласился доктор Айболит, – но дело в том, что наука еще не уверена, есть ли параллельные миры, или они только кажутся писателям. А раз так, то мы не знаем, куда же послать нашего гостя. Давайте попробуем обойтись без этих миров. Придумайте что-нибудь полегче. Скажите, вы могли встретиться с этим несчастным существом и потом забыть об этом?..

– Ну как я мог забыть! – закричал Аркаша. – Такое во сне приснится, помрешь от страха!

– Скажите, доктор, – попросила Каролина, – а что говорит само это существо? Ведь вы же его спрашивали? Наверное, оно может сказать вам, где живет.

– Нет, – вздохнул доктор. – Все куда сложнее. Конечно же мы разговаривали с этим существом, мы и сейчас с ним разговариваем. Но все зря.

– Как так зря?

– Потому что по нашим, земным меркам это существо – маленький ребенок, ему примерно три года...

– Значит, оно прожило на свете три года? – спросила Маша Белая.

– Мы не знаем, сколько оно прожило, мы знаем, что его развитие равно развитию трехлетнего ребенка. Так что существо не может объяснить нам, как выглядит его планета и кто его родители.

– Спасибо, доктор, – сказала Каролина. – Вы позволите вам позвонить снова?

– Если мы что-нибудь узнаем, – сказал доктор, – мы сразу же с вами свяжемся. Мы понимаем, как вы переживаете.

Они попрощались с доктором и занялись своими делами.

– Ну что ж, – сказала Каролина. – У вас на размышление были вечер и ночь. Расскажите мне, что вы придумали.

Все ученики молчали.

Даже Пашка Гераскин, который никогда не лезет за словом в карман, не спешил со своим предложением.

– Чего вы оробели? – спросила Каролина. – Вот уж не ожидала этого от вас, самого смелого класса во всей школе.

– Нет, – сказала Алиса. – Вы не правы. Дело в том, что нам хочется в разные места и в разные эпохи. А сразу всюду нельзя.

– В разные – это хорошо, – сказала Каролина, – значит, у каждого есть самая любимая. Гераскин, признавайся, куда ты хочешь отправиться в первую очередь?

Пашка встал, поглядел в окно, вздохнул и спросил:

– А если я куда-нибудь поеду, то, значит, во второй раз меня не пустят?

– Я думаю, что с тебя и одного путешествия достаточно. Ты наверняка устроишь приключения даже во вчерашнем дне.

– Разумеется, устрою, – сказал Пашка. – Но сначала я хотел бы побывать в крестовом походе вместе с Ричардом Львиное Сердце, взять Иерусалим и сразиться с Саладином.

– Значит, так, – сказала Каролина, – повторяю для невнимательных и отсталых учеников! Никаких войн, никаких сражений, никакого хулиганства в прошлом времени не допускается. Поймите же, что вы отправляетесь на научную практику, и каждый получит задание. Но ни один из вас не будет брать Иерусалима или побеждать Юлия Цезаря. Вы – наблюдатели. Ты понял, Гераскин?

– К сожалению, я все понял, – ответил Пашка. – И я отказываюсь участвовать в крестовом походе. Я не выдержу, если кто-то будет сражаться, а я буду наблюдать, словно девчонка.

– Отлично, – сразу согласилась с ним Каролина. – Какие еще мысли?

– Дайте подумать, – сказал Пашка. – Кстати, я и не собирался в крестовый поход.

Все засмеялись.

– Я не шучу, – сказал Пашка. – Я уже побывал в Средневековье и сражался на турнирах – это все в прошлом. Мне бы чего-то поинтересней.

– Подумай, а мы поговорим, – сказала Каролина. – Куда ты хочешь, Аркаша?

– Меня интересует научная проблема, – сказал Аркаша. – Мне бы хотелось выяснить, почему вымерли динозавры.

– Ну вот! – воскликнула Маша Белая. – Я уже расхотела освобождать Железную Маску, я хотела узнать про динозавров.

– Не расстраивайся, – сказала Каролина. – Мы с тобой найдем другую эпоху, не менее интересную. Никто не возражает против решения Аркаши Сапожкова?

Никто не возражал.

– Может быть, кто-то еще поделится с нами своими планами? – спросила Каролина.

– У меня созрел небольшой план, – произнес Пашка Гераскин. – Если вы не возражаете, я прошвырнусь к троглодитам.

– К кому, простите? – спросил Ван Цицун.

– Паша хочет сказать, – объяснила Алиса, – что ему интересно отправиться в первобытную эпоху, когда люди еще жили в пещерах, и поэтому их называли троглодитами.

Ван Цицун подумал и сказал:

– Наверное, мне придется поехать в пещеру вместе с Пашей.

– Почему? – удивилась Каролина.

– Паша немного легкомысленный и слишком храбрый, – сказал китайский мальчик. – Кому-то надо его охранять.

– Ты будешь меня охранять! – возмутился Пашка. – Да я сам могу кому хочешь показать... или защитить. Я собираюсь поохотиться на пещерного льва или на мамонтов – вот занятие для настоящего мужчины.

– Это занятие для настоящего дикаря, а не мужчины, – сказала Алиса. – Настоящие мужчины разводят тигров, спасают мамонтов и никогда не гордятся тем, что убили безоружного.

– Ну уж это как посмотреть! – возразил Пашка. – Тигр еще как вооружен! Попадись ему на зуб.

– Был такой древний грузинский поэт, – сказала Маша Белая. – Его звали Руставели. Он написал книгу «Повесть о настоящем человеке». Там его герой одними руками убивает тигра. Честное слово, я сама видела картинку.

– Как жалко, – сказала ее сестра Наташа, – что ты, сестренка, читала так много книг. Они у тебя стали путаться в голове.

– Разве я ошиблась? – Маша начала хлопать длинными ресницами, как будто открывала и закрывала двери, за которыми горели голубым светом ее глазищи. – Может быть, я в тот день болела?

– Книга классика грузинской литературы называется «Витязь в тигровой шкуре», – сказал Ван Цицун. – И тигр на него напал первым.

Надо сказать, что новый китайский ученик знал названия всех книг, фамилии всех писателей и художников, у него была хорошая память, он ее все время упражнял, и она стала наконец великолепной памятью.

– Вот видишь, – сказал Аркаша Сапожков. – Даже если тигр нападет на тебя первым, постарайся не убивать его из бластера. У тебя руки есть.

– Записываем, – сказала Каролина. – Аркаша Сапожков отправляется в прошлое на...

– На шестьдесят пять миллионов лет, – сказал Аркаша. – Именно тогда на Земле произошло что-то такое... такое, после чего исчезли все динозавры.

– Хорошо. Вторым у нас записался Паша Гераскин, который отправляется к троглодитам, то есть примерно...

– Как получится, – отмахнулся Пашка.

В отличие от Аркаши, он не успел посмотреть в Интернете информацию об эпохе троглодитов. Тем более что эта идея пришла ему в голову всего десять минут назад.

– Дальше! – воскликнула Каролина Павловна. – Кто следующий?

– Простите, Каролина Павловна, – сказала Алиса. – Мы еще не готовы ответить. Я, например, составила целый список. Хотите прочту?

– Прочитай, – сказала Наташа Белая. – Может, подаришь нам какое-нибудь путешествие.

– Я хотела бы побывать в Древнем Египте или в Древнем Вавилоне, – начала Алиса, – чтобы узнать, был ли потоп, и если был, то чем он закончился. Потом я хотела бы познакомиться с Клеопатрой. Я хочу узнать, почему она так погибла.

– А как она погибла? – спросил Ван Цицун.

– Ужасно! Ее укусила змея! – ответил за Алису Пашка. – Продолжай, подруга!

– Я хочу узнать, что случилось с флотом Александра Македонского. Говорят, что флот уплыл в Америку.

– Удивительно! – сказала Наташа Белая. – Говори, Алиса, говори!

– И вообще меня интересует, кто открыл Америку!

– Вот! – воскликнул Пашка Гераскин. – Эта задача тебе по зубам. Ты отправишься в плавание с Христофором Колумбом!

– Это очень опасно, – сказал Аркаша. – Не для девчонки. Пускай Джавад Рахимов плывет с Колумбом.

– Кстати, – обиделась Алиса, – я плаваю лучше Джавада. Я на стометровке его на корпус обошла. А Америку открыли викинги!

– Продолжай, Алиса, – попросила Каролина. – У тебя еще есть в запасе тайны?

– Пожалуйста. Я хочу найти библиотеку Ивана Грозного.

– Нет, это я загадал, – сказал Джавад Рахимов. – Я читал про библиотеку. Все знают, что у Ивана Грозного была большая библиотека, ее видели разные гости, но потом она исчезла и до сих пор ее не нашли!

– Дай кончить, Джавадик, – попросила Алиса. – У меня осталось совсем мало тайн. Я хочу узнать, кто нарисовал картины в пустыне Наска.

– Я ничего не слышал о пустыне Наска, – сказал Ван Цицун. – Вы не скажете, где это находится?

– В Южной Америке, – сказала Алиса. – Я тебе дам кассету посмотреть. Но это еще не все. Я хочу найти, где и как погиб Амундсен.

– Все ясно, – сказал Пашка. – Алисе осталось всего сто лет жизни, а ей хочется разгадать сто тайн, на каждую года не хватит. А еще надо спать, есть и учиться в школе.

– Можно я скажу, какую тайну мне хочется разгадать? – спросил Ван Цицун.

– Пожалуйста.

– Мне хочется найти место, где похоронили завоевателя Чингисхана.

– Джавад, – обратилась Каролина к Рахимову. – Ты ничего больше не надумал?

– А можно мне узнать, – спросил Джавад, – жила ли в самом деле Шахерезада?

– Это же сказка! – воскликнула Маша.

– А вот я хочу проверить, сказка или правда?

– Ты волен искать Шахерезаду, – сказала Каролина. – Теперь у нас остались только близняшки. Надумали вы чего-нибудь?

– Мы как вчера. Я – про Синюю Бороду, – сказала Маша.

– А я – про Железную Маску, – вздохнула Наташа.

– Тогда я звоню в Институт времени и сообщаю о наших планах, – сказала Каролина.

Глава четвертая
ВЗЯТОЧНИК СИЛЬВЕР

Представь себе, дорогой читатель, что ты уже взрослый человек, тебе больше десяти лет, ты отправляешься в меловой период, за много миллионов лет до нашей эры – такая у тебя научная практика. Тебе предстоит разгадать тайну истории Земли, которая оказалась не по зубам величайшим академикам современности, ты всю ночь не спишь от сознания важности своего дела... и вдруг утром дедушка говорит, что он лично проводит тебя до Института времени и проверит, чтобы мальчику не навредили. Чтобы его послали в самую лучшую эпоху, и вообще он намерен выяснить, кормят ли на исторической практике горячими завтраками!

Бабушка встречает тебя в коридоре с новеньким свитером в руках и требует, чтобы ты обязательно надел в меловой период вязаную шапочку, потому что там, как известно, ужасно дует!

Ты готов разреветься от злости на этих родственников, которые уже выжили из ума и ничего не понимают в науке.

Но тут из кухни выплывает мамочка, которая вместо того, чтобы спасти тебя от бабушки с дедушкой, объявляет, что кашка готова, сок на столе,

яишенка удалась лучше, чем всегда, – ты же должен как следует позавтракать перед отлетом!

А папа, который сидит уже за столом и хрупает сухарики, потому что с понедельника решил худеть, начинает рассказывать тебе, как он бы вел себя на твоем месте в меловом периоде.

И ты понимаешь, как хорошо, что ты не рассказал родственникам про то, что ты будешь жить среди динозавров. Они-то думают, что тебе разрешили только смотреть на динозавров издали! Если бы они догадались, что ты попадешь прямо в гущу чудовищ, то никуда бы тебя не пустили. Дедушка вместо тебя кинулся бы к бронтозаврам, а за ним папочка, мамочка, бабушка, и старший брат Илья, и младший брат Боря, и сестры.

Но Аркаша Сапожков, который попал в эту ситуацию, вел себя сдержанно и с достоинством, как Жанна д'Арк на костре инквизиции.

Он съел три ложки кашки, поклевал яичницу, хотя вы можете представить, какой у него был аппетит! Потом он выслушал все добрые советы, попрощался и вышел из дому.

Дедушка следовал на шаг сзади, бабушка держала Аркашу за руку, и он терпел почти до самого Института времени. Потом остановился посреди улицы и спросил:

– Дедушка, тебя до каких лет водили за ручку по улицам?

– Меня? – Дедушка посмотрел в небо и не ответил.

– А тебя, бабушка, в школу тоже водили за ручку?

И бабушка промолчала.

– Тогда простите и прощайте, мои дорогие! – закричал Аркаша, вырвал руку у бабушки и кинулся к видневшемуся вдали зданию Института времени.

Бабушка кинулась было за ним.

Но дедушка кое-что понял.

Он схватил бабушку за руку и удержал ее.

– Ничего, – сказал дедушка, – потерпи, Эмма, потерпи, он у нас уже совсем большой мальчик и сам понимает, где ему надо гулять с бабушкой, а где можно самостоятельно.

Бабушка собиралась заплакать, потому что она любила поплакать, но дедушка велел ей удержаться от плача, так как у тех, кто плачет, слезы застилают глаза. Это все равно что стоять посреди улицы зажмурившись.

Не оглядываясь, чтобы дедушка не кинулся вдогонку, Аркаша добежал до входа в Институт времени, нырнул внутрь и оказался в обширном холле.

В стороне стоял большой стол, на нем пульт связи и большая темно-зеленая бутыль, на которой крупно, большими буквами было написано:

«БУТЫЛКА РОМА».

За столом сидел человек в одежде пирата, на голове черный платок, один глаз завязан, усы торчат, как у таракана, и шевелятся.

На плече у этого человека сидел большой белый попугай.

Впрочем, попугай был не совсем белый, а довольно грязный, хохолок у него был наполовину выщипан.

При виде Аркаши попугай закричал:

– Полундррра! – и взлетел к потолку.

Пират надел капитанскую фуражку с вышитым на ней золотым крабом. Вокруг краба свернулась золотая змея, укусившая себя за хвост, что издавна считается символом Вечности. Поэтому такая змея – герб Института времени.

– С кем имею честь? – спросил пират.

– Я Сапожков, Аркадий Сапожков. Мне надо к десяти часам быть у Ричарда Темпеста.

– У доктора Темпеста, – поправил вахтер Аркашу. – Мы защитили диссертацию. Вам не сказали об этом?

– Мне никто об этом не сказал.

– То-то я вижу, что мальчик пришел без подарка. Если бы знал, какой у нас праздник, неужели пришел бы без подарка?

– Я могу сходить за подарком, – сказал Аркаша. – Но я, к сожалению, незнаком с доктором Темпестом и не знаю, что он любит получать в подарок.

– Мы любим получать виски, коньяк, а также клюквенную настойку. Еще мы уважаем свиные отбивные с ананасами. Вы записываете, мальчик?

– Я так запомню, – сказал Аркаша. – Но можно принести подарок вечером? Мой дедушка уже ушел домой. А деньги у него.

– Мы живем в счастливом будущем, – сказал пират. – Все разговоры о деньгах и дедушках – пустая попытка отделаться от подарка. Кстати, судя по тому, что я вижу на мониторах, вся семья Сапожковых стоит возле входа в институт. Они надеются, что тебя, мой юный друг, забракуют и ты возвратишься домой. Так что выйди, скажи дедушке, чтобы сбегал за подарком, это займет всего десять минут.

– Позорррр! Позорр! – закричал попугай, носясь кругами под потолком. – Позорр на мою седую голову! Сильвер – жалкий взяточник.

– А вот это ты зря, – сказал пират и достал из-под стола деревянный костыль. Он прицелился костылем в попугая, и тот в панике попытался вылететь в закрытое окно.

Неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, если бы в вестибюль не вбежал очень худой человек с копной черных вьющихся волос.

– Сильвер! – закричал он от входа. – Сильвер Джонович! Вы зачем пугаете птицу?

Тут молодой человек увидел Аркашу, который уже почти дошел до двери, и строго спросил:

– А вы кто такой?

– Я – Аркаша Сапожков... я пришел... я хотел вас поздравить с присуждением вам... вас... ученую степень доктора наук и желаю вам счастья и успехов в труде, а подарок я сейчас... мой дедушка ждет в садике.

– Стоп! – закричал молодой человек. – Вы знаете, кто я такой?

– Вы – доктор Темпест! – быстро ответил Аркаша. – Вы защитили диссертацию, и я вам сейчас принесу подарок.

Доктор Темпест поднял руку. Он остановил Аркашу.

Потом обернулся к пирату Сильверу Джоновичу, который сидел, выставив перед собой костыль.

– Вы уволены, – сказал Темпест. – Вы уволены, Сильвер Джонович, потому что есть предел любому безобразию.

– В чем вы меня обвиняете, молодой человек? – спросил вахтер-пират.

– Я вас обвиняю в том, – ответил молодой ученый, – что, пользуясь своим служебным положением и неосведомленностью молодого человека Аркадия Сапожкова относительно сроков защиты моей докторской диссертации, состоявшейся три года назад, вы пытались выцыганить из него бутылку рома или какой-нибудь похожей гадости. Разве не так?

– Совершенно не так, Ричард, – ответил пират Сильвер Джонович. – Как вы знаете, пью я умеренно, и мне хватает бутыли в день, я даже не допиваю. Но надо иметь запас.

– Зачем?

– А вдруг кончится? А вдруг надо будет раны промывать?

– Еще чего не хватало! – закричал сверху попугай. – Если раны, то как бы небольшой!

– Сильвер Джонович, вы говорите неправду. Вы испортили репутацию нашего солидного института. А что, если о вашем поведении узнают не только здесь и сегодня, но там и сто лет назад?

– А разве мальчик Аркаша кому-нибудь расскажет? – Старый пират изобразил сладчайшую улыбку, полез в ящик стола и достал оттуда конфету «Мишка на севере», сдул с нее пыль и протянул Аркаше. – Мальчик, – сказал пират, – там, где ты будешь, конфет не дают. Так что бери и иди.

Аркаша так растерялся, что взял конфету и пошел следом за Ричардом, который помчался по коридору.

Ричард шел все быстрее, Аркаша тоже шел все быстрее.

Ричард повернул вправо, влетел в открытую дверь, и когда Аркаша тоже нырнул в открытую дверь, Ричард уже сидел за столом и читал письма и телеграммы на дисплее.

– Садись, – сказал он Аркаше, – потерпи немного.

Аркаша сидел и терпел.

В кабинете Ричарда Темпеста царил сказочный, невероятный беспорядок. Книги и кассеты, всевозможные трофеи из прошлого, а также предметы, которые могут там, в прошлом, пригодиться, бумаги, ленты, запчасти к всевозможным приборам, – впрочем, разве разберешься в таком беспорядке? Когда-то новый робот-уборщик решил это сделать. Он разобрал все вещи, положил большие к большим, квадратные к квадратным, а длинные к длинным. В результате Ричард не смог найти у себя

в кабинете ровным счетом ничего и чуть было не разобрал несчастного робота на винтики.

Вдруг Ричард спросил:

– Принцип путешествия во времени проходили?

– Нет.

– Тогда слушай. Путешествие во времени возможно и допустимо. Но только в прошлое. Почему?

– Не знаю, – честно признался Аркаша. – Мне когда-то бабушка рассказывала, но постольку поскольку я был тогда еще ребенком, то я забыл.

Аркаша лукавил. Он все помнил, и ему не требовалось никакой бабушки, чтобы запомнить, каким бывает путешествие во времени, но ему хотелось, чтобы Ричард все рассказал еще раз. Все-таки он специалист, старший научный сотрудник Института времени Академии наук, настоящий временщик.

– Время – это мир, – сказал Ричард. Он любил рассказывать о своей профессии, был бы слушатель. – Но как и мир, оно разделено на то, что у нас под ногами, и то, что у нас над головой. Мы как кораблики, лодочки, которые плавают по морю. Ясно?

– Конечно, ясно.

– Ты можешь нырнуть в море?

– Могу.

– Правильно. Ведь под тобой вода, вот ты в нее и ныряешь. Море – это время, которое уже прошло, оно уже было. Из чего состоит время?

– Из минут, – ответил Аркаша, – из дней, часов, секунд.

– Ты не прав, – улыбнулся Ричард. – Часы и секунды – это условные слова, которые придумали люди. Время не может состоять из выдумки. Время состоит из событий. Вот мы с тобой разговариваем, а в это время наш вахтер, бывший пират, Сильвер Джонович пьет ром или ссорится со своим попугаем, а на улице идет дождь со снегом, а на соседней улице строят новый дом... во всем мире случается множество событий. Из них и состоит время. Оно наполнено событиями, и когда пройдет этот час, то все события, которые за него случились, станут водой, смешаются с остальным океаном, и он станет чуть-чуть глубже. Ты понял?

– Понял.

– Значит, если мы нырнем в океан, то окажемся в прошлом, в воде вчерашних событий. И чем глубже нырнем, тем давнее будет время. А это значит... ну!

– Не знаю, что вы имеете в виду, – сказал Аркаша. Он представлял себе громадный синий океан, который наполнен вчерашними или давними событиями, они похожи на медуз, полупрозрачные, шевелятся, стараются подняться к солнцу, а может, даже поедают друг дружку.

– А это значит, что машина времени может работать только из настоящего в прошлое.

– Почему? – спросил Аркаша.

– Потому что в океан ты можешь нырнуть, а как ты взлетишь в небо?

– Как птицы, – сказал Аркаша, – на крыльях.

– Ошибка, мой друг, – сказал Ричард. – У нас с тобой, к сожалению, нет крыльев. И мы не можем подняться в пустоту. Ну подумай, мой юный друг, если прошлое состоит из разных дел и событий, которые уже случились, то из чего состоит будущее? Молчишь? Ну и правильно делаешь. Потому что будущего еще нет. Оно еще не случилось. И нам с тобой некуда путешествовать. Теперь ты понял?

Аркаша не успел ответить, потому что в открытую дверь влетел попугай и закричал:

– Позоррр! Дедушку послали за водкой!

Аркаша не успел сообразить, что же случилось, как Ричард со страшными проклятиями вскочил из-за стола и умчался в коридор. Наступила тишина. На минуту. Потом вдалеке послышались возмущенные голоса. Отдельные слова и даже фразы можно было разобрать:

– Как можно! Старого человека!.. Мало вам рома... – Это голос Ричарда.

А вот голос Сильвера:

– Он сам хотел. Для растираний, только для растираний... если здесь меня не ценят, я могу уйти... меня ждут во многих местах! Космические пираты Крыс и Весельчак У предлагают мне место помощника капитана! Тогда держитесь... нет, я пошутил, не надо так на меня смотреть...

Голоса умолкли, и тут же послышались шаги. Ричард возвратился в комнату. Он был еще более взлохмачен, чем прежде.

– Никому нельзя довериться, – сказал он. – Он же клялся мне, что забыл о своем прошлом. И что бы вы подумали...

– Это он моего дедушку за водкой посылал? – догадался Аркаша.

– И клянется, что они выпили бутылку водки в кустах с твоим дедушкой.

– Но мой дедушка не пьет водки. Он даже пива не пьет. Он ненавидит даже крепкий чай! – сказал Аркаша.

Ричард тяжело вздохнул и снова уселся за стол.

– А теперь, – сказал он, – мы поговорим о твоей командировке. Что ты знаешь об истории жизни на Земле?

– Мы этого еще не проходили, – признался Аркаша.

– Тогда слушай!

Аркаша понял, что угадал правильно: Ричард очень любил рассказывать и даже читать лекции. Ему бы тысячу учеников и слушателей, он был бы счастлив.

– Жизнь на Земле возникла примерно четыре миллиарда лет назад. До сих пор среди ученых нет единого мнения, как это произошло. Некоторые думают, что из космоса были занесены споры, другие полагают, что одноклеточные организмы возникли из белков и аминокислот. Но сейчас нам важнее посмотреть, что происходило потом. В теплых мелких морях первобытной Земли сначала зародились простейшие организмы, вроде амеб, потом они становились все сложнее, пока не появились рыбы, медузы и другие морские жители.

Аркаше все это было, конечно, известно, но как хорошо воспитанный мальчик он слушал Ричарда не перебивая и ждал, когда тот перейдет к делу. Но Ричард, оказывается, думал совсем о другом.

– Ты, пожалуйста, только не смейся, – сказал он, – но я решил, что историю Земли лучше всего рассказывать в стихах. Вот я и написал небольшую поэму. Это педагогическая поэма. Ты будешь ее слушать, и перед твоим внутренним взором пройдут яркие картины прошлого. Хорошо?

Аркаша ожидал всего, что угодно, только не поэмы.

– Когда я был юношей, – продолжил Ричард, – я влюбился в девочку Мальвину. Но она сказала мне, что уже дружит с другим мальчиком, потому что он умеет писать стихи. «Как так?! – воскликнул я. – Ведь я учусь лучше, чем Вася, я прыгаю в высоту на десять сантиметров выше, чем он, я имею третий разряд по шахматам, и ты дружишь с ним из-за того, что он может поставить рядом слова „кровь“ и „любовь“? Да это каждый сможет!» – «А ты попробуй», – сказала Мальвина.

Я просидел двенадцать ночей, получил шесть двоек, потому что мне некогда было учиться, я измучил компьютер, потому что все стихи, которые я придумал, уже были кем-то написаны раньше. Меня подвела хорошая память. Стоило мне написать «Я встретил вас и все былое...» или «Средь шумного бала, случайно, в тревоге мирской суеты...» или даже «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно!», а потом спросить

у компьютера, не встречал ли он раньше этих строк, он сразу отвечал мне: «Пушкин это написал, Лермонтов это написал...» Тогда я полетел в деревню, там отыскал на птичьем дворе гусиные перья, заточил их и стал писать перьями на бумаге...

– Перьями? Как Пушкин? – удивился Аркаша.

– Это мне тоже не помогло, – признался Ричард. – И я оставил поэзию на пятнадцать лет. А вот в прошлом году снова взялся за гусиное перо...

– Снова влюбились? – спросил Аркаша.

– Нет, я понял, что история Земли – это тема для великой поэмы! Если я смогу передать моим ученикам и друзьям свои чувства, то они будут отправляться в прошлое как дон-кихоты. Хочешь послушать историю Земли в стихах?

– Разумеется, очень хочу, – сказал Аркаша. – Просто мечтаю. Если, конечно, ваша поэма не очень длинная.

– Ну как так можно ставить вопрос! Длина произведения не зависит... то есть значение поэмы не зависит от длины!

– Я не хотел вас обидеть, – сказал Аркаша. – Я сам читал некоторые очень длинные стихотворения, но они мне понравились.

Ричард посмотрел на Аркашу, склонив курчавую голову, и вдруг сказал:

– Знаешь, Сапожков, иногда мне кажется, что ты куда умнее, чем хочешь меня убедить.

– Ни в коем случае! – ответил Аркаша. – Я не очень умный, но хорошо учусь.

– Эту фразу, – сказал Ричард, – надо выложить золотом над Академией наук. Ну хорошо, начнем заниматься поэзией.

Ричард поднялся из-за стола, вышел на середину комнаты, встал перед стулом, на котором сидел Аркаша, и поднял руку. Потом откашлялся. Потом покраснел. Судя по всему, великий научный сотрудник, доктор наук жутко стеснялся одного пятиклассника.

Когда-то давно,
Так сказать, на заре мироздания,
А может, давнее, в начале первичных времен,
Земля по Вселенной
Летела ужасно пустая
И голая, словно
Арбуз или даже лимон.

Ричард печально вздохнул и завершил стихотворение так:

...Ни гор, ни заливов, ни четких границ или стран.
Куда ни посмотришь – лишь мелкий парной океан.

Ричард замолчал. Аркаша тоже молчал, он не знал: надо ли хвалить эти стихи или Ричард будет читать дальше? Ричард подождал-подождал, потом спросил:

– Можно дальше читать? Так сказать, вторую главу?
– Конечно! – обрадовался Аркаша. – Я жду.
– Брраво! Брраво! – закричал со шкафа попугай.

Ричард продолжал:

Летая вот так, миллиарды недель и столетий,
Само совершенство, а значит, несчастная очень
Взмолилась Земля,
Упросила космический ветер,
Чтоб он постарался
Хотя бы немножко помочь ей.
И ветер послушно понесся в глубины Вселенной,
На поиски жизни, для нашей планеты безвредной.
Чтоб мелкой, послушной, не очень кусачей была:
Ведь наша невеста полжизни одна провела!

Голос Ричарда окреп; он читал стихи, подняв к потолку правую руку, как юный Пушкин. Они даже похожи были с Пушкиным. Его голос звенел:

Космический ветер
Микробов принес, инфузорий
И даже амеб,
Очень схожих по форме с фасолью,
Глупейших простейших
И просто простейших простейших,
Размером в микрон
Или в тысячу раз его меньше.
И все эти твари –
Красавцы, а чаще уроды –
Мгновенно ушли в глубину, в малосольные воды.

Чем дальше читал Ричард, тем больше поэма нравилась Аркаше. Хоть он сам раньше стихов не писал и учить наизусть их не любил, сейчас он подумал, что не мешало бы кое-что запомнить.

А Ричард между тем продолжал:

Века миновали.
И были они знамениты
Тем, что инфузории выросли до трилобитов

В подводных долинах,
В пещерах и даже на скалах
Плодились трепанги, акулы, кораллы, кальмары...
Медузы, омары и рыбы различных размеров
В рассоле водились,
В условиях самых тепличных,
Пока в океане им тесно и душно не стало...

Там скаты парили,
Как стеганые одеяла,
На них, как подушки,
Лежали витые ракушки,
А звезды блестели,
Как серьги в ушах у подружки.

Над ними неспешно скользили морские коньки,
Как будто по льду,
Натянувши на хвостик коньки...

Ричард перевел дух и спросил Аркашу:

– Хочешь чаю? Или кофе?

– Спасибо, лимонаду, – сказал Аркаша.

Ричард нажал кнопку, из стены выехала полочка, на которой стоял бокал лимонада и чашечка с кофе, над которой поднимался душистый пар.

– Сейчас начнется самое главное, – сказал Ричард. – Я попытался показать в стихотворной форме процесс переселения живых существ на сушу. Тебе не надоело?

– Ни в коем случае! – ответил Аркаша, маленькими глотками отхлебывая холодный игристый лимонад. – Продолжайте!

Ричард подумал, вспоминая, и заговорил вновь:

Неглупая рыба,
Которую звали тортилла,
Четыре ноги и две крышки себе отрастила
И вышла на берег.
Ей следом кричат: «Не спеши!»
Она отвечает:
«Как мило, что здесь ни души».
Та рыба тортилла по пляжу гуляла без страха.
С тех пор мы с тобой называем ее черепахой.
Вот так началось берегов и полей заселение.
Была пустота,
А теперь здесь живет население.
Живет и растет
Под кустарником или под пальмами,
В тени баобаба места себе выкроив спальные.
Там был червячок,
По размеру совсем пустячок.
Теперь динозавр встречает тебя горячо.
Его не дразни, не побей, не задень, не серди ты.
А то наступил –
Вот и нету тебя, троглодита!
Летит птеродактиль:
Уступит он туче едва ли.
Такие страшилки – скорей бы они вымирали!..

Ричард замолчал, допил кофе, потом сказал:

– Остался последний раздел. И он самый важный для наших с тобой исследований. Слушай:

Не знаем причин,
Не имеем об этом преданий.
В конце мезозоя надвинулось похолодание.
И насморк косил бронтозавров,
И бил их бронхит
За все их грехи.
Но какие у тварей грехи?
Леса опустели – как следствие этого мора,

А в них расплодились
Поганки и мухоморы.
Но некому было ходить в те века по грибы.
Опята поднялись повыше фабричной трубы...

Ричард замолк.

Молчание было долгим и тяжелым.

Его нарушил попугай.

– Птичку жалко! – проскрипел он со шкафа.

– Хорошие стихи, – сказала Аркаша. – Большое вам спасибо, что вы их прочитали. Я давно ничего такого задушевного не слышал.

– А с точки зрения обучения? – спросил Ричард. – Тебе помогла моя поэма увидеть мир динозавров?

– Конечно, – уверенно ответил Аркаша. – Я запомнил, что моря в древности были мелкими и теплыми, что сначала жизнь развивалась в море, а потом некоторые рыбы вылезли на сушу. Я запомнил, что летающего динозавра называли птеродактилем, а самого большого – бронтозавром. А эпоха, в которую я отправляюсь, называется мезозоем.

– Молодец! – воскликнул Ричард. – У меня еще не было такого умного и воспитанного практиканта, который так хорошо разбирается в поэзии! Теперь иди в просмотровый зал, и тебе покажут всех основных обитателей средней эпохи – мезозоя, а точнее, ее конца – мелового периода. Он закончился шестьдесят пять миллионов лет назад. Именно тогда и вымерли все динозавры, которые более ста миллионов лет господствовали на нашей с тобой планете. Иди, мой юный друг, наука надеется на тебя!

– Спасибо, – сказал Аркаша. – Но мне интересно: есть ли у вашей поэмы продолжение?

– Ах, ты меня удивляешь! – смутился Ричард. – Кое-что я, конечно, написал, но, честно скажу, никому не показывал. Я стесняюсь.

– А зррря! – прокричал попугай. – Дай нарроду стихи!

– Вот видите, – сказал Аркаша, – и другие хотят послушать.

– Попугай тоже меня удивляет, – признался Ричард. – Казалось бы, что ему стихи? Птица приблудная, прилетел неизвестно откуда.

– От верррблюда! – закричал попугай. – Полундррра!

– Ну хорошо, – сказал тогда Ричард. – Оставим поэзию. Теперь, когда ты просмотришь видеоматериалы, наш кинооператор научит тебя управляться с мини-камерой – ведь ты будешь снимать кино.

– Настоящее кино?

– Разумеется. Неужели тебе непонятно, что любой опыт, любое путешествие имеют смысл, только если ты сохранил документы. Так что мы ждем фильмов от всех наших практикантов. За практику вы все получите отметки, а за фильм – отдельно. И если фильм удастся, то мы его пошлем на фестиваль документальных фильмов, и ты можешь стать лауреатом.

Аркаша ничего не сказал, но конечно же ему захотелось снять документальный фильм лучше всех. Но он не Пашка Гераскин, который сразу же начал бы хвастаться. Аркаша сначала делает, а потом уж смотрит – получилось или нет.

Глава пятая
СПУТНИК ШПИГЛИ

Весь день ушел на подготовку к путешествию. Домой Аркаша вернулся только к вечеру, в темноте. Мороз усилился, выпал снежок, под фонарями он блестел и пускал искорки. Малыши везли за собой санки – на них снова пошла мода, как и на коньки. И на катке на Чистых прудах было не протолкнуться. Сквозь снежные хлопья пробивался вальс, и некоторые конькобежцы, постарше, танцевали под эту музыку.

Как раз у катка Аркашу и встретил дедушка. Он делал вид, что только что вышел погулять с собачкой, но собачка Пьеро давно уже замерзла и даже поджимала лапки. Не привыкло животное гулять так подолгу.

– Ты уже домой идешь? – Дедушка шмыгнул носом, делая вид, что только что вышел на улицу.

– Пошли домой, – сказал Аркаша. – Простудишься. Ведь погода не для пожилых людей.

– Я не очень пожилой, – сказал дедушка. – Я еще в волейбол играю.

Они пошли домой, и дедушка стал расспрашивать Аркашу, что интересного он узнал.

Аркаша вспомнил поэму Ричарда и прочел ее дедушке. Дедушке поэма не очень понравилась.

– Надеюсь, – сказал он, – директор твоей школы запретит эти глупые поездки детей к динозаврам.

– У нас умный директор, – ответил Аркаша, который испугался, что дедушка начнет принимать меры и запрещать практику. – И не мечтай, де-

дуля, оставить меня дома. Ты опозоришь меня перед товарищами, и тогда мне придется уйти из школы, и никто не подаст мне руки.

– А ты им скажешь, что дедушка виноват, – последовал ответ. – Пускай меня все презирают. Зато ты останешься жив и здоров.

– Дедушка, – спросил Аркаша, – а до какого возраста ты будешь держать меня в вате?

– Никто не держит тебя в вате! – обиделся дедушке. – Я же не мешаю тебе летать на планету Пенелопа. Я не возражаю, когда ты выводишь жирафов или занимаешься другими рискованными опытами. Но динозавры – это слишком!

– Тогда, дорогой дедушка, – сказал Аркаша, – мне придется с тобой попрощаться. Я ухожу из дома. И меняю фамилию. Мне стыдно быть Сапожковым. Я стану Ботинкиным.

Собачка Пьеро залаяла от ужаса, она ведь была старенькая и трусливая, а дедушка сказал:

– Сейчас я лишусь чувств. Ты можешь сразу вызывать «Скорую помощь».

Но на самом деле дедушка чувств не потерял, потому что в последний раз упал в обморок в пятилетнем возрасте, когда ему не досталось сливового варенья, и с тех пор забыл, как это делается.

Аркаша шел домой и думал, как хорошо быть сиротой!

Может быть, такая мысль посещала и тебя, уважаемый читатель? Мне она знакома.

Но обычно мы только начинаем рассуждать на эту тему, а потом вдруг вспоминаем, что нас кому-то надо кормить, одевать, пришивать нам пуговицы и даже отвозить на каникулы в Крым к бабушке Соне.

Но самые дурные предчувствия Аркаши оправдались дома.

Все там, от бабушки до сестренок и собачки Пьеро, уговаривали его не ездить к страшным динозаврам, а вместо этого пойти в зоопарк или даже в цирк.

Но Аркаша был тверд как скала. Ведь это его школа, его практика, его дела – когда-то человеку пора становиться взрослым, а родные Аркаши никак не могли смириться с тем, что он уже почти мужчина. Еще немножко – и он даже женится. Посмотрим, как вы тогда попрыгаете, дорогие родственники!

Так что Аркаша, как скала, выдержал все уговоры, угрозы и нападки, а потом улегся спать и спал без снов и страхов, потому что если ты вырос

– Ты уже домой идешь? – Дедушка шмыгнул носом, делая вид, что только что вышел на улицу.

в семье Сапожковых, тебе не страшны никакие динозавры. И в меловом периоде мезозойской эры ты будешь как дома.

Утром Аркаша сразу провидеофонил Алисе, спросил, как дела.

Алиса сказала, что собирается в школу и еще не решила, куда отправится на практику.

– А я сегодня улетаю к динозаврам, – сказал Аркаша. – До свидания.

– Осторожнее, – сказала Алиса. – Смотри наверх.

– Почему наверх?

– Чтобы на тебя сверху кто-нибудь не наступил.

Попрощавшись с Алисой, Аркаша поспешил в Институт времени.

Там все было по-прежнему, только старый пират спал на раскладушке. Недопитая бутылка стояла на полу. За столом вместо него сидел очень красивый робот Вертер, с которым Аркаша был знаком по старым приключениям.

Робот и провел Аркашу в зал подготовки.

Там его ждали диагносты, которые проверили его здоровье, а затем проводили в следующий зал, где оператор показал Аркаше кинокамеру. Пришли портные и сапожники – для Аркаши уже были готовы куртка и брюки зеленого цвета, чешуйчатые, облегающие и очень скользкие. Портные объяснили, что в этой одежде Аркаша не будет выделяться среди динозавров.

Наконец Аркашу отправили в зал, где его ждал Ричард.

– Привет, – сказал Ричард. – Хочу тебя познакомить с твоим помощником.

– С помощником? – удивился Аркаша. – А я думал, что лечу в меловой период один.

– Это не человек, – объяснил Ричард. – Это обслуживающее устройство – сразу и справочник, и подсказчик, и охранник, и верный помощник.

Он открыл сейф и вытащил оттуда пушистую меховую полоску шириной в два пальца.

– Протяни вперед руку. Вот так. – Ричард обернул запястье Аркаши пушистой полоской – она была теплой и мягкой. И сразу охватила руку, будто теплыми пальцами.

– Это твой помощник, – сказал Ричард. – Таких приборов во всей Галактике – раз-два, и обчелся. Мы их выдаем только тем сотрудникам, которые отправляются в очень далекие и опасные путешествия.

Портные объяснили, что в этой одежде Аркаша
не будет выделяться среди динозавров.

– Это прибор? – удивился Аркаша.

Руке было тепло и уютно.

– Это не совсем прибор. Вернее, совсем не прибор. Это разумное существо.

– Вот именно! – прозвучал в мозгу Аркаши незнакомый ворчливый голосок. – Я не прибор, и попрошу меня не оскорблять.

– Телепатия? – удивился Аркаша.

– Называй как хочешь, – раздался внутренний голос. – Я свои деньги зарабатываю честно.

– Может, объясните? – спросил Аркаша.

– Я объясню, – сказал Ричард. – Спигли – существо разумное, но не живое.

– Во-первых, Шпигли, а не Спигли, – прозвучало у Аркаши в голове, – а во-вторых, что это значит – не живое существо? Я живее всех живых!

– Шпигли, – сказал Ричард, – это компьютер, который разработали специально для императрицы Соод из империи Тревокладов, которая не выносит ничего твердого, железного и даже пластикового.

– Почему?

– Потому что в юности на нее столько раз покушались – стреляли, кололи кинжалами, роняли на нее бетонные плиты, пытались отрубить голову, – что она, когда пришла к власти, запретила на своей планете даже сухари, не говоря уж о палках. С тех пор там ходят пешком, потому что

никому еще не удавалось придумать мягкого двигателя. Но мягкий компьютер ей придумали. Это белковый биокомпьютер, на нем растет шерсть, и раз в году он делится на две половинки и таким образом размножается.

– Если я размножаюсь, значит, я существую, – сказал Шпигли.

– Императрица Соод страдает провалами памяти, – продолжал Ричард. – Но не хочет, чтобы об этом кто-то догадался. Так что ее мягкий компьютер Шпигли овладел телепатией и может говорить беззвучно – его голос раздается прямо в мозгу хозяина. А хозяин его тот, кто надел Шпигли себе на руку.

– Я не компьютер, – сказал Шпигли. – Я лучший в мире подсказчик.

Аркаше было странно слышать беззвучный голос браслета. Но человек ко всему привыкает.

– Так как Шпигли размножается, то императрица стала ими торговать. Она не хотела, конечно, чтобы у кого-то еще в ее империи появились свои Шпигли. Поэтому, как только отпочкуется новый браслетик, она вызывает свое доверенное лицо Лиандру Восс и та выходит на связь с Интергалактической полицией. Агент полиции тут же летит на связь с Лиандрой Восс и получает от нее прибор.

– Нет, не прибор, а существо – страдающее, одинокое, никому не нужное существо, – сказал Шпигли.

– Наверное, теперь их уже много, если каждый двоится, – сказал Аркаша.

– О нет, мы так мало живем, мы такие хрупкие и незащищенные, – беззвучно ответил Шпигли. – Вернее всего, мы скоро вымрем, и во Вселенной не останется самых умных, самых добрых и чутких представителей нашего племени.

– Они в самом деле очень редкие и таинственные, – сказал Ричард, – иначе бы ты о них слышал. Надеюсь, что вы подружитесь.

– Но зачем мне нужен... – Аркаша спохватился, что браслетик может обидеться, и поправил себя: – Зачем нам путешествовать вместе?

– Ты отправляешься в очень дикое время. Если что случится, тебя и танки не спасут.

– А я спасу, я не раз уже спасал глупых мальчишек и девчонок, – беззвучно произнес Шпигли.

– Наш друг прав, – сказал Ричард. – Ему доступны мысли и намерения всех живых существ.

– А разве у динозавров есть мысли? – спросил Аркаша.

– У них не такие сложные мысли, как у тебя, – ответил Ричард, – но мысли наверняка есть.

– Например, у них всегда есть мысль, как бы сожрать этого мальчишку, – вмешался в разговор Шпигли и засмеялся тонким голоском.

– Шпигли прав, – вздохнул Ричард. – Может быть, тебе лучше отказаться от этого путешествия? Мы тебе подыщем тайну поближе и поспокойнее. Например, кто построил Эйфелеву башню? Кстати, кто?

– Ну этот, – отмахнулся Аркаша. – Я знаю. Я только на минутку забыл.

Шпигли хохотал так, что у Аркаши рука дрожала.

– Ее построил тот же самый мужик, – завизжал браслет, – кто построил Суэцкий канал.

Тут Аркаше стало очень стыдно.

– Простите, – сказал он, – я думал, что Эйфелеву башню построил Эйфель, а Суэцкий канал – Суэц.

Тут уж Ричард со Шпигли не могли остановиться – они хохотали минут пять.

Аркаша стоял мрачный, ему даже улыбаться не хотелось. Конечно, будь на его месте Пашка Гераскин, он бы нашелся что сказать. А тут стоишь дурак дураком.

Отсмеявшись, Ричард сказал:

– Теперь я убежден в том, что тебе по плечу тайна динозавров. Ну как, не отказываешься?

– Вы лучше скажите мне, кто построил Эйфелеву башню... ой нет! Кто построил Суэцкий канал?

– Его построил инженер Лессепс в середине девятнадцатого века, – прошелестел Шпигли. – И еще он потом попытался построить Панамский канал, но получилась крупная афера, известная в истории под названием «Панама». Лопнула лавочка!

– Не может быть, чтобы вы все это знали! – воскликнул Аркаша.

– Это не я знаю! – ответил браслет. – Это знает твой друг Ричард Темпест, а я просто заглядываю к нему в мысли.

– Теперь ты веришь, что Шпигли тебе понадобится? – спросил Ричард.

– Верю, – кивнул Аркаша.

– Но я еще не согласился, – вмешался в разговор Шпигли. – Я не намерен рисковать своей шкуркой бесплатно. Я ставлю условие.

Аркаша стоял, переводя взгляд с собственной руки, которую охватил Шпигли, на Ричарда. Ему еще не приходилось попадать в такую фанта-

стическую ситуацию: на его запястье браслет, который вовсе не браслет, а существо, которое вовсе не существо. И оно разговаривает без голоса – мысленно – с сотрудником Института времени, который этому не удивляется.

– Знаю я твое условие, – ответил Ричард. – Ну нет у нас сейчас для тебя друга и товарища. Как только достанем другого Шпигли, мы вас сразу познакомим.

– Ну ладно, – смилостивился тогда браслет. – Должен сказать, что вы, люди, теряете массу лишнего времени на пустые разговоры. В конце концов, мы идем в мезозойскую эру или не идем?

– Пошли, – сказал Ричард.

Снаружи, в коридоре, их ждал робот Вертер.

– Не обращай внимания, – сказал Ричард. – Вертер считает, что наш институт надо как следует охранять. Сюда могут забраться космические пираты или какие-нибудь разбойники.

– Очень мы их испугались! – возмутился браслет.

– Вот по-я-вят-ся, тог-да ис-пу-га-ешь-ся, – сказал Вертер.

– Как там наш старик Сильвер? – спросил Ричард.

– Вер-нул-ся в се-бя и при-сту-пил, – ответил Вертер.

Аркаша вошел в зал, где стояла машина времени.

Она была совсем не похожа на машину.

Небольшая круглая платформа с полметра высотой находилась в центре необычного зала. Казалось, будто они вошли внутрь колоссального мыльного пузыря, который приклеился к полу. А вы знаете, что если мыльный пузырь приклеится к полу, то останется только его верхняя половинка.

Внутри мыльного пузыря было светло, по стенам переливались радужные полосы, а в центре на небольшой круглой платформе стоял стеклянный стакан выше человека ростом. В нем находился небольшой пульт на ножке с несколькими квадратными кнопками. Вот и все.

– Ну, иди, – сказал Ричард. – В случае чего, мы тебя оттуда вытащим. Но не забывай ни на секунду – это не игра. Ты будешь жить в самой настоящей древнейшей мезозойской эре, вокруг тебя будут находиться самые настоящие чудовища.

– Не пугайте ребенка, – мысленно произнес Шпигли. – А то его дедушка закроет ваш институт.

– Я пошел, хорошо? – спросил Аркаша, которому уже надоели разговоры. Все эти взрослые полагали, что имеют дело с мальчонкой-не-

смышленышем. Но он же не какой-нибудь глупый ребенок двадцатого века! Он живет в космическую эру, он уже навидался всяких чудес и пережил немало приключений. Так что мы и в мезозойской эре не пропадем. Только нам, детям, приходится куда труднее, чем взрослым. Когда они отправляются в поход, никто не виснет на них как гири – ни дедушки, ни мамы. А здесь тебе приходится одновременно бороться с динозавром и с любимой бабушкой Эммой

Рассуждая так, Аркаша пошел к возвышению. Когда он вступил на него, прозрачная дверь машины времени закрылась.

– Нажми на зеленую кнопку, – послышался голос Ричарда.

– Только не сильно, – подсказал Шпигли. – Приложи меня к кнопке.

Аркаша послушался.

И тут же стенки машины времени стали мутнеть, словно на них плеснули молоком.

Из пульта поднялись белые поручни.

– Держись крепче! – приказал Шпигли. – Не ушиби меня.

Все вокруг завертелось, понеслось, будто Аркаша пикировал в густых облаках.

Он крепко держался за поручни и старался не бояться. Хотя было страшновато.

Внезапно все прекратилось. Он стоял у пульта, в кабине, словно никуда и не двинулся. Муть рассеивалась, и за стеклом была темнота.

– Я тоже немного испугался, – сказал Шпигли. – Казалось бы, чего бояться?

Аркаша был благодарен браслету за то, что тот не стал смеяться над страхами своего спутника.

Дверь машины времени отъехала в сторону, и воцарилась полная тьма. Аркаша даже зажмурился. Он хотел спросить Шпигли, что ему делать дальше, но не успел, потому что тот сам сказал:

– Смотри под ноги, герой.

Аркаша посмотрел под ноги и увидел, что от машины времени в темноту уходит цепочка светящихся пунктиров – как разделительная полоса на шоссе. Аркаша догадался, что по ним и надо идти.

– Голову можешь не нагибать, – сказал Шпигли, – потолок высокий.

– А где мы? – спросил Аркаша.

– В пещере. Где же еще? В прошлом все машины мы стараемся ставить в пещерах, которые сохранились до наших дней. Это надежнее, чем остав-

лять их снаружи. А то уже бывали несчастные случаи. Нам приходилось специальные спасательные экспедиции посылать.

– Вы так странно говорите, – сказал Аркаша, – как будто давно работаете в институте.

– А чего тут удивительного! Конечно, я работаю, а не бездельничаю, как твой любимец пират Сильвер. Или какаду ободранный. Я все время в экспедициях. Причем мне несладко приходится. Кстати, я пишу кандидатскую диссертацию.

– Какую? – спросил Аркаша.

– Не смей смеяться!

– Я и не думал.

– Еще как думал. Для того я и читаю мысли, чтобы знать, кто смеется, а кто притворяется. А ты сейчас надо мной смеялся.

– А на какую тему вы пишете диссертацию? – спросил Аркаша, чтобы сменить тему разговора.

– О глупых суевериях гомо сапиенс. Ты когда-нибудь слышал о гомо сапиенс?

– Слышал. Это разумные люди. Это я.

– Вот вас я и изучаю. Что мне остается делать, если ног у меня нет, зато я могу заглянуть в ваши извилистые мозги.

Тут разговор прекратился, потому что впереди показалось круглое пятно света. Пещера кончилась. Они вышли на свободное место.

Аркаша подумал: «Какой ужас! Если этот браслетик будет все время разговаривать, я никогда не смогу изучить прошлое! Я даже динозавров не увижу».

Но Аркаша опять выпустил из памяти, что его браслет все понимает и пасется в его голове, как овца на зеленом лугу.

И ответ Шпигли не заставил себя долго ждать:

– Я могу и вообще замолчать. Я буду молчать даже тогда, когда ты будешь меня умолять: дорогой Шпиглик, скажи, пожалуйста, что думает обо мне вон тот динозавр! А я буду молчать, как партизан на допросе. Вот с этого момента я молчу. Молчу, и ни слова! Считай, что ты остался совершенно один. И мучайся теперь от одиночества...

– Я согласен! – закричал Аркаша. – Я согласен мучиться от одиночества и остаться совершенно один. Я согласен!

– Вот и оставайся, – сказал браслет. – Некоторые уже пробовали без меня здесь обойтись, но ответь мне, мой юный друг-практикант, где ле-

жат их белые обглоданные пантерами косточки? Молчишь? Не знаешь или не хочешь сказать?

– Все, я догадался, – сказал Аркаша.

Он схватил браслет и потянул, чтобы расстегнуть. Но тот вцепился, вклеился, присосался к запястью и не желал отделяться от хозяина.

– Как ты смеешь! – беззвучно кричал он. Но от этого беззвучия у Аркаши голова раскалывалась.

– Послушайте, Шпигли, – сказал он. – Если вы не перестанете болтать, я вернусь обратно.

– Ты не имеешь права!

– Постольку поскольку вас на меня надели как помощника, – строго сказал Аркаша, – вряд ли Ричард вас будет поддерживать. А я имею право командовать.

– Ах ты, генерал нашелся! Академик! – проворчал Шпигли. – Посмотрим, как ты заговоришь, когда за тобой трицератопс погонится. Или археоптерикс тебя клюнет в темечко.

Шпигли так увлекся собственной речью, что ослабил хватку, и Аркаше удалось снять его с руки и кинуть на пол.

Глава шестая
НАСТОЯЩИЕ ДИНОЗАВРЫ!

Аркаша стоял на склоне горы, за его спиной поднимался высокий отвесный обрыв. Вход в пещеру скрывался за могучими кустами папоротников, выше человека ростом.

Воздух был жарким и влажным, лучи солнца едва пробивались сквозь туман. В нем таяли деревья и долина внизу. Было тихо, только жужжали комары.

Ах! Один комар укусил Аркашу в шею. Еще чего не хватало! Неужели они уже появились в мезозойскую эру? Что же он теперь, должен их терпеть?

– Аркадий! – прошуршало в мозгу. – Аркадий! Сапожков! Откликнись!

– Ну что вам еще надо?

– Аркадий, вернись, я пригожусь тебе!

– Нет уж, – ответил Аркадий.

Он говорил вслух, ему надоели эти телепатические перешептывания.

– Нет уж, – повторил он. – Обойдусь без вас.

– Но я боюсь темноты! – ответил прибор.

– Сказки, – сказал Аркаша. – Ничего не случится. Когда вернусь обратно, я захвачу вас в Институт времени.

– О нет! – возопил Шпигли. – Они же меня уволят! Как могло случиться, что я попался на жалкую уловку какого-то мальчишки? Они мне не разрешат защитить диссертацию! Моя карьера погублена.

«Ох уж этот помощник, – подумал Аркаша, отойдя за угол скалы, чтобы его мысли не доносились до Шпигли. – Думает только о себе, о своей диссертации».

На душе у Аркадия было легко. Если бы не комары, он был бы совершенно счастлив. Он вспомнил, как в детстве читал сказку про Синдбада Морехода. В той сказке какой-то злой карлик сел верхом на морехода и таскался на нем, не слезая даже ночью. И приходилось его кормить и развлекать. Так и с этим надоедливым Шпигли. Но постольку поскольку...

Откуда-то принесся ветерок, он разогнал туман. Перед Аркашей открылась обширная, покрытая травой долина с редкими купами деревьев. По ней протекала медленная речушка, заросшая по берегам тростником и хвощами, похожими на солдатиков. Недалеко от холма речушка вливалась в болото, и вот в этом болоте Аркаша впервые увидел жителей мезозойской эры.

Издали трудно угадать, большой или маленький предмет перед тобой. Нужен масштаб. То есть что-то должно быть рядом для сравнения.

А здесь все растения были незнакомыми, и не поймешь – вон то могучее на вид дерево достает до облаков или только до пояса?

И болото там, внизу, обширное, не переплывешь, или только большая лужа?

Аркаша смотрел на животных, которые пришли к болоту на водопой, как будто рассматривал картинки в справочнике. Ведь у него хорошая память, и он их всех помнил.

Вот бредет по болоту, по колени в воде, вытянув длинные шеи, стадо диплодоков. Таких динозавров чаще всего рисуют в детских книжках или снимают в кино – это медленные громады, длиной в поезд, высотой в пятиэтажный дом, их тело похоже на веретено. По одну сторону от туго обтянутого шкурой живота вытянута длиннющая шея, которая оканчивается маленькой головкой, по другую – такой же длины, похожий

на шею хвост, который ничем не оканчивается. Шея и хвост друг дружку уравновешивают, так что динозавр не может ткнуться носом в грязь или сесть на хвост. Ногам такого диплодока приходится труднее всего – им же надо удержать на весу всю эту тушу. Аркаша попытался вспомнить, сколько весит диплодок и какого он размера. Длина двадцать метров, вес тридцать пять тонн... – эти цифры лежали в памяти, но ровным счетом ничего не говорили. Надо бы спуститься поближе, постоять рядом, снять на камеру, и тогда все станет понятно.

«Что же, – сказал сам себе Аркаша. – Нельзя терять времени понапрасну. Таинственные динозавры ждут нас. Если я буду тут прохлаждаться, они могут вымереть».

Аркаша направился вниз, раздвигая ветки кустов.

И вдруг кто-то ударил его по ноге.

Аркаша даже подпрыгнул от удивления.

Небольшой ящер, ростом всего по колено Аркаше, тоже подпрыгнул и кинулся наутек. Знаете, на кого он был больше всего похож? На ощипанную курицу! Только ростом с гуся.

Этот хулиган, который кидается на людей, был ярко раскрашен зелеными и синими полосами, что было неспроста. Стоило динозаврику ускользнуть в кусты, он сразу исчез. Его окраска, такая яркая на открытом месте, стала сразу маскировкой.

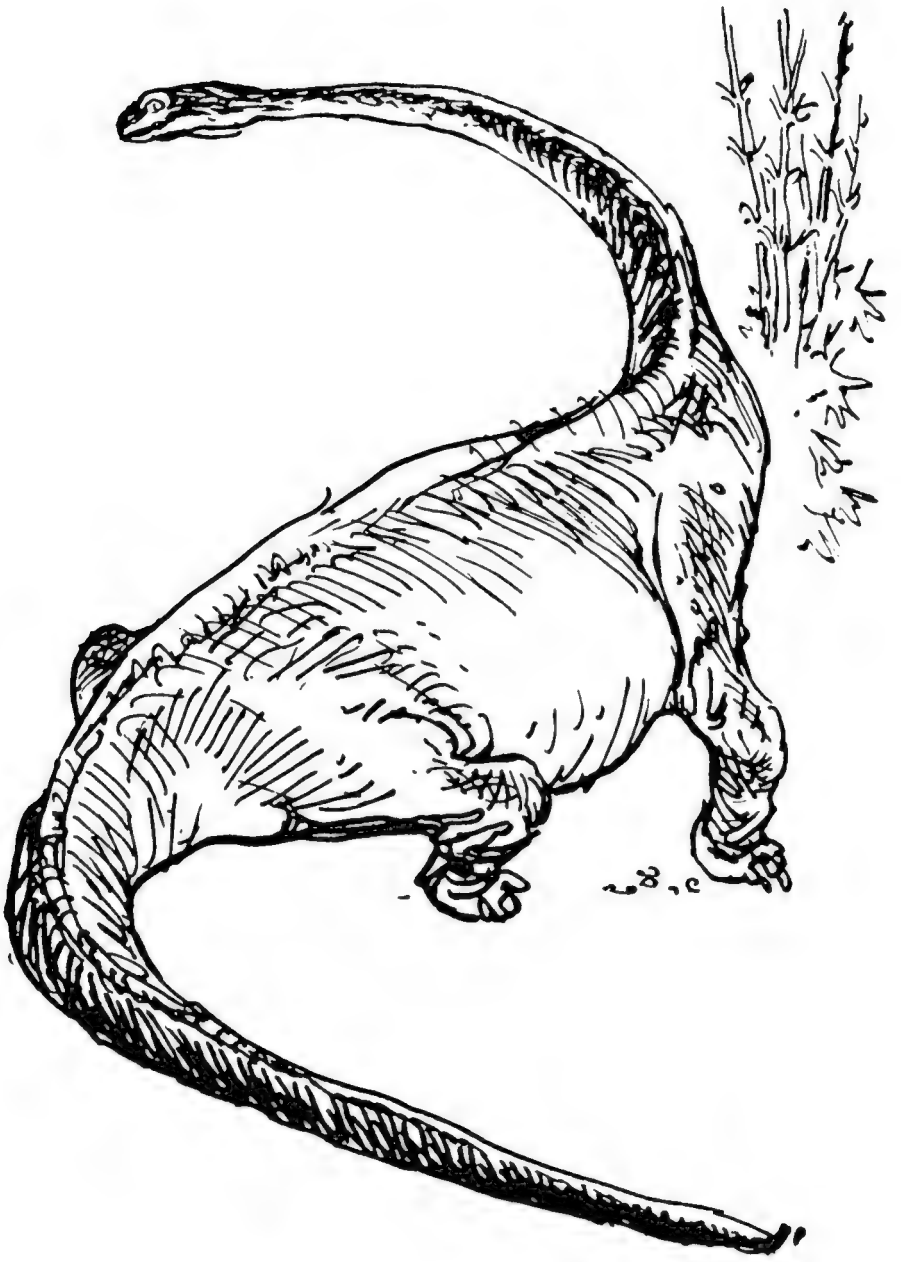
Наверное, Аркаше надо было испугаться, но он рассудил, что вряд ли существо такого размера опасно для человека.

Успокоив себя, Аркаша сделал несколько шагов вниз и увидел, что ему перегородил дорогу еще один динозавр. И тоже небольшого роста. Динозавр сидел, опершись на толстый хвост, сложив на пузе лапки, – ну точный кенгуренок, только не пушистый, а блестящий. Особенно блестел у этого динозавра живот, желтый, покрытый крупной чешуей.

– А тебе чего надо? – спросил Аркаша.

Динозавр склонил голову. Голова была небольшая, с кулак. Потом динозавр улыбнулся. А может быть, оскалился. Зубки у него оказались маленькие, остренькие, а пасть – змеиная, довольно большая. Аркаша ничего не успел сказать этому наглому существу, так как в этот момент к нему на плечо опустилась стрекоза.

Ничего подобного Аркаша не видел. Он даже камеру не стал вынимать, чтобы не спугнуть эту невероятную красавицу. Размером стрекоза была с ворону, крылья у нее были широкие, радужные, перепончатые,



Ногам такого диплодока приходится труднее всего –
им же надо удержать на весу всю эту тушу.

в громадных шарах глаз – с вишню каждый – отражались небо, облака и сам Аркаша.

Открыв рот, Аркаша любовался прекрасным созданием, но недолго. Его созерцание грубо прервал динозаврик, сидевший у него на пути. Он прыгнул, как кенгуру, ударил передними лапками и грудью Аркашу в плечо так, словно тот не был живым человеком и царем природы, и схватил в пасть прекрасную стрекозу.

Аркаша от этого удара сел на траву.

– Так мы не договаривались, – мрачно сказал он, – я не яблоня, а стрекоза не яблоко. Не забудь, что она может быть уже занесена в местную Красную книгу, а ты уничтожаешь редкую дичь. Понял?

Динозавр уселся и, помогая себе маленькими передними лапками, проталкивал стрекозу в открытую пасть. Он смотрел на Аркашу с удивлением: с чего этот незнакомый зверек читает мне нотации?

Сзади послышалось шуршание.

Аркаша обернулся.

К нему несся динозавр среднего медвежьего размера, он прыгал, ломая ветви, как будто увидел друга детства и спешил с ним обняться.

Это совсем не понравилось Аркаше. Он отпрыгнул с пути динозавра. У новенького было низкое массивное тело на коротких массивных ногах, он бежал переваливаясь, как медведь.

И тут Аркаша сделал свое самое первое открытие в мире динозавров: все эти чудища похожи на каких-то современных животных!! Может быть, кенгуру произошли от динозавров? И медведи тоже? Как Аркаше хотелось посоветоваться с умным человеком!

Пока он так думал, покрытый чешуей медведь с тяжелой короткой мордой со страшным ревом развернулся, чтобы напасть на Аркашу. Если верить книгам и фильмам, динозавры большей частью невероятные гиганты и охотятся друг за другом, а не за туристами и исследователями, которых просто не замечают. А они оказались весьма противными созданиями разных размеров.

Рассуждая так, Аркаша подумал, что, пожалуй, он зря расстался со Шпигли. Браслет мог помочь ему именно теперь.

«Давай-ка я поднимусь и возьму его», – подумал Аркаша.

Но сделать этого ему не удалось.

Потому что неподалеку от него медленно трусил мелкий динозавр чуть побольше кошки. Он был похож на бобра и не бежал, а прыгал, отталкиваясь хвостом.

В зубах этот динозавр держал рыжую тряпочку.

Может быть, Аркаша и не сообразил бы, кого тащит динозаврик, но тут до его мозга донесся отчаянный крик:

– Аркадий, прекрати это безобразие! Разве ты не видишь, что меня взяли в плен?! Неужели ты допустишь, чтобы твоего товарища растерзали какие-то пресмыкающиеся?

И пока Аркаша старался сообразить, что же происходит, его спутник принялся распевать детскую сказочную песенку, которую Аркаша конечно же давно забыл:

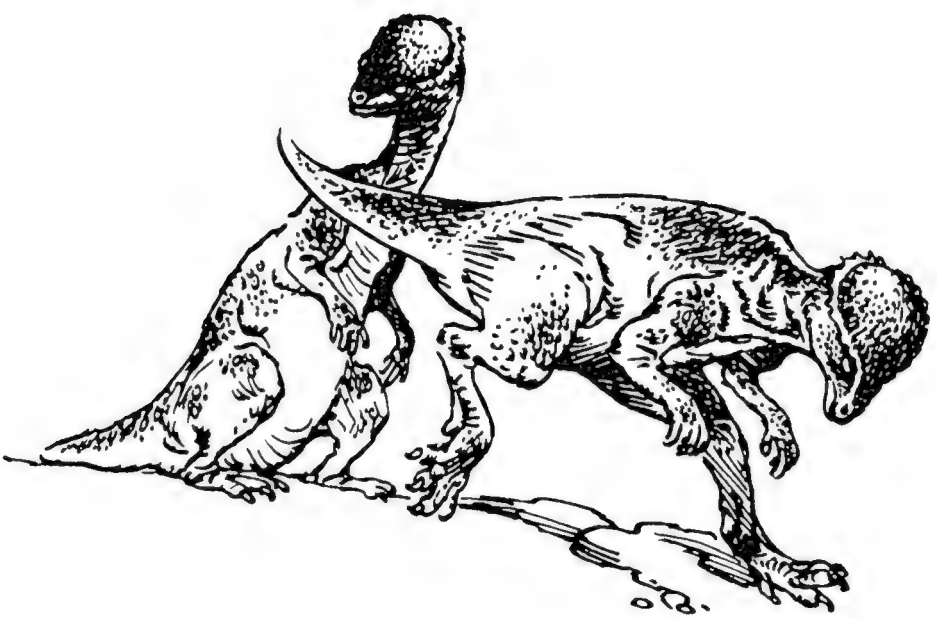
– Несет меня лиса в далекие леса, за высокие горы, в широкие просторы! Спасите меня скорей, да не вижу богатырей! Был у меня друг Аркадий, да в душу он мне нагадил!

– Хватит! – закричал Аркаша. – Животное, отдай мне ценный прибор!

Динозавр, услышав крик Аркаши, припустил еще быстрее, и конечно же Аркаше никогда бы не догнать похитителя Шпигли, если бы на пути этого негодяя не показался неожиданный спаситель.

Это тоже был динозавр. И Аркаша даже вспомнил, как он называется: пахицефалозавр.

В книжке о приключениях глупо перечислять имена динозавров. Ведь ученые называли их по-латыни, а латынь – это мертвый язык. На нем говорили жители древней Римской империи. Потом этот язык все забыли,



а когда через пятьсот лет вспомнили, оказалось, что это уже не латынь, а итальянский язык. К тому времени римлянами себя называли внуки и правнуки тех варваров, которые когда-то пришли сюда, чтобы завоевать и грабить Рим и другие богатые города. Они перебили часть римлян, а другую сделали своими рабами. Понемногу все перемешались, и получились итальянцы. Но итальянцы – люди гордые, и потому они себя называют римлянами, хотя говорят совсем не на римском языке. А язык бывших римлян, то есть латынь, никуда не пропал. Ведь на нем были написаны все те законы, которыми пользуются в мире и сегодня, на нем первые врачи писали свои первые рецепты, а первые ученые давали названия открытым ими зверям. Вот и пошло с тех пор: если ты считаешь себя настоящим ученым, то будь любезен, пользуйся древним языком – латынью, иначе твои коллеги сочтут тебя невеждой.

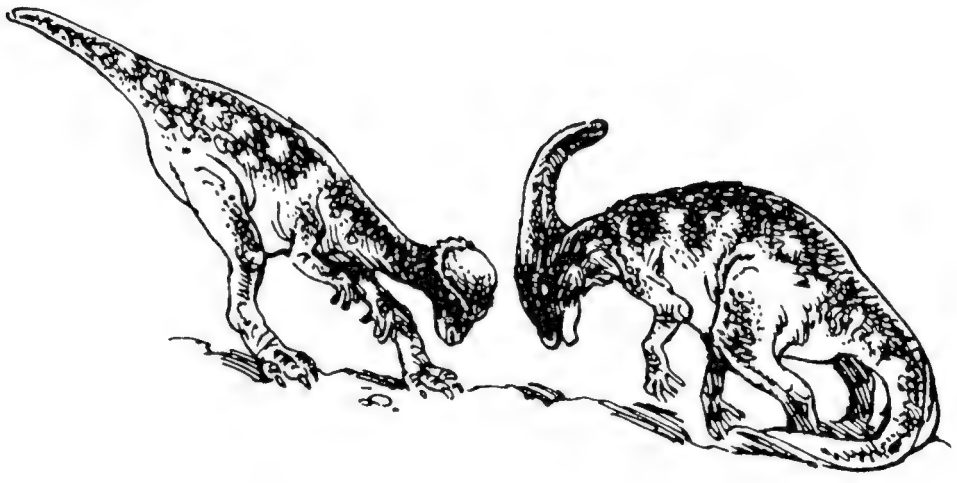
Поэтому всех динозавров ученые называли и до сих пор называют по-латыни.

А если перевести эти громозвучные и длиннющие названия на наш язык, то оказывается, они просто описывают динозавров. Вот, например, динозавр, который кинулся на похитителя Шпигли. Он называется пахицефалозавром. Запомнить невозможно! Только Аркаша с его памятью и трудолюбием мог запомнить и произнести это имя.

А что это значит в переводе?

«Завр» – означает «ящер». Все динозавры – ящеры. А «дино» – значит «ужасный». Динозавр – «ужасный ящер».

А кто такой пахицефалозавр? Это – «толстоголовый ящер».



Всего-навсего.

На голове этих ящеров выросли костяные купола, как будто солдатские каски. Толщины и крепости невероятной.

Сами-то ящеры невелики, с человека ростом, ну, иногда побольше, со слона, ну, иногда еще побольше, с троллейбус, но в мире динозавров это не размеры. Это так, мелочь пузатая, головастая.

И зубов у них больших нет, и лапы задние, как у птиц, но без страшных когтей, и ручки передние, как у людей, пятипалые. И раскраска пятнистая, как у камуфляжного костюма. Вот только костяная каска на голове, и потому этот динозавр ведет себя как баран сумасшедший. Чуть видит опасность или соперника, тут же наклоняет голову и несется вперед, как таран на крепостные ворота.

Ба-бах! – и противник с катушек долой!

Ба-бах! – и браслетик вылетел из зубов динозавра-похитителя и взлетел в воздух.

– Я лечу! Я несусь к звездам! – послышался в мозгу Аркаши голос Шпигли. – Может, я птица? Чего ж я летаю?

Аркаша совершил вратарский прыжок и, пробившись сквозь колючие ветки первобытной малины, скатился по хвощам и настиг браслетик только в зарослях цветов. Цветы стояли густой стеной прямых стеблей, на которых покачивались огромные розовые соцветия, источавшие неприятный гнилой запах.

Аркаша схватил Шпигли и попытался выбраться из зарослей, но цветы прилипали к ногам и рукам, тянулись к нему, шуршали, шептались, и Аркаша чуть не потерял сознание от удушья, но его разбудил пронзительный голосок Шпигли:

– Ты с ума сошел? Так заснешь и уже никогда не проснешься! А что скажет твой несчастный дедушка? А что подумает о тебе твоя подруга Алиса Селезнева?

– А что... она... подумает? – с трудом спросил Аркаша.

– Она решит, что ты дезертир. Что тебе не хотелось учиться в школе и овладевать науками и ты трусливо сбежал в меловой период, чтобы купаться в теплых болотах.

– Чепуха, – возразил Аркаша и тут увидел, что на него глядит чудовище совершенно невероятного вида, которое, оказывается, пришло сюда полакомиться цветами.

Но разве такие чудовища могут лакомиться цветами?

– Еще как могут, – ответил Шпигли, который, разумеется, читал все мысли Аркаши. – Это чудовище называется центрозавром.

– Здравствуй, центрозавр, – вежливо сказал Аркаша.

Больше всего центрозавр был похож на носорога. Но кроме носорожьего рога, который рос на носу, как и положено, у него было еще два, которые торчали в стороны, как усы, на голове у него был щит, а глазки оказались такими маленькими, что их можно было угадать только по блеску – так глубоко спрятались эти звездочки.

Голова у центрозавра была длиной побольше Аркаши, а насколько велик центрозавр, он понять не мог, потому что тот смотрел на него в упор. Но уж наверняка он не уступал трем носорогам, вместе взятым.

– Он на меня не наступит? – спросил Аркаша, стараясь отойти. В голове шумело – запах тухлых цветов действовал вовсю.

– Он думает сейчас, цветок ты или нет. Он уже решил, что ты, вернее всего, не цветок. А так как центрозавры и все подобные им цератопсы едят только цветы, то он не представляет для нас опасности.

– Но вы уверены?

– Разумеется, я же читаю его мысли, короткие как спички.

– Зачем же такая броня, если ты кушаешь цветочки? – удивился Аркаша.

– Не все его соседи питаются цветочками, – заметил Шпигли. – Некоторые рады бы скушать центрозавра.

Аркаша смотрел на динозавра, тот смотрел на Аркашу и медленно жевал стебель цветка, отчего цветок как бы вползал ему в рот.

– Странное название, – сказал Аркаша, – а что, на окраинах таких динозавров нету? Они только в центре водятся?

– Не шути, – ответил Шпигли, – у тебя, мальчик, это плохо получается. Центрозавр – означает «ящер с острыми пиками».

– Не может быть!

– И относится он к роду цератопсов, к которому также принадлежат стиракозавр, моноклоний, что значит единорогий, и даже лептоцератопс. Они отличаются...

– Хватит! – закричал Аркаша. – Сил больше нет. Зря я тебя спасал.

– Не спас бы, сам бы погиб, – ответил браслет, потом подумал немного и добавил: – Вообще-то ты, Аркадий, преступник. Своего верного товарища бросил в темной пещере, где его мог растерзать любой динозавр.

– А вас можно растерзать? – спросил Аркаша.

– А также растоптать, расплющить, оплевать и унизить! – воскликнул Шпигли. – Я такое же благородное существо, как и ты. И мне тоже бывает грустно.

Центрозавр проглотил цветок, распахнул свою пасть с небольшими, похожими на карандаши зубами и схватил новый букет. Он зажмурился от удовольствия.

Аркаша включил съемочную камеру, которая в виде небольшой кнопки была прикреплена над верхним карманом.

– Ничего нового нет, – сказал браслетик. – Центрозавр как центрозавр, не трать энергию, мой друг.

– Я это ребятам в классе покажу, – сказал Аркаша. – А то у нас все думают, что динозавры – это хищные чудовища. Пускай полюбуются.

Браслет замолчал, послушно ожидая, пока центрозавр дожует букет цветов, и только потом сказал:

– Погляди наверх, может, захочешь снять?

Аркаша посмотрел наверх.

Над поляной парили две чудесные птицы. Впрочем, нельзя было сказать наверняка, птицы это или какие-то другие существа. Крылья у них были небольшие, белые с темными краями, а хвост длинный, не совсем птичий, словно хвост ящерицы, по сторонам которого выросли перья. Но удивительнее всего была голова этой птицы – у нее отсутствовал клюв, а вытянутая вперед крокодилья мордочка заканчивалась приоткрытым ртом, наполненным множеством мелких острых зубов. Таких птиц над Аркашей реяло несколько, может, штук пять, они парили на воздушных потоках, летали медленно и лишь порой складывали крылья и кидались вниз за стрекозой или большой мухой.

В меловом периоде еще не было настоящих птиц. Настоящие птицы произойдут именно от этих странных помесей птиц и ящериц с длинным хвостом. Они назывались...

– Археоптериксами, – сразу подсказал Шпигли.

– Не мешайте, дайте самому вспомнить.

– Археоптерикс означает «древнее крыло», – сказал Шпигли. – Цивилизованный человек сам должен перевести.

– Спасибо, значит, я недостаточно цивилизованный, – сказал Аркаша.

Он принялся снимать археоптериксов.

– Куда дальше пойдем? – спросил Шпигли.

– У вас есть идеи? – ответил вопросом на вопрос Аркаша.

– Судя по календарю, вживленному в мой мозг, тайна, которая случилась с динозаврами и погубила их, скрывается где-то в ближайших днях.

– Неужели никто раньше не пытался ее разгадать?

– У нас и без тайн много дел, – ответил браслет.

– Не верю, – сказал Аркаша. – Это слишком важная тайна...

– Ну, была одна сотрудница... вернее, даже две сотрудницы. Они побывали здесь, но не попали в тот самый момент. Одна прожила два месяца до катастрофы, а вторая угодила в мир, где динозавров уже почти не было. А вот точно попасть в нужный момент смог ты первый, Аркаша!

Аркаша не до конца поверил браслетику, хотя не знал, может ли такой прибор говорить неправду? Но, наверное, если бы кто-то узнал, что же случилось с динозаврами, об этом бы написали в газетах и показали по всем видеосистемам мира...

Аркаша включил съемочную камеру, которая в виде небольшой кнопки была прикреплена над верхним карманом.

Дикий визг донесся с неба.

Аркаша поднял голову.

Оказывается, на первобытную птицу археоптерикса накинулось летающее чудовище, больше всего похожее на летучую мышь, которую не кормили года два. А еще больше на рваное серое одеяло, пролежавшее лет сто в пыли на чердаке.

Длинная крокодилья морда этого одеяла была снабжена множеством острых треугольных зубов.

– Птеродактиль! – воскликнул Аркаша. – Настоящий птеродактиль.

– Вот именно, – согласился браслетик, – отвратительная бестия.

Больше он сказать ничего не успел, потому что птица археоптерикс попыталась улететь в чащу, но ее пышные крылья и длинный хвост были очень полезны, когда надо было красиво парить над полянами, но совершенно не годились, чтобы спасаться от быстрого птеродактиля, который был к тому же раз в десять больше первобытной птицы.

Хрясть! Аркаша услышал, как сомкнулись челюсти птеродактиля на крыле археоптерикса. Тот забил целым крылом и каким-то чудом вырвался из пасти хищника.

И, кружась, словно оборвавшийся с дерева осенний лист, начал падать вниз.

Это, как ни странно, спасло птицу. Птеродактиль нырнул за ней и, спускаясь к земле, все щелкал зубами, стараясь схватить свою жертву. Птица падала неверно, неровно, кружась, и птеродактиль, умишко у которого был хоть и злобный, но махонький, все время промахивался.

И тут Аркаша, которого тысячу раз учили не вмешиваться в дела динозавров мелового периода, побежал к тому месту, куда падал археоптерикс, чтобы его защитить.

Археоптерикс – даром что первобытная птица, только-только произошедшая от мелкого динозаврика, – понял, где его спасение. Ковыляя и волоча за собой сломанное крыло, он направился к Аркаше.

Птеродактиль застрекотал, как гигантский кузнечик, и перенес свое внимание на нового врага. Тем более что Аркаша показался ему более вкусной добычей, чем птица.

– Ну уж нет! – мысленно произнес браслетик. – Птеродактиль, я приказываю тебе зажмуриться!

Аркаша не видел, конечно, зажмурился ли птеродактиль, но когда он начал пикировать на Аркашу, мальчик кинулся за толстую пальму.

Оказывается, на первобытную птицу археоптерикса накинулось летающее чудовище, больше всего похожее на летучую мышь, которую не кормили года два.

Не изменяя скорости, птеродактиль камнем пронесся к земле и со всего размаха врезался в нее.

– А теперь пошли, – приказал Шпигли, – не то его родственники прилетят посмотреть, что тут творится.

Аркаша поднял археоптерикса. Птица была размером с гуся, а ее длинный, украшенный двумя рядами перьев хвост свисал до самой земли. Птица пискнула и опустила голову.

– Ей больно, – сказал Аркаша.

– Еще как! – согласился Шпигли.

– Ее нельзя тут оставлять, – сказал Аркаша.

– Погоди немножко, я ей в головку загляну, – сказал Шпигли.

Так они и стояли. Аркаша держал на руках птицу, и ему было тяжело. Но он терпел.

– Тут у нее гнездо близко, – сказал Шпигли. – Пошли.

Он мысленно подсказывал Аркаше, куда идти, и через несколько минут они подошли к густому кустарнику. Там в тени ветвей невысоко над землей было устроено большое гнездо, в котором сидело пятеро маленьких птичек.

При виде раненой мамы и незнакомого двуногого чудовища малыши жалобно запищали.

– Сейчас я их успокою, – сказал Шпигли.

И в самом деле, птенцы замерли, прислушиваясь к мысленной речи рыжего браслетика. А потом принялись хлопать зубастенькими ротиками. Они просили покушать – но кто теперь их будет кормить?

Аркаша сам задал себе этот вопрос и тут же увидел на него ответ.

Сверху спустилась вторая птица. И начала парить над кустами, не смея снизиться.

– Это их папа, – сказал Шпигли. – Он позаботится о детях.

Аркаша отпустил птицу, и она заковыляла к гнезду. Она совсем уже не боялась Аркашу.

Мама-археоптерикс уселась на земле под гнездом, расправив поврежденное крыло.

– Не бойся за них, – сказал Шпигли.

– По крайней мере, мы сделали доброе дело! – воскликнул Аркаша.

Браслетик вздохнул и ответил:

– Порой я смотрю на вас, люди, и думаю – ну откуда вы такие жестокие, глупые и необразованные? Почему вы не хотите думать?

– А в чем дело? – спросил Аркаша.

– Почему ты думаешь, что спасать археоптериксов лучше, чем птеродактиля? Птеродактиля мы с тобой, возможно, ухлопали до смерти.

– Но он же напал на археоптерикса! – возразил Аркаша.

– А археоптерикс нападает на стрекоз. Стрекоз тебе не жалко?

– Археоптерикс красивый.

– Самый красивый – это я. Но знает об этом только королева Соод, которая живет в другом конце Галактики, – сказал Шпигли.

– Я думал, что ты все-таки машина.

– Я иногда тоже так думаю. А иногда сомневаюсь. Иначе откуда у меня такое глубокое понимание человеческой натуры?

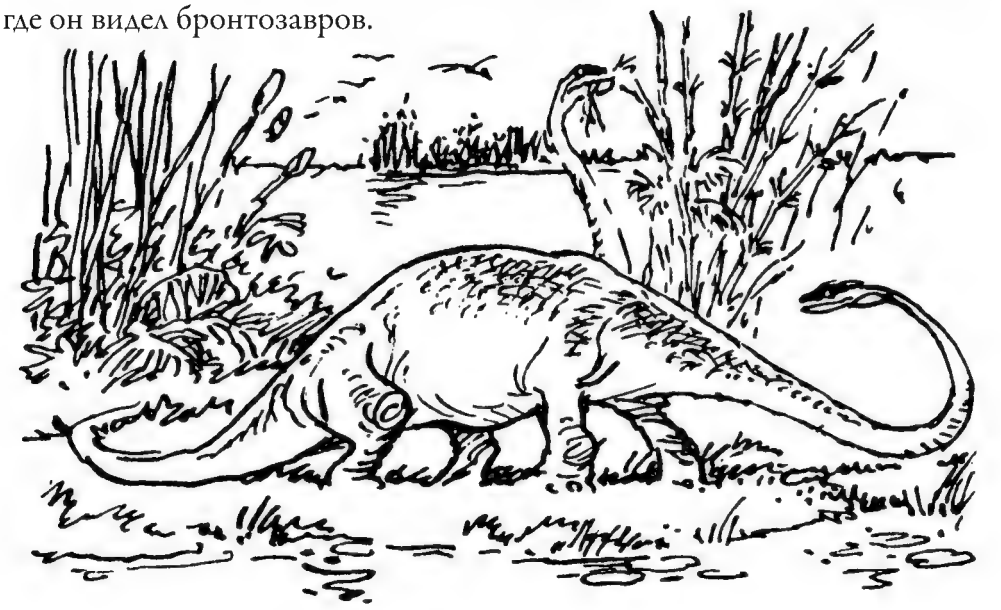
Аркаша замолчал и задумался. А ведь браслетик прав. Почему красивый археоптерикс больше достоин жить, чем некрасивый птеродактиль? Ведь для мамы, невесты и детишек птеродактиля он был писаным красавцем!

– То-то, – сказал Шпигли, подслушав мысли своего спутника. – Я и сам кое-кому, не будем указывать пальцем, кажусь похожим на грязную тряпочку. Ты со мной не согласен?

– Согласен, – вздохнул Аркаша, – только я никогда не называл вас грязной тряпочкой.

– Если бы я в тебе такую мысль отыскал, я бы тебя на куски разорвал! – ответил Шпигли.

Аркаша вежливо попрощался с археоптериксом, который длинным змеиным языком вылизывал свое крыло, и пошел дальше вниз, к болоту, где он видел бронтозавров.



Аркаша знал, что бронтозавры – слово неточное. Когда-то так назвали всех гигантских травоядных динозавров. Все они в чем-то похожи друг на дружку.

Они – бочки, гигантские бочки с двумя длинными отростками. Спереди – это шея, которая заканчивается маленькой головкой, а сзади точно такой же длины хвост, который ничем не заканчивается.

Голова у этих динозавров размером с Аркашу. Вам она может показаться слишком огромной, но учтите, что сам динозавр в длину больше тридцати или сорока метров.

Аркаша остановился на крутом берегу, который в том месте вдавался в болото, как нос плывущего по реке фрегата. Отсюда было удобно разглядывать динозавров.

Они стояли, лежали в воде, бродили по грязи так близко от Аркаши, словно все это происходило во сне. Так быть не может.

Ведь картинки, которые ты рассматриваешь, даже если они трехмерные, не могут передать правды. Потому что правда – это не картинка чудовища самого по себе, а ты – чудовище и окружающий мир.

Легкий теплый влажный ветерок дул Аркаше в лицо и доносил звуки и запахи болотистой низины, а также помогал летать комарам, слепням, стрекозам и мухам, которые себя чувствовали вольготно и жужжали, свистели, пищали, скрипели, чтобы Аркаше не было одиноко. Ветер шевелил

сухие листья больших, с Аркашу, папоротников, и они шуршали и шумели. На острых коготках, как на каблучках, пробежала, лавируя между папоротниками, синяя, в желтую полоску ящерица. Бежала она на задних лапах, прижимая к груди маленькие ручки. Аркаша сообразил, что это не ящерица. То есть по-своему ящерица, но в то же время и маленький динозавр. Ведь ящерицы не бегают на задних лапах. За ящерицей ползла большая толстая змея. Аркаша хотел было отбежать в сторону, но Шпигли довольно спокойно сказал:

– Она на тебя внимания не обращает, и ты не обращай. А то от них не набегаешься.

Змея все ползла и ползла мимо Аркаши и становилась все толще. А потом стала утоньшаться к хвосту.

Со стороны болота тянуло запахом гнили и мутной стоячей воды.

Аркаша смотрел, как динозавры лениво возятся в болоте, и старался вспомнить, как они называются.

Вот топает по мелководью камарозавр, у него такие толстые ножищи, что внутри каждой можно спрятать пароходную трубу...

– Не туда смотришь! – прервал мысли Аркаши Шпигли. – Ты правее, правее смотри! Вот это образина!

И в самом деле, к воде спускался брахиозавр. Он отличался от прочих динозавров своей невероятно длинной шеей и тем, что не тянул ее вперед, как диплодоки, а поднимал к самому небу, так что с высоты шестиэтажного дома его махонькие глазки видели на много километров вокруг. Конечно же такие брахиозавры были больше всего похожи на жирафов, только без шерсти и с длинными хвостами.

Два брахиозавра что-то не поделили, они сблизились и принялись реветь, словно ветер в узком ущелье. Они раскачивали шеями и, видно, ругались так, что все остальные динозавры в долине прекратили жевать и замерли, глядя на этот скандал.

Аркаша никак не ожидал, что динозавры могут так ссориться, а тем более так громко шуметь.

– Ты еще мало что слышал и видел, – заявил Шпигли. – Некоторые тут так умеют реветь – за сто километров слышно. А что касается характеров... брахиозавры – самые мирные создания в этой луже.

– А что же они ссорятся?

Шпигли не ответил; может быть, мозг этих чудовищ был таким маленьким, что Шпигли не удалось его отыскать?

А брахиозавры тем временем умудрились так переплестись шеями, словно намеревались сплестись в косичку. Запутаться они запутались, стали рваться, чтобы разойтись, но никак не могли догадаться, как это сделать. Зрелище было бы смешным, если бы не страшные размеры динозавров и не рычание, которое они издавали.

Вода в болоте взбаламутилась, и те из динозавров, которые искали что-то в тине, подняли головы – видно, ожидая, пока муть осядет.

На шум откуда-то прилетели птеродактили и стали кружиться над водой.

– Смотри, – сказал Шпигли, – сейсмозавр идет, наверное, ему помешали.

Аркаша увидел, что к драчунам приближается ящер, по сравнению с которым они кажутся детишками.

Сейсмозавр решительно переставлял толстенные столбы ног, раскачивал бесконечно длинной шеей и громко ухал – видно, пугал драчунов или оповещал о своем приближении.

– Я счастлив, – вдруг сказал Аркаша.

– Счастлив? – Шпигли умел читать мысли, но человеческие чувства не всегда ему были понятны. – Что случилось? Динозавры подрались?

– Понимаешь, я вижу собственными глазами то, что не только представить, но и в сказке вообразить невозможно!

– Мало ли что! – ответил Шпигли, которому было обидно, что он не испытывает счастья, а какой-то обыкновенный мальчишка испытывает. – На Паталипутре есть дракон, который такого динозавра как ягодку проглотит.

– Ну что ж, – сказал Аркаша. – При первой возможности слетаю на Паталипутру. И посмотрю.

– Ну, может быть, не как ягодку... но обязательно скушает, – сказал Шпигли, и Аркаша догадался, что его браслетик может немножко привирать. Это было даже смешно.

– Я думаю, – сказал Аркаша, глядя на сейсмозавра, – что его так назвали потому, что сейсмология – это наука о землетрясениях. А когда такой динозавр идет по земле, она дрожит.

– Может быть, – ответил Шпигли. – Я не задумывался.

– Тогда скажи мне, – попросил Аркаша, – зачем природе такие невероятные гиганты? Ведь ничего не бывает случайного.

Шпигли задумался. Словно пропал. Потом вдруг запищал мыслями в мозгу Аркаши:

– Я думаю, что на Земле слишком долго стоял мирный, теплый, ровный климат, слишком много было мелких, богатых пищей болот и озер, даже горы им не мешали. И вот за миллионы лет деревья выросли до небес, а за ними выросли динозавры. Может, они потому и вымерли, что привыкли быть господами. Никто не смел им сказать: хватит расти!

Брахиозаврам надоело бороться, наверное, они устали. Они распутали жирафьи шеи и тут же забыли друг о дружке – и побрели в разные стороны, пригибая растущие по берегам пальмы и срывая с них листья.

Сейсмозавр – король болот – медленно шел, вытаскивая из тины толстые ножищи и кивая своей маленькой головкой.

Тут он увидел что-то вкусное и наклонил голову к воде.

И вдруг вода взбурлила.

Из нее выпрыгнул крокодил – самый настоящий, из стихотворения Корнея Чуковского, только такой большой, что, наверное, не поместился бы в широкой египетской реке Нил.

Гигантские челюсти крокодила распахнулись и сжались на шее динозавра. И хоть крокодил был очень велик, динозавр конечно же мог раздавить его одной ногой.

Он и попытался это сделать, но крокодил уже мчался прочь, поднимая буруны воды.

Динозавр остановился и продолжал покачивать шеей...

– Стой! – закричал Аркаша. – У него нет головы!

– Раз крокодил откусил ему голову, – согласился Шпигли, – значит, у него нет головы.

Между тем динозавр медленно побрел прочь...

– Так не бывает! – воскликнул Аркаша. – Он же безголовый!

– Ты же видел, какая у него маленькая головка, – сказал Шпигли. – В ней, конечно, есть мозг, но главный мозг у него в спине... И пока динозавр сообразит, что его убили, он еще погуляет. Только вот кушать ему нечем.

Аркаша еще долго продолжал следить за удаляющимся безголовым чудовищем.

Аркаше досаждали комары и мухи, которые норовили сесть на него и цапнуть – кровопийцы они были ужасные.

– Кого им, кроме меня, жрать? – спросил Аркаша. – Ведь если динозавры пресмыкающиеся, значит, они холоднокровные, правда? Чего с них комарам взять?

– Теперь ученые так не думают, – откликнулся Шпигли. – Судя по нашим экспедициям, многие динозавры были теплокровными, как и ты, мой мальчик. Иначе бы они не могли быстро двигаться. Ведь ты знаешь, что у лягушек или ящериц, а тем более у черепах кровь такая же, как окружающая температура. Как в стакане с водой, оставленном на столе. То-то змеи и ящерицы на зиму засыпают.

– Но крокодил может кинуться на жертву! – возразил Аркаша.

– И крокодил, и змея, и ящерица. Но стоит жертве убежать, как змея успокаивается и замирает. Холодная кровь не позволяет трудиться. Прыгнул, догнал, сожрал и переваривай. Не догнал сразу, жди следующую жертву.

Надвинулись серые тучи, по водной глади озерец и проток заколотили капли дождя.

– Давай уйдем, – сказал Шпигли. – Разведку мы с тобой совершили, а простужаться – не в наших интересах.

– А куда мы пойдем?

– Я думаю – в нашу пещеру. И переждем дождь.

Они пошли обратно. Дождик был теплый и ласковый, он зарядил надолго.

– К рассвету погода разгуляется, – услышал Аркаша мысли Шпигли. – Во мне вживлен микробарометр, я не ошибаюсь. И тогда мы с тобой продолжим путешествие. А сейчас у тебя слишком много впечатлений. Лучше полежи с закрытыми глазками и постарайся еще раз пережить свои приключения. Это приятно и поучительно.

Глава седьмая
КОСМИЧЕСКИЙ БОЙ

Когда они поднимались сквозь заросли хвощей и папоротников к пещере, Аркаша понял, что очень устал.

«Наверное, переволновался», – подумал он. Бабушка Аркаши всегда считала излишнее волнение причиной всех болезней. Если у мальчика болел живот, она сразу спрашивала: «Ты сегодня волновался?» Старший брат Аркаши Илья отлично умел пользоваться слабостью бабушки. Если ему очень не хотелось идти в школу или ехать на дачу, чтобы полоть морковку (дедушка верил в живительную силу огородного воздуха!), то он говорил вслух: «Что-то я сегодня волнуюсь! Может быть, давление атмосферы неправильное?»

«Нет, – тут же откликалась бабушка. – Я еще вчера вечером обратила на тебя внимание! Кто просил тебя сражаться с драконом в виртуальном мире? Разве тебе мало было гигантского осьминога?»

Аркаша даже улыбнулся, вспомнив о бабушке. Вот бы ей сейчас поглядеть...

Но додумать он не успел, потому что жук размером с кулак, мчавшийся ему навстречу, не успел или не захотел свернуть с дороги и ударил Аркашу в лоб так, что тот свалился на землю, как от удара камнем. На лбу тут же вздулась шишка, а жук взревел еще громче прежнего и исчез в кустах. Он несся так, что пробивал листья, и за ним в кустах оставался туннель. Конечно, через минуту другие листья закрывали этот коридор, но зрелище было удивительным!

Шпигли прошептал:

– Отдохни немного, Аркадий, а то будет сотрясение мозга.

Аркаша сел, потер лоб, потрогал шишку и сказал:

– Надо в будущем шлемы выдавать.

– Пробовали, – ответил Шпигли. – Но в шлеме жарко, и практиканты всегда их теряют. Это моя обязанность предупреждать тебя о жуках и динозаврах, но я тоже иногда задумываюсь! Прости, как раз сейчас я задумался.

– О чем?

– Я думаю, что твоя усталость вызывается составом воздуха в этом периоде.

– Почему?

– В земной атмосфере еще не набралось нужного человеку количества кислорода. Пройдут миллионы лет, прежде чем зеленые деревья и травы выработают его. Динозавры привыкли к углекислоте, а вот нам, млекопитающим, трудно. Может, поэтому мы вывелись не сразу.

– А разве вы млекопитающее? – спросил Аркаша.

Он поднялся с земли. Голова немного кружилась.

– Разве я похож на лягушку? – спросил Шпигли.

Они вошли в пещеру. Из спасательного пояса, в котором находилась пища на неделю, моторчик, воздушный пузырь, чтобы перепрыгнуть через ущелье, и даже распылитель усыпляющего газа, чтобы тебя ненароком не сожрало какое-нибудь глупое чудовище, Аркаша достал пакетик с ужином и положил перед собой на плоский камень. Пакетик зашипел – он втягивал влагу из воздуха и раздувался, превращаясь в шар, побольше футбольного мяча.

– А вы ужинать будете? – спросил Аркаша у Шпигли.

– И не подумаю, – ответил браслетик, – я обедаю только по понедельникам, а сейчас четверг. У меня совершенно нет аппетита.

Шар с легким щелканьем лопнул и превратился в тонкий пластиковый поднос, на котором стояла кружка с какао, лежали бутерброды и, что самое удивительное, три крутых яйца.

Правда, ни ложек, ни вилок в пакете не оказалось.

Аркаша почувствовал, что безумно проголодался, и только протянул руку к бутерброду, как почувствовал легкий удар током.

– Это что? – удивился он. – Это вы дергаетесь, Шпигли?

– Ничего подобного, – ответил браслетик, – я не дергаюсь, я тебе напоминаю.

– Напоминаете? А я не понял, о чем?

– Хорошо воспитанные молодые люди, – сказал Шпигли, – обязательно моют руки перед едой.

Аркаша даже ахнул от такой наглости:

– Вот если бы на моем месте был Пашка Гераскин, то он бы все вам объяснил!

– Я не знаю, что объясняет друзьям твой друг Пашка, – сказал Шпигли, – но я от своего не отступлюсь. Потому что мой долг – охранять жизнь и здоровье практиканта. И я не желаю, чтобы ты питался местными бактериями.

Пока Шпигли говорил, Аркаша с ужасом думал, что теперь ведь браслетик не отстанет, а раз так, то придется идти вниз, к ручью... но тут он увидел, что рядом с бутербродами лежит пачка салфеток. Он потрогал –

салфеточки были влажными и приятно пахли. Вот чем моют руки путешественники в меловом периоде!

Он вытер руки и хотел было выкинуть салфеточки, но сдержался, вспомнил, что задача практиканта ни в коем случае не сорить в далеком прошлом. Не сорить, не пачкать, не разрушать!

Он отложил салфетки в сторону и стал есть, а Шпигли молчал, словно обиделся. И Аркаша понимал, почему так случилось, – ведь оказалось, что совсем не стоило кричать на Шпигли, раз салфетки предусмотрены в питательном пакете.

Аркаша запил бутерброды, отмахнулся от комаров и тут увидел, как пластиковые обертки, тарелки и кружки на глазах тают. Они уничтожаются, чтобы не оставалось мусора!

Аркаша вытащил из пояса шарик размером с грецкий орех и кинул его на пол, шарик начал раздуваться – это была подушка.

Аркаша почувствовал, что ему вдруг страшно захотелось спать.

– Я посплю, – сказал он. – А вы?

– Шпигли никогда не спит на службе, – ответил его телохранитель.

– Тогда разбудите меня, если что-нибудь случится, – попросил его Аркаша.

– Не премину воспользоваться вашим советом, – ответил Шпигли, как граф на приеме у короля. Но Аркаша даже улыбнуться не успел, так быстро заснул.

Ему казалось, что он только успел закрыть глаза, как услышал слова:

– Проснись, шеф, что-то странное происходит на небе!

Аркаша проснулся сразу. Не как другие, которые сначала пытаются сообразить, где они и что случилось.

– Что происходит? – спросил он и открыл глаза.

Перед ним находился вход в пещеру. Небо было чистым, звездным, глубоким, и звезды казались большими и разноцветными.

– Гляди, гляди! – настойчиво повторил Шпигли. – Ты видишь большую звезду?

И Аркаша заметил, что одна из звезд движется:

– А чего особенного? Космический корабль или спутник.

– А теперь подумай, практикант, – строго спросил Шпигли. – Где мы с тобой находимся? Кто, по-твоему, здесь сооружает космические корабли и спутники? Может быть, твои любимые динозавры?

Аркаша окончательно проснулся и сел.

Ночь была тихая и в то же время полная почти неслышных звуков – шуршания листвы, бормотания ветерка, далекого-далекого рева какого-то чудовища.

– Значит, на Землю кто-то прилетал в отдаленные эпохи, – сказал Аркаша.

– Молодец, – согласился с ним Шпигли. – Но почему-то мы об этом не слыхали.

– Значит, мы сделали открытие, – сказал Аркаша. – Хотя, может быть, все же это комета с особой орбитой.

– Ты чудо! – согласился Шпигли. – И по астрономии у тебя двойка.

– По астрономии у меня никогда не было двоек... – Тут Аркаша осекся. Он понял, что кометы не летают зигзагами.

– Смотри, второй! – сказал Шпигли.

Второй космический корабль шел куда ближе к Земле. Его уже нельзя было спутать со звездочкой – он был ярким, как ракета.

И становился все ярче.

– Он идет на посадку! – воскликнул Аркаша.

– Может быть, да, а может быть, нет, – ответил Шпигли.

– Надо дать знать, что мы здесь, – сказал Аркаша.

– Во-первых, нечем, – сказал Шпигли. – А во-вторых, незачем. Я не давал обещания Ричарду знакомить тебя с любым пришельцем, который забредет на Землю в меловом периоде.

Вспыхнул и тут же погас зеленый луч – тонкий, как паутинная ниточка. Он протянулся от космического корабля в сторону движущейся звездочки.

– Это сигнал? – спросил Аркаша.

В ответ несколько полосок протянулось к большому космическому телу.

Аркаша видел, что маленьких звездочек несколько. Они кружили вокруг яркой звезды.

В небе вспыхивали все новые искры...

– Это не сигнал, – сказал Шпигли. – Это самый настоящий космический бой, сражение. И это мне не нравится.

– Но кто может сражаться? Здесь?

– Вот именно, – согласился Шпигли. – Скажите, кто?

– Хорошо, что мы в пещере, – сказал Аркаша.

– Может быть, этот бой закончится где-то в небесах, – сказал Шпигли. – И они не будут снижаться.

Аркаша отлично понимал, что бой идет где-то в тысячах километров от Земли – иначе бы все вокруг сгорело. Но если ты не специалист по космическим боям, то никогда не догадаешься, что же происходит на самом деле.

Внезапно голубая молния вырвалась из небесных далей и ударила в землю далеко за горизонтом.

И тут же оттуда, из-за черной стены леса, поднялось светящееся изнутри розовое облако, оно раздувалось и росло, становясь все более ярким внутри и тускнея к краям, которые клубились, будто Аркаша смотрел на клуб пыли, оставленный каретой, которая умчалась по пыльной дороге.

– Что это? – Аркаша вскочил на ноги.

Облако постепенно выгорало, так что только в центре его оставалось яркое свечение, которое озаряло далекие вершины деревьев.

И лишь потом, наверное через минуту после взрыва, донесся утробный гул, будто подземное чудовище пыталось выбраться наружу и никак не могло развороти́ть камни, отчего буйствовало и злилось.

– Один из зарядов попал в землю, – сказал Шпигли. – И это значит, что может попасть и другой.

– Может, нам уйти поглубже в пещеру? – спросил Аркаша.

– Наоборот, – ответил браслетик. – Если в эти скалы попадет заряд, то нас с тобой засыплет камнями, я не смогу удержать на себе всю гору...

– А если мы будем стоять на открытом месте?

– На открытом месте мне легче тебя защитить, – ответил Шпигли. – По крайней мере, я смогу отбросить тебя в сторону.

– Отбросить?

Аркаша толком не успел сообразить, что же имеет в виду Шпигли, как почувствовал, что его приподнимает непонятная сила, и он летит по откосу и больно ударяется о землю.

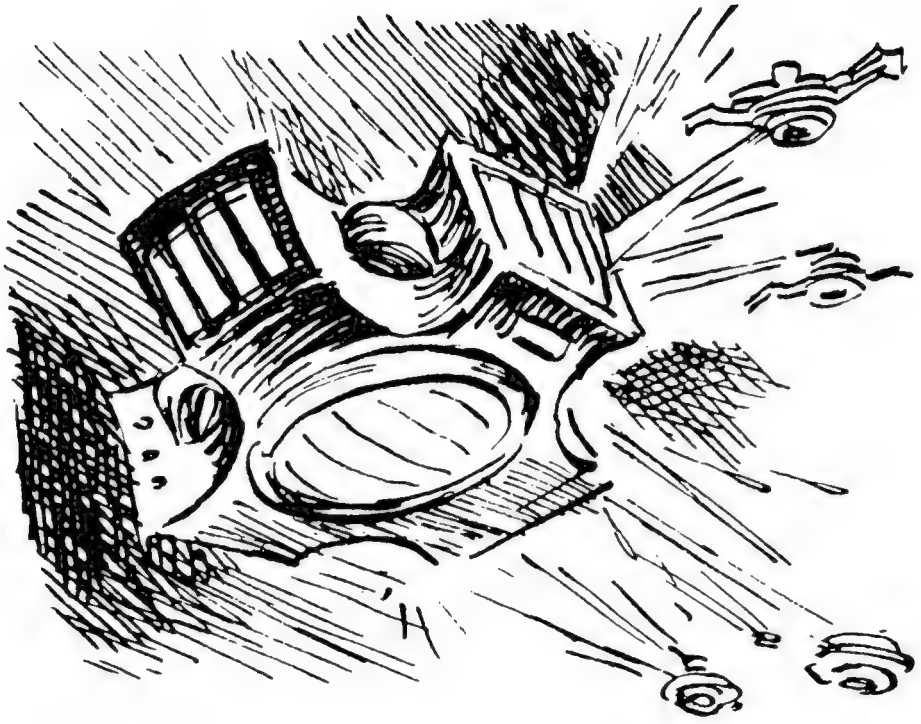
– Что такое? – спросил он, когда дыхание вернулось к нему.

– Ничего особенного. В моих силах поднять и перебросить с места на место объект до ста килограммов весом. Включая мальчишку-практиканта.

– Как вы это делаете?

– Ответа нет, – сказал Шпигли. – Такие действия входят в систему защиты практиканта от неожиданностей. Мы даем гарантию твоему дедушке и родителям, что возвратим тебя домой в одном куске...

– Что?



– Шутка! Я имел в виду в целости и полной сохранности. Вот я и стараюсь. Но лучше бы ты не терял времени и включил свою камеру. А то когда тебя спросят в Институте времени, что ты делал, отличник, когда над твоей головой разворачивалось космическое сражение, ты ответишь, что сидел зажмурившись и дрожал от страха.

– Почему от страха? – обиделся Аркаша и направил камеру в небо.

И увидел, что сражение продолжается.

Было ясно, что к Земле приближается какой-то большой корабль – конечно, не поймешь, насколько большой, тем более что сам он не светился, но когда рядом вспыхивали взрывы или его оболочки достигали зеленые лучи, можно было увидеть, как он велик.

Противники большого корабля – Аркаша называл их слепнями или истребителями – носились вокруг, не приближаясь к громадине, беспрестанно выпускали в его сторону заряды и били по нему снопами лучей, которые превращались во вспышки света возле корпуса корабля.

Корабль отбивался, как мог.

Из него также вылетали разноцветные лучи, и вдруг Аркаша увидел, как один из них почти незаметно коснулся истребителя и тот превратился в клуб света, который медленно краснел и тускнел.

– Они его сбили? – спросил Аркаша.

– Я наблюдаю этот бой с помощью сканирующих приборов, находящихся во мне, – сказал браслетик, – и если ты будешь так любезен, что приподнимешь руку, чтобы мне было удобнее смотреть, я тебе расскажу, что же происходит.

Аркаша приподнял руку.

– Ну и что вы видите? – спросил он.

– Мне кажется, – ответил Шпигли, – что неопознанный летающий объект в виде космического корабля старается приземлиться... или выйти на орбиту вокруг Земли. Он подвергся нападению неприятеля на подлете к нашей планете. В настоящий момент корабль старается отбить нападение небольших военных космических судов, что весьма меня тревожит...

Космический бой постепенно смещался к горизонту – Аркаша понял, что скоро сражение можно будет увидеть только с противоположной стороны Земли.

– Внимание! – закричал Шпигли так громко, что своим криком чуть не поцарапал Аркаше мозги. – Большой корабль получил несколько опасных попаданий. Он теряет скорость. Его системы защиты одна за другой выходят из строя. Смотри, смотри...

– Куда смотреть?

– Тебе, с твоим слабым человеческим зрением, не увидеть... но я вижу, как от большого корабля отделился малый корабль и пошел прямо к Земле. Я бы сказал, что это спускаемый аппарат, точнее – спасательная капсула, планетарный катер, ты меня понимаешь?

И тут Шпигли замолчал.

Небо за горизонтом вдруг озарилось многоцветной ослепительной радугой, затем стало розовым и вокруг наступил страшный ненормальный день, словно вместо солнца включили множество слишком ярких кварцевых ламп – земля превратилась в операционный стол и на ней высветились все лепестки, червяки и даже букашки.

Аркаше захотелось распластаться по земле, зарыться в нее, исчезнуть... Он представил себе, как просыпаются динозавры и крокодилы, птицы и стрекозы, как все смотрят в страшное ослепительное неживое небо.

– Ложись! – приказал Шпигли так, что ослушаться его было нельзя.

И не только приказал, но и стал вдруг невероятно тяжелым, рука, вокруг которой он был обмотан, вжалась в землю, и Аркаша был вынужден лечь.

В настоящий момент корабль старается отбить нападение небольших военных космических судов, что весьма меня тревожит...

Все это случилось так быстро, что Аркаше некогда было рассуждать и глядеть вокруг.

– Голову к земле! – приказывал Шпигли. – Не смотри!

– Почему? – прохрипел Аркаша, которому стало страшно неудобно и душно.

– А потому, что жена Лота превратилась в соляной столб! – крикнул Шпигли.

Какая еще жена Лота?

Но Аркаша не успел ничего спросить, земля под ним вздрогнула так сильно, что ему показалось, будто он взлетел выше деревьев, и лишь рука с браслетом, как якорь, держала Аркашу на траве, и было так больно – вот-вот разорвет.

Но и это продолжалось несколько секунд – его тут же вновь бросило на землю.

Грохот вокруг стоял такой, что больно было ушам и даже глазам.

Аркаша потерял сознание.

Он никогда раньше не терял сознания. В конце концов не мужское это дело. И даже не знал, что потерял сознание... просто в одно мгновение вокруг ревело, рычало, земля содрогалась, как будто норовила броситься в пляс, а потом все пропало, и когда Аркаша очнулся – стало темнее, гул стих, хотя и не прекратился...

Аркаша открыл глаза.

– Можно, – проворчал Шпигли. – Смотри. Ты был без сознания десять минут.

– Не может быть!

Аркаша приподнялся на локтях.

Небо за горизонтом было зеленым, словно его снизу подсвечивали могучими прожекторами.

По зеленому пространству, как будто это был шелковый занавес, проплывали светлые, почти белые волны, поднимаясь снизу и растворяясь над головой в том месте, где зеленое сияние смешивалось с синевой неба, а на границе заката и ночи проявлялись звезды.

– У тебя счастливый организм, – сказал Шпигли, – когда стало совсем страшно, он тебя выключил, и ты проспал все неприятности.

– Но я же не нарочно! – ответил Аркаша. Ему было стыдно за свой организм, который, честно говоря, оказался трусоватым. Единственное утешение, что это не сам Аркаша трусоват, а его организм.

– Мне придется сообщить об этом в отчете о нашей командировке, – сказал Шпигли.

– Делайте что хотите, – сказал Аркаша. – Только мне сейчас не до ваших рассуждений.

– Ах, конечно! – воскликнул Шпигли. – Ты хочешь узнать историю Лота и его жены?

– Где-то я о них слышал.

– Наверное, твой дедушка тебе рассказывал. Он читает Библию?

– Он ее смотрит на компьютере, – ответил Аркаша. – Когда ему требуется пример из Библии, он включает компьютер, и тот подсказывает нужную страницу.

– Что ж, у тебя мудрый дедушка, жалко, что он тебя не сажает рядом.

Аркаша смотрел на зеленое небо, оно и не собиралось темнеть. Ему было не по себе.

– Тебе все еще интересно узнать о Лоте? – спросил Шпигли.

– Рассказывайте, – согласился Аркаша.

– Это произошло во время одной из прошлых атомных войн, – сказал Шпигли. – А если тебе будут рассказывать другое, ты им не верь.

– А когда были прошлые атомные войны? – спросил Аркаша.

– Раньше, три тысячи лет назад или четыре.

– Когда еще паровоза не было?

– Не пытайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле, практикант, – рассердился Шпигли. – Всем понятно, что на Земле существовала великая цивилизация, вернее всего, в Атлантиде, она погибла в атомной войне.

– Моя подруга Алиса, – сказал Аркаша, – побывала в Атлантиде и помогла последним атлантам улететь домой. Вы не слышали об этом?

– Я не читаю детских сказок, – ответил Шпигли. – Но я знаю, что древняя атомная война описана в книге под названием Библия, которую твой дедушка смотрит на компьютере, и если ты мне не веришь, то спроси у дедушки. Во время той войны была бомбардировка враждебных нам городов – Содома и Гоморры.

– А кто вы такие?

– Кто мы такие?

– Почему Содом и Гоморра вам были враждебны?

– Это все знают, – сказал Шпигли. – Но в тех городах жил один праведный человек.

– В каких городах? У него был дом в одном городе и дача в другом?

– Мне трудно с тобой разговаривать, ты плохо воспитанный мальчик. Но главное в том, что праведником в тех городах был Лот, и ему было сказано, чтобы он взял жену и бежал из города, потому что будет атомная бомбардировка. Вот он и убежал.

– А кто ему сказал про бомбардировку?

– Кто надо, тот и сказал.

– Это до сих пор тайна? Может быть, ваш Лот был шпионом, обычно шпионов вытаскивают из опасных мест.

– Считай как знаешь. Но Лота предупредили, чтобы после взрыва он не оглядывался. А то ослепнет. То есть превратится в соляной столб.

– Ослепнет или превратится? – спросил Аркаша.

– В самом деле ослепнет от вспышки, а в переносном смысле превратится в соляной столб.

– Спасибо, – сказал Аркаша. – И чем вся эта ужасная история закончилась?

– Как и положено. Они с женой бежали, а утром началась бомбардировка.

– А кто обернулся?

– Ты знал, да? Скажи, ты знал раньше, да?

– Не обижайтесь, Шпигли, – сказал Аркаша, – я не читал, но вы уже мне намекали.

– Ты прав. Лот велел жене не оборачиваться, но она обернулась.

– Еще бы, – сказал Аркаша. – Видно, сзади так грохнуло, что она не хотела, а обернулась.

И тут Аркадий обернулся, чтобы посмотреть на скалу и пещеру, в которой стояла машина времени.

И замер, как жена Лота.

Почти превратился в соляной столб!

Горы и обрыва не было. Вместо них за спиной Аркаши громоздилась каменная осыпь, скала попросту рассыпалась на глыбы и рухнула вниз.

– Вовремя мы вышли погулять, – сказал Аркаша.

– Мы не выходили погулять, – откликнулся Шпигли, у которого начисто отсутствовало чувство юмора. – Это я тебе сказал, что снаружи смогу тебя охранять, а в пещере, на которую упадет тысяча тонн камней, даже я бессилен.

– Что же творится там... поближе к взрыву?

– Ты понял, какой это был взрыв? – спросил Шпигли.

– Я могу догадаться, – сказал Аркаша. – Это упал космический корабль.

– Притом корабль, начиненный ядерным топливом.

– Откуда вы знаете?

– Я многое знаю. Но в этом нет тайн. Я противник тайн и мистики. Мы, ученые...

– Шпигли, извините меня, но, может быть, сейчас лучше не отвлекаться?

– Для вас это отвлечение? – обиделся Шпигли, но, видно, сообразил, что практикант прав. – Во мне есть датчики, – сказал он. – Микродатчики радиоактивности, содержания в воздухе и воде элементов и их сочетаний.

– И что сказали ваши датчики?

– Они сказали, что в двухстах пятидесяти километрах отсюда, в районе Калуги, упал и взорвался космический корабль. Его длина один километр семьсот двадцать шесть метров, высота...

– Значит, большой? – сказал Аркаша.

– И не говори! Таких и у нас не делают, – ответил Шпигли.

– Надо идти на помощь, – сказал Аркаша.

– Замечательная идея, которая говорит о том, что человеческие детеныши относятся к самым глупым существам во Вселенной, – сказал Шпигли. – Как ты представляешь это самое «идти на помощь»?

– Ногами, – буркнул Аркаша, который уже сообразил, что его решение не самое умное.

– Двести пятьдесят километров ты пройдешь ножками по меловому периоду между крокодилами и динозаврами и недельки через две, если останешься в живых, дойдешь до гигантской воронки. В ней ты увидишь все, что осталось от космического корабля.

– А что я увижу? – спросил Аркаша.

– Яму. Которая излучает радиацию, как атомный реактор. Поэтому я очень тебя прошу – не бери меня с собой, оставь здесь, брось, закопай в землю, так у меня будет больше шансов остаться в живых!

– Но что же делать! Мы не можем с тобой просто так стоять?

– Правильно. Ты уже начал шевелить мозгами! – сказал Шпигли, который совсем распустился и вел себя, как хулиган, а не как охранник размером с кулачок.

– Наверное, тогда надо сгонять на машине времени в наш век, рассказать обо всем Ричарду, пускай высылают сюда экспедицию.

– Чудо ума! – закричал Шпигли. А так как он мог говорить только мысленно, от его крика у Аркаши в мозгу защекотало.

– А что?

– Обернись еще раз, если раньше не догадался.

Аркаша снова обернулся.

– Значит, мы не сможем вернуться обратно! – До Аркаши только сейчас дошло, в какое ужасное положение они попали.

– Мы не можем вернуться обратно через эту машину времени, – сказал Шпигли, – но можем воспользоваться запасной машиной.

Глава восьмая
БЕГЛЕЦЫ НА БЕРЕГУ

Аркаша вздохнул с облегчением. Ведь всего три секунды назад он представил себе, что навсегда останется здесь без надежды на помощь. И придется жить в лесу, собирать корешки и еще спрашивать у этого мехового нахала, какие грибы и ягоды ядовитые, а какие съедобные. И в конце концов он как-нибудь проглотит ядовитую ягоду или на него наступит рассеянный диплодок...

– Перестань так печально думать, – взмолился Шпигли. – Ты мне мешаешь. Я сейчас разрыдаюсь и останусь здесь с тобой погибать.

Аркаша спросил:

– Далеко отсюда до запасной машины времени?

– Очень далеко, – ответил Шпигли.

– Может, подождем, – сказал Аркаша.

– Чего?

– Там, в Институте времени, обязательно должны догадаться, что у нас что-то случилось. И они пойдут нас искать.

– И как ты себе это представляешь?

– Очень просто. Они придут в наше время, отыщут нас с вами и проведут в запасную машину времени.

– Может, придут, а может, нет. Попасть в конкретный день далекого прошлого чрезвычайно трудно.

– Но вы говорите, что выбраться нельзя!

– Разве я так говорил?

– Но я вас так понял.

– Удивляюсь, как с такими ограниченными способностями ты добрался до третьего класса!

– До пятого!

– Не кричи на старших. Я и без тебя знаю, в каком классе ты учишься. Пошли искать машину времени!

– Погодите, – попросил Аркаша. – Но ведь машина времени, которую засыпало в этой пещере... она же будет существовать в будущем?

– Разумеется. Тогда ее найдут и починят.

– Но когда это случится?

– Я смогу тебе сказать об этом с точностью до тысячи лет. Тебя устраивает?

– Меня все устраивает, – устало сказал Аркаша. – Я не знаю, что делать. Но, наверное, надо идти?

– Ты что, пешком хочешь идти? – удивился Шпигли.

– А как же еще?

– Ну, ты пессимист! Знаешь, что такое пессимист?

– Это человек, который видит в жизни только печальное.

– И к тому же обладает паршивой памятью, – сказал Шпигли. – Когда тебя собирали в путешествие, то показывали, что спрятано в твоем поясе?

– Конечно. Там еда, тросик, удочка, фонарик и много еще других полезных вещей.

– А теперь открой справа кармашек с красной наклейкой. Открыл? Нажми на зеленую кнопку. Нажал? Теперь крепче держись на ногах.

За спиной у Аркаши послышалось шуршание, и он почувствовал, что становится с каждой секундой все легче и готов оторваться от земли.

– Не верти головой, – сказал Шпигли. – У тебя за спиной сейчас надулся прозрачный воздушный шар с тебя размером, он наполнен легким газом.

– Он был в моем поясе?

– А много ли места надо для пузыря с оболочкой в полмикрона и супергелия, который в жидком состоянии весит двадцать граммов? Теперь слушай внимательно. Нажимая на кнопку на поясе, и, отпуская ее, ты можешь надувать шар и делать его меньше, подниматься и опускаться. Сам понимаешь, это не ракета и не космический катер. Ты полетишь довольно медленно, по принципу ракеты на воздушном топливе.

– Чего же мы ждем?

Аркаша посильнее нажал на кнопку, и шар за его спиной, как огромный ранец, потянул его к облакам, Аркаша потерял равновесие и повис.

– Нажимай на зеленую! – закричал Шпигли.

Аркаша послушался его и со всего размаху шлепнулся на землю – газ из пузыря вырвался наверх, а ракета-Аркаша потерпел крушение.

Только после третьей попытки Аркаша научился немного управлять своим пузырем.

– Учти, что газа у нас всего на час полета, – сказал Шпигли.

– И куда же мы полетим?

– Я тебе сказал – в Калугу. Вернее, в то место, где через много миллионов лет будет основан город Калуга.

– Мы пролетим мимо места взрыва? – спросил Аркаша.

– Это еще зачем? – спросил Шпигли.

– Мы с вами обязаны снять фильм. Вы же сами сказали, что еще никто не видел этого крушения.

– Нет, я тебя туда не пущу, – сказал Шпигли. – По моим расчетам, там очень высокая радиация. А я отвечаю за твое здоровье.

– А вдруг там остался кто-то живой?

– После такого взрыва? Не смеши меня, практикант Сапожков.

– Но постольку поскольку мы с вами видели, что от большого корабля отделился катер, он мог спуститься нормально.

– Очень сомневаюсь, – ответил Шпигли. – Зато те, кто взорвал корабль, могли спуститься на землю, чтобы проверить, не осталось ли тут живых.

– Вы думаете, что они такие жестокие?

– Я ничего не думаю. Я только видел бой, – сказал Шпигли, – и не могу сказать, кто здесь плохой, а кто хороший. Мы до сих пор мало знаем о Галактике, а уж тем более о ее далекой истории.

Аркаша попробовал еще раз свой заплечный воздушный шар-рюкзак. Он нажал на красную кнопку, добавил в него газа, и шар поднял Аркашу над землей. В первые минуты Аркаша чувствовал себя неуверенно: и ему было страшновато опрокинуться и еще раз грохнуться о землю. Но вскоре он освоился и нажал на зеленую кнопку. Что-то легко подтолкнуло Аркашу в спину, и склон с деревьями пошел вниз и назад.

– Не спеши, – предупредил его Шпигли. – А то упадешь, расшибешься и меня расшибешь. Это было бы очень грустно.

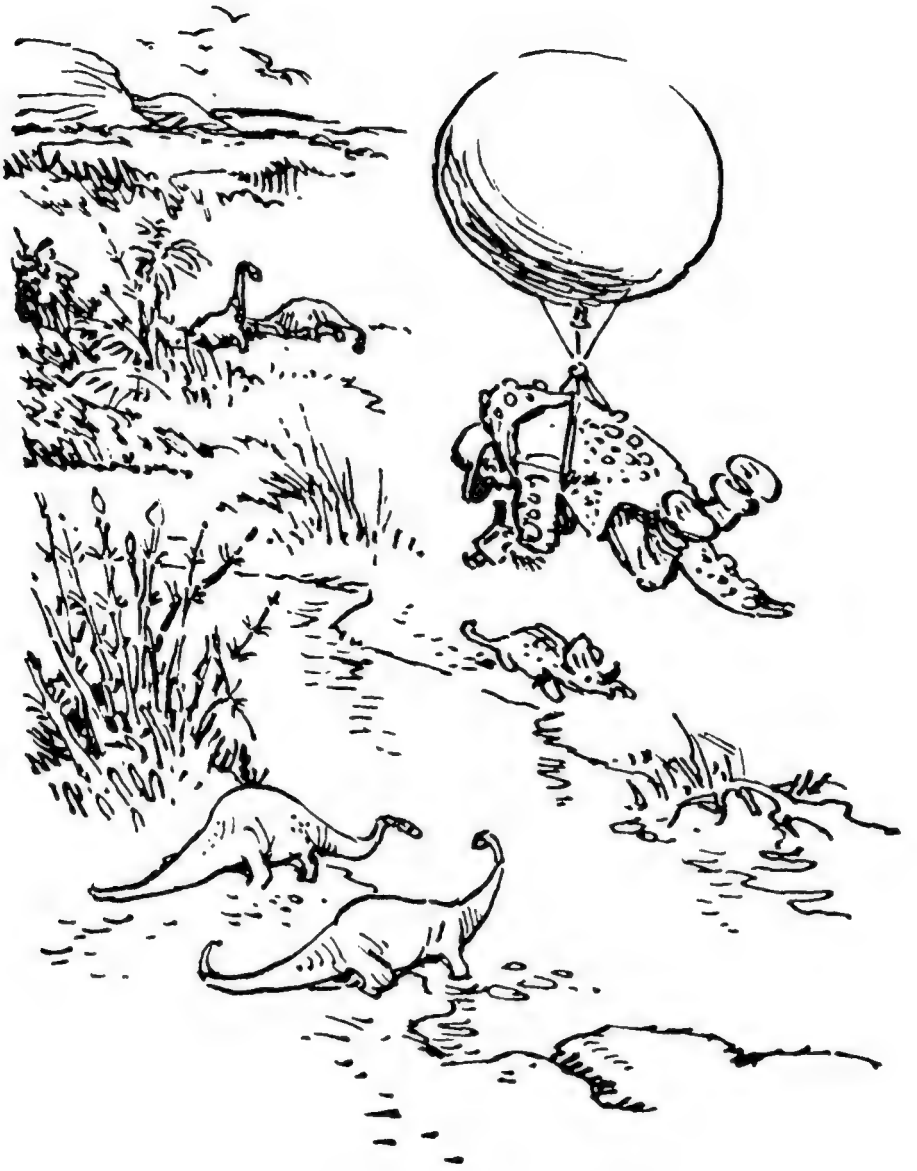
Летел Аркаша не слишком быстро и не высоко – ведь шар служил всего лишь спасательным средством, чтобы добраться до берега во время ко-

раблекрушения. Он не предназначался для того, чтобы носиться под облаками.

Шпигли показал Аркаше, куда держать путь – между большой рекой и сиянием на месте взрыва, которое хоть и потускнело, но не исчезло.

Ночь была странная, даже ненормальная.

Если посмотреть направо, то открывалось чудесное звездное небо мелового периода, не замутненное дымом заводов и бензиновыми выхлопами, слева же ночь превращалась в мертвый зеленый искусственный день, словно ты смотришь на площадь, освещенную лучами света, проходящими сквозь мутную воду гигантского аквариума. Из аквариума тянулись на звездную половину неба языки дыма, и чем дольше Аркаша со Шпигли летели над степью с редкими могучими деревьями и папоротниками ростом с вековую сосну, тем меньше становилось звезд, и тем гуще покрывали небо несущиеся тряпки туч.



Было довольно светло. Аркаша летел невысоко, не поднимаясь выше деревьев, и видел, что животные конечно же не ложились спать.

Раз Аркаша даже сильно испугался. Он пролетал над невысоким холмом, как вдруг с него поднялась длинная, как пожарная лестница, шея с маленькой головкой на конце, и круглые, с тарелку, глаза чудовища оказались буквально на расстоянии вытянутой руки от Аркаши. С перепугу он нажал на кнопку скорости сильнее, чем нужно, и шар, надувшись газом, поднял его к небу.

– Ты куда? – возмутился Шпигли. – Ты что же думаешь, что когда упадешь с такой высоты, мне не будет больно? Еще как будет! Так что лети пониже.

– Но там была голова!

– С каких пор мальчики из двадцать первого века стали бояться брахиозавров? Чем тебе помешал несчастный ящер, который не может заснуть от страха?

– Я от неожиданности, – сказал Аркаша.

– Дай-ка мне лучше посмотреть, сколько у тебя еще осталось супергелия?! А то грохнешься не по своей вине! Ведь твой пузырь за спиной не паровоз, который может тянуть вагоны сто лет подряд!

Видно, Шпигли в жизни не видел паровоз и не представлял, как он выглядит.

Аркаша поднес браслетик к поясу, и тот принялся ворчать:

– Вот, сделали пузырь, да не пузырь, а пузырек какой-то! Никуда на нем не улетишь. Лучше бы дали нам складной флаер.

– Вряд ли в прошлое дают флаеры, – сказал Аркаша. – Ну кто мог подумать, что рухнет такая гора и засыплет пещеру? А по заданию мне и не нужно отходить далеко от нее.

– Знаю, знаю, – откликнулся Шпигли. – Но если мы с тобой все же вернемся живыми, обязательно поставлю вопрос, чтобы каждому практиканту давали танк или везделет. Дети – наше будущее! Детей надо беречь!

Аркаша отлично понимал, что Шпигли беспокоится о самом себе. Ведь у него нет своих ног, надо надеяться на чужие!

– Пора спускаться, – сказал Шпигли. – Газа почти не осталось.

– Видите впереди гору? – спросил Аркаша. – Я на нее спущусь.

– Зачем? Лучше в ямку!

– С горы видно вокруг. Надо поглядеть, что осталось от космического корабля.

– Рискованно, – сказал Шпигли. – Мы будем на виду.

Но Аркаша его не слушал. Он опустился на вершину высокого холма. Потом выпустил газ из пузыря и спрятал в пояс его тонкую оболочку.

Пока он летел, в ушах свистел ветер. Теперь, когда ветер стих, Аркаша уловил другие звуки. Было слышно, как волнуется здешний народ. Доносились стоны, рев, вой – словно динозавры перекликались и спрашивали друг друга: «Что случилось? Что с нами будет?»

С вершины холма открывался вид на много километров вокруг.

Аркаша увидел воронку – след падения космического корабля.

На Луне ему приходилось видеть кратер. Эта воронка оказалась похожей на лунный кратер. Она была не очень глубокой, но в диаметре достигала нескольких километров. Земля, выброшенная из нее, окружала воронку ровным высоким валом, а внутри зловеще светилась. Вот это свечение, вроде бы неяркое, но очень сильное, окутывало половину неба и превращало ночь в освещенный аквариум.

Аркаша понял, что вблизи воронки никто не мог остаться в живых.

Лес и трава выгорели на много километров вокруг, и до самого горизонта долина была черной от пепла, а кое-где по ней еще пробегали язычки пламени.

Ни одного живого существа не было видно на ней.

– Мы пойдем правее, – сказал Шпигли. – Радиация повысилась до опасного предела. Тебе нельзя здесь больше оставаться.

Аркаше и не хотелось там оставаться. Он стал спускаться с холма.

– Сколько еще идти? – спросил он.

– Целый день, – ответил Шпигли. – Надеюсь, что ты вытерпишь. Но в крайнем случае ты всегда можешь утопиться.

– Зачем мне топиться? – не понял его Аркаша.

– Чтобы не мучиться, – ответил браслетик.

– Я лучше буду мучиться, – сказал Аркаша. Он нажал на кнопку съемочной камеры и с холма заснял воронку и сияние. Он надеялся, что его фильм и в самом деле будет самым интересным: он не узнал, отчего вымерли динозавры, но сделал не менее важное открытие: он узнал, когда и где на Землю упал и погиб чужой космический корабль. А это значит, что уже шестьдесят пять миллионов лет назад в Галактике существовали разумные существа и между собой воевали.

Только он об этом подумал, как услышал голос Шпигли:

– Замри! Не двигайся.

До Аркаши донесся низкий гул – над обугленной саванной быстро летел космический аппарат, похожий на тарелку, как их изображают в фантастических фильмах.

Аркаша замер. Он понял, что над Землей рыщут враги взорванного корабля. И пускай они примут его, Аркашу Сапожкова, за некрупного динозавра.

Тарелочка промчалась мимо, чуть наклонившись, как летит диск, запущенный спортсменом, и исчезла на темной стороне неба.

– Вы думаете, они ищут, не осталось ли кого-нибудь в живых? – спросил Аркаша и показал на светящуюся воронку.

– А может быть, просто выясняют: хорошая ли планета Земля, не стоит ли на ней поселиться?

– А если поселятся?

– Ничего у них не выйдет, – ответил Шпигли, – а то бы мы давным-давно о них узнали. Надеюсь, мы их не очень интересуем.

Аркаша пошел вниз с холма и дальше, по степи, обходя воронку. Шпигли иногда подсказывал ему, куда лучше повернуть или как обойти гнездо скорпионов или змей – в нем был вмонтирован биоискатель. Но не простой биоискатель, который может сказать, что впереди какое-нибудь животное, а прибор, который давал возможность браслетику сообразить,

что это за животное, опасное ли оно и что намеревается делать. Так что Аркаша его слушался, и за четыре часа, которые шел по степи, ни разу не столкнулся с какой-нибудь опасностью.

Правда, разок он прошел между ног диплодока. Но не сразу догадался, что над ним не листва деревьев, а брюхо гигантского динозавра. И только когда сверху донесся страшный утробный гул, и Аркаша даже присел от неожиданности, Шпигли заметил:

– У динозаврика нелады с животиком.

Тогда-то Аркаша посмотрел наверх и понял, что толстые стволы деревьев, между которыми он прошел, на самом деле – ноги динозавра. И тут один из стволов поднялся, согнулся и двинулся в сторону. Второй ствол покачнулся тоже.

– А теперь бежим! – приказал Шпигли. – Динозаврик решил погулять, и если он на нас наступит, он этого не заметит.

Аркаша припустил со всех ног и только шагов через сто обернулся.

На фоне зеленого неба, как будто вырезанный из черной бумаги, медленно двигался силуэт гиганта.

Динозавр поднял к небу маленькую головку, и с высоты, как будто от самых звезд, донесся его тоскливый вой.

– Чует малышка, что плохи наши дела, – сказал Шпигли.

– Почему плохи дела?

– Разве ты не устал, практикант?

– Постольку поскольку мы с вами уже прошли полдороги, если не больше, другого выбора нет, – разумно ответил Аркаша.

– Давай посидим, отдохнем, – сказал Шпигли.

– Если вы будете меня жалеть, то мы далеко не уйдем, – ответил Аркаша.

– Практикант! – воскликнул Шпигли. – Я начинаю тебя уважать.

– Спасибо. – Аркаша даже смутился. Такого он от ворчливого Шпигли не ожидал.

– Я предлагаю пройти еще три километра, – сказал Шпигли. – Судя по карте, которая во мне, мы окажемся на крутом берегу Москвы-реки.

– Москвы-реки? – удивился Аркаша.

– На крутом берегу той реки, которая текла когда-то там, где в наши дни будет течь Москва-река, неужели непонятно?

– Теперь понятно.

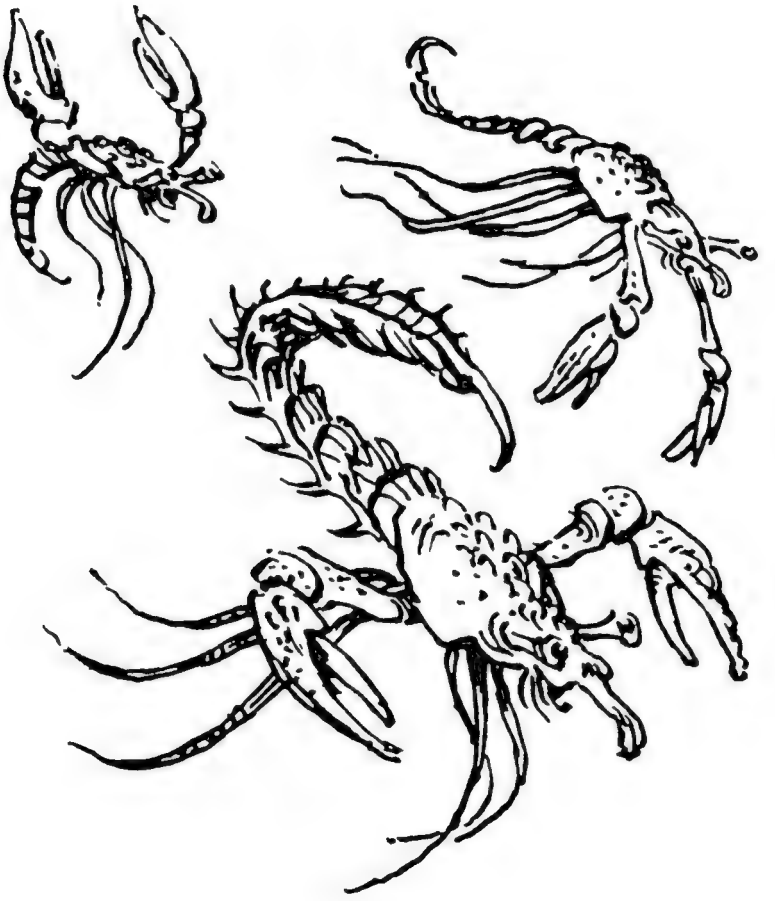
– Там мы с тобой отдохнем, а утром осмотримся и продолжим путешествие. Ночью на охоту выходят такие твари, что даже я могу не успеть... тебя защитить.

И как бы в ответ на эти слова послышался свист, и с неба на них что-то кинулось. Аркаша так и не успел сообразить, что это такое, потому что Шпигли выпустил в нападавших пучок молний. Одна из тварей упала на землю. Оказалось, что это скорпион с перепончатыми крыльями.

Он извивался на земле, и Аркаша подумал: «Как хорошо, что сейчас темно, я бы перепугался от одного его вида».

– Какая радость! – воскликнул Шпигли. – Это совершенно неизвестный палеонтологии вид мерзких тварей. Мы имеем право назвать его своим именем. Скорпионис Шпиглиада. Звучит?

– А почему Шпиглиада? – спросил Аркаша. – Они же на меня нападали!



– Для тебя тоже найдем каких-нибудь неизвестных гадов, – сказал Шпигли. – А я старше. И я здесь уже в шестой раз. Пора бы мне прославиться.

Когда они поднялись на высокий берег реки, уже начало светать.

Река была в тумане.

По небу неслись облака. Зеленое свечение с трудом пробивалось сквозь них.

– Ты спи, – сказал Шпигли, – а я тебя посторожу.

Аркаша прилег на землю под пузатой пальмой.

И понял, что смертельно устал. Вот уж не думал, что вместо того, чтобы снимать фильм о динозаврах, он будет вынужден бродить ночами по степи и скрываться от летающих тарелок.

Аркаша не заметил, как заснул. Ведь даже если ты очень устал, ты все равно не замечаешь, когда наступает сон. Зато всегда замечаешь, когда просыпаешься.

Так случилось и с Аркашей. Он проспал, как ему казалось, всего минуту, когда в мозгу словно будильник прозвучали слова Шпигли:

– Пора вставать, пора приниматься за великие дела!

– Ну отстаньте, – сказал Аркаша. – Ведь я всю ночь топал.

– Мне не нравится, что происходит вокруг, – сказал Шпигли. – И чем скорее я отправлю тебя в твой век, тем лучше.

– А что?

Аркаша сел и поежился. Холодный ветер прилетел откуда-то снизу. Голубой утренний туман окутал все вокруг так, что в двух шагах ничего не было видно. Из тумана снизу доносился низкий глубокий вой каких-то чудовищ, выскакивали большие комары и вились вокруг – они не кусались, но противно звенели.

– Скоро туман разойдется, – сказал Шпигли. – Я чувствую. Дождик пойдет, и туман разойдется.

– Дождика нам еще не хватало, – расстроился Аркаша.

– Зонтик не входит в комплект приборов и орудий для практиканта, – сказал Шпигли. – Считается, что практиканты дождика не боятся.

– Погодите, – сказал Аркаша. – Мне кажется, что я слышу голоса.

– Не может быть, – сказал Шпигли, но замолчал.

И в самом деле, снизу, от реки, доносились слабые, как жужжание насекомых, голоса.

– Это пришельцы, – сказал Аркаша.

– Это может быть кто угодно, – возразил Шпигли. – Например, другие практиканты, беженцы, туристы из какого-нибудь фантастического будущего или даже экспедиция, которую послали искать нас с тобой.

– Пойдемте поглядим, – предложил Аркаша.

– Я возражаю, – сказал Шпигли. – Я возражаю, потому что может возникнуть опасная ситуация для моего практиканта.

– Мы осторожно, – сказал Аркаша. – Вы же понимаете, что вернее всего это несчастные пассажиры со взорванного корабля.

– А я этого не понимаю, – ответил Шпигли. – Мне кажется, что это те, кто их взорвал. И у них есть локаторы. Так что они нас засекут быстрее, чем мы их увидим.

– Значит, мы будем сидеть здесь и ждать? Чего?

Шпигли молчал минуты две. Потом сказал:

– Смелого пуля боится, смелого штык не берет. Это очень старинная песня смелых людей. Идем, только будешь во всем мне подчиняться.

Начался дождик. Он был теплый и какой-то несмелый. Но он прибил туман к земле, и стало, по крайней мере, видно, куда идти, куда ставить ногу.

Аркаша прошел вдоль берега по краю обрыва, пока не оказался над тем местом, откуда доносились голоса.

Последние клочья тумана уползали по воде, и было видно, что под обрывом, на усыпанном камнями берегу, лежит небольшой космический корабль, похожий, скорее всего, на гороховый стручок. Видно, корабль был поврежден, потому что несколько необычного вида существ стояли перед ним и рассматривали нос корабля, который врезался в каменную глыбу. Эти существа разговаривали, и звук голосов легко поднимался наверх, и с края обрыва он был хорошо слышен Аркаше.

Стало достаточно светло, и Аркаша смог разглядеть пассажиров корабля. И у него возникло странное чувство, что он их уже видел, удивительно – где, когда? Нельзя же забывать, что он попал в первобытную эпоху.

Эти существа выглядели как насекомые, хотя передвигались на двух ногах. Ножки у них были тонкие, как палочки, с толстыми твердыми суставами. Ножек было две, а вот рук – четыре. Так что всего конечностей шесть. Головы существ походили на муравьиные, но с золотистой шерстью. Большие круглые желтые глаза смотрели в разные стороны.

Одежда этих существ закрывала только маленькие туловища.

Ростом они были чуть повыше Аркаши.

– Откуда я их знаю? – вслух спросил Аркаша.

– Ты их видел раньше?

– И совсем недавно, – сказал Аркаша.

Он словно услышал скрипучий голос: «Папа, до-ро-гой!»

Нет, таких совпадений не бывает!

Аркаша хотел рассуждать и дальше, но тут он услышал знакомый гул – показалась летающая тарелка.

– Ложись! – приказал Шпигли.

Аркаша упал на траву.

На этот раз корабль инопланетян не пролетел мимо – вероятно, с него увидели существ у реки.

Тарелка взмыла вверх и затем спикировала к реке.

Шпигли, когда хотел, мог становиться тяжелым, как чугунная гиря. Аркаша почувствовал, что его руку прижало к земле, а в голове шепчет Шпигли:

– Не шевелись! Они стреляют по всему, что движется!

Были слышны крики, сыпалась земля, лопались камни, падали деревья. Поднялся ветер – он несся порывами, норовя сбросить Аркашу с обрыва.

Наконец все стихло.

– Можно подниматься, – сказал Шпигли.

Аркаша подошел к краю обрыва. Ему не хотелось смотреть вниз – он знал, что ничего хорошего не увидит.

Но посмотреть надо.

Внизу, на берегу реки, все изменилось. От похожего на стручок корабля остались лишь рваные клочья металла и пластика, будто его прожевало и выплюнуло чудовище. Земля вокруг была выжжена, и даже вода у берега, в заводи, еще кипела – над тем местом поднимался пар.

– Они их убили! – в ужасе произнес Аркаша.

– Пойдем дальше, – сказал Шпигли. – Только включи кинокамеру и сними все. Нам надо будет показать это в институте.

Аркаша послушно начал снимать с обрыва. Потом он сказал:

– Может, спустимся, посмотрим? А вдруг кто-то остался жив, и мы поможем.

– Нет, – возразил Шпигли. – Мы этого не сделаем. А если убийцы вернутся обратно? Что от нас останется? Пшик!

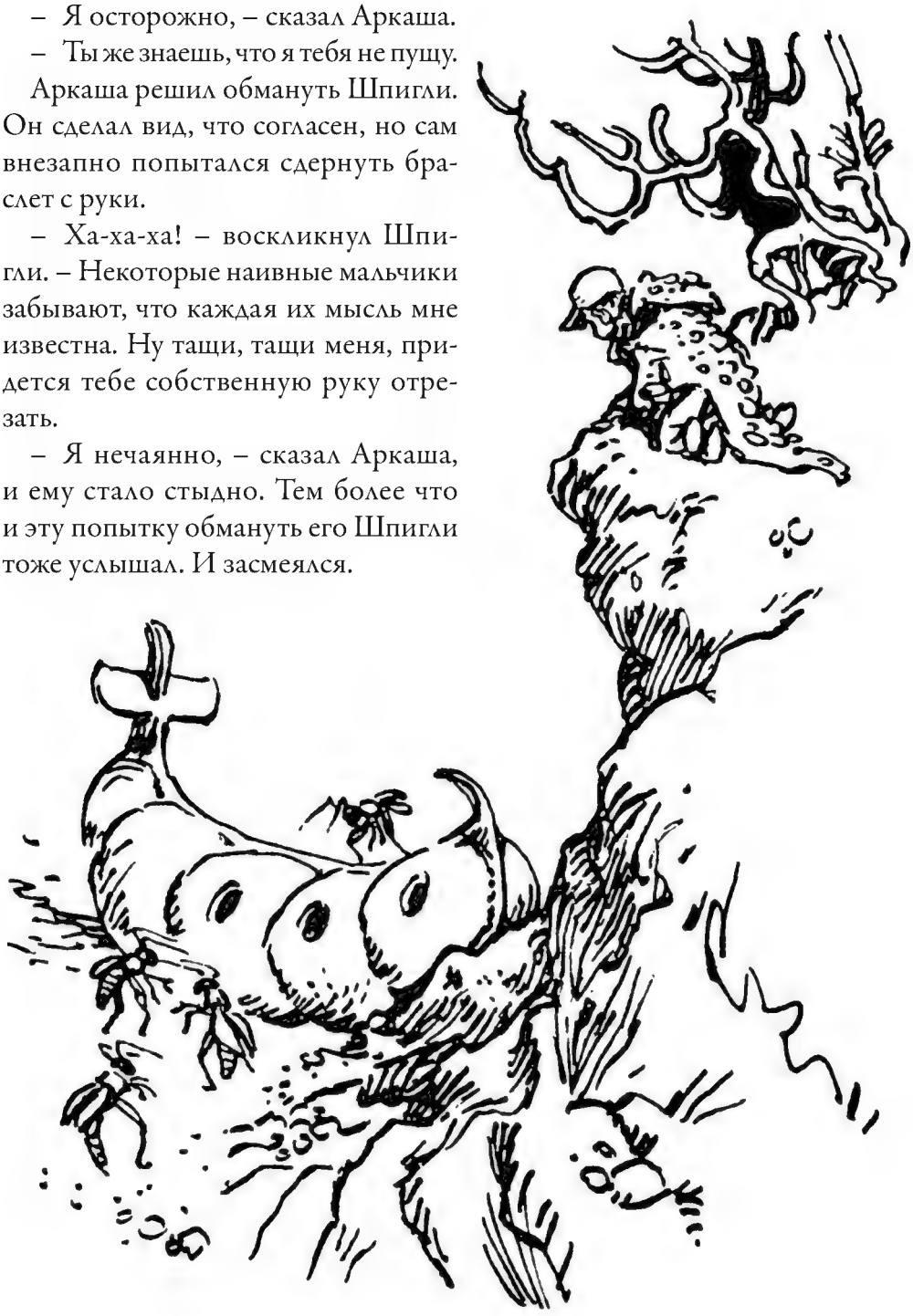
– Я осторожно, – сказал Аркаша.

– Ты же знаешь, что я тебя не пущу.

Аркаша решил обмануть Шпигли. Он сделал вид, что согласен, но сам внезапно попытался сдернуть браслет с руки.

– Ха-ха-ха! – воскликнул Шпигли. – Некоторые наивные мальчики забывают, что каждая их мысль мне известна. Ну тащи, тащи меня, придется тебе собственную руку отрезать.

– Я нечаянно, – сказал Аркаша, и ему стало стыдно. Тем более что и эту попытку обмануть его Шпигли тоже услышал. И засмеялся.



– Ну давайте спустимся! – попросил еще раз Аркаша. – Нельзя бросать других в беде.

– Во-первых, – ответил Шпигли, – нельзя бросать в беде своих друзей и соплеменников. Знаешь, кто такой соплеменник?

– Конечно, знаю. Это тот, кто со мной из одного племени.

– Правильно. Но если ты видишь войну каких-то совершенно чужих для тебя существ – не вмешивайся. Это великий закон Галактики. Потому что мы не знаем, на чьей стороне правда.

– Я не про правду говорю, – сказал Аркаша. – Я говорю о том, что видел, как вооруженный корабль уничтожил тех, которые были там, внизу.

– А может быть, они – опасные преступники? Может быть, за ними гнались, чтобы их обезвредить? Может быть, это опасные насекомые, безжалостные и злобные. А ты их хочешь спасать?

– Я верю в то, – твердо сказал Аркаша, – что всегда надо помочь безоружному и раненому, всегда надо помочь обиженному и слабому. А уж потом мы разберемся, кто там злобный, а кто добрый.

– Чепуха, чепуха, чепуха! – завопил Шпигли. Аркаша даже поморщился от его крика внутри головы. – Так вы, люди, будете помогать паразитам. Ты спустишься, а они тебя съедят! Ты думаешь, почему я жив и буду жить дальше? Потому что я никогда не вмешиваюсь, если мне может грозить опасность. И тебе не разрешаю вмешиваться. Вот приедут специалисты, пускай они и разбираются.

– Какие специалисты? – удивился Аркаша.

– Мы доложим в Институте времени, там изучат всю обстановку и пришлют специалистов.

– Все, – сказал Аркаша. – Я очень вас уважаю, но я пошел вниз. Потому что кто-то может нуждаться в помощи.

– Но они же насекомые!

– Насекомые тоже люди! – воскликнул Аркаша.

И этим он так удивил Шпигли, что тот замолчал, и только когда Аркаша отыскал не очень крутое место и стал спускаться к реке, Шпигли попытался утянуть его обратно. Но Аркаша упрямо лез вниз, и даже Шпигли ничего не мог поделать, к тому же он не знал, кто прав, а кто нет.

Спускаться было трудно не только потому, что обрыв оказался крутой и из-под ног вниз все время срывались комья земли и камешки, но и потому, что дождь шел все сильнее и уже не был таким теплым, как вначале.

Наверное, прошло минут десять, прежде чем Аркаша достиг полоски песка, которая отделяла обрыв от реки.

Страшный горелый запах был таким сильным, что даже дождик не мог его смыть.

Вокруг было тихо и пусто, если не считать громадных обломков уничтоженного корабля.

– Ну вот, убедился? – сказал Шпигли. – Теперь пошли дальше. Ведь твои бабушка с дедушкой очень волнуются.

– И еще волнуются мои папа, мама, сестры, братья, товарищи по классу и соседи по даче, – ответил Аркаша. – Ведь вы за себя боитесь!

– Это оскорбительно, – сказал Шпигли. Он тянул руку вниз, и Аркаше казалось, что он тащит тяжелую сумку.

В тот момент облака на несколько секунд разошлись, словно специально, чтобы Аркаша мог увидеть, как по небу несется, уменьшаясь и превращаясь в яркую звезду, космический корабль – тарелка, которая недавно устроила здесь бойню.

– Видели? – спросил Аркаша.

– Видел, – сказал Шпигли. – Возможно, они считают, что сделали свое дело, и улетают. А возможно – ничего подобного, и они только заманивают нас. Мы побудем здесь еще немного, а они вернутся и нас убьют. Да и вообще – с чего ты решил, что у них только один корабль?

Глава девятая
КАК СПАСТИ ПРИШЕЛЬЦЕВ?

Аркаша пошел вдоль песчаного берега. Он разглядывал разбросанные остатки корабля – тут была такая температура, понял он, что никто не мог уцелеть. И следа от людей не осталось.

Жаль, так мы и не узнаем, что же произошло.

И тут он увидел, что по берегу спешат к нему несколько... четверо существ, таких же, как те, кто погиб возле корабля.

Одно из существ было покрупнее, трое остальных поменьше.

Они несли пучки травы, цветы, ягоды в пластиковых мешочках...

Когда эти существа увидели, что их корабля нет, а рядом с его остатками стоит какое-то неизвестное создание, они сначала замерли, но по-

том тот, что покрупнее, что-то крикнул, и, кидая свою добычу, существа бросились бежать.

– Остановите их, Шпигли! – велел Аркаша.

– Я не могу. Они очень боятся.

Аркаша кинулся за беглецами. Он понимал, что если это последние из пассажиров корабля, которые еще не знают, какая ужасная судьба настигла остальных, то они убегут и окажутся беззащитными в этом мире. Они, может, и не подозревают, какие чудовища здесь обитают!

К счастью для Аркаши, существа бежали очень медленно, тонкие ножки с трудом держали их.

– Сила тяжести здесь значительно выше, чем у них дома, – сказал Шпигли. – И воздух для них плох. Далеко не убегут.

– Ну скажите им, что мы не враги!

– Они думают, что это мы погубили их корабль.

– Ну объясните! Я же не могу с ними говорить, я их языка не знаю.

– Я стараюсь, – сказал Шпигли. – А ты беги, не останавливайся.

На помощь Аркаше пришел случай. На берегу, занимая весь пляж от обрыва до воды, лежала черепаха, да, именно такие черепахи водились в меловом периоде – длиной она была метров в пять, а ее панцирь был украшен толстыми короткими шипами.

При виде беглецов черепаха лениво подняла голову и широко открыла свой короткий загнутый клюв.

Насекомые замерли. Видно, плавать они не умели, а больше деваться было некуда.

Тогда самое крупное из несчастных существ схватило камень и кинулось на Аркашу. Оно бросило в него камень, но тот не долетел и упал в воду, подняв столб брызг.

– Они в полном отчаянии, – сообщил Шпигли, – я думаю, что они не очень опасны.

– Так скажите им, что и мы не очень опасны!

Наконец, видно, до существа дошли мысли Шпигли. Оно остановилось, прислушиваясь.

Аркаша рассматривал пришельцев.

Конечно же они были насекомыми, и он их видел раньше...

Правильно! Перед самым началом практики, когда они возвращались с Алисой Селезневой со станции юных биологов! Тогда такое странное существо преследовало Аркашу и кричало, что он его папа!

Какое странное совпадение! Такого быть не может.

Ведь между двумя встречами шестьдесят пять миллионов лет!

– Я объяснил ему, что мы здесь находимся как исследователи, в экспедиции. Что мы вдвоем с тобой. Только он не понимает... он даже меня оскорбляет, – сказал Шпигли.

– Что вы имеете в виду? – спросил Аркаша.

– Он думает, что ты – единственное здесь разумное существо, а я если и существую, то как паразит. Сижу у тебя на руке и пью твои соки! Это же надо докатиться до такого обвинения!

– Лучше узнайте, пожалуйста, кто они и откуда, что произошло?

– Не все сразу, практикант, не все сразу. Они перепуганы, они увидели, что погиб их корабль, что погибли все их друзья, они меня сейчас спрашивают, неужели никого не осталось?..

Аркаша отошел немного в сторону, чтобы пропустить пришельцев, и они медленно подошли к обломкам своего корабля.

Маленьких пришельцев стала бить дрожь, один даже упал и чуть шевелил лапками, а старший и самый большой пошел вокруг обломков, заглядывая под них и за ними.

– Я сказал, что их враги выжгли все живое боевыми лучами и улетели... А может, и не улетели. А он говорит, что когда кластапуги догнали их

большой корабль и взорвали его, то им удалось спуститься на нашу планету на спасательном катере. Многие погибли, но некоторым удалось спастись. Самым маленьким.

– Как так самым маленьким?

Шпигли молчал, он слушал, как говорит насекомое, и минуты через две начал пересказывать его речь. А Аркаша тем временем поближе разглядел пришельцев, которые старались помочь своему упавшему товарищу. Один из них или точно такой же, как они, живет сейчас в Москве двадцать первого века. И эту загадку Аркаша никак не мог решить.

– Он говорит, – перевел Шпигли, – что кластапуги захватили их планету. Завоевали. Они убили очень многих, потому что коо жили мирно...

– Кто такие коо? – спросил Аркаша.

– Неужели ты не понимаешь, – вот эти насекомые и есть коо. На них напали злобные кластапуги, которые хотели захватить их планету. Коо смогли запустить последний корабль, на который они погрузили своих детей и воспитателей. Они надеялись, что большой космический корабль сможет скрыться от врагов и найти новую планету для жизни. Но кластапуги увидели, как стартует корабль, и погнались за ним. Они насти-

гли его у самой Земли, и конец этого боя мы увидели. Капитан корабля приказал детям перейти в спасательный катер, потому что с минуты на минуту большой корабль должен был погибнуть. И за несколько секунд до его страшного конца спасательный катер ушел к Земле, унося часть несчастных детей коо.

Аркаша вспомнил, что видел, как от большого корабля перед его гибелью отделилась маленькая звездочка. Значит, это и был «стручок»!

– Они надеялись, что в пылу битвы кластапуги упустят беглецов. Но те заметили отлет спасательного катера и отправили на его поиски один из своих истребителей. Коо опустились здесь, под прикрытием высокого обрыва, и так как никто на них не нападал, они сделали непростительную глупость – остались возле корабля. Надеялись, что, как только кластапуги улетят, они отправятся дальше искать себе новую родину. Мудрый Жи и трое детей постарше пошли искать пищу для остальных, но вдруг услышали взрыв. Они побежали обратно... и увидели, что все погибли, а рядом с уничтоженным кораблем стоит отвратительного вида чудовище.

– Какое еще чудовище? – спросил Аркаша.

– Я думаю, они имели в виду тебя, мой дорогой практикант, – ответил Шпигли.

Насекомые закивали головами, показывая, что Аркаша и есть чудовище.

Аркаша решил оставить выяснение этого вопроса, пока не научится языку насекомых. Он уже понял, что не может вот так – повернуться и уйти отсюда. Перед ним стояла кучка несчастных беженцев, которых надо выручать. И неважно, хорошие эти коо или плохие, как рассуждает Шпигли. Главное, что трое детей с другой планеты и учитель Жи оказались в чужом мире, не знают, что делать и куда идти.

Как только Аркаша понял, что теперь он должен отвечать за жизнь этих осиротевших пришельцев, он сразу стал спокойнее и даже старше. Так с ним всегда случалось на экзаменах. Может, еще это происходило оттого, что у Аркаши – единственного во всем классе – было пять младших сестер и братишек. Аркаша понял, что теперь съемки фильма и наблюдения за динозаврами становятся не главным его занятием...

– Ты что задумался? – спросил Шпигли. – Что-то я не могу разобраться в твоих мыслях, практикант.

– Спросите их, – сказал Аркаша, – могут ли они остаться на Земле и жить здесь?

Шпигли ответил почти сразу.

– Нет, – сказал он, – к сожалению, это исключено. Учитель Жи говорит, что сила тяготения на Земле в два раза сильнее, чем на их планете. От этого они ходят с трудом. К тому же воздух не совсем такой, какой им нужен, они задыхаются. К сожалению, они скоро умрут, и никто их не может спасти. И еще он говорит, что его уже не жалко, а вот последних детей планеты Коо очень жалко.

– Пускай не плачет, – сказал Аркаша. – Есть мы с вами, и мы не дадим их в обиду.

– Правильно! – отозвался Шпигли. – Только помни, практикант Сапожков, что мы с тобой не имеем права рисковать своим здоровьем. И пускай они живут как хотят, мы зла им не причиним. Но помочь мы им не сможем. Исключено.

– Все наоборот. Мы им будем помогать!

– Я тебе запрещаю рисковать! Хватит уже того, что первая машина времени засыпана в пещере. Тебя ждут дедушка с бабушкой.

– Ну что вы пристали ко мне с дедушкой и бабушкой! Они меня уже десять лет как ждут с утра до вечера. Но сначала мы решим, как помочь детям.

Насекомые коо стояли в отдалении, глядели на Аркашу, который разговаривал сам с собой, и не понимали, что же происходит.

– Шпигли, – приказал Аркаша, – немедленно начинайте учить их русскому языку.

– Как же я это сделаю?

– Вы отлично знаете, как это делается, – сказал Аркаша. – Вы же можете говорить с ними без слов.

– Я просто передаю им свои мысли.

– А вы передавайте не только мысли, но и слова, – попросил Аркаша. – Может, кто-нибудь из них окажется способным. А я пока подумаю.

Шпигли фыркнул, он был недоволен поведением своего практиканта. Но, как ни странно, послушался.

А Аркаша стал думать.

Если оставить пришельцев здесь, в надежде что они как-нибудь выживут, вернее всего, они не дождутся помощи. Ведь, судя по всему, все их соотечественники убиты. Надо будет обязательно выяснить потом у них, а почему эти кластапуги так жестоко на них напали?

Как назло, этих пришельцев нельзя взять с собой – они рассыплются через полкилометра. Оставить их на берегу – через полчаса какой-нибудь

хищный динозавр или крокодил решит, что кто-то подбросил ему вкусный ужин, и полакомится несчастными насекомыми.

Значит, остается одно: первым делом отыскать для пришельцев надежное убежище, чтобы они могли потерпеть там, пока Аркаша со Шпигли найдет запасную машину времени.

– Ну и как у вас идут дела? – спросил Аркаша у Шпигли.

– К сожалению, никаких способностей к языкам они не обнаруживают, – ответил Шпигли. – Считай, что нам не повезло.

– Постольку поскольку мы все равно должны их спасти, – сказал Аркаша, – придется тогда вам обо всем договариваться. Нам надо отыскать для них убежище.

– Опасно задерживаться здесь, – сказал Шпигли. – Давление падает, погода портится, над нами образовалось облако пыли. Мне все не нравится. Оставим их здесь, пускай ждут.

– Нет, только не здесь, – возразил Аркаша, – здесь опасно.

– Но нам еще опаснее, – сказал Шпигли.

Аркаша уже привык к нему и научился не слушать поучений браслетика. Все-таки тот не человек. Это люди совершают неправильные поступки. Хорошие или плохие, но неправильные. И этим они отличаются от машин и биороботов, даже самых умных. Конечно, с точки зрения безопасности, как любит говорить Шпигли, разумно поспешить к машине времени. В задание нашей исторической практики не входит забота о каких-то непонятных уродцах. Но Аркаша не мог их бросить – разумно это было или неразумно!

– Как вы думаете, – спросил Аркаша у Шпигли, – где им безопаснее всего укрыться, пока мы будем искать машину времени?

– Не знаю, – ответил Шпигли. Он был недоволен своим практикантом. – К тому же я должен сообщить тебе, Сапожков, что я буду голосовать за неудовлетворительную отметку за практику. Ты был недисциплинирован и не занимался исторической тайной, а занимался неизвестно чем.

– Постольку поскольку... – начал было Аркаша, и тут один из детей пришельцев сказал:

– Постольку поскольку здравствуйте, здесь опасно, но где машина времени?

Аркаша даже рот разинул от удивления.

Но Шпигли его разочаровал:

– Этот пришелец повторяет твои слова, как попугай, а сам ничего не понимает.

Старый учитель Жи что-то начал говорить, размахивая четырьмя лапками, но Шпигли молчал.

– Шпигли! – Аркаша почувствовал неладное. – А ну-ка немедленно расскажите мне, что сказал учитель?

– Ничего особенного...

– Я никогда не думал, что роботы-охранники могут говорить неправду, – удивился Аркаша.

– Вопрос не в правде или неправде, – сказал браслетик, – а в том, что я оскорблен твоим недоверием. И непослушанием. Мне еще никогда не попадался такой непослушный практикант. И никто еще не называл меня роботом! Ах, как жаль, что у меня нет ног! Я бы убежал от тебя – и разбирайся в своих проблемах как знаешь.

Насекомые не слышали разговора между Аркашей и Шпигли, потому что Аркаша думал, а Шпигли читал его мысли и так же мысленно отвечал. Но они понимали, что дело неладно. И конечно же боялись остаться здесь без защиты.

– Учитель Жи, – медленно сказал маленький пришелец, – говорит, что я, Красивый Ай, гений. Я учил все языки моего дома Коо, я учил твой язык, я слушал твои слова, и постольку поскольку я все помню, я хочу говорить дальше. Слышишь, мой учитель Жи говорит тебе то же самое?

– Эх, Шпигли, Шпигли, – сказал Аркаша. – Вы неточный переводчик. Но давайте не будем ссориться. Вы же видите, что идет дождик, космические пришельцы замерзли и дрожат. Я тоже. Где нам спрятаться? Где здесь пещера или шалаш?

– Здесь нет шалаша, – сказал Шпигли. – И я не чувствую пещеры. Пускай пришельцы сами поищут себе убежище. Нам пора идти.

Аркаша обернулся к Красивому Аю. Теперь он уже был уверен, что через шестьдесят пять миллионов лет именно с ним он встретится в Москве. Он не знал, почему так случится, но по крайней мере меньше удивлялся тому, что какое-то разумное насекомое будет называть его папой и повторять любимое выражение Аркаши: «Постольку поскольку».

– Ты меня немного понимаешь? – спросил Аркаша.

– С каждой минутой я запоминаю все больше слов, – сказал Красивый Ай. – Скоро я буду все понимать.

– В этом нет нужды! – обиделся Шпигли. – Я всегда скажу тебе, Аркадий, о чем думает это насекомое.

Аркаша поморщился. Он услышал в тоне Шпигли презрение к несчастным пришельцам.

Он посмотрел наверх. Конечно, лучше бы, чтобы пришельцы подождали его возвращения наверху, на обрыве. Но он понимал, что насекомым, непривычным к силе тяжести на Земле, взобраться на обрыв невозможно.

– Ждите, – сказал он, – спрячьтесь среди обломков вашего корабля. А я пройду вдоль берега и поищу для вас убежище. Понял?

– Конечно, я понял тебя, мудрый старший брат. Мы затаимся, как ничтожные брамблюки при виде господаруса.

– Правильно, замечательно! – ответил Аркаша. Конечно, он не знал, кто такие брамблюки и почему они боятся господарусов. Но вряд ли это так важно! – Ждите. Мы со Шпигли вас не покинем.

– Не покинем, – подтвердил Шпигли, который не рад был задержке, но решил больше не спорить с Аркашей.

Аркаша посмотрел, как учитель Жи загнал своих подопечных под большой кусок обшивки корабля, и быстро пошел вдоль берега, глядя вверх на обрыв в надежде отыскать там черную дыру пещеры. Но ничего не находил.

Река бежала быстро, вода в ней была серой, дождь хлестал все сильнее, стало сумрачно, словно наступал вечер.

– Сколько сейчас времени? – спросил Аркаша.

– Девять тридцать утра, – ответил Шпигли. – Ничего мы не найдем.

Было холодно, и с каждым мгновением становилось все холоднее.

Дождь шел мутный, словно в нем мыли посуду. От этого сквозь струи было трудно смотреть.

Аркаша хотел спросить Шпигли, что он думает по этому поводу, но тот прочел мысль Аркаши и ответил:

– Постольку поскольку от взрыва в воздух поднялось много тонн пыли, она теперь смешивается с водой...

Аркаша заметил, что Шпигли начал говорить его любимое слово. Неужели это так заразительно?

Они отошли уже далеко от разбитого «стручка», но никакого укрытия для пришельцев не было видно.

Впереди возвышались какие-то фигуры, похожие на толстые стволы деревьев, вернее, на толстые морковки, которые росли корнем вверх.

– Поглядите, – сказал Аркаша. – Кажется, я что-то нашел.

– Я бы на твоем месте не радовался, – сказал Шпигли.

Аркаша подошел поближе и удивился – оказывается, это были динозавры. Они сидели столбиками, как суслики у своих нор. Размерами они были чуть больше слона, на головах у них торчали красные гребни, как у петухов, одним гребнем Аркаша мог бы накрыться, как одеялом.

– Коритозавры, – сказал Шпигли, – они относятся к гадрозаврам.

– Они хищники?

Каждый из коритозавров был окружен невысоким земляным валом, словно сидел в пиале.

– Это травоядные динозавры, можешь их не бояться, только не спугни, а то они наступят на нас.

– А что они делают? – спросил Аркаша.

– Что делают все хорошие мамы?! – сказал Шпигли. – Они высиживают яйца, а потом займутся воспитанием детенышей.

– Не может быть! – сказал Аркаша. – Динозавры все-таки тупые ящеры, как они могут воспитывать детей?

– Это раньше так думали, что динозавры – тупые ящеры, – сказал Шпигли. – А теперь уже точно установлено, что многие из них не только были теплокровными, но они выращивали потомство, жили стаями, в которых были свои вожаки – если бы не загадочная беда, мы с тобой могли бы стать динозаврами. Разумными динозаврами.

– Что касается вас, я не знаю, – сказал Аркаша. – Но из меня бы динозавр не получился.

Несмотря на то, что Аркаша чрезвычайно осторожно подходил к мамашам-динозаврихам, которые высиживали яйца, они увидели его и, как по команде, повернули к нему странные петушиные головы и принялись угрожающе шипеть. Они пугали пришельца, но Шпигли был спокоен.

– Никуда они со своих яиц не слезут! Они тебя только стращают. Тем более что им очень холодно. Я так и чувствую их страх – они не тебя, маленького, боятся, они боятся, что стало холодно, и яйца могут остыть. Тогда их детишки погибнут. Они думают, что раньше так не было.

Вдруг Шпигли замолчал, а через секунду крикнул:

– Бежим!

– Почему?

– Не спрашивай!

Аркаша послушно побежал по берегу.

– Прижмись к обрыву! – велел Шпигли.

Аркаша послушался его, и вовремя.

Мимо него, тяжело приминая песок и камни, пронесся страшный ящер. Он был так невероятно силен и тяжел, что Аркаша даже не сразу сообразил, как он называется, – не узнал его, хоть видел на экране и в книгах.

– Тиранозавр! – подсказал Шпигли. – Ну, нам с тобой, практикант, повезло! Тиранозаврус рекс! Знаешь, что это значит?

– Король ящеров-тиранов! – перевел Аркаша.

– Почти правильно, – сказал Шпигли, который не жаловал слишком знающих практикантов.

Но Аркаша не слушал Шпигли. Он увидел, как тиранозавр прыгнул на ближайшую мамашу.

У него было странное, уродливое тело – гигантский, толстый, сильный хвост, как у крокодила, громадные сильнющие задние лапы, как у птицы Рокх, на концах их, как загнутые сабли, торчали такие когти, что они могли разорвать пополам бегемота. Голова у этого гиганта была так велика, что занимала треть тела, а пасть, в которой поместился бы автомобиль, усеивали длинные неровные зубищи. Но при всем том передние лапы тиранозавра были маленькими, особенно по сравнению с остальным телом. Впрочем, как увидел Аркаша, они были не очень нужны чудовищу.

Тиранозавр ударил по самке коритозавра всем своим весом, и, отчаянно закричав, она упала, до последней секунды стараясь прикрыть собой гнездо. Ударом задней лапы тиранозавр убил свою жертву и тут же схватил маленькими ручками, чтобы удобнее было заталкивать ее в пасть.

Остальные мамаши вопили, квакали, стрекотали, как пулеметы, но своих гнезд не бросили – они понимали своим небольшим умишком, что если сейчас, в наступившие холода, оставить яйца хоть на несколько минут, они погибнут.

Тиранозавр терзал свою жертву, и Аркаша стоял, не в силах оторвать глаз от страшного зрелища. Дождь то запускал сильнее, то едва моросил. Потом начался град.

Градинки, правда, были мелкие, но больно стегали по плечам и голове.

И вдруг к шуму и крикам прибавился рев – по мелководью вдоль берега к тиранозавру неслись несколько динозавров, в которых Аркаша сразу распознал самцов коритозавров. Конечно, их зубы и когти далеко уступали природному вооружению тиранозавра, но сородичи погибшей мамаши примчались стремительно, совсем не думая, могут ли они победить гигантского хищника. Тиранозавр распахнул свою пасть-вагон, прыгал на врагов, пытался отбиваться маленькими передними лапами, размахивал хвостом и ревел так, что тряслись вершины деревьев.

Коритозавры кидались на него, как собаки на медведя, повисали на нем, и наконец гигантский хищник не выдержал. Как и все негодяи, он был труслив, и если видел, что его не боятся, предпочитал убираться восвояси.

Мимо него, тяжело приминая песок и камни,
пронесся страшный ящер.

Коритозаврихи, сидевшие на гнездах, верещали, переживали, один из самцов – ну что прикажете делать! – уселся на место погибшей мамаши. И тут из облаков сквозь холодный дождь вывалились три птеродактиля, которые принялись рвать тело убитой.

– Нам тут не пройти, – сказал Шпигли.

– Что, полезем наверх?

– Обрыв высокий. Да есть ли смысл? Нам уже сейчас возвращаться минут пятнадцать. А что, если дальше уйдем?

Шпигли был прав. И Аркаша понимал это.

– Но что делать?

– Честно говоря, не знаю, – ответил Шпигли.

– Скажите, пожалуйста, – спросил Аркаша, – а насколько вы сильный?

– Я очень сильный.

– Я знаю, что вы можете заставить меня лечь на землю. Но можете ли вы добавить силы моей руке?

– Нет ничего проще.

– Я могу стать в десять раз сильнее?

– Ты не сможешь, но твоя правая рука может.

– Можно я попробую?

Аркаша подошел к высохшему деревцу толщиной в руку. Кора дерева была мокрой и холодной.

– Дайте мне силу, смелый Шпигли! – попросил Аркаша.

– Ты готов к подвигам, практикант-геркулес? – ответил браслетик.

Аркаша постарался согнуть дерево. Оно легко поддалось, и когда Аркаша нажал посильнее, с громким треском сломалось. Коритозаврихи, которые, нахохлившись, сидели на яйцах, обернулись в сторону Аркаши, но, видно, решили, что он не опасен, и даже не стали звать на помощь мужей.

Аркаша поднял дерево одной рукой.

– А теперь отпускай, – сказал Шпигли.

– Почему? Мне же легко, – удивился Аркаша.

– Ничего в мире не достается бесплатно, – сказал Шпигли. – В обычной жизни твои мышцы работают на один процент от их возможностей. Я же заставляю их работать в полную силу. Подумай, ведь не я сломал дерево – сломал его ты, я только помог твоим мышцам собраться в кулак и сделать, что от них требуется. В каждом человеке хранятся замечательные силы, только он их не использует. Посмотри, например, на штангиста. Он же поднимает штангу в пять раз больше собственного веса. Но только потому, что может направить все свои силы в одну точку, в один момент. Попробуй штангист погулять, держа штангу над головой, – ха-ха-ха! На второй минуте он грохнется на землю!

Аркаша почувствовал, что силы оставляют его. Он кинул на берег сломанное дерево. Главное он узнал: если нужно, он сможет стать силачом.

– Пошли обратно, – сказал он. – Я нашел решение!

Он повернул назад и быстро пошел вдоль реки. Шпигли донимал его:

– Ну скажи, чего ты хочешь? А то в мыслях у тебя нет никакой ясности!

– Придем, увидим, – отвечал Аркаша.

Стало еще темнее. Река заметно вздулась, вода в ней уже не текла, а неслась вперед, мутная и злая. Вместе с каплями дождя с неба падали снежинки.

– Этого быть не может, – сказал Шпигли. – Мы же с тобой изучали историю мелового периода. Климат здесь ровный, теплый, почти тропический. Вокруг растут пальмы и папоротники, все динозавры ходят голые, ни на ком шерсти нет.

– А вот и есть, – сказал Аркаша. Он показал на животное, похожее на большую крысу, которое плыло по реке, высунув длинную острую морду, а потом выскочило из воды и побежало вдоль берега на низеньких кривых ножках, волоча за собой голый короткий хвост.

Крыса и в самом деле была покрыта шерстью.

– Но ведь ты знаешь, кто это! – воскликнул Шпигли.

– Крыса?

– Это первобытная крыса, прародительница тех, которые тебе известны. Из нее потом выведутся и крысы, и мыши, и даже ондатры. Это предок грызунов. Когда динозавры вымрут, вот эти маленькие, невзрачные на вид млекопитающие и займут их место на Земле.

– Но почему изменился климат? – спросил Аркаша. – Нам с вами никто об этом не сказал.

– Вот я и думаю, – ответил Шпигли. – Только пока не придумал.

Они вернулись на то место, где оставили пришельцев.

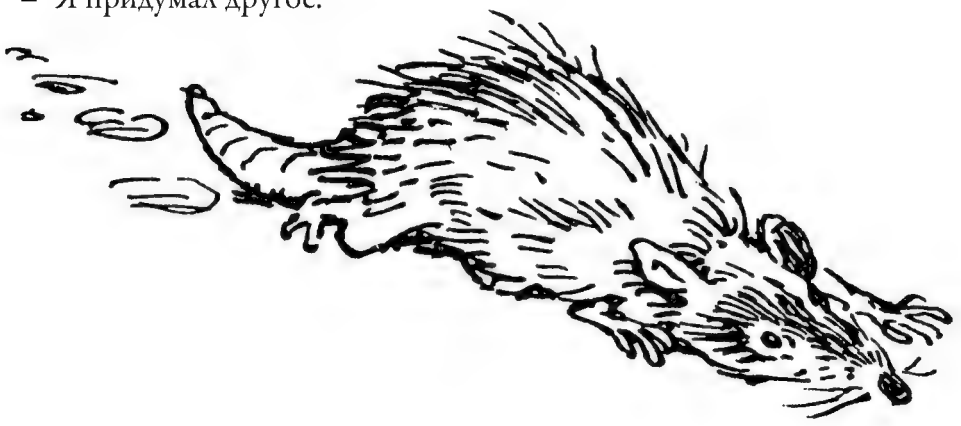
Их нигде не было видно!

У Аркаши даже сердце упало: не сожрал ли кто-нибудь несчастных беглецов?

Но когда они подошли поближе, то увидели, что все коо сидят вдоль большого обломка их корабля, прижавшись к нему спинами и тяжело дыша.

– Ты нашел нам дом? – спросил Красивый Ай. – А то нам совсем плохо.

– Я придумал другое.



– А нам далеко идти? – спросил Красивый Ай.

– Вам никуда не надо идти.

Аркаша отошел на несколько шагов от разбросанных по берегу обломков корабля. Наконец он увидел подходящий кусок обшивки, как бы обрывок гигантской трубы, правда, разорванный и сплюснутый.

– Шпигли, – сказал Аркаша. – Включайте меня.

– Как включать? – не понял его Шпигли.

– Включайте мою богатырскую силу!

Аркаша схватил «трубу» и потащил повыше к самому обрыву. Потом он распрямил сплющенную часть обломка и, навалившись на ее край, заставил края трубы войти в обрыв. Теперь получилась как бы искусственная пещера, бочка, лежащая на боку, днищем которой стал обрыв, а открытая часть глядела на реку.

Тут силы полностью оставили Аркашу, и он упал на песок.

Пришельцы коо заверещали, защелкали.

– Учитель Жи, – сказал Шпигли, – говорит, что никогда не мог предположить, что в таком небольшом и слабом на вид теле скрывается могучая сила. И если все жители этой планеты будут такими же, как господин Великий Богатырь Аркаша, то коо не страшны никакие бандиты. Какое счастье, что у его детей такие замечательные друзья и защитники.

Переведя эти слова учителя Жи, Шпигли сказал:

– Теперь потерпи немножко. Я тебе сделаю питательные уколы – иначе ты у меня погибнешь от истощения.

Он сделал Аркаше уколы и велел ему лежать, а Аркаша попросил его:

– Объясните этому учителю Жи, что мы с вами не здесь живем, а в будущем. Я думаю, раз у них есть космические корабли, они должны понимать, что такое путешествие во времени.

Сказав так, Аркаша отполз в дом, который сделал для насекомых, и улегся там, чтобы не мокнуть больше под дождем.

Красивый Ай и два других ребенка коо уселись возле Аркаши и стали отгонять мух и комаров, которые тут же набились в укрытие – им тоже не нравились холодный дождь и ветер.

– Постольку поскольку, – сказал Красивый Ай, – ты мой друг, то я хочу, чтобы ты стал моим папой. У меня нет папы и мамы, а кто будет обо мне заботиться?

Остальные дети коо не поняли толком, о чем говорит Красивый Ай, но тоже стали хныкать и просить Аркашу о чем-то на своем языке.

Аркаша не заметил, как под эти голоса заснул, – видно, устал, даже уколы не помогли.

Когда он проснулся, почти ничего не изменилось. Коо сидели в домебочке, который построил Аркаша. Всем было холодно. Снаружи хлестал дождь.

– Надо идти, – сказал Аркаша.

– И как назло, газ в воздушном шарике кончился, – сказал Шпигли.

– В такую погоду никакой воздушный шарик не поможет, – ответил Аркаша. – Унесет меня за кудыкины горы.

– Прошу прощения, – сказал Шпигли. – В моем внутреннем атласе такие горы не указаны.

– Когда вернемся домой, покажу, – пообещал Аркаша.

Ой, как ему не хотелось вылезать наружу. «Это не меловой период, а ноябрьский, – подумал Аркаша. – В такую погоду хороший хозяин собаку на двор не выгонит...»

– Твои мысли мне непонятны, – сказал Шпигли. – Может быть, ты психически больной? Какой еще хозяин? Какую собаку? Откуда ты взял ноябрьский период?

– Я шутил, – сказал Аркаша. – Жаль только, что нас с вами отправляли в теплые края и не выдали меховых шуб. Может, мне вас на шею повязать вместо воротника?

– А что! Попробуй! – согласился браслетик.

Аркаша легко снял его и прикрепил на шею. Меховой браслетик уже высох и был теплым. В самом деле, такой воротник немного согревал.

– По крайней мере, – сказал Аркаша, – я ангиной не заболею.

Он посмотрел на пришельцев. Они сидели все четверо в ряд у стены. И смотрели на него круглыми золотыми глазами.

«Теперь я понимаю, что значит материнское чувство, – подумал Аркаша. – Это бывает, когда тебе страшно, как бы что-нибудь плохое не случилось со слабыми существами, которые тебе доверились и ждут от тебя помощи и защиты».

– Вы рассказали учителю Жи, почему мы здесь оказались? – спросил Аркаша у Шпигли.

– Да, – ответил браслетик. – И он очень расстроился. Ему можно посочувствовать. Теперь он оказался не только в миллиардах километров от своей планеты, но и в миллионах лет от нашего времени. Но он будет нас ждать. Что ему остается делать?

Шпигли сказал, куда идти, и Аркаша вылез под холодный дождь. Стало еще хуже, чем час назад. Темнее, холоднее, мокрее.

Аркаша с трудом взобрался на обрыв, чтобы продолжить путь к машине времени. Камни и куски земли валились из-под рук и ног, стебли кустов и пучки травы не держались в размокшей глине. Наверное, полчаса Аркаша полз наверх, и если бы кто-то увидел его в тот момент, когда он выпрямился на обрыве, он бы решил, что это не человек, а грязная глиняная фигурка.

Наверху ветер дул еще сильнее. Кое-где в низинках скопились полоски снега. И когда Аркаша, сгибаясь под порывами ветра, шагал вперед, под ногами время от времени похрустывал ледок, затянувший лужи.

– Такого быть не может, потому что этого не может быть никогда, – бормотал Шпигли. – Ни в одном учебнике или справочнике вы такого не увидите.

Аркаша поглядел налево. Там еще светилось зеленоватое зарево – значит, из воронки продолжала вытекать радиация.

– Скажите, – спросил Аркаша, – а не может быть какой-нибудь связи между холодным дождем и взрывом космического корабля?

– Еще чего не хватало! – откликнулся Шпигли. – Какая может быть связь? Ну, взорвался и взорвался, и дело с концом!

Аркаша понимал, что идти надо скорее, чтобы не замерзнуть, но ветер бил в лицо и кидал горстями ледяную воду.

Аркаша стал считать шаги, но на трехстах сбился, а Шпигли прикрикнул на него:

– Перестань считать, ты мне мысли путаешь!

– А о чем вы думаете? – спросил Аркаша.

– О том, почему вымерли динозавры! – ответил Шпигли.

– Они вымерли от холода, – сказал Аркаша.

– Это ненаучно, – сказал Шпигли. – Через полчаса дождь кончится и станет тепло. Надо потерпеть.

– Вот я и терплю, – сказал Аркаша.

Он шел дальше и дальше и старался думать о всяких приятных вещах – например, о том, как он катался прошлым летом на досках на Гавайских островах или как славно сидеть у камина в горах, смотреть, как огоньки перебегают по дровам... нет, лучше костер. Конечно, костер в лесу, а на перекладине кипит чайник. Сейчас будет горячий чай!

– Аркадий, немедленно прекрати! – закричал Шпигли. – Твои мысли вносят в мою систему полный разлад!

Дорога начала подниматься в гору. Они вступили в редкий лес из деревьев, стволы которых были похожи на капустные кочаны в три обхвата, а сверху метелкой торчали листья.

– Ой! – воскликнул Аркаша.

Он неожиданно налетел на динозавра.

Это был округлый толстяк, похожий на бегемота-переростка. Он сидел, прижавшись спиной к стволу дерева, и мелко дрожал.

– Прости, – сказал Шпигли, – я его не заметил, потому что он ни о чем не думает, а ждет, когда кончится дождик.

Динозавр вдруг оглушительно чихнул.

Наверное, в другой ситуации это показалось бы Аркаше смешным, но сейчас он только подумал: «Не хватало еще насморком от динозавра заразиться!»

И, скользя по траве, он ускорил шаги.

Главное, понимал он, терпеть и терпеть...

Глава десятая
СИЛЬВЕР НА КОВРИКЕ

Аркаша шел, не думая о времени. Шпигли тоже не приставал со своими рассуждениями – видно, понимал, что лучше под руку не говорить. Только часа через три, когда Аркаша совсем уж терял сознание, а его ноги сами кое-как переступали, Шпигли сказал:

– Остановись, возьми из пояса обед и поешь.

– Я не хочу.

– Ты скоро упадешь, если не подкрепишься.

– Я упаду, если остановлюсь.

Разумеется, этот разговор был совершенно безмолвным – все равно у Аркаши не было сил открыть рот.

Тогда Шпигли сменил тактику:

– Открой глаза! Посмотри, какой удобный камень лежит под тем деревом. Тебе очень хочется присесть на него и выпить горячего чая.

И он так это сказал, что Аркаша понял: именно этого ему и хочется.

Ноги подкосились, и он рухнул на твердый мокрый камень. Здесь, под деревом, дождь шел не так сильно, но капли, собираясь на больших листьях, скатывались вниз и, как вишенки, ударяли по земле или по голове Аркаши.

Аркаша с трудом вспомнил, как надо вынуть из пояса пакетик с обедом, разорвать его, чтобы пища согрелась. Есть ему совсем не хотелось, но он с удовольствием выпил крепкого горячего чая с витаминами и с последним глотком почувствовал, что его тело согревается и он готов идти дальше.

В низине на краю леса Аркаша увидел несколько динозавровых гнезд. Только гнезда были невелики, да и яйца в них чуть больше гусиных.

– Видите, – сказал он Шпигли, – не все сидят на яйцах, некоторые матери занимаются своими делами.

– Не скажи, – возразил Шпигли, – ты лучше посмотри направо.

Аркаша увидел, что там, в овражке, сплелись в один клубок несколько динозавров, не очень крупных, с человека ростом.

– Они не смогли больше сидеть в гнездах, – сказал Шпигли. – Слишком холодно.

– Разве они не понимают, что их дети погибнут?

– Наверное, не понимают. Не преувеличивай их способности, – ответил Шпигли. – Холодно им, замерзают, вот и бросили гнезда.

– Вы говорили, что скоро распогодится, – сказал Аркаша, – а становится все хуже. Если бы так случалось часто, наверное бы, они не бросали гнезд.

– Ну не знаю, – воскликнул Шпигли, – как быть?! Не знаю я всех дел мелового периода. К тому же я промок.

Аркаша ничем не мог помочь своему охраннику и поспешил в дорогу.

Они и дальше встречали всяких динозавров, и больших и мелких. Но все динозавры чувствовали себя не в своей тарелке.

– Они ищут, где магазин меховых шуб, – сказал Аркаша.

Но Шпигли не понимал юмора, поэтому он ответил:

– В меловом периоде не было магазинов.

– Конечно, – не сдавался Аркаша. – Шубы продавали на базаре.

– По-моему, мой практикант сходит с ума, – сказал Шпигли. – Может, еще посидим, отдохнем? Там у тебя должен оставаться неприкосновенный запас продуктов.

– Он может пригодиться потом, – сказал Аркаша. – И вообще зря я его не оставил пришельцам. Я сам виноват – в голову не пришло.

– И хорошо, что не пришло. Откуда ты знаешь, что этим насекомым можно наш чай пить? Даже мне чай пить вредно.

Раздался страшный треск – он даже заглушил шум ветра и дождя.

– Стой! – приказал Шпигли.

Аркаша уже и сам остановился.

Не видя его, по лесу, пробиваясь сквозь кусты и ломая деревья, как слепой, шел самый удивительный зверь, которого можно увидеть в меловом периоде. И хоть Аркаша чувствовал себя ужасно, он замер, восхищенный такой шуткой природы.

Этот динозавр называется стегозавром. Размером раза в два крупнее слона, он кажется еще более высоким, потому что на его спине в два ряда тянутся метровые лепестки – костяные пластины, похожие на заостренные на концах лепестки ромашки.

– Ты о нем читал? – спросил Шпигли, которому очень хотелось поделиться с Аркашей своими знаниями.

– Я знаю, что эти пластины защищают его от врагов. И еще некоторые ученые считают, что они помогают стегозавру согреваться. Он выползает из зарослей, подставляет пластины солнечным лучам, и они быстро прогреваются, а затем согревшаяся кровь стегозавра разбегается по всему телу, и он просыпается.

– Но мозг у него размером с грецкий орех! Ты об этом помнишь?

– Забыл. – Аркаша пожалел Шпигли. Ведь ему так хотелось показаться ученее своего практиканта.

Стегозавр двигался еле-еле. Он наткнулся на толстое бревно, которое не смог сломать, и закашлялся. Он кашлял громко, ухал, от его кашля с деревьев сыпалась листва. Все его массивное полосатое тело содрогалось от приступов кашля, он раскрывал небольшой рот, и оттуда, как из трубы, вылетал рев.

– Плохо дело, – сказал Аркаша. – Что-то они уж очень теплолюбивы. Надо бы шерстью обзавестись.

– Ты уже говорил об этом, – сказал Шпигли. – Но они же не думали, что станет холодно.

– Но почему? – Аркаша никак не мог дать себе ответа на вопрос: почему вдруг наступили холода?

Они вышли на поляну, перед ними тянулась равнина. За ней, скрываясь в полосах дождя, поднимались скалы.

– Уже немного осталось, – сказал Шпигли. – Потерпи, практикант. Нам к тем скалам.

К сожалению, долина, по которой пришлось идти, была залита водой. Кое-где вода только хлюпала под ногами, иногда приходилось переходить широкие лужи.

Аркаша не боялся промокнуть – к счастью, его башмаки, как и комбинезон, были влагостойкими, а также рассчитаны на змеиный укус – ни одному зубу с ними не справиться. Шпигли совершенно серьезно предупредил его:

– Ты близко к динозаврам не подходи. Еще заразишься.

И вдруг сам чихнул.

Это было так неожиданно, что Аркаша остановился и спросил:

– Мне показалось?

– Надо говорить: «Будьте здоровы!» – сообщил ему Шпигли.

– Неужели роботы чихают?

– Это еще одно доказательство тому, что я никакой не робот!

Аркаша замолчал и принялся снова считать шаги. Вода брызгала из-под ног, стало совсем сумрачно, как осенним вечером.

– Который час? – спросил Аркаша.

– Уже третий, – сказал Шпигли.

– А сколько еще идти?

– Час... или два... как получится.

Вдруг Аркаша почувствовал, что земля под ногами дрогнула. В голове возник гул. В нем была угроза.

– Что это такое? – Аркаша остановился.

– Я не вижу, – сказал Шпигли, – но ничего хорошего мы с тобой не ждем.

Аркаша не стал с ним спорить. Он оглянулся – хоть бы какое-нибудь внушительное дерево, или холм, или хоть бы камень, за которым можно спрятаться, потому что ему очень захотелось спрятаться!

Гул приближался – на них надвигалось что-то громадное, тяжелое, как будто неслось войско старинных колесниц.

И вот Аркаша увидел их!

По равнине мчалось полчище динозавров. Тысячи динозавров.

По мере того как они приближались, можно было разглядеть их по отдельности.

К счастью, стадо двигалось не прямо на Аркашу, а наискосок.

– Они бегут на юг, – сказал Шпигли. – Они спасаются от холода и дождя.

В этот страшный для них момент динозавры забыли, кто им враг, а кто друг, кто жертва, а кто хищник... Вот бежит диплодок, от каждого его медленного и неуклюжего шага сотрясается земля. Кажется, что его маленькая головка касается низких облаков; вот рядом, в десять раз меньше диплодоков, семенят утконосые ящеры...

– Цератопс! – закричал вдруг Шпигли, будто совершил великое открытие. Аркаша увидел стадо цератопсов – коренастых, короткохвостых, похожих на носорогов чудовищ, спины которых были покрыты костяными щитами, из которых поднимались и торчали вперед рога.

– А это... – И тут Аркаша забыл, как называется динозавр, которого даже в дурном сне не вообразишь – казалось, что его голову украшает древнегреческий военный шлем или что-то в этом роде. Единственный рог этого динозавра тянулся, загибаясь, назад, и был он в три метра длиной.

– Паразавролофус, – сказал Шпигли, довольный тем, что у него память лучше, чем у практиканта. – Это же совсем просто!

Похожие на кенгуру небольшие злобные ящеры диеноники громадными прыжками неслись по краям армады динозавров, но не нападали на игуанодонов и других травоядных великанов.

Казалось, что скопищу динозавров не будет конца.

Тысячи, десятки тысяч динозавров уходили из этих краев в поисках теплых мест, оставив свои гнезда, свои лежбища, любимые болота и озера.

Аркаша стоял, не в силах шелохнуться, и разглядывал ящеров. Он не сразу сообразил, что надо снимать, но потом нажал на кнопку камеры, и Шпигли, который начал было выговаривать ему за забывчивость, замолчал на полуслове.

И, снимая, он пропустил опасность.

– Беги! – закричал Шпигли, который, видно, тоже загляделся на динозавров.

Оказывается, еще один отряд беглецов, поменьше первого, несся по равнине, но на этот раз ящеры мчались прямо на Аркашу.

Аркаша побежал от них, он старался двигаться не прямо перед стадом, потому что даже в такой момент сообразил, что динозавры обязательно догонят и растопчут его, а в сторону, чтобы не оказаться на их пути. Он задыхался, и тут еще, как назло, началась низина, затопленная водой глубже чем по колено. Для динозавров эта глубина ничего не значила, а вот для Аркаши она оказалась роковой – ведь он вынужден был на каждом шагу вытаскивать ноги из воды!

Он бежал, отчаянно задыхаясь в разреженном воздухе.

– Скорее! – торопил его Шпигли. – Не теряй ни секунды! Ты меня погубишь!

И вдруг Аркаша услышал сверху, от облаков, визгливый крик:

– Они здесь! Скорее, капитан!

Аркаша решил, что ему почудился этот голос, но Шпигли сообразил быстрее.

– Мы здесь! – закричал он. – Мы здесь! Скорее помогите нам!

До первых динозавров оставалось уже совсем немного.

И тут сверху спикировал надувной плотик, или ковер-самолет, или пластиковая подстилка – называйте как хотите.

Посреди этого воздушного корабля сидел одинокий пират Сильвер Джонович, вахтер Института времени, а над его головой кружил любимый пиратский попугай.

– Прыгай! – крикнул пират.

Аркаша подпрыгнул и протянул вперед руки. Пират втащил его на борт ковра-самолета.

Прошло всего десять минут с того момента, как Аркаша думал, что наверняка погиб и не сможет убежать от динозавров, а он уже обо всем забыл. Тем более что старый Сильвер снял свою пиратскую куртку, выделанную из кожи ската, которого задушил когда-то собственными руками в схватке на глубине тридцати футов у острова Калимантан, и накинул на плечи Аркаши. Сразу стало теплее.

Сильвер хотел без лишних слов отвезти Аркашу к запасной машине времени, но Аркаша сказал, что придется вернуться к реке, где под обрывом их ждут несчастные пришельцы.

Пока ковер-самолет летел к реке, Сильвер рассказал, почему он тут оказался.

– Получаю сигнал, – сказал он, – что машина времени вышла из строя.

– Почему же это вы получаете сигнал? – спросил недоверчивый Шпигли.

– Да потому что дело происходит ночью в воскресенье, когда я один дежурю в институте.

– А робот Вертер? – спросил Шпигли.

– Робот Вертер улетел на конференцию, посвященную стодесятилетию выхода в свет телевизионного сериала «Гостья из будущего», снятого режиссером Павлом Арсеновым. Празднества по этому поводу охватили половину городов Земли, не говоря об отдаленных уголках Солнечной системы.

– А другие сотрудники?

– Другие сотрудники понадеялись на меня. Ведь обычно ничего плохого не может случиться. А такого, чтобы машина времени вышла из строя, еще никогда не было. Включил я компьютер, думал – может, ошибка. Нет, говорит компьютер, машина времени раздавлена горным обвалом. В конце мелового периода. А у нас там как раз один практикант находится. Все, говорю я себе, спокойно, без паники.

– При чем тут паника? – сказал Шпигли. – По инструкции ты должен немедленно вызвать директора института и сотрудника, который ведает практикой.

– Я старый пират, – ответил Сильвер. – Я знаю, что нельзя поднимать товарищей посреди ночи только потому, что на наш фрегат напали какие-то дикари! Я решил, что сначала сам быстренько проверю на линии, что произошло. Взял дежурный ковер-самолет, вызвал попугая, как разведчика, и вылетел. Вот и все. А теперь вы рассказывайте.

Аркаша поведал вахтеру, что с ним произошло за последние часы.

Сильверу было особенно интересно узнать про космическое сражение. Он вообще любил поговорить о битвах – и искренне расстроился, что его там не оказалось.

– Эх, – вздыхал он, – нет здесь моих бандитов и разбойников. Мы бы взяли их на абордаж – только пух и перья бы от них полетели.

Сверху Аркаше были видны стада динозавров – все они двигались к югу. В стороне светилось зеленоватое зарево.

– Там воронка – все, что осталось от космического корабля, – сказал Шпигли.

– Слушайте, – предложил пират, – давайте слетаем туда, поглядим.

– И не мечтай! – возмутился Шпигли. – Ты что, не знаешь, что такое радиация?

– Мне рассказывали, – уклончиво ответил пират, – но как-то я не все запомнил.

– И не мечтайте, – сказал Аркаша. – Вы не только сами погибнете, но и погубите нас.

– Я его не пущу! – закричал попугай. – Он дурррак! Старрый дурак!

Пират отмахнулся от попугая. Он смотрел на динозавров.

– Все собирался сюда, да не было случая, – сказал он. – Неужели такие изверги по свету бродили?

– Вот мы и стараемся понять, куда они делись.

– И не надо понимать, – сказал пират. – Без них лучше. Птички поют, бабочки летают...

Впереди показалась река, за ней «бочка», в которой их должны были дожидаться пришельцы с Коо.

Аркаша заглянул в «бочку», там было темно и пусто. Сначала он подумал, что насекомые коо куда-то убежали или их кто-то сожрал.

– Эй! – сказал он. – Куда вы подевались?

Никакого ответа.

– Ну вот, – сказал разочарованно Шпигли, – а мы старались, жизнью рисковали... хотя постой, постой! Они же здесь!

Тут песок в дальнем конце бочки зашевелился, и из него медленно высунулись сухие ручки насекомых.

– Во-первых, – сказал учитель Жи, – так теплее, а во-вторых, нас никто не увидит.

Красивый Ай вылез из песка следом за учителем Жи и застрекотал:

– Мой папа приехал! О, усынови меня, Аркаша! Мне так трудно жить сиротой.

Учитель Жи рассердился и стал укорять мальчика за то, что он пристает к Аркаше, забывая, что во всей Вселенной, может быть, осталось всего четверо представителей народа коо. А если Красивый Ай станет сыном уважаемого Аркаши Сапожкова, то вообще никаких шансов на то, что славная раса коо возродится, не останется. Даже икру метать будет почти некому!

– Как так метать икру? – удивился пират Сильвер. – Я не выношу лягушек!

– Я не знаю, что такое лягушка, – ответил Красивый Ай, – и я должен честно признаться, что не люблю, когда люди ходят на одной ноге и не могут отрастить себе вторую, которую где-то потеряли...

– Не где-то, а в бою в Бермудском треугольнике! – возразил Сильвер. – Против нашего брига было шесть французских фрегатов и одна испанская каравелла. Грот-мачта пала на меня, и мне пришлось самому отрубить себе ногу, чтобы выбраться из-под нее.

– Поменьше верьте старому жулику! – закричал снаружи попугай. – Я сам видел, как он ее потерял.

– Как же? – спросил Аркаша.

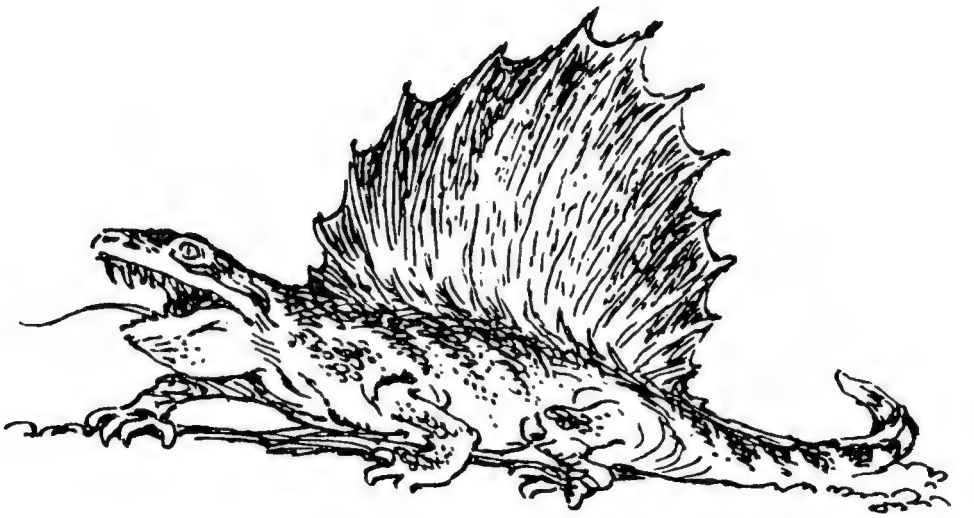
– Он напился как сапожник в таверне «Хромая судьба» на Барбадосе. А платить было нечем. Хозяин погнался за ним, чтобы заставить заплатить, и этот Сильвер бежал так быстро, что обогнал собственную ногу. Она отстала, заблудилась в джунглях, и никто ее потом не смог найти.

Все замолчали, а потом Шпигли произнес:

– Похоже на то, что вы шутите, господин какаду.

– Я еще никогда в жизни не был так серьезен, – ответил попугай. – Спроси у Сильвера. Он не посмеет соврать.

– Еще как посмею, – сказал Сильвер. – Кстати, здесь речь идет не обо мне, а об этих бескрылых стрекозах. Икру они, видите ли, решили метать! Будто у нас своей не хватает.



Красивый Ай подошел к Аркаше и схватил его за руку тонкими палочками пальчиков.

– Мой папа не даст меня в обиду. А если вы хотите скушать нашу икру, то вы проклятый людоед-икроед!

– Да не собирался я ничего кушать! Я ухожу и оставляю вас одних.

– Нет, – сказал Аркаша, – так нельзя. Мы не можем погубить цивилизацию целой планеты.

– Губить мы не будем, – согласился вахтер Сильвер Джонович, бывший морской пират. – Только попрошу вас доложить, что у вас произошло. Может, вы карманники какие-нибудь и за вами милиция гоняется.

Красивый Ай не понял, о чем речь, да и Шпигли с трудом объяснил слова Сильвера учителю Жи. Учитель Жи понял наконец и разрыдался. Розовые слезы покатились из его глаз, и там, где они падали на железный пол бочки или на песок, вырастали маленькие голубые цветы.

– Во дает! – сказал пират Сильвер. – За одно это я буду защищать народ коо до последней капли крови от негодяев, которые посмеют на них напасть.

А Шпигли перевел для Сильвера и Аркаши рассказ учителя Жи.

– Наша планета Коо небольшая, – рассказал учитель. – Жили мы мирно, никому не мешали, торговали с марраками и прочими соседями по нашей звездной системе. Все шло хорошо, пока у нас не высадились кластапуги.

– Это какие такие кластапуги? – спросил Сильвер. – Знавал я когда-то одного Кластапуги, был он из панамских индейцев, ходил на шхуне «Мать родная», жестокий был человек, двумя саблями дрался. Это не его ли дети?

– Даже не родственники, – ответил за учителя Жи Шпигли. – Твой Кластапуги когда и где жил? А их кластапуги – когда и где?

– Надо проверить, – упорствовал пират.

– Кластапуги, – сказал Шпигли, – по описанию учителя Жи, совсем не похожи на нас, людей.

– Ага, – сказал Сильвер. – А вы, значит, люди?

– А кто же еще!

– Я вас понял, – сказал Сильвер. – Сколько людей, столько мнений. Наверное, если бы моя покойная жена Габриэлла метала икру, я бы тоже ее человеком считал.

Все посмотрели на Сильвера, подождали – может, объяснит, что же он имеет в виду. Но Сильвер достал из кармана трубку и стал набивать ее табаком.

– Кластапуги, – продолжал Шпигли, – произошли от собак бультерьеров. Когда-то на их планете жулики, которые нечестно нажились, обокрали своих соседей, ограбили бабушек и детские приюты, построили себе дома из красного кирпича и стали бояться, что их друзья придут и их ограбят. Для защиты своих домов и нечестного богатства они вывели специальную породу собак, скрестив крокодилов с белыми крысами. Эта порода собак называется бультерьерами, а точнее, на их языке – кластапугами.

– Ой! – воскликнул Аркаша. – У нас на Земле тоже были собаки бультерьеры, только они потом друг дружку перегрызли!

– А на планете кластапугов получилось иначе. Бультерьеры объединились в стаи, грабили дома и сначала загрызли всех бедняков и честных людей, а потом принялись за богачей. Они грабили дома, уничтожали детей, стреляли в полицейских.

– Ну, это преувеличение! – сказал Аркаша. – Как собаки могут грабить дома и стрелять в полицейских?

– В этом виноваты их хозяева. Хозяева думали, что бультерьеры, то есть кластапуги, – их защитники. Поэтому они вырастили им на передних лапах пальцы с когтями и научили их стрелять. Вот и погибли. Кластапуги захватили планету, но они ведь умеют только драться и кусаться. И конечно, плодить щенков. Вот и получилось, что через несколько лет на планете стало нечего есть, и не из чего отливать пули для их автоматов, и ковать сталь для их ножей. Но ведь негодяи всегда чего-нибудь придумают. Вот кластапуги и решили захватывать другие планеты, но не убивать всех жителей, а оставлять рабов, чтобы они трудились на полях и в шахтах. Так они захватили несколько планет, куда сначала прилетали как туристы, как гости, как торговцы, а если планета их устраивала и они видели, что могут ее завоевать, они оскаливались и вонзали свои зубы в глотки жителей планеты. Так случилось и с нами... мы тоже не сообразили, какая опасность нам угрожает...

– Да, – вздохнул Сильвер. – Мы, пираты, были лучше. Захватим, ограбим и плывем дальше, а вы снова добро наживайте.

– Я бы не сказал, что это намного лучше.

– Живи и дай жить другим, – сказал Сильвер. – А вы продолжайте, продолжайте, очень интересно!

– А дальше вы все знаете. Нам удалось поднять в небо один большой корабль, на который мы погрузили детей. Мы думали, что сможем спрятаться. Но они выследили нас и догнали у самой Земли.

– Зачем же они вас убивали?! – удивился Аркаша. – Ведь никакой выгоды нет...

– Ты не понимаешь, – сказал учитель Жи. – Как все мерзавцы, кластапуги трусливы. Ведь они вывелись из рабов, которых специально науськивали, чтобы они бросались на безоружных, кусали и рвали. Кластапуги – это рабы. Подлые рабы подлых хозяев. Они предательски перебили собственных господ, а потом расплодились так, что надо было захватывать чужие земли. Но притом они очень боялись, что об их подлых поступках узнают сильные соседи. И тогда им несдобровать. Вот они и спешили уничтожить свидетелей. Чтобы никто не мог рассказать, что же произошло. Представляете, мы бы добрались до Федерации Точных? И рассказали все. Тут же был бы послан флот, чтобы освободить нашу несчастную планету.

– Но ведь они не всех убили на вашей планете? – спросил Аркаша.

– Конечно, не всех. Но тех, кто остался жив, они загнали в шахты и на заводы. И если кто-то прилетит на нашу планету, его встретят кластапуги и наврут с три короба. Скажут, например, что мы проиграли планету в карты или поменялись с кластапугами планетами – мало ли на что способен подлый враль!

– Надо лететь к вам и наводить порядок, – сказал Сильвер. – Я согласен принять командование боевым фрегатом.

– Это хорошая мысль, – вздохнул Аркаша, – но, к сожалению, глупая. Ты забыл, сколько лет прошло с тех пор?

– Сколько?

– Шестьдесят пять миллионов лет! За эти годы любая планета так изменилась, что даже ни одного океана на старом месте не найдешь. И вернее всего, на той планете уже давно нет ни кластапугов, ни коо.

– Отлично! – сказал Сильвер. – Значит, надо отправить корабль отсюда. Небольшой, хорошо вооруженный крейсер! И мы выбросим этих булей с планеты.

– И как же вы намерены протащить сюда крейсер? – спросил Шпигли. – Через какую машину времени вы это сделаете?

– Ну, я... – и Сильвер замолчал. Конечно же это был пустой разговор. Никто не сможет притащить в меловой период космический корабль!

– Мне интересно, – сказал Аркаша, – почему они здесь не высадились?

– По двум причинам, – ответил Шпигли. – Во-первых, они сразу сообразили, что эта планета еще совершенно первобытная и здесь некого угнетать. Ты же не заставишь динозавров шить тебе брюки или отливать пули!

– А вторая причина? – спросил Аркаша.

– А вторая, как мне сейчас подсказывает учитель Жи, заключается в том, что ни коо, ни кластапуги не смогли бы жить на Земле. Сила тяжести на нашей планете вдвое больше, чем на их собственной, а состав воздуха такой, что они с трудом дышат. Зачем им мучиться?

– Значит, и вам, мои дорогие насекомые, – произнес Сильвер, – пора от нас сматываться на историческую родину.

– Но как? – воскликнул Аркаша.

– Папа, придумай, ты же умный! – взмолился Красивый Ай.

Но Аркаша ничего придумать не смог.

Они сидели, молчали, думали, и вдруг Аркаша увидел, что к ним в «бочку» вползает язык воды. Он выглянул наружу и увидел, что вода в реке поднялась и уже вплотную подступила к убежищу.

С ужасом Аркаша заметил, как мимо них, белым брюхом кверху, как большое бревно, плывет первобытный крокодил. Видно, не выдержал такого холодного купания, простудился и сдох.

– Надо уходить, – сказал Аркаша.

– Ты прав, юнга, – сказал Сильвер. – Не знаю, поднимет ли нас всех ковер-самолет. Будем эвакуироваться по очереди. Сначала отвезем Аркашу и учителя Жи, а потом вернемся за остальными.

– О, нет! – закричал малыш Красивый Ай. – Я вас умоляю, не разлучайте меня с папочкой.

Он вцепился в Аркашу. И поэтому в первую очередь полетели Аркаша с Красивым Аем, а остальные коо остались их ждать.

За тот час, что прошел с тех пор, как Аркаша шел через долину, погода еще ухудшилась. Наступала холодная осенняя ночь.

– Ох, не выжить динозаврам, – сказал пират Сильвер.

Красивый Ай отчаянно вцепился коготками в ладонь Аркаши.

Глава одиннадцатая
ПОТЕРЯЛСЯ РЕБЕНОК!

Запасная машина времени таилась на скалистом острове посреди озера, по которому гуляли серые волны, украшенные барашками. Она стояла в гроте, который был выточен водой в отвесной скале, а между входом в грот и водой была лишь неширокая полоса гальки.

Сильвер опустил ковер-самолет перед входом в грот, выкурил трубочку и поднялся вновь в воздух, чтобы под проливным дождем вывезти пришельцев коо.

Попугай полетел было за ним, но через минуту возвратился и сказал:

– И охота была мне грррип заррабатывать!

Аркаша пошел в глубь грота поглядеть на машину времени.

Она оказалась точно такой же, как и та, что была разрушена в пещере: невысокая круглая платформа, на которой стоял прозрачный стакан размером со старинную телефонную будку. Внутри его находился столбик с наклонной крышкой, на которой располагался пульт управления.

– Это что, папочка? – спросил Красивый Ай.

– Это машина времени. На ней мы с тобой улетим туда, где я живу и где можно укрыться от дождя и холода.

– А там не будет так трудно ходить и дышать? – спросил малыш.

– Я думаю, что там что-нибудь для вас придумают. В беде не оставят.

– Тогда полетели туда скорее! – попросил Красивый Ай. – Я так устал здесь! Я соскучился по музыке. Ты мне купишь скрипку?

– Этого еще не хватало! – воскликнул Аркаша. – Я от своей еле отделался.

– Ты не любишь скрипку?

– Люблю, конечно, люблю, но не сейчас. Вот дождемся учителя Жи и твоих друзей и полетим в наше время. Там все будет.

– Я первым полечу, ладно? – попросил Красивый Ай.

Малыш кинулся было к машине, но его тонкие ножки подогнулись, и Аркаше пришлось его подхватить.

– Я отдохну, – сказал малыш. – Постольку поскольку здесь сухо и почти тепло...

– Жди нас, – сказал Аркаша. – А я выйду, сниму озеро и бурю. Это может пригодиться.

Он вышел наружу.

В полумраке с неба сыпался мокрый снег, и он казался белым-белым на фоне лилового неба.

Из озера высунулась морда какого-то водяного динозавра на длинной шее. Динозавр смотрел на Аркашу печально, словно просил о помощи.

– Ох, не нравится мне это! – внезапно произнес Шпигли.

– Мне тоже, – сказал Аркаша.

– Ты меня не понял, практикант, – сказал Шпигли. – Мне не нравится твой сыночек.

– Сыночек?

– Твой насекомый красавчик.

– А что такое?

Шпигли не успел ответить, потому что сзади послышался знакомый голос:

– Ну вот я тебя и нашел! Что произошло?

Аркаша обернулся.

Из грота выбежал Ричард Темпест собственной персоной, научный сотрудник Института времени.

Аркаша страшно обрадовался. Он кинулся к Ричарду и обнял его.

Ричард тоже был взволнован.

– Я уж боялся беды! – сказал он.

Ричард был не причесан, одет кое-как, словно только-только вскочил с постели.

– Какая может случиться беда, когда я рядом! – проворчал Шпигли. – Вы меня оскорбляете, коллега.

– Ничего подобного, старина Шпигли, – сказал Ричард. – Никто тебя не оскорбляет. Вы лучше скажите, что произошло? Что случилось с первой машиной времени? Почему вы здесь?

– Первая машина времени погибла, но я заблаговременно вывел из пещеры практиканта Сапожкова, – сказал Шпигли, не дав Аркаше даже рта раскрыть.

– А как вы здесь оказались?

– На ковре-самолете. Нас старина Сильвер привез, – сказал Шпигли.

– Вот этого я и боялся! – возмутился Ричард. – Ведь есть порядок: если случается что-то в прошлом времени, то дежурный по институту робот Вертер... а где, кстати, робот Вертер?

– Он на фестивале «Гостья из будущего».

– Это переходит все возможные рамки! А кто его заменил?

– Пират Сильвер!

– Я во всем виноват! – расстроился Ричард. – Гнать меня надо из Института времени! Пошел домой, лег спать, не проверив, что на дежурстве остался выживший из ума разбойник.

– Ничего подобного! – раздался с неба громовой хриплый голос. – Может, я и разбойник, но никто еще не говорил, что я выжил из ума.

Из низкого облака вывалился ковер-самолет, на котором сидели пират Сильвер и три коо – учитель Жи и два его промокших воспитанника.

Пока они спускались, Сильвер закончил свою речь:

– Мне придется вызвать тебя на дуэль, уважаемый Ричард, потому что пострадала моя честь.

Ричард в полном изумлении смотрел на насекомых с планеты Коо.

– Это беженцы, – сказал Аркаша, – мы вам все сейчас объясним.

– А почему такая погода? Это, наверное, не меловой период, а разгар ледниковой эпохи, – сказал Ричард. – Неужели произошла такая страшная ошибка?

– Никакой ошибки, – сказал Шпигли. – И вместо того, чтобы стоять на ветру и под дождем, я советую вам, мои коллеги, зайти внутрь грота и в относительной сухости все рассказать Ричарду, который умудрился все проспать.

Ричард послушно вошел в грот, и тут, у входа, глядя на бушующее озеро, Аркаша, Шпигли, Сильвер и учитель Жи, перебивая друг друга, рассказали сотруднику Института времени обо всем, что нам с вами уже отлично известно.

– Невероятное стечение обстоятельств!

Ричард внимательно слушал, перебивал, удивлялся, но в конце концов поверил и лишь сердился на Сильвера, который конечно же не имел никакого права сам хватать ковер-самолет и нестись в меловой период. Ведь он не только не знает палеонтологии и истории, но и читать еще не научился.

Сильвер не обижался и не оправдывался. Ричард бушевал, а пират медленно ходил вокруг, посасывая свою трубочку, пускал голубой дымок и постукивал деревянной ногой.

– Хорошо, – сказал наконец Ричард. – Мы продолжим разговор в тепле, тем более что я вижу – наши друзья совсем плохи, и их надо поместить в госпиталь. Там сделают искусственную силу тяжести и составят дыхательную смесь, которая им лучше всего подходит. А уж потом мы решим, что с ними делать.

Ричард выглянул в последний раз из грота. Несчастный динозавр все плавал посреди озера, подняв голову, и жалобно стонал.

– Ты все снял? – спросил Ричард у Аркаши.

– Я старался.

– Надеюсь, ты понимаешь, какую ценность для мировой науки представляет твой фильм?

– Он слабо себе представляет, – пожаловался Шпигли. – И если бы я ему постоянно не напоминал, он забывал бы нажимать на кнопку.

Это было неправдой, но Аркаша уже изучил характер своего охранника и не обращал внимания на его странности.

Он уже стал беспокоиться, перенесут ли коо путешествие в шестьдесят пять миллионов лет. Они казались совсем слабыми, не просто насекомыми, а тенями насекомых.

Ричард подошел к машине времени и посмотрел на показания пульта.

– Странно, – сказал он. – Последним, если не ошибаюсь, было перемещение сюда, а прибор показывает, что я перемещался отсюда в будущее.

Аркаша слушал Ричарда вполуха, он искал глазами Красивого Ая. Куда задевалось негодное создание?

В гроте его не было.

Аркаша уже научился различать коо – обе сестренки Красивого Ая (а может, его братья?) были поменьше ростом с более темными глазами. К тому же один из братьев носил на голове красный обруч, а у второго на щеке был нарисован желтый кружочек.

– Учитель Жи, – спросил он, – а где же ваш ученик Красивый Ай?

– Этот вопрос я могу переадресовать вам, – ответил с помощью Шпигли учитель. – Ведь вы прилетели с ним сюда на остров и оставались тут, пока уважаемый разбойник Сильвер Джонович изволил летать за нами.

В гроте наступила тягостная тишина.

– Никуда он не мог деться, – сказал наконец Сильвер. – Сейчас мы его найдем. Он же еле ноги передвигает.

Пират обошел грот, который был, впрочем, невелик, но никакого коо не нашел. Он даже заглянул в узкую щель в стене, куда и палец не входил, и спросил у учителя Жи:

– А ваша натура какая? Залезть в замочную скважину сможете?

– Вам кажется, что мы червяки, – ответил учитель Жи. – Но это не совсем так. Мы очень жесткие, как в теле, так и в принципах.

– Тогда простите, – сказал Сильвер. – Но, наверное, ваш Ай вылез наружу и утоп в озере.

Все взволновались и выбежали на берег.

Но далеко им бежать не пришлось, потому что на берегу, перекрывая вход в грот, лежал очень большой водяной динозавр, у которого вместо передних лап были ласты. Динозавр прижался к скале, чтобы не было так холодно от ветра, который гулял над озером. Он тихо ныл, и порой по его длинному, как подводная лодка, телу прокатывалась волна дрожи.

– Давай ползи отсюда! – воскликнул грубый пират Сильвер. – Не видишь разве, что мы ребенка потеряли?

Но динозавр и не подумал уходить. Он склонил голову к гроту и разглядывал Сильвера, как будто тот был надоедливым насекомым.

– Как жалко, что у нас нет для него одеяла, – сказал Аркаша.

– Так бы мы с тобой его и таскали, – ответил Шпигли. – А здесь, кстати, динозавров несколько миллионов, если не миллиард – на всех одеял не напасешься!

Положение спас пиратский попугай. Он вылетел из грота, подлетел к голове динозавра и принялся легонько клевать его в ухо.

Динозавр взвыл.

– Ему щекотно, – сказал Шпигли, – а он не выносит чесотки и щекотки. Откуда попугай об этом догадался?

Попугай уловил вопрос Шпигли и ответил:

– А я в цирке работал. Со слонами и крупными хищниками. Меня дрессировщик всегда ко львам и слонам подпускал, чтобы их на арену выгнать. Пощекочешь, вот он и бежит.

Упираясь ластами и короткими задними лапами, несчастный динозавр с трудом приподнялся и пополз к бушующему озеру.

Все разбежались по берегу, звали Красивого Ая, но его нигде не было.

И тут из пещеры послышался голос Ричарда, который в мирном сражении с динозавром участия не принимал.

– Кажется, я все понял, – сказал он, когда все прибежали в грот. – Смотрите, здесь показания масс, перемещенных сюда и отсюда.

Все сгрудились возле машины времени.

– Вот сумма поступлений сюда за сегодняшний день. Видите: одна масса в сто килограммов, включая кусок дерева весом в двенадцать килограммов.

– Это я, – сообщил пират Сильвер.

– Смотрите, вот еще одна масса – четыреста граммов!

– А это я, – догадался попугай. – Карррамба!

– И тут мы видим, как кто-то воспользовался машиной времени для встречного движения. То есть некто весом в двенадцать килограммов перелетел из мелового периода в нашу эпоху. И это мог быть только ваш Красивый Ай. А вот и последний перелет: семьдесят два кило – ваш покорный слуга.

– Ну и отлично, – сказал Сильвер. – По крайней мере, мальчик жив.

– Я же предупреждал тебя! – сказал Шпигли, который, видно, чувствовал свою вину, что не проследил за мыслями насекомого. – Я пре-

дупреждал тебя, практикант, что пришелец что-то задумал, но мы были снаружи, и каменная скала мешала мне слушать его мысли...

– Все равно нам надо возвращаться обратно, – сказал Ричард. – А там мы разберемся. Представляю, что сейчас творится в институте! Они как раз все на работу вышли, утро, солнышко встает – Темпеста нет, Сильвера нет, даже попугая нет, а вместо них пришелец неизвестного происхождения.

Ричард засмеялся, но, кроме Аркаши, никто его не поддержал.

Затем Ричард выглянул наружу и сказал:

– Аркаша, дай-ка мне камеру.

– Возьмите. – Аркаша отдал камеру, но спросил: – А зачем она вам? Я все, что надо, снимал.

– Пока вы перебираетесь в наше время, я возьму ковер-самолет и сгоняю к месту взрыва космического корабля коо.

– Это опасно, – сказал Шпигли. – Там высокая радиация.

– Я пролечу на большой высоте. Ничего не случится. Если не снять сейчас, может статься, что снова в этот век мы уже не попадем. Ведь, считайте, Аркаше повезло, что он увидел момент гибели динозавров.

– А вы знаете, почему это произошло? – спросил Аркаша.

– Когда возвратимся домой, я все расскажу. У меня есть гипотеза, только надо найти ей подтверждения. Сильвер, займись переброской людей. Меня не ждать!

– Слушаюсь, адмирал! – Сильвер отдал честь Ричарду. Конечно, он шутил. Он был на триста лет старше Ричарда и за жизнь нахулиганил на всех морях и океанах. Но за свое место в Институте времени он держался. Все-таки при деле! А больше всего на свете пират боялся, что его отправят на пенсию.

Ричард вышел наружу, и Аркаша увидел, как взлетает маленький ковер-самолет.

– Значит, так, – заявил пират Сильвер, страшно гордый тем, что он командует ответственной операцией. – Первым идет Аркаша.

– Нет, – сказал Шпигли. – Первым иду я с практикантом Сапожковым.

– А разве это не одно и то же?

– Все зависит от правильной точки зрения, – сказал Шпигли.

– Ну ладно, пускай будет по-твоему. Первым идет Аркаша со своим охранником Шпигли.

Шпигли обиженно вздохнул, но больше спорить не посмел.

– Затем, когда Аркаша убедится, что там все в порядке, мы запускаем пришельцев. По восходящей.

– Что значит «по восходящей»? – спросил учитель Жи.

– Сначала самый маленький, потом средний, а потом вы, – ответил Сильвер. – Последним иду я. Линию мы не закрываем и ждем возвращения адмирала Темпеста. Участникам переброски все понятно?

– Так точно! – сказал Шпигли. – Я иду первым, затем пришельцы, а в конце капитан Сильвер Джонович.

– Примерно так, – согласился пират. Он тоже знал, каким упрямым бывает браслетик.

Он подошел к пульту и широким жестом пригласил Аркашу сделать шаг вперед.

Глава двенадцатая
И БОЧОНОК РОМА!

Возвращение домой прошло без приключений.

Один за другим все путешественники во времени собрались в круглом зале Института времени вокруг прозрачной кабины.

Там их уже ждали: робот Вертер, которого срочно вызвали с конференции. Директор института академик Миль-Пардон. Комиссар Интергалактической полиции Милодар, восемь журналистов, шесть докторов и неизвестно как проникший в институт Пашка Гераскин из Аркашиного класса.

Аркашу хотели сразу же тащить в медпункт, чтобы сушить, отогревать и пичкать лекарствами, но он конечно же отказался, пока все не выяснится с пришельцами коо.

А так как встречающие конечно же ничего не знали, кроме того, что основная машина времени погибла и Аркаше со Шпигли пришлось преодолеть много километров до запасной машины, Аркаша в двух словах рассказал о том, что произошло с ним, Землей, динозаврами и космическими пришельцами шестьдесят пять миллионов лет назад.

Так что когда из машины вышел первый из пришельцев, все были к этому готовы, и его немедленно начали обследовать, чтобы тут же соорудить специальную камеру с нужным давлением и воздухом для беглецов.

Аркаша понял, что все в первый раз видят детей коо, и спросил:

– А разве только что не прилетел сюда точно такой же мальчик?

– Нет, – хором ответили встречающие.

– Не может быть! – воскликнул Аркаша. – Он улетел оттуда полчаса назад!

– А почему ты думаешь, что он прилетел именно сюда? Разве он умеет обращаться с машиной? Ведь точность перелета зависит от многих причин! А попасть в конкретный день или даже год, если ты путешествуешь за шестьдесят пять миллионов лет, очень трудно.

– Ах! – воскликнул Аркаша. – Я все понял! Он здесь уже давно!

– Как так давно?

– Я его видел перед отлетом, но ничего не понял, потому что думал, что вижу в первый раз. Вы можете спросить у моей подруги Алисы Селезневой. Три дня назад он подошел к нам на улице и хотел, чтобы я был его папой. Несчастный ребенок! А я его отогнал и передал в Патруль-12.

Робот Вертер тут же соединился с Патрулем-12, и там сказали, что у них третьи сутки содержится непонятный пришелец, чувствует себя плохо, совсем ничего не ест, врачи боятся за его жизнь.

– Немедленно доставьте его сюда! – воскликнул директор института академик Миль-Пардон. – Мы готовим специальное помещение для этих существ.

Потом он повернулся к своему заместителю и сказал:

– Немедленно проверьте, как могло получиться, что два или три дня назад к нам из мелового периода проник пришелец, и никто его не заметил.

– Но ведь была же новогодняя ночь! – ответил заместитель. – Мы пили шампанское.

– Все уволены! – крикнул директор. И ушел из зала.

А комиссар ИнтерГалактической полиции Милодар вынул диктофон и сказал:

– Запишем фамилии всех, кто встречал Новый год в институте. Мне с ними хочется поговорить.

Настроение у всех немного испортилось, но тут из машины вышел еще один пришелец, а пока Аркаша рассказывал о своих приключениях, прилетел и учитель Жи. Последним появился пират Сильвер на деревянной ноге.

Никто не расходился. Ждали, когда вернется Ричард.

Сильвер спросил:

– Красивого Ая нашли?

– Нашли, но не здесь. Он, оказывается, неточно нажал на кнопку и прилетел три дня назад, в новогоднюю ночь.

– А где же все были? – спросил Сильвер.

– Наверное, где и вы, – сказал Шпигли. – За торжественным праздничным столом.

– Ничего подобного! – сказал Сильвер. – Как я есть вахтер и охрана научного учреждения, я никогда не пью шампанское в институте.

– Так где же вы были в новогоднюю ночь? – спросил комиссар Милодар.

– Будучи свободен, так как была не моя смена, я находился в своей комнате и учился читать по-китайски.

– Зачем? – спросил Милодар.

– А вдруг к нам приедет китайская делегация? – ответил Сильвер. – Кто им все покажет, кто к директору проведет?

И тогда сверху раздался голос директора, который конечно же из своего кабинета наблюдал за всеми событиями в институте.

– Вахтер Сильвер, – сказал он. – За образцовое несение службы, изучение китайского языка, спасение практиканта и инопланетян вы производитесь из вахтеров в главные вахтеры института и получаете мою личную благодарность.

– Рад стараться! – воскликнул Сильвер и притопнул деревянной ногой.

– Кроме того, я награждаю вас премией – большим русско-китайским словарем. И чем еще?

– Бутылкой рома! – ответил Сильвер.

– Вы не угадали, главный вахтер! Бочонком рома. Бочонком ямайского рома!

– Что ж, – сказал пират, и по его щеке скатилась слеза, – стоит жить и трудиться стоит!

Из машины вышел Ричард Темпест. Его трясло от холода, одежда обледенела, под мышкой он держал скатанный в рулон ковер-самолет, с которого на пол лилась ледяная вода.

К Ричарду кинулись врачи, но он остановил их и спросил:

– Все в порядке? Где Красивый Ай?

– Мальчик нашелся, – ответил комиссар Милодар. – Сейчас его доставят. Камера для коо скоро будет готова.

– Хорошо еще, что все хорошо кончилось, – раздался из-под потолка голос директора института. – Так что вы, Ричард, отделались выговором.

– Я признаю свою вину, – согласился Ричард. – Можно пойти высушиться и переодеться?

– Если больше вам нечего сказать, то идите.

– Единственное, что я хотел бы добавить, – произнес тогда Ричард, – что наш практикант Аркадий Сапожков сделал великое открытие. Теперь мы знаем, отчего вымерли динозавры.

Аркаша открыл было рот, чтобы сказать: «Я не сделал никакого открытия!»

Но Шпигли беззвучно зашипел:

– Молчи. Никогда не отказывайся от открытий и достижений. Если Ричард говорит, что открыл, значит, открыл.

И тут же Шпигли продолжил вслух:

– К сожалению, сотрудник Темпест забыл, что мы путешествовали вдвоем с практикантом Сапожковым и вместе переносили все опасно-

сти и тяготы этого похода. Так что я с благодарностью разделяю заслуги Аркаши.

В институте все знали характер Шпигли, так что в ответ на его слова раздался веселый смех.

Ричард сказал:

– Завтра, Аркаша, я приду к тебе в класс, и мы обо всем расскажем твоим друзьям.

Как и обещал, Ричард на следующий день пришел в класс.

Каролина Павловна хотела уступить ему свое место и сесть в классе, но Ричард сказал, что сначала полезно послушать Аркашу Сапожкова, потому что он успешно прошел историческую практику и сделал большое открытие.

Аркаша смутился и покраснел. Он так и не знал, в чем же состоит его открытие. И когда вчера вечером дедушка, бабушка, мама, братья и сестры – вся семья, кроме папы, который никогда не задает вопросов, потому что все вопросы за него задает мама, допрашивала Аркашу, что же он открыл, он смог ответить, что увидел много интересного, но так и не догадался, отчего вымерли динозавры.

Вот и сейчас он смотрел на своих друзей. Он им все рассказал. И о космическом сражении, о дождях, о холоде – обо всем. Но почему вымерли динозавры?

– От холода, – сказала Алиса.

– Еще шаг, еще немножко! – воскликнул Ричард. Он сморкался, не смог сразу отделаться от простуды. На его запястье был меховой браслет – ну разве такой разговор обойдется без Шпигли?

– А вы догадались? – спросила Каролина Павловна.

– Такая гипотеза существовала давно, – сказал Ричард. – Некоторые ученые догадывались о правде еще сто лет назад. Но Аркадий увидел событие собственными глазами и снял бессмертный фильм! Он наверняка будет показан во всем мире. И будет называться «Гибель эпохи».

– Не уверен, – сказал Шпигли, – мне еще надо подумать.

– Тогда расскажите нам обо всем, – попросила Маша Белая. Она уже приготовила блокнот, и на его экране появились буквы «Гибель эпохи».

– Что случилось шестьдесят пять миллионов лет назад? – задал вопрос Ричард. И сам на него ответил: – У самой поверхности Земли взорвался колоссальный космический корабль. Это был удар даже более сильный, чем от столкновения Земли с большим астероидом. От этого удара

в воздух поднялось облако пыли, нарушился состав атмосферы, скрылось солнце, даже ось Земли немного сместилась. Опасная радиация проникла во все концы нашей планеты. Но главное, конечно, – солнечные лучи перестали достигать Земли. И температура резко упала. А ведь динозавры жили в теплом, мягком климате, на них не было шерсти, в большинстве своем они даже были холоднокровными и зависели от температуры воздуха. Страшная перемена климата погубила не только самих динозавров, но и их потомство – из их яиц уже не смогли вывестись малыши... Только маленькие, шустрые, покрытые шерстью млекопитающие смогли уцелеть... А Аркаша не только все увидел, но, главное, снял обо всем фильм.

– Ну, каждый на его месте сделал бы то же самое! – сказал Пашка Гераскин. – Ведь он не виноват, что так удачно угодил в самую серединку событий.

– Я не знаю, как ты будешь вести себя в такой ситуации, – сказал Ричард. – Мы посмотрим.

– А я согласен с высокой оценкой нашей с практикантом работы. И прошу не забывать, что в это же время мы успели совершить подвиг и спасти население целой планеты Коо.

Все захлопали в ладоши, хотя Пашка Гераскин хлопал не очень сильно, он немного завидовал своему другу и очень надеялся, что завтра, когда он отправится отгадывать свою историческую тайну, на его долю тоже выпадут подвиги почище Аркашиных.

Потом Джавад Рахимов спросил:

– А что же будет дальше с насекомыми?

– Они сейчас находятся в специальной камере, где для них подобрали состав воздуха и давление. А Центральный галактический компьютер уже нашел для них небольшую мирную планету, которая отлично им подойдет. Жители той планеты вовсе не возражают против того, что коо будут жить вместе с ними. Так что не надо беспокоиться.

Ребята пошли провожать Ричарда к выходу.

И когда они уже были на ступеньках школы, то увидели, что к школе ковыляет странное существо, похожее на насекомое, – с четырьмя тонкими ручками и двумя ножками. Головка у него муравьиная, но мохнатая, а глаза золотые и круглые.

– О, папа! – захрипело существо, увидев Аркашу. – Постольку поскольку я тебя нашел, пожалуйста, запиши мой адрес. Меня с тобой разлучают!

Аркаша обнял несчастного ребенка и сказал:

– Я уже знаю, что у вас будет новая хорошая планета.

– Но у меня не будет папы!

– Я обещаю, что я к тебе прилечу.

– Ты лучше обещай, что перебьешь всех злобных кластапугов! Ты ведь все можешь!

– Я постараюсь, – сказал Аркаша.

Он поднял своего приемного сына и передал его Ричарду.

Все они стояли на ступеньках школы и махали вслед Ричарду, который улетал к себе в институт заниматься научной работой и увозил несчастного ребенка с планеты Коо.

– Когда нужно будет разгромить этих псов кластапугов, – сказал Пашка, – не забудь меня позвать! Люблю наводить справедливость и освобождать угнетенных.

Пашка-троглодит

Глава первая
РОБОТ НАОБОРОТ

На окраине Москвы, на краю Грибного леса, возле Земляничной поляны стоит Институт времени.

Издали он кажется невысоким, длинным и даже скучным зданием, таким обыкновенным, что на него второй раз и глядеть не станешь.

Вот это будет ошибкой.

... Дверь открылась, пропустив Пашку Гераскина внутрь. Он оказался лицом к лицу с вахтером, пожилым мужчиной с черной повязкой на глазу и багровым шрамом на щеке. Одна нога у вахтера была деревянной, на второй красовался башмак с серебряной пряжкой.

Правда, в остальном вахтер был одет обыкновенно: в синий мундир и фуражку с золотым гербом Института времени – золотой змеей, свернувшейся в клубок и кусающей собственный хвост. Пашка знал, что эта змея – символ Вечности.

– Привет тебе, племя младое и незнакомое, – сказал вахтер. – Небось на практику спешишь?

– Здравствуйте, – ответил Пашка. – Я никуда не спешу. А вообще вы правы – у нас практика по истории.

– Поздравляю, – сказал вахтер. – Люблю новичков. Может, понравится – останешься у нас навсегда.

– Вряд ли, – хмыкнул Пашка. – Я больше люблю космическую биологию. Там приключений больше.

– Неужели в истории тебе приключений недостаточно? Разве плохо стать рыцарем и сражаться на турнире?

Видно, вахтер был наблюдательным человеком и поэтому сразу раскусил, что Пашка в душе – страшный авантюрист.

– Сражался я на турнирах, – сказал Пашка небрежно. – Свалил пару рыцарей, одного барона приложил головой о землю. Нет, скучновато.

– Ясно, – согласился вахтер. – Тогда тебе и в самом деле у нас неинтересно. Но практика есть практика. Никуда не денешься.

Вахтер вытащил из тумбы, стоявшей при входе, большую темно-зеленую бутыль, на которой было написано «Ром». Вытащил пробку и отпил прямо из горлышка.

Пашка понял, что вахтер – самый настоящий пират. Это может плохо кончиться для Института времени.

Но он и виду не подал, что догадался. Молчал как каменный. Вот встретится с надежным человеком, тогда откроет ему глаза.

Вахтер пробкой заткнул бутыль и кинул ее не глядя обратно в тумбочку.

– Значит, тебе к Ричарду Темпесту? – спросил он.

– А вы откуда знаете?

– Меня для того здесь и держат, – сказал одноногий пират, – чтобы все знать. Например, знать, что тебя, мальчик, зовут Пашкой Гераскиным, а выбрал ты для практики первобытную эпоху, потому что тебе очень хочется собственными руками убить мамонта.

– Откуда?.. Быть того не может! – воскликнул Пашка. – Я даже маме не сказал. Я вообще никому об этом не говорил.

– Но ведь подумал, – ответил пират и захохотал, показывая три оставшихся зуба. – Нам этого достаточно. Кстати, только попробуй поднять руку на мамонта – я лично в первобытную эпоху отправлюсь, чтобы тебе уши надрать.

Наверное, вахтер нажал какую-то кнопку или просто говорил так громко, что его голос был слышен по всему институту. Не успел он закончить свою грозную речь, как в коридоре показался худой, лохматый, подвижный, как ртуть, младший научный сотрудник Ричард, старый друг Пашки и Алисы Селезневой.

– Сильвер Джонович, зачем вы так запугиваете практикантов? – спросил Ричард. – Посмотрите, на ребенке лица нет.

– Нет лица? – Пират наклонился к Пашке, потрогал жестким указательным пальцем кончик его носа и заявил: – Ошибаетесь, гражданин младший научный, – есть лицо, но глупое.

Ричард взял Пашку за руку и потащил прочь от вахтера.

– Ты на него не обижайся, – говорил он на ходу. – Что с него взять? Дикое существо, прибежал к нам из своего времени, спасаясь от расправы. Его приятели хотели зарезать. Мы весь институт перевернули, искали его, а он прятался в вентиляционной трубе. Чудом остался жив. В общем, не удалось нам от него отделаться – пристроили на работу, он и старается.

– Он что, телепат? – спросил Пашка. – Откуда он узнал, что я хочу в первобытную эпоху попасть и на мамонта охотиться?

– А он ночью к компьютеру подключился и запомнил все, что у нас есть о практикантах.

Пашка не стал объяснять Ричарду, что тот ошибается. Ни в каком компьютере нет сведений о Пашкиной мечте, которой он ни с кем не успел поделиться.

В кабинете Ричарда был беспорядок. Непроходимый, окончательный и такой дикий, что только сам Ричард мог в нем разобраться.

Как-то года два назад случился страшный скандал. Взяли на работу нового робота-уборщика, старательного, молодого, только что с завода. Робота никто не предупредил, что к Ричарду в кабинет лучше не соваться, а самого Ричарда в Москве не было – он как раз уехал в экспедицию в какие-то дальние страны и времена.

Вернулся Ричард рано утром. В институте – только вахтер Сильвер Джонович, который мирно храпит на диванчике у дверей. Сильвер потом и рассказал удивленным сотрудникам института, что произошло.

Вернулся Ричард и сразу пошел к себе в кабинет. И тут увидел, что в кабинете у него идеальная чистота, порядок, каждая бумажка лежит, подобранная по размеру, каждая книжка уместилась на полке, а каждая кассета стоит на месте.

Ричард не только рассердился. Он пришел в ужас. Он понял, что никогда ничего не сможет отыскать в своем кабинете. Что ему придется теперь уйти из института, начать жизнь сначала, а может, даже повеситься.

И вот в этот момент в кабинет вошел робот-уборщик, страшно гордый и довольный, и спросил:

– Ну как вам понравилась моя работа? Я возился целый день. Зато теперь все разложено по порядку, по размеру и даже по цвету.

– Ах это ты, мерзавец! – закричал Ричард.

Вахтер Сильвер Джонович проснулся от этого дикого крика, побежал к Ричарду в кабинет и увидел, что из открытой двери вылетают какие-то металлические детали – оказывается, Ричард напал на робота и разобрал его на части.

Как вы знаете, нападать на роботов нельзя, так поступают только дикари. Робот – всего-навсего машина, хоть и разумная. Роботы стараются помочь людям. Убить робота – все равно что убить собаку за то, что она лаяла ночью и мешала тебе спать. А ведь собака лаяла, чтобы отпугнуть воров.

Сильвер еле успел спасти остатки робота от гнева младшего научного сотрудника. А Ричард все никак не мог успокоиться и повторял:

– А как же я теперь? А что же мне делать?

– Ничего особенного, – сказал Сильвер. – Посиди спокойно, выпей чаю. Я тебе помогу.

Сильвер всегда всем помогал. Он говорил, что, пока был пиратом, сильно набедокурил и убил множество невинных моряков. И теперь он хочет трудом искупить свою вину перед человечеством.

Ричард не мог сидеть на месте и пошел в Грибной лес за опятами.

А вахтер собрал по углам куски робота и начал над ними мудрить. Долго ли, коротко ли, но, когда Ричард вернулся к вечеру из леса, вахтер уже мирно храпел на диванчике у дверей, а рядом стояла пустая бутылка из-под рома.

– Ни на кого нельзя надеяться, – вздохнув, произнес Ричард.

Было воскресенье, институт был совсем пуст, лучи закатного солнца пробивались сквозь прикрытые шторы. Ричард поднялся в свой кабинет, остановился на пороге, не смея открыть дверь. Наконец пересилил себя и открыл.

И чуть не грохнулся на пол от удивления.

В кабинете был сказочный, невероятный, невообразимый беспорядок, но Ричард сразу понял: теперь он опять точно знает, где что лежит.

– Сильвер! – закричал Ричард. – Как ты это сделал?

Он с грохотом сбежал по лестнице, и вахтер проснулся от шума.

– Ну вот, – проворчал Сильвер, – поспать человеку не дадут.

– Как? Ты? Это? Сделал? – вопил Ричард. – Признавайся!

– Да очень просто, – ответил вахтер. – Я собрал робота задом наперед. И пустил его с такой вот «перевернутой» программой. Так что ему ничего не оставалось, как снова устроить в твоем кабинете беспорядок. Понятно?

Ричард покачал головой. О таком он еще не слышал.

– Не веришь? – усмехнулся вахтер. – Оглянись, только не пугайся.

Мимо них задом наперед шагал несчастный робот.

– А ему не больно? – спросил Ричард.

– Раньше надо было думать, – сказал вахтер.

– Магулсу мишав к, – произнес робот.

Ричард не сразу сообразил, как это перевести, а когда сообразил, расхохотался и долго не мог остановиться.

– Перед тем как заняться практикой, надо, чтобы ты выучил теорию, – объявил Пашке Ричард, когда они уселись в его кабинете возле компьютера. Экран монитора занимал всю стену.

– Еще не хватало!

– Если ты решил стать ученым, – терпеливо сказал Ричард, – ты должен знать, что наука состоит из теории и практики. Сначала нужно выучить формулы, уравнения, запомнить даты и зазубрить правила. И только когда ты все будешь знать, начнется практика, то есть проверка теории. Например, ты решил побывать у первобытных людей, чтобы посмотреть, как они охотятся на мамонтов, и снять об этом фильм.

– Какая же это практика? – засмеялся Пашка. – Вот когда я сам пойду на охоту...

– Постарайся этого не делать, – сказал Ричард. – За вас, практикантов, в институте все дрожат. А вдруг вы попадете в беду или натворите что-нибудь?

– Если бы все было так опасно, нас никто не пустил бы, – уверенно возразил Пашка. – Я же знаю ваши правила: ребенок должен находиться в безопасности. В абсолютной безопасности.

– Абсолютной безопасности, к сожалению, не бывает даже в собственной постели. Там тебя может комар укусить.

– Все равно вы увешаете меня всякими мониторами и датчиками, и буду я ходить как новогодняя елка – туда нельзя, этого тебе, мальчик, делать не положено, руки на стол!

– Ну, не так уж все трагично, – сказал Ричард. – Мы имеем дело с разумными отроками, а не с маленькими детьми. Вы все понимаете. Вы же собираетесь стать учеными.

– Когда это еще будет, – вздохнул Пашка. – А пока приходится подчиняться вам, взрослым. Не дождусь, когда вырасту!

– Не торопись, мой друг, – сказал Ричард. – Вырастешь – станешь жалеть, что детство прошло так бессмысленно. А там и жизнь проскочит. – Ричард включил большой экран, – Итак, твоя задача – попасть в каменный век, к первобытным людям, к троглодитам, как их раньше называли...

– Хорошее название, – одобрил Пашка. – Проглодит! Троглодит, троглодит крокодила проглотит!

– Не смешно, – заметил Ричард. – Продолжаем урок. Троглодит – это пещерный человек. Мы будем пользоваться фильмами, которые сняли наши сотрудники.

– Они там были? – Пашка был разочарован.

– А ты думал, что станешь еще одним Колумбом и откроешь новую Америку? Нет, наши сотрудники уже побывали в разных местах.

– Зачем же тогда мне снимать фильм, – спросил Пашка, – раз его сняли?

– Смешной ты человек! Если рассуждать по-твоему, то больше и книжек писать не надо?

– Почему?

– Потому что одну книжку уже написали. И картину нарисовали, и кино сняли, и стихи сложили.

– Но ведь это документальное кино!

– Нет, не совсем документальное. Сейчас я тебе все объясню. Наши сотрудники летали в первобытное прошлое ненадолго. А ты будешь жить среди троглодитов, спать возле них, ходить с ними на охоту...

– Вот именно!

– И у тебя будет время снять очень хороший фильм, чтобы его не только в институте, но и в школах на уроках истории показывали. И все бы удивлялись: кто же это такой талантливый оператор?

Пашка даже смутился. Немного смутился, потому что сильно смущаться он не умел.

– Может, и не получится ничего, – сказал он. – Может, зря вы меня хвалите. – Но мысль стать знаменитым кинооператором ему понравилась. – Ладно, давай показывай, что там до меня сняли. По крайней мере, буду знать, чего мне уже снимать не надо.

– Начнем сначала, – сказал Ричард. – Вдруг ты что-нибудь забыл.

– Или не знал, – великодушно произнес Пашка.

Глава вторая
НАШИ МОХНАТЫЕ ПРЕДКИ

– Конечно, тебе, Пашка, хотелось бы сейчас с копьем в руке выйти в древние степи и сразиться с саблезубым тигром. Я тебя правильно понимаю? – спросил Ричард.

– Приблизительно, – сказал Пашка.

– Но тебе придется провести полчаса в этой комнате, чтобы усвоить некоторые очень важные вещи. Ведь любой исследователь – это разведчик. Ты должен будешь жить среди совершенно незнакомых людей, чтобы потом рассказать о них нам, твоим современникам. Но если ты заранее ничего об этих людях не узнаешь, они сразу догадаются, что ты чужой, и отрежут тебе голову.

– Ну уж, голову!

– В лучшем случае они тебя выгонят. Ведь невежливо идти в гости, не выяснив, как зовут хозяев.

– Я не маленький, понимаю, – сказал Пашка. – Но и ты меня пойми! Я жду не дождусь, когда окончу школу, и никто не будет гонять меня на уроки и заставлять писать контрольные, а то и экзамены сдавать. И вот пожалуйста. Я пришел в ваш Институт времени, а ты мне собираешься лекции читать.

– Неужели тебе не интересно узнать, куда ты отправляешься? Ведь это было удивительное время – на Земле появился человек!

– Мне все интересно, – ответил Пашка. – Но я человек действия.

– Вот и оставайся в первобытной эпохе. Там такие нужны. Взял дубину и пошел на охоту или на драку с соседним племенем. Можешь даже забыть, что дважды два – четыре.

– Я пошутил, – сказал Пашка. – Мне интересно, начинай. Только, пожалуйста, недолго. А то все мамонты вымрут, пока меня дождутся.

Ричард включил экран. Фильм был снят на стереопленке, и Пашке показалось, что в кабинете начал расти тропический лес, а сам он, Пашка, летит над вершинами деревьев, а затем спускается и ныряет в темную густую листву. Сразу стало еще темнее. Лучи солнца с трудом пробивались внутрь. Отовсюду слышны были оглушительное пение птиц, стрекот насекомых, крики животных.

«В великих тропических лесах как сегодня, так и миллионы лет назад жизнь кипела наверху, в листве, ближе к свету. До земли свет почти не доходил, и потому там не было почти никакой растительности, царили вечный полумрак, духота и влажность. В таком месте хорошо чувствовали себя змеи и жабы».

Фильм был не только со стереоизображением и стереозвуком – он пере-

давал запахи и даже дуновение ветра. Поэтому Пашка сразу почувствовал, каково побывать на самом дне многоэтажного тропического леса.

«Много миллионов лет назад, – продолжал голос за кадром, – в листве тропического леса обитало небольшое, размером с кошку, животное, похожее, правда, на белку, а может быть, на лемура с острова Мадагаскар. Вот это животное, которое называют нотарктусом, и стало предком человека».

Нотарктус посмотрел на Пашку и скрылся в густой листве столь поспешно, словно его не устраивал такой потомок.

– Стой! – возмутился Пашка. – Я с детства знаю, что человек произошел от обезьяны. Об этом еще Чарлз Дарвин говорил.

– Во-первых, – сказал Ричард, – Чарлз Дарвин этого никогда не говорил, хотя бы потому, что человек не произошел от обезьяны.

– А от кого же он произошел? От этой кошки?

– Нотарктус – общий предок и человека и обезьяны; он жил так давно, когда еще не было не только обезьян, но и никого на них похожего.

Кошачья мордочка общего предка еще раз мелькнула в листве.

– Но прошли миллионы лет, и потомки нотарктуса научились отлично лазить по ветвям, у них были цепкие лапы, а длинным хвостом они помогали себе держаться за ветки. Существовало множество различных зверюшек такого рода, некоторые из них подросли, научились собираться в стаи, стали иногда спускаться на землю. В общем, они оказались сообразительнее других зверей, поэтому, когда климат изменился и стало суше, они смогли покинуть лес и перейти жить в саванну. Ты знаешь, что такое саванна?

– Знаю, – сказал Паша. – Это африканская степь, по которой расставлены баобабы, а между ними гуляют львы и зебры.

– Почти правильный ответ, – согласился Ричард. – Договоримся, что саванна – это лесостепь. И вот в этой саванне стали жить наши предки.

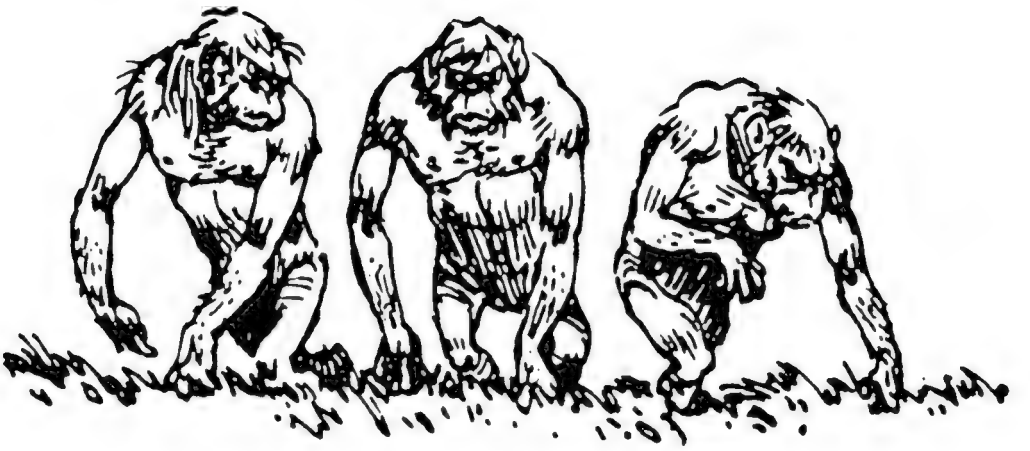
– Обезьяны?

– Нет, как раз в те времена и произошло разделение: предки обезьян остались в лесу, на деревьях, а наши предки вышли на открытое пространство. Обезьяне, чтобы передвигаться в лесу, нужны все четыре лапы и цепкий хвост, а нашим предкам хвост уже был не нужен. Куда важнее в степи далеко видеть. И вот наши предки встали на задние лапы. Видеть они смогли дальше, к тому же передние лапы у них освободились. А теперь смотри...

Ричард снова включил экран.

Картина на нем изменилась. Широко раскинулась саванна, поросшая высокой травой. Недалеко от Пашки, раздвигая высокую траву, шли три существа, похожие на обезьян, но все же не обезьяны. Причем отличались они от обезьян не столько видом, сколько повадками.

Они шли согнувшись, руки их, скрытые травой, наверное, почти касались земли, но все же существа не опускались на четыре конечности – они уже привыкли ходить как люди.



Вдруг все трое замерли – впереди, метрах в двадцати, на большой валун опустилась птица, похожая на голубя, и принялась вертеть головой.

– Далеко, – сказал Пашка. – Не допрыгнут.

Одно из существ подняло лапу с зажатым в пальцах камнем. Ловко и с силой обезьяночеловек кинул камень, и птица упала. Заверещав, предки кинулись к ней.

– Ты недооцениваешь своего дедушку, Паша, – заметил Ричард.

Пашка, конечно, шутку понял, но сделал вид, что не понял, и сказал:

– Мой дедушка был путешественником и никогда не выходил из дома без очков.

«Останки таких отдаленных предков людей, называемых гоминидами, найдены во множестве, – произнес голос за кадром: диктор тем временем продолжал объяснять Пашке то, что происходит на экране, словно Пашка и сам этого не видел. – Но чаще всего они встречаются в Африке. Африку считают колыбелью человечества».

Диктор рассказывал о том, какие экспедиции там работали, как были найдены кости этих гоминидов. Сначала Пашка заинтересовался, но, честно говоря, скоро заскучал и лишь покорно ждал, когда же кончится теория и можно будет перейти к практике.

Видно, он был не первым практикантом у Ричарда. Тот заметил, что Пашка отвлекся, и спросил:

– Может, сделаем перерыв, и ты немножко погуляешь?

Пашке стало стыдно, что он ведет себя как ребенок. Он сразу сосредоточился и попросил Ричарда рассказывать дальше.

– И тут наступил ледниковый период, – сказал Ричард таким голосом, что Пашке даже стало зябко. – Что ты знаешь о ледниковом периоде?

– Тогда везде были ледники, а между ними ходили мамонты, – ответил Пашка.

– Абсолютно не научный ответ! – возмутился Ричард. – Если бы я ничего не знал о ледниковых периодах, то из твоего ответа ничего и не узнал бы. Смотри и слушай.

В кабинете стало темно и очень холодно. На экране ветер гнул верхушки деревьев и прижимал к земле траву на полянах.

«В истории Земли бывали времена, когда она получала меньше света и тепла от Солнца, чем обычно, – произнес голос диктора. – Так случалось после грандиозного извержения вулкана или падения гигантского метеорита. Если лето выдавалось холодное, то снег на севере и в горах не успевал растаять. Год за годом он накапливался там, превращаясь в лед. Широкие мощные ледяные реки сползали в долины. И чем больше становилось льда, тем холоднее было на Земле. Вода на Земле находится большей частью в океанах. Из океанов она испаряется и потом выпадает в виде дождя и снега. Но в ледниках, покрывших все горы и территории нынешней Сибири, Норвегии, Канады, скопилось столько воды, что океаны обмелели, отступили от берегов, и на Земле стало не только холоднее, но и куда суше. Многие животные и растения, которые привыкли к теплому и влажному климату, погибли. А их место заняли те их родственники, которые смогли пережить морозы и засуху».

Теперь вместо саванны вокруг расстилалась скучная равнина, поросшая мхом и кустарником, лишь кое-где поднимались елки и березы. Вдалеке тянулись цепочкой мамонты – большие волосатые слоны с длинными, завернутыми в кольцо бивнями.

«С каждым годом климат становился все более суровым», – продолжал диктор.

Пашка снова увидел своих предков. За миллион лет они изменились. Они все еще были сутулыми, руки по-прежнему доставали до земли, тела покрыты шерстью, лобики маленькие, покатые – такими предками трудно гордиться. Но обезьянами их тоже никак не назовешь. К тому же они обзавелись дубинками.

Пашка к ним потихоньку привыкал. Ведь если родителей не выбирают, то прабабушек и прадедушек – тем более.

– Обрати внимание, Паша, – сказал Ричард, – наши предки отличаются от всех животных... Чем?

– Они ходят на двух ногах.

– Это мы уже видели. Чем еще?

– Не знаю.

– У кого самая длинная морда? – спросил Ричард. И тут же сам ответил: – У крокодила. Потому что он ловит добычу зубами. У волка и собаки тоже длинные морды. А вот у обезьяны, которая всеядна, морда куда короче. Человеку, как только у него появились настоящие руки, уже не было нужды хватать добычу зубами. И морда превратилась в лицо. И глаза теперь смотрят вперед, а не по сторонам.

– Может, это и важно, – не стал спорить Пашка, – но я не понимаю, зачем мне все это знать?

– Потому что знать – интересно! Все великие открытия и изобретения были сделаны потому, что ученым и инженерам интересно заниматься своим делом.

– Сдаюсь, – сказал Пашка. – Сдаюсь. Хоть я и не ученый.

– Я скоро закончу, – пообещал Ричард. – Мы подходим к нашим дням. Предки людей встали на ноги, взяли в руки оружие и вышли в степь. Затем началось потепление, ледники постепенно отступили, и Европа освободилась ото льда. Первобытные люди заселили Европу. И мы с тобой подошли к главной тайне ледниковой эпохи. Пока что ее не смог разгадать ни один путешественник.

– Вы не смогли, а на меня надеетесь?

– Ты везучий, Паша. Об этом все знают.

– Тогда расскажи мне об этой тайне.

Ричард вновь включил экран.

Снова появилась степь, правда, деревьев стало побольше, чем раньше, выросла трава, ее щипали антилопы и козы. Справа, на склонах холма, темнел сосновый лес.

– Как у нас, – заметил Пашка.

– Вот сюда ты отправляешься, – сказал Ричард. – Выслушай мое последнее сказание, и я не буду больше мучить тебя теорией. Ты отправляешься на тридцать тысяч лет назад. Не так уж далеко, по меркам истории Земли. Похожие на обезьян предки человека уже вымерли, уступив место более приспособленным к новой жизни существам. Их мы можем называть людьми. А вообще один из видов первобытных людей назывался неандертальцами. Посмотри на них. Скоро ты увидишь их воочию.

Пашка разглядывал семью неандертальцев. Пожалуй, они больше походили все-таки на здоровенных обезьян, чем, например, на Пашку. Тела их полностью, за исключением лиц, покрывала короткая шерсть, а лица

были страшноватыми – убегающий лоб, скошенный подбородок, глаза прячутся в глубоких ямах под бровями. Видно, что эти неандертальцы были сильными невероятно. Но ума у них – ни на грош.

Так Пашка и заявил Ричарду. На что Ричард ответил ему:

– Эти люди и есть одна из самых удивительных загадок земной истории.

– Не похоже.

– Никто не знает, откуда они пришли. Но точно известно, что неандертальцы не хуже нас ходили на двух ногах, наверняка умели говорить, пользовались каменными и костяными орудиями и почти ничем, кроме внешности, не отличались от кроманьонцев.

– Ричард! – взмолился Пашка. – Перестань пичкать меня умными словами. Ведь я не энциклопедия и даже не отличник! И вообще, пускай вместо меня поедет Аркаша Сапожков – у него замечательная память – или Алиса Селезнева, она отличница.

– Как мне не хочется верить, что ты такой безнадежный! – засмеялся Ричард. – Сделай над собой усилие и запомни: тридцать тысяч лет назад

на Земле обитали два типа людей. Одни из них назывались неандертальцами. Ты их видел. Может, они кое в чем похожи на горилл, но во всем остальном они уже настоящие люди. Неандертальцы самое тяжелое время прожили неподалеку от края ледников, научились шить себе одежду из звериных шкур и даже придумали великое изобретение – одеяло.

Только тут Пашка сообразил, что неандертальцы на экране одеты! «Одежда» их была сделана из шкур, настолько старых и вытертых, что Пашка сначала принял эту «одежду» за собственную шерсть неандертальцев.

– Расскажи о втором типе людей, – попросил Пашка.

– Сейчас ты их увидишь.

На экране появился вход в пещеру. Перед пещерой стояли и сидели самые обыкновенные люди, которые, казалось, просто оделись, как дикари, собираясь на маскарад.

– Вот это кроманьонцы, – пояснил Ричард. – Названия «неандертальцы» и «кроманьонцы» происходят от названия мест, где впервые откопали их кости.

– Все просто и не очень интересно, – сказал Пашка. – Одних нашли в деревне Кроманьонке, а других в Неандерталке.

– Не совсем так, – возразил Ричард. – Неандерталь – это долина в Германии, а Кро-Маньон – название пещеры на юге Франции.

– Нелегко запомнить. Жалко, что их нашли не у нас.

– Кроманьонцы – наши прямые предки, – сказал Ричард. – Их принято называть троглодитами, то есть обитателями пещер.

– Ладно, – сказал Пашка, – на это я согласен. А в чем тайна?

– Тайна заключается в том, что неандертальцы вскоре исчезли. Без следа. И никто не знает, куда они делись.

– Как так «делись»? В смысле, они не дожили до наших дней?

– Нет, все сложнее. Археологи отыскали множество мест стоянок неандертальцев и много о них знают: как они охотились, как жили, как защищались от холода. Известно, что неандертальцы населяли равнины по всей Европе, но за пределы этих равнин не выходили. В Африке их никогда не было. И так продолжалось несколько тысяч лет. Затем археологи заметили, что в Европе появились кроманьонцы. А мы с тобой знаем, что это первобытные люди, которые ничем от нас не отличаются – высокие, стройные, красивые. Они появились в Африке и смогли перейти из Африки в Европу. Неандертальцы в течение долгого времени жили рядом

с кроманьонцами, но с ними не смешивались. И вдруг, тридцать тысяч лет назад, неандертальцы исчезли. С тех пор и по сей день археологи не нашли ни одного жилища неандертальцев, ни одного их кладбища, ни одного орудия, сделанного ими. Были люди, многочисленный по тем временам народ, и вдруг исчезли.

– Любопытно, – сказал Пашка. – И что же думает наука?

– У науки есть целый ряд гипотез. Но все-таки большинство ученых думают, что виноваты кроманьонцы. Может быть, они воевали с неандертальцами, чтобы захватить места хорошей охоты, ведь в ледниковый период всем пищи не хватало. Может, кроманьонцы перебили мамонтов и других животных, которыми питались неандертальцы, и те постепенно вымерли от голода, но как это произошло – мы не знаем. Не удалось об этом узнать и нашим сотрудникам. Ведь речь идет о целом континенте и тысячах лет. Попробуй отыщи последнего неандертальца!

– А может, они где-то спрятались? – спросил Пашка. – Как снежные люди?

– Мне приходилось читать, что снежные люди, которых долго искали, но так и не нашли, были последними неандертальцами. Так что, Паша, если тебе удастся узнать что-нибудь новое о тайне неандертальцев, пожалуйста, сними об этом фильм, а потом прочтешь доклад в Академии наук.

– Ну и шутки у тебя! – сказал Пашка и засмеялся. Но подумал: а славно было бы подняться на трибуну в Академии наук и рассказать великим академикам, что именно он, школьник Гераскин, разгадал одну из самых главных тайн человечества. Пускай удивляются и трясут белыми бородами.

Ричард поднялся и сказал:

– Иди отдохни, поиграй в футбол.

– Я фехтовальщик, – сказал Пашка. – Мне этот спорт больше по душе. И еще я занимаюсь стрельбой из лука.

– Ясно, мой рыцарь. Но не забудь, что за завтрашний день ты должен будешь дома просмотреть все материалы по животным первобытной эпохи. Ты должен уметь их распознавать и знать, кого опасаться, а на кого можно не обращать внимания. Динозавров там не будет – они давно вымерли.

– Я знаю. Там будут мамонты.

– И другие слоны.

– Мамонты и есть другие слоны.

– Не будь упрямцем, – сказал Ричард. – В ледниковый период на Земле существовало несколько видов слонов – все они сильно отличались от современных и друг от друга. Иди-иди, поработай.

Нельзя сказать, что Пашка устал от теории. Кое-что ему было интересно, а кое-что не очень. Но он понимал, что человеку не вредно знать, как и от кого он произошел.

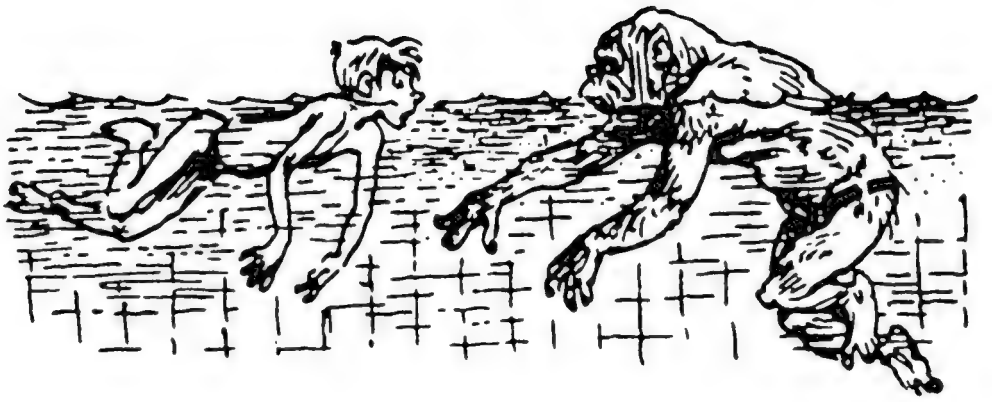
А вот история с загадочным исчезновением неандертальцев его заинтересовала куда больше. Ничего себе, думал он, живут на Земле, например, русские и англичане. И вдруг через сто тысяч лет выясняется, что все англичане куда-то делись. Или русские. Но ведь это целые народы!

Может, случилась эпидемия? Какая-нибудь страшная болезнь, вирус которой нападал только на неандертальцев? Надо будет об этом хорошенько подумать.

Глава третья
НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ В БАССЕЙНЕ

Пашка забежал домой, перекусил и решил сначала заглянуть в бассейн. Когда у человека устает голова, нужно срочно укрепить тело, как говорил его знакомый пират Весельчак У. Пашке и его подруге Алисе Селезневой удалось побывать в самых различных краях Галактики и встретиться с настоящими космическими пиратами. Конечно, с пиратами Пашка не дружил – какая дружба у московского школьника с пенителями космических трасс, бессовестными грабителями и обманщиками? Но с некоторыми из пиратов Пашка был хорошо знаком – надо же знать своего врага. Он даже недолго дружил с их Королевой. Но это все дела давно прошедших дней, когда Пашка еще был маленьким и учился в четвертом классе. Сейчас он уже пятиклассник, человек серьезный и готовится к самостоятельной научной экспедиции в ледниковый период.

В разгар дня в бассейне почти никого не было. Пашка разделся, принял душ, потом взобрался на трехметровый трамплин и прыгнул в воду. Вода была хрустально-голубой и прохладной. Пашка медленно всплывал на поверхность и думал, что жизнь в принципе складывается удачно. И если удастся найти неандертальца – тогда считай, что первый шаг к всемирной славе сделан.



Пашка вынырнул, протер глаза, открыл их и увидел, что в трех метрах от него не спеша плывет самый настоящий неандерталец.

– Вот это да! – сказал Пашка и от неожиданности опять нырнул.

Под водой он открыл глаза – Пашка умел смотреть под водой – и увидел, что совсем неподалеку от него медленно движутся чьи-то мохнатые ноги.

Вы подумайте! Только что Пашка гулял по улице и рассуждал о том, когда и от чего вымерли неандертальцы, и тут же встречает неандертальца – нет, не в лесу, не в горах, а в бассейне «Чайка»!

Когда Пашка вынырнул вновь, неандерталец уже отплыл в сторону. Он смотрел на Пашку и улыбался. А улыбка у неандертальцев – зрелище не для слабонервных. Такой рот и такие зубы открываются вашему взору, что хочется бежать без оглядки.

Конечно, Пашка не убежал и даже нырять снова не стал. Он тоже улыбнулся неандертальцу. Они как бы стояли в воде, поводя руками по поверхности. Только у Пашки руки обыкновенные и не толстые, а у неандертальца руки вообще трудно назвать руками, настолько они мускулистые и волосатые. То ли руки, то ли лапы медведя.

– Вы любите плавать? – спросил неандерталец по-русски, но с акцентом.

– Я люблю плавать, – ответил Пашка, почему-то тоже с акцентом.

– Плавать укрепляет здоровье, – сказал неандерталец.

«Как он попал в бассейн? – думал Пашка. – Может, он скрывается в лесах, а сюда пробирается по ночам искупаться?»

– А вы давно плаваете? – спросил Пашка, прикидывая, далеко ли от него лесенка, чтобы в случае опасности выскочить из бассейна.

– Меня зовут Клык, – сказал неандерталец. Конечно же он не хотел отвечать на Пашкин вопрос. – А тебя?

– Меня зовут Павел. – Тут Пашка набрался смелости и спросил: – Скажите, пожалуйста, вы случайно не неандерталец?

– А как ты догадался, человеческий детеныш?

– Ну, как вам сказать... – Только бы не обидеть его, а то растерзает. – У вас есть некоторые особенности. Вы отличаетесь от нас.

– Я тоже это заметил, – кивнул неандерталец. – Даже не очень приятно глядеть на таких тонких и бледных людей. Я думал, что вы покрепче.

– Сходите на соревнования по борьбе, – посоветовал Пашка. – Там вы встретите очень похожих на вас людей. Они так и называются – борцы.

– Ах, как жаль, что нет записная книжка, – сказал неандерталец. – Я хотел бы с вами общаться. Вы знаете много полезных вещей. Вы есть умный мальчик.

– А где вы обычно живете? – спросил Пашка. Он был на грани великого открытия: неандертальцы не вымерли!

– Обычно я живу дома, – сказал неандерталец. – Но моя дочь хочет найти друга по переписке. Вы хотите переписываться с моей дочерью?

– Разумеется! – Добыча сама шла в руки Пашке. – Я буду рад, если вы дадите свой адрес.

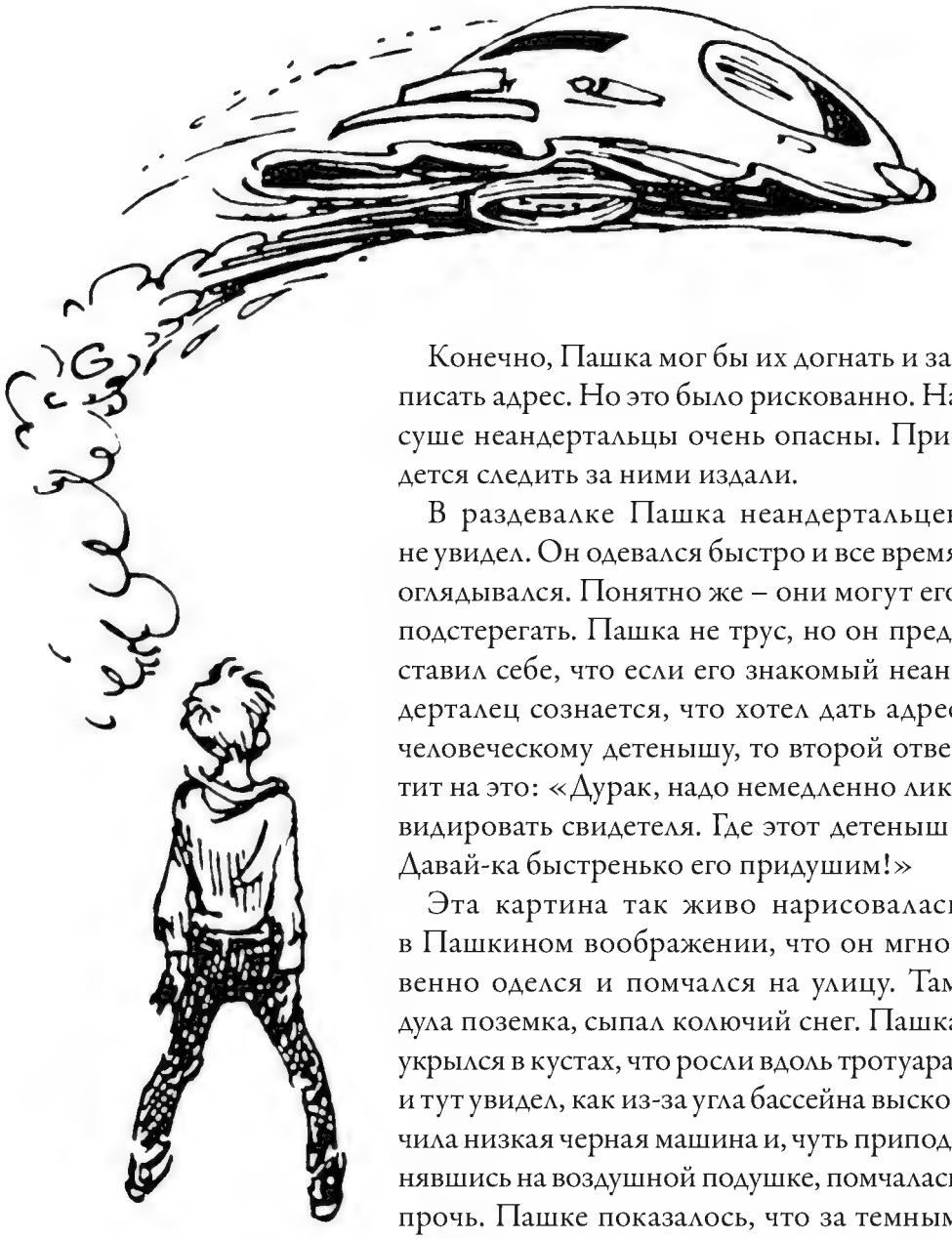
«Они уже писать научились! – отметил он про себя. – Нет, мы просто обязаны найти их и помочь стать нормальными людьми. А то на что это похоже – взрослый неандерталец так боится за свою жизнь, что вынужден скрываться в бассейне!»

Пашка поплыл к бортику бассейна. Неандерталец тоже. Стилей неандерталец не знал, молотил по воде лапами, как собака.

Они уже были у самого бортика, как из-за вышки для прыжков выглянул другой неандерталец.

– Престо-престо, – заговорил он по-неандертальски. – Грандом чекичеки замминистра!

– Каррамба! – воскликнул неандерталец, вероятно употребив доисторическое ругательное слово, и мгновенно выскочил из воды. Вода стекала с его шкуры, и было видно, какие у него могучие мышцы. Наверное, второй неандерталец предупредил его о какой-то опасности, потому что оба они поспешно скрылись в раздевалке.



Конечно, Пашка мог бы их догнать и записать адрес. Но это было рискованно. На суше неандертальцы очень опасны. Придется следить за ними издали.

В раздевалке Пашка неандертальцев не увидел. Он одевался быстро и все время оглядывался. Понятно же – они могут его подстерегать. Пашка не трус, но он представил себе, что если его знакомый неандерталец сознается, что хотел дать адрес человеческому детенышу, то второй ответит на это: «Дурак, надо немедленно ликвидировать свидетеля. Где этот детеныш? Давай-ка быстренько его придушим!»

Эта картина так живо нарисовалась в Пашкином воображении, что он мгновенно оделся и помчался на улицу. Там дула поземка, сыпал колючий снег. Пашка укрылся в кустах, что росли вдоль тротуара, и тут увидел, как из-за угла бассейна выскочила низкая черная машина и, чуть приподнявшись на воздушной подушке, помчалась прочь. Пашке показалось, что за темным стеклом он различил лицо неандертальца. Более того, тот явно пытался что-то сказать ему – может, даже просил о помощи. Но что мог Пашка поделать? Пока он вглядывался в стекло, машина умчалась, и Пашка даже не успел запомнить номера.

Все ясно: неандертальца похитили.

Тайна принимала зловещий оборот.

Пашка тут же набрал номер Ричарда, но того не было в институте. К тому же он снял браслет связи, чтобы не отвлекаться понапрасну. Так иногда делали люди, которым надоедало говорить по видео.

Кому сообщить? Куда бежать? Может, неандертальцев похитили международные преступники? Но зачем? И главное – где неандертальцы скрывались все эти тысячелетия?

Возбужденный и раскрасневшийся Пашка примчался к своему другу Аркаше Сапожкову.

Аркаша слушал его невнимательно. Он был занят сборами. Он тоже собирался на историческую практику. С точки зрения Аркаши Сапожкова, тайна, которую ему следовало разгадать, была куда серьезнее и важнее, чем тайна Пашки. Ему предстояло узнать, когда вымерли динозавры и почему они исчезли с лица Земли. Задача была похожа на ту, которую будет решать Пашка, только ответ на нее, наверное, связан с космической катастрофой.

Пашке отправляться завтра. Аркаше – сегодня. Пашка еще только учит теорию, причем кое-как. Например, фильмы про животных ледникового периода и смотреть не начинал. А Аркаша, в отличие от него, уже прочел все что можно, просмотрел все, что есть на свете на эту тему, и знает о динозаврах больше любого ученого – такой у Аркаши характер.

Если на уроке математики надо решить задачу, в которой в бассейн по одной трубе вливалась вода, а по другой выливалась, то можете быть уверены, что Аркаша заодно вычислит состав воды, узнает, из чего сделан бассейн, какая погода стояла в тот день, и в результате решит задачу совершенно неожиданно даже для самого учителя. Поэтому далеко не все учителя любят Аркашу – слишком уж он дотошный и любознательный.

Хоть Аркаша очень спешил (у него оставалось полтора часа до отлета в меловой период), ради Пашки он отложил все свои дела и, подключившись к памяти компьютера, через три минуты узнал о неандертальцах все, что известно науке. Пашка так учиться не любил – в тебя впихивают знания, взятые неизвестно откуда. Лучше просмотреть фильм и истратить на него два часа, чем за три минуты получить информацию из памяти компьютера прямо в собственную память.

– Все ясно, – сказал наконец Аркаша. – Это не неандертальцы.

– А кто же?

– Среди людей иногда встречаются такие типы, – сообщил Аркаша, – обросшие волосами, низколобые, могучие. Это самые обыкновенные люди, а не неандертальцы. Просто им не повезло с внешностью.

– Но они говорили на непонятном языке!

– Значит, они живут в Австралии, – сказал Аркаша. – Не выдумывай тайну там, где ее нет.

– А почему они умчались на черной машине? – спросил Пашка.

– Во-первых, они спешили. А во-вторых, это были не они, – сказал Аркаша. – И будь другом, оставь меня в покое. Я могу опоздать, и сеанс начнется без меня.

– Желаю тебе счастья среди динозавров, – сказал Пашка.

– А я тебе желаю разгадать тайну неандертальцев, – ответил Аркаша, и они попрощались.

Пашка отправился домой.

Он шел пешком и думал. Конечно, Аркаша – человек умный, но Пашка ему не до конца поверил. Тайну неандертальцев так легко не разгадать. И вряд ли Пашка спутал неандертальца с обычным, но только волосатым и не очень красивым человеком. Можно спутать одного, но их было двое!

Ладно, завтра он поговорит об этом с Ричардом. А пока надо идти домой и изучать ископаемых зверей. Иначе Ричард его в прошлое не пустит.

Пашка, хоть и устал за день, заснул не сразу. Спал он тревожно, часто просыпался, и ему все мерещились неандертальцы, которые с дубинками гонялись за ним по Гоголевскому бульвару.

С утра Пашка уселся за изучение зверей, которые водились на Земле в ледниковый период. Он понимал, что знать о них нужно – иначе какой он исследователь? Да и охотник, который не знает, на кого охотится, – человек легкомысленный, и любой крокодил имеет право его съесть.

Как Пашка понял из фильма, животных в ледниковый период было немного, куда меньше, чем в более древние эпохи. Да это и понятно – ведь они привыкли жить в теплых краях. Когда стало сухо и холодно, их шкуры оказались недостаточно теплыми, а их обычная пища – бананы или финики – исчезла. Вместо этого вокруг росли елки и березки, а под ногами – мох и белые грибы. Далеко не каждому бегемоту такое по нраву.

Многие животные не выдержали таких испытаний и вымерли, другие сумели приспособиться к новой пище и суровому климату. Как и люди.

Лучше всех приспособился к суровой жизни полярный слон, которого мы все знаем под именем мамонт.

Пашка не мог не любоваться им на экране, где в степи под редким снежком паслось стадо мамонтов, совершенно не обращавших внимания на холод и ветер.

И было понятно, почему мамонту ничего не страшно.

У мамонтов совершенно особенная шерсть, объяснил диктор Пашке. Она не такая, как у собак или медведей. Тело мамонта защищено очень толстым слоем жира, который, как шуба, согревает тело, шкура же покрыта густой и не очень длинной шерстью. А на шкуре растут волосы. Это

очень длинные и толстые волосы, и больше всего они похожи на крысиные хвосты. Может, и не очень красивое сравнение, зато точное. Сквозь такую преграду ни один мороз не пробьется. И потому мамонты жили возле ледников, им достаточно было самой простой и грубой пищи, а морозы, от которых другие звери погибали, им были совершенно не страшны.

Мамонт мог есть мох, тундровую траву, кусты, побеги деревьев – все, что было хоть чуть-чуть съедобным.

Мамонты отличались от всех остальных слонов своими бивнями – ни у кого не было таких потрясающе красивых бивней. Правда, пользы они приносили немного. Такими гигантскими бивнями-кольцами можно гордиться и толкаться. Ничего больше ими не сделаешь.

У мамонтов было по четыре пальца на ногах, зато подошвы были широкими настолько, что мамонт мог спокойно идти по зыбкому болоту и не проваливаться.

Мамонтов в тундре было очень много. Раньше в Сибири специально собирали их бивни и вырезали из них шары для бильярда, шахматы и другие вещи. Мамонтовая кость считалась обычным и дешевым товаром – она заменяла пластмассу. Говорят, что в течение девятнадцатого века из Сибири вывезли больше пятидесяти тысяч бивней.

Многие думают, объяснил диктор, что раньше были мамонты, а потом от них произошли слоны. Ничего подобного. Пород у слонов было множество – как теперь у собак. Самый известный из современников мамонта назывался мастодонтом. И если мамонт питался в основном травой, то мастодонт, тоже покрытый шерстью, имел особенные зубы, приспособленные для того, чтобы пережевывать ветки деревьев. Поэтому мамонты жили в тундре и степи, а мастодонты – в лесу.

Пашка увидел мастодонта. Он был похож на мамонта, только пониже ростом, шерсть покороче, а бивни торчат вперед.

Глядя на экран, где одни животные сменялись другими, Пашка все никак не мог отделаться от мысли: откуда в Москве в двадцать первом веке появились неандертальцы? И никакой ошибки быть не могло – ведь неандерталец признался, что он неандерталец.

– Паша, не забывай, что ты меня смотришь, – попросил его компьютер.

– Отстань, – сказал Пашка, но снова стал смотреть на экран.

Там показывали тундру, где паслись северные олени, точно такие же, какие пасутся там сегодня.

Но тут компьютер, чтобы развлечь Пашку, изобразил его рядом с оленем. Для масштаба. Олень оказался маленьким, чуть больше овчарки. Пашка на экране стал гладить оленя, потом почесал его между рогами, а Пашка в комнате сказал:

– Прекрати этот детский сад. Мы занимаемся наукой.

Компьютер промолчал, но изображение Пашки с экрана исчезло.

Пашка увидел еще некоторых животных тундры. Вот возле края ледника пасутся мускусные быки – у них шерсть свисает до земли. Вот промчались козы – тоже защищенные от морозов длинной шерстью.

Это был зимний мир – все знали о холодах и старались к ним приготовиться. Только у человека уже не было шерсти, поэтому ему приходилось прятаться в пещерах и разводить костры.

Затем глаз камеры переместился в лес – осенний, холодный, дождливый, потому что конец ледника был отсюда недалеко. В том лесу росли обычные деревья – березки, осины, елки, не очень высокие, чахлые. На

земле мох. И вот тут Пашка впервые увидел одного из хозяев этого леса – пещерного медведя.

Почти черный, с длинной шерстью, которая на холке стояла дыбом, он был похож на обыкновенного, только одетого в очень теплую шубу мишку, у которого, однако, морда оказалась куда злее и зубастее, чем у его бурого собрата.

Медведь стоял на берегу лесной речки и смотрел с интересом, как гигантские, размером с бегемотов, бобры строят плотину. Может, медведь хотел порыбачить, но бобры попросили его не мутить воду. Из леса выглянул волк, но медведь рявкнул на него, и волк убрался восвояси.

И тут Пашка увидел животное, какого раньше ему видеть вроде бы не приходилось. И только когда компьютер объяснил, что это первобытный ленивец, может быть, даже один из последних ленивцев, живших когда-то на территории нашей страны, Пашка догадался, что видел в зоопарке его небольшого современного собрата. Головка у ленивца была маленькая, похожая на головку младенца, шерсть бесконечной длины свисала, как зеленоватые водоросли, лапы были огромными, когтистыми,

хотя когти ленивцу, который питается листвой, нужны, только чтобы удерживаться на деревьях.

Медленно-медленно, словно во сне, ленивец спускался с дерева. И вдруг замер.

Пашка понял почему: на берег реки вышел хозяин тех мест – саблезубый тигр, самый страшный хищник ледникового периода.

Конечно, саблезубый тигр принадлежал к кошачьей породе, но Пашке не хотелось обижать кошек и тигров – чудовище походило на тигров только своими черными и желтыми полосами. В остальном это была страшная машина, готовая убить любого, кто станет у нее на пути. Даже когда его пасть была закрыта, из нее торчали желтоватые кинжалы – клыки! А уж заглядывать в его беспощадные желтые глаза никому не хотелось.

Не заметив тигра, к реке вышел благородный олень. Пашка даже ахнул, увидев такую красоту.

От копыт до конца рогов олень достигал трех метров и по росту мог сравниться с мамонтом. Но главное – рога! Такие могучие, ветвистые и раскидистые, что было даже странно, как олень удерживает их на голове. Компьютер объяснил Пашке, что в размахе рога достигают четырех метров.

Тигр медленно повернул голову, посмотрел на оленя и, когда тот спустился к воде, присел, прижался к земле – лишь кончик хвоста отбивал бесшумно дробь по траве. Остальные звери, даже медведь и мамонт, в ужасе замерли. Тигр распрямился, как пружина, и взлетел в воздух. Всем весом своего тела он, словно пушечное ядро, ударил по оленю, и тот, от неожиданности не удержавшись на ногах, упал в воду.

Это его и погубило. Потому что, пока олень пытался выбраться на берег, чтобы встретить нападавшего рогами, тигр перегрыз ему горло.

Зрелище было таким страшным, что все звери разбежались, а бобры нырнули в воду.

Пашка выключил экран.

Хоть он был ученым и ничего не боялся, есть вещи, на которые даже ученому смотреть не хочется.

Прежде чем отправиться в Институт времени, Пашка прокрутил на экране кадры про птиц и насекомых ледникового периода. Среди них встречались гиганты – пауки и скорпионы. Но компьютер сказал, что они скоро вымрут, так как остались от прежних, более теплых и влажных времен. Это Пашку не утешило, потому что ему-то положено отправляться во времена, где они еще не вымерли.

В заключение компьютер честно предупредил, что самый страшный зверь в ледниковом периоде – это комар, мошка, гнус. Их там тучи! Правда, если Пашка попадет в лес осенью, комаров будет меньше, потому что они совершенно не выносят заморозков.

– И все-таки попроси в институте, – посоветовал компьютер, – чтобы тебя окунули в антикомариный раствор – как Иванушку в кипящий котел. И ты выйдешь из него добрым молодцем.

Пошутив так, компьютер расхохотался. Хохотал он беззвучно, подмигивая лампочками.

– Спасибо, – сказал Пашка, который не очень любил, когда компьютеры шутят. Компьютеры знают, что шутить надо, что все люди умеют это делать, значит, и компьютеру надо уметь шутить. Но хотя они давно обошли людей и не только считают, но и думают быстрее самого умного

человека, до чувств они не добрались – чувства остались только для людей. И как ни стараются компьютеры приблизиться к людям по этой части, пока им это не удается.

Глава четвертая
ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Ричард ждал Пашку.

– Дома со всеми попрощался? – спросил он.

– Мама дала мне с собой свитер.

– Придется оставить здесь, – сказал Ричард.

– Неужели я не понимаю, что в ледниковой эпохе еще никто не умел вязать?! – воскликнул Пашка. – Я и маме это сказал, а она ответила: «Я все понимаю, но возьми на всякий случай». Разве родителей переделаешь?

– Отлично, – сказал Ричард. – Родителей не выбирают. Но мы с тобой сейчас займемся выбором.

– Я тебя не понял.

– С сегодняшнего дня у тебя будут приемные родители – небольшое племя кроманьонцев, живущее в пещере на берегу реки, которую через много тысячелетий назовут Неглинкой.

– Кроманьонцев? – удивился Пашка. – А я думал, что мы разгадываем тайну неандертальцев.

– Как же ты ее разгадаешь, друг мой, если я не могу поселить тебя к неандертальцам? Они сразу догадаются, что ты чужой, и сделают из тебя котлеты.

– А с чего бы кроманьонцам думать, что я свой?

– Потому что ты типичный кроманьонец. Мы скажем, что ты потерялся в лесу, твоих родителей растерзал саблезубый тигр.

– И бабушку тоже?

– Какую еще бабушку? – не сообразил Ричард.

– Мою бабушку, – ответил Пашка, глядя на него ясными невинными глазами.

– А почему саблезубый тигр должен есть твою бабушку?

– Вот я и удивляюсь. Саблезубому тигру никогда не съесть мою бабушку.

Ричард совсем растерялся и только молча смотрел на Пашку. Тогда Пашка объяснил ему, в чем дело:

– Моя бабушка сама съест любого тигра. Она пенсионерка, но раньше работала цирковой волшебницей. Это редчайшая специальность, она выше классом, чем любой фокусник. Бабушка умела делать настоящие чудеса. До сих пор к ней приезжают ученики.

– А почему я ничего не слышал о твоей бабушке? – спросил Ричард.

– Молодой еще, – отмахнулся Пашка. – Не застал ты ее. Хотя, может, ты и видел одно из ее достижений. Это она перенесла гостиницу «Россия» на другую сторону Москвы-реки, чтобы та своим уродством не портила Кремль.

– Странно, – сказал Ричард. – А я думал, что гостиница «Россия» всегда стояла на другом берегу.

– Вот так, – вздохнул Пашка, – стараешься, делаешь, совершаешь подвиги, а через несколько лет о тебе уже забыли.

– Я обязательно проверю, – сказал Ричард. – Сегодня же погляжу в Справочной.

«Гляди-гляди, – подумал Пашка. – Ничего ты не найдешь. Все компьютеры мира сделают удивленные глаза и сообщат, что информации нет». А ведь мама сама рассказывала об этом Пашке. Она была тогда девочкой, а бабушка еще выступала на сцене. И однажды бабушка приехала в Москву, пошла гулять, с дороги провидеофонила маме и сказала, что она такого безобразия не потерпит. Кто поставил этот уродливый ящик рядом с Кремлем? Мама ответила, что это случилось давно, больше ста лет назад, когда Россией правили люди, совершенно не имевшие представления о красоте. Они были необразованные, очень нахальные и мечтали прославиться в веках. История им отомстила – никто не помнит их имен. Забыли. А бабушка тогда спросила маму: хочешь приехать посмотреть, как я наведу порядок в центре Москвы? Мама схватила флаер, прилетела, и бабушка у нее на глазах подняла в воздух гигантскую гостиницу «Россия», раздвинула на другом берегу старые дома и втиснула многоэтажную коробку – подальше с глаз долой. Потом мановением руки посадила на месте гостиницы траву и деревья. И приказала всем людям, кроме Пашкиной мамы, об этом забыть. Представляете: человек в гостинице проснулся, вышел на улицу и удивляется: вроде бы он не сюда вчера приехал. Но гостиница стоит – большая, крепкая. Махнет человек рукой и думает: наверное, я вчера очень устал. Бегут на работу официанты, де-

журные, слесари, едет директор, все подъезжают к тому месту, где раньше стояла гостиница, а там травка и деревья. Но бабушка не глупая была, она всюду понаставила указатели: «В связи с ремонтом мостовой гостиница «Россия» переносится на другой берег. Просим пользоваться мостом». Кто-то удивился, кто-то нет. А через три дня уже никто не удивлялся. Только некоторые люди из Кремля выходили на Красную площадь и думали, как хорошо и свободно смотреть в сторону реки. А раньше что-то мешало. Но что мешало – так никто и не вспомнил.

Ричард слушал, недоверчиво качая головой.

– Расскажите мне про найденыша, – попросил Пашка.

– С тобой поработают наши гримеры и костюмеры, – сказал Ричард. – Ведь ты должен быть очень диким мальчиком и не отличаться от других детей.

– Согласен.

– Ты не боишься босиком ходить?

– Еще не хватало!

– Может, ты холода боишься?

– Ричард, зачем ты все время спрашиваешь, боюсь ли я того-сего? Честно говоря, ничего я не боюсь. Иногда я сам себе удивляюсь: ну что за урод из меня вышел! Все нормальные люди чего-нибудь боятся. Темноты, кладбища, больших пауков или дождя. А мне вот не знакомо чувство страха, и все тут!

– Жаль, очень жаль, – сказал Ричард. – Если бы я знал об этом с самого начала, никогда бы тебя не взял на практику.

– Почему? Тебе больше нравятся трусы? Маменькины сыночки?

– Страх – это нормальная реакция организма на опасность. Люди, не чувствующие страха, – больные люди. Но меня успокаивает то, что ты сам себя пока плохо знаешь. И чувство страха у тебя есть, как у каждого нормального человека. Только ты еще ребенок и сам себя обманываешь.

За слово «ребенок» Пашка готов был растерзать Ричарда, но он понимал, что тот его дразнит. И решил не поддаваться.

– Значит, ты не боишься темноты? – спросил Ричард.

– Не боюсь.

– Это хорошо – в пещере нет света.

– Как так нет света? А костер?

– Вряд ли он заменит тебе свет, к которому ты привык. Так что никакого чтения перед сном!

– Я понимаю, ты шутишь! – воскликнул Пашка. – Они еще не умели читать.

– А ты и рад разучиться!

– Не исключено, – сказал Пашка. – Если я буду вести жизнь, полную приключений, на что мне чтение? Разве мне компьютера не хватит?

Ричард улыбнулся и продолжал:

– И не боишься холода?

– Можешь отправить меня на Северный полюс и там проверить.

– Отлично! Ты хорошо плаваешь?

– Как рыба.

– Другого ответа от нашего героя я и не ждал.

«Издевайся, издевайся, – повторял про себя Пашка. – Мы еще посмотрим, кто из нас прав. Когда я вернусь и покажу тебе фильм, ты на пол грохнешься от зависти. И не исключено, что мне предложат бросить школу и поступить в Институт времени старшим научным сотрудником. Я возглавлю первобытный отдел, а ты, голубчик Ричард, будешь мне подчиняться».

– С твоим доктором я разговаривал, – сказал Ричард. – Он подтвердил, что ты совершенно здоров.

– Тоже мне неожиданность! – усмехнулся Пашка.

– С родителями твоими я поговорил. Они не возражают.

Пашка насупился. Уж очень они здесь с ним возятся – как будто он в самом деле ребенок.

– Если бы ты знал, в каких я уже побывал переделках, – сказал Пашка, – то не стал бы проверять, ем я манную кашку или не ем.

– Я знаю все о твоих переделках. И надо сказать, что не всегда ты вел себя как разумный человек. Но надеюсь, ты подрос и поумнел. А теперь давай потратим с тобой еще несколько минут и познакомимся с твоей будущей семьей. С теми троглодитами, которые живут в этой пещере.

Против этого Пашка не возражал. Ему тоже было любопытно, кого он завтра увидит.

Камера глядела на лесистый склон, в котором темнел вход в пещеру. Был вечер. Теплый летний вечер.

Из пещеры тянулась струйка голубого дыма.

– У них там печка? – спросил Пашка.

– Костер.

– Я же говорил, что читать можно.

Немолодая женщина с жестким, грубым лицом вышла из пещеры. Она куталась в тигриную шкуру, которая свисала до колен.

Женщина Пашке так не понравилась, что ему даже расхотелось отправляться в прошлое.

– Мы еще не знаем, как их зовут. Мы боимся их спугнуть и снимаем издали. Но известно, что это вождь племени, ее все уважают и слушаются.

Женщина кого-то звала – до Пашки доносились неразборчивые звуки.

– Такая как найдет меня в лесу, сразу прикончит, – сказал Пашка. – Конечно, я ее не боюсь, я никого не боюсь, но все же жалко, если я погибну совсем молодым.

Снизу по склону поднялись двое мальчишек. Они тащили вдвоем длинный сук, почти бревно. Женщина показала, куда положить бревно, и обернулась к пещере. Оттуда показался мужчина с обезображенным лицом – скорее всего, догадался Пашка, он встретился на охоте с каким-нибудь чудовищем. К тому же мужчина прихрамывал. Он нес в руке овальный, заостренный с одной стороны булыжник. Подойдя к бревну, мужчина стал его изучать, ходить вокруг, примериваться. Пашке даже стало смешно.

Потом мужчина присел на корточки перед бревном и приготовился по нему ударить. Тут появились еще двое.

Первым шел здоровенный костлявый человек, который нес на спине небольшую антилопу или козу, – у нее были длинные, загнутые назад

рога. Следом за ним шла молодая женщина, не с таким грубым, как у вождихи, лицом, а даже приятным, веселым.

Охотник привлек к себе всеобщее внимание. Из пещеры появились и другие члены семьи. Конечно же Пашка их не разглядел и не запомнил, но успел заметить, что детей было довольно много, вели они себя смело, сразу бросились помогать охотнику снять с плеч добычу, но вождиха, судя по всему, приказала нести антилопу в пещеру, и вскоре все скрылись там. Стало тихо, слышно было только, как поют птицы.

– Ну, не раздумал? – спросил Ричард. – Шумная семейка и довольно бесцеремонная. Еще не поздно отказаться, и мы тебя направим на практику в цивилизованные времена. Например, к Колумбу.

– При чем тут Колумб?! – рассердился Пашка. – И что ты меня все время подзуживаешь, дразнишь и даже издеваешься? И не веришь ни одному моему слову! Я сказал, что хочу снимать фильм об охотниках на мамонтов, и я это сделаю!

– Вот, наконец-то я вижу не мальчика, но мужа, – сказал Ричард. – Кто так сказал?

– Наверное, какой-нибудь рыцарь.

– Не рыцарь, а Пушкин. В драме «Борис Годунов». Пора бы тебе ее прочесть.

– Сейчас не до драм, – отрезал Пашка. – Ты забыл, что я готовлюсь к важному заданию?

– Если готовишься, – сказал Ричард, – то я умолкаю. Давай с тобой осваивать камеру, которой ты будешь пользоваться.

В тот день они с Ричардом изучали кинокамеру, которую кудесникам из института удалось очень остроумно замаскировать под небольшую кость. Эта «кость» вместо пуговицы скрепляла на плече у Пашки одежду – что-то вроде куртки без рукавов, которая доставала почти до колен. Чтобы камера заработала, достаточно было провести над ней пальцем – камера угадывала Пашку по отпечатку указательного пальца. Камера была цифровой, она передавала зашифрованное изображение в электронную память, умещавшуюся в стальной горошинке.

Во всем остальном Пашка был первобытным мальчишкой, правда, повыше своих будущих братьев, хотя, возможно, не сильнее. Ему можно было дать на год-два больше, чем сверстникам-троглодитам.

Главное отличие не в этом!

Первобытные люди жили недолго, и не только из-за того, что на них охотились хищники, что на каждом шагу их подстерегала опасность. Внутри их скрывались многочисленные враги – болезни, с которыми никто не мог бороться. Если ты выздоравливал, значит, тебе повезло. А умер – не повезло. Первобытные люди не знали колдунов и шаманов. Они только-только выбрались из животного состояния, но еще не стали настоящими людьми.

В Институте времени от Пашки многого ждали. Ведь умный ребенок увидит то, что взрослому не удастся заметить.

Самого Пашку проверили и перепроверили на компьютере, отыскивая болезни, а когда не нашли, то ввели ему столько противоядий и защитных вакцин, что у него даже голова закружилась. Пришлось сесть и минут двадцать приходить в себя.

Но Ричард был доволен:

– По крайней мере, ты можешь пить сырую воду, есть немытые фрукты, глотать сырых лягушек и горстями кидать в рот муравьев, не говоря уж о дождевых червяках...

– Ричард! – воскликнул Пашка. – Я их терпеть не могу!

– А придется. Ведь твое племя ест то, что удается отыскать или убить. Сегодня убили антилопу – несколько дней все сыты. А что, если антилопа не встретится? Придется переходить на корешки, муравьев и гусениц.

– Лучше уж поголодаю, – сказал Пашка.

– Но помни: ты как разведчик в стане врага. Никто не должен тебя заподозрить. Ты найденыш, но все равно один из них. Так что постарайся не выделяться.

– Постараюсь, – буркнул Пашка.

– Последняя штука, которая тебе может пригодиться, – это кнопка тревоги. К сожалению, мы не можем наблюдать за тобой круглые сутки. Но если с тобой что-то случится – у нас зазвенит сигнал тревоги. И к тебе на помощь тут же пойдет наш сотрудник. Если необходимо, мы тебя сразу вытащим обратно. Так что не бойся...

– Я уже пять раз сказал, что ничего не боюсь!

– Ах да, конечно, а я забыл. Стареть начинаю!

Когда Пашку уже подготовили к перелету – облачили в шкуру, смазали специальным жиром волосы, чтобы от них не пахло мылом или шампунем (дикари могут заподозрить неладное), – когда все было готово, его

снова отвели в медицинский кабинет. Там молчаливый старый доктор потянул Пашку за мочку уха и прижал к ямке за ухом тонкую трубочку. Трубочка вонзилась в кожу – на секунду стало больно, но Пашка выдержал это испытание.

– Все в порядке, – сказал доктор, – можете забирать вашего дикаря.

– Тронь кончиком пальца за ухом, – велел Ричард.

Пашка попробовал. Под кожей катался маленький, как зернышко черного перца, шарик.

– Теперь нажми на него. Сильнее. Вот так!

По институту прокатился тревожный звон.

– Это ты звонишь. Так что попрошу тебя, отважный воин, зря не нажимать, не пугать людей.

– Не буду, – пообещал Пашка.

– Иди посмотрись в зеркало и запомни, что теперь ты не скоро себя снова увидишь – только если будешь глядеться в пруд. Две недели ты проведешь на свежем воздухе.

Пашка подошел к зеркалу.

Он не был готов увидеть такого отвратительного, грязного, лохматого дикареныша, и ему потребовалось, наверное, с полминуты, прежде чем он узнал самого себя.

– Да, изобразили вы меня... – пробормотал он недовольно.

– Я тебя понимаю, – согласился с ним Ричард. – Каждому хочется выглядеть героем или хотя бы молодцом. Но не всякому это дано. Так что придется потерпеть. Но как только станет совсем тяжко и захочется домой, к бабушке, сразу жми на кнопочку – появится добрый дядя и отведет тебя обратно.

Ричард опять дразнил, опять старался вывести Пашку из себя, опять испытывал, крепкие ли у него нервы.

Пашка все понял, мысленно усмехнулся и отвернулся от Ричарда.

Зажегся яркий свет, защелкали камеры.

– Потерпи еще пять минут, – сказал Ричард. – Сейчас проверят все системы и запечатлеют тебя перед отправкой в далекое путешествие.

– Я жду, – кивнул Пашка.

Через пять минут свет погас, стало полутемно.

Ричард протянул Пашке руку и сказал:

– Ну что ж, желаю тебе счастливого пути. Временная кабина в соседней комнате. Сейчас мы туда с тобой пойдем.

Пашка первым вошел в круглый зал, где на возвышении стояла небольшая, прозрачная, круглая кабина размером со старинную телефонную будку. Внутри, на столбике, размещался пульт с кнопками.

– Машина работает на автоматике, – сообщил Ричард. – Смело нажимай зеленую кнопку.

Пашка нажал на кнопку, под которой было написано: «Пуск».

Раздалось жужжание, все заволокло туманом, и вскоре зал исчез.

Пашка на секунду потерял сознание, но тут же пришел в себя и огляделся.

Теперь темнота была другой. Другим был и воздух. Пашка вспомнил: кабина спрятана в пещере, из которой трудно выбраться. Но ему объяснили, как найти нужный ход.

Пашка закрыл машину времени и пошел по туннелю.

Глава пятая
ВЕЗУНЧИК

Здесь, в первобытной древности, было раннее утро, и птицы пели точно так же, как и в двадцать первом веке, хотя Пашка никогда специально птицами не интересовался.

Он выбрался из пещеры и остановился. Ричард предупредил его, что лесная тишина обманчива. В лесу водятся не только птички, но и любители полакомиться человеческими детенышами. И хотя Пашка тогда отмахнулся, потому что чувство страха ему неведомо, он не мог не признать, что осторожность – обязательное качество любого охотника.

Надо было сделать ровно двести шагов, чтобы выйти на тропинку.

Пашка прошел шагов пятьдесят и вдруг почувствовал, что в лесу стало совсем тихо. Слишком тихо. Даже птицы замолчали.

Пашка остановился. Разумеется, он не испугался. Он только подумал, не возвратиться ли в пещеру к машине времени, а то придется сражаться с каким-нибудь чудовищем, вот и эксперимент сорвется. Ричард будет недоволен: тебя послали снимать кино, а ты победил какого-то там дракона!

Пашке не дали никакого настоящего оружия – сказали, что мальчишке нечего делать в древности с пистолетом или даже саблей, которых еще не придумали, а миниатюрного оружия, допустим бомбомета или лазер-

ного генератора, который умещается под ногтем, в Институте времени не нашлось.

– Мы никому не даем оружия, – сказал Ричард, – чтобы не было соблазна. Если на стене висит ружье, оно обязательно когда-нибудь выстрелит. А одного выстрела достаточно, чтобы погубить множество людей и свести на нет все наши усилия.

Так что безоружный Пашка стоял посреди леса и прислушивался к шорохам, как заяц, который поднялся столбиком и шевелит ушами.

Пошли дальше, уговаривал себя Пашка. Осталось сто пятьдесят шагов. Там будет тропинка, она ведет прямо к пещере. По этой тропинке все время ходят люди из племени. Ты ляжешь и сделаешь вид, что спишь.

Спящих никто не боится. Тебя найдут и разбудят. Единственная трудность – придется потерпеть комаров, которых в лесу немало.

И вот теперь комары, увидев, что посреди леса стоит незнакомый мальчик и вертит головой, поняли, что к ним пришел завтрак. Да еще такой вкусненький, свеженький, нежненький! И они кинулись на Пашку, как свирепые гиены.

Конечно, они оказались куда злее, чем наши родные, цивилизованные насекомые.

Пашка стал отмахиваться от них и тут услышал, как что-то тяжело упало на землю. Потом ветви большого куста, который рос шагах в двадцати от Пашки, зашевелились и медленно-медленно начали раздвигаться.

Пашка понял, что это не случайно.

Он затаил дыхание. Он даже перестал чувствовать, как в него вонзаются комариные жала.

А в темной дыре, открывшейся в кустах, что-то сверкнуло!

Пашка понял, что оттуда на него глядят сверкающие глаза тигра, который уже изготовился к прыжку.

Тут уж некогда размышлять, боишься ты кого-нибудь или никого не боишься. Остается только одно – мчаться куда-нибудь со всех ног.

И Пашка помчался.

Он не мог вернуться в пещеру, где стояла машина времени, потому что путь назад был отрезан хищным чудовищем. И поэтому бежал вперед.

Он не обращал внимания на сучья и камни под ногами, на ветви, хлеставшие по лицу. Ему хотелось закричать: «Мама!» – но голос его не слушался. Ему уже казалось, что сзади трещат сучья – это преследователь настигает его...

Пашка не заметил, что уже давно бежит по тропинке.

Тропинка становилась все шире и вдруг, когда у Пашки уже не осталось никаких сил, когда легкие готовы были разорваться, он выскочил на открытую площадку над рекой и увидел вход в пещеру – ту самую, которую наблюдал на экране в Институте времени.

Перед входом в пещеру сидели дети и очищали какие-то корешки и клубни. Услышав треск кустов, они вскочили на ноги и тут обнаружили Пашку. Наверное, вид у Пашки был ужасен, потому что дети завопили в четыре голоса и кинулись в пещеру.

Навстречу им выскочила вождиха, совершенно голая – может, она еще спала, и ее разбудили вопли. За ней выбежали остальные взрослые. Они держали в руках палки и камни, готовясь защищать свой каменный дом от неведомого чудовища.

Увидев троглодитов, Пашка понял, что спасен.

Он кинулся к вождихе, которая сейчас вовсе не казалась ему такой уж страшной и жестокой, обхватил ее за талию и, задыхаясь, принялся объяснять, что там, вон там вон, оттуда вот мчится буйный пещерный тигр, поэтому он, Пашка, просит племя дать ему, Пашке, убежище и как можно скорее вернуть к маме.

Вождиха оказалась куда разумнее детей и самого Пашки. Она дала ему подзатыльник и толкнула в пещеру, объяснив при этом на своем первобытном языке, что детям на охоте делать нечего. А Пашка, хоть и не слышал в жизни первобытного языка, сразу все понял.

Он подчинился, но в глубь пещеры забегать не стал. Оставшись у входа вместе с ребятами, он принялся наблюдать, как мужчины племени во главе с вождихой, один за другим, осторожно пошли вперед по тропинке, чтобы встретить врага.

Пашке понравилось, что они такие смелые.

Когда стало тихо, а толпа у входа сильно поредела, первобытные дети хотели выйти на площадку, но старуха и девушка, которая пришла с охоты, не выпустили их.

Дети окружили Пашку. Они щупали его, касались рук и лица, удивляясь, должно быть, что он такой светлокожий и светловолосый по сравнению с ними. Наверное, они спрашивали его, откуда он появился, на что Пашка сказал парню его возраста:

– Моих родителей сожрал саблезубый тигр. Он хотел и со мной расправиться, но не удалось. Я оказался ему не по зубам.

Дети кивали, соглашаясь, хотя ничего, конечно, не понимали.

Тут послышался шум и голоса. Потом кто-то засмеялся.

«Ну и отлично, – решил Пашка, – они убили или прогнали зверя. А я выполнил первое задание Ричарда – проник в пещеру и, как настоящий шпион, внедрился в чужое племя».

Пашка настолько пришел в себя, что нажал на «косточку» – свою кинокамеру, чтобы заснять возвращение охотников, убивших саблезубого тигра. И подумал: как хорошо, что он прекрасно владел собой и почти не испугался при виде саблезубого тигра, а то нажал бы на точку за ухом, вызвал бы помощь и опозорился. Подумав так, Пашка вздохнул и сказал сам себе: «Ну зачем врать, Павел! Ведь ты просто от страха забыл про кнопку, а то бы наверняка вызвал подмогу». Только не от страха, поправил сам себя Пашка, а от неожиданности.

Кусты, затрещав, раздвинулись.

Первой шагала вождиха, которая, кстати, убегая на охоту, так и не оделась. Следом за ней двое мужчин волокли большое, размером с теленка, животное, покрытое зеленоватой длинной шерстью. Голова у этого непонятного животного была маленькая, а толстые короткие мохнатые лапы заканчивались длиннющими загнутыми когтями – по три когтя на каждой. Так это же гигантский ленивец!

Убитого зверя охотники кинули перед входом в пещеру, и тут же все племя высыпало наружу, чтобы пощупать добычу. Гвалт стоял невероятный. Видно, троглодиты вообще были народом разговорчивым. Но Пашка заметил, что говорили они как-то отрывисто, словно выпаливали слова по отдельности, без всякой связи. При этом они помогали себе объясняться жестами и ужимками.

Пашка тоже подобрался поближе к добыче, и ему стало так стыдно, что он готов был сбежать обратно в лес навсегда и больше не встречаться с людьми. Значит, он удирал от ленивца, который просто свалился с дерева! Хорошо еще, если Ричард не видел этого позорного бегства. Хотя, впрочем, посмотрели бы мы на Ричарда в лесу, одинокого, безоружного, когда из кустов на него полезет такое вот чудовище.

Гвалт прекратился. Пашка поднял глаза и увидел, что вождиха, которая успела сходить в пещеру и накинуть на себя тигриную шкуру, подняла довольно грязную толстую мускулистую руку, сжатую в кулак. Потом она разжала кулак и показала пальцем на Пашку. И начала свою речь:

– Этот-маленький-добыча-звал-кушать-хороший.

Может, Пашка не совсем точно перевел для себя эту короткую речь, но, надо сказать, он быстро привыкал к языку троглодитов. Во-первых, для изучения язык был очень простой: одни слова и никакой грамматики. Слов было немного, их дополняли ужимки, гримасы, рычание, ворчание, хихиканье и множество всяких звуков, которые не были словами, но помогали понять суть. А Пашка, как и любой школьник конца двадцать первого века, знал двенадцать языков, включая космояз, то есть галактический язык, который изобрели специально, чтобы жители разных планет могли общаться друг с другом.

Разрабатывали космояз в Галактическом центре, и Пашка видел об этом фильм, который привезла из центра Алиса Селезнева. Оказывается, на всех цивилизованных планетах было объявлено, что проводится вселенский конкурс на создание общего галактического языка, поскольку иначе, если его не создать, Галактика разорится на переводчиках и переводческих компьютерах.

Над языком трудились множество институтов, групп и одиночек, самые передовые компьютеры старались решить такую задачу: язык должен включать в себя элементы ста тридцати шести тысяч основных языков Галактики, и притом быть очень простым, чтобы любой ребенок мог его выучить за месяц.

С изобретением языка была связана одна трогательная история, которую вам с удовольствием расскажут на Голоптуну-шэр, небольшой водной планете, расположенной довольно далеко от Солнца.

На эту планету как-то приехала экспедиция с Трискады. На Трискаде живут синие птицы с размахом крыльев в три метра. Трискады – известные артисты. Их хлебом не корми – дай выступить перед зрителями. Так что половина населения этой планеты летает по Вселенной и дает концерты синхронного летания. Это все равно что синхронное плавание, только в воздухе. Зрелище, надо сказать, великолепное! Десятки синих птиц совершают в воздухе пируэты, собираются в сложные фигуры, мгновенно расстаются, потом свиваются в клубок и взмывают к небу... Нет, этого не рассказать! Такое представление надо увидеть собственными глазами.

И вот как-то синие птицы с Трискады прилетели на планету Голоптуну-шэр и там узнали, что концерт не состоится, поскольку вокруг острова, единственного крупного острова, на котором стоят гостиницы и космодром, бушует шторм, и жители планеты не смогут приплыть, чтобы

посмотреть на выступление птиц. Тем более что по небу несутся низкие облака.

Три дня птицы ждали, что шторм прекратится, но он продолжался. Тогда птицы стали собираться домой, но одна из них, назовем ее Шонизи, все же решила рискнуть и немного размяться среди облаков.

Пока все спали, она вышла на крышу гостиницы, взмахнула крыльями и понеслась над волнами. Она совершала безумные кульбиты, пикировала к самым волнам и поднималась вновь. Осьминогу Лупи-топи, который специально проплыл тысячу миль, чтобы полюбоваться таким зрелищем, и уже отчаялся его увидеть, Шони-зи показалась дочерью Неба, легкой, как утренний ветерок. Она была прекрасней любой рыбы или медузы. Осьминог полюбил воздушную акробатку безумной, благородной и чистой любовью.

Когда птица, исполнив свой танец, скрылась, осьминог Лупи-топи подплыл к обрыву, которым заканчивался остров, и, забравшись в подводную пещеру, застыл возле стекла, отделяющего воду от воздуха. Он знал, что туристы на Голоптуну-шэр посещают эту пещеру, чтобы поглядеть на подводную жизнь планеты, а жители планеты, как разумные осьминоги, так и сообразительные дельфиниды, проводят часы у этой преграды, разглядывая туристов и других гостей. Порой тут завязываются знакомства.

Осьминог Лупи-топи не зря рассчитывал увидеть еще раз свою возлюбленную. Не прошло и часа, как, томясь бездельем, птицы прилетели в подземный зал поглядеть на осьминогов и дельфинидов, а осьминоги и дельфиниды стали смотреть на птиц, которые медленно разгуливали по залу, сложив синие крылья и переговариваясь на своем языке. Осьминог сразу узнал Шони-зи. Такова сила любви!

Лупи-топи не мог оторвать от птицы своих громадных круглых глаз, и этот настойчивый взгляд привлек внимание Шони-зи.

– Кто этот красивый водоплавающий зверь с множеством щупальцев, – спросила она у переводчика, – который так пристально смотрит на меня?

Переводчик включил подводную связь и сказал, что синяя птица Шонизи спрашивает, как зовут осьминога, который так пристально смотрит на нее.

Осьминог очень обрадовался, что его заметили, и сказал, что его зовут Лупи-топи.

– Ах, какое красивое имя! – воскликнула птица. – Передайте ему, что меня зовут Шони-зи.

– Я смотрел сегодня, как вы летали, – сказал осьминог. – Вы были прекрасны.

Птица и осьминог еще долго разговаривали, затем Шони-зи решила снова подняться в небо и еще раз показать симпатичному осьминогу свое искусство. Но уже стемнело, и представление пришлось отменить. А ночью стремительный межзвездный корабль унес птиц дальше, к другой звездной системе.

С тех пор осьминог тосковал по птице, а птица, хоть и не так сильно, тосковала по осьминогу. Осьминог с радостью писал бы своей подруге письма, но переводить их было некому – переводчики на острове всегда по горло заняты, да и перевод стоит так дорого, что осьминогу он не по карману.

И тут как раз объявили галактический конкурс на создание нового языка – космояза, или, как он еще называется, Интерлингвы.

Лупи-топи никогда не был силен в языках: он знал всего-навсего три или четыре подводных наречия. Но ему так хотелось придумать способ, который поможет общаться с любимой, что осьминог перестал есть, спать, плавать и даже шевелиться – три недели он думал и наконец придумал самый простой и удачный межзвездный язык. И когда жюри конкурса проверило все семнадцать тысяч двести сорок конвертов, то компьютер и члены жюри единогласно решили: победил участник конкурса, приславший свой труд под девизом «Для нас нет преград». Оказалось, что великим изобретателем стал скромный молодой осьминог с планеты Голоптуну-шэр.

Лупи-топи прославился в один день. К нему помчались корреспонденты и любопытные туристы, он написал воспоминания о том, как впервые увидел Шони-зи и как любовь к ней помогла ему преодолеть непреодолимые трудности.

Эти воспоминания принесли славу и ему, и самой танцующей птице Шони-зи. Птица была рада, что такой милый осьминог прославился и прославил ее.

Они снова встретились и с тех пор больше не расставались.

На берегу острова Лупи-топи построил большой дом. Центральная комната этого дома представляет собой круглый бассейн с выходом в от-

крытое море. Возле бассейна посажены большие деревья гзиго, на которых птицы с планеты Трискада отдыхают и спят.

Теперь птица Шони-зи, если она не на гастролях, летает над островом, или сидит на дереве гзиго, или купается в бассейне с осьминогом. И они счастливы.

Вождиха произнесла короткую речь и улыбнулась.

Мужчина, тот самый, хромой, с обезображенным лицом, подошел к Пашке и потрепал его волосы.

– Волосы, – сказал он. – Как солнце. Хорошо.

– Где твое племя? – спросила вождиха.

Пашка все это понял. Ну что тут сложного для пятиклассника?

– Племя. – Пашка ударил себя кулаком в грудь. – Не знаю. Папа-мама ам-ам тигр. Племя нет.

И Пашка начал плакать, стараясь показать, как он расстроен.

Троглодиты очень сочувствовали Пашке. Одна маленькая девочка тоже заплакала. Самый большой и сильный воин с низким лбом и волосатой грудью и плечами подхватил Пашку на руки.

– Ты как зовут? – спросил он. – Ты плохо не надо.

– Пашка, – признался Гераскин.

– Пшшшк, – произнес воин и поставил Пашку на землю. – Нет понимать. Нет. – Он обвел взором своих соплеменников и сказал, показав на вождиху: – Ма-ма! Мама-у!

И все вокруг повторили хором это имя.

Вторым в племени мужчина считал себя. Поэтому он прорычал, ткнув себе в живот пальцем:

– Гром.

И все стали изображать грохот.

– Все ясно, – остановил их Пашка. – Все понятно без перевода.

Мужчина постарше, с изуродованным лицом, оказался Тигром. Сидевшая у костра старуха, которая почему-то невзлюбила Пашку, оказалась Тучей. Может, когда-то она и была похожа на тучу, но теперь даже облачком ее не назовешь.

Потом подошла очередь молодой охотницы, которая понравилась Пашке с самого начала. И тут Пашка увидел, что из пещеры выходит точно такая же. Близняшки!

Ора и Ура – так их звали. Почему у остальных имена что-то значили, а у этих не значили ничего – разве поймешь? Потом из пещеры вышел

еще один мужчина, скорее молодой, чем старый, но немного горбатый и очень печальный. Он укачивал на руках ребенка. Ребенок не плакал, а тихонько подвывал. Вот тут Грому пришлось потрудиться, прежде чем он смог объяснить Пашке, в чем дело. Оказывается, этот мужчина по имени Крот очень расстроен. У него пропала жена, мать этого ребенка, у которого имени не было. Имя человеку дают, когда он стал большой и всем уже ясно, что из него вышло. Правильно они придумали, решил Пашка.

Женщина Большой Огонь ушла в лес и не вернулась. А трое детишек остались.

Вот ее муж и нянчит их. Никто не смеялся, и Пашка понял, что эти люди, может, и не такие уж первобытные, если так переживают за других.

Теперь наступила Пашкина очередь.

– Пшшшк нехорошо, – сказал Гром.

И все, включая детей, которым еще даже не положено иметь имя, принялись шуметь и измываться над добрым именем Гераскина. Оно казалось этим троглодитам совершенно не подходящим для такого славного парня, как их новый соплеменник.

Каждый норовил придумать Пашке имя, и со всех сторон неслись слова, которые Пашка должен был угадывать. В конце концов остановились на имени Седой. Хотя были имена и не хуже. Например, Палец, чтобы показать, как Пашка одинок. Или Камыш, потому что Пашка высокий и худой. Гром хотел назвать Пашку Снегом – наверное, из-за светлых волос.

Ну ладно, Седой так Седой.

Пашка вспомнил, что совсем забыл про съемки. Вот это глупо! Какую сцену упустил! Неужели человечество никогда не увидит этих кадров?

Он попробовал заставить свою новую семью повторить знакомство, но его никто не понял. Все разошлись по своим делам.

Пашка сделал вид, что осваивается в пещере, и никто его не останавливал. Его признали своим и даже, очевидно, решили, что он специально заманил сюда ленивца, чтобы было вкусненькое на ужин. А уж когда узнали, что он сирота и у него нет своего племени, признали окончательно, и никто не мешал ему ходить куда хочешь и смотреть на что хочешь. Пашка вдруг подумал, что жить среди троглодитов даже лучше, чем среди цивилизованных людей. Ни одна душа тебя не воспитывает, не учит, не заставляет заниматься тем, чего ты делать не хочешь. И если бы в пещере не было так противно, ему бы здесь понравилось. Но в пещере стояла удушливая вонь – ведь здесь много лет жили совершенно

Вторым в племени мужчина считал себя. Поэтому он прорычал, ткнув себе в живот пальцем:
– Гром.

немытые люди, которые к тому же не выбрасывали объедки, а сваливали их в дальнем углу жилища.

Пашка снимал по очереди своих новых родственников, тихо повторял их имена, чтобы потом не перепутать, затем снял кучу вонючих отбросов и подумал, что обязательно научит троглодитов убираться. Дальше, в самую глубь пещеры, Пашка сунуться не рискнул. Там было совершенно темно. Он стоял на границе тьмы и слабого света, когда одна из близняшек – наверное, Ура, у которой, в отличие от сестры, была родинка на щеке, – вдруг нагнулась, вытащила из костра большой тлеющий сук и, светя им перед собой как факелом, подошла к Пашке.

– Иди, – сказала она и уверенно направилась в темноту.

Пашка пошел следом.

– Эй! – вдруг сказала Ура.

Она ткнула факелом вперед, и Пашка чуть не кинулся бежать обратно: на них смотрел гигантский, размером с ботинок, пауко-скорпион, который сидел посреди неопрятной густой паутины, перекрывающей путь.

– Эй! – громче крикнула Ура.

И к ней тут же подбежала сестра-близняшка Ора, которая, видно, понимала сестру с четверть слова. Она тоже несла факел.

Ура ткнула своим факелом в пауко-скорпиона. Тот, поднявшись на задние лапы, принялся угрожающе водить клешнями в воздухе и вдруг прыгнул вперед.

Пашка от неожиданности сел на землю.

Однако он успел увидеть, как Ора на лету подхватила пауко-скорпиона и открутила ему голову – одним движением.

– Седой! – закричала Ура. – Смотри!

Ора показывала ему убитого пауко-скорпиона, который еще шевелил страшными клешнями, пытаясь ударить девушку когтем, расположенным на конце хвоста.

– Брось! – крикнул ей Пашка.

– Зачем брось? – удивилась Ора. – Еда. Вкусно.

Пашка хотел подняться, но рука его задела что-то скользкое. Он машинально вцепился в это скользкое плотное «что-то», которое зашевелилось у него в руке. От страха Пашка отбросил это скользкое в сторону и с испугом увидел, как в воздух взлетела огромная белая гусеница. Ура поймала ее.

– Смотри! – закричала она. – Смотри, что нам добыл Седой.

– Ого! – сказала Ора, поедая пауко-скорпиона. – Седой – большой охотник. Седой – везунчик.

И девушки поспешили обратно, поближе к входу в пещеру. Ура несла белую гусеницу и факел, а Ора – факел и недоеденного пауко-скорпиона.

У костра их встретили остальные троглодиты.

Вы бы видели, какое поднялось веселье! Ура и Ора, перебивая друг дружку, рассказывали, как они увидели пауко-скорпиона, чудище страшное и ядовитое, но вкусное и полезное.

«Надо же, – подумал Пашка, который уже без труда понимал все разговоры, – ведь был кто-то первый, кто осмелился схватить пауко-скорпиона и выяснить, что он вкусный!» Сам Пашка решил, что есть эту гадость не будет. Не будет он есть и скользкую гусеницу.

Но тут-то он и не угадал.

Девушки продолжали рассказывать, и Пашка понял, что, пока они занимались своим обыкновенным девичьим делом – боролись с пауко-скорпионом, – наш Седой отыскал в темноте редчайшее лакомство – гусеницу Ко. И сейчас будет пир, а самый лучший кусок этой гусеницы достанется Седому. Потому что, несмотря на молодость и на то, что он пришел из чужого племени, он оказался славным охотником и добытчиком. Он смог разглядеть в густой листве большущего ленивца, а потом в полной темноте пещеры поймал белую гусеницу Ко, которая не попадалась никому уже три зимы.

Тут же гусеницу передали Маме, и та собственноручно занялась ее разделкой. Пашка с ужасом думал, что, если его все-таки заставят есть эту пакость, его вырвет, и он сразу себя выдаст: троглодиты догадаются, что он шпион, и убьют его.

Пока Пашка пытался изгнать из головы эти печальные мысли, Мама оторвала гусенице голову, и Пашка увидел, что из скользкой твари закапала какая-то желтая жидкость.

Мама приложила обезглавленную гусеницу к губам и глотнула. Лицо ее стало добрым, помолодевшим и даже симпатичным.

Она передала гусеницу Пашке. Троглодиты смотрели на него. Пашка понимал, что ему пришел конец, но он был гордым человеком и решил бороться до конца. Он поднес к губам гусеницу – скользкую колбасу с желтой жидкостью внутри – и, зажмурившись, высунул язык, чтобы попробовать. Вырвет или не вырвет?

И языку своему не поверил! Это был самый обыкновенный мед.

Гусеница оказалась полна меда. Не гусеница, а склад, где древние пчелы хранили мед. Но про то, что это пчелиный склад, Пашка узнал позже, из рассказа хромого Тигра, самого мудрого человека в племени.

С великим облегчением Пашка сделал глоток меда и вернул гусеницу Маме. Та обвела племя взором – все смотрели на гусеницу в ее руке – и протянула ее Грому.

И все пробовали мед по очереди, только злой старухе почти не досталось.

«Что ж, для начала получается неплохой фильм, – решил Пашка. – Ричард лопнет от зависти».

Глава шестая
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Пашка собирался погулять по окрестностям, проверить, не осталось ли здесь случайного динозавра. Он знал, конечно, что динозавры давно вымерли, но ведь бывают же исключения. И если Пашке удастся увидеть живого динозавра, он сделает великое открытие.

Ему давно хотелось сделать великое открытие, но всегда не хватало чуть-чуть. То кто-то другой успевал его сделать раньше, то открытие срывалось в самый решительный момент.

Пашка вышел из пещеры и направился к реке. Кстати, в реках иногда водятся крокодилы пострашнее динозавра.

Но Пашка не успел далеко отойти. Его окликнула Мама.

– Седой! – позвала она и протянула какой-то камень. Пашка не понял, зачем ему камень, поэтому подумал, что, может, такими камнями троглодиты динозавров убивают.

– Спасибо, – сказал Пашка и взял камень, похожий по форме на фасолину с ладонь размером, оббитый и чуть заостренный с одного края. Таким никого не убьешь.

Пашка собирался продолжить свой путь, но Мама взяла его за шиворот, если, конечно, у шкуры бывает шиворот, и повернула лицом к ленивцу, который лежал на земле. Ребятишки во главе с противной старухой пилили и кромсали его шкуру.

– Давай-давай, – сказала Мама. – Работать.

– Ну вот, – расстроился Пашка, – не успели превратиться в людей, а уже – работай, работай! Работай и будешь с уродским горбом!

– Работай хорошо, – возразила Мама. – Работа – кушай, не работа – не кушай.

– Где-то я этот лозунг уже слышал, – сказал Пашка.

– Работай – хорошо. Много кушай! – прошипела злобная старуха, и Пашке показалось, что она издевается над ним.

Надо бы ответить ей, конечно! Но он здесь в гостях, так что придется быть вежливым. Пашка подчинился и пошел работать, чтобы кушать.

Он присел на корточки возле ленивца и стал смотреть, как трудятся остальные. Работали ребята ловко.

Сначала они разрезали шкуру, потом начали подрезать ее, чтобы снять с туши.

Пашка попробовал делать как все, но его кремень все время соскальзывал. Ребята бросили работу и принялись смеяться, глядя на Пашкины усилия.

– Чего ржете, как жеребцы? – рассердился Пашка. – Неужели не видите, что это не скребок, не ножик, а просто булыжник. У вас-то скребки лучше, фирменные!

Каким-то образом старуха поняла эту длинную речь и молча протянула Пашке собственное орудие. Они обменялись, и Пашка тут же понял, что бабкин скребок не острее, чем у него, только скользкий от крови.

Когда у Пашки ничего не получилось и с новым скребком, ребята просто от смеха покатились. Но старуха прикрикнула на них, и они умолкли, а старуха подошла к Пашке, взяла его ладонь своими сухими сильными пальцами и стала водить его рукой, чтобы научить Пашку пользоваться скребком. Пашка не сопротивлялся, не то совсем засмеют. Он постарался сделать так, как показала старуха, и – не сразу, правда, – у него стало получаться.

«В конце концов, – подумал Пашка, – у меня за плечами пять классов школы и еще тридцать тысяч лет. Я знаю миллион разных вещей, о которых вы и представления не имеете. Я вас могу только жалеть – какую первобытную некультурную жизнь вы ведете».

Вот, например, этот скребок. Ну что бы его не сделать железным, то есть ножом? Надо будет рассказать им, как делать железные ножи.

– Железо, – сказал он старухе. – Железо хорошо. Мы бы этого ленивца в два счета разделали.

Старуха кивнула, теперь она ничего не поняла. Может, подумала, что Пашка благодарит ее за науку.

«Ну а если железа у вас пока нет, – продолжал мысленно размышлять Пашка, – мы можем заострить скребок по-другому. Как это сделать? Наверное, надо найти большой камень и об него молотить!»

Поскольку работа над разделкой ленивца шла своим ходом, а от Пашки пользы было мало, никто не стал возражать, когда новенький троглодит отошел в сторону, сел над самым обрывом, где лежала каменная плита, и принялся молотить по этой плите своим скребком.

От его ударов сыпались искры.

Он молотил, молотил, в раж вошел, разозлился и тут почувствовал, что его кто-то, крепко схватив за ухо, поднимает. Пашка постарался обернуться, но было больно, и он лишь по голосу догадался, что это Мама.

Она взяла с плиты скребок и стала его крутить в свободной руке.

– Ой, плохо! – зарычала она. – Скребок хороший, Седой плохой. Зачем скребок ломал? Зачем тупой делал? – И отвесила Пашке подзатыльник.

И поскольку ему давно никто, кроме мамы, не давал подзатыльников, Пашка вспылил и кинулся на нее с кулаками. Он все равно не воспринимал ее ни как настоящую женщину, ни как вождиху, а считал большой обезьяной.

Ну, тут он получил! Его колотили, молотили, крутили, кидали, швыряли – только что в землю не закопали.

– Сдаюсь! – закричал наконец Пашка. – Сдаюсь же, кому сказал.

Вождиха отпустила провинившегося мальчишку и стала ему выговаривать:

– Мама – главная. Нельзя бить. Плохо.

– Ой, плохо! – говорили остальные и качали головами. Они стали объяснять Пашке как могли, где словами, где руками, что если поднять руку на вождя, то не будет порядка в племени. А не будет порядка, любой враг может перебить несчастных троглодитов. Они принялись рыдать, размазывая по грязным лицам слезы, и даже Мама присоединилась к рыданиям.

– Ну кто сказал, что вы нечувствительные! – воскликнул Пашка. – Просто кружок по вышиванию!

Он сразу почувствовал себя умнее и сильнее троглодитов. Они же как дети. Они дикари. И обращаться с ними надо как с детьми. Конечно, он мог бы стать вождем племени, но для этого надо ввести у троглодитов демократию и выборы. И еще не известно, стоит ли этим заниматься. Научишь их демократии, а потом практика кончится, и что они без тебя с этой демократией делать будут? Вдруг они для нее не созрели?

Конечно, вести себя надо умнее. Не стоит переделывать их примитивные орудия. Надо пойти по пути изобретения новых!

Так что Пашка покинул своих соплеменников, которые все еще шумели у пещеры, и спустился к реке. Там его никто не будет отвлекать от мыслей.

Река оказалась не очень широкой, но довольно быстрой, и, хотя в этих краях стояло позднее лето, погода была не из лучших – так, на уровне октября. С утра собирался дождь и все никак не мог толком начаться.

Пашка спустился к воде. Первым делом ему хотелось умыться. Он бы и искупался, но место незнакомое, течение быстрое, и неизвестно, какие гады тут водятся.

Умываясь, Пашка осматривался вокруг, стараясь найти подходящие камни, чтобы сделать из них настоящие орудия, достойные человека. Камней было немного, трава подступала к самой воде, и Пашка понял, что, наверное, все хорошие камни троглодиты уже растащили, и придется идти дальше, куда они еще не добрались.

Шагов через двадцать Пашка отыскал сразу несколько хороших булыжников – они лежали в быстрине на мелководье. Пашка зашел в воду. Он был, естественно, босиком, но состав, которым в Институте времени намазали ему ступни, охранял их от колючек и всяких острых предметов, словно прозрачные тапочки.

Пашка взял один камень, он ему не подошел, потом другой – получше. И третий... Нет, этот тоже не годится.

Он размахнулся и бросил ненужный камень в сторону. Тот плюхнулся в реку, вода забурлила, и из нее высунулась оскаленная пасть неизвестного Пашке чудовища. Оно смахивало на крокодила или на небольшого дракона. У него были короткие передние лапы, покрытые чешуей, с когтистыми пальцами.

Крокодил метнулся за Пашкой, в мгновение ока оказался на берегу и угрожающе зарычал.

Пашка стал отступать вверх по склону. Может, и стоило позвать на помощь, но конечно же ему было стыдно, и он молчал.

У крокодила оказалось короткое толстое туловище, хвост едва доставал до земли. Чудовище размахивало этим коротким хвостом и било им по деревьям и кустам.

Пашка понял, что не может тягаться с этим крокодилом или кто он там, тем более что на дороге попался густой куст и Пашка застрял в нем, как в паутине.

Хриплый крик вырвался из его уст.

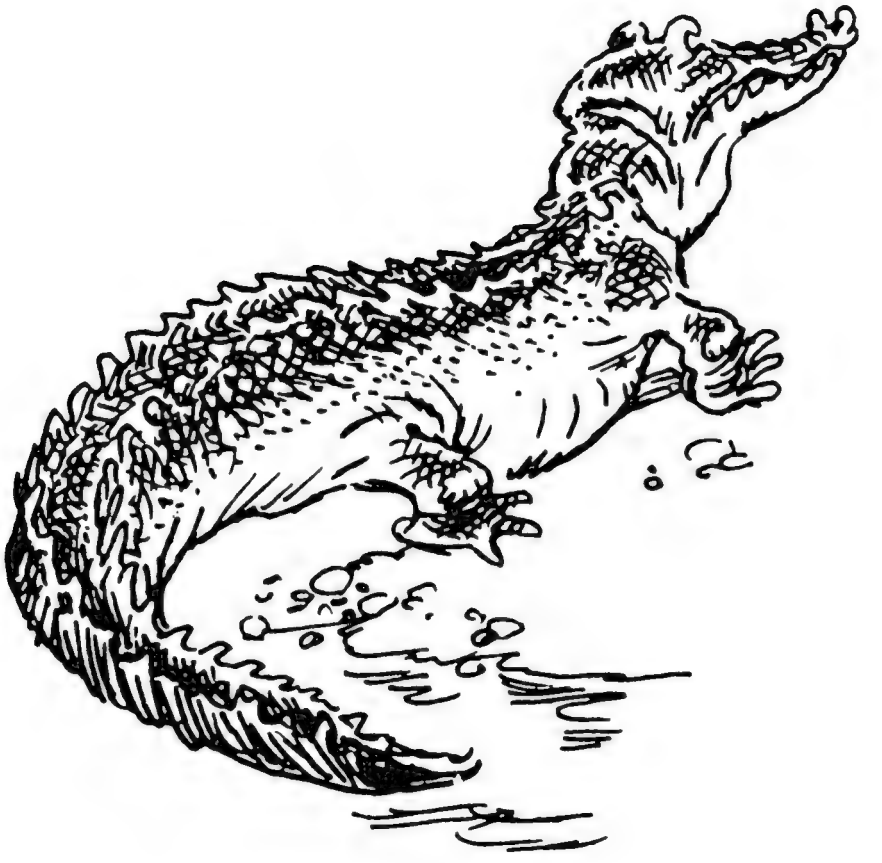
На счастье, поблизости оказалась старуха, которая всегда с такой злобой смотрела на Пашку. Она, видно, собирала какие-то корешки.

При виде Пашки старуха выпрямилась и бросила корешки на землю. Похоже, она испугалась куда больше Пашки, потому что заверещала, словно поросенок.

Пашка все бился в кусте, но от старухиного верещания крокодил оторопел и остановился. Наверное, теперь он не знал, на кого кидаться.

И тут на подмогу сверху скатился пес. Пещерный ископаемый пес, похожий и на собаку, и на лисицу, и на енота – видно, окончательное формирование еще не произошло. Но лаять он умел великолепно, крокодила вовсе не испугался, а стал, заливисто лая, прыгать на него.

Крокодил несколько раз открыл и закрыл пасть, будто просил прощения, и начал пятиться вниз по склону, неосторожно оступился и поте-



рял равновесие. Конец своего пути к реке он катился как бревно. Пашка чуть было не рассмеялся.

Старуха сразу стала кричать на Пашку, слов он не понимал, но смысл конечно же улавливал: «Куда ты суешь свой нос, так можно и вовсе без носа остаться! Видели бы тебя дедушка или мать – они бы этого не пережили!»

Пашка отмахнулся от глупой старухи.

Пес подбежал к нему, стал прыгать вокруг, потом лег на спину – все четыре лапы кверху, – ну, как настоящий! Пашка погладил его и тут же отдернул руку – на нем, наверное, миллион блох!

Можно считать, крокодилу просто повезло, что он не догнал Пашку. Если бы посмел догнать – тут бы Пашка ему и треснул по голове!

Так Пашка и сказал ребятам, которые прибежали следом за псом. Они стали расспрашивать старуху, кто напал на Пашку, она им что-то отвечала, все время повторяя слово «дуля». Дуля и дуля. Наверное, так у троглодитов называется этот крокодил.

Пашка поднялся на площадку перед пещерой. Ребята снова принялись разделывать ленивца, дымок, которым тянуло из пещеры, стал гуще – вероятно, на костре что-то готовили. Пахло печеными овощами.

Близняшки куда-то ушли, не было видно и мужчин. Только Мама встретила Пашку, и, когда старуха рассказала ей, что Пашка чудом спасся от смерти в челюстях крокодила-дули, она начала Пашке выговаривать, чтобы не смел соваться куда не просят. Но поскольку Пашке всю жизнь взрослые только это и говорят, он давно научился такие советы пропускать мимо ушей.

Пашка уселся на землю возле большой каменной плиты и положил на нее булыжник, который ему все-таки удалось найти в реке, пока старуха читала свои нотации.

– Сейчас будем изобретать настоящее оружие, – сказал он себе под нос.

Наверное, лучше всего сделать нож. Каменный нож. Он видел такие ножи на картинке в учебнике истории. Но нужен третий камень – чтобы откалывать от булыжника куски.

Тут к Пашке подошла любопытная девчонка, которая еще не получила имени. Она была поменьше Пашки, хотя он пока с трудом определял возраст троглодитов. Выглядела девчонка лет на семь-восемь. На Пашку она взирала с почтением и поэтому понравилась ему.

– Ты что? – спросила она.

Пашка повернулся к Девочке-без-имени и ответил:

– Я делаю острый камень.

В языке троглодитов не было слова «нож». Пашка догадался, что у них существуют обозначения только для тех вещей, которые уже придуманы.

– Зачем?

Пашка не ответил. Он подумал: «Неправильно, что детям не дают имен. Ну как их называть?!»

– Как тебя называть?

– Девочка, – сказала девочка.

– А вон ту, которая режет ленивца?

– Девочка.

– А того мальчика?

– Мальчик.

– А как вас, девочек, различать?

– Нас не надо различать, мы себя различать сами. – Девочка с трудом сказала такую длинную фразу. И она попыталась объяснить Седому, которому, вообще-то говоря, рано иметь имя, но для которого сделали исключение: – Все равно какой ребенок. Зови одного, приду я – ребенок. Все равно какой.

– Ладно, – смирился Пашка. – Лучше смотри. Вот как надо делать ножи.

Он положил камень на плиту и стал бить по нему другим камнем.

Девочка-без-имени сказала:

– Так нельзя. Плохо. Камень плохой.

– Что ты понимаешь!

– Надо кремень, – сказала девочка. – Это не кремень.

Тут, конечно, и другие дети подбежали. И начали объяснять, что нужен кремень, что орудия делают только из кремня, что за кремнем взрослые ходят далеко-далеко, целый день идут. Что-то Пашка понял, чего-то

не понял. Но главное, он не знал троглодитского слова, обозначающего кремень, и потому все речи детей были для него пустым звуком.

Он бил камнем по камню, стараясь откалывать кусочки, но ничего не получалось. Оба камня крошились, и только.

Пришел горбун Крот. Он тоже принялся объяснять Пашке, что тот неправильно делает орудие. Даже Мама подошла наконец и строго сказала Пашке, что, хоть он уже и получил имя, это не значит, что он взрослый охотник. Он должен всех слушаться и перестать стучать плохим камнем о плохой камень.

Правда, во всей этой шумной сцене Пашка понимал далеко не все из того, что ему говорили и кричали, а троглодиты понимали не все, что им отвечал Пашка.

– Нет! – закричал Пашка, вконец разозлившись. – Я вам докажу, что я прав!

И со злости он так ударил камнем по камню, что его булыжник раскололся точно пополам.

И оказалось, что он внутри полый!

Внутренность камня сияла, потому что кончиками внутрь в нем расположились какие-то сверкающие кристаллы.

– Эх, – вздохнул Пашка, – не повезло. А я думал, что камень целый.

Но троглодитов просто поразили Пашкины действия – словно он был знаменитым фокусником.

Мама наклонилась и медленно подняла половинку камня, будто чашу, выложенную изнутри алмазами.

– Чего удивляетесь? – сказал Пашка. – Горного хрусталя, что ли, не видели? Дикие люди!

Троглодиты кудахтали, как куры на базаре, потом Мама попыталась отколупнуть один из кристаллов.

Из пещеры выполз Гром. Наверное, он спал, и крики его разбудили.

– Что случилось? – спросил Гром.

– Седой! – закричали дети. – Седой! Седой!

Они затарахтели, объясняя Грому, как новичок притащил камень, чтобы сделать нож, а вместо этого камень разбил. И там внутри оказались кристаллы.

– Зато красиво, – сказал Пашка.

Гром отобрал половинку камня у Мамы, положил его на плиту и так ударил сверху глыбой, что «чашка» рассыпалась и кристаллы покатились во все стороны.

Все кинулись подбирать кристаллы, но Мама криком приказала оставаться на местах. Она сама собрала кристаллы, а потом начала раздавать их. Себе взяла самый большой, Грому дала поменьше, остальным – совсем маленькие. Правда, Пашке достался кристаллик чуть больше, чем у остальных.

«Ну что ж, – решил Пашка, – по крайней мере, надо мной не смеются. И я им всем еще докажу, что я – великий человек. Эти троглодиты еще будут передо мной преклоняться!»

– Седой – хороший, – сказала Мама. Потом быстро приказала старухе что-то сделать, та пыталась возражать, Мама на нее прикрикнула, и старуха ушла в пещеру.

Через минуту она вылезла обратно. В руках она держала настоящий кожаный пояс с карманом спереди – такие пояса носили лишь главные троглодиты. Даже у девушек Уры и Оры их не было. Не было пояса и у самой старухи. Только у Тигра, Крота, Грома и Мамы.

– Твой, – сказала Мама. – Бери.

Пашка обрадовался такому подарку. Значит, он перешел в число настоящих охотников. К тому же удобно иметь хотя бы один карман. Попробовали бы вы прожить день без карманов или сумки. Пашка прихватил поясом шкуру – удобно!

Смешные люди эти троглодиты. Недаром раньше путешественники брали с собой бусы для туземцев. Им так нужны блестящие камешки!

Пашка провел острием кристаллика по камню – и на камне появилась белая полоса. Смотри-ка! Может, научить их писать? Они будут писать записки, а потом у них появится литература. Нет уж, лучше не надо! А то напишут скучную классику и заставят детей, у которых даже имени еще нет, учить свои рассказы.

Крот подобрал с земли обглоданную лопатку оленя, склонил голову, задумался, потом принялся царапать хрусталиком по кости. Пашка подошел поближе. Оказывается, они умеют рисовать!

Пашка включил камеру и стал снимать, как из-под пальцев Крота на лопатке появляется медведь, стоящий на задних лапах. А перед медведем – человек с палкой.

Многие подходили к Кроту полюбоваться картинкой, которая всем очень понравилась. Правда, сравнивать-то им было не с чем.

Крот подошел к остывающему костру возле пещеры, набрал в ладони золы и начал тереть лопатку. Зола попала в углубления, и рисунок стал четким, словно Крот делал его карандашом.

– Дашь на память? – спросил Пашка.

– Память? – Крот его не понял.

– А я тебе тоже что-нибудь подарю. Как только изобрету – все твое.

Крот не понял, но лопатку с рисунком отдал. Пашка понес ее в пещеру, где решил складывать добычу, – ведь из экспедиции надо привозить экспонаты, то есть всякие вещи для музея.

Кристалл Пашке надоел – не будет же он рисовать на кости?! И Пашка сунул его в карман своего пояса.

Глава седьмая
РЫБОБОЙ

Надо было продолжить изобретения. С ножом пока не получилось, тогда Пашка подумал, что троглодиты очень нуждаются в удочке. Или в сети. Пашка еще не решил, что изобрести дальше. Тут он увидел, что Гром взял из пещеры прямую палку, заостренную на конце.

– Ты куда? – спросил Пашка.

– Рыба, – сказал Гром. – Знать рыбу?

– Ты что, собираешься рыбу палкой ловить? – Пашка даже засмеялся.

– Как ловить не палка? – удивился Гром.

– Я пойду с тобой, – сказал Пашка.

Гром не стал возражать.

Они спустились к реке. Крокодила-дулю видно не было, но Пашка решил не расслабляться. Он оглянулся – может, песик за ними прибежал? Все-таки подмога. Но и песика не было.

Гром подошел к реке и стал вглядываться в прозрачную воду. Затем направился вверх по течению. Пашка шел следом. Вот Гром отыскал удобное место – там был перекат, и река весело журчала по камешкам. Гром зашел в воду по колено и замер. Палку он держал в руке, чуть приподняв.

Приглядевшись, Пашка увидел, что в стремнине медленно плывет крупная рыбина, так медленно, что, казалось, она вовсе не движется, лишь хвост ее колебался и поворачивался, как руль у лодки.

– Давай, – подсказал Пашка Грому. – Бей.

Гром послушался и метнул палку вперед. Рыба чуть отошла в сторону, а палку Гром выпустил, и потому ему пришлось лезть в глубину, чтобы достать.

– Ну что ж ты! – укорил его Пашка, когда Гром, весь мокрый, дрожащий от холода, вылез на берег.

– Лучше бы ты под руку не кричал! – прорычал Гром.

Вернее, он сказал это иначе, по-своему, попроще, но Пашка все понял и вдруг подумал: «А ведь дикий и совершенно неуправляемый человек! Возьмет и задушит или проткнет палкой вместо рыбы». Он на всякий случай отошел подальше от реки и уже оттуда крикнул:

– Надо удочку изобретать! Нечего жить как троглодиты.

Но Гром его не слушал, он уже снова полез в реку. Он был первобытным человеком и не видел никакой романтики в рыбной ловле.

– Вообще-то говоря, – крикнул ему Пашка, – рыбу так не ловят!

– Как ловить? – спросил троглодит.

– Существует множество способов, – ответил Пашка, присаживаясь на берегу. – Наиболее простой, пригодный, скажем, для пенсионеров – это удочка. Понял?

– Уточка, – повторил Гром. – Я понять. Понял.

– Значит, не понял, – сказал Пашка.

Он отыскивал на земле камешки и кидал их в воду так, чтобы они прыгали «блинчиком». Но для этого нужны плоские гладкие камни, а на берегу лежали круглые, и прыгали они плохо.

– Удочка, – продолжал Пашка свою лекцию, – состоит из удилища, желательно бамбукового. У вас бамбук растет?

– Бамбук растет, – вежливо ответил троглодит. – У нас все растет.

– Может, у вас и финиковая пальма растет?

– Растет, – сразу согласился Гром.

Нет, подумал Пашка, они здесь слишком вежливые. Он просто не хочет меня обидеть. И чтобы проверить эту мысль, Пашка невинным тоном спросил:

– А носороги у вас растут?

Задав вопрос, он не смог сдержать улыбки. Но рыбак не смотрел на него; он зашел в реку поглубже, потому что увидел крупную рыбину. Замахнувшись копьем, Гром ответил:

– Носороги у нас не растут. Носороги у нас водятся. И лучше бы тебе с ними не встречаться.

Пашка помолчал – оказывается, не такие уж они здесь и глупые. И ответил-то Гром как складно! Но урок необходимо продолжить, надо научить их ловить рыбу.

– Если бамбука нет, – сказал Пашка, – то можно срезать длинную прямую ветку орешника. Понятно?

– Понятно.

– А к ее концу привязать леску.

– Леску?

– Очень крепкую тонкую нитку.

– Я твоих слов не понимаю, мальчик, – сказал троглодит и кинул копье в рыбину. В последний момент рыбина увернулась, но далеко отплывать не стала, будто издевалась над рыбаком.

Гром поспешил за своим копьем, которое поплыло вниз по течению, а Пашка кричал вслед:

– Если у вас нет нейлона, то можно вытащить из кого-нибудь очень длинную жилу. У кого очень длинная жила?

– Он ее не отдаст, – ответил троглодит. Он наконец-то догнал копье и теперь возвращался обратно, вверх по течению. Рыбина плыла за ним – одной ей было скучно. – Ты говори, говори, – попросил Гром. – Мне интересно тебя слушать. В твоей голове поселилась мудрость. А по виду никогда не догадаешься.

Пашка подумал и решил, что ничего обидного в словах первобытного человека нет, поэтому стал объяснять дальше:

– На конце лески обязательно должен быть крючок. Это тебе понятно?

– Не очень, – признался троглодит.

– А что такое вопросительный знак, ты знаешь? – спросил Пашка. Он увлекся и совсем забыл, что троглодиты неграмотные. Когда видишь перед собой взрослого дядю, хоть и одетого в шкуру, трудно представить, что он не умеет читать и писать.

Пашка стал думать, как бы получше рассказать про крючок. Но придумал не сразу. А когда придумал, то попросил:

– Гром, погляди на меня.

Гром замер с копьем, поднятым для удара, потом повернулся к Пашке.

Пашка показал ему указательный палец, согнутый крючком:

– Видишь?

– Вижу, – печально ответил Гром, который уже устал обучаться рыбной ловле.

– Вот такую штуку мы должны сделать из железа или чего-нибудь твердого. И на конце будет такая острая зазубрина.

– Понял, – сказал троглодит так, что Пашка сообразил, что Гром ничего не понял.

Рыбина отплыла в сторону и провалилась.

– Ты закидываешь удочку в воду и ждешь, пока рыба клюнет.

– Рыба не птица, – сказал Гром и стал вылезать на берег. – Она клевать не умеет.

Пашка подобрал камешек и кинул его. Тот два раза подскочил на воде и утонул.

– Ты больше не будешь сегодня рыбу ловить? – спросил он. – А жалко. Мне есть еще чему тебя научить. Ты даже не подозреваешь, как интересно сделать бредень или невод.

Гром пошел вверх не оглядываясь, а Пашке не хотелось оставаться на берегу в одиночестве.

Он повернулся и через плечо кинул последний камень. В тот момент троглодит тоже обернулся и спросил:

– Ну, ты идешь, маленький обманщик? – и замер с разинутым ртом.

Оказывается, рыбина, которой тоже было интересно послушать, как Пашка изобретает удочку, вылезла из воды почти наполовину, и камень, наугад пущенный Пашкой, угодил ей прямо в голову. Оглушенная рыбина поплыла по реке белым брюхом вверх.

– Держи ее! Йеех! – завопил троглодит и, отбросив копье, кинулся в воду. Он догнал рыбину чуть раньше, чем это сделал крокодил, и выскочил на берег, прижимая ее к груди обеими руками. Хвост и голова рыбины свешивались вниз.

Пашка просто обалдел от неожиданности и сначала даже не понял, что рыбину оглушил именно он. Но троглодит, который шагал, с трудом удерживая скользкую рыбину в руках, все объяснил.

– Седой! – сказал он. – Приблудный мальчик! Ты великий охотник! Ты так заговорил рыбу, что она подставила тебе голову.

– А разве я плохо бросил камень? – спросил Пашка.

– Гениально! – ответил троглодит.

Вдруг Пашка почувствовал неладное и обернулся.

Этого еще не хватало!

Четыре или пять ископаемых крокодилов топали за ними по тропинке, спешили, толкались, стремясь отнять добычу у рыбаков.

Зрелище было таким ужасным, что Пашка подпрыгнул и, чуть не сбив Грома с ног, помчался наверх.

Он догнал рыбину чуть раньше, чем это сделал крокодил,
и выскочил на берег, прижимая ее к груди обеими руками.

Он несся, ничего не видя перед собой, подобно неуправляемой ракете, и потому даже не заметил, как врезался головой в волосатую спину какого-то существа.

Существо тоже не ожидало нападения сзади, оно ткнулось носом в траву, издав при этом пронзительный испуганный крик.

И мгновенно кусты вокруг ожили. Оказалось, что там скрывалось несколько громадных обезьян, или похожих на обезьян людей, которые, услышав панический вопль своего родича, кинулись бежать, топоча, как стадо слонов, теряя дубинки и камни. Главное – спасти свою жизнь!

Существа вылетели толпой на площадку перед пещерой, повернули направо и с треском ринулись по заросшему кустарником обрыву, тогда как обитатели пещеры застыли от ужаса, открыв рты и не смея пошевелиться.

Потому что они увидели банду разбойников, которые, похоже, собирались напасть на пещеру. Но кто-то их прогнал.

И тут же появился Тот-кто-прогнал-злых-чу.

Это был юный охотник Седой. Его глаза сверкали от страха, но никто этого не увидел. Все решили, что глаза его сверкают от ярости.

Мама заключила Пашку в свои горячие объятия, стала его тискать, целовать и кричала при этом:

– Он – наш спаситель. Злые чу шли нас убить. Седой их увидел. Седой их побил! Седой прогнал целую банду чу.

– Кого-кого? – спросил Пашка.

Он высвободился из объятий Мамы. Как всякий сообразительный ребенок, Пашка уже понял, что никто не собирается ругать его за трусость, а наоборот, все думают, что он совершил геройский поступок.

Каждый старался дотянуться до Пашки, похлопать его, погладить. Даже злая старуха Туча криво усмехнулась.

А Девочка-без-имени поцеловала Пашку в щеку, страшно покраснела и убежала в пещеру под хохот всего племени.

Тут пришел Гром с рыбиной в руках. Но крокодилы, которых так испугался Пашка, следом не появились. Пашка понял, что они испугались криков и топота.

Все начали объяснять Грому, что Пашка, увидев бандитов чу, не побоялся кинуться на них и заставил их убежать.

«Сейчас Гром расскажет, что все было не так, что я убежал от крокодилов...» Пашка даже замер. Но оказалось, что Гром не видел крокодилов, и поэтому он протянул руку Пашке, сказав:

– А я думал: куда он побежал? Бежит – молчит. Не хотел раньше времени бандитов спугнуть, да? В другой раз зови меня. Вдвоем лучше.

– Нет, – сказал Паша, – вдвоем не лучше. Вдвоем они бы нас услышали.

Гром согласился:

– Вдвоем хуже. Один – лучше. Седой умный.

– А то! – сказал Пашка, который уже искренне верил, что сражался с бандитами чу.

Тут Гром вспомнил про рыбу и стал описывать подвиг Пашки, который не только знает все хитрости и секреты рыбной ловли, но и одним броском обыкновенного камня уложил такую рыбину!

– Лосось, – сказала Мама. – Редкая добыча. Будем жарить или так съедим?

– Так съедим! – закричали троглодиты.

– Икру не трогать, – строго предупредила Мама. – Икра – вождю. Полезно для здоровья.

Вдруг послышался стон, доносившийся снизу, со склона.

Пес поднял ухо и тявкнул.

Взрослые троглодиты схватили дубинки, заостренные палки и камни и осторожно пошли по направлению к стону.

Пашка отправился за ними, а троглодитские дети остались возле пещеры под охраной старухи и Крота.

Идти далеко не пришлось. Под большим деревом лежал, неудобно подогнув ногу, один из разбойников. Пашка сразу вспомнил рассказ Ричарда и фильм, который смотрел перед путешествием.

Это же неандерталец! Загадочный обитатель каменного века! Неандертальцы жили вместе с первобытными людьми, но потом исчезли. И никто не знает, что с ними случилось. Значит, Пашка – на пороге исторического открытия.

– Погодите! – закричал он, увидев, что Гром поднял дубинку и направился к неандертальцу. Тот попытался отползти, но подняться не смог – наверное, сломал ногу.

Неандерталец оказался не меньше человека ростом, куда шире в плечах и с более крупными и сильными руками. Словом, он выглядел могучим созданием. Лоб у него был низкий, покатый, брови так тяжело нависали над глазами, что и глаз-то не было видно, нос расплющенный, губы выпячены – нет, это просто горилла какая-то!

Неандерталец пытался защищаться, скалился, показывая очень большие зубы – такими можно и руку откусить. Ясное дело, он был обречен.

Но тут листва раздалась, и появились волосатые руки – несколько рук. Это остальные разбойники вернулись за своим пострадавшим товарищем.

Пашка снимал, стараясь не упустить ни одной детали этой сцены. Ведь его фильму цены не будет! Встреча людей с неандертальцами. Как жаль, что он не сумел снять собственную стычку! Ведь это он обнаружил засаду неандертальских разбойни-

ков. В другой эпохе ему за это полагался бы орден. А тут... Может, лишнюю косточку дадут на обед?

Но он приехал сюда не за орденами и косточками. Он – ученый. Его долг – все увидеть, понять и рассказать другим.

Гром опустил дубинку, но опоздал.

Пашка почувствовал облегчение от того, что Гром не успел убить неандертальца.

А троглодит начал ругаться страшными первобытными словами. Пашка постарался успокоить его.

– Понимаешь, – сказал он, – неандертальцы все равно вымрут. Скоро их не останется. Неужели тебе хочется, чтобы именно люди, разумные кроманьонцы, оказались причиной гибели неандертальцев?

Конечно, Пашка изъяснялся сложно для троглодита, но Гром его понял и уверенно ответил:

– Вот именно!

– Ты этого хочешь? – удивился Пашка.

– Мы все хотим, – сказала Девочка-без-имени. – Тогда не будет разбойников.

– Будет спокойно и много мяса! – заявили остальные троглодиты.

– Боюсь, что мне вас не переубедить, – вздохнул Пашка. – Но если не будет неандертальцев, у вас найдутся другие враги.

Троглодиты задумались. Они стояли вокруг Пашки и думали так напряженно, что было слышно, как у них поскрипывают еще не совсем человеческие мозги.

– Какие враги? – спросила Мама. Она даже обернулась, чтобы проверить, не крадется ли враг.

– Ну, тигры, медведи, крокодилы... Звери.

Все начали кивать, потому что были согласны с Пашкой. Они не подумали о зверях, но оказалось, что Пашка опять прав. Он такой умный!

– Всех зверей надо убить, – сказал Крот. – Тогда будет спокойно и хорошо.

– И много мяса! – сказали остальные.

– Да, – сказала Мама. – Тигр плохой, медведь плохой, все звери плохие. Они едят быка и оленя, они отнимают наше мясо.

– У-у-у! Наше мясо! – возмущенно зашумели троглодиты.

– Эх, – махнул рукой Пашка, – ничего вы не знаете про науку экологию. Волки и медведи – санитары леса.

– А кто такой санитар? – спросил Мальчик-без-имени.

– Это доктор, только поменьше, – сказал Пашка. – Он лечит людей.

Все подумали, потом Мама сказала:

– Наверное, это колдун. Он лечит зверей.

После этого все пошли обедать, и Пашке в самом деле дали большую кость жареного на костре ленивца. Он подумал, что совсем не так уж плохо быть героем. Главное – не трудно. Пришел, увидел и стал героем.

Пашка снимал, как троглодиты едят. Конечно, у них не было вилок и ножей, не говоря уж о ложках. Но хорошо, что они уже научились жарить мясо, а то бы Пашка умер с голоду.

Глава восьмая
ТИГРИНЫЙ КЛЫК

После обеда троглодиты отправились спать. Они сбились в кучу на сене и шкурах возле чуть тлеющего костра. Но Пашке спать не хотелось – у него практически каждая минута была на счету. К тому же тайна неандертальцев так и не разгадана. Хотя, возможно, Пашка близок к разгадке. Как говорил Ричард: «Ты попадаешь как раз в тот период, когда все следы неандертальцев исчезают. И никто не знает, то ли они были перебиты кроманьонцами, то ли смешались с ними и в каждом из нас живет кусочек неандертальца».

Пашка вспомнил отвратительные злобные морды неандертальцев и даже поморщился – так ему не хотелось, чтобы в нем оставался кусочек неандертальца.

Зато Пашка уже знал кое-что, о чем Ричард не догадывался. Оказывается, в конце своего существования неандертальцы стали разбойниками. Они нападали на людей. Может быть, они их ели? С таких станется! Как морлоки в «Машине времени» Уэллса. Эх, посмотрел бы великий писатель Уэллс, как московский школьник разгуливает по отдаленному прошлому!

Все троглодиты спали. Лишь возле входа в пещеру сидела Ора – одна из близняшек – и следила за костром. Пашка уже знал, что костер надо беречь: видно, у них здесь плохо со спичками.

Пашка помахал Оре и сказал:

– Я далеко отходить не буду. Можно?

Девушка решила, что Седой шутит.

– Великий воин! Победитель бандитов чу! Добытчик медовой гусеницы! Разве такой воин спрашивает разрешения у обыкновенной маленькой женщины, которая только недавно получила имя?

Пашка не стал возражать. Если она тоже считает его великим воином, значит, жизнь прожита не зря. Ведь им здесь, в первобытной эпохе, лучше знать, кто великий, а кто нет.

Пашка направился к тому месту на склоне, где они нашли неандертальца. Он решил, что попробует пойти по следам и отыскать, где неандертальцы живут. Вот тогда получится фильм «Последний неандерталец»!

Полянка, где лежал раненый, была вся истоптана. Трава примята. Пашка внимательно осмотрелся – он был настоящим следопытом на тропе подвигов.

Вдруг на глаза ему попался какой-то предмет. Пашка наклонился и поднял из травы маленький костяной шарик, продырявленный посредине. Сквозь дырку была продета тонкая полоска кожи. Амулет. Или талисман. Не помог он неандертальцу!

Интересно, а Пашке поможет? Пашка надел на шею кожаный ремешок. Костяной шарик был теплым и скользким на ощупь. На нем было что-то нацарапано.

«Теперь я член стаи неандертальцев», – подумал Пашка.

Он пошел дальше, в ту сторону, куда соплеменники утащили раненого. Они волокли его через кусты, и потому идти по следу было нетрудно. Пашка конечно же шел осторожно и прислушивался. Меньше всего ему хотелось попасть в зубы к тигру или медведю.

Вдруг он остановился.

Справа от него кусты были особенно густыми, казалось, что в глубь зарослей ведет темный ход, который закрывала огромная паутина. Конечно, попасть в такую паутину страшно, да и хозяин наверняка – великан среди пауков. Но в тот момент Пашку увлекла совсем другая мысль.

«Это же выход! – подумал он. – Гигантский шаг вперед в прогрессе человечества. Именно из такой паутины можно сделать сеть для ловли рыбы, лески для удочек и даже силки для птиц. Но сначала надо посмотреть, кто там хозяин».

Пашка отыскал на земле толстый короткий сук и кинул его в паутину. Паутина затрепетала, сук было приклеился к ней, но потом оторвался и упал на землю.

Паук не появился. Скорее всего, у паутины не было хозяина. Он ушел жить в другое место, а паутину оставил. Пауки никогда не сворачивают паутину и не уносят ее с собой.

Пашка отыскал палку подлиннее и стал дергать паутину.

Никакого эффекта.

Тогда Пашка понял, что находка действительно великолепна.

Он начал срывать концом палки тросик, которым паутина крепилась к стволу дерева. Тросик оборвался. Наматывая его на палку, Пашка подошел к паутине совсем близко.

Что делать дальше? Нужна вторая палка.

Пашка стал оглядываться и не заметил, как сделал шаг назад. И тут кто-то схватил его липкими лапами.

С перепугу Пашка попытался обернуться – липкие лапы оказались паутиной! Пашка почти успокоился. Паука здесь нет, а с паутиной он справится.

Но выяснилось, что все не так просто. С каждым движением Пашка все больше запутывался. Паутина была не только липкой, но и ужасно крепкой – разорвать нить оказалось невозможно.

Пашка начал злиться. Лишнего времени у него нет, пора спешить к неандертальцам, а тут такая вот глупость получилась!

Он рванулся сильнее, но паутина схватила его еще крепче.

И тут проснулся хозяин этой ловушки. Вернее всего, он не спал, а поджидал настоящую добычу.

Это был старый мудрый паук, который не кидается на всякие там палки и сучья. Он ждет, когда вкусненький, сладенький человечек сам себя завернет в липкую паутину, тогда можно проснуться и пойти укусить, чтобы не дергался. А потом, как из большой мухи, высосать всю кровь.

– Стой! – закричал Пашка. – Ты с ума сошел! Я здесь на практике!

Паук, конечно, и не подозревал, что существует какая-то практика. У него самого была вечная практика – он никогда не занимался теорией поедания людей, он поедал их на практике.

Паук шел к Пашке не спеша, туловище у него было размером с два кулака, глаза черные, маленькие, злобные, а волосатые лапы... Вы никогда не видели таких страшных когтистых волосатых лап, каждая длиной в руку!

Паук нетерпеливо перебирал этими жуткими лапами, собираясь прыгнуть.

У Пашки от ужаса перехватило горло.

И в этот момент паук прыгнул!

Пашка зажмурился...

Ничего не случилось.

Пашка открыл глаза.

Паук лежал на земле – все лапы кверху, рядом – большой камень.

Пашка посмотрел в другую сторону. Оттуда ковыляла злая старуха Туча.

– Глупый Седой, – сказала она. – Все думают, что воин, а ты – глупый.

– Ну уж, попрошу! – обиделся Пашка. – Я не давал вам оснований...

Откуда-то из складок своих шкур, в которые она была закутана, как кочерыжка в капустные листы, старуха вытащила заостренный на конце булыжник и начала быстро резать паутину. Вскоре Пашка буквально вывалился оттуда.

– Надо идти в реку, помыться, – проворчала Туча, повернулась и пошла прочь.

– Вы куда? – спросил Пашка.

– За грибами, – ответила бабка противным голосом. – Не век же мне с тобой возиться.

– Спасибо, бабушка, – сказал ей вслед Пашка. – Возможно, вы спасли мне жизнь.

– Не возможно, а наверняка, – буркнула бабка.

Пашка принялся сдирать с себя клочья паутины и вдруг вспомнил об одном важном обстоятельстве.

– Туча! – крикнул он.

Надежды на то, что старуха все еще бродит поблизости, не было, но все же...

– Чего тебе? – издали откликнулась Туча.

– Я хочу вас попросить...

– Да не скажу я никому, не скажу, не бойся! – крикнула бабка. – Дело молодое, глупое...

Отдышавшись, Пашка решил продолжить путешествие. Правда, теперь он старался идти по открытым местам и не приближаться к густым кустарникам. На его счастье, выше по склону деревья стояли редко, между ними росла высокая трава. Один раз Пашка остановился, потому что неподалеку пробежала дикая свинья, очень похожая на современную, только с длинной мордой и большими загнутыми клыками, отчего она напоминала слоника. За свиньей вереницей бежали поросята с махонькими клыками. При виде человека семейка припустила со всех ног.

Еще через несколько метров подъем кончился, и Пашка вышел на равнину, на которой росли одиночные деревья. Равнина тянулась далеко, и края ее скрывались в легкой мгле.

Пашке захотелось идти весь день, а может, сто дней, раздвигая высокую траву, вдыхая душистый степной воздух...

И тут он увидел то, о чем и не мечтал: почти у горизонта двигались черные силуэты самых настоящих мамонтов!

Для Пашки путешествие в прошлое по-настоящему началось только с этого момента. Люди они и есть люди – ты их только переодень, и они станут троглодитами. Неандертальцы – большие обезьяны без всякого разумения. Да и не видел их Пашка толком... Но мамонты, волосатые гиганты с кольцами огромных, до земли, бивней, горбатые, неповоротливые!.. Вот такого Пашка с удовольствием подстрелил бы в поединке один на один. Ну а потом начал бы охранять тех, кто остался в живых.

Мамонты брели не спеша, иногда кто-нибудь из них останавливался и начинал рвать хоботом траву. Остальные ждали. Один мамонтенок прыгал, пытаясь достать до веток дерева. Подошла мать и наклонила верхушку, чтобы сыну было удобнее.

Мамонты приближались, и Пашке уже было видно, как сверкают их глаза, как белые цапли сидят у них на спинах и выклевывают блох или каких-то других паразитов – ведь мамонты, как и троглодиты, никогда не моются.

И тут Пашке довелось стать свидетелем трагедии.

Другой мамонтенок, чуть больше того, что пытался достать до веток, отстал от стада. Неожиданно из-за дерева метнулась тень. Гигантский тигр взлетел в воздух, когти его вонзились в хобот мамонтенку. Мамонтенок не выдержал этого могучего удара, упал и завопил, совсем как обиженный ребенок. Тут же ему в ответ затрубила мать. С неожиданной для такой неуклюжей громады резвостью она развернулась и кинулась на помощь своему ребенку.

Появился второй тигр. Он встретил мамонтиху, спешившую на выручку сыну, и, подпрыгнув, вцепился ей в лоб, раздирая задними лапами хобот.

Наверное, вся эта схватка закончилась бы для мамонтов плохо, но, как всем известно, слоны – куда более умные животные, чем львы или тигры. Они знают, что сильнее всех тогда, когда вместе.

Мамонты разом развернулись и стеной бросились на хищников.

Тигр, который пытался растерзать мамонтенка, был слишком поглощен своим злодейским занятием и не заметил опасности. Зато второй успел сообразить, что против стада мамонтов ему не устоять. Поджав хвост, он побежал прочь. Первый же поднял окровавленную морду, показал огромные желтоватые клыки и страшно зарычал.

Но его рычание никого не испугало.

Тяжелые крутые бивни ударили тигра по голове, толстые могучие ноги начали топтать его, и, хотя теперь он пытался убежать, было поздно. Прошло, наверное, чуть меньше минуты, и раздавленный саблезубый тигр уже валялся в траве.

Мамонты старались поднять мамонтенка. Они толкали его лбами, тянули хоботами, пока наконец он, пошатываясь, не встал на ноги. Две слонихи сжали его мохнатыми боками и так, между собой, повели. Сзади, прихрамывая, топала его мать.

Пашка был доволен, что заснял и эту сцену. Как оператору ему сказочно везет!

Надо бы возвращаться домой, в пещеру, но любопытство заставило пойти вперед. Ничто вроде ему не угрожало, никаких диких зверей поблизости. Пашка смотрел под ноги, чтобы не наступить невзначай на змею или скорпиона.

Над головой парили птицы. Одна из них спикировала вниз – Пашка понял, что стервятники заметили добычу. Он подобрал сук потяжелее и побежал к тигру, потому что в любой момент следом за стервятниками могли появиться гиены, шакалы, может, даже другие тигры. Многих зверей Пашка и в кино не видел, но уже знал, что настоящий охотник должен быть осторожен.

Подойдя к лежавшему на земле тигру, Пашка увидел, что мамонты постарались на славу. Морда тигра была раздавлена тяжелыми слоновьими ножищами, тело разорвано бивнями. Даже шкуру не возьмешь как охотничий трофей.

От жуткого удара один из клыков тигра отлетел в траву. Да, это был настоящий кинжал! Такого оружия у троглодитов нет.

Пашка поднял клык, обмотал широкий конец травой, чтобы было удобнее держать, сунул «кинжал» за пояс и повернул к пещере, размышляя о том, что с помощью таких клыков можно развить сельское хозяйство – копать, рыхлить, сеять.

Обратный путь обошелся без приключений.

Подойдя к пещере, Пашка крикнул:

– Выходи кто живой, начинаем развивать сельское хозяйство!

Когда соплеменники, которые все еще дремали после обеда, выползли наружу, Пашка вытащил из-за пояса клык саблезубого тигра и спросил:

– Ну, кто теперь лучший охотник?

Конечно, Пашка шутил и собирался честно рассказать, как стадо мамонтов разделалось с тигром, но, когда на лицах троглодитов появилось столь почтительно-восхищенное выражение, Пашка засомневался, рассказывать правду сразу или немного подождать.

– Где ты его видел? – спросила Мама.

– Там лежит! – Пашка показал в сторону леса. – Хотите – проверьте!!

– Это ты?.. – У Грома даже слов не нашлось, чтобы выразить свое удивление.

– Да, – сказал Пашка, который уже твердо решил не признаваться. – Увидел я саблезубого тигра...

– Клыка! – ахнули троглодиты.

– ...и вынужден был его завалить. Правда, нелегко мне пришлось...

– О! – сказала Девочка-без-имени. – Ему пришлось нелегко!

– Надо будет сходить наверх и выбить у тигра другие клыки. Тогда у всех будут такие кинжалы.

Троглодиты очень испугались. Они стали отворачиваться от Пашки, закрывая ладонями глаза.

– Нет! Нельзя даже смотреть на Клыка. Клык – хозяин леса! Клык – табу, – заговорили дикари.

– Табу или не табу, но мы его уничтожили, – сказал Пашка, причисляя себя к мамонтам.

– Он великий охотник, – сказала близняшка Ура. – Седой – великий охотник.

– Я хочу, чтобы он стал моим мужем, – заявила близняшка Ора.

Пашка даже покраснел от такого предложения.

– Успеешь, – сказала Мама. – Чтобы выйти замуж, надо сначала выучиться. Сколько видов съедобных грибов ты знаешь?

Ора принялась загибать пальцы и наконец сказала:

– Столько пальцев и еще немного.

Все начали смеяться так, что забыли про Пашку. Взрослые даже плакали от смеха, а малыши катались в пыли и в золе кострища. Даже злобная старуха Туча несколько раз хихикнула в кулачок. Когда же троглодиты отсмеялись, Гром сказал:

– Ты не знаешь простых вещей. Съедобных грибов... – Он поднял палец и огляделся. На мгновение палец его уткнулся в Пашку, и Пашка уже готов был честно сказать, что не знает, но, наверное, много... Однако в конце концов палец охотника уткнулся в Девочку-без-имени.

– Съедобных грибов, – сказала она громко, – сколько пальцев на руках, и еще сколько пальцев на ногах, и еще сколько шагов до реки.

Троглодиты принялись ухать, выражая удовлетворение, потому что Девочка-без-имени ответила правильно, а Гром сказал:

– Вот если бы эта девочка захотела взять Седого в мужья, я бы разрешил, потому что она много знает. Вот скажи нам, сколько яиц может снести орлица?

Девочка подняла два пальца.

Все снова обрадовались. Все, кроме, конечно, Оры. Она уже поняла, что, пока всему не выучится, не видать ей мужа как своих ушей. А когда она выучится, хороших мужей уже разберут. Поэтому она тихо заплакала, а Мама сказала:

– Пора дать имя этой девочке. Я думаю, что для нее есть хорошее имя: Умница.

– Пусть она будет Умницей, – сказал Гром.

И все согласились.

Пашка упрямо повторил:

– Надо пойти добыть побольше таких клыков.

Но троглодиты его как будто не слышали и стали расходиться кто куда. Даже Умница, которая всегда бегала за Пашкой, как собачонка, на этот раз отошла подальше. Так они все боялись тигра, даже мертвого.

Пашка сел на плоский камень и начал говорить. Он говорил медленно, чтобы его понимали. И сложных слов не употреблял.

– Хватит жить как троглодиты, – сказал он. – Я, великий охотник Павел по кличке Седой, говорю: надо идти к цивилизации. Иначе вы никогда не сможете подняться до самых вершин, изобрести радио и телефон.

Троглодиты слушали, явно ничего не понимали, но покорно кивали. Да Пашка и сам сообразил, что выступает не по делу. Как они изобретут телефон, если не знают даже колеса? Но остановиться Пашка уже не мог.

В этом беда всех вождей. Они начинают выступать, люди собираются, слушают их и думают: сейчас мы узнаем что-то очень важное. А вожди слышат только самих себя и поют как глухари. Почему глухарей зовут глухарями? Это такие большие птицы, которые поют и сами так радуются своему таланту, что ничего и никого, кроме себя, не слышат. Глухие они к чужому слову и мнению, за что и получили свое название. Охотники подходят совсем близко и берут этих птиц голыми руками. Потому глухарей и осталось так мало.

Вот и Пашка пел свою песню и не мог остановиться, хотя и понимал, что его речь для троглодитов – что китайская грамота. То есть слишком сложная.

– Я тут подумал, – продолжал он, – и понял, что у вас полное безобразие с орудиями труда и охоты. Даже то, что природа вам дарит, – например, клык саблезубого тигра – вы не хотите использовать. Вот скажите мне: вы охотитесь на мамонтов?

Теперь троглодиты поняли Пашку и начали махать на него руками: мол, ты что, окстись, нам жизнь еще не надоела!

– А ведь мамонт – это груда хорошего мяса, это теплая шерсть и бивни, на которых можно вырезать различные картинки из вашей жизни.

– Не хотим слушать, страшно! – кричали троглодиты.

– А у меня есть план, – сказал Пашка. – Смотрите сюда.

Он взял камешек, сел на корточки и нарисовал прямую линию.

– Это, – пояснил Пашка, – тетива.

– Тетива, – повторили троглодиты.

Пашка нарисовал дугу, концы которой соединялись с тетивой. Ткнул пальцем в дугу и сказал:

– Дерево.

Троглодиты кивнули.

– Мы привязываем тетиву к концам толстой упругой ветки и натягиваем ее. Поняли? Ничего вы не поняли, но я покажу это в действии. Потом надо будет сделать стрелы и наконечники для них. С этим луком мы выйдем на охоту за мамонтами. И притащим мамонта в пещеру. Ура!

Все закричали «ура» и многие говорили, как повезло племени, что с ним согласился жить такой великий и мудрый охотник.

Глава девятая
В ПЕЩЕРУ ПРИШЕЛ МЕДВЕДЬ

Послушав Пашку, троглодиты разошлись по своим делам.

А Пашка принялся изобретать лук.

Когда он говорил об этом, казалось, что проблема не такая уж и сложная: веревка, палка и несколько палочек поменьше – вот и все оружие. А попробуй изобрети! Тетиву сделать не из чего, даже ветку подходящую срезать нечем. А из чего прикажете делать наконечники для стрел?

С паутиной не получилось. Значит, надо придумать катапульту. Вырезаем из дерева громадную ложку, кладем в нее бомбу...

Пашка даже улыбнулся. Путь к прогрессу оказался совсем не таким простым, как Пашке представлялось вначале. И все же сдаваться он был не намерен. Лук не получается, катапульту откладываем... Но можно выкопать глубокую яму в том месте, через которое мамонты проходят, направляясь к водопою, и, когда они пойдут, вожак обязательно провалится в замаскированную ловушку.

Правильно! Это идея. Сейчас поднимем народ и пойдем копать яму.

Пашка открыл было рот, чтобы призвать соплеменников в поход, но остановился.

Потому что копать землю было совершенно нечем. Лопату еще не придумали. А из чего ее делать? Ведь железа нет!

Пока Пашка ломал голову над тем, как направить троглодитов к прогрессу, из пещеры вышел горбатый Крот. За ним семенил ребенок.

Крот волочил орудие, которого Пашка еще не видел. Это был большой камень, похожий на грушу с заостренным концом, хитрым образом, крест-накрест, примотанную к толстой короткой палке. Получился молот... А может, топор?

– И что же ты собираешься таким топором рубить? – спросил Пашка у Крота.

– Таким топором я буду рубить дерево, – ответил Крот. – Огню надо кушать.

– Какое дерево? – Пашка чуть было не засмеялся. Видали чудака – молотком дерево рубить!

Пашка пошел за Кротом и принялся учить его жить.

– Такой штукой ты дерево не срубишь, – объяснял он. – Такой штукой можно гвоздь забить. Только у вас гвоздей нету. Можно муху убить.

Но ты наверняка промахнешься. Топор, скажу тебе, еще изобрести надо. Я как раз над этим думаю. Так что оставь этот булыжник и подожди, пока я изобрету топор. Хочешь, я тебе нарисую, каким он будет?

– Ты великий охотник, – сказал Крот. – Все знают. Но я умею рубить деревья. Я тебя не буду учить, ты меня не учи.

Пашка не знал, обижаться ему или нет.

Но тут Крот остановился перед большим сухим деревом, размахнулся своим тупым топором – и на коре осталась вмятина.

– Смотреть противно! – заявил Пашка.

Крот спокойно и не спеша колотил по дереву, в одно и то же место. Постепенно вмятина становилась все шире и глубже.

Пашке тоже захотелось постучать, но Крот ему топора не дал.

– Ну, как хочешь, – сказал Пашка. – Только не обижайся, когда я изобрету настоящий топор и тебе его не дам. Понимаешь?

– Понимаю, – печально ответил Крот, которому, видно, все-таки очень хотелось получить новый топор. – Но я буду понемножку старым рубить.

– Ну, до завтра, – попрощался Пашка.

«Совершенно дикие и даже психованные люди, – подумал он. – Крот проведет все ближайшие дни возле этого несчастного дерева, а ведь потом надо будет пилить на куски...»

Пашка поднялся к пещере. Все там были заняты какой-нибудь работой, но делали все как-то по-уродски.

Женщины скребли шкуры, чистили их, потом Тигр потащил шкуры к реке – мыть. Мама – большой мастер – оббивала куски кремня, чтобы получилось некое подобие ножей. Ну будто ничего другого делать не умела! Старуха Туча обжаривала на костре куски мяса впрок. Пашка подумал, что еще день-два – и он помрет без соли. Как они без соли обходятся – непонятно! Одно слово – дикари.

Пашка подходил ко всем по очереди и предлагал свою помощь. Но все отвечали ему, что такой великий охотник должен охотиться, а не тратить время на домашнее хозяйство.

Тогда Пашка отправился на охоту. Встретился ему рыжий заяц с висячими ушами – видно, предок нашего. Пашка погнался за ним, а заяц не спеша улепетывал. Потом остановился, обернулся и покачал головой. Пашке стало стыдно: чего он гонится за таким красивым зверем, чтобы убить?

Погуляв по лесу, Пашка хотел было набрать грибов, но он давно не был в лесу и, честно говоря, вообще знал только два вида грибов – белые и мухоморы, все остальные считал поганками. Так что, если бы ему держать здесь экзамен, он провалился бы, как Ора.

Пашка вернулся к пещере.

И был буквально потрясен. Оказывается, пока он отсутствовал, Крот приволок огромное бревно, и теперь ребятишки долбили камнями ствол, чтобы получились чурбачки.

«Наверное, дерево было внутри пустое, – подумал Пашка. – Иначе бы он так быстро не справился». Пашке очень не хотелось признавать, что троглодиты отлично обходятся без его изобретений.

Так прошел первый день Пашкиной практики.

Ночью ему снилось, что он выкопал громадную яму, и в эту яму валятся один за другим мамонты и тигры. А сам Пашка спускается туда по веревке и связывает жертвам ноги, чтобы соплеменники могли вытянуть добычу наверх.

Пашка проснулся от холода и с мыслями о том, как надо учить троглодитов.

Все они, даже дети без имени, уже вскочили и выбежали греться на солнышко. Старуха раздувала почти погасший за ночь костер. Остальные сидели снаружи, завтракали – доедали вчерашнее мясо и рыбу и обсуждали планы на будущее. Пашка немного обиделся, что его не позвали, но виду не подал. В конце концов, хоть он и великий охотник, но всегонавсего гость.

Заметив Пашку, Ура протянула ему мясную косточку.

Он стал есть как дикарь – дикарские порядки Пашке нравились: руки мыть не надо, купаться не надо, о ноже и вилке можно забыть, даже причесываться ни к чему.

– Сейчас Медведь придет, – сказала Ура шепотом. – Ты знаешь Медведя?

– Это зверь или человек?

– Ой, какой ты умный, Седой! – ахнула Ура. – Конечно, он сразу и человек, и зверь. Он страшный, как зверь, и главнее всех людей.

– Он из нашего племени? – спросил Пашка, решив, что, может, кто-то уходил на долгую охоту, а теперь возвращается.

– Не притворяйся, – обиделась Ура, – все знают Медведя.

Пашка не успел ни о чем больше спросить, как из-за скалы вышел большой, широкоплечий, сутулый охотник. Он был совсем лысый – вот уж Пашка не думал, что троглодиты бывают лысыми! Это все равно что лысый лев.

Но Медведь был хитрым лысым: он перекидывал длинные черные пряди волос из-за ушей поперек лысины и еще смазывал чем-то, чтобы держались. Так что лысина у него была полосатая, как спина зебры.

На шее у Медведя висело ожерелье из медвежьих зубов. «Ну вот, – подумал Пашка, – мне, значит, нельзя, а какому-то приходящему Медведю можно целое ожерелье».

Медведь ему не понравился с первого взгляда. Сразу было видно, что он куда более знаменитый охотник, чем Пашка.

За Медведем шел воин с большой дубиной.

Оба незнакомца были чем-то похожи – низкие лбы, не больше, чем у неандертальцев, глазки маленькие, а челюсти тяжелые, скошенные. Это были люди, но похожие на неандертальцев.

Мама вела себя с достоинством, хотя Пашка почувствовал, что Медведя она побаивается.

Правил приличия люди еще не выдумали, так что Медведь не поздоровался, а сразу прошел к пещере, возле которой собралось в кружок все племя, и, отодвинув в сторону Уру, уселся. Его помощник, или телохранитель, положил дубину на колени и опустился рядом, скрестив ноги, притом так сильно стукнул мальчика, у которого еще не было имени, что тот заныл и убежал в пещеру.

На земле лежали остатки мяса. Мама сама взяла два куска получше и протянула их гостям.

Телохранитель откусил, пожевал и произнес:

– Ленивца поймали. Редкая добыча.

– Седой поймал. Он молодой, но хороший охотник, – сказал Гром.

Медведь покосился на Пашку:

– Чужой. Гоните его.

– Мы знаем, кого гнать, – сказала Мама.

«Вот молодец, – подумал Пашка, – а я уж испугался, что они меня предадут».

Медведь тоже попробовал мясо, но оно ему не понравилось.

– Плохое мясо, – сказал он и бросил кусок себе за спину. Пес с лаем кинулся туда, решив, что это его угощают.

Медведь загоготал. Остальные молчали. Пашка подумал, что им, очевидно, не нравится, когда мясо кидают собакам. Мясо еще поймать надо. Он хотел было все это сказать нахальному Медведю, но Умница – недаром имя такое получила – толкнула его в бок и одними губами произнесла:

– Молчи.

– Надо вам идти в мое племя, – заявил Медведь.

Никто ему не ответил. Только телохранитель, который доел свой кусок и выкинул кость, сказал:

– Маленькое племя – одни беды. Завтра вас разбойники чу съедят – кто поможет? Большой Медведь далеко.

– Мы придем в твои пещеры, – заговорила Мама, – охотники будут приносить мясо, а ты будешь его есть? Ты возьмешь себе наших женщин, чтобы они кормили и развлекали тебя? Ты этого хочешь?

– Я не приду, другой придет, – сказал Медведь. – Маленьких всегда едят.

– Когда большая охота, мы идем, как все, – возразила Мама. – Что ты хочешь?

Медведь скривился – ему не понравилась речь Мамы.

Потом он протянул руку и схватил оставшийся кусок мяса – словно нечаянно. Но было видно, с какой жадностью горели его глаза.

– Чу очень мешают, – сказал Медведь. – Чу много развелось. Надо чу всех убить и сделать из их шкур одеяла.

Все молчали.

– Чу надо убить, – наконец согласилась Мама. – Это верно. Сегодня чу подбирались к нашему жилищу. Хорошо, что наш новый воин Седой увидел их и прогнал.

– Хэ! – крикнул Медведь. – Этот детеныш не охотник! У него не должно быть имени!

– Племя решает, кому давать имя, – сказала Мама. – Это закон леса.

– Ты пожалеешь, – пригрозил Медведь.

– Что надо делать? – спросил Гром.

– Чу уходят от зимы, – сказал Медведь. – Многие собираются в Долину Горячей Воды. К ним можно подкрасться незаметно. Мы подойдем и убьем всех чу.

– Убьем всех чу! – закричали дети.

– Убьем чу! – закричали взрослые.

Все радовались, словно их ожидала удачная охота.

– А зачем их убивать? – спросил Пашка.

Все посмотрели на него с осуждением.

– Но они же плохие, – сказала Умница.

– Они разбойники, – сказала Ура.

Но главное сказал Медведь:

– Они – другие. Значит, их не должно быть. Есть только люди. Большие коричневые люди. И тебя, чужой, тоже надо убить.

– Я уже говорила, – возразила Мама, – воина Седого никто не тронет.

Медведь не стал с нею спорить.

– Пойдем ночью, – сказал он. – Мы их растопчем. Пусть до темноты все соберутся в моей пещере.

– Разорвем! – закричал Гром.

– Шкуру сдерем! – закричал Крот.

– Старуха Туча! Оставайся и смотри за костром, – приказала Мама. – Ты знаешь: если мы останемся без огня, мы убьем сначала тебя. Седой, где твой тигриный клык? Покажи Медведю.

– Я не пойду убивать чу, – набравшись смелости, выпалил Пашка.

Очень трудно сказать «нет», когда все говорят «да». Ведь тебя не поймут, а будут думать, что ты трус.

Удивительно, но Пашкины соплеменники сразу забыли, что он великий охотник. Они словно прозрели и увидели перед собой просто чужого мальчишку.

– Как ты смеешь?! – закричала Мама. – Мы тебя убьем!

– Надо убить его, – согласился Медведь. – Я приказываю вам убить его! – И он ткнул толстым пальцем в Пашку.

Не надо было ему так говорить. Своим нахальством он спас Пашке жизнь.

– Я – вождь племени, – сказала Мама. – Я здесь говорю. Когда ты покоришь мое племя, я буду слушаться тебя.

Медведь криво усмехнулся и пошел прочь. За ним последовал телохранитель с дубиной.

Пока племя собиралось в поход, Мама подошла к Пашке.

– Вместо тебя пойдет Туча. Ты остаешься в пещере один. Главное – береги огонь. Огонь – наш живой друг. Если огонь умрет, племя тоже умрет.

– И на что вам только сдались эти чу? – спросил Пашка.

– Ты чужой, ты не знаешь. Они как дикие звери. Их надо убивать. Пока всех не убьем, они будут грабить и убивать нас, мешать нам охотиться, отнимать нашу пищу. Но их уже осталось немного. Скоро мы убьем последних.

Пашка слушал вождиху и думал: «Вот и разрешилась историческая загадка. Оказывается, наши прабабушки и прадедушки убили несчастных неандертальцев. А не убили бы, еще неизвестно, кто бы сегодня владел Землей».

Уходя, соплеменники старались не смотреть на Пашку, только Мама подошла к нему и сказала:

– Сними пояс.

– Зачем?

– Это пояс охотника. И отдай нам свое имя.

– Возьмите.

– Ты больше не Седой, – сказала Мама. – Ты Пшшшк, как ты сам себя назвал. И пускай тебе будет стыдно.

– Стыдно убивать людей, – возразил Пашка. – И еще, наверное, исподтишка.

– А как же по-другому охотиться? – удивился Гром. – Конечно, надо подобраться исподтишка. А то могут дать сдачи. Они жутко сильные. – И с этими словами Гром первым зашагал по тропинке к реке.

За ним последовали остальные. Даже дети несли маленькие дубиночки. Последней шла Умница. Она обернулась, и Пашке показалось, что девочка плачет.

– Не обращай внимания! – крикнул он. – Все будет хорошо.

Наконец племя скрылось в листве, и наступила тишина.

Пашка в одиночестве остался на площадке перед пещерой.

Глава десятая
В ПЛЕНУ

Время Пашка, конечно, определить точно не мог, но солнце двигалось по небу, и он подсчитал, что прошло больше часа.

Он ломал голову, чем бы заняться.

Может, бросить этот проклятый костер и побежать к неандертальцам предупредить их об опасности? Но Пашка хорошо знал, чем кончается такая беготня – реанимацией! Достаточно представить себя на их месте. Прибегает к тебе какой-то марсианин и начинает на своем языке или на языке твоих злейших врагов что-то втолковывать. Да ты вытащишь бластер и начнешь стрелять!

«Какое счастье, что здесь нет бластеров, – подумал Пашка, прервав ход своих тревожных мыслей, – а то меня давно бы кто-нибудь пристрелил! Наверное, это очень разумно с точки зрения эволюции: пока люди дикие, у них дубинки и камни, а пушки и бомбардировщики они изобретают, только когда становятся культурными...»

Что-то в собственных рассуждениях Пашке не нравилось, но ему не хотелось особенно задумываться. Пашка был человеком действия, а не рассуждений.

Человеку действия хочется действовать.

Человеку действия противно сидеть у костра и подкладывать в него дровишки, которые, кстати, кончаются, а это значит – надо идти собирать хворост или ломать сухие ветки. Но такой труд – не для великого охотника.

К тому же Пашка хочешь не хочешь, но должен был помнить, что сам он не троглодит, а школьник, живет в двадцать первом веке и проходит практику по истории. И снимает фильм. А раз он снимает фильм, то неплохо бы придумать интересный сюжет. У костра ничего интересного не снимешь. Значит, надо идти искать этот сюжет, как делают все киношники.

В берлогу к пещерному медведю соваться глупо – он тебя голыми лапами одолеет. Ловить за хвост саблезубого тигра? Отыскать гигантского оленя, у которого рога в размахе четыре метра – такие висят в кабинете у Ричарда?

Пашка перебирал в уме всякие варианты, хотя заранее знал, куда пойдет. Конечно же он отыщет мамонтов, подберется к ним поближе и сделает фильм что надо!

Пашка даже знал, где искать мамонтов – там, где проходит тропа на водопой.

Он высунулся из пещеры. Зарядил мелкий дождик, порывами дул ветер. Жалко, что Мама отняла охотничий пояс. Жестокие все-таки здесь нравы!

Погоди-погоди... Мама велела снять пояс, чтобы злобный Медведь видел, как она наказывает Пашку. А куда она дела пояс? Кинула его в угол, где все спят, на шкуры.

Пашка нагнулся, пошарил и сразу нашел свой пояс. Значит, Мама на самом деле не собиралась лишать его звания охотника. Эта мысль Пашку порадовала, он снова надел пояс и сунул в карман последний кусок мяса, что лежал возле костра. Вдруг захочется есть?

Потом Пашка полюбовался своим кинжалом, обмотал его с одного конца липучей лианой, затем куском старой кожи, чтобы было удобно держать в руке. Теперь, звери, берегитесь! Идет хозяин тайги!

На прощание Пашка позаботился о костре. Он подложил два последних больших полена, пошуровал, чтобы лучше горело, – до его возвращения хватит.

За день, проведенный в первобытной эпохе, Пашка немного научился осторожности. Он уже не бросался в кусты или в речку, не посмотрев сначала, кто там может его поджидать. Поэтому он простоял целую минуту, положив руку на кинжал. Тихо. Птицы перекликаются – значит, никого не боятся.

Пашка подобрал с земли палку – крепкую и достаточно длинную, чтобы можно было пошарить ею в кустах, проверить, нет ли там скорпиона или змеи, и пошел в гору, туда, где лес редел и начинались округлые холмы с редкими деревьями на склонах.

Он шел по лесу и уже узнавал знакомые места. Вот здесь он запутался в паутине... А вот там мамонты растерзали саблезубого тигра.

Пашка взглянул на небо: не напал бы птеродактиль!

Ну как можно было так подумать?! Птеродактили вымерли вместе с динозаврами. Они ведь и были летающими динозаврами. В ледниковый период динозавров вообще не осталось. А если бы и остались, то погибли бы от холода. Во времена динозавров климат на Земле был влажным и теплым, как в парнике. Но в течение многих тысяч лет ледники наступали с севера, изгоняя все живое. Остались только те существа, которые не боятся холода. Вот, например, мамонты – у них шерсть до земли, или медведи и саблезубые тигры – они, как современные уссурийские тигры, зимы не боятся. Ну, и люди, конечно. Они к тому времени уже знали, как одеваться в шкуры, как греться в пещерах, и приручили огонь. Даже вон придумали должность – дежурный у костра.

Пашка миновал то место, где погиб саблезубый тигр.

Волки и коршуны сделали свое дело – на земле валялись лишь разбросанные кости. Даже клыки пропали – может, здесь кто-то побывал не глупее Пашки и сообразил, какое это хорошее оружие.

В траве еще суетились мелкие зверюшки, которые полакомились тигром и теперь, наверное, ждали, что человек убьет для них еще одного.

– Не дождетесь, – сказал Пашка, – я сегодня на мирной тропе.

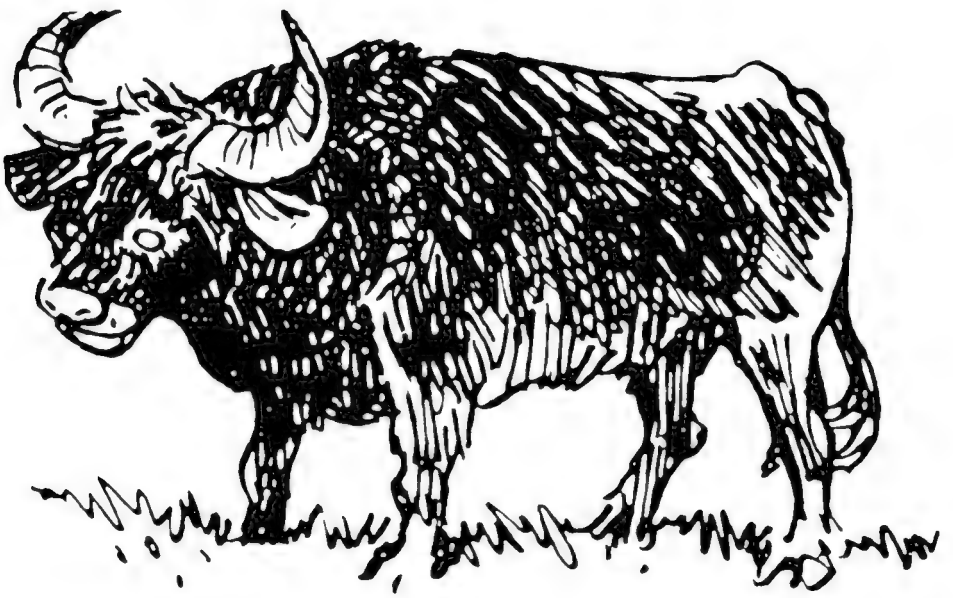
Он пошел дальше. Шел он долго, где-то с полчаса, пока наконец не добрался до вершины холма. Перед ним открылся великолепный вид на холмистую равнину. Далеко-далеко на горизонте ее пересекали голубые горы, на которых лежал снег.

В долине паслись стада различных животных. В основном они были похожи на современных, но все же чем-то отличались от них. Наконец-то Пашка увидел гигантских ископаемых лосей с рогами-крышами, несколько семейств мамонтов, диких быков и антилоп и даже животное, напоминавшее мохнатого жирафа.

Пашка подумал, что, наверное, пора назад, в пещеру, но потом решил, что троглодиты вряд ли вернутся из своего военного похода так скоро. Значит, можно пройти еще немного и попытаться снять мамонтов.

Пашка быстро пошел вниз по склону холма. По дороге ничего с ним не произошло, если не считать, что он чуть было не наступил на большую желтую змею, которая, увидев Пашку, громко зашипела – может, сама испугалась больше его; она скользнула в траву и пропала.

Но выяснилось, что добраться до мамонтов не так просто. То ли они издевались над Пашкой и не спеша отходили, когда он приближался, то



ли это был просто обман зрения – все время казалось, что они ближе, чем обнаруживалось потом.

Но Пашка не сдавался. Он припустил по склону, пригибаясь, чтобы не вспугнуть стадо, и через несколько минут подобрался уже достаточно близко, чтобы начать съемки.

Сами мамонты были очень внушительными – горы шерсти и мяса, бивни такие... такие... Вдруг Пашку осенило! Когда он научит свое племя охотиться на мамонтов – делать луки и копать ямы-ловушки, – надо будет отпиливать у мамонтов бивни, а потом натягивать на них брезент. Получатся замечательные палатки!

Правда, сообразил Пашка, придется еще придумать пилу и брезент.

Один из мамонтов словно услышал Пашкины мысли, такие опасные для жизни, и, вытянув хобот, громко затрубил. Другие мамонты перестали пастись и насторожились. Мамонтенок кинулся под брюхо матери и скрылся под ее свисающей шерстью.

Вожак медленно пошел к Пашке. Он не переставая трубил, предупреждая остальных животных в степи: «Осторожно! Среди нас есть пришелец!»

Пашка до последней секунды очень надеялся, что мамонт направляется не к нему, а просто вообще в его сторону, по своим делам.

Но не тут-то было.

Маленькие черные глазки мамонта отыскали в траве присевшего Пашку, и трубный рев стал еще громче. Пашке показалось, что он различает в нем слова: «Вот он! Я его вижу! Сейчас я его растопчу!» И тут Пашка понял, что его в самом деле собираются растоптать, как того саблезубого тигра.

И тогда Пашка кинулся прочь – еще быстрее, чем бежал сюда, и, конечно, врезался в стадо волосатых буйволов. Они, правда, его не тронули, но подняли головы, перестали жевать и с интересом смотрели, догонит мамонт человека или нет.

На бегу Пашка успел обернуться – преследователь уже совсем близко. Он даже наклонил голову, чтобы было удобнее поддеть человека бивнями и подкинуть в воздух.

Пашка бежал, как заяц, виляя и пригнувшись, но тут споткнулся о камень и покатился по земле.

Бывает, так ударишься, что никакой мамонт тебе уже не страшен! Это случилось и с Пашкой. Он схватился обеими руками за ногу и скорчился в высокой траве.

А мамонт его потерял.

Когда боль чуть-чуть отступила, Пашка осторожно оглянулся и увидел сквозь траву, что мамонт стоит всего в двадцати шагах и поводит головой, отыскивая, куда же делся нахальный человечек.

Пашка замер. Он старался думать только о том, как болит нога.

Мамонт затрубил громче прежнего и, покачивая головой, пошел прочь. В его реве Пашке послышалось сожаление: «Ну что за чепуха! Видно, я старею – одного человеческого детеныша растоптать не смог».

Убедившись, что мамонт ушел, Пашка поднялся и прихрамывая двинулся в другую сторону.

Сейчас он дойдет до того дерева, а там осмотрится и сообразит, как побыстрее добраться до пещеры.

Пашка дошел до высокого раскидистого клена и стал вспоминать, откуда же он пришел. Но ничего вспомнить не успел, потому что его толкнули в спину, он повалился носом в траву и только подумал: как же мамонт умудрился подкрасться сзади?

И тут его стукнули по голове, да так сильно, что Пашка отключился. Конечно, он не знал, что отключился, и, лишь придя в себя, понял, кто и как вывел его из строя.

Пашка лежал на спине, и потому первое, что он увидел, было небо, по которому бежали серые облака. И тут же, загораживая облака, к нему склонились дикие морды страшных чудовищ. Пашка снова зажмурился, чтобы скорей проснуться и понять: это кошмарный сон.

Он открыл глаза.

Вокруг сидели неандертальцы, штук шесть или семь, и смотрели на Пашку с отвращением, как на урода. На самом-то деле не люди, а неандертальцы некрасивы, это каждый человек знает.

Один из дикарей, самый старый, с седой щетиной на скошенном подбородке, скривил и без того страшную рожу и, протянув лапу, сорвал с Пашкиной шеи амулетик.

Чудовище рассматривало шарик с удивлением, но Пашка заметил, что и у седого неандертальца такой же шарик. И у этого тоже... И у того... Наверное, у них мода на шарики, а вот людям их носить не положено.

«Господи, – испугался Пашка, – а если они решат, что я убил того неандертальца?»

– Послушайте, – сказал он, – чтобы не было недоразумения. Я никакого отношения к здешним делам не имею. Я здесь на учебной практике.

Неандертальцы моргали, ничего не понимая.

– Эй, – вдруг сказал один из них. – Шпот.

– Шпот, – произнесли остальные.

– Слом? – спросил первый неандерталец.

– Слом-мамама, – ответили ему.

Старый неандерталец, у которого поседела вся шерсть, вытащил кинжал – такой же, как у Пашки.

– Хррк? – спросил седой неандерталец.

– Хррк, – ответили ему товарищи. – Слом-хррк. Напх – трень, слом-ттрк.

– Подождите! – попытался образумить их Пашка. – Вы ошибаетесь. Я не сделал ничего плохого вашим друзьям и родственникам. Я даже искал вас, чтобы предупредить об опасности. Мы, люди будущего, всегда за мир и против войны.

Неандертальцы начали переговариваться:

– Шпот... ба-бала... смык.

– Смычок. Хррк.

– Смык буси слом-хррк. Шпот кана.

Пашка внимательно прислушался к разговору. Язык неандертальцев был куда проще языка кроманьонцев. Пашка догадался, что «шпот» относится к нему, «хррк», ясное дело, – «убивать» или «смерть». А «кана» – значит «не надо» или «нет». Другие слова пока оставались непонятными, но можно было догадаться.

– Шпот смычок, – сказал Пашка, – хррк кана.

Как только неандертальцы услышали, что пленник говорит на их языке, они ударились в панику. Он приказывает им не убивать человеческого детеныша!

Неандертальцы заверещали, некоторые вскочили, собираясь бежать. На крики из кустов вышел вождь, а может, колдун. Он не был вооружен, зато раскрашен, как новогодняя елка.

На лохматой, никогда не чесанной голове сидела набекрень корона из птичьих перьев, с нее свисали хвостики горностаев. На колдуне была широкая юбка из тростника и такое количество браслетов и ожерелий, что хватило бы на дикарский дом моделей. Браслеты и другие украшения были сделаны из ракушек, камешков, орехов, сушеных яблок, корешков и дохлых жуков. На подбородке у колдуна росла белая реденькая бороденка. Лицо морщинистое, грязное, но глаза сверкают отчаянно, будто он напился хмельного зелья.

– Паррака? – спросил колдун.

Все наперебой стали объяснять, что шпот, да не просто шпот, а шпот смык-смычок попался им в лапы, и теперь его придется слом и потом хррк. Но дело в том, что смычок говорит на языке настоящих чу и носит на шее костяной шарик.

Колдун выслушал соплеменников, затем сам принялся кричать, чтобы заглушить их крики. И чем громче он кричал, тем невнятней звучали междометия, которые выскакивали из его губастого рта. Он даже принялся подпрыгивать на месте. Это выглядело почти смешно, только Пашка, конечно, не смеялся, потому что у неандертальцев наверняка нет чувства юмора.

И тут он сделал величайшее биологическое открытие: человека от всего прочего животного мира отличает чувство юмора! Попробуйте рассказать анекдот корове или даже обезьяне. Или хотя бы дураку. Никто из них и бровью не поведет.

Колдун прыгал, кричал, слюна капала у него изо рта, и он все чаще глядел на Пашку, все ближе подпрыгивал к нему.

Пашка сел, хотя голова раскалывалась. Он бы с радостью удрал. Но удирать было некуда.

Колдун, вероятно, устал, потому что прыгал и кричал уже без злости. Может, все закончилось бы миром, но тут на поляну вышел шатаясь окровавленный неандерталец. Он захрипел и опустился на руки соплеменникам. Из горла его вырывались отдельные слова. Некоторые из них были Пашке знакомы:

– Хррк... слом, маса-вакаса слом... хррк кана... он-бор-мот.

Пашка с ужасом понял, что неандерталец попал в засаду, которую устроил злобный Медведь.

– Я же предупреждал, – сказал Пашка. – Теперь вам всем нужно отсюда уйти.

Лучше бы он молчал! И кто его тянул за язык?

Неандертальцы вспомнили, что у них есть пленник, и стали поглядывать на Пашку. А раненый злобно зарычал и сказал, что этого смокного смыча надо было хррknуть, как члика. Он протянул к Пашке громадные лапы, но, к счастью, силы оставили его, и он потерял сознание.

Зато ожил колдун. Он вновь начал вопить, и, послушавшись его, неандертальцы, точно как в старинной книжке об африканских дикарях, подтащили Пашку к сухому дереву и привязали к стволу гибкими лианами.

От этих чу воняло псиной, по их шерсти прыгали блохи и ползали какие-то мелкие насекомые.

К Пашкиным ногам сложили кучу хвороста. С ним собирались сделать то же, что сделали английские оккупанты с отважной девушкой Жанной д'Арк, то есть сжечь на костре!

Молодая, но уродливая неандерталка притащила деревянную раму, на которую был натянут кусок кожи, и начала бить палкой по этому барабану. Значит, они уже музыку придумали!

Из костра, который весело горел в тени скал, колдун вытащил головню и поднес к Пашкиному носу, но сразу поджигать хворост не стал, а решил сперва поколдовать. Видно, хотел, чтобы из Пашки получился славный жареный мальчик.

– Я костлявый, – сказал Пашка колдуну. – Шпот-смык ам-ам не годится.

– Хррк – да, – ответил колдун. – Ам-ам не надо. Чу шпотов не ам-ам.

«Ну, хоть есть меня не будут, уже приятнее», – подумал Пашка.

Наконец колдун произнес все нужные колдовские слова и, поплясав на радость своим соплеменникам, завизжал, словно его режут. Потом поднес головню к хворосту.

Тут уж Пашке стало не до шуток.

– Прекратите сейчас же! – закричал он.

В ответ неандертальцы загоготали.

– Я буду жаловаться! Вызовите ко мне вашего главного начальника!

Колдун дотронулся головней до хвороста. Хворостины были сухие, тонкие, они занялись сразу, и пошел белый дым.

– Мама! – завопил Пашка. – Мамочка! Что же это творится?!

Глава одиннадцатая
ПРИШЕЛЕЦ БЕРЕНДЕЙ

Разумеется, мамочка не появилась. И как назло, никого из соплеменников рядом!

– Дикари! – закричал Пашка. – Обезьяны паршивые!

Обожгло коленку – это огонек лизнул, ласково так, если смотреть со стороны, и очень больно, если коленка твоя.

Неандертальцы прыгали и вопили от радости, и Пашкиных слез никто не видел, а плача не слышал.

И наверное, сгорел бы Пашка, если бы неожиданно не появился человек. Именно человек, хотя он совсем не был похож на человека. Это было странное существо – большое, с сиреневым лицом и руками, в плаще, достающем до земли, и в высоком шлеме с гребнем, усыпанном драгоценными камнями.

Глаза у пришельца были светло-зелеными, и на темном сиреневом лице они горели, как елочные лампочки.

Правда, Пашка рассмотрел все это лишь потом, когда его мучения кончились. В тот момент он лишь увидел сквозь дым высокую темную фигуру и даже не сообразил, что пришло его спасение.

– Прах! – громко и спокойно произнесло существо. Голос у пришельца был таким глубоким и звучным, словно рождался не в гортани, а где-то в глубине земли под ногами и выходил наружу через какой-то туннель.

Неандертальцы присели, закрыв головы руками, словно ожидая удара сверху.

Высокий человек в плаще шагнул к Пашке, который уже почти ничего не видел сквозь удушливый дым и кашлял так, будто глотка вот-вот разорвется.

Пашка не заметил, что сделал этот человек, но дым рассеялся почти сразу. Мановением руки пришелец разрезал путы, которыми Пашка был примотан к дереву. Пашка сделал несколько шагов вперед, но не удержался на ногах и упал спасителю на руки.

– Спасибо, – сказал он слабым голосом, – за помощь...

– Если бы я чуть-чуть опоздал, – ответил незнакомец на хорошем галактическом языке – космоязе, – то мне достался бы только уголек. Давай отойдем отсюда, чтобы не мешать чу собираться в путь.

Пашка не хотел показывать перед незнакомцем свою слабость, но чувствовал он себя ужасно. Это только в приключенческих романах герои получают молотком по голове, саблей по щеке и ядром в грудь, а затем продолжают сражаться как ни в чем не бывало.

Неправда! У Пашки была обожжена нога, колени и икры расцарапаны, легкие разрывались от дыма. Не каждый спокойно перенесет такое приключение. Вас когда-нибудь привязывали к дереву? Разводили под вами огонь, чтобы живьем поджарить? То-то.

– Тити, – сказал неандертальцам Пашкин спаситель. – Тупу там. Свери, свери, свери люяп-люяп!

После этой длинной речи незнакомца, который явно был здесь своим человеком, неандертальцы разбрелись по поляне и начали собирать необходимые вещи. Ведь даже у самого последнего неандертальца есть ценные и незаменимые предметы. Например, острый камень, любимая палка, медвежья шкура, которая досталась от дедушки...

Старый седой неандерталец подошел к пришельцу, склонился перед ним так, что коснулся земли костяшками пальцев, и сказал несколько слов. Потом протянул шарик, который неандертальцы сорвали с Пашкиной шеи.

– Пас, – сказал пришелец и дотронулся пальцем до плеча неандертальца. Тот улыбнулся, показав все свои зубищи. Видно, его похвалили за то, что Пашку не поджарили.

Но все оказалось сложнее.

Когда Пашка и его спаситель отошли за скалу, незнакомец спросил:

– Ты путешественник во времени?

– Я прохожу учебную практику, – ответил Пашка.

Он сразу сообразил, что встретил культурного человека. Может быть, это даже и не человек, а сиреневая кожа – просто скафандр, но существо культурное: знает иностранные языки и не только вытащило Пашку из пламени, но и не прочь с ним поговорить.

– Это очень рискованно, – сказал человек, – отправлять детей на практику в одиночку.

– Я уже не ребенок, – заявил Пашка.

Пришелец кивнул. У него была такая манера – делать вид, что соглашаешься, а на самом деле не слушать возражений.

– И в чем же вы практикуетесь? – спросил пришелец.

– Это историческая практика. Школьная историческая практика. Я должен разгадать тайну. Почему неандертальцы исчезли, а люди остались?

– И ты догадался? – спросил пришелец.

– Боюсь, что да, – ответил Пашка. – Я присоединяюсь к мнению тех ученых, которые считают, что люди перебили всех неандертальцев.

– И тебе не жалко неандертальцев?

– Очень жалко, – сказал Пашка. – Когда я узнал, что подлый Медведь организует поход на чу, я хотел предупредить их. Но, наверное, опоздал.

– Опоздал.

– А неандертальцы решили, что я враг. Я на них даже не обижаюсь. Хотя коленка болит ужасно.

– Мы с тобой не можем их винить.

– Но я же один, без оружия!

– У них другая цивилизация, – сказал сиреневый пришелец. – Вернее, отсутствие цивилизации.

– А вы что здесь делаете? – спросил Пашка.

– Я? – Пришелец крутил в пальцах шарик, который неандертальцы сняли с Пашки. – Я искупаю грехи.

– Объясните, пожалуйста, что это значит, – попросил Пашка.

– Если ты не возражаешь, перейдем ко мне на корабль. У меня еще много дел, и каждая минута на счету.

– Если не хотите, то не объясняйте, – обиделся Пашка. – Я же просто спросил.

Пришелец улыбнулся:

– Ты слишком серьезный человек. – Он протянул Пашке длинную руку и сказал: – Разрешите представиться: последний из берендеев.

– Как? Вы берендей? Про вас Островский в сказке «Снегурочка» написал.

– И в сказке, и в опере, и даже в истории, – опять улыбнулся пришелец. – Я думаю, что кто-то из моих соотечественников побывал у вас на Руси, и память о нем осталась.

Пашка пожал пришельцу руку и вдруг понял, что тот очень-очень старый. Лицо у него было гладким, ни одной морщины, и спина прямая, и шагал он быстро, но все это ничего не значило. Пашка нутром чуял, что последний берендей очень стар.

– Меня зовут Павел, – сказал Пашка. – Павел Гераскин. Пятый класс «Б», Москва. А у берендеев имена есть?

– У меня много имен, – ответил берендей. – Как и много жизней. Люди, с которыми я встречаюсь, запоминают мое новое имя. Некоторые зовут меня капитаном Немо, другие – Ноем. Всего не упомнишь.

– А вы в самом деле были знакомы с Жюлем Верном?

– Судя по тому, что мы с тобой разговариваем за тридцать тысяч лет до вашей новой эры, мне придется еще тридцать тысяч лет ждать этого знакомства.

Пришелец улыбался, и Пашка понял, что он шутит. Вернее всего, наполовину шутит. Ему, наверное, не хотелось, чтобы кто-то узнал, что он в одиночку путешествует во времени. Ведь путешествие во времени без контроля запрещено Галактическим советом. Представляете, что может натворить в прошлом какой-нибудь авантюрист или дурак?

– А что вы искупаете? – опять спросил Пашка.

Пришелец быстро шел через кустарник, затем раздвинул ветки, и Пашка увидел большой пологий холм, поросший зеленой травой.

– Вот мы и дома, – сказал пришелец.

– Я вас не понял, – удивился Пашка.

Пришелец откинул полу плаща, вытащил из внутреннего кармана простой электронный ключ и набрал код. Холм медленно приподнялся над землей, открыв вход в гигантский корабль.

– Здорово! – признался Пашка. – Маскировка что надо!

Пришелец сделал приглашающий жест.

– Заходи, Паша, – сказал он. – Кофейку попьем.

– Спасибо, – поблагодарил Пашка.

Они вошли внутрь и попали в скромное помещение, где находились простенький пульт управления, стул, письменный стол и походная койка, как у Суворова, когда он переходил через Альпы.

– Вот так я живу, – сказал пришелец. – Ты садись на стул, а я на койке привык.

Пашка сел на стул и спросил:

– А других помещений на корабле нет?

– У нас все есть, я тебе покажу, – сказал пришелец. – Я обычно дома раздеваюсь, так что ты тоже можешь раздеться.

– Простите, – ответил Пашка, – но на мне только звериная шкура, а без нее получается слишком голо.

– Это вопрос привычки, – не согласился пришелец. – У нас на планете давно избавились от подобных предрассудков.

Он сбросил широкий плащ, и оказалось, что пришелец совсем не одет, а кожа у него сиреневая с голубыми подпалинами. Но самое удивительное – у пришельца был хвост, который он скрывал, обмотав вокруг туловища.

– Устал притворяться, – признался пришелец и размотал хвост. Хвост громко стукнулся об пол.

– Я вам не завидую, – сказал Пашка.

– Но ты меня понимаешь?

– Еще бы! Как только вы появились бы здесь с хвостом, вас бы приняли за динозавра и устроили на вас охоту.

– Умный мальчик. – Последний берендей погладил Пашку по голове. – Называй меня Ноем. Из всех имен это мне нравится больше.

– У вас нет бороды, – сказал Пашка.

– Зато у меня есть Ковчег. Ты хочешь узнать страшную и трагическую историю моей жизни?

– Разумеется.

Берендей по имени Ной откинул крышку пищедоставки, и оттуда выехали на стол чайник и банка с растворимым кофе.

Пашка кофе не очень любил, предпочитал чай, но, даже если бы пришелец предложил ему стакан спирта, Пашка, наверное, не отказался бы. Из гордости.

К счастью, стакан спирта ему не предложили, а кофе был слабым. Пришелец перехватил Пашкин удивленный взгляд и сказал виновато:

– Если сделать крепче, то будешь плохо спать.

– Я всегда хорошо сплю, – сказал Пашка.

Он сделал только маленький глоточек, потому что у пришельцев бывает пища, которая для людей может оказаться ядом.

Берендей положил конец сиреневого чешуйчатого хвоста на колени и начал свой рассказ.

– Планета наша была невелика, но обильна лесами, морями и полезными ископаемыми. Народы у нас жили способные, но воинственные. А раз мы воинственные, то природа нам была нужна для того, чтобы делать оружие. Сначала мы выкопали массу шахт, в которых добывали уголь и железо, пробурили тысячи нефтяных скважин, чтобы иметь топливо для танков и самолетов, вырубили леса и отравили химическими веществами реки. А когда мы спохватились, было поздно. Люди как-то приспособились не дышать, а вот медведям и тиграм, оленям и орлам

нужны воздух и вода. В тот момент, когда последние двадцать шесть жителей нашей планеты заключили вечный мир, оказалось, что, кроме потрепанных и израненных людей, никого на планете не осталось. Даже куриц и ворон.

– Ну уж крысы-то остались, – сказал Пашка.

– Последних крыс мы съели.

Пашка покачал головой.

– Как хорошо, – сказал он, – что мы успели принять меры. Мы остановили жадных богачей и глупых бедняков раньше, чем они успели все погубить.

– Это так, – согласился пришелец, – но раньше вы, наверное, все же уничтожили девять из десяти животных. Ведь когда вырубают лес, червяки, гусеницы, лягушки, цветы и лианы – все живое в этом лесу – погибают!

– Ну ладно, рассказывайте дальше. – Пашке не хотелось слушать о таких печальных вещах. Он сам всегда переживал, если видел, как гибнут животные и растения.

– Мы попытались возродить вымерших животных. Но не удалось. Мы освоили космические полеты и завезли растения и животных с других планет. Но на нашей мертвой планете они тоже вымерли.

– А вы почему не вымерли? – спросил Пашка.

– Люди, скажу тебе, Павел, самые живучие существа на свете. Они даже в помойке могут жить. С одной стороны, мы загубили все растения и всех животных на планете, а с другой – научились жить по несколько тысяч лет, никогда не болеть. Мы обзавелись таким количеством компьютеров и роботов, что они смогли построить космические корабли размером с небольшую планету.

– Вот бы взяли и улетели сами на хорошую пустую планету! – сказал Пашка.

– Нет, нам было жалко покидать свой дом. Хороший или плохой – это наш дом. К тому же мы так старались возродить свою планету, что не заметили, как миновали тысячи лет, и мы один за другим вымерли. Только я остался. И я стал старцем Ноем, капитаном Немо и Вечным Странником.

– Вам никак не дашь столько лет, – вежливо сказал Пашка.

– А сколько? – улыбнулся пришелец.

– Тысячу максимум.

– Бери выше. Мне, по вашему счету, скоро будет пятьдесят тысяч. Наши медицинские роботы попросту не дают мне умереть. Но я не жалею. Я нашел себе занятие на сто тысяч лет.

– Какое? – спросил Пашка.

Он впервые встретился с таким долгожителем. Какое может быть занятие у человека, прожившего на свете пятьдесят тысяч лет, еще здорового и, получается, не очень старого? Наверное, он любит путешествовать.

– Я искупаю грехи, – повторил берендей загадочную фразу. – Нашей науке доступно очень многое. Космические путешествия, лечение любых болезней. Я могу перемещаться во времени, но не намного. Тут мне надо учиться и учиться. И я учусь.

– Так что вы искупаете?

– Нашу планету уже не спасти. Поэтому я летаю от планеты к планете, сохраняя инкогнито. Знаешь, что такое инкогнито?

– Знаю. Вы хотите, чтобы вас никто не узнал.

– Правильно. И если я вижу, что какие-то животные или растения там вот-вот погибнут, я спускаюсь на планету и вывожу оттуда этих животных или растения на другую, туда, где им ничего не угрожает. Каждая тварь, каждый зверь, каждая травинка имеют право на жизнь не меньше, чем мы с тобой.

– Я согласен, – сказал Пашка. Подумал и спросил: – И давно вы этим занимаетесь?

– Шестнадцать тысяч лет, – ответил берендей и стукнул концом хвоста об пол. – Шестнадцать тысяч лет без отдыха! Потому что я – скорая помощь. Я нужен в разных концах Галактики. Везде гибнут скорпионы и райские птицы, орлы...

– И неандертальцы, – подхватил Пашка.

– Правильно. Мне не удалось спасти ваших динозавров – они вымерли очень давно. Нужна мощная машина времени, а ее у меня нет. Но вот неандертальцев я обязательно спасу, пока их не истребили твои соплеменники.

– А мамонтов?

– И мамонтов. И саблезубого тигра, и даже пещерного медведя.

– И вы уже нашли для них планету?

– Нашел. У меня есть целый список планет – одни подходят для неандертальцев и мамонтов, другие – для белых ящериц с Гипорамы, третьи – еще для кого-нибудь.

– И что же будет? – спросил Пашка.

– Что будет? Неандертальцы прилетят на новое место, будут охотиться, ловить рыбу, научатся строить дома и писать книги – и будет планета неандертальцев.

– Планета обезьян, – задумчиво произнес Пашка.

– Что ты имеешь в виду?

– Такое кино было и книжка, – сказал Пашка. – Будто есть планета обезьян и люди попадают к ним в плен. И ничего хорошего.

– А я бы твоим людям не советовал летать на чужие планеты без приглашения. Вы решили, что умнее других. А это чепуха.

– Я знаю, – сказал Пашка, – я бывал в космосе. – Пашка отхлебнул кофе. Теплая водичка, и все. – Но неандертальцы со страху помрут. Они же люди все-таки, – сказал он.

– Не успеют, я им создам условия, – ответил пришелец. – Пойми, мы все предусмотрели. Знаешь, какой у меня опыт?

Глава двенадцатая
ГОЛУБЫЕ КРОЛИКИ

Берендей показал на стену. Только тут Пашка заметил, что она состоит из металлических ящичков с надписями.

– Я – существо старомодное, – сказал последний берендей. – Я все пишу от руки. В каждом ящичке – видишь, сколько их тут? восемь тысяч двести тридцать, – в каждом ящичке все документы, имеющие отношение к вымершему животному или растению, которое я спас.

Сиреневый пришелец Ной стоял посреди скромной каюты, сложив на груди руки, и нервно стучал концом хвоста по полу.

– А вы потом проверяете? – спросил Пашка. Ему даже стало немножко страшно. Уж очень большим и грозным был этот пришелец.

Но тот не слушал его.

– Последнее тысячелетие моей жизни, – говорил он своим низким гудящим голосом, – пройдет на борту корабля. И если ничего не случится, я буду жить вечно... И вечно спасать погибающих.

Пришелец поманил пальцем, и один из ящичков выехал из стены. Из него выскочил небольшой, переливающийся всеми цветами радуги шарик, поплыл в воздухе и повис посреди каюты.

– Смотри! – прогудел последний берендей. – Триста лет назад мне удалось вывезти голубых летающих кроликов с планеты Терзаний, где их погубил Центральный химический комбинат. Он, правда, погубил еще тысячу разных пород и видов животных, но тех мне спасти не удалось. Сейчас мы с тобой увидим, что происходит на новой планете, которую я подыскал для кроликов... Там много лесов и полей. И совсем нет людей и хищников.

Шарик словно вывернулся наизнанку и тонкой пленкой окружил Пашку и берендея.

Теперь они стояли посреди широкой равнины, на которой возвышались редкие могучие деревья. Это было красивое место.

Но зато остальное было ужасно.

Кусты стояли голые, обглоданные, травы не было вообще – ее свели подчистую.

Но понять это сразу не удалось, потому что в глазах все поголубело, столько там прыгало, ходило, лежало, сидело, перелетало с места на место голубых кроликов – зверьков, похожих на белку, но покрупнее, покрытых голубой шерстью и с крыльями, как у летучих мышей.

– Видишь! – радостно сказал пришелец. – Их почти не осталось, а я их спас.

У дерева, под вылезающим из земли корнем, Пашка увидел что-то зеленое – ага, несколько травинок!

Как раз в тот момент травинки попались на глаза одному из кроликов. Он спикировал на них и попытался схватить. Но другой кролик, который подползал к травинкам на земле, оказался еще шустрее, и они сошлись в схватке. Тут появились еще зверьки, и только голубая шерсть полетела во все стороны!

Когда участники короткого боя разошлись, земля в том месте оказалась голубой – столько шерсти потеряли бойцы!

Пашка искоса поглядел на пришельца. Он-то уже сообразил, что случилось, – недаром занимался в биологическом кружке.

Пришелец глубоко вздохнул и признался:

– Ах, какая ошибка!.. Я создал слишком хорошие условия для кроликов, и они расплодились без меры. Сожрали всю траву и даже листву на деревьях... Пока не поздно, надо исправлять положение.

– А как вы его будете исправлять? – спросил Пашка.

– Я захвачу с Земли несколько яиц гигантских сизых орлов. Пускай они выведутся на планете кроликов и начнут на них охотиться.

– А кто будет охотиться на орлов?

– Придумаем, – сказал пришелец. Он был недоволен тем, что Пашка увидел планету, где благородный опыт Ноя не совсем удался, и поэтому рассердился.

Знаете, как бывает, когда чувствуешь себя виноватым? Ты начинаешь искать, кого бы сделать виноватым вместо себя. Поставили тебе двойку, а ты говоришь: «У нас учитель совсем глупый!» Или так: «Я уже заканчивал контрольную, а тут оса прилетела и меня испугала!» Всегда можно найти виноватого.

– Ты зачем этот ящик открыл? – спросил пришелец. – Во всех остальных ящиках отлично получается, а ты выбрал один неправильный.

Пашка только развел руками. Не будет же он спорить со стариком, когда знает, что тот не прав, ведь последний берендей сам открыл ящичек.

Пашка подумал: вот мудрый Ной, он же капитан Немо, представитель древней и даже вымершей цивилизации, столько добра сделал для Галактики, а все равно не хочет, чтобы кто-то замечал его ошибки.

«Ах, как трудно быть таким умным, как я!» – подумал Пашка. И спросил, чтобы переменить тему:

– А почему ваша цивилизация вымерла? Ведь у вас есть техника, и роботы, и лекарства, и все условия, чтобы жить по много тысяч лет.

– От тоски и вымерли, – ответил пришелец. – Человек не может жить один. Он умирает, когда на планете не остается пчел, винограда, тигров, лебедей, дубов и кокосовых пальм. Нельзя человеку одному. Вот говорят: человек – венец эволюции, человек – вершина! Тебе понятно?

– Чего ж тут непонятного?

– Но венец сам по себе никому не нужен. Его надевают на голову. И вершина не может жить сама по себе, если для нее нет горы. Вершина и венец – пустые слова. Так случилось и с нами – мы были венцом, мы были вершиной, но мы висели в воздухе. И все, кроме меня, вымерли от тоски и одиночества. Иногда так хочется утром услышать, как поет птица!

– А вы почему не вымерли? – спросил Пашка.

– Потому что я улетел спасать других. Потому что я хочу, чтобы птицы пели на всех планетах. И сам слушаю их песни. Пошли, я покажу тебе каюту, в которой полетят с Земли неандертальцы.

Пришелец повел Пашку по коридору. Коридор был пустой, с высоким потолком, как раз по росту капитана. Немо шагал быстро, кончик его хвоста волочился по земле, словно пришелец был двуногим крокодилом. Порой, не останавливаясь, он распахивал двери по сторонам коридора и объяснял:

– Здесь жил когда-то мой дядя. Однажды ему все надоело, и он попросил меня выбросить его в космос.

– И вы выбросили?

– Не мог же я ослушаться дядю! – Пришелец распахнул следующую дверь: – А тут у нас музыкальный салон.

Пашка ожидал увидеть музыкальные инструменты, но в раскрашенной комнате было пусто.

– У нас разноцветная музыка, – пояснил пришелец. – Мы смотрим, как движутся цветные фигуры, и слышим музыку.

Тут коридор кончился, и они вышли на небольшой балкон, который нависал над громадным полем. Непонятно и удивительно, как такая штука могла уместиться даже в очень большом космическом корабле.

По холмистой равнине между редкими деревьями лениво брело стадо мамонтов, на берегу озера в зарослях камыша отдыхала семья гигантских тигров, олени с ветвистыми рогами промчались совсем близко...

Пришелец повел Пашку по коридору. Коридор был пустой, с высоким потолком, как раз по росту капитана.

– Они здесь должны чувствовать себя как дома, – сказал капитан Немо. – Поэтому я взял на борт все породы животных, которым предстоит погибнуть на Земле.

– А как неандертальцы узнают, что им пора улетать на новую родину? – спросил Пашка.

– Для этого у них есть со мной связь. Помнишь? – Последний берендей показал Пашке костяной шарик на шнурке – амулет, которое носили все неандертальцы. – Это приемник, – сказал Немо-Ной, – а у меня на борту стоит мощный передатчик. Если хочешь знать, как все произойдет, то пойдем на командный мостик и оттуда поглядим. Это интересно.

Они поднялись на командный мостик, откуда открывался вид во все стороны на много километров.

– Сейчас ты, Пашка, – сказал пришелец, – присутствуешь при историческом моменте. При спасении разумных существ!

Великие дела совершаются чаще всего незаметно. Это по пустякам люди кричат и машут руками. А тут пришелец провел ладонью над зеленым огоньком. Тот погас и вновь загорелся ярче, чем прежде.

– Жди, – сказал капитан.

Он волновался и бил хвостом по стенам. Пашке приходилось уворачиваться от случайных ударов.

Ждать пришлось недолго.

Минут через пять далеко-далеко на равнине показалась группа волосатых сутулых людей – неандертальцев. Они брели к кораблю, явно не понимая, почему их туда тянет, и не успели подойти близко, как из-за деревьев с другой стороны появилась еще одна семья.

– Конечно, я тебя не гоню, – сказал пришелец Пашке, – и ты можешь оставаться у меня сколько пожелаешь, но учти, что я буду долго собирать неандертальцев. И когда сюда придут здешние племена, я полечу дальше – туда, где в вашем времени находятся Урал, Испания. Там меня ждут другие семьи. Не зря же я два года наблюдаю Землю и раздаю шарики неандертальцам!

– А на мамонтов ваши шарики действуют?

– У них другие шарики, – ответил пришелец, и Пашка понял, что вряд ли его план выгорит. Но все же спросил:

– А нельзя мне взять мамонтовый шарик? На память...

– Нельзя, – улыбнулся догадливый пришелец. – Потому что ты попытаешься протащить в свое время мамонтенка, приручить его и кататься на нем верхом в школу. Разве я не прав?

– А вы и мысли читаете? – удивился Пашка.

– Я читаю не мысли, а желания, – ответил пришелец. – И это не одно и то же. А желания у тебя, кстати, написаны на физиономии.

Так Пашка остался без своего мамонта. Зато пришелец обещал на новую планету забрать не всех мамонтов, а только часть, для прокорма неандертальцев. На остальных пока будут охотиться люди.

Пашка смотрел, как неандертальцы один за другим поднимались по лесенке на корабль. Они робели, они рады были бы убежать обратно, но видно было, что шарик заставлял их идти вперед.

Потом Пашка увидел, как первые неандертальцы вышли в центральный зал корабля – в долину, где им предстояло жить до переезда на новую планету.

Неандертальцы чувствовали себя неуютно – место незнакомое, а значит, опасное. Они побежали цепочкой к гряде камней, видневшихся впереди.

– Молодцы, – сказал пришелец, – я специально для них там убежище сделал.

Они стали прощаться.

– Спасибо, – сказал Пашка, пожимая руку капитану Немо-Ною, – спасибо от имени неандертальцев и мамонтов. Хоть я сам не неандерталец, но понимаю, какую добрую службу вы сослужили Земле. Я обязательно расскажу обо всем в будущем.

– Честно говоря, чем меньше ты будешь рассказывать, тем лучше, – попытался предостеречь его пришелец. – Но заткнуть тебе рот никто не может. – А когда Пашка уже двинулся к выходу, добавил: – Если опыт закончится успешно, я к тебе загляну, в твой двадцать первый век. И мы с тобой посмотрим, удалось ли неандертальцам создать цивилизацию.

– Договорились, – сказал Пашка.

У выхода он встретил еще одну семью неандертальцев. Вид у них был жалкий, испуганный. Матери несли детей, воины размахивали дубинками. При виде Пашки они оскалились, забормотали, но Пашка только помахал им и поспешил прочь – он знал, что неандертальцы за ним не погонятся, сейчас им не до Пашки.

Глава тринадцатая
СМЕРТЬ СЕДОМУ!

Когда Пашка направился обратно к речке, его охватило беспокойство: прошло уже столько времени – как бы в пещере не погас костер! Ведь спичек у Пашки с собой нет.

Сначала он шагал не спеша, потом все быстрее и наконец побежал. И чем дольше он бежал, тем длиннее казалась дорога.

Но, к счастью, он не заблудился. Вот и гребень, откуда идет лесистый спуск к реке – там находится пещера древних людей. А в ней горит костер.

«Хорошо бы они еще не вернулись из своего похода», – думал Пашка.

Над головой пронеслось что-то серое, похожее на тучу, но двигалось это «что-то» куда быстрее туч. Это космический корабль пришельца перелетает на другое место собирать беженцев, догадался Пашка. Он помахал рукой капитану Немо-Ною, а сам сбежал по тропинке к площадке перед пещерой.

Там было пусто.

А изнутри, из пещеры, доносились голоса.

Опоздал!

Но, может, костер не погас?

Пашка вошел внутрь и сразу понял, что случилось самое худшее.

Все его племя собралось вокруг кучи остывших углей, а Мама стояла на четвереньках и отчаянно дула на них, стараясь оживить умерший огонь.

Пашка замер у входа, раздумывая, бежать ему или попросить прощения. Но, пока думал, кто-то из детишек заметил его и пискнул, словно в пещеру вошел Медведь.

И тут все стали оборачиваться на Пашку.

Совершенно молча.

Пашка боялся, что они будут кричать, махать руками, грозить. Но оказалось, что когда на тебя просто смотрят, это еще ужасней. Троглодиты молчали и не двигались с места, пока не заплакал самый младший из детей. Тишина была нарушена, и люди начали вздыхать. А мальчик все плакал. Не вставая с четверенек, Мама поглядела на Пашку и печально спросила:

– Что же мы теперь будем делать?

– Понимаете, – попытался оправдаться Пашка, – я совсем ненадолго отошел, может, на полчасика, а в костер я такое бревно положил, что он не должен был потухнуть...

Он говорил, а его слова падали, как слезы на камень. И Пашка понял: этим людям нет дела до того, сколько и куда он ходил, был ли он на космическом корабле Немо-Ноя. Они и знать не хотят, что неандертальцы улетают на какую-то чудесную и безопасную планету... У них ПОГАС ОГОНЬ.

Теперь люди стояли к нему лицом. Они не угрожали, они были расстроены, даже девочка Умница, которая недавно получила имя, не хотела встречаться с Пашкой глазами.

– Ты, Седой, – сказал Гром, – нарушил главный закон – закон хранителя огня. Будет зима, мы все замерзнем и умрем.

– Ну, до зимы еще далеко... – начал Пашка.

Мама подняла ладонь, оборвав его.

– Тебя не просили говорить, – сказала она.

– Что дано законом тому, кто убил огонь или упустил его? – спросил Гром.

– Смерть! – первой откликнулась Мама.

– Смерть, – повторил мрачный Тигр.

– Смерть, – сказали все по очереди.

Одна Умница не смогла произнести слово «смерть» и только заплакала. Она плакала молча, и слезы скатывались по ее измазанным щекам.

– Ты, Седой, хоть и юный охотник, но умный и везучий, – сказал Тигр. – Ты не простой детеныш. Поэтому мы разрешаем тебе самому выбрать себе смерть.

Пашка вспомнил старую детскую книжку, которую читал когда-то. Там джинн спросил мальчика, от чего бы тот хотел умереть, и мальчик ответил: от старости. И Пашка, скрывая улыбку, повторил:

– Я хочу умереть от старости.

Троглодиты серьезно выслушали Пашкины слова и стали думать. Они еще не очень часто думали, и им трудно было разобраться, в чем тут подвох. Потом Крот сообразил:

– Он же совсем молодой, и смерть от старости наступит не скоро. Мы все уже умрем. Как мы узнаем, что он тоже умер?

– Такая смерть не годится, – подтвердила Мама. – Такой смерти нет в законе.

– А какие есть? – спросил Пашка.

– Есть смерть от копья. Есть смерть от веревки. Есть смерть в воде, есть смерть, когда падаешь с большой высоты. Есть смерть от голода, – перечислил Тигр.

– Не подходит, – сказал Пашка. – Я же у вас всего-навсего на практике. Мне пора домой возвращаться.

– У тебя нет другого дома, – сказала Мама. – Или ты врал?

Пашка вздохнул. Он не думал, что из-за легкомыслия он попадет в такое положение. Ему вдруг представилось: приходят ребята в школу, все с практики, веселые, и видят – в зале висит портрет Пашки и написано:

«УЧЕНИК 5 «Б» КЛАССА ГЕРАСКИН ПАВЕЛ ПОГИБ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ ВО ВРЕМЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ПЕРВОБЫТНОЙ ЭПОХЕ».

– Прости, многомудрая Мама, – сказала девушка Ора, – но, может быть, мы возьмем огонь в пещере Медведя? Он нам даст.

– Нет, – ответил за всех остальных Гром. – Медведь даст нам огонь, но за это сделает своими рабами. Он поселит нас в своей пещере, и мы будем выполнять всю черную работу и получать за это кости. Но ведь мы – вольные троглодиты!

– Мы вольные троглодиты! – закричали остальные. – Смерть Седому!

– Стойте, стойте, – воспротивился Пашка, – а что, если я сделаю огонь?

– Как ты сделаешь огонь?

– У нас найдется кусочек сухой веревки? Ну, лианы какой-нибудь, может, даже паутины?

– Найдется, – сказала Умница.

– И кремни найдутся?

– И кремни найдутся, – отозвались троглодиты.

Пашка понимал, что им вовсе не хочется убивать своего знаменитого охотника и, если бы не проклятый закон, он бы просто получил взбучку.

– Тогда несите все сюда, мы сейчас с вами сделаем огонь.

И в самом деле, дети тут же притащили кремни, сухие лианы и ветки. Пашка сложил горючие материалы на плоском камне и ударил кремнем о кремень. Так как в пещере было полутемно, то все увидели, как между камнями полетели искры.

Троглодиты отшатнулись – они были поражены могуществом Седого.

– Повелитель молний! – прошептала Ура.

Крот отполз в угол пещеры и утащил за собой младенца, чтобы тот не видел страшного волшебного огня.

– Сейчас он вернет нам огонь! – закричала Умница. – Вот увидите!

– Все равно я его тогда выпорю, – сказала Мама, которую, похоже, нельзя было удивить даже искрами из камня.

Пашку, конечно, обидели такие слова, но он не мог оторваться – ветки вот-вот вспыхнут.

Искра за искрой пролетали между камнями, руки у Пашки устали, но огонь не зажигался.

Первобытные люди – как дети. Сначала они были поражены могуществом Пашки и трепетали перед ним, а после безуспешных попыток зажечь костер тут же забыли, как только что восхваляли героя. Крот снова выполз из темноты и первым сказал:

– Ничего не выйдет. Надо Седого убивать. Тогда духи леса и гор нас пожалеют. Нужна жертва!

– Нужна жертва, – подтвердил Тигр.

И все повторили:

– Нужна жертва!

Пашка отбросил кремни и сказал:

– Не годятся ваши кремни. Нужны другие. Давайте искать.

– Нам надоело искать, – сказал Гром. – Нам надоело тебя слушать. Ты низкий обманщик!

– А ну, повтори! – возмутился Пашка и вскочил на ноги. – Я вызываю тебя на поединок.

– Чего? – удивился троглодит.

– Мы будем биться с тобой на дубинках до полной победы! – заявил Пашка.

– Да я тебя одним ударом... как лягушонка!

– А вот попробуй. Сейчас я пойду в лес, сломаю сук покрепче, сделаю дубину – тогда держись!

И Пашка направился к выходу из пещеры.

Как вы понимаете, он меньше всего думал о дубинах – Пашка хотел убраться подальше от этой пещеры и троглодитов, отыскать в лесу машину времени и вернуться домой. Фильм уже есть. А что еще делать человеку в первобытной эпохе?

Но Тигр оказался проворнее Пашки. Одним прыжком он перекрыл выход из пещеры и приказал:

– Делай огонь! Нет огня – нет жизни. Смерть.

– Слушай, – сказал Пашка, – мы с тобой так славно охотились. Не надо этих угроз. Ну какие могут быть ссоры между охотниками? Мы с тобой еще мамонтов будем стрелять.

– Работай, – сказала Мама.

Пашка присел на корточки.

Пути назад не было.

Будущее окрасилось в черный цвет.

Пашка несильно ударил кремнем о кремень. Даже искры не получилось.

Как же сбежать?

И тут он услышал знакомый голос противной старухи, которая до тех пор скрывалась в темноте.

– Ах, Седой, Седой! – сказала она, склоняясь над ним. – Разве такие кремни родят огонь? Тебе дали плохие кремни.

– А ты иди, Туча, иди, не мешай! – выкрикнула Мама.

– Нет, – возразила старуха. – Седой – великий охотник. Он может вернуть огонь. Смотрите.

Она скрылась в темноте, затем вернулась, протянула Пашке пучок сухой соломы и приказала, словно была вождихой племени, а не последней, никому не нужной старухой:

– Бей кремнями! Бей! Пусть будут искры.

Пашка послушался и изо всех сил ударил кремнем о кремень. Посыпались искры. И тут же в руках у старухи вспыхнул пук соломы.

– Ой! – воскликнули троглодиты. Они убедились в том, что Пашка – настоящий волшебник.

А Пашка мог бы поклясться, что в тот момент, когда он высек искры, старуха поднесла к соломе маленькую зажигалку, и именно от нее, а не от кремней огонь перекинулся на солому.

Старуха умело сунула горящий пук в угли, остальные стали быстро подкладывать сучки и сухие веточки. Через две минуты посреди пещеры уже похрустывал ветками костер – огонь ожил и вернулся к людям.

Пашка поднялся на ноги и отступил.

Ему надо было подумать.

Троглодиты хвалили его, хлопали по плечу, а дети норовили поцеловать.

– Будь моим мужем, – сказала Ура.

– Нет, – сказала Ора, – он будет моим мужем.

Девицы вцепились друг дружке в волосы, и тут Пашка услышал, как старуха прошептала:

– Слушай меня внимательно: уходи из пещеры, как только я дам знак. – И закричала громче всех: – Эй вы, недостойные люди! Великий охотник Седой обижен на нас. Он уходит от нас туда, где текут чистые реки и поднимаются снежные горы. Духи леса и гор призывают его. Мы не достойны такого героя.

Старуха сделала Пашке знак, и он, не оглядываясь, пошел к выходу.

Он понимал, что старуха права, но ему так хотелось обернуться, пожать всем руки, пообещать, что он снова к ним приедет, и тогда они славно поохотятся. Но нельзя...

Сзади неслись стоны и плач.

– Прости нас, Седой! – громче всех кричала Мама. – Мы не верили тебе! Накажи нас, но не уходи.

Но Пашка, не оборачиваясь, ушел в лес.

Старуха появилась минут через пять.

– Гераскин, – сказала она с упреком, – я с ног сбилась. Ты куда из пещеры убежал, когда тебе велели огонь сторожить?

– Но я же не знал...

– Ты подвергал риску свою жизнь и всю операцию.

– Извините, – сказал Пашка, – но я такое видел! Я видел, как эвакуировали неандертальцев! Я разгадал великую историческую тайну!

– Пашка, не выдумывай глупостей, – сказала старуха.

Теперь, в лесу, она выпрямилась и уже совсем не казалась старухой, если бы не изрезанное морщинами лицо и крючковатый нос.

– Это не глупость, – возразил Пашка. – У меня фильм есть.

– Я не буду с тобой спорить. Некогда. Мне нужно довести тебя до кабины времени, отправить домой и вернуться в пещеру, пока они не решили, что я совсем пропала.

– Так вы из Института времени?

– А ты что думал, мы детей отправляем в прошлое без страховки? Как ты мог убедиться, здесь не шутят. Еще немного – и тебя бы съели!

– А у вас зажигалка?

– Паша, не задавай глупых вопросов, останешься живым в первобытной эпохе.

Они не успели устать, как оказались перед лесом, в котором скрывалась кабина времени.

– А как вас на самом деле зовут? – спросил Пашка.

– Агент-спасатель Института времени Елена Простакова, – ответила старуха, которая совсем уже не была похожа на старуху – просто загримированная девушка, – но, если мы с тобой встретимся в нашем времени, можешь звать меня Леной, я не гордая.

Они добежали до кабины времени.

– Лен, а Лен! – взмолился Пашка. – Ты будешь отчет писать?

– Если Ричард спросит, напишу, – ответила Лена.

– Ты скажешь, что я практику завалил?

– Ты сам ему покажешь свой фильм. И в школе покажешь. Там и решат.

– Значит, ты про меня ябедничать не будешь?

– Что за слово такое глупое! – возмутилась Елена Простакова. – За нами, агентами Института времени, такого никогда не водилось.

– А тебе не страшно туда возвращаться? – спросил Пашка.

– Нет, я привыкла. Они неплохие люди. Только скучно бывает и очень плохо без шампуня.

Это Пашка понимал.

Но вот и кабина времени. Пашка вошел в нее.

– А вообще-то говоря, – сказала Лена Простакова, горбясь и понемногу вновь превращаясь в первобытную старуху, – ты неплохой парень. И вел себя нормально. Иногда тебя заносило... Но кого из нас не заносит!

Глава четырнадцатая
ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

Зачет по практике у Пашки приняли, хоть и сделали ему выговор за вмешательство в первобытные дела.

Зато его фильм, и особенно та часть, которая касалась неандертальцев, произвел сенсацию – посмотреть прибегали из всех отделов.

Но что удивительно – те кадры, где был Немо-Ной и его корабль, и кадры, снятые из корабля, не получились. Все обесцвечено, списано, стерто, смыто.

Так что Ричард и академики, которым Пашка рассказывал об эвакуации неандертальцев, поверили не до конца. Вернее, совсем не поверили. Это звучало так:

– Очень интересно, но ты ведь, Гераскин, известный фантазер!

Самое обидное – не поверили друзья: Алиса и Аркашка Сапожков.

– Погодите, – говорил Пашка, – вот прилетит Немо-Ной, он обещал. Тогда вы по-другому запоете.

Но Пашка и сам в это не верил. Прошло тридцать тысяч лет. Даже такой долгожитель, как Немо-Ной, вряд ли столько проживет.

Так бы эта история и закончилась, если бы не одно событие. Через девять дней после возвращения Пашки с практики в школе шел урок литературы. Ученики пятого класса репетировали трагедию Шекспира, которая называется «Отелло». Там один мавр задушил свою жену.

Случилось так, что за полчаса до репетиции у Маши Белой начался страшный насморк – а как известно, это последняя болезнь, с которой не смогли справиться к концу двадцать первого века. Прилетела «Скорая», Машу отправили в больницу, и репетиция грозила сорваться, потому что никто в классе, кроме Маши, не знал роли Дездемоны. И тогда учитель литературы Леопольд Модестович поглядел на Пашку, вздохнул и сказал:

– Я не хочу тебя обидеть, Гераскин, но ты ведь знаешь наизусть все трагедии Шекспира...

– Точно, – согласился Пашка, – в прошлом году я их выучил на спор с Джавадом Рахимовым, который проиграл мне на этом восемь порций мороженого.

– Значит, – сказал Леопольд Модестович, – ты должен пожертвовать собой ради коллектива.

– Только не это! – закричал Пашка. – Вы же обещали, что не будете давать мне женских ролей. Я не девчонка!

– Пашенька! – взмолился учитель. – Ты же понимаешь, что это только на репетицию. А к спектаклю Маша выздоровеет.

– Пашка! – хором завопили ученики пятого класса. – Не подводи!

– Пускай Алиса Селезнева по книжке прочитает текст, – предложил Пашка.

– Это очень интересно, – сказала Алиса, которая тоже только что возвратилась с исторической практики. – Как ты представляешь? Джавад будет меня душить, а я буду читать текст по книжке?

Когда все отсмеялись, Пашка махнул рукой – на что не пойдешь ради товарищей! – кое-как влез в белое платье Дездемоны, напялил парик с жемчужной ниточкой и стал ждать, когда войдет взбешенный муж Отелло.

Муж Отелло, то есть намазанный черной краской Джавад Рахимов, вошел решительными шагами и стал размахивать платочком, который потеряла Дездемона. И вот когда Джавад спросил грозным голосом: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» – открылась дверь и вошел невысокий плотный человек в яркой форме комиссара Интергалактической полиции. На голове у него была фуражка с перекрещенными кометами, из-под которой выбивался непокорный чуб.

– Простите за вторжение. Меня зовут комиссар Милодар, – сказал он. – И еще простите, что сорвал репетицию бессмертной трагедии Шекспира «Гамлет».

Никто не улыбнулся, потому что все знают, какая сложная жизнь у комиссаров Галактической полиции – тут можно Шекспира и с Дюма спутать.

– А ты, девочка, лежи, лежи, – обратился он к Пашке. – Я мигом. Задам вопрос, и вы, молодой человек черного цвета, можете додушить свою невесту.

Все ждали, что будет дальше. Джавад так и замер над Пашкой, легонько сжав черными руками его горло.

– Разыскивается один человек, – сказал Милодар. – После двух недель безустанных поисков следы привели меня в вашу школу. Не бойтесь, признавайтесь сразу, хуже уже не будет. Кто из вас Гераскин Павел?

Павлу стало неприятно. Его впервые разыскивала Галактическая полиция. Но так как все посмотрели на него, а Джавад посильнее сжал пальцы, то Пашка прохрипел:

– Это я Гераскин.

– Вы, девочка, – сказал комиссар Милодар, – не волнуйтесь. Ваша песенка спета. И я сюда пришел не шутки шутить.

Тут Пашка понял, что его вот-вот задушат, с трудом вырвался из лап Джавада и отпрыгнул в сторону.

– Я и есть Гераскин! – крикнул он. – Это я играю роль Дездемоны.

– Судя по голосу, возможно, – согласился комиссар. – А переодеться ты не мог бы?

– А чего мне переодеваться? – Пашка стянул через голову белое платье несчастной женщины и остался в джинсах и майке.

– Вот так-то лучше, – одобрил Милодар. – Тогда поехали в Кремль. Тебя ждут.

– В Кремль?

– Только придется надеть что-нибудь попраздничней, – сказал Милодар и показал на Аркашу Сапожкова, который стоял рядом в средневековом костюме – Аркаша играл мерзавца Яго. – Поменяйся одеждой с этим мальчиком.

– Еще чего не хватало! Одно дело, когда надо мной смеются в классе, а другое дело – в Кремле. И вообще, скажите, пожалуйста, что я такого сделал, что меня арестовывает Галактическая полиция и везет неизвестно куда?

– Вас не арестовывают, молодой человек... или девушка, я уж не знаю, как у вас в школе решили.

– Павел Гераскин почти отличник, – вмешался Леопольд Модестович, видно, желая взять Пашку под защиту, но Милодар только отмахнулся.

– Если не хочешь торжественно одеваться, не надо, – сказал он. – Но хоть куртка какая-нибудь есть у тебя с собой?

Пашка накинул куртку. Ребята пошли проводить его до выхода из школы, и хотя Милодар поклялся, что с Пашкой ничего плохого не случится, они все же беспокоились.

Спецфлаер со спецультразвуковой сиреной как молния промчался над Москвой и через несколько минут опустился на площади перед Кремлевским Дворцом.

Милодар с Пашкой поднялись на второй этаж. Часовые отдавали им честь.

Они прошли коридорами и залами. Милодар молчал, потому что он привык иметь дело с секретными поручениями.

Наконец они оказались в Грановитой палате. Там, в небольшом уютном зале, сидели в креслах, беседуя, несколько человек: сам президент, с кото-

рым Пашка не был знаком, но в последних новостях видел не раз; министр по делами космических отношений – юный гений с астрономического факультета по имени Гоша Добродеев; Акулина Ивановна Коган – министр культуры и другие важные персоны. А напротив них сидели трое.

Одного из них Пашка видел девять дней назад, остальных – чуть раньше.

Первый был древний, как сама Земля, капитан Немо-Ной, которому давно перевалило за пятьдесят тысяч лет. По обе стороны от него сидели те два неандертальца, которых Пашка встретил в бассейне перед путешествием в прошлое.

Пашка держал себя в руках – все-таки он не в школе. Вежливо поздоровался с президентом, пожал руку Гоше, а министр культуры поцеловала Пашку в щеку.

Пашка подошел к капитану Немо-Ною. Он был рад его видеть.

– Здравствуйте! – воскликнул он. – Вот уж не думал, что вы так скоро приедете!

– Ты ошибаешься, Паша, – сказал последний берендей. – Прошло больше тридцати тысяч лет со дня нашей встречи...

– Ну конечно же, – спохватился Пашка. – А кажется, что это было вчера.

Президент отпустил комиссара Милодара, а Пашке предложил сесть в кресло и съесть пирожное. В итоге Пашка незаметно съел пять, но никто не обратил внимания – разве в Кремле считают пирожные?

Президент стал расспрашивать Пашку о том, как проходила историческая практика и как потом Гераскину никто не поверил. Все смеялись, а капитан Немо-Ной сказал, что Паша – смелый мальчик.

– Так, значит, ваш опыт удался? – спросил Пашка.

И тогда заговорил один из неандертальцев, тот самый, который плавал с Пашкой в бассейне.

– Теперь мы – равноправные граждане Галактики, – сказал он. – У нас была сложная история, но мы смогли стать грамотными и даже сами изобрели космические путешествия. И за все это мы благодарны капитану Немо-Ною.

– А я сначала даже испугался, – смущенно признался Пашка. – Когда увидел вас в бассейне. Я думал, тут какая-то тайна.

– Никакой тайны – просто официальный визит с одной планеты на другую. Мы с моим коллегой, – он показал на второго неандертальца, –

руководим Академией наук и Управлением культуры. А капитан Немо-Ной – наш почетный консультант.

Оба неандертальца были одеты в черные костюмы и такие белоснежные сорочки, что Пашка устыдился своего не слишком опрятного вида – словно он и есть настоящий дикарь в обществе культурных людей.

Доедая пятое пирожное, Пашка поинтересовался:

– А древние животные у вас остались?

– Кого вы имеете в виду? – спросил первый неандерталец.

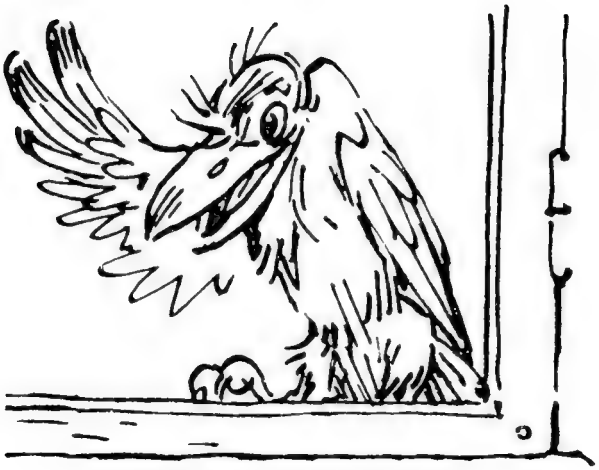
– Он имеет в виду мамонтов, – улыбнулся Немо-Ной. – Ему так хотелось на них поохотиться!

– Ни в коем случае! – воскликнул второй неандерталец. – Они же занесены в Красную книгу и охраняются в заповедниках. Надо беречь природу.

– Правильно, – согласился Пашка.

А когда они прощались, первый неандерталец спросил Пашку, не раздумал ли тот переписываться с его дочкой. Пашка сказал, что, конечно, не раздумал, и тогда неандерталец дал ему живой портретик очень хорошенькой неандерталочки.

Пашке захотелось с ней познакомиться, но для этого ему еще придется полететь на планету неандертальцев.



Алиса и чудовище

Глава первая
ГЕРАСИК В ОПАСНОСТИ!

Алиса закончила делать уроки и только собралась идти гулять, как в окно постучали.

На карнизе сидела взъерошенная белая ворона.

Алиса открыла окно.

Ворона спросила:

– Ты кто такая?

– Алиса.

– Фамилия?

– Селезнева. А зачем тебе это знать?

– Потому что положение очень серьезное. Даже опасное. Тебя могли подменить. Нужна осторожность. Вот скажи, например, как меня зовут?

– Тебя зовут Дурындой, – сказала Алиса.

– Приблизительно угадала. Тогда скажи мне, где я живу?

– Ты живешь в эпохе легенд между третьим и четвертым ледниковыми периодами.

– Смотри-ка! – удивилась ворона. – Если тебя и подменили, то сделали это очень ловко.

– Уважаемая ворона, – сказал домашний робот Поля, который вошел на голоса в комнату и слушал весь разговор. – Не говорите глупостей. Это самая настоящая Алиса Селезнева. Я ее еще в младенчестве качал на колене.

– Вот еще не хватало! – закричала Дурында. – Чтобы маленьких детей качать на железных коленках! Вы хотите, чтобы у них на попках были синяки?

– Очень даже глупо! – сказал Поля. – Я не железный, а пластиковый, и у меня вполне мягкие коленки. Если хотите, можете попробовать.

– Он сошел с ума! Я вообще никогда не сажусь мужчинам на колени, потому что у меня такие нежные перышки.

– Дурында, – сказала Алиса. – Ты зачем ко мне прилетела?

– Понимаешь, – ответила Дурында и посмотрела в небо, – у нас в эпохе легенд надвигаются ледники. Погода портится с каждым годом. А у меня нет теплого зонтика.

– Чего-чего? – удивился Поля.

– Помолчи, железная кукла! – крикнула Дурында. – Повторяю по буквам. Мне грозит бронхит!

– Чем же я могу тебе помочь? – спросила Алиса.

– А чем хорошие люди помогают хорошим воронам? – спросила Дурында. А так как Алиса промолчала, то Дурында сама ответила на свой вопрос: – Хорошие девочки дают воронам монетку. Желательно золотую. Но можно серебряную. У нас в эпохе легенд другие монетки не ходят.

Алиса пожалела Дурынду. В самом деле, климат в эпохе легенд ухудшается. Ворона мерзнет. Правда, Алиса не представляла себе, как можно сделать теплый зонтик. Но спрашивать не стала – ворона начнет кричать, ругаться, а объяснить толком не сможет, такая уж она бестолковая птица.

– Поля, – сказала Алиса, – как ты думаешь...

Она не смогла закончить вопрос, потому что Поля сразу обо всем догадался.

– Я все понимаю, – сказал домашний робот, который желал, чтобы его называли домроботником, – всю жизнь я посвятил собиранию скромной маленькой коллекции монеток, второй такой нет ни у одного домроботника. Впрочем, второй такой нет и ни у одного коллекционера. Моя коллекция состоит только из очень ценных и редких монеток. Это

единственная радость в моей трудной жизни. И вот приходит человек, которого я люблю и уважаю, которого я качал в детстве вот на этих коленках, и говорит: железная кукла, расстанься со своей коллекцией. И вы знаете, что я сейчас сделаю? Я сейчас пойду, принесу вам мою коллекцию, кину ее вам в лицо, а потом брошусь с двадцатого этажа, чтобы покончить с моей неудавшейся жизнью.

– Ой! – испугалась птица Дурында. – Такого греха на душу я не возьму. Нет, лучше воспаление легких! Лучше смерть от ангины, чем мучения этой несчастной железяки.

Алиса слушала этих двух обманщиков и еле сдерживала смех.

Она отлично понимала, что Поля – великий мастер выпрашивать, выцыганивать подарки у всех окружающих. Половину его коллекции собрали Алисины одноклассники, остальное – папины и мамины знакомые. Ну и, конечно, Поля немало монет собрал на улицах. Попробуй пошли Полю по делу. Он вернется на три часа позже, чем его ждали, потому что заодно обойдет все соседние улицы, глядя под ноги – а вдруг кто-то обронил монетку? Несколько раз Поля даже ездил в туристические круизы, чтобы посетить как можно больше стран и там добыть себе монеток для коллекции. Однажды он был в Риме. В том великом и древнем городе есть очень красивый фонтан. И все, кто приезжает в Рим, кидают в фонтан монетки, потому что живет такое поверье: кинул монетку, вернешься в Рим снова. А всем, как вы понимаете, хочется приехать в Рим снова. Как только Поля увидел, сколько монеток лежит на дне фонтана, он прыгнул в воду и принялся собирать деньги. А эти денежки трогать нельзя – они лежат весь день, а ночью приходит специальный монетосборщик, который все из фонтана вынимает и относит в банк. А потом на эти деньги фонтан чистят и ремонтируют.

Вы можете себе представить, что тут началось! Туристы кричат: «Грабеж! Мы не для того кидаем монеты в фонтан, чтобы какой-то робот на этом обогащался!»

Прибежала полиция, Полю схватили и посадили в тюрьму.

Пришлось Алисиному папе профессору Селезневу срочно лететь в Рим и выручать коллекционера.

– Поля, – сказала Алиса. – Пожалуйста, прекрати изображать из себя несчастного бедняка! Вынь из мешка в кладовке менную монетку и отдай Дурынде.

– Я разорен! – заныл Поля, но послушался и поплелся за монетой.

– Я тебе тоже кое-что дам, – сказала Дурында, – только сначала проверю, хорошая ли монета!

– Что случилось? – спросила Алиса. – Я чувствую, что-то случилось.

– Ах, ничего особенного, – ответила Дурында. – Подождем, посмотрим на монетку, а потом перейдем к нашим делам.

Тут вернулся Поля и протянул Дурынде монетку.

Довольно маленькую и сильно потертую.

Дурында поглядела на нее, склонив взъерошенную голову, потом взяла в когти и попробовала надкусить клювом.

– Так я и думала, – сказала она. – Это, конечно, не золото и уж тем более не серебро. Это самая настоящая медяшка! Позор и стыд тебе, Алиса! Ты, оказывается, еще и жадная.

Алиса повернулась к Поле и так посмотрела на домроботника, что тот только кивнул и кинулся прочь из комнаты. Возвратился он ровно через секунду и приволок целый мешок монет.

Он бросил его Алисе под ноги и заявил:

– Вот все, что у меня есть! Я умываю руки!

Так как Алиса знала, что у Поли есть еще шесть таких мешков, она пропустила слова робота мимо ушей, достала из мешка пригоршню монет и нашла среди них одну золотую. И отдала ее Дурынде.

Поля ушел из комнаты, рыдая.

– Где валидол? – причитал он. – Где сердечные капли?

– Какие еще сердечные капли! – закричала ему вслед ворона. – Ты что, ими суставы смазывать хочешь?

Она спрятала монету за щеку, а из-за другой щеки вытащила свернутую в трубочку бересту.

– Тут тебе письмо, – сказала она.

Алиса знала, что в эпоху легенд бумаги еще не было и на Руси писали на бересте, на березовой коре, заостренными палочками.

На бересте кривыми буквами было написано:

АЛИСА СПАСИ ТЫ САМА ВИНОВАТА

– Что это значит? – удивилась Алиса.

– Это Герасик написал.

– Герасик? Мальчик из эпохи легенд?

– Он самый, несчастный крошка.

– Так чего же ты время тянешь! – рассердилась Алиса. – Монетки выпрашиваешь, а у человека беда.

– Она такая! – закричал из коридора Поля.

– Не знаю я какая, – сказала ворона. – Но если я, несчастная птичка, о себе не позабочусь, то кто обо мне позаботится? Ведь мне пенсии не положено, помру на старости от голода. А кто будет виноват? Кто?

– Кто?

– Алиса и другие люди, которые не позаботились.

– Дурында, пожалуйста, не отвлекайся. С Герасиком случилось что-то ужасное. Иначе бы он не стал просить помощи. Он же ужасно гордый.

– Сидит Герасик в подвале и ждет казни, – сказала Дурында. – И никто ему не поможет, так что спеши, не спеши – дело сделано!

– Так что случилось?

– А случилось то, что твой любимый Герасик – вор и грабитель.

– Этого не может быть. Герасик – честный первобытный человек. И мой друг. А мои друзья не воруют и не грабят.

– И я тоже?

– Ты мне не друг, Дурында. Ты довольно подлая, лживая и даже вороватая птица.

– Вот именно! – сказал Поля из коридора.

– Говори, Дурында, – попросила Алиса.

– Твой Герасик забрался в королевский дворец Другого сказочного королевства и ограбил его, но попался.

Алиса только руками развела. Она знала, что Герасик живет в эпохе легенд, когда людей еще почти не было, а на земле обитали сказочные существа, которые потом, когда стало совсем холодно от ледника, большей частью вымерли или спрятались, как гномы, под землю. Герасик и его старый отец жили в избушке на краю леса, и хорошо еще, что не все волшебники, оборотни или лешие были злобными людоедами. Встречались среди них и порядочные люди. Герасик дружил с Красной Шапочкой и Снегурочкой, был у него знакомый богатырь, и поэтому хоть они с отцом бедствовали, но кое-как существовали, построили избушку и надеялись пережить тяжелые времена. А знаете почему? Потому что люди умеют работать, а волшебные существа ничего делать не умеют. Бездельники они.

Герасик не только пахал землю и плотничал, он еще был изобретателем и очень хотел научиться читать и писать, изобрести колесо и самолет и стать образованным человеком. Алиса ему сочувствовала, но думала, что, наверное, в эпоху легенд рано еще изобретать самолет, благо у волшебников водились когда-то ковры-самолеты.

Герасик Алису уважал и слушался, но он был человеком с характером и, как та самая кошка, гулял сам по себе.

– Что он украл? – спросила Алиса у Дурынды.

– Жутко подумать! Он совершил сразу два страшных преступления.

– Какое первое?

– Он забрался в королевский дворец, залез в комнату бывшего принца и утащил оттуда учебник грамматики.

– А второе преступление?

– Оно еще ужаснее! Ведь в наши времена только волшебникам и знатным персонам разрешается читать и писать. Все остальные обязаны быть неграмотными. Если ты крестьянин или моряк и решил учиться читать, тебе в два счета голову оторвут. И это правильно.

– Почему же?

– А не нужно это простым людям. Я вот не читаю, не пишу и отлично прожила первые триста лет.

Алиса поняла, что Дурында говорит правду. Для нас с вами это звучит удивительно и даже дико. А тогда, в эпоху легенд, люди подчинялись вот таким странным правилам. Что-то Алису смутило в словах вороны... Ага!

– Скажи, Дурында, почему ты сказала «бывший принц»? Он стал королем? Или погиб? Или уехал?

– Его нет на месте.

– А на каком же он месте?

– Молчи! – крикнула Дурында. – Это же государственная тайна!

– Прости, я не знала. А где сейчас Герасик?

– Ждет казни, где же еще! А может, его и казнили.

– Не может быть!

– А у нас нравы дикие, – сказала Дурында и принялась чесать коготком свой бок, приподняв грязное крыло. – У нас что не так – сразу расправляемся.

– Надо срочно его спасать! – сказала Алиса.

– Правильно. А как ты его будешь спасать, если он закован в железа, запрятан в подвалы каменные, за двери стальные огнеупорные? И стерегут его стражи беспощадные.

– Опять преувеличиваешь, Дурында?

– Наше дело – сообщить.

– Тогда лети обратно, – сказала Алиса. – И скажи Герасику, что я скоро буду.

– Нет, – ответила ворона. – Сразу я не полечу, и не уговаривай. Мне кое-какие покупки надо сделать в двадцать первом веке, да и машина времени не всегда работает. Вернее всего, полетим мы с тобой в отдаленное прошлое вместе. Советую тебе захватить с собой пушку атомную, автомат лазерный и несколько гранат водородных. Без них тебе не справиться со злом, поселившимся в Другом королевстве.

Алиса только отмахнулась от трепушки. Она уже бывала в эпохе легенд и знала, что если не бояться, то ничего страшного не произойдет.

– У тебя пластиковой сумочки не найдется? – спросила Дурында. – Для покупок.

– Не давай, – предупредил из коридора Поля. – Она обратно не вернет.

– А зачем нам с тобой пластиковые сумочки? – удивилась Алиса. – Ты же все равно их выкидываешь.

– Лучше выкидывать, чем отдавать невесть кому! – ответил Поля.

Тут уж Алиса рассердилась:

– Как вам не стыдно! Решается судьба человека, а вы по пустякам цапаетесь! А ну, немедленно неси пластиковую сумку!

– С ручками! – крикнула Дурында, – чтобы мне на шею повесить.

Поля пошел в кухню, ворона тут же полетела следом за ним, и Алисе, которая стала видеофонить в Институт времени, было слышно, как они ссорятся.

– Разве это пакет! – каркала Дурында. – Он же у меня развалится.

– Что же ты такое в него класть будешь? – ехидно спрашивал робот.

– Книжки, конечно же, книжки! – отвечала ворона. – Люблю перед сном Достоевского почитать. Он целый роман написал про то, как один смелый ворон одного глупого робота топором зарубил.

– Во-первых, не ворон, – отвечал робот, – во-вторых, не робота, а старушку. Ха-ха-ха!

Глава вторая
СНОВА В ЭПОХЕ ЛЕГЕНД

Алиса не застала в Институте времени своего друга, научного сотрудника Ричарда Темпеста, поэтому решила поехать туда, не дожидаясь, пока он вернется. Ведь дело срочное.

Институт времени стоит на окраине Москвы. Это совсем обыкновенное невысокое здание, и, если не знаешь, никогда не догадаешься, что оно уходит под землю на шесть этажей. Там находятся аппаратура, приборы, а также склады и мастерские. Ведь если ты собрался в Средние века или в Римскую империю, то тебе надо обязательно правильно одеться и постричься, а то сразу догадаются, что ты не настоящий рыцарь. А еще в подвалах находятся лаборатории – ведь из прошлого ученые привозят различные вещи, растения и даже животных. Но прежде чем их увидят, надо проверить, не опасны ли они для людей и что из них может получиться. А еще в институте есть библиотека древних и старинных книг, рукописей и даже глиняных табличек из Вавилона и, конечно же, учебные классы – если ты решил отправиться в прошлое, то ты должен выучить язык, манеры, обычаи и даже знать анекдоты, которые рассказывали, например, тысячу лет назад. Правда, как выяснили в Институте времени, за последние десять тысяч лет анекдоты совсем не изменились, только имена их героев стали другими. Если сначала анекдот рассказывали про Юлия Цезаря или вождя племени троглодитов, то потом его героем стал Наполеон, а потом комдив Чапаев.

Алисе уже не раз приходилось бывать в институте. Иначе как попадешь в эпоху легенд, которая кончилась тридцать тысяч лет назад?

Кроме Ричарда Темпеста, с которым Алиса дружила, она знала в институте вахтера Сильвера Джоновича, бывшего пирата, который пьет ямайский ром и ковыляет на деревянной ноге. Был у нее еще один приятель – робот Вертер. Однажды он даже погиб, когда спасал Алису от космических пиратов, но его, к счастью, оживили, то есть починили. В этом отношении роботам лучше, чем людям. Их всегда можно починить. И конечно, она видела директора института. Но он был строгим и рассеянным и мало кого узнавал сразу. Говорили, что он работает по совместительству в двух или трех других временах. Помогает Колумбу пересечь океан, скачет на коне рядом с Александром Македонским и вместе с Менделеевым изобретает таблицу химических элементов. Но бывший пират Сильвер говорит:

– Чепуха все это и выдумки. Я же его видел в моей предыдущей жизни! Он командовал каравеллой «Предопределение» в битве с Великой Армадой! Страшной боевитости капитан! Его все пираты опасались. Мне с ним как-то пришлось сойтись на абордаж. У меня на «Спесивце» мачта упала – ногу долой! А ему от моей сабли досталось по макушке! Ему вставили серебряную пластинку. Кто не верит – проверьте. Подойдите и скажите: «Профессор, можно пощупать ваш затылочек?»

Тут пират начинал хохотать так, что его попугай, дремавший на люстре, взлетал, спросонья ударялся о потолок и кричал:

– Замуровали! Свистать всех наверррх!

В тот день, когда Алиса прибежала в Институт времени, чтобы отправиться на выручку Герасику, вахтер Сильвер спал на раскладушке, которая стояла за креслом. А на его столе сидел попугай.

– Вы к кому, девушка? – спросил он Алису.

– Ты что, забыл меня? – удивилась Алиса.

– Я ничего не забываю, – ответил попугай, – но раньше я с тобой разговаривал как частное лицо, а сегодня исполняю временные обязанности.

– Какие могут быть обязанности у старого какаду? – спросила Алиса.

– Я – вахтер, – сказал попугай. – И поэтому в институт ни одна муха не пролетит без моего разрешения.

И тут как назло какая-то муха постаралась пролететь мимо попугая.

– Куда! – закричал попугай. – Без прррпуска! Не сметь!

Он взвился над столом и понесся за мухой.

Шум поднялся такой, что вахтер Сильвер начал во сне размахивать кулачищами и кричать:

– На абордаж! Две бригантины с правого борта! – Потом глубоко вздохнул и тихонько добавил: – Надоело говорить и спорить... ох, и любить усталые глаза!

Сильвер снова захрапел, а Алиса прошла мимо него и открыла дверь в служебный коридор.

На ней висела табличка:

ПОСТОРОННИМ ВХОД СТРОЖАЙШЕ ЗАПРЕЩЕН. ПОЖАЛУЙСТА, НЕ СУЙТЕ НОС, КУДА НЕ ПРОСЯТ!

Но Алиса не считала себя посторонней. Она знала, куда идти и что делать.

Она добежала до зала, где стоит машина времени, которую в институте попросту зовут кабинкой. По дороге она, конечно же, встречала научных сотрудников, младших научных сотрудников, лаборантов и техников-смотрителей времени. С некоторыми здоровалась, и с ней тоже здоровались. Никому и в голову не пришло, что девочка лет десяти может бегать по такому важному и недоступному заведению без разрешения старших.

Алиса надеялась, что ей удастся проскочить в зал незамеченной и сгонять в эпоху легенд без спросу.

Но не тут-то было. Как назло именно в зале возле машины ходил с пылесосом робот Вертер, красавец мужчина, и напевал старинную песню с таким припевом:

Я обернулся посмотреть,
Не обернулась ли она,

Чтоб посмотреть,
Не обернулся ли я.

Робот Вертер говорит довольно медленно, можно сказать, по складам. Поэтому песня получилась не совсем песней, а загадочной картинкой. Алиса стояла в дверях и думала, что ей делать.

Но робот, оказывается, с самого начала ее увидел. Он только не желал показывать, что видит ее, до тех пор, пока не допел припев.

– Ты пред-став-ля-ешь, – сказал он вместо того, чтобы поздороваться. – Ка-кая ло-ги-чес-кая за-гад-ка! За-чем кру-тить го-ло-вой, луч-ше ска-жи: здравствуй!

– Привет, Вертер, – сказала Алиса. – Почему ты убираешься? Ведь тут так чисто!

– По-ря-док, – ответил робот.

– Можно я к кабинке подойду? – спросила Алиса.

– Нет, – ответил робот. – Ты с ули-цы, а ка-бин-ка уже чис-тая.

– Тогда пропылесось меня, – сказала Алиса.

– Хо-ро-шая мысль, ха-ха-ха, – сказал Вертер. – Чис-тая де-воч-ка в чис-той ма-ши-не.

Он направил трубку пылесоса на Алису, и ее чуть не втянуло внутрь. Пылесос хоть и помещался в кулаке у робота, но был мощный.

А когда Вертер поднял трубку, то пылесос схватил Алису за волосы и потащил к себе.

– Все! – закричала Алиса. – Я чистая!

Вертер выключил пылесос.

– Я по-шу-тил, – сказал он. – Я знаю, что ты чис-тая. А ку-да ты хочешь ле-теть?

– Мне надо в эпоху легенд. Там грозит смерть одному мальчику.

– Хо-ро-шо. Я иду с то-бой.

– Нельзя, – сказала Алиса. – У тебя же уборка!

На самом деле Алиса, конечно же, не хотела брать с собой Вертера. Он был самым обыкновенным обслуживающим роботом, и, если потребуется быстро действовать и быстро думать, от него больше вреда, чем пользы.

– Ах, я за-был! – спохватился Вертер. – Ко-неч-но, я не мо-гу ид-ти в по-ход. Тог-да иди са-ма.

– Спасибо, – сказала Алиса. Все получалось как нельзя лучше. Она подошла к кабинке.

Кабинка была похожа на стеклянный стакан ростом повыше двух метров. Внутри стакана на столбике стоял наклонный пульт с кнопками. А все это сооружение было поднято на круглую платформу в полметра высотой.

Алиса отвела в сторону прозрачную дверь и ступила внутрь кабинки.

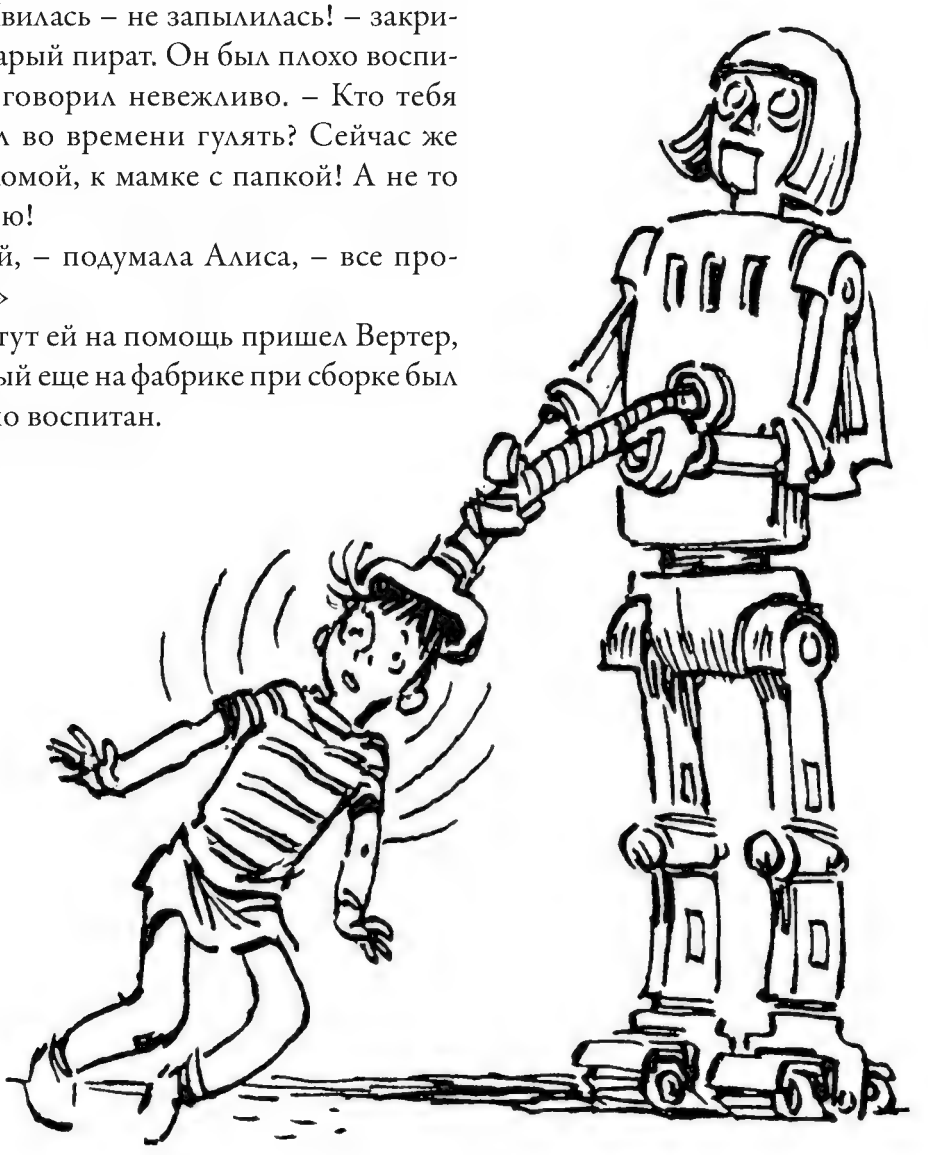
Робот снова начал пылесосить.

И тут дверь в зал распахнулась, и ввалился вахтер Сильвер. Он еще не совсем проснулся. Над его головой вился попугай.

– Явилась – не запылилась! – закричал старый пират. Он был плохо воспитан и говорил невежливо. – Кто тебя пустил во времени гулять? Сейчас же беги домой, к мамке с папкой! А не то выпорю!

«Ой, – подумала Алиса, – все пропало!»

Но тут ей на помощь пришел Вертер, который еще на фабрике при сборке был хорошо воспитан.



– Как вы сме-ете ос-корб-лять ре-бен-ка! – произнес он. – Де-воч-ка Али-са – мой друг. Я поз-во-лил ей ис-поль-зо-вать ка-бин-ку, по-то-му что она чис-тая. Иди, Али-са.

– С дороги! – закричал пират, замахиваясь на робота костылем. – Ты ничего не понимаешь! Без разрешения использовать машину нельзя! Покажи мне пропуск, а то убью!

– Ни-ко-го вы не у-бье-те! – ответил Вертер. – А я вы-зы-ваю вас на ду-эль. Вы-би-рай-те ору-жие!

– Оружие? Моя сабля осталась на корабле. Так что я с тобой буду сражаться костылем!

– А я – пы-ле-со-сом, – сказал Вертер. – Боль-ше-го вы не за-слу-жи-ва-ете.

И начался страшный бой!

Такого Алиса еще не видела.

Пират Сильвер, ковыляя на деревянной ноге, махал костылем как мечом, а робот Вертер включил пылесос на полную мощность, но наоборот. Пылесос не втягивал воздух, а выбрасывал его. И так сильно, что попугая, который попал под струю воздуха, отбросило к стене и он, оглушенный, упал на пол.

Алиса еле успела подхватить несчастную птицу.

– Убили! – прошипел попугай. – Птичку жалко...

Сильвер шатался под ударами воздушной струи, Вертер еле успевал уклоняться от ударов костылем, и в этот момент в зал вошел сотрудник Института времени Ричард Темпест, темноволосый, курчавый, худой и очень веселый молодой человек.

– Ну вот, – сказал он, – нельзя оставить хозяйство на десять минут! Что не поделили, уважаемые джентльмены?

Вертер и Сильвер опустили оружие.

– Я за-щи-щал честь пре-крас-ной да-мы, – сказал Вертер. – Али-сы Се-лез-не-вой.

– А я защищал машину времени от глупых детей, которые лезут куда ни попадя, – сказал Сильвер. И даже стукнул костылем об пол, чтобы его слова прозвучали убедительнее.

– А ты, Алиса, что здесь делаешь? – спросил Ричард.

– Я тебе звонила, – сказала Алиса. – Но тебя не было. А дело не терпит отлагательства.

– Не терпит? И что же случилось?

Пылесос не втягивал воздух, а выбрасывал его. И так сильно, что попугая, который попал под струю воздуха, отбросило к стене и он, оглушенный, упал на пол.

– Помнишь, я как-то летала на машине времени в эпоху легенд? С козликом Иван Ивановичем?

– Как сейчас помню.

– Там я познакомилась с мальчиком Герасиком, настоящим человеческим мальчиком. И теперь ему грозит смерть.

И тут в зале раздался новый голос. Это влетела ворона Дурында. Она летела медленно, потому что у нее на шее висела пластиковая сумка, набитая покупками и от этого, видно, очень тяжелая.

– Меня не забудьте! Задержите поезд!

Она опустилась на крышу кабинки, ноги ее разъехались в стороны, и она плюхнулась на живот – так устала.

– Это еще что за явление? – спросил Ричард.

– Я не явление, а гордая птица, родственница орла по материнской линии. Давай, Алиса, бери мою сумку – надоело таскать.

– И что же вы там тас-кае-те? – спросил Вертер. – На-вер-ное, ценнос-ти.

– Подарки, – сказала ворона, – подарочки. Я всегда о ближних думаю, о соседях, о родственниках. Там для Бабы-Яги подарочки, для его благородия господина Водяного, ну как его без подарка оставишь? Конечно, для моего друга Лешего. Ну и еще кое-какие другие, так сказать, нужники.

– Что такое? – спросил Сильвер. – Какие такие нужники? Кто сказал такое дурное слово?

– А что такого? – испугалась Дурында. – Разве я не так сказала?

– У нас на пиратских кораблях нужники... это особые места! – сказал пират.

– Он имеет в виду уборные, – сказала Алиса. – Но ничего страшного в этом слове нет. Уборная – нужное место, вот и называются они нужниками.

– Вот именно! – согласилась ворона. – У вас уборная – нужное место, а у меня в эпохе легенд нужники – это нужные люди. В общем, одно и то же.

– Сомневаюсь, – сказал Сильвер.

– Хватит пустых разговоров, – сказал Ричард. – Почему Герасику грозит смерть?

– Пускай Дурында расскажет, – ответила Алиса.

– Чего говорить – надо действовать! – каркнула ворона. – Скоро-скоро покатится его головка! Или еще хуже...

– А что хуже? – спросил Сильвер. – Ты не таись, глупая птица.

– У нас есть много способов, – сказала Дурында. – Некоторые волшебные, а некоторые вполне человеческие. Ты еще пожалеешь, что на свет родился!

– Дурында! – воскликнула Алиса. – Ричард ждет! Я жду! Герасик ждет!

– Ваш Герасик утащил учебник у бывшего принца, – сказала Дурында. – Читать, видите ли, вздумал. Вот его за воровство, за грабеж, за вызов общественности и хулиганство осудили. Еще говорят, он убил кого-то.

– Ну кого мог убить Герасик?! – воскликнула Алиса.

– Вроде бы комара прихлопнул. Любимого ручного комара его величества.

– Это со-вер-шен-ная че-пу-ха, – сказал Вертер. – Ко-ма-ры не при-ру-ча-ют-ся.

– И когда же назначена казнь? – спросил Ричард.

– Когда-когда, сегодня! Как вернусь, так его и казнят.

– На Ямайке бузина, а в Гонолулу дядя, – сказал пират Сильвер. – Ты-то при чем?

– А вот при том. Алиса, бери сумку, поехали.

– Погодите! – строго сказал Ричард. – Я не могу отпустить Алису одну! Я сам туда поеду.

– Видали одного умника! – сказала Дурында. – И что ты там будешь делать? Скажешь: здрасьте-страсти! Я сотрудник-многотрудник, отмените приговор, отворите дом и двор, отпустите негодяя, я их дядя с этих пор!

Никогда Алиса раньше не слыхала, чтобы ворона говорила стихами.

– А что же делать? – спросил Ричард.

Он был очень разумным молодым ученым и сразу сообразил, что ворона права. Его и близко ко дворцу не подпустят. А если он пройдет туда без спросу, начнутся такие международные и междувременные неприятности, что лучше остаться дома, – и Герасику не поможешь, и репутацию погубишь.

Дурында подумала и ответила так:

Коль заветная девица
К нам посмеет заявиться,
Если вежливо попросит,
Если крепко пригрозит, –

То, возможно, наш мучитель
По прозванью руки-крюки
Скажет: «Парня получите
На поруки».

Все помолчали.

– Хоть и неприятная птичка, – сказал наконец пират Сильвер, – но уважаю. Сам стихов не пишу, но с Шекспиром плавать приходилось.

– Шек-спир не поэт, – сказал Вертер. – Шек-спир пи-сал тра-ге-дии.

– Откуда тебе знать! – вздохнул Сильвер. – Откуда тебе знать, что, когда Шекспиру надоело писать эти самые трагедии, он нанялся на галеон «Елизавета Великая», потерпел крушение, прожил три года на необитаемом острове и написал книжку «Робинзон Крузо». Кстати, я тоже знал одного Робинзона. И жену его, мадам Робинзон, знал. На Сейшельских островах.

После этой речи наступило молчание. Бывают случаи, когда не знаешь, верить человеку или подождать? Ты видишь, что Луна круглая, а тебе говорят: нет, Луна квадратная, она как кубик. И ты думаешь: ну нельзя же так нахально врать! Может, и в самом деле в Луне есть что-то кубическое?

– Я пошла, – сказала Алиса. – А вы не расходитесь, я скоро вернусь.

– Нет уж, – сказал Сильвер. – Я тут как-то одного агента три дня ждал. Он неточно набрал шифр и угодил в пятницу вместо вторника.

– Со мной этого не случится, – сказала Алиса.

– Почему? – спросил Ричард.

– Она считать умеет до трех! – захохотала ворона.

– Я аккуратно набираю шифр возвращения, – ответила Алиса. – Я знаю, что если правильно набрать, то вернешься в то же время, из которого улетел. Даже если провел в прошлом полгода.

– Толь-ко не на-до про-во-дить пол-года, – сказал робот Вертер. – Тебя ос-та-вят на вто-рой год.

– Спасибо, – сказала Алиса. – Я сейчас вернусь.

И она снова поднялась на платформу, отодвинула в сторону округлую прозрачную дверь кабинки и только протянула руки к пульту, чтоб проверить, помнит ли, как устанавливать точное время, как с шумом и визгом в кабинку ворвалась Дурында и уселась на пульт прямо перед носом Алисы.

– Ты что, без меня решила ускакать? Да без меня ты ничего не найдешь, ты даже дороги в Другое королевство не знаешь!

– Дурында, я проверяю приборы.

– Ты лучше подержи сумку, я надорвалась! Приборы всегда успеешь проверить.

– Алиса, не обращай на нее внимания, – вдруг заговорил какаду, попугай пирата Сильвера. – Это сумасшедшая ворона, ее весь птичий мир презирает. Давай я вместо нее с тобой полечу. Я, конечно, тоже сумасшедший, но все же попугай!

Краем глаза Алиса увидела, что Ричард делает шаг к кабинке. Она понимала его – в зале творилось форменное безобразие. Одна небольшая девочка собиралась мчаться в сказочное прошлое, чтобы выручать какого-то мальчишку, а он, сотрудник Института времени, при этом присутствует и не принимает совершенно никаких мер.

– Молчать! – прикрикнула Алиса на ворону.

Все решалось в доли секунды.

Одной рукой она закрыла дверцу кабинки, другой набрала код эпохи легенд, благо у Алисы такая хорошая память, что она запомнила этот код с прошлого года, когда была в эпохе легенд и познакомилась с Герасиком.

Наверное, ей все же не удалось бы улететь в Другое королевство, навстречу опасным приключениям, если бы не помощь пирата Сильвера. Она успела увидеть, как старый пират сделал неосторожный шаг в сторону и выставил вперед деревянную ногу. Ричард споткнулся о нее и рыбкой полетел вперед.

А пока он будет подниматься да потирать ушибленные коленки, Алиса успеет перелететь в прошлое.

Что она и сделала.

Громко кричала ворона Дурында, которая ненавидит кабинки времени: голова кружится, кажется, что падаешь в глубокую пропасть, и надо крепче держаться за поручни пульта...

Но прошло мгновение.

И тридцать тысяч лет.

И Алиса очутилась в дупле гигантского дуба на опушке волшебной дубравы в эпохе легенд.

Глава третья
ДРУГОЕ КОРОЛЕВСТВО

Алиса вышла из кабинки и закрыла сделанную из коры дверцу. Теперь незнающий человек никогда не догадается, как попасть в машину времени.

– А как же ты оказалась у меня? – вдруг сообразила Алиса. – Кто тебя в наше время принес?

– Ах, пустяки, – ответила Дурында. – Снегурочка, которая живет в Москве, в Заповеднике сказок, ездила навестить свою больную маму.

– А у Снегурочки есть мама? – удивилась Алиса.

– Ну, ты, оказывается, мыслитель! – воскликнула Дурында. – Ну, я тебя уважаю!

Чтобы не показывать своего смущения, Алиса сразу спросила:

– Как идти в это королевство?

– Обещали транспорт прислать, – ответила Дурында. – Как всегда, беспорядок, как всегда, сплошные опоздания... Ага, вот они и едут!

Через поле по узкой проселочной дороге ехала большая черная карета. На ее дверцах были нарисованы золотые трехглавые орлы, на запятках стояли лакеи в черных кожаных куртках и кожаных штанах, кучер был одет в черную ливрею.

Из кареты, которая остановилась рядом с Алисой, вылез невысокого роста худой человек. Вроде бы он казался обыкновенным, только на лбу у него был нарисован третий глаз, а к камзолу пришит третий рукав, из которого торчала матерчатая кисть руки.

– Садитесь, Алиса, – сказал человек. – Мы вас заждались. Как только нам сообщили, что вы лично решили посетить наше королевство с дружеским визитом, мы буквально встали на уши, чтобы встретить вас достойно.

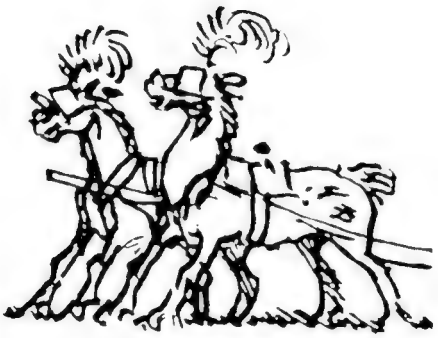
– Откуда же вы узнали? – удивилась Алиса. – Еще два часа назад я и не думала к вам ехать.

– У нас есть способы узнать будущее, – сказал трехрукий. – У нас на все есть свои способы. Прошу в карету, ваша светлость.

– Я не принцесса!

– Но ведь вы были заграничной принцессой! – воскликнул вельможа.

– Была, была, об этом в книжке написали! – закричала Дурында. – А можно, я на крыше с вами поеду? У меня такой тяжелый багаж.



– Долетишь! – грубо ответил ей вельможа с тремя руками. – Своя ноша не тянет.

– Еще как тянет!

Трехрукий погрозил Дурынде кулаком, и она, громко стеная и каркая, потащила по воздуху свою сумку с подарками.

Когда Алиса и вельможа уселись на темно-фиолетовые бархатные сиденья в карете, трехрукий сказал:

– Надоела нам эта Дурында – мочи нет. Но она первая сплетница на земле, как без нее обойдешься! Стоит ей дать задание, она на весь гонорар покупает всяческих сладостей, а потом меняет их на сплетни. У нее, говорят, под гнездом вырыта яма в шесть метров глубиной, цементная, в ней сундуки со сплетнями. Честное слово.

Алиса не знала, верить этому человеку или нет. Он ей не нравился. Глазки бегают, средний глаз моргает, как настоящий, волосы напомажены, и от него пахнет, как из парикмахерской.

– А почему вы меня ждали? – спросила Алиса.

– Мы так боялись, что вы заблудитесь, что вы к нам опоздаете.

– А что у вас случилось?

– Ах, не притворяйтесь, Алиса Игоревна! Не надо! Предстоит казнь известного преступника и убийцы Герасика. И ваше участие в ней обязательно.

– Что? Герасик еще и убийца?

– И это самое страшное! Он поднял руку на святое! На право благородных людей читать и писать, слушать классическую музыку и любоваться картинами. Он убил нашу веру в прекрасное!

– Неужели вы в самом деле думаете, – спросила Алиса своего спутника, – что простым людям нельзя читать и писать?

– Таковы законы нашего королевства.

– Но почему у вас такие законы?

– Потому что пока простой человек не читает, не пишет и ничего не знает, он счастлив. Он думает, что все на свете устроено правильно. Он пашет, сеньор читает книжки, а дракон кушает девушек. А что, если он прочтет в книжке, что мир должен быть устроен иначе, или узнает, что драконов не бывает? Как мы добьемся, чтобы крестьяне нам подчинялись?

– Это очень глупо, – сказала Алиса. – Нужно вам переделать свои законы.

– Еще чего не хватало! Мы же Другое королевство. Как только мы создадим правила и законы, как у всех, нам придется переименовываться. Мы сделаемся Таким-же-как-все-королевством.

Карета подпрыгивала на плохой дороге, кучер стегал лошадей, за окошками тянулись леса и луга – деревень и городов не попадалось.

– И долго нам еще ехать? – спросила Алиса.

– Я не могу точно ответить на этот вопрос, принцесса, – сказал вельможа, – каждый раз получается иначе. Это ведь в прочих королевствах известно, сколько миль надо ехать от пункта «а» до пункта «б». А у нас этого никто не знает. У нас пункт «а» едет до пункта «б».

– Значит, эти пункты двигаются?

– Да вы с ума сошли! Кто им позволит двигаться без разрешения короля?

Алиса решила больше не спрашивать – все равно нормальных ответов не дождешься.

Прошло, наверное, полчаса. Разговор не клеился. Вельможа спрашивал, например:

– Какая у вас погода?

– Сегодня утром лил дождик, – отвечала Алиса.

– Невероятное совпадение! – отвечал трехрукий вельможа. – У нас на той неделе тоже град шел. С гусиное яйцо. Есть жертвы. Среди воробьев. А какие у вас виды на урожай?

– Урожай чего?

– А вы что разводите?

– Миллион разных овощей и фруктов, – отвечала Алиса.

– А мы три миллиона пятьсот. Но у нас всегда неурожай.

Дурында сунула клюв в окошко кареты и заявила:

– Ну, теперь ты видишь, что попала совершенно в Другое королевство.

– Пока еще не вижу.

– У них даже по три руки, а у некоторых, только я не проверяла, по три ноги.

– И третий глаз! – сказал вельможа. – Ты про третий глаз сообщи нашей дорогой гостье.

– И третий глаз! – закричала Дурында.

– А зачем все это? – спросила Алиса.

– Потому что они другие! Совершенно другие! Их все за это уважают и трепещут.

Карета подпрыгнула на высокой кочке. Дурында сорвалась с крыши, за ней полетела ее драгоценная сумка, а впереди, между тем, показался город.

– Вот и наша столица, – сообщил вельможа. – Высуньте голову в окошко, так вам будет лучше видно. Видите могучие стены? Их построили еще при короле Владилене Крепкоголовом. Он лично забивал гвозди в основание стен.

Алиса чувствовала: врет вельможа. Так не бывает. У нее уже был достаточный жизненный опыт. Многие ей врали, но ничего у них не выходило.

– И давно это было? – спросила Алиса.

– Неправильный вопрос! – возразил вельможа. – Вы должны спросить: какие гвозди могут быть в основании стен? А я отвечу – золотые.

– Спасибо, – сказала Алиса, – в следующий раз спрошу как надо.

– А теперь посмотрите направо. Это заброшенный замок. Когда-то он славился своими увеселениями и замечательным рестораном. Там подавали соловьиные язычки под соусом из бабочек-махаонов. Триста лет минуло как краткий сон! Как сейчас помню этот сказочный вкус.

– Как называется этот замок? – спросила Алиса.

– Неправильный вопрос! – рассердился вельможа и зажмурил третий глаз. – Вы должны были спросить: сколько вам лет, ваше превосходительство?

– И сколько же вам лет? – спросила Алиса.

– Не помню! – ответил вельможа и принялся хохотать. – Может быть, двести, а может быть, больше. Я неграмотный. У нас в королевстве отрицательно относятся к науке – мы люди волшебные! Зачем нам корень из четырех или сумма два и два?

Алиса решила пошутить. Проверить, в самом ли деле этот трехрукий такой неграмотный или притворяется.

– Два и два будет пять с половиной, – сказала она.

Вельможа задумался. Потом высунулся в окошко и крикнул:

– Возница, сколько будет два и два?

– Мне еще жизнь не надоела, ваше превосходительство, – услышала Алиса бас возницы. – Вы образованный, вы и считайте.

– Жаль, что не удалось поймать этого негодяя! – вздохнул вельможа. – Давно его подозреваю. Сам подглядел, как он однажды тюки с сеном считал. Но не вслух, а про себя. Какой каналья! Ну, я до него доберусь.

– А какое ваше мнение? – спросила Алиса.

– Понимаете, принцесса, – сказал вельможа, – это вопрос политический. Его величество король склоняется к версии... А зачем вам знать? – спохватился вельможа. – Сначала ей подавай, сколько будет два и два, потом она сиротский приют подожжет и устроит заговор против его величества.

– Простите, я не знаю, как имя-отчество вашего короля.

– А у него простое имя-отчество, – ответил вельможа и замолчал.

Алиса смотрела в окошко.

За окном поднимался лесистый холм, над вершинами елок торчали три башни и виднелись зубчатые стены замка. Зрелище было мрачное, но величественное.

– А его стены тоже на золотых гвоздях? – спросила Алиса.

– Вы имеете в виду замок? Ах, принцесса, ему столько лет, столько лет... в те времена еще людей не было, в нем жили последние динозавры. Знаете, кто это такие?

– Конечно, – сказала Алиса. – Это гигантские древние ящеры. Они потом вымерли.

– Правильно, вымерли. Не будем касаться причин их вымирания, но скажу вам, что именно их рабы построили этот замок. И последний из властителей герцогства Бронтозаврия стал основателем нашей династии, потому что женился на фее Мелузине. От них и пошли наши короли. В королях сохранилось немало динозаврового.

Тут вельможа почему-то задрожал и зажмурил два настоящих глаза, а третий, во лбу, открыл. Из него выкатилась слеза.

– Скоро, – сказал он сквозь слезы, – скоро вы окажетесь пред темными очами нашего короля. Это страшное существо! Это грозный властитель. Вы же, принцесса, обыкновенная девочка, которая даже магии не обучена. Ведь не обучена?

– Нет, не обучена.

– А мы вот полностью полагаемся на мистику и суеверия. И этим выгодно отличаемся от всех остальных народов и королевств.

Карету тряхнуло.

Алиса выглянула в окошко и увидела, что они остановились перед городскими воротами. Ворота были старые, окованные железными полосами и усеянные шляпками железных гвоздей с ладонь размером. Они были приоткрыты, но соединены толстой ржавой цепью, которая провисала почти до земли.

К цепи вышел стражник.

Закованный в кожу, как в латы, в шляпе с пером, он выглядел очень внушительно.

– Кто смеет беспокоить покой нашего города? – спросил он таким громким голосом, что вороны взлетели с башни и принялись носиться над головами. – Государь еще спит!

– Придется ждать, – сказал вельможа. – Пока его величество не изволит проснуться, никто в городе не встает.

– Как так может быть?! – воскликнула Алиса. – Разве сейчас так рано?

– Так рано, как желательно его величеству, – ответил вельможа.

– А сколько у вас времени?

– Не могу ответить, – сказал вельможа. – Вы у нас приезжая, а вдруг вам нельзя знать?

– Почему?

– Узнаете время – порчу на нас наведете.

Тут Алиса увидела, что над воротами в городской стене находятся большие круглые часы. Их стрелки подходили к двенадцати часам.

– На этих часах полдень, – сказала Алиса.

– А почему бы и нет? – ответил вельможа.

– Но ведь пора вставать!

– Его величество вчера до трех ночи играл в домино с волшебниками. Имеет же он право отдохнуть после государственных дел!

– Вот уж никогда не слышала, чтобы домино было государственным делом! – возразила Алиса.

– Тебе еще рано понимать взрослые дела. Это же волшебное домино! – ответил вельможа и откинулся на сиденье, закрыв все три глаза. – Имею право чуть-чуть подремать, а то все носишься, носишься, ни минуты покоя.

– Кто смеет беспокоить покой нашего города? – спросил он таким громким голосом, что вороны взлетели с башни и принялись носиться над головами. – Государь еще спит!

Сзади послышался скрип колес. Оглянувшись, Алиса увидела через заднее окошко, что к городу подъезжают телеги и брички, арбы и пролетки – люди слезают с них, смотрят на часы.

Чтобы не беспокоить вельможу, Алиса осторожно вылезла из кареты.

Лакеи, стоявшие на запятках, тоже слезли и, нарвав на обочине травы, протирали свои кожаные доспехи.

– Ну как, набило тебе синяков? – спросил один из лакеев.

– Дороги у нас никуда не годятся, – сказал второй. – Чем на картах гадать, лучше бы ремонтом занялись.

– Чшшш! – Кучер перегнулся к ним с козел и прижал палец к губам. – Наш министр добрых дел всегда не спит, а притворяется. Сколько нашего брата он по тюрьмам раскидал – уму непостижимо! Как начнет какой лакей о ремонтах говорить да идеологию критиковать – он сразу из кареты выскакивает и принимает меры.

Не успел кучер договорить, как дверца распахнулась, оттуда выскочил трехрукий вельможа, сна ни в одном глазу, и как закричит:

– Государственная измена, государственная измена! Недозволенная критика с самого низу! Стража, взять их!

– Да мы только о дорогах! – заныл один из лакеев.

– Так всегда и начинается с пустяков! – ответил вельможа. Оказывается, он был министром добрых дел. – Сначала дороги, потом площадь, потом восстание против законной власти!

А так как стражники у ворот не спешили арестовывать здоровых мужиков-лакеев, то министр закричал:

– А ну-ка, кто первым их разденет и свяжет – тому кожаные куртки да кожаные штаны! Налетай, подешевело, расхватали, не берут!

И вдруг перед воротами началось дикое столпотворение. Кто только не кинулся раздевать и вязать несчастных лакеев! Алиса отвернулась от этого стыдного зрелища, но все равно слышала крики, визг и пыхтение, доносившиеся от ворот. Она взглянула снова на часы, чтобы посмотреть – сколько же будет спать король, и тут обнаружила, что часы стоят на месте!

Алиса обернулась к министру.

К тому времени голых, плачущих, избитых лакеев утащили в город, и министр стоял, сложив две руки на груди, а третью забросив за плечо.

– Скажите, пожалуйста, ваши часы не отстают? – спросила она у министра добрых дел.

– Ах, отстаньте, – сказал министр и вытащил из кармана записную книжку. Открыл ее, и Алиса увидела, что вся страница заполнена кривыми крестиками.

Министр начертил золотым карандашом еще один крестик.

– Вот видите, – сказал он, – это куда важнее. Я совершил сегодня очередное доброе дело.

– Какое?

– Арестовал плохих людей. Чем меньше плохих людей останется на свете, тем лучше работает мое министерство.

– Это у вас все добрые дела такие?

– Бывают разные. Однажды я муравья в муравейник отнес. Королеве угодил тем, что срубил дерево, которое посмело затенять окно ее новой спальни; как-то столкнул с моста в воду детскую экскурсию, потому что эти маленькие стервецы мешали проехать господину заместителю короля по волшебной части... я стараюсь каждый день совершать добрые дела. Иначе меня снимут с работы, а это значит, что меня тут же обезглавят по приказу нового министра, чтобы не жаловался.

– Спасибо, – сказала Алиса. – Я поняла, что значат ваши добрые дела. Если будет время, вы мне расскажете, чем они отличаются от злых дел?

– Направлением! – быстро ответил министр. – Мои добрые дела направлены в пользу власти, а все злые дела направлены против власти. Вот ваш друг Герасик совершил дело против власти, и поэтому он осужден за плохие дела, неужели это непонятно? У меня же есть лозунг: «Ни дня без дела!» Красиво? Это я сам придумал.

За всей суматохой Алиса чуть не забыла, что спешит спасти Герасика. Конечно, она помнила о нем, но уж очень много нового она увидела. Тут у любого голова пойдет кругом.

Она снова посмотрела на часы.

На них все так же было без одной минуты двенадцать.

– Господин министр, – сказала Алиса строго, – вы мне можете сказать, почему часы стоят и мы стоим?

– Вот именно! – радостно ответил министр. – Мы стоим, потому что часы стоят. Все стоит, потому что его величество почивает!

– Зачем же вам часы, которые не ходят?

– А мы других не ведаем, – ответил министр. – Мы еще часов не изобрели.

– А это что такое?

– А это еще не совсем часы. У нас ведь как заведено? Пока его величество не поднялся со своего ложа, всегда полдень! Светлый полдень!

И в этот момент часовая стрелка двинулась вперед, остановилась в верхней точке круга и совместилась с минутной. И часы начали бить. Как настоящие.

Все, кто стоял у ворот и ждал, когда проснется город, хором отбивали в ладоши такт – двенадцать раз.

Цепь упала на землю.

Глава четвертая
КАПРИЗНЫЙ ГОСУДАРЬ

Карета министра добрых дел въехала в город первой. Правда, уже без лакеев.

Она оказалась на площади, выложенной булыжником. На площадь выходили одноэтажные дома, крашенные так давно, что краска с них слезла и все они стали серыми. В них как раз раскрывались ставни и показывались бледные лица хозяев, вовсе не заспанные. Да и кто спит до полудня, даже если этот полдень не совсем настоящий?

Стекол в окнах не было – откуда им здесь взяться? Так что горожане ежились, кутались в накидки и кричали торговцам, доставившим в город молоко и морковку, чтобы те подождали у дверей: «Сейчас я спущусь, только башмаки надену!»

Карета покатила по узким улочкам, их было немного – три-четыре, и каждая упиралась в стену. А посреди города стоял королевский дворец.

Дворец был трехэтажный, с куполами, башенками, теремками, колоннами, разрисованными под мрамор. Но стекол и в нем не оказалось.

На широкой, правда захламленной, лестнице сидели два стража и играли в кости.

– Смир-на! – закричал министр добрых дел, вылезая из кареты. – Вы что здесь расселись, как на базаре! Я вас уволю!

В дверях дворца показался очень толстый человек в черном бархатном плаще и маске «домино».

– Простите, – спросил он у Алисы, – как вы думаете, мне удалось немного похудеть?

– Паша, – сказал министр, – мне стыдно перед гостьей.

– Ну сколько раз тебе говорить, – сказал толстяк. – Я не Паша, а паша. Ударение на «ша». Охран-паша. И зачем ты кричишь на моих славных воинов?

– Ну ладно, ладно, старый дурак. Распустил ты воинов, – огрызнулся министр. – Хозяин встал?

– Кофий пьет в постели, – сказал Охран-паша.

– Я принцессу привез. Попалась, голубушка, – сказал министр. – А меня твои идиоты заставили перед воротами ждать.

– Что делать, что делать, – вздохнул толстяк, снял шляпу и принялся обмахивать лысину. – Ты же знаешь, так неблагоприятно расположились звезды. Шеф-астролог вообще советовал государю не вставать сегодня с постели.

– Но ведь у нас дела!

Алисе было скучно стоять под лестницей, тогда как Охран-паша торчал на верхних ступеньках, а министр поднялся до половины.

Она подошла к охранникам и спросила:

– А где у вас находится тюрьма?

– Где надо, там и находится, – сказал один из охранников. Но другой, помоложе и не такой наглый, показал пальцем назад через плечо, на здание без окон и с одной низкой дверью, из которой узкий деревянный мостик вел на помост, на котором, как подумала Алиса, выступают местные эстрадные артисты.

Тут из дворца выбежала молодая дама в длинном синем платье. Ее завитые и выкрашенные в яркий желтый цвет волосы были подняты вверх, так что образовывали башенку, из которой наискосок торчал гребень.

У дамы был третий глаз, как у министра, и такие длинные ногти, что ей приходилось держать руки перед собой, растопыривая пальцы, чтобы не проткнуть кого-нибудь и не сломать такую красоту. Ногти были позолочены.

– Мы ждем, – сказала она, – а они прохлаждаются. А ну сюда, Марафонт!

– Сейчас, Марьяночка, – сказал министр и побежал наверх, забыв об Алисе. Дама с желтыми волосами расставила руки пошире, пропустив между ними маленького министра, и начала что-то шептать ему на ухо.

Охран-паша внимательно наблюдал за дамой и министром третьим глазом, который был у него наклеен на бритый затылок.

У остальных не было третьего глаза, и поэтому никто не обернулся.

Дама чмокнула министра в щечку, и тот, весело подпрыгивая, сбежал по лестнице к Алисе и произнес:

– Его величество по совету астрологов и экстрасенсов не будут сегодня покидать постельку. Так что вам, Алиса, придется подождать денек-другой.

– А как же Герасик? – спросила Алиса.

– А Герасику скоро наступит полный капут, – сказал министр. – Мы уже все приготовили для очередного доброго дела.

– Ведите меня к королю! Я ему все скажу.

– Нет, не получится, – сказал министр так печально, будто он сам мечтал пропустить Алису к королю, а какие-то плохие люди ему помешали.

Тогда Алиса нырнула у него под локтем и помчалась вверх по лестнице.

Охранники отбросили кости и кинулись за ней.

Тяжело топал по лестнице Охран-паша, перепрыгивал через две ступеньки министр, но всех обогнала дама с желтой башней волос, она ринулась к Алисе, как вратарь, и лишь в последний момент Алисе удалось увернуться и вбежать во дворец.

Она оказалась в обширном вестибюле. Вокруг стояли колонны, и у каждой – мраморная статуя. Несколько пожилых женщин в синих халатах вытирали с них пыль.

– Простите, – крикнула Алиса, – как пройти к королю?!

– Он в спальне, – сказала одна из уборщиц.

– На втором этаже направо, – сказала другая.

Тут в дверь с улицы вбежал Охран-паша и завопил:

– Не сметь ей подсказывать!

Но он опоздал. Перепрыгивая через две ступеньки, Алиса уже мчалась на второй этаж.

Вот и позолоченная дверь справа. Возле нее на часах сидел тигр с топором и раскладывал на полу пасьянс. Алиса понимала, что тигр ей сейчас не так страшен, как министр и его спутники.

– Простите, – сказала Алиса тигру, – меня ждет король.

– Ждет, так иди, – ответил тигр. – Только не отвлекай.

Алиса подбежала к дверям, и они открылись.

Алиса оказалась в огромной высокой комнате. Посреди нее стояла кровать под балдахином, на которой могли бы выспаться двадцать королей. Потолок был выкрашен под звездное небо, пол устилали ковры со странными каббалистическими знаками. Даже на одеяле, которым был укрыт милый голубоглазый старик с белой бородой и круглыми розовыми щечками, были вышиты таинственные квадратики и треугольнички.

– Простите, ваше величество, – вежливо сказала Алиса, – что я вас беспокою.

– Что такое! – Старичок подпрыгнул в постели, соскочил с нее, кинулся в угол и спрятался за спинку стула.

– Но ведь меня же встретили и привезли сюда... – сказала Алиса. – Я так надеялась, что вы освободите Герасика!

Тут двери в спальню короля распахнулись, и туда ворвались преследователи. Впереди Охран-паша, за ним министр добрых дел, затем два охранника, и замыкали отряд дама Марьяна и тигр с колодой карт в лапе.

– Вяжите ее! – крикнул король. – Она совершила на меня покушение! Они с Герасиком – одна компания!

– Хватай! – приказал охранникам Охран-паша.

Но те колебались. Может, потому, что уж очень маленькой была девочка по сравнению с такими тяжеловесами.

– Я же не сделала ничего плохого! – сказала Алиса. – Вы меня хоть выслушайте!

Король вышел из-за стула. Он был в длинной, до пола, голубой ночной рубашке, на ней тоже были вышиты разные таинственные знаки.

– Ах, как это ужасно! – сказал король, глядя на Алису издали. – У меня же сегодня неудачный день! Разве ты не видишь, что созвездие Водолея проходит через центр зодиака и склоняется к Сатурну? Неужели тебе это непонятно?

В стене открылось окошко, оттуда высунулась голова в высоком синем колпаке. У этой головы была такая пышная черная борода, и такие густые кудри выбивались из-под колпака, что наружу торчал только лиловый нос.

– А кому непонятно, – произнесла голова, – пускай учитывает, что по древнему календарю моих коллег-друидов из Ирландии, к сожалению, покрытый льдами дуб в сочетании с лисицей обещают немедленную смерть любому, кто посмеет угрожать спокойствию нашего любимого монарха.

– Вот именно! – воскликнул король, сунул руку под подушку и вытащил что-то маленькое. Оказалось – дополнительные глаза. Он наклеил на лоб сразу два глаза, еще по глазу на уши и один на затылок. И все эти глаза тут же принялись моргать.

Затем из-под кровати вылез маленький шут в двухцветном колпаке и длинных полосатых трусах и протянул королю позолоченный футляр. Король раскрыл его, вытащил сложной формы очки и надел их на нос. Оказалось, что эти очки рассчитаны по крайней мере на шесть глаз.

Потом король затолкал босой ногой шута под кровать, а когда вынул ногу, на ней уже была туфля с загнутым носком. Эту операцию он повторил с другой ногой.

– Вот я и одет, – сказал он. Потом скрестил руки на груди и спросил: – И как же ты, Алиса, школьница, отличница, принцесса из хорошей семьи, связалась с простолюдином, хулиганом, убийцей Герасиком? А что, если твой папа узнает об этой преступной связи?

– Ну какая может быть преступная связь, – удивилась Алиса, – если я Герасика, наверное, уж год как не видала? Если бы не грязная белая ворона Дурында, я бы ничего не узнала.

– Кстати, – сказал король, – Дурында уже поймана?

– Так точно! – ответил Охран-паша.

– Вы ее пытали?

– Еще как пытали! Перьев почти не осталось.

– И в чем созналась?

– В злодейском заговоре.

Король развел руками. Лицо у него было добрым и печальным.

– Этого следовало ожидать, – произнес он. – Так мы разочаровываемся в людях. А ведь Дурынду пригрели у нас в королевстве, гороскоп ей составили. Кстати, Сатурныч, что там в гороскопе у Дурынды написано?

Астролог высунулся в окошко, помотал черной бородищей. Откуда-то перед ним оказался мятый листок бумаги.

– Ну, говори, говори!

– Будет казнена одновременно с преступником на эшафоте.

– Кто преступник, не сказано?

– Подозреваю, что Герасик.

– Может, Алиса?

– А может, и Алиса, – согласился астролог и спрятался в стене, закрыв окошко.

– Вот видишь, как ты не вовремя появилась у нас! – сказал король. – Ах, как не вовремя. Впрочем, я могу дать тебе аудиенцию, поговорим в какой-нибудь более благоприятный день... Сатурныч!

Окошко в стене открылось.

– Когда у меня благоприятный день для беседы с заграничной принцессой Алисой?

– В четверг на той неделе.

– Вот и ладушки, – сказал король. – В четверг на той неделе. Лучше часиков в одиннадцать. Тебя устраивает?

– Господин король! – сказала Алиса. – Вы меня не поняли. Мне нужно, чтобы вы освободили Герасика сейчас же, а не казнили его.

– Но он же приговорен, – сказал король. – И с гороскопом мы сверились, и астрологи согласны, и Дурында уже во всем созналась...

– Господин король!

– Не знаю, что и делать... кстати, ты говоришь, что тебя встретили?

– Конечно.

– И привезли сюда?

– А как бы я попала в ваш город? Меня привезли.

– Тебя... привезли?

Алиса обернулась и увидела, что министр добрых дел прижал палец к губам и глаза у него перепуганные.

Алисе стало жалко министра. Оказывается, здесь не все думают, как король. А она поспешила, помчалась к королю. Может, все испортила и министра подвела?

Она не созналась в том, кто ее привез в город. На счастье министра, король ошибся в своих предположениях и воскликнул:

– Тебя Дурында привезла! Конечно же, это дело ног преступной вороны! Казнить ворону сегодня же... вместе с этим... этим самым... страшным преступником Герасиком!

– Ваше величество, вы не правы! – сказала Алиса.

– Кащей тебе величество! – откликнулся король, подпрыгнул, нырнул под одеяло и отвернулся к стенке. Тут же из-под кровати выбрался шут и стащил с короля туфли.

Прежде чем накрыться с головой, король успел крикнуть:

– Всех долой, всех гнать в шею! И погасите солнце, оно мне спать мешает.

Охран-паша на цыпочках кинулся к окну и стал задвигать тяжелые шторы. Стражник схватил Алису за руку и потащил к дверям, отталкиваясь древком алебарды, как лыжной палкой.

В темном коридоре кто-то прошептал Алисе на ухо:

– Твои друзья тебе помогут! Иди спокойно, когда будешь спускаться по лестнице в вестибюль, вырвись и беги направо, там есть маленькая дверца. Она открыта. Я задержу стражников. Если поняла, кивни.

Стражник ответил за Алису:

– Дама Марьяна, коридор узкий, я же все слыхал. Ты бы не вмешивалась и девочку не путала. Пускай она уходит к себе.

– Конечно, Виссарион, конечно, – откликнулась дама Марьяна. – Я тебе бы поверила, да твоему начальнику не верю. Он человек жестокий.

– Господин Охран-паша суров, но несправедлив, – согласился стражник.

Алиса шагала, не глядя по сторонам. Вот они вышли на широкую лестницу, что вела со второго этажа вниз, в вестибюль. Ступени лестницы были мраморными, а перила сделаны из бронзы. На концах перил скалились бронзовые львы, их так отшлифовали ладонями, что они сверкали, будто золотые.

Алиса глянула вправо, за перила, там было полутемно, потому что свет не горел.

Алиса подпрыгнула и ударила стражника пятками под коленки, сзади.

– Ах! – воскликнул стражник тонким голосом и полетел рыбкой вниз.

Конечно, он отпустил руку Алисы.

Алиса не стала ждать, пока он очухается, перемахнула через перила и прыгнула вниз.

Сзади были слышны крики, но Алиса уже увидела небольшую приоткрытую дверцу и нырнула в нее.

За дверцей царила темнота.

– Тут кто-то есть? – прошептала Алиса.

– Есть, есть! – ответил шепот дамы Марьяны. – Беги за мной.

Впереди зашуршали юбки дамы Марьяны, Алиса побежала следом.

Сзади раздался топот стражников.

Марьяна распахнула еще одну дверь, и в глаза вбежавшей в комнату Алисы ударил сиреневый свет.

Сиреневый туман окутывал круглую комнату, стены в ней были покрыты жемчужными пластинками, потолок – голубой с розовыми облаками, ковер на полу, мебель и шторы – сиреневые, даже свечки горели сиреневым пламенем.

– Мы пришли! – сказала дама Марьяна. – Нас преследует Охран-паша со своими стервятниками.

– Вернись к двери, не пускай стражников. А ты, Алиса, подойди ко мне.

В кресле сидела женщина в сиреневом платье.

Глава пятая
КОРОЛЕВА ХОЧЕТ ПОМОЧЬ

– Здравствуй, Алиса, – сказала женщина в сиреневом платье с маленькой короной на голове. – Я рада тебя видеть.

Женщина выглядела очень гордой и сидела прямо, как палку проглотила.

Она была худая, даже не худая, а изможденная, будто ее терзала какая-то тяжелая болезнь. Ее волосы уже заметно подернулись серебром, хотя она показалась Алисе не очень старой, может быть, лет сорока, а ведь это еще

не старость! По крайней мере, она выглядела куда моложе своего мужа-короля.

Алиса сразу догадалась, что перед ней королева Другого королевства, даже если бы у нее не было короны на голове.

Глаза у королевы были печальные, и Алиса подумала, что, если она не больна, значит, король ее очень обижает.

– Садись, девочка, – сказала королева.

Королева говорила спокойно и делала вид, будто не замечает того, что творится у дверей. Там две молодые женщины – дама Марьяна с желтой волосяной башней и служанка, которая провела Алису сюда от дворца, – пытались сдержать натиск стражников и Охран-паши.

Наконец королеве, видно, это надоело.

– Охран-паша, – сказала она, – немедленно подойдите ко мне. А вы, остальные, стоять и замереть!

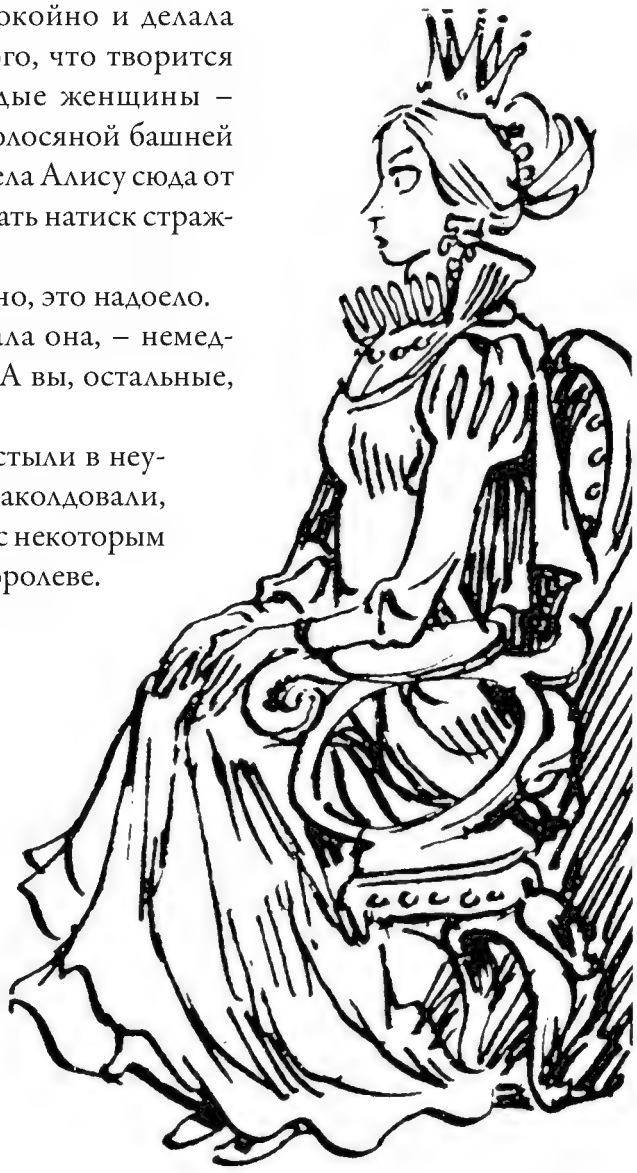
И тут же охранники застыли в неудобных позах, словно их заколдовали, а Охран-паша медленно и с некоторым страхом приблизился к королеве.

– На колени, мерзавец! – спокойно и тихо сказала королева.

Охран-паша рухнул на колени и жалобно спросил:

– Чем я прогневил ваше величество?

– Во-первых, – произнесла королева, – вчера за ужином ты слизнул порцию мороженого, которую поставили перед дамой Марьяной.



– Не может быть! Я не брал добавки! – воскликнул Охран-паша.

– Во-вторых, ты сбросил с кресла мою любимую кошку, когда она только-только начала смотреть второй сон.

– А куда, простите, я мог посадить японского посла? Не стоять же ему во время театрального представления!

Королева, казалось, и не слышала Охран-пашу.

– В-третьих, – сказала она стальным голосом, – ты вытоптал розы под моим окном, когда вчера ночью подслушивал, о чем я говорю с министром добрых дел.

– Не может быть! – закричал Охран-паша. – Я же не по этой части. Это внешнее наблюдение натоптало.

– В-четвертых, – произнесла королева, – ты гоняешься за моей дорогой гостьей принцессой Алисой, которая приехала обсудить со мной важные государственные дела. Знаешь ли ты, что у нас до сих пор граница не определена? Что на реке Сонной три острова остаются спорными! Ну что ты понимаешь в государственных делах!

Королева кивнула Алисе.

Алиса сказала:

– Ее величество совершенно права. Пока мы не решим проблему с этими островами, никто не может там охотиться на фазанов. А там развелось слишком много фазанов.

– Где? – спросил Охран-паша.

– Ах, мой мальчик, – сказала королева, – идите и больше не шалите. Как только мы поделим острова, я вам дам адрес, и вы мне привезете свежего фазанчика.

– Слушаюсь, ваше величество! – крикнул Охран-паша.

– А теперь иди, иди, отдыхай. И позови ко мне министра добрых дел.

Кланяясь так, что пузо чуть не доставало до земли, Охран-паша покинул комнату королевы.

– Ты неглупая девочка, – сказала королева, обратив к Алисе свой печальный взгляд. – Насчет фазанов ты неплохо придумала. Как ты думаешь, Марьяшка?

Дама Марьяна согласилась:

– Нам нужны такие люди. Может, наградим Алису третьим глазом или третьим ухом?

– Мой супруг никогда не утвердит. Он полностью попал под дурное влияние этого Охран-паши.

– Ну, ничего, – сказала тогда мадам Марьяна. – Будем считать, что Алиса награждена.

– Ты садись, девочка, садись, – сказала печальная королева.

– Спасибо, ваше величество, – сказала Алиса.

– Это лишнее. Можешь звать меня Линой Теодоровной. Мой нынешний муж коварством и колдовством отбил меня у предыдущего мужа, обыкновенного небогатого герцога. А сама я происхожу из семьи настолько простой, что вы не найдете ее даже в справочнике маркизов.

Видно, Алисе надо было удивиться, но она не удивилась, потому что ее собственной фамилии не было в справочниках маркизов, баронов и просто графов.

– Ты голодна, Алиса? – спросила королева.

– Нет, спасибо. Я только хотела у вас спросить...

– Не надо просить. Я готова сделать для тебя все, что ты пожелаешь. Я слышала, что ты беспокоишься о судьбе своего близкого друга, крестьянского мальчика Герасика, который ждет казни за суровые преступления. Ты знаешь, что он совершил?

– Он учился читать, правильно?

– Вот это и ужасно, – сказала королева. – Я была буквально в шоке. Но потом подумала, что Герасик – всего-навсего мальчик, мальчик-с-пальчик, у него тоже есть мать, которая страдает и ждет!

Вдруг со шкафа, стоящего в углу, раздался пронзительный голос Дурынды:

– Нету у него мамки, порвали ее волки, только старикашка папаня. Вот и вся его родня.

– Вот видишь, – сказала королева, словно Герасик был в чем-то еще виноват. – Ну кто выходит из дому после захода солнца? Волки же совершенно распустились. Я не одобряю родителей, которые позволяют себя есть волкам.

– Герасика надо освободить, – сказала Алиса.

– Ах, как я вас понимаю, Алисочка! – сказала королева. – Как мать и женщина я тебя понимаю. Наши дети в беде.

– А ваши дети тоже в тюрьме? – спросила Алиса.

Королева всплеснула руками, дама Марьяна ахнула, а горничная присела от ужаса.

– Как ты могла такое подумать! – воскликнула королева. – Нет, вы посмотрите, честные люди, неужели на свете есть кто-то, кто думает, что

принцев и принцесс можно сажать в тюрьму?! Мне ужасно это слышать. Попрошу вас извиниться.

– Прошу прощения, Лина Теодоровна, – сказала Алиса. – Но мне так жалко Герасика.

Вошел министр добрых дел. Он поклонился и прикрыл за собой дверь.

– Ну как, – спросил он, – договорились?

– О чем, мой ангел? О чем я могла договориться с приезжей девочкой?

– Ах, Лина, перестаньте изображать из себя королеву. Мы с вами росли на одном базаре.

– Тише, здесь посторонние!

– Вы имеете в виду Алису?

– Вот именно.

– Тогда я вас, Лина, совершенно не понимаю. С утра вы кричите, что как матери и женщине вам жалко Герасика, что вы хотите его спасти. Мы устраиваем совещание, ломаем наши немолодые головы, с помощью птицы Дурынды...

– Вот именно! – закричала Дурында со шкафа.

– С помощью птицы догадались, что помочь нам сможет только девочка Алиса, которая знакома с Герасиком. Мы поможем Алисе освободить Герасика, а она за это узнает в будущем, нет ли там Рафаэля, который вышел из дому год назад и с тех пор о нем никто ничего не слышал.

Сдержанные тихие рыдания заставили Алису обернуться.

Королева-мать сидела, прижав к глазам шелковый платок. Рыдания сотрясали ее худенькое тело.

Алисе стало жалко королеву.

– Разумеется, – сказала она. – Я все сделаю, что можно, я постараюсь найти вашего сына. Но почему вы думаете, что он может быть в нашем времени?

– Мой мальчик... мой мальчик такой впечатлительный и отважный, одновременно гордый. Таким я его воспитала. Он у меня от первого брака, и мой нынешний муж не очень его любит.

– Не очень любит! Ха-ха-ха! – каркнула Дурында. – Он его не выносит, потому что принц во всех отношениях может дать королю сто очков вперед! И не сегодня-завтра народ захочет поменять короля на более молодого и смелого.

– И красивого, – сказала дама Марьяна.

– И такого вежливого, – сказала горничная.

– Муж придирается к моему сыну, – сквозь рыдания произнесла королева, – он специально приглашал к нему жестоких и несправедливых учителей, чтобы они ставили ему только двойки и тройки.

Тут уж не выдержали нервы и дамы Марьяны, и она тоже заплакала.

– А год назад, – сказала королева, – он заявил принцу, что оставляет его на второй год в последнем классе дворцовой школы, и запретил мальчику жениться на племяннице герцогов Маандонских, потому что, видите ли, его астролог предвещает плохие последствия этого брака.

– Вот именно, – сказал министр добрых дел, – не в Охран-паше дело. В астрологе! Вот где источник всех наших бед и унижений!

– Может быть, может быть, – сказала королева. – Но, с другой стороны, он нам порой очень помогает своими предсказаниями. Я, например, никогда не выхожу без зонтика, если он предсказывает дождик.

– И как, идет дождик? – спросила Алиса.

– Необязательно, – сказала королева, – совсем необязательно. Но если он пойдет, я к нему уже готова.

– Я обещаю вам помочь отыскать вашего сына Рафаэля, – сказала Алиса. – Но вы обещали мне освободить Герасика.

– Большое тебе спасибо, храбрая девочка, – сказала королева. – Благодарность тебе идет напрямик от сердца матери. Но, к сожалению, мы с тобой не сможем сразу освободить Герасика. Его стерегут стражники, которые подчиняются своему паше. Его стерегут черные коты и летучие мыши – слуги астрологов. Ведь не забывай – мы совсем другие, чем все остальные королевства на земле, и мы очень стараемся быть другими. Во всем...

– И даже в балете, – сказала дама Марьяна. – Во всем мире танцоры поддерживают балерин, кидают их и ловят, а у нас наоборот.

– Как же может балерина кидать танцора? – спросила Алиса и тут же сама себя перебила: – Не отвечайте мне, пожалуйста, на этот вопрос. Лучше расскажите, как мы выручим Герасика.

Но ее никто не слушал. Странная это была компания – совершенно не могут остановиться на чем-нибудь одном.

– А вот еще, как у нас проходят соревнования, – сказал министр. – В них побеждает последний.

– А в гимнастике тот, кто лучше всех грохнется с перекладины, – сказала Марьяна.

– А в плавании? – вмешалась в разговор королева. – Кто побеждает в плавании? Ответишь, и я тебе скажу, как освободить Герасика.

– Кто приплывает последним? – догадалась Алиса.

– Глупышка! Выигрывает тот, кто первым утонет.

Все рассмеялись, а Алисе было непонятно, чего же тут смешного? Она решила подождать, когда они начнут говорить о деле.

И дождалась.

Когда все отсмеялись, королева произнесла:

– Сейчас Герасика поведут на эшафот.

– А где здесь эшафот? – спросила Алиса.

– Такие вещи надо знать! Эшафот находится на площади перед дворцом. Ты его видела. Это помост, который соединен с тюрьмой деревянным мостиком, по нему из тюрьмы выводят осужденных. И если ты обещаешь нам помочь, мы тоже тебе поможем.

– Конечно, я обещаю, – сказала Алиса. – А как вы освободите Герасика?

– Мои люди, – сказала королева, – подпилят столбы мостика. Они займутся этим сразу после обеда, когда все лягут отдыхать.

– Тебя переоденут в пажа, – продолжал министр, – и когда Герасика поведут из тюрьмы на эшафот, мостик подломится. Ты скажешь Герасику: «Это я, Алиса!»

– А нельзя мне спасти его раньше? Я хочу вывести его из тюрьмы.

– Глупышка, – ответила королева. – В тюрьму даже мне не проникнуть. Мостик – единственное место, где его можно освободить.

– Мы подготовили лошадей, – сказал министр. – Они будут ждать вас за углом на улице, которая ведет от площади к воротам. Мы постараемся задержать погоню, а вы с Герасиком скорее скачите в лес, где будете в безопасности.

– Ты не забудешь о своем обещании, Алиса? – спросила королева.

– Я никогда не забываю о своих обещаниях, – ответила Алиса.

– Ты отнеслась легкомысленно к моим словам, – сердито произнес министр добрых дел. – Тебе надо изменить свой облик, иначе тебя узнают и схватят. И не возражай!

– А что надо делать?

– Притвориться королевским пажом, – сказала дама Марьяна. – Тебе помогут переодеться.

– А когда надо будет идти... к Герасику?

– Сейчас к обеду позвонят, – сказала Марьяна, – а сразу после обеда с хорошим настроением и начнут казнить.

– Значит, не только Герасика будут казнить? – спросила Алиса.

– Голубчик, – обратилась королева к министру, – погляди, что там сегодня в программе.

Министр взял с туалетного столика за спиной королевы разноцветную, сложенную вдвое, позолоченную по краям папку. Словно меню в ресторане.

– «Сегодня, в День благодеяний, в память Битвы при корявой сосне, в ознаменование чуда бабушки Кривды, состоится большая казнь с участием ведущих палачей Другого королевства. Входной билет – один талер, дети до одиннадцати лет в сопровождении родителей – бесплатно».

– Ах, как гуманно! – воскликнула дама Марьяна.

Министр продолжал читать:

– «На закуску и для разминки палач и душегуб первой степени Руки-Крюки отрубит голову известному убийце и грабителю Герасику по прозвищу Смерть Королям!»

– Как красиво! Это все министерство пропаганды гуманизма! – воскликнула дама Марьяна. – Хочется петь на мотив песни о любви и дружбе. «Снова замерло все до сигнала...» Вы не знаете такой песни?

Алиса такой песни не знала.

– «По окончании разминки начнутся соревнования палачей и душегубов по скорости отрубания голов. В соревновании участвуют...»

– Все, все! – закричала Алиса. – Я вас очень прошу, не надо больше читать. Вы живете в какой-то дикой стране.

– Вот именно, – сказала королева. – Теперь вы понимаете, почему мой сынишка, мой трепетный мальчик не выдержал этого издевательства над человеческим достоинством. – Королева протянула длинную худую руку

и погладила Алису по голове. – У тебя чудесные кудри, – сказала она, – из таких получаются самые лучшие подушки.

– Что? – Алиса даже подпрыгнула на месте.

– Я шучу, моя девочка, – сказала королева, и печальная улыбка вновь тронула ее губы. – Не обращай внимания. Это нервное.

Горничная тем временем разложила на столе наряд для Алисы. Зайдя за расписную ширму, они с дамой Марьяной стали одевать Алису.

Зазвенели веселые колокольчики. Постепенно их звуки становились все громче и пронзительнее, пока не превратились в сплошной вой.

– Что это? – спросила Алиса.

– Это звоночек на обед, – сказала дама Марьяна. – Все обязаны бросить свои дела и спешить за столы. Обед – дело святое.

К тому моменту они уже сняли с Алисы комбинезон, куртку и кеды, в которых она приехала, а вместо этого надели на нее черный камзол с вышитым на нем трехглавым орлом, черные, в обтяжку, шелковые штаны. Рядом на полу уже стояли мягкие черные туфли с длинными носками, на столике лежали берет и расшитый пояс.

Призыв к обеду стал совсем уж невыносим, женщины вдруг оставили Алису одну и выбежали из комнаты.

Алиса подумала: надо же так проголодаться! Но только улыбнулась и продолжала переодевание.

Через пять минут из-за ширмы вышел юный паж. Когда Алиса поглядела в овальное королевское зеркало, то совсем себя не узнала. Паж как паж – типичный королевский мальчик.

Кроме нее, в комнате никого не было. Оказывается, даже королева и министр добрых дел убежали обедать.

«Ну и порядки у них!» – подумала Алиса.

Из комнаты она вышла в вестибюль к лестнице. Было тихо, только гудели мухи. По полу пробежала мышка.

Алиса выглянула наружу. Помост, который она сначала приняла за эстраду, соединялся с дверцей в стене тюрьмы. С лестницы королевского дворца он был хорошо виден.

На помосте устанавливали большую деревянную колоду. Алиса с ужасом сообразила, что именно на этом пне здесь рубят людям головы. На краю помоста, свесив ноги, сидел молодой человек в красной рубахе и в красном колпаке, наверное, палаческий подмастерье, и точил топор с широким тяжелым лезвием.

Зрители уже начали занимать самые выгодные места. На противоположной стороне площади стояли два стражника и торговали билетами. Люди приходили со своими стульями, табуретками, а одна семья даже притащила диван.

«Нет, – сказала себе Алиса, – я сорву вам любимое развлечение! Вы не получите моего Герасика».

Мостик находился совсем рядом. Он был покрыт брезентом, как длинный стол скатертью.

Увидев, что никто за ней не следит, Алиса сбежала по лестнице, приподняла край брезента и заглянула под мостик. Она увидела, что там два детины мрачного вида пилят столбы, на которых держится мостик. По крайней мере, хоть здесь не обманывают.

Алиса вернулась во дворец. Где же ее союзники?

Со второго этажа доносился шум голосов.

Алиса осторожно поднялась по лестнице. Ее обгоняли повара и официанты с полными подносами, а навстречу им сверху бежали слуги с пустыми блюдами и тарелками.

Алиса шла на шум голосов. Она заглянула в приоткрытую дверь и увидела, что там находится столовая. Во главе очень длинного стола восседали король и королева и мирно улыбались друг дружке, дальше размещались придворные – много придворных, человек сто. Среди них и дама Марьяна.

Марьяна посмотрела на дверь, ее взгляд встретился с Алисиным, но дама ее не узнала.

– Эй, паж! – рявкнул Охран-паша, который за стол не садился, а смотрел, чтобы все было в порядке, и стоя обкусывал свиную ногу. – Паж! Налей-ка мне вина.

Он показал на пустой бокал, который стоял у его ног.

Алиса послушно подхватила бокал, но ей не пришлось никуда бежать, потому что в мгновение ока к ней подскочил виночерпий с большим кувшином и налил вина.

Алиса поднесла бокал Охран-паше.

Тот принял его и спросил:

– Ты почему, мальчишка, не ешь? А ну-ка, жуй!

Он протянул Алисе свиную ногу, которую держал в толстой руке, и Алисе пришлось откусить кусок мяса. Оно было жестким, и ей пришлось крутить головой, чтобы оторвать кусок от ноги.

Охран-паша хохотал, довольный унижением пажа.

Вытирая рот, Алиса отбежала в угол подальше от глаз Охран-паши.

И тут сверху спустилась белая ворона Дурында. У нее в клюве торчал ломоть колбасы. Она проглотила его и сказала вороньим шепотом:

– Следуй за мной, тебя вот-вот узнают, и все рухнет!

Алиса оглянулась. Никто вроде не собирался ее узнавать. Но Дурында здесь все знает. И Алиса поспешила за ней.

Через черный ход ворона вывела ее к мостику.

– Будешь сидеть здесь, – сказала она, – но смотри, чтобы тебе на голову что-нибудь не свалилось. Кони стоят вон там. Видишь? Ну, сиди и не высовывайся.

Глава шестая
НЕУДАЧНОЕ БЕГСТВО

Из-под мостика Алисе было все слышно и даже кое-что видно.

В брезенте, который свисал с мостика, зияли большие дыры, а между досок – щели. Правда, Алиса не видела того, что происходит на самом эшафоте, – только две ноги в красных чулках свисали с помоста: это палаческий подмастерье, сидя на краю, все еще точил топор.

Слуги королевы, которые подпилили столбы мостика, уже убежали. На земле остались свежие опилки, а на столбах, там, где в них вгрызалась пила, виднелись светлые полоски.

Алиса понимала, что у нее будет достаточно времени, чтобы выскочить из-под мостика, только бы они предупредили Герасика, как его будут спасать, а то он от неожиданности может упасть и ушибиться.

Сквозь дырки в брезенте Алиса наблюдала за зрителями. Площадь уже заполнилась народом, кто-то ссорился из-за удобного места, и с помоста донесся зычный голос палача:

– Горожане, не толкайтесь! Все будет видно. Помост высокий, замах у меня богатырский. И в самом крайнем случае, мы можем любую казнь повторить. Вы меня хорошо видите?

– Хорошо! – откликнулась толпа.

– Я, палач и душегуб первой степени, великий мастер топора и веревки, достопочтенный Руки-Крюки, гарантирую вам, что вы получите удовольствие. Клянусь, что я сегодня в лучшей боевой форме, и обещаю снести голову государственному преступнику Герасику одним ударом!

В толпе жителей Другого королевства раздались радостные крики и аплодисменты. Матери поднимали маленьких детишек повыше, чтобы их любимцы, эти нежные создания, невинные крошки, получше разглядели палача Руки-Крюки, и говорили им: «Вот вырастешь, крошка, и, если будешь плохо учиться и хулиганить, станешь таким же замечательным палачом!»

«Ну и мамаши, – подумала Алиса. – И что за страна такая, где детей учат плохо себя вести!»

Потом на помост вышла группа певцов и танцоров, они пели веселые песни. Алиса далеко не все слова разобрала, но кое-что, к сожалению, запомнила:

Одна золотоволосая девочка пела:

Мама мне велела в школу
Полдевятого вставать.
Я за это ей в рассольник
Буду гвозди подсыпать.

Хор из мальчиков и девочек радостно подхватил припев:

Ах ты, мамочка, мамуся,
В школу больше не вернусь я!

Затем появилась группа танцоров – совсем крошек, из детского садика. Они были одеты в костюмчики палачей и водили хоровод вокруг чернобородого астролога, который хлопал в ладоши и подпрыгивал.

Публика пребывала в полном восторге, но после третьего или четвертого номера она стала кричать:

– Начинайте казнь! Хватит нам самодеятельности.

Сквозь дыру в брезенте Алиса увидела, как на дворцовой лестнице появились сам король и его придворные, рядом шествовали королева и ее фрейлины. Надо сказать, они являли собой красочное зрелище, несмотря на то, что все были одеты в черный бархат и шелк. Но зато их окружали знаменосцы с разноцветными флагами. Почти все знатные вельможи и фрейлины были с дополнительными ушами, глазами, руками и даже ногами. Алиса вспомнила, что ей тоже обещали лишний глаз, но так и не дали.

На помост поднялись четыре барабанщика. Они принялись выбивать дробь.

На площади воцарилась гробовая тишина.

Затем на помост взошел судья в белом парике и черной мантии до самого пола. Он развернул свиток и начал читать список преступлений Герасика. Честно сказать, такого количества страшных преступлений не смогла бы совершить и целая бригада бандитов и убийц.

Но все на площади, конечно, верили тому, что Герасик не только ограбил несчастного принца, украв самое дорогое – книгу! Но, может быть, он и убил принца. К тому же он пытался забраться в королевскую со-

кровищницу, побил покойную бабушку палкой, расколотил всю стеклянную и хрустальную посуду во дворце, выпил компот в детском приюте и оторвал хвост у ежа в королевском заповеднике.

Тут уж по толпе прокатился такой рокот негодования, что Алиса всерьез задумалась, есть ли хвосты у ежей?

– Ввести первого преступника! – закричал судья.

– Преступника, преступника! Давай его сюда! Мы сейчас ему покажем, как детей без компота оставлять! Смутьян проклятый!

Дыра в брезенте исчезла, стало на секунду темно, и тут же из дыры послышался голос дамы Марьяны, которая, оказывается, подобралась к мостику.

– Герасик предупрежден, – сказала она. – Ты умеешь на лошади ездить?

– О чем он предупрежден? – спросила Алиса.

Насчет лошади она отвечать не стала. Ну чего отвечать, если она верхом ездит с двух лет? И не только на лошади, но и на единороге!

– Герасика предупредили, что ты сидишь под мостом. Как только мост начнет рушиться, он должен спрыгнуть с него и бежать к лошади. А ты на лошади ездить умеешь?

Нет, от нее никогда не отделаться!

– Умею, – сказала Алиса. – И еще умею на слонах, на буйволе и на склиссе.

– На ком?

– На летающей корове! – ответила Алиса.

– Фу, как некрасиво! – воскликнула Марьяна, и голова ее исчезла из дыры в брезенте. Сразу стало светлее, снова появилась возможность наблюдать за происходящим на площади.

А там все зашевелились, смотрели на тюрьму. Прямо над головой Алисы заскрипела железная дверь.

– Выходи, преступник! – послышался грозный голос.

– Иду, иду, дяденька, только не деритесь! – Это был голос Герасика.

«Ясно, – поняла Алиса, – он хочет, чтобы охранник первым ступил на мостик».

Тогда Алиса выскочила из-под мостика с той его стороны, что выходила не на площадь, а на королевский дворец. И вовремя.

Первый стражник, который топал по мостику, добрался до того места, где столбы были подпилены.

Герасик ступал на три шага сзади. Второй охранник, уткнувший в спину Герасику острие меча, только-только появился в двери.

– А-а-ах! – закричал первый охранник, когда доски ушли из-под его ног.

Тпрррииииск! – завопил мостик, сломавшись под тяжестью охранника.

– Уррра! – закричал Герасик, прыгнув с мостика к Алисе.

– У-у-ух! – закричал второй охранник, съезжая по сломанному мостику вниз, как по снежной горе.

– Бежим! – крикнула Алиса.

– Бегу! – откликнулся Герасик.

Вот тут-то их увидели с лестницы дворца!

Наверное, король не сразу сообразил, что произошло, – ведь когда мостик падал, поднялась такая туча пыли, что Алиса и Герасик вылетели из нее рыжие, как лисицы!

Но когда беглецы уже скрылись за помостом, где палач с помощниками и судья стояли, замерев как соляные столбы, король все понял!

– Они сбежали! – закричал он. – Предательство! Заговор! Измена! Где барабанщики? Общая тревога! Наш паж помог бежать преступнику! Всех казню!

Хоть король был невелик, голосом он обладал настоящим, королевским, гремевшим сейчас на всю площадь.

И тогда палачи с высокого помоста увидели, что двое детей помчались к закоулку, где стояли лошади.

Их держал под уздцы неприметный мальчонка, который при виде беглецов кинул уздечки и бросился прочь.

Алиса и Герасик взобрались на лошадей – хорошо еще, кто-то догадался подтянуть покороче стремена.

– Ты знаешь, куда скакать? – спросила Алиса.

– К воротам! – закричал в ответ Герасик.

Он был почти раздет – только лохмотья изодранных штанов. Всю спину покрывали свежие шрамы, из плеча текла кровь. Но когда он обернулся и посмотрел на Алису, она увидела, что глаза у него просто сверкают и рот до ушей.

– Спасибо, Алиса, – крикнул он, – я на тебя надеялся!

Все-таки бывают порядочные люди, даже среди королев Другого королевства. Они держат слово. Обещали помочь освободить Герасика и сделали это. Хотя наверняка многим рисковали. Охран-паша догадается, кто достал беглецам коней и подпилил столбы у мостика на эшафот, – наверное, не только даме Марьяне, но и самому министру добрых дел не поздоровится. Надо будет обязательно поговорить в нашем времени с комиссаром ИнтерГалактической полиции Милодаром, чтобы он объявил галактический розыск. Ведь если принц Рафаэль пробрался в наше время, оттуда он может улететь на одну из многих планет. Нелегко будет его найти, но обязательно надо постараться. Ни одно доброе дело не должно остаться невознагражденным.

Они быстро проскакали по улицам города, и Герасик придержал своего коня у ворот. Ворота были раскрыты, но в этот момент в них въезжала большая телега, груженная мешками с мукой. Ее волокли два буйвола.

Алиса обернулась. Ей показалось, что сзади слышатся крики.

– Ну, скорей же! – крикнула она вознице, который управлял телегой.

– Простите ваше благородие, господин паж! – Мужик – усы до плеч, волосы торчком – соскочил с телеги и бухнулся на колени. – Не вели казнить, вели слово молвить! Ты ведь каждый день с королем видишься. Скажи ему, что Блохобой из Половинки бьет челом, просит взять в армию его сына, парня глупого, но сильного. Он тут у нас недавно соседского быка кулаком убил, так мне не расплатиться! Посодействуй, добрый паж, а я в долгу не останусь. Яичек тебе привезем из деревни, молочка, если употребляешь.

Несколько стражников в черных кожаных мундирах показались на улице. Впереди бежал министр добрых дел. Видно, хотел отличиться.

– Догоняй их! – заорал он, увидев беглецов. – Коли их, руби!

– Освободи дорогу! – кричала Алиса Блохобою. – Заколю!

Хотя колоть было нечем.

– А ты обещай, – отвечал Блохобой, не вставая с колен.

Тут министр добрых дел настиг беглецов, но, вместо того чтобы связать Алису и Герасика, он крикнул своим стражникам:

– Хватай этого мужлана, опрокидывай телегу!

Стражники навалились на телегу и под возмущенные вопли хозяина повалили ее набок.

– А теперь хватай преступников! – приказал министр.

Но Алиса, а за ней и Герасик уже проскочили в ворота и помчались по дороге.

– Какой дурак! – крикнул Герасик.

– Ты о ком? – спросила Алиса.

– Об этом вельможе с третьей рукой и третьим глазом.

– Вовсе он не дурак, – ответила Алиса. Она даже обиделась за министра. – Ты не понял, он жизнью рисковал, чтобы мы могли выскочить из города. Если бы он не велел стражникам на телегу навалиться, мы бы уже в тюрьме были.

– Ты думаешь, он нарочно? – спросил Герасик.

– Не понимаешь ты ничего в большой политике, – сказала Алиса. – Он друг королевы Лины Теодоровны.

– Так королеву зовут?

– Разумеется, у всех королев есть имя и отчество.

– Вот не думал. Я считал, что королева, значит, королева!

– Она же не всегда королевой была.

– Как же так? – совсем удивился Герасик. – А кем же она еще могла быть?

– Она была девушкой из простой семьи, ее встретил король и полюбил.

– Какие-то ты мне сказки рассказываешь, – откликнулся Герасик.

– Давай не будем отвлекаться, – оборвала приятеля Алиса. – Ты скажи, куда мы сейчас едем? Ведь к тебе домой нельзя?

– Ко мне домой, наверное, не стоит, – сказал Герасик. – Этот злобный Охран-паша мой адрес знает. Придется в лесу укрыться, у дядьки Лешего.

– А он тебя не выдаст?

– Леший? Меня? Да я его научил самогонку гнать и сам ему аппарат соорудил. Куда уж он без меня!

– Что ты говоришь, Герасик! – ахнула Алиса. – Ты изобрел такую вредную вещь, как самогонный аппарат?

– Я люблю изобретать то, что другим нужно и приятно. Для Лешего я просто расчудесный подарок сделал. Что в этом плохого?

– Но ведь алкоголь вреден! – воскликнула Алиса. – Рано еще водку придумывать! Ты, по-моему, иногда совершенно забываешь, что живешь в эпоху легенд.

– Сейчас ты будешь говорить мне, – ответил Герасик, – что в эпоху легенд простым людям книжки читать нельзя? Потом прикажешь мне голову отрубить?

Они оба засмеялись.

Дорога поднялась на пологий холм. Слева начинался лес, и холм становился все круче. Впереди вставали мрачные стены замка.

– Правда, что это заброшенный замок? – спросила Алиса.

– И там еще привидения живут, – сказал Герасик. – Я еще до них доберусь. Мне очень интересно проверить, есть привидения или нет?

– Привидений не бывает! – твердо сказала Алиса.

– Правильно, – согласился Герасик. – Это в вашем двадцать первом веке не бывает. А у нас в эпохе легенд они на каждом дереве сидят, в каждом подвале таятся. Если бы не так, какая же была бы эпоха легенд?

– Тогда ты, Герасик, поосторожнее.

– Спасибо за внимание. Да только я местный, что со мной может случиться?

– Мне кажется, мой юный друг, – сказала Алиса, – что ты забыл, откуда я тебя только что вытащила! Вспомни, меня или тебя на эшафот тащили, чтобы голову отрубить?

– А это чистая случайность, – сказал Герасик. – Ну кто мог подумать, что их дама Марьяна зайдет в спальню бывшего принца тогда, когда я в нее залез! Мне бы что: взял учебник – и беги. А я как увидел, что там целая полка книг стоит, обалдел от радости и стал в них картинки смотреть. Так и не заметил времени. Они меня и застукали. Эта мадама как завопит: «Воры!» Прибежали и меня с книжкой в руке захватили – страшное преступление! А ты как обо мне узнала?

– От меня! – раздался сверху скрипучий голос.

Алиса посмотрела наверх: с неба спускалась птица Дурында.

– Кто здесь самый благородный, кто самый хитрый? Нет, ты скажи, кто самый хитрый? – кричала грязно-белая ворона.

– Это она тебе сказала? – удивился Герасик. – Но ведь она – самая подлая тварь в наших лесах.

– Я вас попрошу не выражаться, – обиделась Дурында. – Выражаться каждый может, а пойти на подвиг ради доброго дела – тут-то вас и не видать.

– Нет, быть того не может! – Герасик покачал льняной головой.

– А вот случилось. Учитесь смиряться перед лицом исторической правды, – сказала Дурында.

Неожиданно со стороны замка из леса донесся ужасный глухой вой. Будто паровоз гудел в туннеле.

– Что это? – спросила Алиса.

Птица Дурында спикировала вниз и спряталась у Алисы на коленях.

– Это он, – прошептала она хрипло. – Молчите, а то заметит – и нам не жить. Столько народу погибло... просто ужас!

– Ну, кто это?

– Тут живет чудовище, – сказал Герасик. – Это правда. Страшенное. Если увидишь – от страха с катушек съедешь. И все.

– Лучше я вперед полечу, – сказала Дурында. – Меня Бабушка Яга ждет к обеду. Обещала я, простите за компанию.

И, замахав крыльями, ворона понеслась вперед над самой дорогой.

Алиса не стала больше спрашивать про чудовище, потому что понимала: в обычном мире, где она живет, и в мире сказочном – совершенно разные законы. На то она и эпоха легенд.

– Расскажи пока, как живешь, что нового изобрел.

– Я научился считать до двух миллионов, – сказал Герасик, – корень квадратный извлекаю, теорему выучил: «Пифагоровы штаны во все стороны равны». А кто такая Пифагора?

– Пифагор – это он, – сказала Алиса. – И он еще не родился.

– А когда родится?

– Через двадцать семь тысяч лет.

– Долго ждать, – сказал Герасик.

Впереди показалась река.

Река была широкая, быстрая, но неглубокая.

– Тут должен брод быть, – сказал Герасик. – Только я немножко забыл, где он. Давай сделаем так: ты подождешь на берегу, а я попробую перейти. А то вода холодная, а вы там, в будущем, изнеженные. Еще простудишься.

Алиса, конечно, не боялась простудиться, она была закаленной девочкой, но ее тронула забота первобытного мальчишки.

– Хорошо, – сказала она. – Я тебя подожду.

Герасик направил своего коня в воду. Течение сносило его. Конь зашел по колени, потом по брюхо.

Герасик похлопывал его по шее, успокаивал, и вот уже половина реки позади. Вот он выбирается на дальний берег...

– Перейдешь, как я? – крикнул Герасик, стараясь перекрыть голосом шум воды.

И вдруг он увидел что-то за спиной Алисы.

– Берегись!

Алиса обернулась.

Как она могла не подумать о том, что король отправит за ними погоню!

С откоса к реке скакали сразу двадцать или тридцать всадников в черных кожаных костюмах на черных конях. Впереди них на громадном, могучем коне скакал сам Охран-паша.

Алиса ударила коня стременами:

– Вперед!

Конь послушно сбежал к воде. Но на берегу остановился.

– Иди же! – кричала Алиса. – Смелее! Ты же видишь, что твой товарищ уже на другом берегу.

Герасик тоже кричал:

– Алиса! Смелее!

А погоня была ближе и ближе.

Герасик повернул коня обратно и хотел поскакать на выручку Алисе. Но тут десяток стрел полетело в его сторону. Одна из них вонзилась в шею коня.

Животное не выдержало страха и боли и понесло Герасика прочь от берега.

Герасик, обернувшись, что-то кричал.

Алиса махала ему рукой и тоже кричала:

– Не бойся! Со мной они ничего не посмеют сделать! Скоро увидимся.

Она в самом деле не очень боялась, довольная тем, что главное сделала – Герасика освободила. А ее тронуть не посмеют. У нее в эпохе легенд такие могущественные друзья! Одних волшебников и джиннов штук двадцать пять!

Охран-паша первым поравнялся с Алисой. Довольно ловко он обхватил ее за пояс, поднял с седла и кинул себе на колени.

– Ура! – закричал он.

И все стражники стали радоваться.

Как будто им была нужна Алиса, а не Герасик.

И они поскакали обратно в город.

Глава седьмая
ЖЕСТОКИЙ ПРИГОВОР

Обратная дорога в столицу показалась Алисе бесконечной. Охран-паша передал беглянку одному из стражников, тот посадил ее перед собой, было страшно неудобно, к тому же приходилось выслушивать всякие грубые и даже неприличные шутки.

– Ну что, – издевались стражники, – пойдешь теперь на плаху вместо мальчишки!

– Это же надо! Обмануть самого господина палача!

– Интересно, кто им коней дал?

– Коней, я думаю, они тоже украли, – сказал Охран-паша. – Это же дети без стыда и совести, худшие дети в мире!

– И кто такого негодяя в пажи принял? – крикнул одноглазый стражник.

– Конечно, это безобразие! – откликнулся его товарищ. – Ведь такой паж может к его величеству подкрасться и запросто вонзить в него кинжал.

Охран-паша, как ни странно, помалкивал. Казалось, что стоит ему заявить, что это не паж, а шпионка из другой страны – тут же стражники ее и растерзают! Нет, не хочет он, чтобы Алису тут же растерзали. А может, это еще хуже, подумала Алиса. Может быть, они хотят тихонько ее казнить, чтобы никто не догадался, где и как это произошло. Значит, они опасаются друзей Алисы и людей из будущего времени. Вполне возможно. Они расправятся с ней где-нибудь в тюрьме, в подвале и никогда никто не узнает, что случилось с московской школьницей Алисой Селезневой.

Конечно, если Ричард отыщет в лесу Герасика, тот расскажет, что Алиса попала в плен к Охран-паше, но больше он ничего поведать не сможет. И прискачут тогда спасители в столицу, к королю или Охран-паше, а те сделают большие глаза: «Какая такая Алиса? В жизни не видали никакой Алисы! Ищите где хотите, все двери перед вами распахнуты...»

Алисе стало себя жалко. Ведь она только-только начала жить.

– Может, вы меня отпустите? – спросила она у Охран-паши. – Ведь я ничего не сделала.

Она говорила негромко, чтобы ее не слышали стражники.

– Погоди, – сказал Охран-паша, – сейчас доберемся до дворца, там и разберемся, кто прав, а кто виноват.

– Но за что меня судить?

– А кто сказал, что тебя будут судить? Тебя только будут допрашивать.

И Охран-паша рассмеялся.

Ну и неприятный же был у него смех. Лицо красное, круглое, а посреди него торчит носик, как клюв, остренький и блестящий. Все кажется, что он наклонится и начнет тебя колоть этим носиком.

И глаза у него, как у совы – круглые и неподвижные. Он смеется, а глаза смотрят, как две черные пуговицы.

Когда они проезжали стороной заброшенный замок, оттуда из чащи снова донесся вой неизвестного чудовища. Стражники сбились в тесную толпу – испугались. А над лесом поднялся столб черного дыма.

– Ох, и дымит сегодня чудовище! – сказал одноглазый стражник. – Видно, серчает.

– Жертву бы ему принести! – сказал другой.

– Разговорчики в строю! – рявкнул Охран-паша.

Пришпорив лошадей, стражники поспешили проехать страшное место.

Вскоре показался город.

Лошади поскакали веселее, стражники принялись обсуждать, что сегодня на обед.

Городские ворота оказались закрытыми.

Пришлось стучаться.

Стражники с той стороны спросили пароль, а Охран-паша пароля не знал, потому что уехал из столицы до того, как король его придумал. Пререкались, наверное, минут десять, пока не появился астролог Сатурныч, который велел приоткрыть ворота на цепочку и высунул наружу свою бороду.

– Это ты, Охран-паша? – спросил он.

– Именно я. Пусти скорее, мои стражники с голоду подохнут. К тому же я добычу привез.

– Алису? – спросил астролог.

– Глупыш, – возразил Охран-паша, – неужели ты не видишь, что это королевский паж, который оказался предателем.

– Все понял, все понял! И пароля ты не знаешь!

– Откуда мне его знать!

– Все понял, все понял. А как зовут мою мамашу? – спросил астролог.

– Как ее зовут, не знаю, а у нас в городе ее называли просто ведьмой. И сожгли на костре лет десять назад, когда ты шлялся по соседним странам, изучал свою лженауку астрологию.

– Насчет лженауки – это ты поосторожнее, – обиделся астролог. – Наука как наука, врет не больше других. И маму мою ты зря обижаешь. Оклеветали ее, ну какая она ведьма! Она и заклинаний толком не знала. Я убедился, что ты и есть Охран-паша. Открывайте ворота, пропускайте экспедицию под руководством профессора заплечных наук Охран-паши Подвального!

Ворота страшно заскрипели и отворились.

Астролог первым направился в центр, ко дворцу, а остальные последовали за ним, придерживая лошадей.

На площади еще продолжались казни. Какого-то молодого парня, положив на козлы, два палаческих подмастерья по очереди били бичами. Молодой человек стонал, но сдерживал крики, хотя Алисе было видно, как ему больно!

Публика на площади хлопала в ладоши, отбивая такт и помогая палачам. Нет, это Другое королевство Алисе совсем не нравилось.

Охран-паша спешил доложить об успехе своего похода.

Алису грубо сбросили с седла, и она еле удержалась на ногах. Потом спешились и стражники и повели ее по лестнице к королю, который наблюдал за казнями и пытками с верхних ступенек. При виде пленницы он радостно воскликнул:

– Поздравляю тебя, мой Охран-паша, ты превзошел себя! Как тебе удалось поймать эту ужасную преступницу?

Алиса взглянула на королеву. Та казалась еще печальнее прежнего. А дама Марьяна старалась не смотреть Алисе в глаза.

– Погоня была опасной, мы мчались много дней и ночей, мы сражались в пути с демонами, которые охраняли проклятых беглецов! Мы потеряли в пути лучших воинов! Но в последнем жестоком сражении само небо почти что лопнуло от страха. Каждый из моих воинов вел себя как лев. Прошу тебя, о король, достойно наградить их.

– Воистину! – хором закричали стражники, которые столпились пониже, не смея подойти к великому королю.

– Что же, поздравляю. Мы отчеканим особую медаль. На ней будут мой портрет и слова: «За выдающийся поход». А где второй преступник, которого мы уже почти казнили?

– А разве он не приходил? – спросил Охран-паша.

– Как так не приходил? – Король оглянулся, потом снял корону, а королева вынула из сумочки шелковый платочек и вытерла вспотевшую красную лысину своего супруга.

– Это шутка, ваше величество! – откликнулся Охран-паша. – Конечно же, он не мог прийти. По простой причине. Мои воины не удержались и изрубили его в мелкую крошку!

– Ох, как нехорошо! – опечалился король. – Ох, как вы меня расстроили. Ну разве можно было его убивать? Герасика должны были каз-

нить как положено, при большом стечении народа. Теперь вы лишили нас зрелища. И народ останется недоволен. Билеты куплены, люди с рассвета места занимали, а где Герасик? Оказывается, твои камнеломы его зарубили! Не будет им медали! Всем дежурство вне очереди! Будут мыть полы и выносить ночные горшки до понедельника!

Охран-паша упал на колени, стражники последовали его примеру.

– Не вели казнить, вели слово сказывать! – взмолился Охран-паша.

– Велю, – согласился король.

– Давай пойдем на мировую. Ты нам медали не даешь, а мы ночные горшки выносить не будем.

– Почему? Разве вы не достойны наказания?

– Потому что, пока мы будем заниматься этим грязным делом, – сказал Охран-паша, – ваши враги могут подобраться к городу, а то и ко дворцу и вас свергнуть.

– Что он говорит! – Король нахлобучил набекрень корону, вскочил и побежал внутрь дворца, за ним толпой поспешили остальные. Одним из последних шел Охран-паша, таща под мышкой Алису и хохоча втихомолку – такой вот оказался он хитрец и обманщик!

Внизу в вестибюле король остановился и строго сказал:

– Мог бы, кстати, не на улице высказываться. А что, если кто-нибудь услышит и соблазнится? И начнутся покушения... Ох, я этого не люблю.

– А кто любит, ваше величество? – вздохнул Охран-паша. – Но что делать?! Должность у вас такая. Может, отречетесь?

Король быстро спрятался за спину своей жены и спросил оттуда:

– А в чью пользу?

– Мы тогда посоветуемся и решим, – ответил Охран-паша. – А то при вас королевство совершенно распустилось. Кто хочет, тот и ходит, крестьянские дети книжки читают, пажи вовсе не пажи, а заморские девочки...

– А что? – Король вышел на открытое место. – Толково рассуждает мой верный полководец. Запустили мы дела...

– Ах, что вы говорите! – воскликнул астролог, который до этого таился в задних рядах придворных. – Не было и не будет более мудрого, справедливого и могучего государя.

– Ах нет, запустили, запустили, признаем ошибки. Пора укреплять государство. И границы у нас прозрачные, кто хочет, тот и переходит. Так что будем принимать меры.

Король сделал шаг вперед:

– Писец, где писец? Ах, вот ты где! Пиши указ: направить самого великого ученого и отважного полководца Охран-пашу на дальнюю лесную границу начальником заставы. Только он сможет обеспечить нашу безопасность. Только он спасет королевство от развала. Собирайся, голубчик, чтобы через час духу твоего в столице не было, дорогой мой начальник заставы.

– Ну что вы, я же пошутил... – начал было Охран-паша, но по знаку вставшего на цыпочки короля те же стражники, что минуту назад следовали за Охран-пашой, утащили своего начальника.

– А теперь, – сказал король, – займемся судом и расправой.

Тут королева дотронулась пальцами до руки своего супруга и негромко сказала:

– Прошу вас, пожалуйста, будьте снисходительны к этой девочке. Мне кажется, она была введена в заблуждение преступным мальчишкой, он вскружил ей голову. Это с нами, женщинами, бывает. Вспомните, ваше величество, как я в вас влюбилась!

– Во-первых, вы влюбились не в меня, а в мои титулы и богатства. И я тоже могу напомнить вам, что такое нередко случалось с женщинами легкого поведения.

– Ах! – воскликнула королева. – Эти слова не имеют ко мне отношения. Я – женщина нелегкого, даже, можно сказать, тяжелого поведения.

– Ах, оставим эти пустые разговоры, – сердито возразил король. – Полдник надвигается, а главный преступник сбежал. Не верю я Охран-паше, что они его растерзали, ох, не верю. Никому в этом королевстве не верю.

– И мне? – удивился чернобородый астролог. – Ведь я говорю не от своего имени, а от имени звезд! А звезды никогда не ошибаются.

– Звезды – еще куда ни шло, – согласился король. – А вот тебе я, конечно, не верю. Ты из моих подданных самый лживый. Если бы я тебя не побаивался, давно бы ты уже без головы ходил. В чем сложность с вами – волшебниками, астрологами, гадалками и ведьмами? Уж очень у нас дикие, отсталые времена! Пройдут столетия, распустятся бутоны наук, узнают люди, что земля круглая, небо не твердое, а бесконечное, что тогда делать вам, волшебникам и астрологам? Выгонят вас люди к какой-то бабушке, смеяться будут над астрологией. Вот приходил к нам на той неделе один шарлатан – помните? Склянки с водой приносил. Я, говорит, их заряжаю от своего дыхания и своей дьявольской силы. По-

гляжу на воду – и она волшебная. Помните? Правда, не пришлось мне греха на душу брать, голову рубить такому наглому лжецу и проходимцу. Мои собственные волшебники его растерзали. Нет, не верю я вам никому... Скорее бы дождаться торжества науки. Да не про нас это... ледники надвигаются... как бы пережить самим.

– Но ведь я предсказал в прошлую зиму морозы? – спросил обиженный астролог Сатурныч.

– Предсказал, – согласился король. – Но ведь и в позапрошлом году морозы были!

– В позапрошлом году совсем другие морозы были, – ответил астролог. – В них, можно сказать, больше мягкости было при некотором наличии жестокости.

– Может быть, может быть, – с сомнением сказал король. – Да мы вроде не для этих бесед здесь собрались. Мы собрались казнить страшную преступницу. А ну, где наш судья? Готово ли обвинительное заключение?

Судья, тот самый, который читал обвинение против Герасика с помоста и отличался от прочих придворных лишь громадным, до пояса, париком из белой ваты и черным халатом с синими налокотниками, ступил на свободное место и вытащил из кармана халата замусоленную записную книжку.

– Тут у меня черновик, ваше величество, – сказал он. – Мы еще сформулируем, приведем в порядок для вечности.

– Сколько у вас времени было, пока мы за ней гонялись? – рассердился король. – Чем вы занимались?

– Но простите, ваше величество, мы же на эшафоте дежурили, у нас там плановые казни проходили. Не могу же я разорваться!

– Не разорвешься – разорвем, – пообещал ему король. – Ну, читай!

– «Обвиняемая Алиса Селезнева, несовершеннолетняя, нахальная, распущенная персона, обвиняется в том, что прибыла в наши края по шпионскому заданию от враждебных нам разведслужб».

Судья перевел дух, а король сказал:

– Что ж, неплохо для начала, совсем неплохо.

И все присутствующие захлопали в ладоши. Кроме королевы и дамы Марьяны. Им вся эта история не нравилась.

Но король заметил, что его жена и фрейлина не участвуют во всеобщем ликовании, и поэтому сердито спросил:

– Так, значит, все удовлетворены, а кто-то неудовлетворен?

Королева вздохнула и сказала:

– Да, мой августейший супруг, признаться, я не думаю, что эта девочка похожа на шпионку.

– А что? – спросил король. – Не исключено, что ты сама похожа на шпионку! Я тебя на помойке нашел! Я тебя облагодетельствовал! Так что стой и молчи. А ты, судья, продолжай.

– «Во время нахождения в нашем благородном государстве, – продолжал судья, – так называемая Алиса совершила еще целый ряд преступлений. А именно: она нанесла вред государственной собственности и подпилила столбы у мостков посреди города. Она украла двух коней из конюшни министра добрых дел...»

– Кстати, – спросил король, – а где мой любимый министр добрых дел, который оставляет оседланных коней рядом с государственными преступниками?

Новый начальник стражи сделал шаг вперед и сказал:

– Бывший министр добрых дел добровольно прыгнул в колодец на заднем дворе, потому что не смог перенести стыда за свои паскудные поступки.

– Ну ладно, – сказал король, – Туда ему и дорога. А ты продолжай, судья, только покороче, потому что нам на полдник идти, а то пампушки остынут.

– «После этого обвиняемая Алиса напала на телегу честного поселянина Блохобоя, опрокинула его телегу и нанесла селянину телесные повреждения».

– И моральные, – добавил король.

– Разумеется, и моральные, – поспешил согласиться судья. – Он до сих пор нервно плачет.

Все придворные начали стонать, качать головами, некоторые постарались выдавить из себя слезинки.

– И что мы ей присудим по совокупности? – спросил король.

Алиса плохо слушала все эти пышные, но пустые слова, будто они не к ней относились. Ей было жалко министра добрых дел. Все-таки он коней им с Герасиком прислал и у ворот помог...

– Надо бы посоветоваться, – сказал судья.

– Некогда советоваться! – возразил король. – А то я уйду на полдник.

– Тогда смертная казнь, – сказал судья. – На смертную казнь достаточно преступлений.

– Только не это! – закричала тут королева. – Я не вынесу, если вы казните Алису. Эту смелую и благородную девочку. Освободите ее! Но только не отдавайте на растерзание дракону!

– Все! – сказал король. – Я выслушал обвинителя, судью и адвоката – мою жену. С меня достаточно. Теперь слушайте мое милостивое решение!

Все замерли. Стало так тихо, что Алиса услышала, как застучало ее сердце. «Вот не ожидала, что я такая трусиха, – подумала она. – Разве я боюсь?»

– Я приказываю отвезти преступницу к заброшенному замку и отдать на растерзание чудовищу, то есть нашему родовому дракону. Тем более что ему уже две недели не давали ни одной новой девушки. Он совсем оголодал.

– Мой дорогой супруг, – взмолилась королева. – Пожалуйста, не приговаривай Алису к судьбе хуже, чем смерть. Ведь ты знаешь, что куда безболезненней смерть на эшафоте, от топора палача, чем в зубах этого чудовища. Пощади ребенка, дай ему умереть спокойно!

– Вот именно! – Король топнул ножкой. – Вот именно. Я и собирался казнить ее безболезненно. Но тут ты, старая перечница, вмешалась со

своими речами. Пощадите, пощадите! А вот я не пощажу! Ты же меня знаешь – как только ты суешься со своими добрыми словами, я все делаю наперекор!

– Но только не сегодня!

– Именно сегодня! Все. Прием окончен. Все идут в столовую на полдник. Алисе полдника не давать – отвезите ее в лес! Ясно?

– Я не хотела... – прошептала вслед Алисе несчастная королева.

Глава восьмая
ПЛЕННИЦА В ЛЕСУ

В лес Алису везли два мрачных стражника и сам астролог Сатурныч. Видно, король не хотел рисковать – послал ближайшего придворного.

Астролог оказался человеком разговорчивым, он все время давал Алисе советы. Но когда тебя везут на съедение дракону, очень трудно слушать советы.

Алису утешало только одно – Герасика она спасла.

А мы еще поборемся!

Видно, последнюю фразу она произнесла вслух, потому что астролог вдруг замолчал и спросил:

– А с кем бороться будем?

– Так принято говорить, – ответила Алиса.

Ехать было ужасно неудобно, потому что ей связали руки за спиной, и от них тянулась веревка к стражнику, который двигался следом.

– Любопытно, – сказал астролог. – Но, надеюсь, ты меня не включаешь в число своих врагов?

– Включаю, – сказала Алиса.

Чего жалеть этого астролога! Все астрологи жулики, а этот еще жулик-подсказчик, вертит королем как хочет.

– Вот это зря, – сказал астролог. – Ты меня как личность не знаешь, биографию мою не изучила, о моем трудном детстве представления не имеешь – но уже готова уничтожить меня.

Алиса промолчала. Ее молчание еще больше встревожило астролога.

– А ведь я человек подневольный, – заговорил он, поравнявшись с Алисой и склоняясь к ней, чтобы стражники не слышали, о чем он говорит. – Я в душе совсем не такой, каким кажусь, я чистый, смелый и очень хорошо отношусь к людям.

Он подождал и, не услышав ответа Алисы, продолжал еще горячее.

Он шептал, черные, как маслины, глаза сверкали над черной бородищей, колпак сбился на ухо. А Алиса молчала.

Она не случайно молчала. Друг Алисы, комиссар ИнтерГалактической полиции Милодар, с которым она недавно познакомилась, учил: «Никогда не спеши с ответом, ничто не смущает твоего собеседника больше, чем молчание. Он ждет, что ты испугаешься, будешь оправдываться или просить о пощаде. А ты молчишь. И он уже думает: «Наверное, она знает что-то такое, о чем мне знать нельзя. Наверное, она таит такой секрет, от которого мне не поздоровится». Так что побольше молчи, моя девочка, не спеши с ответом».

Астролог тем временем продолжал свою речь:

– Если ты не хочешь со мной разговаривать, то я тебя понимаю. Ты еще толком жить не начала, а мы тебя уже убиваем. Даже стыдно. Да, мне стыдно перед лицом мировой общественности! Я знаю, что все волшебники нашей эпохи меня осудят за то, что я служу такому негодяю, как наш король. Но скажи мне, где мне найти еще такое место?! С таким

жалованьем! И премиями за каждое удачное предсказание?! Где я еще найду короля, который согласится, чтобы я предсказывал задом наперед?

Тут Алиса не удержалась и спросила:

– Как можно предсказывать задом наперед?

– Ах, это мое гениальное изобретение! – Астролог обрадовался, что Алиса с ним заговорила. – Я сказал королю: «У нас Другое королевство?» Он говорит: «Другое». Я спрашиваю: «Значит, у нас все не как у людей?» Он обрадовался и говорит: «Точно! Все не как у людей! Только мы еще мало чего добились. Мы все поворачиваем наоборот, а наши жители, отсталые обыватели, опять все поворачивают в обыкновенность. Поэтому если ты мне что предложишь наоборотного – буду тебе благодарен». Я тогда и предложил королю: делать предсказания наоборот. Предсказывать то, что уже случилось. И никогда не ошибаться!

– Но ведь это называется телевизор! – воскликнула Алиса. – Это последние известия! Новости! Там рассказывают о том, что случилось.

– И не ошибаются? – хитро спросил астролог.

– Время от времени ошибаются.

– А я что говорю! Это происходит оттого, что на телевидении нет настоящих астрологов. Я же предсказываю точно! Если я предсказал, значит, это было! Я, например, твой приезд в наше королевство предсказал через пять минут после того, как ты приехала. Ничего себе точность! А ты как думаешь?

– Какое же это предсказание?

– Глупый ребенок! Я же сказал – это предсказание наоборот! Оно подходит только для Другого королевства. Вот и сейчас я уезжал из города, а от самых ворот приказал стражнику передать королю мое последнее на сегодня предсказание: «Алиса выехала из города через северные ворота».

– А какая же польза королю от ваших предсказаний? – спросила Алиса.

– А такая, что без моего предсказания он никогда бы не догадался, что мы выехали через северные ворота. Думал бы, думал, но не догадался!

– Вы жулик, – сказала Алиса.

– Разумеется, – ответил астролог. – Мы все такие. Но пока не решен главный вопрос – небо твердое или его вообще нет, мы будем пользоваться спросом. А потом нас заменят астрономы. Но от них, как ты понимаешь, пользы мало.

– Совсем не мало! – возразила Алиса. – Астрономы составили карты звездного неба; узнали, сколько от звезды до звезды лететь; узнали, у ка-

кой звезды есть планеты, а какая раскалена настолько, что лучше к ней не летать; узнали, когда комета прилетит и скоро ли метеорит упадет. Астрономы – самые полезные ученые на свете.

– Значит, их уважают?

– Разумеется, их уважают.

– Ну что ж, – подумал вслух астролог Сатурныч, – подойдет время, переучусь на астронома. Тем более что я уже знаю названия всех пяти планет и многих созвездий.

– Планет куда больше чем пять, – сказала Алиса.

Но она не успела объяснить астрологу про планеты, потому что из леса, к которому они подъезжали, донесся страшный вой.

Стражники задрожали, и даже Алисе стало не по себе.

– Что это? – спросила она, хотя догадывалась – что.

– Это смерть твоя! – ответил побледневший астролог. – Это дракон! Это чудовище!

– Послушайте, господин Сатурныч, – сказала Алиса. – Давайте сделаем, как в сказках.

– А как делают в сказках?

– Вы меня оставьте здесь, не отдавайте дракону. А когда вернетесь, скажете королю, что отдали меня чудовищу.

– Еще чего не хватало! – закричал астролог. – Ты толкаешь меня на обман! Как тебе не стыдно.

– Ну что ж, – сказала Алиса, – поехали дальше. Я так понимаю, что дракону все равно, кого есть – меня или вас.

– Ничего подобного! – возразил астролог. – Наш дракон, наше драгоценное и многоуважаемое чудовище кушает только маленьких нежных девочек. Ему их мы сюда и возим. А взрослых мужчин оно и не трогает, зачем ему нас трогать? Мы же жесткие и невкусные!

Последние слова астролог прокричал изо всех сил. Видно, ему очень хотелось, чтобы чудовище услышало.

Но ни звука не донеслось из леса.

Они остановились перед проселком, который отходил от главной дороги и вел вверх, к замку.

– Господин астролог, – произнес один из стражников. – А может, девчонка права?

– В каком смысле?

– Может, оставим ее здесь? Пускай дракон сам ее ищет.

– А потом, когда мы приедем, начнут нас пытать, – возразил Сатурныч. – И один из вас признается в том, что мы нашкодили, не выполнили королевского приказа. Вам тогда головы отрубят, и дело с концом, а что со мной сделают – представить трудно.

Стражники, тяжко вздыхая, направили коней по проселку.

Когда-то это была дорога, по ней могли проезжать повозки и даже кареты, со временем она заросла и кое-где приходилось пробираться сквозь кустарник и мелкую лесную поросль.

Птиц и зверей в этом лесу не было, даже насекомые не жужжали.

Стражники обнажили свои мечи, но, понятное дело, никакой меч не устоит против настоящего дракона.

Деревья смыкали над головами всадников кроны, и потому они ехали в полутьме. Солнце уже зашло за облака, и зелень листвы казалась почти синей.

И тут вой дракона послышался куда ближе, чем раньше – всего в десяти шагах. Казалось, будто он наблюдает за стражниками и вот-вот кинется на них.

Перетрусивший астролог громко запел:

Мы едем и везем с собой подарки.
Подружку для засолки, жарки, варки.
А если хочешь съесть сырой,
То косточки в земле зарой.

Стражники переглянулись и подхватили припев:

Коль скушаешь ее сырой –
Зарой,
Зарой
В земле сырой.

– Противная песня, – сказала Алиса. – И трусливая притом.

– Согласен, – сказал стражник. – И мне она совсем не нравится. Но мы же не от хорошей жизни поем, мы напоминаем его благородию дракону, что лучше есть девочек, чем стражников. – Тут он натянул поводья и остановил коня. – Не знаю, услышал ли нас дракон.

– А если услышал, – сказал второй стражник, – может, и не сообразил. Ведь дракон – все равно что большая лягушка. Можем ли мы ждать от него соображения?

– Не можем, – сказал первый стражник.

– А если господин астролог сомневается, что мы не проговоримся, то мы готовы дать страшную клятву.

Астрологу тоже не хотелось углубляться в лес.

– А какую клятву? – спросил он. Тогда первый стражник поднял руку с мечом и заговорил:

Клянусь, клянусь, клянусь,
Что не проговорюсь
Ни в яме, ни под пыткой,
Ни муравью с улиткой,
Ни в спальне у красотки,
Ни после литра водки.
Клянусь, клянусь, клянусь!

Астролог подумал и сказал:

– А что, неплохая клятва, осмысленная такая, крепкая. Надо будет записать. Чьи слова?

– Слова народные! – ответил первый стражник.

– Вот я и вижу – есть в вашей клятве что-то простое, живительное, от самой земли, даже сеном пахнет.

– Так что, возвращаемся? – спросил первый стражник. – А то, пока вы рассуждаете, дракон уже, может, к нам подкрался.

– А ее нельзя оставлять, – сказал астролог. – Она быстрее нас на дорогу выбежит, тогда-то нам точно головы не сносить.

– А мы ее привяжем, – сказал первый стражник. – Чего нам рисковать?

– Это мысль, – обрадовался астролог. – Чудесная, гуманитарная мысль.

– Какая? – удивился стражник.

– Филологическая, – сказал астролог. – Я некоторые слова забыл – уж очень много я их знаю. Но где-то слышал, что если помощь, то гуманитарная. А мы ведь помогаем девочке?

– Как же вы мне помогаете? – спросила Алиса, которой совершенно не нравилось, что ее собираются привязать.

– Мы тебя привяжем, это не больно, – сказал астролог, слезая с коня. – Ты отдохнешь немного, а то ведь устала верхом ехать. А потом кто-нибудь придет из леса и скушает тебя. Может, дракон, а может быть, тигр. У нас кого только по лесам не водится!

Алиса решила, что не будет их ни о чем просить – они ведь жалости не знают, потому что трусы. Чем человек трусливей, тем он злее к другим. Ему все кажется, что люди вокруг хотят ему зло причинить. Поэтому он спешит сам раньше гадость сделать. От этого подлые хищные животные, такие как шакалы, всегда бандами нападают. По одиночке они боятся.

Стражники спешили. Они привязали Алису к толстому дереву той веревкой, которой были замотаны ее руки.

– Как чудесно! – приговаривал астролог, бегая вокруг. Борода его развевалась от ветра, как черное знамя, лиловый нос блестел, будто намазанный маслом. – И нам хорошо, и тебе, Алисочка, хорошо. Главное, никто не обижен. Ты ведь на нас не обижаешься?

– Обижаюсь, – сказала Алиса.

– А вот это лишнее, мне даже грустно слышать такие обвинения. Мы же что сделали? – точно выполнили королевский приказ: отвезти преступницу Алису в зачарованный лес к заброшенному замку и передать ее дракону. Вот мы и отвезли. Вот мы и передали. Он вот-вот придет.

Астролог проверил, хорошо ли затянута веревка.

– Отлично, – сказал он.

Потом влез на коня, стражники тоже влезли на коней, и астролог крикнул:

– Эй, драконище-чудовище! Твоя жертва ожидает тебя у большого дуба. Спеши, пока какой-нибудь волк не воспользовался.

И, не попрощавшись с Алисой, астролог и стражники поскакали по тропинке, и только был слышен удаляющийся стук копыт... Потом и этот звук пропал.

Наступила тишина, зловещая, страшная тишина зачарованного леса.

Хуже нет, чем быть связанной в лесу.

Руки болят и немеют, хочется нос почесать, а не можешь, по щеке паук бежит, а тебе его не смахнуть, на нос комар сел, а ты его согнать не в состоянии. Нет, лучше умереть, чем терпеть такие мучения.

Вдруг Алиса услышала над головой тихий голосок:

– Ой, я нашла! Я нашла!

Алиса подняла голову.

На толстой ветке над ее головой сидела рыжая белочка.

– Здравствуйте, – сказала ей Алиса.

– Привет. Это вы – Алиса? – спросила белка.

– Да, это я. А ты откуда меня знаешь?

– Герасик прибежал в лес и позвал всех лесных жителей на подмогу. «Отыщите, говорит, Алису. Хоть под землей, хоть на дне моря, хоть на горе». Но храбрую Алису мы должны спасти. А я первой тебя нашла.

– Белочка, – попросила Алиса. – А ты не можешь кого-нибудь позвать, чтобы мне руки развязали?

– Ой, никого здесь нет. Никого из зубастых. Но я сейчас побегу, ты потерпи.

– Белочка, подожди, сгони, пожалуйста, паука с моей щеки и комара с носа. Я тебя умоляю!

– Разумеется! – Белочка спрыгнула с ветки на плечо Алисы и первым делом пристукнула лапкой комара, а вторым делом проглотила паука.

– Теперь беги, – попросила Алиса. – Поищи кого-нибудь.

– Бегу! – Белка прыгнула на ветку, пробежала по ней, перелетела на соседнее дерево и исчезла.

«Как хорошо, – подумала тогда Алиса. – Вот, казалось бы, совсем безнадежная ситуация – но ведь у тебя есть друзья, ты не одна! И как бы тебе ни было плохо, всегда друзья придут на помощь». И ей стало спокойнее. Вот сейчас белка приведет кого-нибудь из зубастых зверей, и Алису освободят. А там уж – бегом через лес! Только ее и видели!

Но раньше, чем зубастые звери, из леса вдруг вышла невесомая бабушка.

Это не значит, что она была какой-нибудь уж слишком маленькой или у нее были крылышки. Нет, бабушка как бабушка, с голубыми и серебряными локонами, чего обычно у бабушек не бывает. На голове маленькая бриллиантовая коронка, которая у королев и волшебниц называется диадемой, платье, искусно сшитое из зеленых листочков и травинок, на ногах плетеные соломенные туфельки отменного изящества.

– Здравствуй, девочка, – сказала бабушка. – Ты попала в неприятную историю. Я постараюсь тебе помочь, но у меня слабые руки, а стражники сделали такие тугие узлы, ты не представляешь!

– Я представляю! – сказала Алиса. – А вы кто, фея?

– Я лесная фея из рода Мелузинов. Ты можешь меня называть госпожа Мелузина или Ваша Легкость.

– Все-таки попробуйте меня развязать, Ваша Легкость, – попросила Алиса. – А вдруг у вас получится?

– Нет, к сожалению, я стара стала и слаба.

– А разве у вас нет волшебной палочки?

– Ой, и не говори! – вдруг рассердилась фея. – Ты откуда знаешь?

В этот момент послышался треск ветвей, одно из деревьев неподалеку с треском свалилось, и на поляну вышел громадный дракон, он же чудовище. И тут Алиса, хоть и сильно перепугалась, догадалась, почему этого дракона некоторые называют чудовищем. Ведь драконы – это большие сухопутные крокодилы с одной или несколькими головами, они покрыты чешуей. Но этот дракон был покрыт шерстью! Неопрятной, спутанной шерстью, в которой застревали палки, сучья и все прочее. А морда была драконьей-крокодильей.

– Ага, ты уже здесь, бабуся! – зарычало чудовище. – Ты что, новую волшебную палку добыла? Не верю! Нет палочки – вали отсюда!

– Извини, Алиса, – сказала фея Мелузина, – я хотела бы тебе помочь, но бессильна.

И бабушка растворилась в листве.

– Ну что ж, – сказало чудовище, разглядывая Алису. Изо рта у него иногда шел дым. Глаза были маленькие, желтые, злобные. – Ну что ж, попробуем, что из тебя получится.

Одним рывком чудовище выдернуло из земли дерево, к которому была привязана Алиса, оторвало веревку от ствола и потопало в гору, волоча Алису за собой.

Глава девятая
В ЗАМКЕ ДРАКОНА

Лес молчал.

Могучие старые ели поднимались по сторонам тропинки.

Алиса скользила по влажной земле и прошлогодним листьям.

– Вы меня слышите? – крикнула она. – Вы можете топать помедленней? Вы же меня задушите!

Дракон сделал вид, что не слышит.

– Ничего себе мужчина! – захрипела Алиса. – Задушить связанную девочку каждый сможет. А вы вот помогите ей, покажите себя настоящим рыцарем.

– Я тебе не рыцарь, – ответил дракон, не оборачиваясь. – Я злобное чудовище, живущее в непроходимом лесу. Ты лучше скажи, почему мне уже вторую неделю никто еды не присылает? Я же всех коз и зайцев в лесу

Одним рывком чудовище оторвало веревку от ствола и потопало в гору, волоча Алису за собой.

перерезал. – Чудовище помолчало и продолжало: – Вчера, или когда это было? Позавчера! В соседнюю деревню забрался, яичек захотелось. Так куры такой шум подняли, что пришлось уйти. Конечно, я мог бы и крестьян передушить, но десяток передушишь, а потом тебя самого пристукнут. Я их знаю – вредный народ.

Чудовище было не очень огромное, встречаются драконы и покрупнее. Даже здесь, в эпохе легенд, жил Змей-Долгожеватель и его подруга Несси. Каждый из них длиной с поезд. А это чудовище так себе, с крупного медведя. Но морда как у крокодила нильского. Такой вполне может человека пополам перекусить... а ему, видите ли, яичек захотелось!

Драконы и чудовища бывают разные. Алиса на них в своей жизни насмотрелась. С раннего детства, можно сказать, росла среди чудовищ. Папа Алисы – директор космического зоопарка в Москве – Космозо. А там живут животные, которых привозят с других планет. В Космозо их изучают, а кроме того, туда ходят посетители и смотрят на чудеса Галактики. Но в Космозо содержат не только животных с других планет, там есть и наши звери, только самые необыкновенные. Когда-то, когда Алиса была совсем маленькой, еще в школу не ходила, палеонтологи, то есть ученые, которые ищут остатки ископаемых животных, при раскопках нашли яйцо динозавра, которое не окаменело, и из него удалось вывести настоящего динозаврика. Его тоже отдали в Космозо.

Этот динозавр рос и рос, пока не занял весь пруд в Космозо. Стал он длиной с поезд. Алиса с ним подружилась, когда он еще был совсем маханьким, с крокодила. Она даже до сих пор катается на нем верхом по пруду. Привыкли они друг к другу.

Так что вообще-то Алиса драконов не боится. Кто такой дракон? Это динозавр, который забыл вымереть, когда вымерли все остальные динозавры. А в эпохе легенд они еще редко, но встречаются. Есть драконы и на других планетах, Алиса их там тоже видела, когда с папой, капитаном Полосковым и механиком Зеленым летала на космическом корабле «Пегас» на поиски редких животных для Космозо. На Паталипутре она была на центральном рынке Галактики, где продают животных. И чего она только там не видела! К тому же надо вам сказать, что Алиса знакома с настоящим морским змеем, который сохранился в глубокой впадине в Тихом океане. А морской змей – это тоже дракон, только подводный. Если вы думаете, что для Алисы вид местного чудовища был чем-то ужасным и непривычным, то ошибаетесь.

Правда, здешнее чудовище было довольно странным. Оно вело себя не по-драконьи. Дикий дракон, как видит добычу, сразу на нее кидается и пожирает – чего Алиса и боялась. А этот вместо того, чтобы кидаться, тащит ее в замок. И к тому же ругается с феей. Больше всего похоже на то, что он настолько давно живет рядом с людьми, что привык к ним, вмешивается в их дела, а девушек или козочек на съедение ему присылают из города.

Спросить его об этом?

Нет, не стоит. Еще неправильно поймет и вместо того, чтобы тащить в гости, сожрет на месте. Только тебя, Алисочка, и видели!

Алиса заметила, что дракон идет помедленнее. Может быть, в его холодном сердце шевельнулась жалость к жертве?

Но тут дракон сам все объяснил:

– Ты только, пожалуйста, не воображай, что я из-за тебя так медленно шагаю. Я так шагаю оттого, что устал. Я рожден ходить по ровным местам, а не в горы карабкаться. Так что не воображай.

– А я и не воображаю.

Деревья расступились на небольшой площадке перед замком. Поляна поросла густой зеленой травой, из которой поднимались белые одуванчики. Когда Алиса задела один из них, он не осыпался, а уколол ее. Это были не одуванчики, а колючки, похожие на одуванчики, – видно, так уж повелось в Другом королевстве.

Замок был, как и положено, квадратный, с четырьмя башнями по углам и одной, самой высокой, в центре. Алиса знала, что эта башня зовется донжон.

В стене перед ними зияла арка входа с поднятой железной решеткой. Несколько бревен заменяли мост, который когда-то вел через ров. Но ров зарос крапивой, воды в нем давно не было.

Чудовище протащило Алису во двор замка. Там было пусто и скучно. Между камней, которыми был вымощен двор, росли лопухи, колючие одуванчики и сирень, пахнувшая почему-то рыбой.

Не отпуская веревки, на которой чудовище вело Алису, словно собачонку, оно протянуло когтистую лапищу и опустило решетку.

– Все, – сказало чудовище. – Отсюда тебе не выбраться.

– Тогда веревку отпустите, – сказала Алиса. – Чего вам бояться?

– А я вообще никого и ничего не боюсь! – ответило чудовище. – Мне ни волк, ни медведь не страшны. Я как-то крокодила растерзал – он и пискнуть не успел. Меня многие боятся.

С этими словами чудовище кинуло веревку на землю.

– Пожалуйста, – вежливо попросила Алиса, – развяжите мне руки. А то они скоро отвалятся.

– Нет, – сказало чудовище, – так надежнее. А ты пока привыкай, осваивайся, чувствуй себя как дома.

– Тогда лучше ешьте меня сразу, – сказала Алиса. – Какой вам смысл кушать безрукую девочку?

– Ну что ты вечно со своими капризами! – обиделось чудовище. – Я устал, в гору поднимался. У меня один хвост полтонны весит. Почему никто меня не хочет пожалеть?

– А вы кого-нибудь жалеете?

– Но ведь я чудовище, меня таким сделали. Я злобный дракон. Как ты можешь ждать от меня жалости?

– Тогда не ждите жалости от людей.

– А ну кончайте мучить ребенка! – раздался крик.

Алиса подняла голову. На башне донжон сидела ворона Дурында.

– Стоит мне отлететь на минутку, и уже все вверх ногами в нашем королевстве, – проскрипела птица.

– Ах, это ты! – недовольно произнесло чудовище. – Тебя еще не хватало.

– Дракоша, опомнись! – закричала Дурында. – Это твой последний шанс исправиться! У тебя репутация самого злобного и хищного существа во всей эпохе легенд. Ты этого хочешь?

– Я этого не хочу. Я хочу кушать. А говорят, что эту девчонку мне есть нельзя.

– Почему нельзя? Очень даже можно, – ответила Дурында. – Я сама бы ее съела, если бы клюв был пошире. Но сначала испытаем другие способы. Ясно?

– А что же я есть буду? – спросило чудовище. – Я тут на днях в деревню пошел, хотел яичками разжиться, так мне крестьяне чуть брюхо вилами не проткнули.

– А у тебя в подвале мешок муки есть, – сказала Дурында. – Я знаю. И масла горшок.

– Ну и что? – спросило чудовище.

– А то, что блинов можно напечь на целый полк драконов.

– Охота была блинами питаться! – обиделся дракон. – Я же хищник смелого полета. Могла бы чего-нибудь принести.

– Да принесла, принесла, ты только на девочку сразу не кидайся!

Дурында толкнула лапой с башни что-то круглое, как большая красная баранка.

Эта баранка шмякнулась на камни у ног дракона.

Тот втянул воздух громадными вывороченными ноздрями и сказал:

– Вот это другое дело.

Алиса поняла, что Дурында притащила круг колбасы.

Чудовище высунуло красный язык и слизнуло колбасу, захлопнуло пасть и замерло, зажмурившись. Потом сглотнуло, открыло глаза и сказало:

– Славно.

Подняло морду кверху и спросило:

– А где вторая колбаса?

– На закуску блины.

– Не хочу.

– Ящерица ты неблагодарная! – крикнула Дурында. – Я жалею, что тебе колбасу тащила. Чуть не надорвалась.

– А кто мне блины спечет? – спросил дракон.

– Твоя пленница, Алисочка, – сказала Дурында. – Она и на тебя и на себя спечет. Она девочка хорошая, хозяйственная.

– А я думал...

– Ничего ты, дорогой, не думал. Не для того у тебя головка. Веди Алису на кухню, пускай трудится.

– Он мне до сих пор руки не развязал, – пожаловалась Алиса вороне. – Я скоро от боли умру.

– Ну и мерзавец! – возмутилась птица. – Ты как же обращаешься с нашей гостьей из двадцать первого века, с заграничной принцессой? Ты забыл, на каких условиях ты ее получил?

– Ладно уж, – сказал дракон.

Он принялся распутывать узлы, когти скользили, ничего не получалось, чудовище дергало, злилось и еще туже затягивало их. Дурында летала вокруг и кричала, чтобы дракон был поосторожнее, а то она ему глаза выклюет. Наконец дракону удалось разорвать веревку, и Алиса не сразу смогла поднять руки. Она их сначала терла одну о другую, потом, когда пальцы ожили, принялась растирать кисти, особенно пострадавшие от веревок.

Чудовище и Дурында о чем-то негромко разговаривали, но Алиса этому не удивилась – в эпоху легенд сказочные существа любили поговорить, она и не прислушивалась.

Вдруг чудовище прервало разговор с вороной и спросило:

– Ну как, Алиса, ты пришла в себя?

– Погодите еще.

– Некогда годить, – сказал дракон. – Пошли на кухню, будешь свой хлеб отрабатывать.

– А мне ничего не нужно отрабатывать. Я хочу только одного – чтобы меня отпустили. Мне домой пора, мама с папой волнуются.

– Вот видишь, – сказала Дурында, – папа с мамой волнуются, а ты, бессовестная, за мальчишкой в нашу эпоху помчалась. Не нужна такая дочка твоим папе и маме. И правильно сделает дракон, если тебя сожрет, как всех других сожрал. И есть у тебя только один выход...

– Какой? – спросила Алиса.

– А вот поджаришь блины, накормишь несчастное животное, сама перекусишь, тогда и будете выяснять отношения.

Ну что ты будешь делать? Вся надежда на то, что белочка расскажет Герасику, куда задевалась Алиса; что фея не забудет; что друзья не оставят в беде. Так что надо тянуть время, и если дракон будет сыт, зачем ему питаться Алисой?

Видно, дракон угадал ее мысли, потому что вдруг сказал:

– И чего девочку на блины тратить? Давай скушаем ее.

– Без шуток! – прикрикнула на дракона птица Дурында. – А ну, пошли на кухню!

Вслед за драконом Алиса спустилась по каменной лестнице на кухню, которая занимала подвал в одной из башен. Там находилась большая плита, возле которой грудой были свалены поленья, в углу стояли мешки с мукой да горшки с маслом. На плите было много котлов, кастрюль и две сковородки.

Чудовище, которое еле пролезло в дверь, уселось на пол, принялось обмахиваться чешуйчатым на конце хвостом.

– Воздух здесь, – сказало чудовище, – тоскливый.

Дурында не стала залетать на кухню и исчезла.

– А где колодец? – спросила Алиса. – Мне вода нужна.

– Колодец снаружи, – сказало чудовище.

– Возьмите ведро и принесите воды, – велела Алиса.

– Еще чего не хватало! Мне еще никто не приказывал! – возмутился дракон. – Да я тебя сейчас растерзаю!

– И останетесь без блинов.

– И чего девочку на блины тратить? Давай скушаем ее.

– Эти блины подлая Дурында придумала, а я и девичьими котлетками обойдусь.

Тут чудовище громко расхохоталось и от смеха стало чесать когтями свое меховое пузо.

– Я сама принесу воды, – сказала Алиса.

– Ладно уж, трудись, – сказало чудовище. – Я пошел. Какое ведро взять?

– Вот это вроде чистое. Но вы его еще помойте.

– Нет, – ответило чудовище, – принести – куда ни шло, а вот чтобы мыть, не драконье это дело.

– Вы мне уже надоели, – сказала Алиса. – Я вам в поварихи не нанималась.

– Ты мне на ужин нанималась, – весело ответило чудовище и отправилось наружу с пустым ведром.

Дракона долго не было, Алиса заинтересовалась: что он там делает? Оказалось, стоит возле круглого каменного колодца и моет ведро своей когтистой лапой. Зрелище было, скажу вам, просто уморительное. Чтобы дракон мыл ведро!

Алиса тихонько спустилась обратно на кухню и стала ждать дракона.

Он появился минут через пять с полным ведром.

– А вымыли вы ведро? – вежливо спросила Алиса.

– Еще чего не хватало! – откликнулся дракон.

– Тогда я примусь за дело... кстати, у вас нет зажигалки?

– Чего-чего?

– Зажигалки или спичек. Чем мы будем огонь зажигать?

– Ну да, конечно, надо зажигать, – согласился дракон. Он был растерян. – Ума не приложу, – сказал он. – Но очень блинов хочется.

– Простите, – сказала Алиса. – Но вы ведь настоящий дракон?

– Еще какой настоящий!

– Тогда вы можете дыхнуть огнем в печку?

– Кстати, а почему бы и нет? – воскликнул дракон.

Он так обрадовался, что начал махать хвостом, и Алисе пришлось попросить его держать себя в руках, так можно всю кухню разгромить.

Алиса сложила полешки в печке и отошла в сторону.

– Эх, была не была! – закричал вдруг дракон и дыхнул огнем в печку.

Видно, температура пламени была такой высокой, что дрова сразу вспыхнули.

– Здорово, правда? – спросил дракон совсем по-мальчишески. Видно, он был не безнадежен.

Алиса как-то сразу успокоилась. Раз мы занялись блинами, наверное, не будем пока пожирать девочек.

Алиса развела муку водой, намазала сковородку маслом и стала печь блины. Блины шкворчали, румянились, в плите пылало пламя, пахло так вкусно, что дракон, хоть и был по специальности людоедом, стал облизываться и покрикивать на Алису:

– Ну сколько можно ждать! Ты что, спать здесь собралась?

– Попрошу без хамства и оскорблений, – сказала Алиса. – Тот, кто будет так себя вести, останется вообще без блинов.

Потом Алиса пошуровала по полкам и отыскала нетронутый пакет с чаем. Только вот сладкого ничего не было.

Алиса вскипятила чай, блины легли целой горой, и гора, наверное, была бы вдвое больше, если бы не этот недисциплинированный дракон, который без стыда и совести воровал блины, пока она их жарила.

Впрочем, Алиса столько нажарила блинов, что даже дракон наелся до отвала.

Спасибо он ей, конечно, не сказал – ни одно чудовище никогда вас не поблагодарит, учтите. Но похвалил Дурынду.

– Неглупая птица, а ты как думаешь? – спросил он.

– Странная птица, – ответила Алиса. – Не пойму я, чего она хочет, кому она служит.

– Хочет богатства, – сказал дракон, – а служит тому, кто больше заплатит.

– А кто ей сейчас больше всех платит? – спросила Алиса.

– Королева Другого королевства, неужели не догадалась?

– Ну как мне догадаться!

Дракон достал из поленницы щепку и стал ковырять в зубах.

– Ты вообще-то не производишь впечатления образованной, – сказал он, – но ведь девчонкам и не нужно быть образованными.

– Почему? – удивилась Алиса. – Мне это никогда не мешало.

– Ты что, и читать умеешь?

– На шестнадцати языках, – сказала Алиса.

– И считать умеешь?

– Нет проблем.

– Нравишься ты мне, – сказало чудовище, – хоть у тебя много недостатков, образование в первую очередь. Жаль, что придется тебя растерзать.

– А это так необходимо? – спросила Алиса.

Было тепло, уютно, в плите еще горел огонь, Алису тянуло в сон.

– А ты видишь какой-нибудь другой выход? – спросил дракон. И голос его странно прозвучал, будто он ждал от Алисы какого-нибудь особенного ответа.

– Конечно, вижу: вы отпустите меня домой, а я вам присылаю поздравительную открытку к Новому году.

– Смешно, – сказал дракон. Он протянул свою лапу Алисе и дотронулся до ее руки.

Алиса непроизвольно отпрянула – так ей было неприятно это прикосновение.

– Вот видишь, – сказало чудовище. – Никакой дружбы у нас не получится.

– Простите, – сказала Алиса. – Но разве обязательно меня хватать руками?

– Или хватать, или кушать, – ответил дракон, и, как показалось Алисе, голос его звучал печально.

– Дикие нравы, – сказала Алиса.

– Какие есть. А ты подумай, подумай. Ведь я, в принципе, неплохой, мы с тобой блины ели, я даже ведро вымыл. Ну почему бы тебе меня не приласкать?

– Как так приласкать?

– Поцеловать, погладить, сказать: «Ах ты, мой пушистенький, ах ты, мой пышненький!»

– Перестаньте шутить, дракон, – строго сказала Алиса. – Это исключено.

– И почему же исключено?

– А потому что я не могу сделать того, что мне противно.

Эти слова дракону не понравились.

Чудовище поднялось на задние лапы и так стукнуло кулаком по дубовому столу, что он чуть не сломался.

– Проклятье! – зарычало оно. – Проклятье! Почему под оболочкой ящера ты не можешь разглядеть тонкую душу? Почему ты оказалась такой же дурочкой, как и все принцессы, княжны, графинечки и поселяночки, которых мне пришлось сожрать?

– Как так сожрать? Разве вы их не в переносном смысле едите?

Алиса сказала это не потому, что так думала, а потому, что надеялась – вдруг дракон шутит?

Нет, он не шутил.

– Пошли, – сказал дракон и, не оборачиваясь, направился к двери. – Надо тебе что-то показать.

Алиса покорно поднялась и последовала за ним.

Чудовище вышло во двор замка, пересекло его, открыло дверь в донжон и вошло внутрь. Затем оно спустилось по каменным ступенькам в полуподвальное помещение и раскрыло железную дверь.

– Смотри, глупое существо, – сказал дракон.

Алисе не хотелось туда глядеть. Она уже поняла, что ничего хорошего не увидит.

Но чудовище нависало, как низкий потолок темной пещеры.

Пришлось заглянуть внутрь.

Полуподвал освещался только из окошка под самым потолком.

Через все помещение на высоте Алисиного роста тянулась длинная полка. На ней на плечиках висели девичьи платьица.

Там были платья принцесс – до самого пола, сарафаны крестьянок, лохмотья нищенок из серой дерюжки, яркий костюм уличной акробатки, цветастая юбка девочки-цыганки... На каменном полу под выставкой платьев стояли парами, а то и по штучке – туфли, туфельки, башмаки, лапти, валялись чулочки, носочки и всякие мелкие детали туалета, такие как носовые платки, или заколки для волос, или бантики.

Глухой голос чудовища проникал прямо в сердце Алисы.

– Это все, что от них осталось, – произнесло чудовище. – Это то, что я не стал есть.

– А остальное... а этих девушек вы съели?

– И они сами в этом виноваты. У меня к каждой из них была только одна просьба... ма-а-аленькая просьба. И ни одна не захотела ее выполнить добровольно. Ни одна!

– Что за просьба? – спросила Алиса.

– Скоро узнаешь. И тогда твоя судьба тоже решится.

«Какая же ужасная просьба, – подумала Алиса, – если эти девушки и девочки предпочли смерть!»

– Здесь было четыре принцессы, две маленькие княжны, несколько графинь и баронесс, одна маркиза, но она была почти взрослая, цыганские гадалки, арабские бродяжки, двадцать три крестьянки и три доярки, не считая просто девочек без занятий... И вот она!

Дракон поднял с пола хрустальный башмачок!

– Но как вы могли!

– Я – чудовище, и этим все сказано, – ответил дракон. – Пошли наверх.

Темнело, над замком неслись серые тучи.

Сзади послышалось шумное дыхание дракона.

– Я не хотел этого, – сказал он. – Честное слово. Это мне не радость, а сплошное наказание.

– А для них? – спросила Алиса.

– Им уже все равно, – сказал дракон.

Через все помещение на высоте Алисиного роста тянулась длинная полка. На ней на плечиках висели девичьи платьица.

Алиса обернулась к нему.

Да, это было отвратительное чудовище. И оно еще оказалось убийцей!

– Все драконы убивают людей, – сказало чудовище.

– Но ведь не девочек!

– А чем девочки лучше мальчиков? – спросил дракон.

Алиса не нашла слов. О, как она его ненавидела!

Дракон сделал шаг к ней, но Алиса даже не отступила, не убежала. Ей было все равно.

– Можно, я тебе скажу правду? – спросил он.

– Мне все равно.

Дракон сел на хвост и стал похож на мохнатого кенгуру с длинной крокодильей мордой.

– Я не всегда был драконом, – сказал он. – Я заколдован.

– Мне и это все равно.

– Меня заколдовала та паршивая старая фея, которую ты видела в лесу у холма.

Алиса не смотрела на чудовище.

– Я могу вернуться в прежнее состояние и снова стать прекрасным принцем, только если какая-нибудь девушка добровольно меня поцелует.

Глава десятая
«Я ПРОШУ ТЕБЯ, АЛИСА!»

Алиса поглядела на чудовище.

Зеленая крокодилья морда, слюна капает с желтых клыков, из ноздрей тянется черный дымок. А над мордой – бывает же такое! – торчат волчьи уши, из которых растут волосы. Само тело чудовища покрыто грязной, зеленоватого цвета шерстью, такой жесткой, словно она состоит из иголок. Передние лапы небольшие, но с огромными когтями, а задние – могучие, да еще толстый хвост, – вы такое видали?

– Да, – сказала Алиса, – я их понимаю.

– Кого понимаешь? – грозно спросило чудовище.

– Девушек, которых ты сожрал.

– Ну неужели так трудно сделать доброе дело? – взревело чудовище. – Неужели тебе не жалко прекрасного принца, засунутого в эту шкуру. Ты что думаешь, мне самому приятно ходить в таком виде? Да я когда-нибудь эту фею на куски разорву.

– Пока что не разорвал, – заметила Алиса.

– А как ее разорвать? Она же волшебница! Я тяну к ней лапу, а лапа немеет! О, горе мне, горе!

– Но что случилось? Почему так произошло? – спросила Алиса.

– Со временем, может быть, узнаешь, – сказало чудовище. – Рано тебе еще знать.

– Не хочешь – не надо.

– А мне говорили, что ты – добрая, – сказало чудовище печально.

У него даже тон изменился, словно вдруг воздух выпустили.

– Кто говорил? – спросила Алиса.

Дракон повернулся и побрел прочь. Его толстый хвост волочился по камням двора, и когти постукивали по ним.

«Нет, не буду его жалеть, – сказала себе Алиса. – Он все равно отвратительный изверг и людоед».

Чудовище ушло в башню, в которой находилась кухня, и захлопнуло за собой дубовую дверь. Башня даже зашаталась, хоть и была сложена из каменных глыб.

Нет, с таким не справишься.

Алиса подошла к решетке. За ней виднелся лес. В вечернем свете ели казались совсем черными.

«Кто же рассказывал чудовищу обо мне? – подумала Алиса. И тут же догадалась: конечно же, птица Дурында. – Странная она – с одной стороны, предупредила о несчастном Герасике и как бы помогла его спасти. С другой стороны, носится, кричит как оглашенная, то с министром добрых дел, то с чудовищем крутится – всех знает, всюду поспевает! А зачем она обо мне рассказывала чудовищу?»

Алиса попробовала решетку – нет, прутья толстые, их и богатырь не согнет. Может, забраться на стену? А потом что? Прыгать вниз? Костей не соберешь.

Надо идти спать. А то в полной темноте не найдешь себе удобного места.

Как бы отыскать такую спальню, куда чудовище не доберется? А то еще проголодается ночью и решит тебя сожрать! Хорошо бы дожить до утра, а там, может, и помощь придет.

Поднялся ветер. Он задувал между зубцов стен, завивался вьюном, залезал во двор крепости. Он был холодный, словно прилетел с Северного полюса. Впрочем, там оно и было – надвигался ледниковый период,

эпоха легенд подходила к концу. И вместе с ней исчезнут все волшебники и драконы. И начнется нормальная, вовсе не сказочная жизнь.

Алиса заглянула во все башни по очереди, кроме той, где скрылся дракон. В двух башнях ничего не было – просто голый пол и труба потолще фабричной, внутри которой ты стоишь.

А вот в третьей Алиса увидела деревянную лестницу, узенькую, шаткую, которая вела на помост.

Алиса поднялась по ней. Это был второй этаж башни, тут были пробиты узкие бойницы, а на помосте, видно, стояли защитники замка. В других башнях эти помосты сгнили, а здесь остался. На помосте валялась солома, словно здесь уже кто-то спал раньше. Но накрыться было нечем.

Сквозь бойницы в башню вливался синий вечерний свет, но его было так мало, что Алиса устраивалась спать ощупью. Она старалась не шуметь, надеясь, что чудовище не отыщет, где она затаилась, и не явится ее кушать.

Очень хотелось спать – день выдался длинный и утомительный, Алиса сильно устала, да еще не удержалась и за компанию с чудовищем наелась блинов... Она лежала, смотрела, как луна медленно вплывает в бойницу...

И заснула.

Очнулась она от тихого голоса.

– Алиса, – произнес голос. – Ты не спишь?

– Сплю. – Алиса с трудом открыла глаза.

Темнота, хоть глаз выколи, только за бойницами яркие звезды.

И не поймешь, кто же забрался к ней в башню.

– Алиса, не спи, – произнес тихий голос. Он был хрипловатым и каким-то надтреснутым. Знакомый голос. – Алиса, ты должна, обязана поцеловать чудовище.

– Этого еще не хватало! – ответила Алиса. Но тоже тихо, ночь была такая беззвучная, что каждое слово разносилось по Вселенной до самых звезд.

– Ты должна, иначе погибнешь, – продолжал голос. – Подумай о своей маме. Каково ей будет, когда расскажут, что ее дочь Алиса погибла в желудке какого-то дракона только потому, что ей не хотелось об него губки испачкать.

– А кто это говорит?

– Доброжелатель, – отозвался голос.

Сейчас бы спичку или хотя бы светлячка! Кто этот доброжелатель?

– Лучше бы вы мне помогли отсюда бежать, – прошептала Алиса. – Я не останусь в долгу. Мои друзья вам будут благодарны.

– Знаю я твоих друзей! – еще громче заговорил доброжелатель, и тут Алиса догадалась: это же Дурында.

И расстроилась. От Дурынды какая польза?

– Дурында, – сказала Алиса, – ну что тебе не спится! И мне мешаешь. Летела бы к себе домой!

– Ах, я не Дурында, – ответила ворона. – Я доброжелатель. Я тайный доброжелатель!

Она захлопала крыльями и полетела к бойнице. На несколько секунд звездное небо пропало – это ворона протискивалась в узкое отверстие, потом в бойнице снова загорелись звезды.

Алиса вздохнула и попыталась снова заснуть.

Но разве тут заснешь? Проклятая ворона весь сон разогнала. Ну что ей нужно? Неужели ей чудовище что-то обещало за помощь?

Алиса лежала, глядя на полоску звезд, и думала:

«А ведь чудовище тоже несчастное существо. Даже если оно очень плохое. Но ведь до того, как принц стал драконом, он же не ел девушек? Наверное, скакал на коне, ездил на охоту, сражался на мечах, как и положено принцу. А теперь мучается... Нет, – возразила она сама себе. – Даже если тебе очень плохо, это не основание, чтобы есть невинных девочек. Найдется на него свой Тесей!»

Это Алиса вспомнила древнюю греческую легенду. В ней рассказывается о том, как на острове Крит у царицы родился ребенок с бычьей головой. Ну, родителям, конечно, стыдно с таким по улице гулять, и они

построили для него лабиринт. То есть дом с такими запутанными коридорами, что там в два счета можно заблудиться. И потом уже не выберешься. Отвела мама своего сынка, которого назвали Минотавром, в этот лабиринт и оставила там, в темноте и тесноте. Минотавр кричал ей вслед: «Мамочка, не оставляй меня здесь!» А мама отвечала: «Так надо, сынок, папа велел!» И сама тоже плакала. Но как ты будешь кормить Минотавра, если никто из слуг не хочет носить туда пищу! И тогда царь придумал – он стал брать дань с подвластных ему стран молодыми девушками. Каждая страна собирала ему целый класс девочек, и их везли на Крит. Чем хороши живые девочки? Они же не портятся, как другие продукты! И вот раз в месяц, а может, раз в неделю в лабиринт запускали по девице. Девицы бродили по кривым коридорам и в результате забредали в центр, где в своих темных покоях обитал бык. Он стал гигантским и сильным чудовищем. Правда, он привык иметь дело только с маленькими девушками, и никто не мог проверить, насколько он силен на самом деле.

Однажды греческий герой Тесей решил покончить с этим безобразием. Хватит пожирать невинные создания. Тоже мне, любитель нашелся! Тесей сел на корабль, который вез на Крит несчастных девушек, приехал на остров и, пока готовили первую девушку, чтобы отдать ее Минотавру, подружился с Ариадной, сестренкой Минотавра, правда, с человеческой головой. И рассказал ей, что хочет навести порядок на острове. Ариадна была девушкой разумной. Она сказала герою: «Может, ты моего братишку и одолеешь. Но, к сожалению, лабиринт устроен так, что выбраться из него нельзя. И сделано это для того, чтобы сам Минотавр не вырвался наружу и не начал все крушить. Возьми-ка ты клубок, прикрепи кончик нитки у входа и, пока будешь искать моего брата в лабиринте, разматывай нитку». «А когда я пойду обратно, я буду наматывать ее на клубок!» – догадался Тесей. После этого он вежливо попросил разрешения у родителей Минотавра заглянуть в лабиринт. «Иди, – сказал царь, – шансов у тебя нет, но попытайся. Хоть он нам и сын, в чем есть большие сомнения, нам тоже стыдно перед культурными соседями, что мы своего сына девушками кормим».

Тесей забрался в лабиринт, отыскал там Минотавра, и тот, хоть и был чудовищем с бычьей головой, ничем не был вооружен, а Тесей заявился к нему в полном вооружении, а латах, в панцире, в шлеме с перьями и с острым мечом. Так что Минотавр рычал, рычал, а поделать ничего не мог. Тут его и зарезали.

Потом Тесей по ниточке, которую дала Ариадна, вернулся наружу и сказал, что с Минотавром покончено. Девушки прыгали от радости, у соседей начались праздники, а родители Минотавра все-таки расстроились. Хоть и урод – но сын!

Некоторые злопыхатели говорят, что Тесей никакого Минотавра не убивал. А история эта произошла так: вошел Тесей в лабиринт, закрыл за собой дверь, лег на пол и заснул. Через три часа проснулся и кричит: «Открывайте дверь, я Минотавра зарезал!» Дверь открыли, и Тесей вышел наружу. И сказал: «Если у вас есть какие-нибудь сомнения, то прошу, зайдите внутрь, проверьте, живой он или мертвый».

И что удивительно – не нашлось никого, кто захотел бы проверить слова Тесея. А Минотавр умер от голода, ведь ему больше девушек не присылали.

Алиса подумала: как история с Минотавром похожа на ее историю! Может, это чудовище и есть Минотавр, может быть, легенда о Минотавре и родилась из-за этого чудовища?

А потом она подумала вот о чем: когда она была маленькой, бабушка рассказывала ей сказку «Аленький цветочек». В той сказке говорилось о девочке, которая попала в замок к чудовищу. А чудовище было заколдованным принцем. Эта девушка постепенно привыкла к чудовищу, и оно уже не казалось ей таким отвратительным, как вначале. Она его поцеловала... поцеловала или замуж вышла? Не важно! Поцеловала, и тогда чудовище превратилось в прекрасного принца, и они стали жить-поживать и добра наживать...

Что ж, эта сказка тоже похожа на правду, только кое в чем она отличается. То чудовище, из сказки «Аленький цветочек», других девушек не убивало. А наше-то – настоящий людоед!

Незаметно Алиса уснула.

Но снова проснулась от того, что ее кто-то звал.

– Алиса, – произнес тихий голос, – Алиса, проснись и послушай меня!

Нет, это уже не Дурында! Голос был немного знаком, но спросонья угадать его оказалось невозможно.

– Ну, кто там еще? – недовольно спросила Алиса.

– Твой друг, – ответил голос.

– Что вам нужно?

– Мне нужно, чтобы ты поцеловала чудовище.

– Еще чего не хватало!

– Алиса, послушай, это недолго. Чмокнула губами и готово! Я прошу тебя об этом от имени безутешных родителей принца! Сделай такой пустячок, и всем будет приятно. К сожалению, я не могу предложить тебе ничего за поцелуй, потому что по условию колдовства девушка должна поцеловать чудовище совершенно бескорыстно, с открытыми глазами.

– Даже не зажмуриваясь? – удивилась Алиса.

– Ни в коем случае нельзя зажмуриваться!

– Скажите, а ваше чудовище случайно не Минотавр?

– Еще чего не хватало! Наш принц всем хорош – это просто красавец, а не мальчик!

– Может быть, я и пошла бы вам навстречу, – сказала Алиса, – потому что понимаю, каково может быть его родителям; но когда он стал похваляться передо мной трофеями, я поняла: никогда!

– Какими трофеями? – послышался голос.

– Которые он снял с убитых девочек. Платьями, туфлями и трусиками.

– Но это же необходимость! Не в трусиках же их жевать! – произнес голос.

– А вы кто такой? Почему вы так переживаете?

– Я много лет дружу с королевой, – ответил голос. – Ее желания – мои желания. Пожалейте мать!

– Я не буду вас больше слушать, если вы не признаетесь, кто вы такой! – сказала Алиса.

– Я министр добрых дел Другого королевства, – прошептал голос. – Только умоляю – никто не должен знать, что я здесь был.

– А разве вы живой? – удивилась Алиса. – Я была уверена, что вы прыгнули в колодец. Так Охран-паша говорил королю.

– Правильно. Но дело в том, что тот колодец давно высох, а на дно я тюк ваты положил. Как только дела мои при дворе идут плохо или мне грозит какая-нибудь казнь (у нас с этим просто: казнить – все равно, что пальчиком погрозить), я сразу на глазах у всех кидаюсь в колодец. А ночью по веревочной лестнице вылезаю. И некоторое время скрываюсь у королевы или у дамы Марьяны, которая, кстати, приходится мне сестрой.

– Значит, чудовище – это принц Другого королевства?

– Не совсем так, – поправил Алису министр добрых дел, – он сын ее величества королевы Лины Теодоровны от первого брака. Но в любом случае он самый настоящий принц! Теперь ты его поцелуешь?

– Все равно не поцелую!

– Но, Алиса, ты же наша последняя надежда!

– И не мечтайте! Я вообще с убийцами не целуюсь!

– О горе, горе! – воскликнул министр добрых дел. – Что я скажу несчастной матери!

– Уходите и не мешайте мне спать, – сказала Алиса. – Уже скоро утро.

И в самом деле, за бойницей начинался рассвет – потихоньку синело небо, и звезды гасли одна за другой.

– Ой-ой-ой, – сказал министр. – Придется тебя кушать.

– И не мечтайте, господин министр! – послышался другой, женский голос. – Ничего у вас не выйдет, пока я здесь!

– Кто это? Кто это? Неужели это ты, Мелузина?

– Она самая, собственной персоной. Покинь сейчас же замок и не мешай сказке развиваться естественным путем, иначе я тебя тоже заколдую...

– Умоляю! Не надо! Ой, щекотно! Я ухожу!

Алисе было слышно, как по каменным плитам двора стучат шаги убегающего министра. Потом заскрипела решетка – видно, он смог ее открыть.

«Сейчас бы самое время убежать следом за министром, – подумала Алиса. – И тем более что фея зашла... фея...»

Но что ты будешь делать... Она снова заснула.

И проснулась окончательно, когда луч солнца, пронзив бойницу, влетел в башню и ударил Алисе в лицо.

Она открыла глаза, потом зажмурилась и вскочила.

От соломы поднялась пыль. Алиса чихнула.

В башне было светло. Пылинки летали в солнечном луче.

И она подумала: «Ну и глупая сказка мне приснилась! С гадкими чудовищами и королевскими предательствами!»

Глава одиннадцатая
СКАЗОЧНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Алиса потянулась, прогнала остатки сна и поняла: после ночи на соломе надо бежать приводить себя в порядок и мыться.

Она подошла к краю помоста. Возле деревянной лесенки, ведущей вниз, валялись черная шляпа с трехглавым орлом и вырезанный из шелка глаз – видно, министр добрых дел потерял.

Эти вещи сразу испортили Алисе настроение. Они напомнили о вчерашних событиях.

Осторожно, стараясь не шуметь, Алиса спустилась по лестнице.

Потом подошла к выходу. Все тихо.

Она открыла дверь, ступила во двор и увидела...

Нет, лучше бы она не просыпалась!

Вчера в сумерках чудовище казалось не настолько отвратительным, как при солнечном свете.

Алисе захотелось закрыть глаза и никогда не открывать их снова.

Она вся сжалась! Сейчас чудовище кинется на нее и начнет целоваться!

– Доброе утро, – сказало чудовище. – Как ты спала?

Алиса открыла глаза. Чудовище не двигалось с места.

– Я спала ужасно, – сказала Алиса. – Просто ужасно! Меня все время будили ваши адвокаты!

– Кто?

– Адвокаты! Это такие люди, которые защищают преступников в суде, говорят про них всякие хорошие слова, чтобы их не посадили в тюрьму.

– Ах, как интересно! – сказало чудовище. – Я никогда не слышал о такой специальности. У нас в королевстве отлично обходятся без этих самых... адвокадов!

– Не адвокадов, а адвокатов! – поправила дракона Алиса. – И вообще, я вас попрошу, отойдите в сторонку, мне надо в туалет и помыться!

– Может, сначала поцелуешь? – спросило чудовище.

Без злобы спросило и без особой надежды.

– Я должна повторять? – строго спросила Алиса.

Хоть ей и было противно с ним разговаривать, но она уже перестала его бояться.

Чудовище поднялось, поджало громадный толстый хвост и отошло в сторону.

– Идите на кухню, – велела Алиса, – принесите воды, разожгите огонь в плите и поставьте кастрюлю с водой.

– Хорошо, – сказал дракон и послушно ушел на кухню.

Алиса привела себя в порядок, умылась, вычистила черный пажеский костюм, в который все еще была одета.

Когда она пришла на кухню, чудовище сидело у плиты, занимая половину обширной комнаты.

– А что на завтрак? – спросило оно.

– Я там видела мешочек с манной крупой, – сказала Алиса. – Будем есть манную кашу на воде.

– Да ты с ума сошла! Меня этой проклятой манной кашей все детство кормили. Я ее ненавижу! Лучше я останусь на всю жизнь чудовищем, чем съем еще хоть тарелку манной каши.

– Ну ладно, – сказала Алиса, – я сама ее поем.

– А может, блинчиков сделаешь? – спросил дракон подлизучим голосом.

– Ладно, может, блинчиков, – согласилась Алиса. Она не хотела делать ничего хорошего для этого злодея, но нечаянно язык сам сказал то, что Алиса ему говорить не велела.

– Конечно, я мог бы тебя съесть. Девочки лучше всего годятся на завтрак, – сказал дракон, усаживаясь поудобней в ожидании завтрака. – Я обычно весь вечер и всю ночь уговариваю целоваться, а с утра пожираю. Такая у меня система.

– На каждого Минотавра найдется свой Тесей, – сказала Алиса.

Но принц ее не понял. Он взял большую деревянную ложку и возил ею по столу. Дикое зрелище!

– Ну что ж, ешьте меня! – сказала Алиса.

– Нет, – ответило чудовище, – не могу. Ты моя последняя надежда. Я уж понял, что чистой девочки, которая согласится со мной целоваться, никогда не отыскать. А про тебя мне столько говорили – я в самом деле надеялся. Они все твердили: она добрая, она из двадцать первого века, там без суеверий живут, она поцелует... Вот и поцеловала...

Алиса размешала тесто и плеснула на сковородку первую порцию. Масло зашипело.

– И кто вам про двадцать первый век рассказывал? Дурында?

– Она тоже, – вздохнул дракон. – Но и другие. Хотя у меня теперь беда.

– Какая же беда? – спросила Алиса.

– Очень ты мне на нервы действуешь. В положительном смысле. У меня к тебе нежность. Можешь поверить?

– Дракоша, не заманивайте, – сказала Алиса. – Не поможет.

– Я честно говорю, я не притворяюсь!

– Почему вы вдруг ко мне стали так относиться?

– Мне трудно объяснить, Алиса. Но в тебе есть то, что отличает тебя от всех других девочек Земли. Ты очень возвышенная, честная и умная.

– Скажете тоже! Кто и когда девочек любил за ум и честность?

– Если ты имеешь в виду красоту, – сказало чудовище, хватая со сковородки первый блин и кидая в пасть, – то ее у тебя больше чем достаточно. Уж ты поверь! Я столько в своей жизни видал всяких девчонок, ни одна с тобой не сравнится.

– Вы лучше скажите не «видал», а «едал», – поправила Алиса. Она ни капли не поверила словам чудовища. Если тебе надоело ходить таким уродом и хочется вернуться в облик прекрасного принца, конечно же, ты готов любой девочке сладкие слова говорить. Тем более если ты принц из Другого королевства, где все не как у людей.

– Если ты будешь продолжать в том же духе, – рассердилось чудовище, – то и тебя съем.

– Вот вы и показали себя снова таким, какой вы есть на самом деле, – сказала Алиса. – Как вам верить?

Дракон схватил еще один блин со сковородки.

Любому другому такой блин не прожевать – сплошной огонь! Но дракону чем горячей, тем приятней.

– Давай побыстрее жарь! – приказал дракон. – Я чую, что нам с тобою не сговориться. Сейчас сожру все блины, примусь за тебя.

– Пугаете? – спросила Алиса. – Тогда вот этот блин не берите, он мой.

– Почему?

– А потому что я тоже не завтракала.

– Ты что? – Чудовище поднялось над столом. – Решила издеваться? Как ты посмела! – И он бросился на Алису.

И она видела, что дракон в самом деле взбешен. У драконов и королей есть общий недостаток. Если им чего-то не досталось, но очень хочется, они тут же забывают свои хорошие манеры и воспитание.

Алиса знала эту слабость королей и драконов. Поэтому она не стала тратить ни секунды даром, а кинулась вон. Чудовище попыталось пере-

хватить ее, но ничего не вышло. Алиса проскочила у него под лапой, извернулась и вылетела во двор замка.

«Ого-го, – подумала она. – Положение у меня так себе».

Она кинулась к той башне, в которой спала, но чудовище огромными прыжками устремилась следом, и Алиса не успела спрятаться.

Она понеслась вокруг башни, но дракон оказался хитрее, он не побежал за ней, как она хотела, а повернулся и встретил ее с другой стороны.

Алиса пригнулась и нырнула ему под локоть.

– Не уйдешь! – рычало чудовище. – Конец тебе пришел.

Дракон решил, что Алиса у него в лапах, но она уже вбежала в башню и быстро-быстро поднялась по деревянной лесенке на второй этаж, где провела ночь.

Она правильно рассудила – чудовищу по лестнице не подняться.

Дракон же, к сожалению, не был в состоянии думать.

Страшно рыча, он стал карабкаться по деревянной лесенке – вот его желтые зубы уже показались над полом второго этажа... но тут лестница не выдержала, и послышался громкий треск.

Точно такой же, как на площадке, когда упал мостик с подпиленных столбов.

Треск смешался со страшным ревом чудовища.

Потом раздался глухой удар.

Бууу-шмяк!

И тишина.

Алиса просчитала до ста. Она не хотела рисковать.

Потом осторожно подошла к краю помоста и посмотрела вниз.

Чудовище лежало на спине, раскинув в стороны короткие передние и могучие задние лапы, и пускало из ноздрей дым.

– Дух вон, – сказала Дурында, которая влезла через бойницу и теперь стояла на краю помоста рядом с Алисой и глядела вниз. – Сам себя довел. Сколько раз я ему говорила – не гоняйся за девчонками.

– Он меня хотел съесть, – сказала Алиса.

– И хорошо, что не съел, это не принесло бы никакой пользы ни тебе, ни ему.

Чудовище пошевелило хвостом и застонало.

– Надеюсь, он ничего не сломал, – сказала Дурында. – Не то придется ветеринара искать. А где ты в этом лесу ветеринара найдешь, да еще со специализацией по драконам?! Ты как думаешь?

– Я думаю – не найдешь.

– И я так думаю.

– Я все сломал, – сказало чудовище. – И сейчас умру.

Тут снаружи послышались быстрые шаги, крики, и в башню ворвались сама Лина Теодоровна, королева Другого королевства, а также ее любимая фрейлина дама Марьяна и министр добрых дел.

– Что случилось? – кричала худая, измученная долгой дорогой королева, ломая руки. – Что с моим сыночком, со славным принцем? Кто его убил?

Королева опустилась на колени перед чудовищем и попыталась поднять его тяжелую крокодилью голову.

– Ах, мама, оставьте, – сказало чудовище. – Вы делаете мне больно!

Королева испуганно отпустила голову сына, и она гулко ударилась о каменный пол.

– Этого еще не хватало, – сказала Дурында. – Так вот одна мамаша кидала своего младенца, кидала и докидалась. Пришлось хоронить!

Королева подняла голову и увидела над собой на краю помоста Алису и Дурынду.

– Ах вот кто пытался убить моего ребенка! – закричала она. – Я пошла на все, чтобы доставить тебя к моему мальчику. А ты что делаешь?

– Ваше величество, ах, ваше величество, – стал говорить министр добрых дел. – Пожалуй, будет преждевременно винить эту девочку. Ведь, как мы с вами понимаем, ваш сын лез к ней, чтобы ее поцеловать...

– Нет, – честно признался дракон, – я лез туда, чтобы ее сожрать! Я ее ненавижу.

– Это лишнее, – произнес министр, – надо искать общие позиции. Без Алисы тебе никто уже не поможет. Ты можешь это понять?

– Я ее люблю! Я ей сказал, что люблю! – заревело чудовище. – А она только смеется и издевается над бедным животным.

– Ну, ты не такое уж бедное животное, – сказал министр, а птица Дурында, у которой был острый клюв и острый язычок, добавила:

– С такой рожей в цирке можно выступать. Гигантские деньги заработаешь!

– Убью, – произнес дракон и постарался сесть.

Ему стало больно – видно, сильно ушиб спину. Он перекосился и рухнул на королеву-маму.

Мама сказала «Ах!» и тоже упала, не просто на землю, а в обморок.

Страшно рыча, он стал карабкаться по деревянной лесенке – вот его желтые зубы уже показались над полом второго этажа...

Дракон кое-как поднялся, королеву тоже подняли и отряхнули.

Пока мама лежала в обмороке, она, видно, о многом подумала, и у нее уже было совсем другое настроение.

– Девочка, – произнесла королева, нюхая из хрустальной бутылочки какие-то лечебные благовония. – Ты не могла бы спуститься вниз, мне надо с тобой серьезно поговорить.

– Ну как я могу поверить вашему сыну? – спросила Алиса. – Я спущусь, а он меня растерзает.

– Нет, он тебя не растерзает, – сказала королева. – Потому что теперь я беру дело в свои руки.

– И что же? – спросила Алиса.

– У нас нет другого выхода, как договориться с тобой. Может быть, из этого ничего не выйдет, а может быть, мы с тобой найдем общий язык. Но пути назад нет. Ни для меня, ни для тебя.

– Я гарантирую, – сказал министр добрых дел. – Ничего они тебе не сделают.

– Но почему? – спросила Алиса.

– По очень простой причине. Уже совершенно ясно, что без твоей помощи принца не спасти.

– Я даю честное королевское слово, что не причиню тебе вреда, – сказала королева Лина Теодоровна.

– И я даю свое слово, – сказал министр.

– И я тоже, – сказала дама Марьяна, покачав желтой волосяной башней.

– Судя по всему, у них серьезные намерения, – сказала Дурында. – Слезай, моя крошка.

– Но принц не дал слова, – сказала Алиса.

Не могла она до конца поверить этой компании.

Но с другой стороны, Алиса не хотела, чтобы ее считали трусихой.

«Раз, два, три», – сказала она и прыгнула вниз со второго этажа. Она удержалась на ногах, но подошвы отбила крепко.

Королева отшатнулась, а министр добрых дел успел поддержать Алису.

Правда, при этом он здорово стукнул ее третьей рукой, которая болталась без надобности у него на животе.

– Зачем вам третья рука? – спросила Алиса.

– А зачем мне третий глаз? – спросил ее министр.

– Голубушка, – сказала королева, – чтобы не было между нами никаких сомнений, пойдем погуляем с тобой по лужайке. Решетка открыта,

бояться тебе нечего. А ты, мне кажется, не такой несознательный ребенок, чтобы убежать от старой несчастной женщины.

Королева, может, и была несчастной, но уж никак не старой.

Так – пожилая, лет сорока.

– Хорошо, – согласилась Алиса, – я постараюсь от вас не убегать.

Ей очень надоел этот замок, эти серые каменные стены и сырые подвалы. В жизни бы этого замка не видала!

В самом деле, решетка была поднята, возле ворот во дворе стояла черная карета, наверное, та самая, на которой Алиса приехала во дворец, с трехглавым орлом на черной дверце. Возница дремал на козлах, а лакеев с запяток не было видно.

Королева с Алисой вышли на бревенчатый мостик и перешли высохший ров. Сияло утреннее солнышко, но птицы не пели и насекомые не жужжали. Лес оставался зачарованным, а замок заброшенным. Где-то здесь поблизости, понимала Алиса, ходит старенькая фея. То ли чудовище ее боится, то ли фея побаивается дракона – ну кто их здесь разберет?

Королева опиралась на плечо Алисы, может, ей было трудно идти, и она все еще чувствовала слабость, а может быть, боялась, что Алиса убежит.

Они вышли на полянку перед замком.

– Мне нужно поговорить с тобой серьезно. Ты меня слушаешь, Алиса?

Королева разговаривала голосом бабушки и слова подбирала такие же, как бабушка, когда Алиса в Симферополе в прошлом году разбила старинную чашку, хотя в этом больше была виновата кошка, чем Алиса. Но разговаривали тогда серьезно именно с Алисой.

– Ты еще маленькая девочка, – говорила королева, – и многого не понимаешь. Но я буду с тобой разговаривать, как со взрослой.

«Никакой логики! – подумала Алиса. – Если я маленькая, то и пускай я ничего не понимаю, а если я такая большая, зачем говорить, что я маленькая?»

Алиса обернулась. Министр и дама Марьяна стояли в воротах замка и смотрели им вслед.

– Я буду с тобой предельно откровенной, – произнесла королева. – Как я тебе уже говорила, мой сын Рафаэлик произошел от первого брака. Он рос нелегким ребенком – ну, пойми правильно: его маму, то есть меня, за сказочную красоту, следы которой ты можешь заметить и поныне...

Тут королева замолчала, и Алиса догадалась, что она ждет каких-то слов.

– Да, – сказала Алиса. – Вы еще и сейчас красивая.

– Вот именно! – Ответ королеве понравился, и она продолжала рассуждать, гуляя по полянке. Она говорила о том, сколько у нее было женихов и как к ней даже приезжал свататься великий богатырь из империи Чукчей.

А Алиса задумалась: неужели королева такая доверчивая, что гуляет с ней, не приняв никаких мер? А что, если Алиса сейчас бросится в кусты – только ее и видели.

Но тут же откуда-то со стороны и сверху донесся кашель.

Алиса кинула туда взгляд и увидела, что на развилке большой кривой сосны сидит лакей в черном кожаном костюме и целится в Алису из большой боевой рогатки.

«Ну вот, я была права! – подумала Алиса. – Я знала, что нельзя доверять королевам, и оказалась совершенно права».

Королева тоже услышала кашель. Она бросила грозный взгляд на лакея и сказала громко, чтобы заглушить шум:

– Тут шакалы лают. Очень специальный лай у шакалов. Тебе раньше не приходилось слышать?

– Не приходилось, – ответила Алиса, пряча улыбку. Смешно, когда взрослые так неумело врут!

– Мой первый брак был счастливым во всех отношениях, – продолжала королева, – за исключением материального положения. Наше герцогство включало один небольшой замок из трех комнат с башней и пять деревень. Я не могла себе позволить даже завести фрейлин. Моя милая Марьяшка не даст соврать. Она работала у меня на общественных началах.

Алиса непроизвольно обернулась. Дама Марьяна все так же стояла в воротах замка и кричала:

– Не дам, не дам соврать!

– И когда возле меня начал увиваться король, мой нынешний супруг, я сильно задумалась, сможет ли он стать настоящим отцом моему сыну. И я поставила условие: да, я согласна, заколдуй моего герцога, сделай меня соломенной вдовой, увези меня в город, только сделай моего Рафаэля наследником трона. На этих условиях я – твоя.

Алиса углядела и второго лучника, то есть рогаточника. Лакей скрывался за большим пнем и все время чесался – наверное, на него напали муравьи.

– Мы сыграли скромную свадьбу, и началась наша семейная жизнь. Не все в ней было гладко. Мой мальчик рос шалуном, милым таким крошкой, но моему мужу он был не по душе. Да и я его скоро разлюбила.

– Своего сына?

– Не говори глупостей! – оборвала Алису королева. – Я разлюбила этого паршивого жестокого короля, для которого колдуны и астрологи значат больше, чем заботы простого народа и интересы семьи. Ты не представляешь, сколько денег он ухлопывает на гадалок и экстрасенсов! Всех средств, которые он конфискует у приговоренных к смерти, не хватает для этого. Я даже не смогла послать сына в Англию учиться в каком-нибудь солидном Оксфорде.

– Неужели в Англии в эпоху легенд уже был Оксфорд? – спросила Алиса.

– Основные учреждения Англии – например, парламент, Тауэр, Британский музей и Оксфорд – были учреждены еще неандертальцами, – сказала Лина Теодоровна. – Но, конечно же, не обыкновенными неандертальцами, а настоящими британскими неандертальцами, на заре человеческой эры.

– Извините, – сказала Алиса, – я не знала.

– А тут еще король начал меня ревновать. Ты знаешь, что такое ревновать?

– Это когда муж не хочет, чтобы его жена дружила с другим мужчиной, – сказала Алиса.

– Правильно. Вижу, что и у тебя есть жизненный опыт. Так вот, мой муж начал меня ревновать к кому попало: к конюху, начальнику гвардии, проезжим шутам и фокусникам, даже к простым стражникам. А его ревность к моему бескорыстному другу министру добрых дел была так велика, что он неоднократно угрожал разжаловать его в заместителя министра с лишением кареты и дачи.

Солнце уже припекало, лакеи-рогаточники устали сидеть в засаде, один из них лег спать за пнем, а второй принялся стрелять из рогатки по облакам.

– Да, – сказала королева и украдкой смахнула слезу с длинных ресниц – все-таки она была несчастной женщиной! – Да, – повторила королева. – Я так привыкла никому не верить! Меня столько раз пытались отравить астрологи, а однажды, ты не поверишь, меня опоили снотворным зельем, переодели ведьмой и вытащили на эшафот, чтобы сжечь на костре. Лишь чудом мой друг министр добрых дел сообразил, в чем дело, отыскал настоящую ведьму, которую спрятали в подвале, и притащил ее на эшафот.

– И чем же все закончилось? – спросила Алиса.

– Ее сожгли, туда ей и дорога, – сказала королева. – Но я закругляюсь, а то жарко становится. Моего сыночка под видом подготовки к высочайшему образованию отдали на обучение к фее Мелузине, отвратительной старухе, родственнице астролога по материнской линии. Вы же понимаете, чему она могла научить Рафаэля? За любую шалость моего мальчика жестоко наказывали. И я поняла: король сделает все, чтобы лишить его права на престол! Все, не останавливаясь перед преступлением! Они ждали, они стерегли момент, и как только мой мальчик нашалил, эта фея его заколдовала! Она превратила его в чудовище, с которым ты имеешь честь быть знакомой. И выяснилось, что Рафаэля можно вернуть в человеческий облик, только если его поцелует добровольно... вот это и ужасно, что добровольно; если бы насильно – мы бы сотню нашли, а тут – добровольно, и обязательно девочка. Мы приняли все меры, чтобы спасти малыша. Не сегодня-завтра король может уступить престол астрологу и его семейке. Они скажут: «Ах, звезды велят уступить нам престол!» Этот старый дурак и уступит.

Дурында пролетела над ними и крикнула сверху:

– А ведь не исключено! Вполне реально! Король шагу без гороскопа не делает. Он даже в уборную ходит по гороскопу.

– Вот видишь, – королева с улыбкой показала на небо, – глас народа!

Один из рогаточников проснулся и с перепугу выстрелил в Дурынду. Она еле успела увернуться и принялась кричать сверху на стрелка, клеймить его грозными вороньими проклятиями.

– Но мы столкнулись с неприятным фактом, – сказала королева. Она остановилась, вытащила небольшое зеркальце, посмотрелась в него и спросила Алису: – Как я выгляжу?

– Со следами красоты, – ответила Алиса.

– Ах ты, негодница! – Королева ударила ее зеркальцем по руке, но не очень больно и продолжала: – Мы столкнулись со странным явлением. Представляешь, кого бы мы ни привозили и ни приставляли к мальчику для поцелуев – и учти: для добровольных поцелуев, – они или умирали от разрыва сердца или кричали, что лучше умрут. Одна за другой, одна за другой! Пришлось обратиться за помощью к птице Дурынде. Гадкое существо, корыстное, сварливое, но, должна сказать, с большим жизненным опытом. Дурында заломила бешеную цену за консультацию...

– А вот об этом не будем! – донеслось с высоты. – Это наше с тобой дело.

– Я же не называю цену! – обиделась королева.

– Вот и не называй! – Дурында опустилась на вершину ели и подслушивала дальше.

– Дурында сказала нам, что есть только один вариант: пригласить тебя.

– Но почему меня? – удивилась Алиса.

– А потому что ты – известная в нашей эпохе девочка, и вообще во всем мире и во все времена тебя знают. И кроме того, ты ничего не боишься и такая добрая, что для спасения своего друга пойдешь на все, и для спасения просто знакомого тоже не пожалеешь времени и сил. Дурында предложила разделить операцию на две части. Сначала тебя заманить, потом использовать.

– Ох, Дурында! – рассердилась Алиса и погрозила птице кулаком. – Ох, и доберусь я до тебя.

– И кто только до меня не добирался! – ответила Дурында. – И кто только перья из моего хвоста не рвал! А я ведь все для людей стараюсь!

– Сначала мы заманили во дворец мальчика Герасика, – сказала королева, – потому что он твой друг. Дурында сказала ему, что в комнате принца никому не нужные учебники. А ведь известно, что Герасик мечтает научиться всем наукам. Герасик поверил Дурынде, что учебники никому не нужны, и забрался в комнату принца. А там его уже ждали стражники. И получилось, честно говоря, что мы ни при чем и Дурында ни при чем.

– Я даже не подозревала, что бывают такие хитрые подлецы! – сказала Алиса.

– Ты не права, девочка, – сказала печальная королева. – Ты должна понять сердце матери, которое разрывается за судьбу сына. Нет, тебе этого не понять! Ради моего мальчика я готова на все!

– Она такая! – крикнула Дурында. А в воротах замка стояли Марьяна и министр и тоже кивали головами.

– Дурында позвала тебя, и ты прибежала спасать Герасика.

– Как вам только не стыдно! – воскликнула Алиса.

– А чего стыдного? – крикнула Дурында. – У нас все было подготовлено. Мы знали, что с Герасиком ничего плохого не случится, мы вам поможем сбежать. Мы никого не убивали и никому зла не желали.

– Да, она права, – сказала королева. – Все так и получилось. Ты спасала Герасика, но мы умело подсказали королю, где вас искать и как тебя догнать. Герасику дали убежать – мы же не изверги. А тебя дали схватить.

– Разве не гениально? – спросила Дурында.

– Отвратительно, – ответила Алиса.

– Значит, гениально и отвратительно, – сказала Дурында.

– Потом тебя приговорили к встрече с драконом. Король так любит казнить, что уже не разбирается, кого и как, – сказала королева. – И мы стали ждать, когда ты поцелуешь нашего крошку.

И тут Дурында крикнула сверху:

– Где же твоя хваленая доброта?

А от ворот министр и Марьяна кричали:

– Ну, где твоя доброта? Почему не целуешь?

– Я отвечу, – сказала Алиса. – Я согласна поцеловать даже тигра. Чтобы спасти хорошего человека. Но я не хочу целовать убийцу и гадкого подлеца!

– Это не он, не мой мальчик, это натура дракона, – сказала королева. – В глубине души он тоже мучится. Но что ты будешь делать, если ты чудовище, если ты дракон?

Министр быстро подбежал к Алисе и заговорил:

– Разреши, я буду говорить с тобой откровенно, как ученый с ученым. Пойми, если ты не поцелуешь этого недостойного молодого человека, то он будет и дальше убивать девушку за девушкой, раз в неделю. Ты этого хочешь? Ты ждешь, чтобы опустели окрестные деревни? Чтобы девушки боялись выходить на улицы? А ведь выхода нет: пока не отыщется та, которая его поцелует, никакой пощады девушкам нашего королевства ждать не придется! Подумай, Алиса. Ведь Рафаэль себя не контролирует! Ты можешь спасти десятки, нет, сотни молодых жизней. Неужели ты допустишь, чтобы преступления продолжались?

Алиса вспомнила страшную комнату, где на плечиках висели десятки платьев, а под ними стояли парами туфельки и башмачки, в том числе почему-то один хрустальный.

Алиса глубоко вздохнула и молча пошла к замку.

Вокруг царила тишина. Алиса знала, что королева шагает за ней, что рядом бежит министр, что над головой летит Дурында, что дама Марьяна уже побежала в замок, чтобы привести дракона.

Алиса встретила чудовище в воротах замка.

– Согласилась? – спросило чудовище.

Алиса вытащила из-за корсета Марьяны ее кружевной платок, вытерла им страшную морду дракона, который послушно и покорно протянул к ней крокодильи губы, потом наклонилась и, стараясь не зажмуриться, поцеловала заколдованного принца Рафаэля.

Глава двенадцатая
ПИСЬМО ПИРАТУ

В тот момент, когда Алиса поцеловала дракона в холодные скользкие губы, из леса послышался пронзительный голос феи Мелузины:

– Остановись, Алиса! Не делай этого! Ты пожалеешь!

Министр побежал к лесу, размахивая руками, чтобы отогнать старуху, а рогаточники, сторожившие Алису, принялись лупить из рогаток свинцовыми пулями по старухе.

Отбиваясь от пуль, как от пчел, фея исчезла в лесу.

Но Алиса этого не видела.

Она была поражена волшебством.

От ее поцелуя, словно от отравленной стрелы, гигантское чудовище упало на бок и захрипело.

Мать кинулась было к нему, но дама Марьяна успела ее удержать.

И тут с чудовищем началось превращение.

Шкура, чешуя, зубы и когти как бы растворялись в воздухе, и вместо них проявлялась фигура молодого человека.

На камнях лежал совсем юный принц, почти мальчик.

А чудовище окончательно исчезло.

Принц потянулся, словно после долгого сна, и открыл глаза.

– Рафаэль! – закричала королева, бросаясь перед ним на колени и покрывая его поцелуями. – Мальчик мой! Мы тебя спасли! Не зря мы не спали столько ночей, не зря мы вошли в такие расходы. Вставай, мой мальчик, нас ждут великие дела!

Принц сел.

Потом с помощью мамы и фрейлины он поднялся на ноги.

Принц был совсем обнажен, но, видно, мама предусмотрела это, и по ее знаку Марьяна набросила на юношу плащ, а королева отвела его за угол и помогла одеться.

Когда через минуту он вышел, то никто бы никогда не догадался, что пять минут назад он был отвратительным драконом.

Принц посмотрел на Алису.

Она была так уверена, что он кинется к ней и будет благодарить за все, что не выдержала и сама сказала:

– Не стоит благодарности.

Но принц лишь скользнул взглядом по Алисе и обернулся к матери.

– И что же ты теперь скажешь? – спросил он капризным голосом. – Что существовали объективные обстоятельства? Почему я был вынужден полгода таиться в этом отвратительном замке? Вы не могли пораньше все провернуть?

– Ты же знаешь, Рафа, – сказала его мать, – что мы делали все возможное. Даже девочку для поцелуев к тебе привезли из двадцать первого века.

– Не надо было экономить. Мешок золота – и любая крестьянка целовала бы меня с утра до вечера.

– Что-то не видно такой, – сердито сказал министр добрых дел.

– Это отсталые и дикие девки! – крикнул принц, – Так чего мы стоим! Хочу в баню!

– И в самом деле, – удивилась королева, – чего же мы стоим? Все в карету!

Алиса стояла и смотрела на эту сцену. Она так и не могла понять, хорошо ли она поступила или глупо? Надо ли было возвращать принцу прежний облик? Посоветоваться бы с феей Мелузиной, а вот не удалось.

– Алиса, а тебе что, особое приглашение? – спросил министр. – Или ты решила остаться в заколдованном замке?

– Только не это! – воскликнула Алиса.

– Тогда садись в карету.

Алиса взобралась в карету следом за остальными.

– Вы меня довезите, пожалуйста, до перекрестка дорог. Дальше я сама доберусь. Я дороги здешние знаю.

– Сиди, все будет в порядке, – сказал министр добрых дел. – Мы знаем, где тебя высадить.

Алисе этот тон не понравился, но не оставаться же в диком пустом лесу?

Карета покачнулась и покатила по лесной дорожке, подминая кусты и протискиваясь между стволов.

Королевская компания разговаривала, не обращая на Алису никакого внимания. Королева Лина Теодоровна вспомнила, что везла для сына конфеты, те самые, которые он любил и которые ждали его возвращения. Принц принялся их сосать и жаловался, что они совсем высохли. Министр добрых дел, видно, в самом деле близкий друг королевы, сказал:

– Не тратьте времени даром. Нам еще надо многое обсудить.

Он держался за кожаную петлю, прикрепленную к потолку кареты, остальные тоже держались за эти петли, даже принц, который пытался разгрызть конфеты, держался за петлю. А так как карета шаталась, подпрыги-

вала, дергалась, проваливалась в ямы и стукалась о деревья, то люди болтались на этих петлях, как спелые груши. И разговаривать им было нелегко.

– Значит, ты, мой мальчик, пойдешь со мной на обед, – сказала королева. – И когда ты войдешь в зал, то король очень удивится и воскликнет: «А ты как сюда попал, бездельник?!»

– Почему же бездельник, – обиделся принц. – Я мученик, а не бездельник. Ты попробуй полгода в шкуре проходить, не раздеваясь.

– Крокодилы всю жизнь ходят и не жалуются, – заметил министр. – И не перебивай мамочку.

– Ох, доберусь я до тебя, министр, – сказал принц. – Дай мне только власть получить.

– Рафа! – строго сказала мама. – Не смей так говорить с дядей. Он – самый близкий мне человек. Без него ты бы до сих пор в лесу сидел.

– Я тебе, мамаша, самый близкий человек, – буркнул принц. – А с остальными мы еще разберемся.

– Мальчики, девочки! – воскликнула дама Марьяна. – Хватит ссориться. У нас не так много времени. И если мы сегодня не воспользуемся неожиданностью, нас всех уничтожат.

– Вот это правильно, – сказал министр добрых дел. – Сегодня король удивится и испугается, и мы не должны давать ему опомниться. Значит, мы все входим в главную столовую, и ты, принц, заявляешь, что король низложен и власть переходит к тебе. Ты выхватишь нож и зарежешь его. Не струсишь?

– Нет, – ответил принц. – Я за последнее время сильно изменился в худшую сторону. Мне теперь никого не жалко.

– Мой мальчик прошел трудную жизненную школу, – сказала королева и погладила сына по головке, но тут карета подлетела вверх, принц ударился головой о потолок, королева чуть не вылетела в открывшуюся дверцу, и Алиса подумала: вот самый удобный момент, чтобы от них удрать. Она кинулась было следом за королевой, но министр подхватил королеву, а принц – Алису. Да еще так крепко вцепился ей в плечи нестриженными ногтями и так дернул за волосы, что Алиса не выдержала и вскрикнула.

– То-то, – сказал принц, повернув ее голову и поглядев прямо в глаза. Взор его был яростным, глаза почти белыми, а лицо мучнистого цвета. И Алиса подумала, что он стал не намного лучше, когда превратился снова в человека.

Тут карета выехала на дорогу, и трясти стало поменьше.

Министр добрых дел сказал:

– У нас нет времени на подготовку заговора, поэтому надо решать проблемы немедленно.

– А какие проблемы? – спросила королева.

– Надо решить, как пронести нож.

– Ах да! – сказала королева. – Ведь теперь всех обыскивают. Охранпашу вернули из ссылки, и он лично проверяет, не принес ли кто-нибудь острого предмета.

– Так уж и всех! – удивился принц.

– Вчера дворцовый парикмахер шел к королю, и охрана нашла у него ножницы.

– И бритву! – добавила дама Марьяна.

– Ему сразу же отрубили голову, – сказала королева. – Не спрашивая и ничего не слушая. Король сидит небритый, ждет парикмахера, а никто не идет. Он шлет гонцов в парикмахерскую: где этот негодяй?! Казнить всех парикмахеров в столице в назидание преступнику. Казнили всех парикмахеров. И тут выясняется, что парикмахер ни при чем! А ведь казненных не вернешь. Вот и ходит наше величество небритое и злое.

– Как же мы тогда к нему подберемся? – спросил принц.

– А может, ты его задушишь, мой мальчик? – спросила мама. – Подойдешь, скажешь: «Вот и я, папочка! Я вернулся!» И только он начнет тебя обнимать, ты его и задушишь.

– Нет, – сказал принц. – Не успею, вырвется он. Помнишь, его в прошлом году втроем душили заговорщики, а он ускользнул! Он же специально шею жиром натирает, чтобы не задушили.

– Ах да, я совсем забыла, – сказала мама.

– Может, отложим покушение на завтра? – спросила Марьяна.

– Нельзя, – сказала королева. – Сегодня он не ожидает, что Рафа появится во дворце, а завтра уже отправит его в такую ссылку, откуда никогда не вернуться.

– Или с помощью этой проклятой феи Мелузины превратит меня в крысу, – добавил принц. – Ждать нельзя! Промедление смерти подобно!

– Чудесные слова! – откликнулся министр добрых дел. – Разрешите, я их запишу, ваше высочество?

«Ага, – подумала Алиса, – наш министр струсил. Он уже боится, что если принц придет к власти, он и ему голову отпилит. Здесь все так просто».

Тут карета выехала на дорогу, и трясти стало поменьше.

– Записывай, – сказал принц. – Я еще много мудрых мыслей знаю.

Министр добрых дел вытащил левой рукой записную книжку, правой – карандашик, третьей рукой придерживал книжечку на коленях. Все равно карету так трясло, что ничего из этого не вышло. Может, потому, что третья рука была матерчатой.

Алиса подумала: «Ведь я, наверное, больше никогда этих людей не увижу. И никогда не узнаю, почему у них лишние руки и глаза».

Она решила потихоньку спросить об этом у министра, пока женщины утешали капризного принца.

– Разве непонятно? – удивился министр. – Ведь чем я знатнее, тем лучше. Правда?

– Не знаю, не задумывалась, – призналась Алиса.

– Но ведь крестьянин хуже маркиза? Маркиз хуже герцога, герцог хуже короля. А почему? В других королевствах не смогли ответить на этот вопрос. А у нас смогли. Если ты маркиз, получай третий глаз – вот ты и лучше крестьянина. А если ты министр, то тебе положена третья рука и четыре глаза. Это так просто!

«Конечно, – подумала Алиса, – это так просто. А почему же...»

Она не успела додумать, как услышала, что королева говорит:

– Нет, мне нож нести нельзя. Меня тоже могут обыскать. Ты же знаешь, что астролог меня не выносит, а мой дорогой муж ждет не дождется, когда я откину копыта.

– Простите, что откинете? – спросила благовоспитанная дама Марьяна.

– Копыта мамаша откинет! – воскликнул принц и захохотал. – Копыта у нее козлиные. Откинет до потолка!

– Ах, вы так грубо разговариваете! – пискнула дама Марьяна.

– Значит, нож никому из нас не пронести, – сказала королева.

– Опасно, – сказал министр. – Любого могут обыскать. И тогда нам короля не зарезать.

– Нужен кто-нибудь, кого не заподозрят, – сказала дама Марьяна.

И она взглянула на Алису.

А потом министр взглянул на Алису. И королева взглянула на Алису, а последним принц упер в Алису свои белые глаза и почесал торчащие во все стороны соломенные волосы.

– Вот, – сказала королева. – Вот наша маленькая, добренькая, хорошенькая спасительница. Вот кто возьмет ножичек и отнесет его в королевские покои. Ты сделаешь это для нас, девочка?

– Нет, – сказала Алиса. – Я этого не сделаю.

– Жалко, что я эту гадюку не разорвал раньше! – взвыл принц.

– Погоди, сынок, погоди, – остановила Рафаэля печальная королева. – Мы тут все друзья, и Алисочка – наш дружок. Ты сделаешь, девочка, доброе дело, ты избавишь землю от одного из самых жестоких тиранов, ты сделаешь доброе дело. А мы тебя за это отвезем, куда ты пожелаешь, если хочешь, к мамочке с папочкой.

– Нет, – сказала Алиса.

– Нет так нет, – спокойно сказала королева. – Каждый может отказаться. Кто тебя заставит? Никто, кроме собственной совести. Ты ведь любишь маму и папу?

– Люблю, – ответила Алиса.

– За что же ты их хочешь оставить сиротами? За что же ты хочешь лишить их ребеночка – тебя!

– Я не хочу их лишать, – сказала Алиса.

– Тогда ты должна сделать для меня одолжение и пронести под платьем ножик. Только пронести. Ты же ничего плохого делать не будешь. Как только ты войдешь в королевские покои, отдашь ножик моему сынишке, и он зарежет этого гадкого, жестокого, преступного короля. Мы тебе за это дадим все торты и конфеты, которые ты пожелаешь, мы тебя осыпем золотом и драгоценностями, мы выдадим тебе платья и туфли – все твое! Бери – не хочу!

– Нет, – сказала Алиса.

– Ты пронесешь нож, – сказал министр добрых дел. – Иначе мне придется совершить еще одно доброе дело – оторвать твою головку!

– Я помогу тебе, дяденька, – сказал принц.

– Так что выбирай! Ты чего хочешь – потерять головку и умереть в мучениях или получить корзину шоколадных конфет? – спросила королева.

– Я бы выбрала конфеты, – подсказала дама Марьяна. – Это так очевидно.

– Я выбираю свободу! – сказала Алиса.

– Тогда сначала мы отломаем тебе все пальчики, – сказал министр добрых дел.

И он протянул к ней третью руку.

Алиса отпрянула. И в этот момент карета остановилась, словно налетела на стену.

Алиса сумела потихоньку дотянуться до дверцы, толкнула ее, и та открылась. Она ринулась наружу, но Марьяна вцепилась в нее, и обе вывалились из кареты.

Алиса упала на пыльную дорогу, но почти не ушиблась. Она хотела вырваться из рук Марьяны, но та вцепилась, как клещ.

И тут Алиса услышала женский смех.

Она подняла голову и увидела, что дорога перегорожена большим камнем, на котором написано:

А возле камня стоит, опершись о него локотком, такая милая, ласковая, хрупкая бабуся – фея Мелузина.

– И вы думали, что вам удастся все сделать без моего позволения? – спросила она.

Путешественники вылезли из кареты. Они стояли в пыли – королева, министр и принц. А Марьяна с Алисой сидели на дороге.

– Мне это надоело, – продолжала фея Мелузина. – Делается неизвестно что. Я заколдовываю дрянного мальчишку, а безответственные девочки его расколдовывают. Кто тебя, Алиса, просил целовать это чудовище?

– Я думала, что так лучше, – сказала Алиса и поднялась на ноги. Марьяна протянула ей руку, и Алиса помогла подняться фрейлине.

– Хотела как лучше! – возмущенно воскликнула фея. – А получилось хуже, чем всегда! То он губил девочек, а теперь решил отчима зарезать. С твоей помощью. Теперь ты видишь, куда ведут благие намерения?

– Нет, не знаю.

– И хорошо, – сказала фея. – Рано тебе это знать.

– Уберите камень, – сказала королева. – Мы спешим во дворец.

– Знаю, что спешите, – ответила фея. – Да не доберетесь.

– Ты не имеешь права, – сказала королева. – Ты можешь наказать за поступок, но не можешь наказать за желание. Пока мы моего муженька не зарезали, не вмешивайся!

– Но никто не может мне помешать класть камни на дороге, – сказала фея.

– Слуги! Открыть огонь из рогаток! – приказал министр добрых дел. – Цельтесь в глаза!

Фея засмеялась серебристым смехом и произнесла:

Раз-два-три!

Замри – как умри!

И лакеи, которые вытащили уже рогатки и прицелились в фею Мелузину, превратились в статуи, а так как статуи не могут стоять на запятках кареты, они упали в разные стороны, плюхнулись в пыль, но даже не погнулись.

– Будут еще пожелания? – спросила фея.

– Только не превращай меня опять в чудовище! – взмолился принц.

– Не бойся, мой мальчик, – сказала королева. Она схватила Алису сзади за горло и приказала Марьяне: – А ну-ка, дай мне шпильку!

Марьяна выхватила длинную острую шпильку из своей желтой волосяной башни, и королева продолжала:

– Ты отлично знаешь, фея Мелузина, что твои чары не действуют на королей и королев.

Фея кивнула.

– Иначе волшебники давно бы заняли королевские троны, – продолжала королева. – И если ты не уберешь сейчас камень, то я убью Алису.

– Одумайся, Лина, – сказала фея. – Ты забыла, что я дружила с твоей мамой. Я качала тебя на коленях.

– И это были очень острые коленки, – сказала королева. – Запомни, что я – мать. И ради своего сына я готова на все.

– Но он не настоящий принц, – возразила фея. – Он не может стать королем.

– Он выстрадал право быть королем. У него было тяжелое детство. Он полгода по твоей милости просидел в шкуре чудовища.

– Не по милости, а за дело! – воскликнула фея. – Кто мучил кошек и таскал их за хвост? Кто подсыпал яд учителям, чтобы они попадали в больницу и не задавали уроков? Кто ощипал королевского орла, и он до сих пор стесняется вылезти из гнезда? Кто поджег городскую библиотеку из ненависти к книгам? Кто уговорил злых троллей разрушить большую плотину и затопить целую долину, чтобы покататься на лодке под парусом? Кто, наконец, сломал мою волшебную палочку, и я теперь могу делать только левую половину чудес, а правая половина заклинаний для меня невыполнима!

– Из-за какой-то палки так обидеть ребенка! – воскликнула Марьяна.

– Не из-за палки, а из-за волшебной палочки. Именно эта соломинка, как говорят на Востоке, сломала спину верблюду. Как мне теперь делать подарки бедным детям, лечить зверюшек, вызывать дождь на пересохшие поля? Подумайте только, сколько людей страдает из-за того, что злобный принц подкараулил меня, когда я заснула под дубом, и вытащил палочку, а потом сломал ее об коленку!

– Хватит, – сказала королева. – Или ты пропускаешь нас и не вмешиваешься больше в наши королевские дела, или я убью эту Алису.

– Ты этого не сделаешь! – воскликнула волшебница.

– Еще как сделаю. И ты мне не можешь помешать.

Фея подняла руку с обломком волшебной палочки, зажатым в пальцах, но не успела ничего сделать, потому что с неба донесся крик Дурынды:

– Не спеши, бабка Мелузина. Помощь близка!

И тут, в самом деле, с неба с воем и свистом, оставляя за собой светящийся след, как космический корабль, спустилась выдолбленная из дерева ступа. Ею с помощью метлы управляла страшная старуха – один

зуб достает до подбородка, другой тянется снизу и касается кончика длинного крючковатого носа. Глаза у старухи были маленькие, черненькие, как угольки, на голове красный платочек в белый горошек, а лицо в морщинах, как печеное яблоко.

В ступе рядом со старухой стоял мальчик Герасик собственной персоной.

– Ура! – закричал он. – Мы успели! Отпустите Алису, королева Лина Теодоровна!

Ступа приземлилась, и старуха притормозила метлой.

– Разрешите представиться, – сказала она, – Баба-Яга, костяная нога, первая злодейка в эпохе легенд.

Герасик перемахнул через край ступы и подбежал к Алисе.

Королева все держала Алису, занеся длинную шпильку, как нож.

– Эй ты, не балуй! – крикнула Баба-Яга и взмахнула метлой.

Странным образом метла удлинилась, наверное, вдвое, достала до руки Лины Теодоровны и вышибла из нее шпильку.

От неожиданности королева кинулась искать шпильку, нагнулась, а Алиса отпрыгнула в сторону и обняла Герасика.

– Какой ты молодец! – воскликнула она и поцеловала его в щеку.

Герасик покраснел и сказал:

– Ну что уж там... наше дело простое...

– Вот так! – возмутился вдруг белобрысый принц. – Я, можно сказать, умолял, в ногах валялся, а каких-то крестьянских бродяг она сама целует! Мама, этого нельзя оставить. Накажи их всех!

Королева выпрямилась. Глаза ее злобно сверкали.

– Они у меня за это поплатятся! – закричала она. – Они будут пыль глотать у моих ног!

– Это кто же такая сердитая? – спросила Баба-Яга.

– А это, сестренка, местная королева, не очень знатная, но очень гордая, – послышался голос феи.

– Ах! – Баба-Яга увидела фею Мелузину, которую до тех пор скрывал большой камень. – Ты-то что тут делаешь?

– Да вот пыталась порядок навести, – сказала фея Мелузина.

– Опять ничего не получилось? – спросила Баба-Яга. – Нерешительная ты моя! С этими королями надо попросту. Тем более в Другом королевстве. Здесь они все чокнутые! Вот смотри, я эту королеву могу метелкой перешибить, а она грозится, пузыри пускает. Ну что с ней делать?

– Надо не обращать внимания, – сказала фея Мелузина. – Но у меня это плохо получается. Я все принимаю слишком близко к сердцу. А сама-то зачем сюда прилетела? Ведь ты же существо злобное, от тебя добра не дождешься.

– А вот, решила совершить добрый поступок, – сказала Баба-Яга, – но пока все карты перед тобой раскрывать не буду, а то ты меня на смех поднимешь. Если выйдет мой план, я тебя позову.

– Сейчас же прекратите! – буйствовала королева, топая ногами и плюясь, и ее сын тоже буйствовал и плевался.

– Нам пора лететь, – сказала Баба-Яга. – Ты мне, сестрица, увеличь на полчасика ступу, а то двоих детей на ней везти – может и не потянуть.

Фея подняла обломок волшебной палочки и произнесла какие-то заклинания.

Ничего не получилось.

– А что у тебя с палкой волшебной? – спросила Баба-Яга.

– Да вот этот негодяй сломал.

– Ничего, я тебе новую завтра пришлю, у меня где-то завалялась от нашего дедушки.

– Ах, спасибо тебе, двоюродная сестрица! – сказала фея.

– Залезайте в корабль, – приказала Баба-Яга.

Алиса и Герасик залезли в ступу. Там было тесно, Баба-Яга толкалась костяной ногой.

– До свидания, – сказала Алиса фее Мелузине. Больше ни с кем ей прощаться не хотелось, хотя министр добрых дел снял черную шляпу с черным пером и помахал Алисе.

Королева увидела, что он делает, и накинулась на него с кулаками.

Но это Алиса видела уже с неба – ступа быстро поднялась, но потом летала кое-как, качалась, спускалась к самой земле, Баба-Яга помогала ей лететь, размахивая метлой.

– Спасибо тебе, Герасик, – сказала Алиса.

– Что за счеты между друзьями! – ответил Герасик. – Я рад, что успел.

– А как же ты уговорил Бабу-Ягу мне на помощь полететь?

– Молчи! – приказала Баба-Яга. – А то повыкидываю вас из ступы, молодежь невоспитанная.

Только перед самой дубравой, где таилась кабинка машины времени, Баба-Яга передала Алисе конверт. На нем было написано кривыми большими буквами:

ПИРАТУ СИЛЬВЕРУ В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ

– Это я писал, – сказал Герасик. – И внутри там все тоже я сам.

– Какой молодец!

– Учимся помаленьку, стараемся, – скромно потупился Герасик.

– Только с королями поосторожнее, – сказала Алиса.

– Я прослежу! – крикнула птица Дурында, опустившись на ветку дуба.

Баба-Яга протянула Алисе костлявую руку и сказала:

– Чтобы ответ в ближайшее время!

Попрощавшись с Герасиком, Алиса вошла в дупло дуба и на машине времени перенеслась в двадцать первый век.

А там прошло всего пять минут с тех пор, как она умчалась в эпоху легенд. Все стояли и ждали ее.

Алиса сказала:

– Все нормально. Герасик на свободе. Сильверу Джоновичу письмо из эпохи легенд.

Она протянула пирату письмо. Тот повертел его в руках, потом вздохнул и сказал:

– Я, прости, Алиса, провел жизнь в боях и абордажах. Как-то некогда было заниматься пустяками... не умею я читать, вот и все! Прочти мне вслух.

Алиса раскрыла конверт.

В нем лежали два листка.

На первом было написано кривыми буквами:

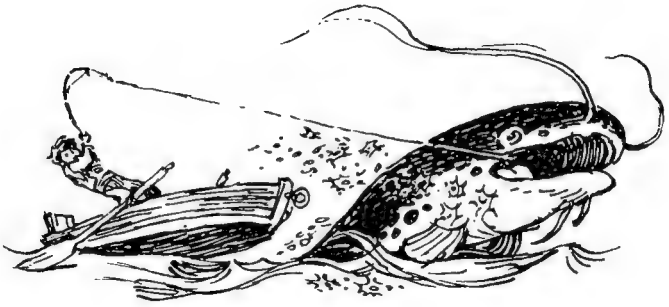
Дарагой пират Сильвер Дконович!
Пишет вам одна девушка. Слышала я что у тибя есть фезический нидостаток одна нага дирявяная. У миня токе есть такой нидостаток одна нага костяная. Мы могим создать ниплохую симью. Придлагаю тибе руку и сердце и посылаю свой патрет.
Твая возлюбленная бабаяга.

Алиса протянула пирату Сильверу второй листок, на котором какой-то бродячий художник из эпохи легенд нарисовал Бабу-Ягу. Портрет был не очень похожим, потому что художник старался приукрасить невесту.

– Это она? – спросил Сильвер.

– Она самая, – сказала Алиса.

Сильвер еще пригляделся к своей невесте, вздохнул и упал без чувств на пол.



Алиса в Гусляре

Перед зимними каникулами учительница истории Каролина Павловна спросила:

– Где и когда вы хотите побывать?

– Я хочу познакомиться с Александром Македонским, – сказал Паша Гераскин. – Может, он меня в поход возьмет.

– А я хотел бы участвовать в открытии Америки, – сказал Аркаша Сапожков, человек серьезный и отличник.

– А ты, Алиса Селезнева?

– А мне хочется побывать в двадцатом веке, – ответила Алиса. – Сто лет назад.

– Она хочет увидеть запуск первого космонавта, – сказала Маша Белая.

– Нет, – возразила Алиса. – Мне надо побывать в городе Великий Гусляр в конце двадцатого века.

– Я никогда не слышала о таком городе, – удивилась Каролина Павловна.

– Этот город придумал писатель Кир Булычев, – сказала Алиса. – Я читала очень смешные рассказы о жителях Гусляра. Вы знаете, что в Великом Гусляре пришельцы из космоса появились раньше всех других мест? А житель города Корнелий Удалов – галактическая знаменитость.

– Если этот город придумал писатель, – сказала Каролина Павловна, – может, его на самом деле и не существует?

– Вот это мне и надо проверить, – сказала Алиса.

После Алисы говорили другие ученики, и в конце концов Каролина Павловна сказала, что завтра все могут прийти в Институт времени и отправиться на два дня в прошлое – каждый куда хочет. При условии, что все себя будут хорошо вести, ничего не трогать и не брать в свое время.

Так Алиса Селезнева, девочка из будущего, попала в наше с вами время и оказалась на окраине города Великий Гусляр ранним утром, когда почти все еще спали.

Она вышла на набережную реки Гусь и решила погулять по ней, пока горожане проснутся.

Вдруг над ее головой появилось что-то темное и круглое. Алиса подняла голову и увидела, что это – инопланетная летающая тарелочка. Ну вот, подумала Алиса, начинается. Не успела я приехать в Великий Гусляр, как вижу пришельцев.

Алиса помахала тарелочке рукой и пошла дальше, к городскому парку, который раскинулся на высоком берегу.

И вот когда она шла по аллее парка, ее схватили сзади за локти железными пальцами.

Оказалось, что это – роботы. Довольно старой конструкции, потрепанные и исцарапанные.

– Ты здесь живешь, девочка? – спросил один из роботов.

– На глупые вопросы я не отвечаю, – сказала Алиса.

– Ничего, – сказал второй робот. – Сейчас доберемся до нашего боевого корабля, заговоришь по-иному!

Они подхватили Алису на руки и понесли ее прочь от города.

Минут через пять они остановились в кустах. Там стояла инопланетная летающая тарелочка.

– Залезай! – приказал первый робот.

– Зачем?

– А затем, что тебя никто не спрашивает. Не полезешь – будем мучить и колотить, пока добровольно не полезешь.

Роботы крепко держали Алису, и Алиса поняла, что лучше не сопротивляться.

А потом, когда время подойдет, она им всем покажет.

Алиса забралась в тарелку.

Внутри было пусто и пыльно, словно никто здесь давно не жил.

Один из роботов потянул на себя люк, и тот со скрипом закрылся.

Второй приказал:

– Садись и читай.

– Что это такое?

– Ты что, читать не умеешь?

– Умею.

– Нам надо знать, что здесь написано.

Алиса прочла. Крупными буквами сверху было написано: «ГУСЛЯРСКОЕ ЗНАМЯ». Мелкими буквами пониже: «6 августа 1980 года».

– Ну говори, говори!

– Это кусок старой газеты, – сказала Алиса. – Где вы его нашли?

Один из роботов наклонился к Алисе и сказал:

– Мы нашли это в зале ожидания на Паталипутре.

Робот указал железным пальцем на фотографию. На ней была видна человеческая рука, которая держала небольшую фляжку.

– Что тут сказано об этом? – Робот ткнул пальцем в фляжку.

– «Находка в озере», – прочла Алиса.

– Дальше!

– «Много рыбаков собираются по воскресным дням на берегах богатого рыбой озера Копенгаген в лесу под Великим Гусляром, – прочла Алиса. – И всеобщее удивление вызвал крик одного из рыболовов: «Смотрите, что мне попалось на удочку!» Оказалось, что это фляжка, судя по форме и отсутствию надписей – инопланетного происхождения. Новый владелец фляжки...»

– Дальше!

– Дальше нельзя, – сказала Алиса. – Дальше – оторвано.

– Значит, так, – сказал робот. – Хочешь жить – спустишься в город, узнаешь, кто нашел фляжку, и немедленно принесешь ее сюда.

– И не подумаю.

– Мы тебя растерзаем!

– Растерзаете – кто вам фляжку принесет?

Роботы замолчали и стали думать – у них мозги поскрипывали.

– Это наше национальное достояние, – сказал первый робот.

– Тогда тем более все просто, – сказала Алиса. – Великий Гусляр – городок небольшой. Наверное, каждый второй знает, где лежит эта фляжка. Спускайтесь и спрашивайте.

Робот развел руками и воскликнул:

– Неужели ты не понимаешь? Как мы пойдем по городу спрашивать про фляжку? Мы подойдем к первому человеку, и тот в лучшем случае отправит нас в тюрьму или расстреляет...

– Расстреляет на месте, – сказал второй робот.

– Но вы издали кричите, что вам нужна только фляжка!

– Они издали нас и расстреляют, – сказал робот. – Не можем мы, Алиса, так рисковать. Мы слишком ценные экземпляры.

– Ну, не очень ценные, – заметила Алиса.

– Ты не понимаешь! Каждый из нас стоит сотни лучших умов планеты! Так что не отказывайся, Алиса, спустись и достань для нас фляжку.

– Не пойду я, – сказала Алиса.

– Надо!

– Не надо.

– Тогда прощайся с жизнью.

– Прощаюсь, – сказала Алиса. – Убивайте меня. Только учтите, что я буду визжать как недорезанная.

– Мы пошутили, – быстро сказал робот. – Никого мы не хотим убивать. И даже не можем этого сделать. Мы хотим спасать.

– Почему я должна вам верить?

– Потому что мы все тебе честно расскажем. И если ты найдешь в Великом Гусляре заветную фляжку со средством номер два, мы тебе гарантируем вечную благодарность всего нашего несчастного населения.

– Я еще не согласилась, – сказала Алиса.

– Сейчас согласишься. Ты, насколько мы знаем, человек добрый и отзывчивый.

– Рассказывайте, – сказала Алиса. – Только покороче.

– Ты думаешь, что видишь перед собой роботов, – сказал один из них, – а на самом деле все куда сложнее. Мы – жители планеты Инсектуди, которая лежит в стороне от звездных трасс. Мы бедный, но любознательный народ. Как ты знаешь, межзвездные путешествия – очень дорогое удовольствие, потому что сами корабли ужасно много стоят, а топливо еще дороже. И мы тогда раздобыли замечательное средство номер один. Если ты его принимаешь, то уменьшаешься в сто раз. У нас на всю планету был всего один космический корабль. Но когда нужно было лететь, то в него умещалось не сто пассажиров, как обычно, а сто раз по сто, то есть десять тысяч. И в сто раз мы экономили на обедах и ужинах, подушках и матрасах и даже на компоте.

– Погоди, – сказал другой робот. – Алиса, может, не все поняла. Я объясню подробнее. Каждый, кто покупает билет на космический корабль, прощается с семьей, принимает каплю средства номер один и тут же занимает свое маленькое местечко на борту. Но когда мы подлетаем к другой планете, то перед выходом каждый выпивает по капле средства номер два. И становится снова таким же большим, как ты, Алиса.

– Понятно, – сказала Алиса.

– И вот как-то один из наших кораблей летел в космосе. И никто на борту не знал, что нас выследили космические пираты, которым очень пригодилось бы для их подлых дел средство номер два.

Пираты подстерегли нас, высадились на борт нашего корабля, и началась рукопашная схватка. Но какая может быть схватка, если мы в сто раз меньше, чем пираты? Только капитан корабля и его помощник были настоящего размера, понимаешь почему?

– Конечно, понимаю, – ответила Алиса. – Чтобы давать малюткам средство номер два.

– В завязавшемся бою капитан и его помощник погибли, но капитан успел выкинуть фляжку со средством номер два за борт, и она пропала в космосе. Пираты остались ни с чем. Но мы тоже остались ни с чем. Мы вернулись на родную Инсектуди, но ведь там не было больше средства номер два – все запасы оставались на борту. А средство номер один...

– Средство номер один нам помогло, но это тоже печальный рассказ, – сказал второй робот.

– Представь себе, Алиса, что домой прилетело десять тысяч микроскопических существ. Оказывается, что я теперь в сто раз меньше своей жены, а моя мама в сто раз крупнее собственного сына. Это была трагедия. Десять тысяч малышей остались жить в космическом корабле, но их число постепенно увеличивалось, потому что оставалось средство номер один.

И мама, которая тосковала по сыну, прощалась со своими родными и становилась махонькой, а жена выпивала каплю средства номер один и тоже уменьшалась... семьи воссоединились, но какой ценой! Мы уже много лет оторваны от нормальной жизни, мы даже в театр сходить не можем, потому что слишком малы. Хотя теперь в театрах и кинозалах нашей планеты сделаны специальные сиденья с веревочными лесенками для самых маленьких, а в домах есть скоростные лифты на второй этаж.

– Все эти годы мы не переставали искать фляжку со средством номер два, – добавил второй робот. – И вдруг увидели эту газету!

– Где же вы ее увидели?

– Она была забыта на диване в зале ожидания на Паталипутре. Видно, какой-то житель Великого Гусляра попал туда проездом...

– Скажите, – попросила Алиса, – а можно ли посмотреть на вас?

– А ты на нас смотришь, – сказал робот. – Сто самых сильных и ловких из нас сидят в роботе номер один.

– И сто – во мне, – сказал второй робот. – Иначе как бы нам управиться с кораблем? Мы как арбузы, внутри – много-много косточек.

Алисе стало жалко этих существ. Какая ужасная судьба – взбираться в театре на кресло по веревочной лестнице!

– Хорошо, – сказала она, – я согласна вам помочь.

– Спасибо, смелая девочка, – поблагодарили хором роботы.

Корабль несчастных инсектудиков медленно плыл в облаках над Великим Гусляром, не снижаясь, чтобы его раньше времени не засекли. Роботы выискивали место, в котором лучше всего высадить Алису.

– Смотрите, скверик, – сказал один из роботов.

– А в нем пригорок, – сказал второй.

– А на пригорке сидит одинокий местный житель, который дышит свежим воздухом, несмотря на ранний час, – сказал первый робот.

– Вот с ним ты, Алиса, и поговоришь, – сказал второй робот. – Ты подойдешь к нему и как будто невзначай спросишь: «А где наша фляжка?»

– Не учите меня спрашивать про фляжки, – сказала Алиса. – Потому что как только ваша тарелочка снизится над сквером, этот одинокий человек умчится со всех ног.

– А мы тебе вот что дадим! – Робот вытащил из шкафа несколько шариков, похожих на детские воздушные шарики.

– Они наполнены газом с отрицательным весом. То есть они легче невесомости. И могут удержать даже двух таких девочек, как ты. Вот мы и опустим тебя из облаков, и в крайнем случае, если этот одинокий человек увидит тебя, он скажет себе: «Какая милая девочка-резвушка спускается с неба на воздушных шариках!» И не испугается.

Алиса взяла шарики и подошла к краю люка. Конечно, ей было немного страшновато. А вдруг эти шарики рассчитаны только на махоньких инсектудиков? Но показывать свой страх Алиса терпеть не могла. Она покрепче взяла шарики и шагнула в воздух.

Несколько метров она пролетела как пуля, но потом шарики так сильно дернули ее за руку, что Алиса их чуть было не выпустила.

Дальше она опускалась медленно, и ей приходилось все время подгребать свободной рукой, чтобы ее не отнесло в сторону.

Человек, который сидел на пригорке посреди сквера, давно уже увидел ее и махал рукой.

– Давай, – крикнул он, – сворачивай сюда! Издалека летим-то?

Алиса снизилась точно возле пригорка, отпустила шарики, они сразу взмыли в небо и вскоре скрылись в облаках.

– И что же тебе, десантница, понадобилось в нашем городе? – спросил человек.

Он оказался стареньким старичком с серьезным и даже капризным лицом. Видно было, что этот старик любит и умеет критиковать и ругать все на свете.

– Я к вам по делу, – сказала Алиса. – Мне нужно узнать, как пройти в редакцию газеты.

– Этого я тебе не скажу, – ответил старик. – И знаешь почему?

– Почему?

– Потому что в Великом Гусляре каждая собака знает, как пройти в редакцию. А если ты не знаешь такой простой вещи, значит, тебя плохо готовили в твоей шпионской школе. И теперь, шпионка, выпавшая из облаков, признавайся, что тебе надо в нашей беззащитной газете?

– Узнать, где фляжка.

– Фляжка? Ты водку пьешь?

– Ой, вы меня рассмешили! Конечно же нет. Мне нужна совсем необыкновенная фляжка, которая только похожа на фляжку.

– А причем тут газета?

– Мне надо узнать, кто написал там статью.

– Рано тебе еще про статьи узнавать, – сказал старик.

Алиса подумала: «Наверное, это очень знающий старик. А вдруг он мне поможет?»

Она посмотрела в небо. Ей показалось, что в просвете между облаков мелькнул космический корабль и скрылся.

– Простите, пожалуйста, – сказала Алиса. – Шестого августа тысяча девятьсот восьмидесятого года в озере Копенгаген кем-то была выловлена фляжка... – сказала Алиса.

– Инопланетная? – спросил старик.

– А вы знаете?!

– Я ничего не знаю. Меня только интересует, кого могла заинтересовать эта фляжка. Может быть, ты, девочка, вовсе не девочка! Подумать только – всего три дня как Корнелий Удалов эту фляжку отыскал, а ты уже к нам добралась. Может, на парашюте спустилась?

– Нет, – честно ответила Алиса. – На воздушных шариках.

– Я так и думал! – воскликнул старик. – А ну-ка, давай сядем поближе, крошечка, и ты все как на духу расскажешь. И кто ты, и откуда, и как попала к нам в город Великий Гусляр.

Скамеечки рядом не оказалось, но старик отыскал холмик и уселся, посадив рядом Алису. Он крепко держал ее левой рукой, а правой пугал ее, как пугают маленьких ребятишек, – показывал ей пальцами «козу». Совсем на старости лет разучился разбираться в людях.

Но Алиса, конечно же, старика не испугалась, а спросила:

– А вас как зовут?

– Можешь называть меня Николаем Николаевичем, товарищем Ложкиным, – сказал старик. – Так будем признаваться или будем в молчанку играть?

– Мне все это просто смешно, – раздался мужской голос. – Зачем ты, старик Ложкин, к ребенку пристаешь?

Алиса поглядела в сторону говорившего и увидела высокого, лохматого, худого мужчину с веселыми глазами.

– Ах, отстань, Саша, – отмахнулся старик. – Ты, Грубин, мало жил во вражеском окружении и не представляешь, на что только не идут наши враги, чтобы тайну нашу узнать.

– Какие же это враги? – спросил Саша.

– Ах, Грубин, – вздохнул Ложкин. – А марсиане? А башибузуки? А американцы или вологодчане, наконец? Зачем она про фляжку, которую Корнелий из озера вытащил, спрашивает?

– А ты у нее бы и спросил.

– Боюсь, – сказал Ложкин. – Я ее спрошу, а она меня на Марс к себе утащит. Я ведь тебе правду скажу – я видел, как она к нам из летающей тарелочки на воздушных шариках спустилась. Сама признается.

– Ну ты, старик, совсем рехнулся, – сказал Саша Грубин. – Ну ладно тарелочка, ну ладно прилетела из космоса, но чтобы на детских шариках спустилась – это сказка.

Неизвестно, сколько бы они пререкались, но, на Алисино счастье, на дорожке появилась полная старуха, которая закричала еще издали:

– Обед на столе, лекарства уже отсчитаны, отмерены, телевизор на передачу «Скажите, девушки» уже включен. А ты с девушками в сквере обнимаешься! Вот сейчас я тебе покажу!

В ужасе старик Ложкин отпустил Алису и, прикрывая голову обеими руками, кинулся домой, старуха за ним.

Когда стало тихо, Саша Грубин спросил:

– А на самом-то деле чего тебе нужно, девочка?

Саша Грубин был таким приятным человеком, что Алиса тут же ему рассказала всю правду о несчастных инсектудиках. И, что характерно, Саша Грубин сразу и безоговорочно ей поверил. И сказал:

– Фляжку выловил Корнелий Удалов, мой друг и сосед, написал о ней Миша Стендаль из нашей городской газеты, а фляжку и Удалова ты, вернее всего, отыщешь на озере Копенгаген, потому что он сегодня с рассвета снова туда намылился.

– А как я туда попаду? – спросила Алиса.

– Конечно, проще всего твоим новым знакомым помахать, – наверное, они за нами наблюдают. Пускай они нас куда надо перевезут. Давай им махать!

Алиса с Сашей Грубиным вышли на открытое место, Грубин поднял Алису на руки, и она стала звать пришельцев. Минут пять звала, но без толку. Тогда Грубин вздохнул и сказал:

– Придется использовать мое средство транспорта. Жди.

Минут через десять он подъехал к скверу в стареньком «Запорожце». Машина фыркала, чихала и кашляла.

– Хронический бронхит, – сказал Саша, – садись, прокачу!

Он дал газ, машина выпустила облако черного дыма, и они покатили по шоссе к лесу, где лежало озеро Копенгаген.

Погода не баловала рыбаков, поэтому на берегу озера почти никого не было. И Саша Грубин сразу показал на одинокую фигурку, сидевшую в лодочке метрах в десяти от берега.

– А вот и наш Корнелий собственной персоной, – сказал он. – У него мы средство номер два и получим.

Они подошли поближе.

Удалов оказался небольшого роста, полным человеком с такой круглой и блестящей лысинкой, словно у него была не голова, а большой бильярдный шар, вокруг которого кучерявились кудряшки.

– Корнелий, – сказал Грубин. – К тебе гости издалека.

Корнелий поднялся и, не выпуская из рук удочки, тихо сказал:

– Первое, и главное, – не шуметь. Рыба этого не любит. Второе – говорите быстро и толково: у меня самый клев начинается.

– Да забудь ты на минутку о рыбалке! – сказал Грубин. – Галактической важности проблема. Надо помочь братьям по разуму.

– Так бы и говорили, – сказал Удалов. – Ждите.

Он направил лодочку к берегу. Когда она ткнулась носом в песок, он сказал:

– Продолжай, Саша.

Но Грубин сам говорить не стал, а обернулся к Алисе.

– Корнелий Иванович, – сказала Алиса, – вы три дня назад выловили в этом озере фляжку.

– Инопланетного происхождения, все в городе уже знают, – сказал Удалов.

– Она очень нужна одной несчастной цивилизации, – сказала Алиса.

– Говори, девочка, говори! – потребовал Удалов.

– Фляжка цела?

– Как же ей не быть целой, – обиделся Удалов. – Мы же не отсталые дикари. Если нам попадется что-нибудь утерянное в космосе, мы всегда ждем настоящих хозяев.

– Отдайте нам эту фляжку, – попросила Алиса.

– А ты ей хозяйка?

– Нет, хозяева в небе над нами кружатся, но, видно, в облаках временно заблудились.

– Ну ладно, – сказал Удалов. – Ты здесь стой, а я фляжку принесу. Она у меня вон там стоит, на пригорке.

Удалов показал на пригорок, и тут все они увидели, как из-за пригорка протянулась худая рука и схватила фляжку. И тут же старик Ложкин, неизвестно как успевший вырваться из рук своей жены, крадучись, побежал прочь.

– А ну, стой! – закричал Удалов. – Отдай фляжку.

– Не буду стоять! – кричал на бегу Ложкин. – Не отдам врагам и марсианам нашу коллективную находку!

Удалов и Грубин кинулись вдогонку за Ложкиным, а Алиса сообразила, что стоит с удочкой в руке. Поплавок покачивался у самого берега. Алиса ступила в лодку, потому что надо было положить удочку, чтобы не порвать леску. И в этот момент лодка рванулась вперед так, что Алиса с размаху уселась на сиденье. Она поняла, что на удочку попался кто-то очень крупный, который тянет вперед лодку. Алиса не выпустила удилище и увидела, что ее тащит на буксире сом, ростом с кита. Такого ей видеть не приходилось. И все рыбаки, что сидели по берегам озера, вскочили и стали болеть за Алису. Они боялись, что сом сорвется.

Лодка неслась все быстрее, она уже пересекла озеро, и в последний момент сом нырнул в глубину, леска порвалась, а лодка с Алисой въехала на берег.

Именно тогда там пробегал старик Ложкин, который прижимал к сердцу чужую флягу.

Когда он увидел, что на берег въезжает лодка, а в ней сидит Алиса, он понял, что без злого колдовства здесь не обошлось, и кинул фляжкой в Алису, а сам с криком: «Чур меня, чур меня!» – умчался в лес.

Алиса схватила на лету флягу и чуть не умерла от страха.

Из открывшейся фляги лезли розовые, жирные, скользкие дождевые черви!

Так вот оно – средство номер два!

Алиса отбросила фляжку, а Удалов, который как раз подбежал к ней, закричал:

– Ты что моих червей выкидываешь! Я их с утра копал!

– Это не средство номер два, – сказала Алиса. – Это червяки.

– А ты что думала? – спросил Удалов. – Конечно, червяки. Лучше банки для червей я и не видал.

Тут вмешался Грубин, который понял, что дело – швах!

– Корнелий, – спросил он строго. – Ты куда дел средство номер два?

– Это еще что такое?

– Это то такое, что было раньше во фляге! – сказал Грубин.

– Там была какая-то жижа, – сказал Удалов. – Совсем старая, вонючая. Пришлось ее вылить, чтобы экологию не портить.

– Куда ты ее вылил? – спросил Грубин.

Сверху донесся вой или плач, грустный, как рыдание ветра в ночном лесу.

Это появилась над озером летающая тарелочка, и в ней рыдали заключенные в роботах инсектудики.

– Корнелий Иванович, – сказала скорбно Алиса. – Вы вылили в озеро судьбу целой планеты!

– Не может быть! Я готов убить себя! – Корнелий был в самом деле страшно расстроен. Всю свою жизнь он посвятил космической дружбе – и вдруг такой скандал!

А по берегу к ним бежали рыболовы.

– Ну и дела! – крикнул первый из них, аптекарь Савич. – Такого сома мы еще не видели! Мы боялись, что он девочку утопит.

– Какой еще сом? – удивился Удалов. – Я не видел никакого сома.

– А как, ты думаешь, девочка с того берега на этот попала за две минуты?

– Ах да, конечно! – спохватился Удалов. – И как же?

– На буксире у сома в пять метров!

– Так не бывает, – сказал Удалов.

И тут все увидели, как в середине озера из воды показалась морда сома... он поводил усами и осматривался. Морда была размером с бочку для воды.

– Откуда такой? – спросил Удалов, и никто ему не ответил, потому что рядом с мордой показалось рыло щуки, уж никак не меньше, чем сомья голова.

– Откуда такие чудовища? – спросил Удалов. – Не понимаю. Всю жизнь здесь рыбачу и никогда никого длиннее локтя не вылавливал.

– Значит, ты средство номер два сюда вылил? – спросил Грубин.

И Алиса догадалась, о чем думает Саша.

– Конечно же – это раствор средства номер два! Еще не все потеряно!

И все увидели, как к озеру медленно спускается инопланетная летающая тарелка. В днище ее открывается люк, и оттуда к воде тянется шланг.

– Чего им нужно? – спросил Савич.

А надо сказать, что пришельцы нередко прилетают в Великий Гусляр, так что его жители им не очень удивляются.

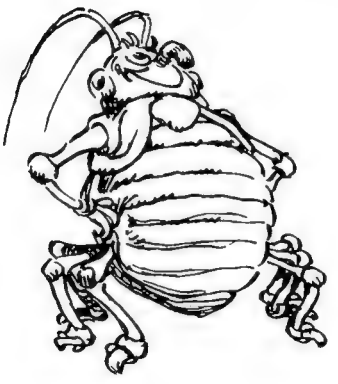
– Им нужно стать снова большими и вернуться домой к нормальной жизни, – сказала Алиса и объяснила рыбакам, почему и зачем сюда прилетели инсектудики.

А из-за дерева вдруг раздался голос Ложкина:

– Я же говорил, что она – засланка! Ее инопланетяне заслали!

Ему никто не ответил, потому что летающая тарелка перелетела к берегу.

– Прошу прощения, – раздался голос тарелки. – Нас здесь две сотни крошек, которые превращаются в существ настоящего вида и размера. Посторонитесь, пожалуйста, мы высаживаемся на берег.



Из открывшегося люка появилась лестница. И по ней начал спускаться первый из жителей Инсектуди.

Он был похож на жука ростом с человека.

Он спрыгнул на землю, и даже видавшие виды гуслярцы отбежали от него подальше.

Пришелец протянул вперед одну из своих лапок и сказал:

– Рад приветствовать вас, мои спасители. Разреши, я обниму тебя, Алиса.

– Может, не стоит? – спросил Грубин.

Но Алиса знала, что этот жук совсем не злобный, и подбежала к нему. Жук нежно обнял Алису и прижал к своему блестящему пузу.

А за ним уже спустились другие жители несчастной планеты. И каждый норовил обнять и поцеловать Алису.

Ложкин закричал из леса:

– Не трожьте дите!

Но его никто не слушал. У гуслярцев возникла проблема.

Что ты будешь делать, если к тебе в гости заявились без приглашения две сотни гостей страшного вида, которых надо кормить и укрывать от непогоды, пока их соотечественникам удастся взять напрокат несколько кораблей и прислать их на Землю? И как ни уговаривала их Алиса и ее новые друзья из Великого Гусляра, никто из увеличенных инсектудиков не захотел хотя бы на неделю снова стать крошечным. Мало ли что может случиться! Нет уж, лучше не рисковать.

На взгляд человека, не привыкшего к межпланетной дружбе с братьями по разуму, вид гостей был страшен и ужасен. Некоторые женщины пожилого возраста падали в обморок, если случайно встречали инсектудика на улице или у себя во дворе. Они были разнообразны и пока оставались махонькими – их можно было принять за наших тараканов или жужелиц. Но если такой таракан больше метра?..

Однако довольно быстро в Галактическом центре наладили гуманную помощь, и в Великий Гусляр стали прибывать корабли за двумястами насекомыми. А потом прилетел корабль-цистерна и выкачал три четверти воды из озера Копенгаген.

Ведь надо было еще накапать этой воды остальным пострадавшим инсектудикам.

Но в Гусляре все были так рады, что спасенные улетели, что за озеро не обиделись. Тем более что в нем началась сказочная рыбалка. Сомы достигали шести метров, щуки – четырех, окуни шли по пуду, а пескари – по десять кило. В болоте возле озера поселились три лягушки ростом с корову, но их вскоре вывезли в цирк, чтобы они выступали перед детьми.

На шестой день хлынул стремительный и оглушительный дождь.

Как раз тогда, когда Гаврилову-младшему и его другу Гургену Нетудыхате пришла в голову одна и та же плодотворная мысль.

Обгоняя друг друга, не обращая внимания на ливень, они устремились к озеру. Гаврилову захотелось играть в баскетбол и требовалось тридцать дополнительных сантиметров, а Гургену Нетудыхате хотелось добавить к своим ста пятидесяти пяти хотя бы двадцать, чтобы нравиться девочкам.

Отбросив в сторону велосипеды, молодые люди нырнули во вспучившиеся от ливня воды озера Копенгаген.

Когда они вылезли через полчаса на берег, оказалось, что Гаврилов прибавил три с половиной сантиметра, а Гурген – почти два. Так что Гаврилов так и остался пингпонгистом, а Гургена девочки по-прежнему зовут Гургенчиком.

Правда, рыбалка на озере Копенгаген и сейчас славная.

Алиса осталась в Великом Гусляре еще на два дня, и с ней там случались разные приключения, о которых я еще расскажу. Удалов угощал ее ухой собственного изготовления, а Грубин показывал свои изобретения.

С небольшим опозданием Алиса вернулась в конец XXI века, но там никто не беспокоился, куда она пропала. Дома у Алисы все уже привыкли, что она – девочка, с которой ничего дурного не случится.

ПРИВИДЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ

Глава первая
ПРИЗРАК БРОДИТ ПО БУЛЬВАРУ 7
Глава вторая
ТАЙНА ЧЕРНОГО СУНДУКА 20
Глава третья
ПАШКА, КОНЕЧНО, ПРОПАЛ 40
Глава четвертая
ПУТЕШЕСТВИЕ В СУНДУКЕ 52
Глава пятая
ВСТРЕЧА С ДРАКОНОМ 57
Глава шестая
В ГОСТЯХ У ГЕРЦОГА 74
Глава седьмая
ЧЕРНАЯ РУКА 85
Глава восьмая
ПАССАЖИРКА 97
Глава девятая
ПОЕЗД ДАЛЬШЕ НЕ ПОЙДЕТ 108
Глава десятая
ПОЛЕТ НАД ЛЕСОМ 122
Глава одиннадцатая
ЖИТЕЛИ ЗАМКА КРОССКАН 130
Глава двенадцатая
УЖИН В ЗАМКЕ 144
Глава тринадцатая
ПОДЗЕМНЫЙ ХОД 157
Глава четырнадцатая
ПОСЛЕДНИЙ ПАРАД 164
Глава пятнадцатая
СДАВАЙСЯ, ДРАКУЛА! 178

ГОСТЬ В КУВШИНЕ

Глава первая
НЕЖДАННЫЙ ДЖИНН 189
Глава вторая
ПРОДАЙ КОЗУ! 199
Глава третья
МУСТАФА И БРОНТЯ 206
Глава четвертая
КИНОЗВЕЗДА МУСТАФА 213
Глава пятая
ПРЕЗИДЕНТ ПРОСТОЙ ПЛАНЕТЫ 223
Глава шестая
ПИСЬМО ИЗ АРАВИИ 232

Глава седьмая
АЛИСА ЛЕТИТ НА ПЛАНЕТУ ОБИТАЛИЩЕ 239
Глава восьмая
ОДИНОКИЙ ПРЕЗИДЕНТ 244

ПЛАНЕТА ДЛЯ ТИРАНОВ

Глава первая
У ПАПЫ ПРОПАЛИ ГОЛКОРЫ! 253
Глава вторая
ЧТО РИСУЮТ КРЕСТОНОГИ? 261
Глава третья
СНОВА С ГАЙ-ДО 267
Глава четвертая
ДИКТАТОР УКСУ-БА 272
Глава пятая
ПЛАВАТЬ ВРЕДНО 275
Глава шестая
ЧТО УКРАЛ УКСУ-БА 280
Глава седьмая
ПОРОШОК ОТ НАСЕКОМЫХ 282
Глава восьмая
ИНСПЕКТОР КАРЛО НЕ ДОВЕРЯЕТ 286
Глава девятая
ГАЙ-ДО СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ 290
Глава десятая
ВИД НА ТИРАНОВ С ОРБИТЫ 293
Глава одиннадцатая
ЗДРАВСТВУЙТЕ, МЫ ТИРАНЫ! 297
Глава двенадцатая
ЛОВУШКА ДЛЯ ИНСПЕКТОРА 304
Глава тринадцатая
В ТЕМНОМ ПОДПОЛЕ 309
Глава четырнадцатая
ПРИСТРЕЛИ МЕНЯ! 317
Глава пятнадцатая
НЕСЧАСТНЫЙ РУСАЛ 321
Глава шеснадцатая
НАШ СОЮЗНИК УКСУ-БА 326
Глава семнадцатая
ГАЙ-ДО ИДЕТ НА ПОМОЩЬ 329
Глава восемнадцатая
БОЙЦЫ БРОНЕПОЕЗДА 332
Глава девятнадцатая
НАСТУПАЕТ РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ 337
Глава двадцатая
ПОДВОДНЫЙ БЫК И ЕГО КРОКОДИНЫ 339

Глава двадцать первая
НЕСКЛАДНАЯ СУДЬБА ПОДВОДНОГО БЫКА 343
Глава двадцать вторая
ПРИЛЕТ ПИРАТОВ 347
Глава двадцать третья
КАК ПОГИБ ТИРАН 353
Глава двадцать четвертая
КТО СТРАШНЕЕ? 356
Глава двадцать пятая
АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ 359

ОПАСНЫЕ СКАЗКИ

Глава первая
КТО МУЖ ШЕХЕРЕЗАДЫ? 367
Глава вторая
СОВЕЩАНИЕ ПОДО ЛЬДОМ 373
Глава третья
ВИШНЯ НА ГОЛОВЕ 379
Глава четвертая
ЛАМПА ДЛЯ АЛАДДИНА 384
Глава пятая
ДЖИНН ДЛЯ АЛАДДИНА 396
Глава шестая
АЛАДДИН В БАГДАДЕ 400
Глава седьмая
БЕСПОЛЕЗНЫЙ ДЖИНН 406
Глава восьмая
В ПЛЕНУ У ПИРАТОВ 414
Глава девятая
НЕСЧАСТЬЕ РАШИДА 423
Глава десятая
ПОПУГАЙ И МИНОТАВР 425
Глава одиннадцатая
НЕУДАЧЛИВЫЙ ИКАР 436
Глава двенадцатая
НА ПУТИ В КРЫМ 439
Глава тринадцатая
ХИТРЫЙ СИМЕИЗ 445
Глава четырнадцатая
В ТАЙНОЙ ПЕЩЕРЕ 450
Глава пятнадцатая
НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ 456
Глава последняя
ВСЕ ПРОСНУЛИСЬ 465

ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ

Глава первая
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА 469
Глава вторая
НЕЗНАКОМОЕ НАСЕКОМОЕ 485
Глава третья
ВСЕМ ПО ТАЙНЕ 493
Глава четвертая
ВЗЯТОЧНИК СИЛЬВЕР 499
Глава пятая
СПУТНИК ШПИГЛИ 513
Глава шестая
НАСТОЯЩИЕ ДИНОЗАВРЫ! 524
Глава седьмая
КОСМИЧЕСКИЙ БОЙ 547
Глава восьмая
БЕГЛЕЦЫ НА БЕРЕГУ 560
Глава девятая
КАК СПАСТИ ПРИШЕЛЬЦЕВ? 575
Глава десятая
СИЛЬВЕР НА КОВРИКЕ 596
Глава одиннадцатая
ПОТЕРЯЛСЯ РЕБЕНОК! 612
Глава двенадцатая
И БОЧОНОК РОМА! 620

ЛАШКА-ТРОГЛОДИТ

Глава первая
РОБОТ НАОБОРОТ 627
Глава вторая
НАШИ МОХНАТЫЕ ПРЕДКИ 633
Глава третья
НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ В БАССЕЙНЕ 643
Глава четвертая
ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ 656
Глава пятая
ВЕЗУНЧИК 664
Глава шестая
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ 676
Глава седьмая
РЫБОБОЙ 685
Глава восьмая
ТИГРИНЫЙ КЛЫК 694

Глава девятая
В ПЕЩЕРУ ПРИШЕЛ МЕДВЕДЬ 705
Глава десятая
В ПЛЕНУ 713
Глава одиннадцатая
ПРИШЕЛЕЦ БЕРЕНДЕЙ 723
Глава двенадцатая
ГОЛУБЫЕ КРОЛИКИ 732
Глава тринадцатая
СМЕРТЬ СЕДОМУ! 738
Глава четырнадцатая
ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ 745

АЛИСА И ЧУДОВИЩЕ

Глава первая
ГЕРАСИК В ОПАСНОСТИ! 752
Глава вторая
СНОВА В ЭПОХЕ ЛЕГЕНД 759
Глава третья
ДРУГОЕ КОРОЛЕВСТВО 770
Глава четвертая
КАПРИЗНЫЙ ГОСУДАРЬ 780
Глава пятая
КОРОЛЕВА ХОЧЕТ ПОМОЧЬ 788
Глава шестая
НЕУДАЧНОЕ БЕГСТВО 798
Глава седьмая
ЖЕСТОКИЙ ПРИГОВОР 809
Глава восьмая
ПЛЕННИЦА В ЛЕСУ 818
Глава девятая
В ЗАМКЕ ДРАКОНА 826
Глава десятая
«Я ПРОШУ ТЕБЯ, АЛИСА!» 840
Глава одиннадцатая
СКАЗОЧНЫЙ ПОЦЕЛУЙ 848
Глава двенадцатая
ПИСЬМО ПИРАТУ 861

АЛИСА В ГУСЛЯРЕ

. 875

Кир Булычёв

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Том 212

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка, обработка иллюстраций
Е. Гезенцвея

Дизайн обложки, подготовка к печати
А. Яскевича

Гарнитура Гарамонд Премьер Про
13 кегль

Сдано в печать 16.10.2023
Объем 56 печ. листов
Тираж 1500 экз.
Заказ № 5728/23

Бумага
Сыктывкарская книжная кремовая офсетная 60 г/м^2

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.сзкэо.рф

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru

Четвертая книга в серии «Библиотека мировой литературы» о приключениях «гостьи из будущего» Алисы Селезневой и ее старых добрых знакомых включает семь повестей и рассказ «Алиса в Гусляре». Повесть «Привидений не бывает» описывает, как двенадцатилетняя путешественница оказалась в параллельном мире. Там она знакомится с графом Дракулой и целым сонмом ведьм. В Москве у Алисы будет гостить самый настоящий джинн; на это намекает название повести «Гость в кувшине». Писатель-фантаст Игорь Всеволодович Можейко, известный в литературном мире под псевдонимом Кир Булычев, отправит свою героиню на планету, куда ссылают всех тиранов. В «Опасных сказках» Алиса побывает в мире легенд. В другой повести сборника ей предстоит разгадывать древние тайны. Прочие сюжеты не менее любопытны. Неслучайно к концу XX века Можейко стал в нашей стране одним из самых популярных фантастов. Секрет его успеха заключается в неуемной фантазии и невероятной работоспособности. Из-под пера Можейко вышли сотни рассказов, повестей и романов. А были еще и переводы иностранной фантастики — более двух десятков авторов. Выпущенное в начале XXI в. собрание сочинений Кира Булычёва составило 18 томов. Важное место в них занимала «Алисиана» — цикл, посвященный приключениям Алисы Селезневой, с которой читатели вновь встречаются на страницах этой книги.

Рисунки в издании выполнены Евгением Тихоновичем Мигуновым. Он почти всегда изображает своих героев в движении: художник много лет проработал в анимационном кино. В 1939 году Евгений Тихонович поступил на художественный факультет Всероссийского государственного института кинематографии, где начал заниматься в мастерской знаменитого Иванова-Вано. Окончив ВГИК, Мигунов стал не обычным художником-мультипликатором, а сделался настоящим новатором рисованного и кукольного кино. Его творческие наработки сыграли важную роль в становлении современной школы русской мультипликации. Мигунов придумывал новые приемы, патентовал изобретения, помогавшие «оживлять» кукол, предлагал новые режиссерские приемы. С 1961 года Евгений Тихонович начал сотрудничать с журналами «Мурзилка», «Веселые картинки», «Пионер», «Крокодил», делая для них многочисленные иллюстрации. Рука мастера узнается с первого взгляда. В 1965 году с его иллюстрациями вышла повесть Стругацких «Понедельник начинается в субботу». По манере и технике они очень похожи на рисунки Евгения Тихоновича к повестям Булычева – главной их отличительной чертой является динамизм.